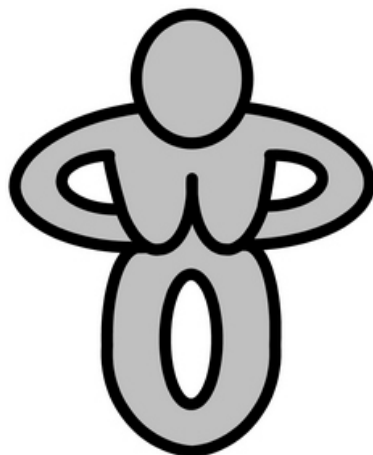




Перидэис

Лео Тальберг

Лео Тальберг Перидэис



Роман, читаемый одной рукой¹

Denkholz Buchmanufaktur
www.denkholz.de

¹ См.: Жан-Жак Руссо: Исповедь. Полный немецкий перевод Эрнста Хардта 1907 года, Книга первая, стр. 48.

**Спи, мой любимый, и пестуй покой,
Следуй соблазнам пылающих мыслей.
Вкушай наслаждение от страстной груди
И не знай никаких пределов.**

Текст: Пикандер

Музыка: Иоганн Себастьян Бах

(Позже из этого получилось Рождественское ораторио)²

Все права принадлежат: Denkholtz Buchmanufaktur, Берлин, Германия

Текст и изображения основаны на 4-м, вновь переработанном и дополненном немецком издании романа „Peridëis“ 2025 года.

Авторское право: © Leo Talberg 2016

С 45 изображениями

Название «Перидэис», в том числе в написании «Peridëis»/«Perideis», а также сюжет и относящиеся к сюжету вымышленные места защищены авторским правом автора в соответствии с немецкими и международными нормами. Автор явно и бесплатно разрешает использование сюжетной рамки при условии, что различное авторство ясно обозначено.

Перевод «Перидэис» на русский язык был опубликован автором под лицензией Creative Commons CC BY-ND. Это позволяет свободно распространять произведение, при условии, что оно не изменяется и имя автора указывается.

ISBN-13: 978-3-948151-04-1

Open Library: OL44031225W

Заказ печатного издания напрямую через www.denkholz.de или в книжных магазинах

тех, кто обнаружит отсылки к некоторым русским писателям, предостерегаем от предположений, что эти авторы могли черпать идеи из «Перидеис». Никаких доказательств этому нет, а ходячие слухи — не более чем теории заговора! То, что русский перевод распространяется бесплатно, — всего лишь благодарность неназванной русской конструкторше за создание поистине великолепного молокоотсоса.

-
- 2 Кантата существует. Речь идёт о BWV 213 — «Геркулес на распутье». Бах позже слегка изменил этот текст для Рождественской оратории. История взята из греческой мифологии.



**Каждый должен
по своему вкусу
обрести блаженство.**

Но я тоже.

(Мой сосед)

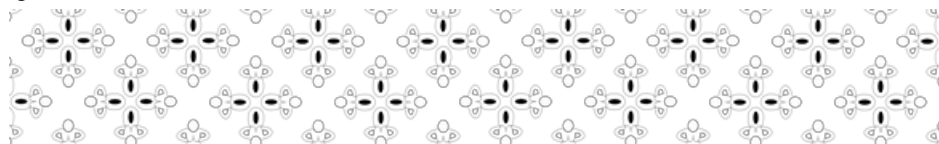


Алиша

Алиша поспешно сорвала с себя рубашку, позволила юбке соскользнуть на пол и избавилась от трусиков. Затем, теперь уже совершенно обнажённая, она сделала шаг к наскальному рисунку. Она затаила дыхание. То, что ей предстояло сделать, внушало ей страх. Но затем она собралась с духом и решительно шагнула прямо в скалу. На долю секунды скала казалась такой же твёрдой, как можно было ожидать, но когда Алиша решительно двинулась дальше, скала внезапно поддалась и ощущалась странно потрескивающе-электрической и одновременно как тяжёлая жидкость. Алиша скользнула в скалу, скала сомкнулась за ней, и ничто больше не указывало на то, что только что произошло. Алиша теперь была в безопасности.

Внутри колыхалась чёрная тушь, которая при движении казалась вязкой и заставляла Алишу покачиваться, словно она находилась на корабле. Но она могла дышать. Алиша продвигалась через колеблющуюся тушь, пока та наконец не стала прозрачной, и начали проступать очертания ярко освещённой цели. Алиша вышла из вязкой туши и обнаружила, что она совершенно сухая, тушь не оставила на ней никаких следов, а позади неё находилась совершенно невинная стенная ниша. Поражённая, Алиша коснулась этой стены и заметила, что её рука исчезла в ней. Можно вернуться назад, успокоенно отметила Алиша. Стенная ниша, в которой она находилась, стояла как памятник посреди пространства и напоминала замурованную дверь или окно, стена из грубых необработанных кирпичей, а рама тщательно выложена из голубых глазурованных камней с остроконечной аркой наверху, аккуратно сложенной из красных кирпичей. Алиша повернулась и впервые осознанно посмотрела на пространство перед собой.

Измученный возглас вырвался у Алиши. Она находилась в гигантском готическом соборе из красного кирпича, обрамляющего белые стены. Остроконечная арка за аркой тянулись над ней в бесконечность, каждые десять метров поддерживаемые колонной, и все одинаковые. Пол под ней также был выложен красным кирпичом, на котором регулярно, в жёлтом кирпиче, повторялось стилизованное изображение женщины, протягивающей зрителю свои груди. Простота этого здания для Алиши была непревзойдённой по красоте.



Издалека Алиша услышала пение, но, что странно, ритмичное, а не протяжно-медленное, как можно было бы ожидать в соборе:

Кто ты есть...
кто ты на самом деле?
когда освобождён от бремени и принуждения?

Что чисто?
Что честно?
Что есть великая святость?

Ты — дух,
но также и тело,
Наслаждайся их единством.

Позволь одеждам упасть,
наслаждайся тем, что внутри,
отдайся и будь готов.

Прими наслаждения
грудей
и непостижимости лона.

И раскройся,
ты можешь принять,
это теперь приличие, нравственность.

Если вернёшься,
ничего не было,
Безгрешность!
Безгрешность!
Безгрешность!

Теневые фигуры, выплывшие из ниш и углов собора, внезапно окружили Алишу, танцуя и напевая. Некоторые были одеты в яркие наряды, другие — полностью обнажены, и одна из обнажённых женщин обхватила ногами одного из бегающих и танцующих мужчин, в ритме пения втягивая его половой орган в своё лоно. Шумная сцена, яркие фигуры, и если бы танцоры не были полупрозрачными, Алиша всерьёз забеспокоилась бы.

Взгляд Алиши снова упал на узор пола, и при виде женщины, протягивающей свои груди зрителю, ей внезапно, словно обжигающая вспышка, вспомнилось, что сказал ей Тим и что он всё ещё должен ждать снаружи.

Мгновенно танцующие фигуры исчезли, и Алиша снова осталась одна в соборе. Она поспешно огляделась. Вот! Примерно в двух- или трёхстах метрах перед ней между колоннами что-то было! Алиша бросилась бежать. Она увидела большой водоём, обрамлённый красным кирпичом, и, возможно, метрах в десяти за ним, чуть выше, что-то вроде стола или алтаря, длиной около двух метров, шириной и высотой около метра. Верхняя поверхность была полностью выложена красным кирпичом и обрамлена закруглённым красным кирпичом. Боковые поверхности были белыми, а в центре, опять же из красного кирпича, красовалась стилизованная женщина, протягивающая зрителю свои груди. Алиша, не раздумывая, бросилась в воду. После невыносимой жары пустыни вода была приятно прохладной. Ещё под водой Алиша отжала волосы, чтобы избавиться от пыли Зоны, после всплытия провела руками по всем открытым и скрытым частям тела, вымываясь так тщательно и систематически, как только могла быстро. Времени на наслаждение у Алиши не было, слишком сильно она беспокоилась о Тиме, который мог последовать за ней только после того, как она здесь закончит.

С мокрыми волосами и мокрым телом Алиша приблизилась к столу или алтарю, или что бы это ни было. На мгновение она заколебалась, но затем взобралась на стол; её влажность в данном случае казалась несущественной.

Алиша села на алтарный стол, сначала вытянула ноги, а затем полностью легла. Как жертва в храме, подумала она на мгновение. Затем ей стало приятно тепло, и чувства её угасли. Если сейчас кто-то придёт, он сможет делать со мной всё, что захочет, была её последняя мысль, прежде чем собор исчез.

ω ω ω

Сознание Алиши могло исчезнуть, но лишь на крошечный миг. Когда она попыталась открыть глаза, она обнаружила, что это не удаётся. Её глаза оставались закрытыми, как бы она ни старалась. Лёгкая паника охватила её, и она попыталась успокоиться. Спокойно и расслабленно. И она подумала о рисунке с женщиной, протягивающей свои груди зрителю. И тогда Алиша почувствовала, что с ней что-то происходит. Казалось, будто её полностью стягивают, но не так, чтобы это было неприятно. Стягивание становилось всё сильнее, и в итоге она почувствовала, что её приподнимают. Испугавшись, Алиша открыла глаза, на этот раз получилось, но она ничего не видела — вокруг была полная темнота. Она быстро закрыла глаза снова. Но теперь она услышала что-то, далёкую музыку, на этот раз гораздо спокойнее, и, прислушиваясь к ней, странные звуки и ритмы показались ей удивительно знакомыми. Снова появилось странное электрическое покалывание, которое она уже чувствовала, проходя через скалу.

Наконец наступила тишина, и ощущение стянутости мгновенно исчезло. Она почувствовала лёгкий ветерок. И снова стало светло.

Алиша глубоко вдохнула, открыла глаза и, поражённая, приподнялась. Собор бесследно исчез, словно это был лишь сон. Вместо этого она лежала посреди небольшой пещеры из красновато-жёлтого камня на каменном столе. Пещера была, возможно, три или четыре метра в длину и ширину. У её ног был узкий выход наружу, и свет струился через множество маленьких отверстий в скале в полумрак. Откуда-то доносилось успокаивающее журчание водопада. Она, очевидно, прибыла, каким бы образом это ни произошло. И теперь Тим мог последовать за ней.

Отдышаться.

Вздохнуть с облегчением.

Алиша приподнялась.

Пещера была светлой и красивой.

И сухой.

И приятно тёплой, но не жаркой.

Алиша встала и вышла из пещеры. То, что она увидела, было сказочно красивой, сочной зелёной долиной с освещёнными солнцем и тенистыми местами, простирающейся между двумя огромными крутыми скальными стенами... и которой раньше точно не было. Она была поражена.

Ещё больше она удивилась тому, что лежало прямо у её ног. Перед пещерой был пологий склон, спускающийся в долину, покрытый цветами и сочной травой. Алиша обозревала самый прекрасный кусочек мира, который она когда-либо видела: деревья, кусты и луга с яркими цветами и бутонами, ручей журчал сбоку от неё, стекая вниз в долину, слышался даже шум водопада, повсюду сочная зелень, наверху ярко-голубое небо, разноцветные плоды на кустах и деревьях, которых она никогда в жизни не видела, и множество птиц, не менее ярких, весело щебечущих. И всё это отделяло от неё лишь несколько сотен метров лугового склона, который плавно спускался от её пещеры. Когда Алиша повернулась к ручью справа от себя, она увидела, что он берёт начало в красивом водопаде, который, возможно, на пять метров выше неё, вытекал из скалы.

Воздух был приятно тёплым, возможно, даже очень тёплым, но не жарким, и при этом свежим. Алиша сделала несколько шагов вперёд по пологому лугу, глубоко вдохнула свежий воздух и почувствовала себя невероятно свободной и избавленной от всех тягот, ликуя от радости в этой сказочно красивой обстановке.

И ещё кое-что произошло: страх и волнение последних часов отшелушивались от неё, пустыня, через которую она прошла, была словно забыта, и поток приятного тепла разлился по всему её телу, а странное расслабленное чувство,

начавшись с кончиков пальцев рук и ног, медленно, но неудержимо распространялось по её телу.

Очень расслабляюще.

Очень приятно.

Ещё приятнее.

Ещё более приятно.

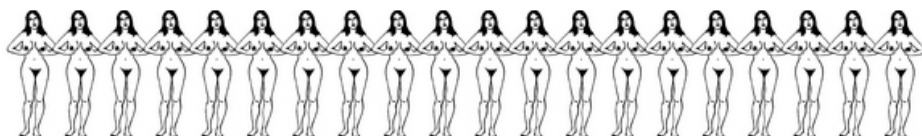
Как мягкая тёплая волна к центру тела. Теперь это чувство становилось почти сексуальным, нет, определённо сексуальным, даже настойчивым, и неудержимо распространялось к центру её тела. И именно неудержимо. Алиша, подумала она про себя, ты же сейчас не получишь спонтанный оргазм? Ещё немного, пожалуйста, надеялась она.

Но, коварно, этого было недостаточно... до вершины ещё многого не хватало.

Алиша тяжело дышала. Какая подлость.

Так ясно думать невозможно, решила Алиша и, вздохнув, легла на спину в сочную траву, чтобы, возможно, с этим справиться. Лёжа на спине, с ногами, обращёнными к долине, головой к скальным склонам, она смотрела в голубое небо, оставив пальцы пока бездействовать в траве и наслаждаясь ощущением момента, не интересуясь ничем другим. Прележала ли она там десять минут или целый час, она потом не могла бы сказать.

Кхм, раздался мужской голос у её изголовья. Добро пожаловать в Рай... что, кстати, не глупая шутка. Только он называется Перидэис, но всё остальное верно.



Объект П

Министерство государственной безопасности, Объект П, Зал собраний
Руководитель подразделения:

Товарищи!

Есть товарищи, которые занимаются самоудовлетворением, товарищи.

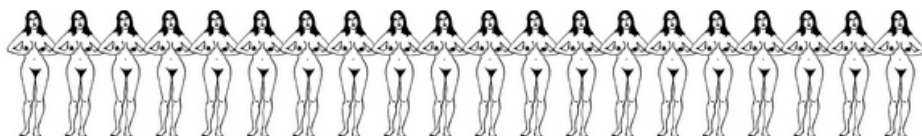
На шторы! Товарищи!

Товарищи, так дело не пойдёт, товарищи.

Наша задача как чекистских одиночных бойцов трудна, но надо же держать себя в руках, товарищи.

Итак, товарищи: проявлять твёрдость и всё же выполнять задачу.

Всё. А кто попадётся, тот стирает всё это барахло. Разойдись!





Перидэис

Алиша

Это было где-то в самые глухие времена ГДР³, и стоял начало лета. Алиша сидела в своей однокомнатной квартире с туалетом во дворе в берлинском районе Пренцлауэр-Берг за письменным столом. Впрочем, какая там однокомнатная квартира — точнее говоря, квартира состояла лишь из крошечного коридора и примыкающей к нему жилой кухни. Алиша только что вернулась с довольно обширного медицинского осмотра. Что-то связанное с профессиональной пригодностью. После этого она ещё немного побродила по городу, вместо того чтобы ехать на трамвае. Теперь Алиша была рада наконец-то оказаться дома и расслабиться. Вытянуть ноги под столом, посмотреть в окно, может, что-нибудь почитать. Всего три дня назад она привела в порядок письменный стол у большого окна жилой кухни и выбросила кучу бумаг из книжного шкафа. В конце концов, прошёл уже год с тех пор, как она закончила школу. Точнее: обучение с аттестатом зрелости, три года, и теперь ей было 20. Пока она получит желаемое место в университете, могло пройти ещё немало времени. Это была цена за выбор конфирмации вместо югендвайе и полное отсутствие интереса к общественно полезной деятельности. Глупость создаёт свободное время. По крайней мере, в её аттестат не вписали ничего вроде политически негативных высказываний или чего-то подобного. Она не была типом мученицы и открывала рот только там, где это приносило пользу. Это осталось позади.

Теперь наконец-то было время для жизни.

Так считала Алиша.

Квартира Алиши была настоящей развалюхой, которую она заняла без всякой бюрократии, но это можно было исправить, как в плане ремонта, так и в плане властей. Главное — своя квартира. И швейная машинка. С её помощью можно было перешивать одежду так, чтобы не выглядеть как пугало народного предприятия. А ещё это приносило деньги и позволяло создавать товары для обмена. Например, ультрамодные мужские брюки в обмен на ремонт крыши. Один мужчина приклеил рубероид на крышу многоквартирного дома, и теперь туда больше не текло, когда она забывала опорожнить детскую ванну на чердаке. Мужчина потратил два часа, и дыра исчезла. Почему жилищная администрация не могла с этим справиться?

Квартира, несмотря на свою крохотность, была вовсе не так уж плоха. Светлая, потому что находилась под самой крышей, и к тому же хорошо освещённая

3 Удивительно, что географическое место может стать временным обозначением. д. А.

солнцем, так как большое окно жилой кухни выходило на юг. Перед окном рос большой каштан. Если прищуриться, можно было даже вообразить, что живёшь посреди парка. Туалет во дворе, конечно, был паршивым делом. Но, по крайней мере, этот туалет был только её, потому что в боковом крыле заднего двора на каждом этаже была только одна квартира. Если ночью полный мочевого пузыря будил её, можно было быстро пробежать полпролёта до туалета голышом. К тому же дверь квартиры на этаж ниже была изнутри забаррикадирована, потому что жильцы среднего подъезда через пролом в стене устроили себе дополнительный доступ, чтобы таким образом расширить свою квартиру. Поэтому соседи появлялись только двумя этажами ниже; там жила пара студентов. А внизу, на первом этаже, обитал Вонючка, симпатичный, но слегка неопрятный пьяница, который, по слухам, где-то работал ночным сторожем, но, вероятно, там просто спал.

В других крыльях заднего двора жили ещё профессор, супружеская пара из Штази (как говорили), сумасшедшая пьяная мать с взрослым умственно отсталым сыном, мужчина, который, кажется, имел сексуальные отношения со своей циркулярной пилой в подвале, любитель-индеец, благородная пожилая дама, бывшая учительница, рядом с которой жила жизнерадостная пенсионерка, ненавидевшая бывшую учительницу как чуму и постоянно отпускавшая скабрёзные замечания в адрес молодых мастеров; ещё была супружеская пара, где жена всегда колотила мужа, но тот, похоже, не злился по этому поводу, а наверху в переднем доме, в нескольких метрах по прямой через двор от Алиши, жила проститутка. Официально она работала гардеробщицей в кафе «Варшава», но регулярно приводила так называемых знакомых, которые всегда оставались значительно меньше, чем на ночь. В переднем доме это вызывало большой интерес, и женщины следили за тем, чтобы их мужчины держались подальше от этой дамы, и наоборот. С макияжем дама спереди выглядела на 35, сзади в джинсах у неё был зад как у 18-летней (западные джинсы, у женщины была хорошая одежда), а без макияжа она походила на ночной кошмар. Алиша лично могла это оценить, когда однажды ночью в два часа эта дама в халате кричала перед её дверью, что у Алиши, мол, слишком громко. На следующий день другие жильцы только посмеялись и сказали, что дама сама должна быть потише, у неё самой были совсем другие дела. К сожалению, жильцы не уточнили подробности. Но здесь речь идёт вовсе не об этом.

Алиша сидела за письменным столом у окна, и перед ней на столе лежал открытый толстый конверт. Внутри находилась маленькая книжечка в кожаном переплёте и билет на концерт на тот же вечер. На конверте не было наклеено марки — значит, отправитель должен был лично бросить конверт в почтовый ящик Алиши. Точнее, в старый почтовый прорез у её двери, а не в новый почтовый ящик внизу в подъезде. Самое странное было в отправителе. Он не мог быть верным, потому что это было имя и последний адрес её давно умершей прабабушки, которую она смутно помнила из раннего детства и из

рассказов других. — Весёлая женщина, которая почти везде добивалась своего, кроме, иногда, своего мужа, — смеясь, говорили Алише. Возможно, эта прабабушка распорядилась, чтобы книжечка досталась Алише. Концертный билет вряд ли, потому что он был совсем свежий.

Книжечка была не новой, но не выглядела потрёпанной. На кожаной обложке тёмно-коричневыми буквами было вытиснено «Перидэис». Из любопытства Алиша открыла книжечку.

Внутренний титульный лист содержал только указание

Перидэис

Другое написание: Peridëis.

Гласные е и і произносятся раздельно.

Ни автора, ни издательства, ни года выпуска, вообще никаких дальнейших указаний. Алиша пролистала дальше. Толстая бежевая бумага. Может быть, около 50 страниц, не так уж много, и крупный шрифт. Теперь начиналось. Судя по всему, история:

Перидэис

Давным-давно, в давно минувшие времена, в пустынной и безжизненной местности с неба упал корабль. Почему корабль умел летать, остаётся загадкой, как и его внешний вид и происхождение. Однако известно, что только один человек пережил падение корабля с высоты. И когда он осмотрел, что осталось целым, он не нашёл многого, что ещё могло бы быть полезным. У него осталось, по крайней мере, маленькая шляпка и несколько других мелочей. Еды и питья хватило бы на долгое время, но это не заставляло сердце прыгать от радости. А поскольку окрестности на многие мили казались пустынными, без единого растения или хотя бы самого мелкого животного, не было и надежды на улучшение рациона.

Но одна важная вещь у него осталась — золотой шар, обладавший необыкновенной прочностью. Этот золотой шар не был особенно большим, но в нём было нечто особенное, и это можно понимать буквально. Он стоил больше, чем золото, из которого был сделан, ведь за обладание хотя бы одним таким шаром велись войны, поскольку такие шары были недешёвыми, и не каждый заурядный король (просто для примера) мог себе такой позволить. Этот золотой шар обладал некоторыми очень странными свойствами. В своём текущем виде он был размером с кулак мужчины и идеально круглым. Но его форма и

размер могли меняться. И тот, кто не хотел его специально коснуться, просто проходил сквозь него, словно его и не было. Кто не видел шар, тот его и не замечал. Говорят, этот шар был чем-то вроде другого измерения или, иными словами, он содержал в себе целую, совершенно самостоятельную вселенную. Но самое удивительное — в эту другую вселенную можно было попасть.

И это ещё не всё: по своей конструкции золотой шар был своего рода «шаром желаний», если выразить это простыми и понятными словами. Ведь мир, который он в себе содержал, был миром желаний. Если погрузиться в этот золотой шар, а это, как сказано, было возможно, человек становился крошечным и оказывался внутри шара в огромном пространстве, которое обустраивалось в точности по его желаниям, какими бы они ни были. Ничего нельзя было вынести из шара наружу или принести в него, но то, что создавалось внутри, оставалось в руках внутри. И с другой стороны, всё нежелательное оставалось снаружи, например, блохи и вообще все болезни. Что ещё? Ну, снаружи оставалось всё, что не принадлежало к собственному телу в его истинном состоянии. И этого мало — внутри шара человек не старел ни на мгновение, сколько бы времени он там ни провёл. Можно было, чихая, погрузиться в шар, прожить там весело двести или триста лет без насморка, затем вынырнуть, дочихать и пожелать себе «Будь здоров!». Такой вот был шар. Некоторые владельцы таких золотых шаров погружались в этот мир шара просто для развлечения, занимаясь там определёнными и неопределёнными делами, чтобы прогнать скуку, другие использовали шар для экспериментов, а третьи создавали в нём фантастические миры грёз и требовали за это плату (а внутри целые армии парикмахерш, банщиц, визажисток и прочих вжимали ещё по монетке, если некоторые женщины возмущались своим изначальным состоянием). Прятаться в золотом шаре в трудные времена и пережидать их — тоже была неплохая идея.

Итак, человек взял золотой шар и нашёл глубокую пещеру в пустынной горной местности, где мог его надёжно спрятать. Всё, что осталось целым и полезным после падения корабля, он взял с собой, особенно маленькую шляпку — мало ли что. И он приказал шару расшириться и вошёл в мир шара.

Но когда человек оказался внутри золотого шара, там было темно, и он сказал: Да будет свет! И стал свет. Большой и яркий светильник висел в центре шара, излучая свет и тепло. И человек определил, что должны быть день и ночь, и тогда светильник днём становился ярче, а ночью тускнел, и день длился 25 часов⁴. И человек нашёл это

4 Интересно, что внутренние часы человека имеют частоту 25 часов, а не 24, как можно было бы ожидать.

хорошим.

И когда это свершилось, человек увидел, что внутренность шара была бесконечно велика, так что конца не было видно. Но она была пустынной и пустой. Тогда он сказал: Мне нужна вода для питья и земля, чтобы на ней росла пища. И вот, внутри золотого шара образовалась земля с реками, озёрами и морем между ними, и облака парили над землёй, к которым вода поднималась и затем снова падала. И когда человек стоял на земле или плавал в воде, всё было как в реальном мире, потому что ничто не указывало на то, что он находится внутри полой круглой сферы, настолько она была велика и всё так хорошо устроено. И человек нашёл это хорошим.

И теперь, сказал человек, мне нужны растения на земле и в воде, которые дают плоды, которые я могу есть и использовать, и которые к тому же красивы на вид. И выросли многочисленные растения, каждое разное на вид, и каждое приносило разные плоды. И человек нашёл это хорошим.

И когда это свершилось, человек сказал: Здесь не хватает животных — тех, что бегают, тех, что плавают, и тех, что летают, но ни одно не должно быть меньше ногтя, чтобы я мог раздавить их башмаком, если они мне надоедят. И небо, земля и вода наполнились животными, ни одно из которых не было меньше ногтя. И человек нашёл это особенно хорошим.

И когда это свершилось, он сказал: Здесь так тихо, я хочу слышать другие голоса, кроме своего. И животные, обрадованные возможностью говорить, наполнили пространство адским шумом, потому что болтали напропалую и делились друг с другом новостями, особенно птицы. Потихе, пожалуйста! — потребовал человек, и тогда животные продолжали говорить, но немного тише. Однако человек заметил, что, несмотря на обрётённую речь, животные не стали умнее, чем прежде. И человек решил, что чего-то всё ещё не хватает.

И тогда человек сказал: Нехорошо быть одному. Нам нужны люди, чтобы уменьшить моё одиночество, подобные мне, но не равные, потому что я хочу быть выше их. Просто на всякий случай, ведь я милостив, но не глуп. И вот, земля заселилась людьми, подобными ему, но не равными, и он стоял высоко над ними, потому что они развлекали его и даже поклонялись ему, но жили в страхе перед ним. И он сказал: Поклоняйтесь мне и служите мне, и я позабочусь, чтобы вам было хорошо. Так они служили ему, а он позаботился, чтобы им пришлось мало трудиться и чтобы они получали много удовольствия друг от друга, а он — от них, особенно от женщин. И когда он нашёл, что женщины хороши, он решил, что им всё ещё чего-то не хватает.

И тогда человек сказал: Нам нужно что-то, что приносит вечную

радость, и тогда некий дух вошёл в людей и наполнил их чресла вечной тоской, каждый по противоположному полу, а некоторые — по своему собственному. И люди с восторгом набросились друг на друга, и воцарился хаотичный беспорядок. И человек решил, что чего-то всё ещё не хватает.

И тогда человек сказал: Нам нужны разные предпочтения, чтобы каждый искал себе постоянного партнёра, который лучше всего знает и разделяет его собственные, отличные от других предпочтения. И так оно и произошло. Многие всё ещё пробовали то одного, то другого, но в итоге самыми счастливыми были те, кто нашёл постоянного партнёра, который лучше всего знал и разделял их особенные предпочтения. И человек нашёл это хорошим и сам получал от этого удовольствие.

И золотой шар — не будем забывать, что всё происходило внутри него — золотой шар сам по себе заботился о том, чтобы всё оставалось так, как создал его владелец, ведь для этого он и был создан, будь то убежище, место развлечений или для экспериментов, прежде чем владелец решит воплотить их в реальном мире. Но теперь шар должен был служить убежищем, возможно, навеки. И хорошо, что внутри шара никто не мог умереть — ни человек, ни животное; только растения постоянно обновлялись. Но создать жизнь из себя, будь то человек или животное, золотой шар не мог, для этого он не был предназначен, и для этого потребовалось бы гораздо больше. Всё высшее живое в нём было создано, но не рождено, и люди, как и животные, внутри не менялись, а оставались такими, какими были, на все времена. Только забывчивость и общая несовершенство его созданий приводили к тому, что не всё оставалось неизменным. Но в целом шар, вдали от реальной жизни, вдали от реального мира, был секретным местом, где царила чистая радость любого рода. Но не скучная радость — некоторые из этих радостей были, скажем так, скорее долгосрочного характера с более высоким уровнем возбуждения.

Так человек жил долго, очень долго, с многочисленными радостями в почти бесконечном мире внутри шара, солнце всегда светило над ним в зените, но никогда не было слишком жарко или слишком холодно, и только ночью оно затемнялось и стояло над ним как луна, чтобы ночью не было совсем темно. И он заставил облачко звёзд медленно кружиться вокруг, чтобы это выглядело красивее. Но звёзды были разноцветными — он позволил себе немного художественной свободы. И он внёс ещё множество мелких улучшений. И чтобы со временем не стало скучно, он разделил людей на разные народы и создал между ними лабиринт высоких гор и глубоких плодородных долин, через которые текли ручьи и реки, сочная зелень и яркие цветы наполняли долины, некоторые долины были большими, некоторые маленькими,

некоторые светлыми, а некоторые почти непроходимыми, и были даже долины, полностью заполненные водой. И поскольку он так это устроил, народы, которые могли знать только своих соседей, развили совершенно разные предпочтения в одежде, домах и обычаях, но также и в чувственных удовольствиях, которые развились особенно разнообразно, так что человеку, посещающему разные народы, никогда не было скучно. Не стоит забывать, что люди были созданы, но не рождены, и поэтому игра возбуждения воспринималась так же невинно, как в реальном мире наслаждение вином или пивом, только без похмелья, ведь ни родители, ни мужья не беспокоились о том, чтобы их жёны или дети не были оплодотворены кем-то чужим, или чтобы их мужья не навязали внешних обязательств, потому что такого здесь не знали. С другой стороны, это, конечно, жаль, потому что с рождённой новой жизнью было бы ещё интереснее, но что невозможно, то невозможно, и в какой-то момент даже почти бесконечный золотой шар внутри стал бы переполненным. Но чтобы не отвлекаться: поэтому не было причин держать ключ и замок отдельно, так что ворота открывались и закрывались с усердием, чтобы выяснить, какой ключ лучше всего подходит.

Но одного человеку не хватало: как бы ни была прекрасна и интересна жизнь в созданном им мире внутри почти бесконечного шара, люди в нём были довольно простоваты и имели мало собственных идей, не говоря уже о великих идеях. Это немного раздражало его, и к тому же ему постоянно приходилось исправлять вещи, которые созданные им люди в шаре сами не понимали. Слишком часто люди посылали красивую женщину в качестве жертвы в храмы, чтобы она соблазнительно лежала на алтаре с раздвинутыми бёдрами, чтобы заманить его, чтобы он (в очередной раз) что-то для них исправил, после того как он «исправил» её. Это не было совсем бескорыстным со стороны женщины, ведь Господин позаботился о том, чтобы змеи созданных им мужчин были немного короче, менее выносливы и менее сильны, чем его собственная. Не то чтобы Господину было неприятно приносимое в жертву, ведь посылали обычно исключительно привлекательных женщин, но со временем это становилось утомительным, и большинство посланных женщин хотели быть убажанными несколько раз, раз уж они оказались в объятиях самого Господина. И когда он, с тяжёлым сердцем, решил не откликаться на каждый зов, люди, как ни странно, проявили большую идею: они стали привязывать жертвенную женщину к алтарю. С одной стороны, Господин считал, что её нельзя просто оставить лежать, но с другой стороны, это придавало акту жертвоприношения интересный оттенок. Однако причина, по которой Господин чаще появлялся в одном храме и

реже в другом, распространилась, и люди решили пойти дальше, не только связывая жертвенную женщину, но и хлеща её (но только до тех пор, пока она не попросит остановиться, что, учитывая определённые расчёты выгоды, случалось крайне редко). Такая преданность ещё больше впечатляла Господина, но в какой-то момент это стало слишком, и он велел прекратить. Хлещите себя, связывайте себя, сколько угодно, сказал он, но не пытайтесь больше заставить меня что-то делать, это меня раздражает. И так они отошли от кровавых жертвоприношений. По крайней мере, в общем и целом; некоторых людей никогда не переубедишь.

Когда мир внутри золотого шара был достаточно хорошо устроен, Господин решил однажды проверить, как обстоят дела снаружи. Не сохранилось сведений о том, что именно он делал в реальном мире, известно лишь, что он ещё лучше спрятал золотой шар и позаботился о том, чтобы он чудесным образом растягивался и сжимался, проскальзывал через тайные щели реального мира, неощутимо и невидимо пронизывал его и находился одновременно повсюду и нигде. Пойми, кто может, мы же не можем и можем лишь удивляться. Таким образом, Господин создал множество тайных переходов, через которые он мог попадать из реального мира в золотой шар. И так он время от времени проверял дела в реальном мире, но большую часть времени наслаждался внутри золотого шара.

И он устроил так, чтобы из реального мира можно было попасть в золотой шар: вход всегда должен был быть хорошо спрятан, поэтому он выбирал глубокий подземный туннель, пещеру или отдалённую скалу высоко в горах и создавал скалу или скальную дверь, через которую нужно было пройти. Нужно было сделать решительный шаг к ней, и тогда человек просто проходил насквозь. Сделав это, он уже оказывался в зоне действия золотого шара, ведь именно он делал такое возможным. Но человек находился лишь в его оболочке, а не внутри. Там он попадал в большую пещеру, подходящую для хранения предметов из реального мира, поскольку шар никогда не пропускал их внутрь, а Господин спас несколько мелочей со своего корабля, которые не хотел оставлять на волю случая. Но и своей одежды ему приходилось избавляться, чтобы попасть в золотой шар. И она ему понадобилась бы, когда он снова выйдет из шара. Назови эту пещеру гардеробной, ведь это слово не так уж неуместно. На чём я остановился? Ах да, и в этой пещере, которую мы только что называли «гардеробной», он создал возможность лечь, когда человек был готов, чтобы его дух перенёсся в мир шара. Как именно это происходило, остаётся загадкой, по крайней мере, пока не веришь в магию. Если бы мы могли спросить создателей золотого шара, мы бы знали, но пока

учёные спорят, всё ли внутри шара происходило честно или нет. Это неважно, пусть учёные спорят, пока не поседеют, ведь они не могут взять с собой свои драгоценные измерительные приборы.

Но что происходило, когда человек ложился, и вихрь уносил его в золотой шар? — Ничего особенного, кроме того, что он просыпался в очень похожей пещере, но уже внутри золотого шара. Эта пещера внутри золотого шара имела почти такое же назначение, как пещера в реальном мире: там можно было оставить то, что шар считал своим и, следовательно, не выпускал бы в реальный мир.

И таких переходов Господин создал множество за годы, каждый начинался в разных местах реального мира и вёл в разные места внутри золотого шара. Мужчины любят такие игрушки. Но это также имело практическую пользу, поскольку из разных мест внутри золотого шара можно было попасть в разные места реального мира и наоборот. И годы шли, но Господин не старел и не седел, ведь в золотом шаре не стареют, и он не злоупотреблял пребыванием снаружи, потому что снаружи было не так красиво, как внутри.

Однажды, спустя долгое время и ещё более долгое время, случилось так, что Господин, проверяя дела в реальном мире, чуть не был зарублен двенадцатью феями, которые внезапно упали с неба слева, справа, спереди и сзади него. Помоги нам! — закричали феи и упали перед ним на колени, поднявшись с земли. Помоги нам, кричали они, ведь мы в бегах. Двенадцать фей, как они рассказали, бежали от ста двадцати диких, ненасытных мужчин, которые все хотели в них проникнуть и кто знает, что ещё. Они сбежали, когда те дикие мужчины, все до единого, лежали в пьяном угаре от пива и мёда⁵. И у фей были с собой двое маленьких детей, которых звали Адам и Ева, и которых они нашли во время бегства, и эти дети были последними выжившими их народа. Что именно пережили феи, остаётся загадкой, ведь они говорили сбивчиво, противоречили друг другу, и никто не знает, было ли когда-либо записано, что с ними произошло.

Но теперь они были здесь.

И Господин из жалости приютил их и радовался, что у него наконец-то появились достойные собеседники, а также тому, что с ними были двое детей. И он провёл двенадцать фей и двоих детей через один из своих тайных переходов внутрь золотого шара. И в честь фей он назвал свою землю «Перидэис», ведь «Пери»⁶ означает «фея», а «-дэис» просто «земля» или «местность», потому что всё интереснее, когда есть смысл и цель, а к тому же феи выглядели весьма привлекательно и вдохновляли его.

5 Здесь, похоже, потерян фрагмент текста.

6 На Востоке фею и сегодня называют «пери».

Но феи очень боялись своих преследователей и того, что те могут найти один из тайных переходов в золотой шар (который теперь назывался Перидэис), даже если мир в Перидэис казался почти бесконечным, и их пришлось бы долго искать. Господин задумался, что делать, но вне золотого шара (который теперь назывался Перидэис) у него не было власти, и он решил устроить жизнь внутри Перидэис так, чтобы феям ничего не угрожало.

И он сел и стал думать, как это сделать, а феи стояли вокруг него полукругом. И пока он сидел и смотрел прямо перед собой, его взгляд упал на фей, и в нём зародилась идея: феи несли на своей передней части хорошо видимые груди, в центре которых дерзко торчал сосок, тёмный и окружённый таким же тёмным островком. И пока он сидел, он смотрел прямо на полукруг из двадцати четырёх грудей, потому что феи стояли очень близко к нему. И эти груди ему чрезвычайно понравились, ведь созданным им женщинам в Перидэис такого не хватало, и они были плоскими, как мужчины. Тогда Господин спросил фей:

Как называются эти красивые штуки с тёмными островками и сосками, которые то вперёд, то в сторону, то вниз указывают, которые вы носите по две штуки на своём теле так, что нельзя не смотреть?⁷

Феи ответили: Эти штуки с тёмными островками и сосками, которые то вперёд, то в сторону, то вниз указывают, которые мы носим по две штуки на своём теле так, что нельзя не смотреть, называются грудями. Но у них есть множество других названий, перечислять их все было бы слишком долго.

Если у одной и той же пары штук столько названий, значит, эта пара штук очень важна? — спросил Господин (и не мог наглядеться на эти штуки).

Так и есть, ответили феи. Во-первых, они для нас, женщин, украшение для самих себя, во-вторых, оружие против других женщин, в-третьих, безошибочная приманка для глаз мужчин, в-четвёртых, они доставляют удовольствие, в-пятых, они приносят наслаждение рукам и ртам мужчин, и в-шестых, они дают белые капли, называемые молоком, для детей.

В таком порядке? — спросил Господин.

Двенадцать фей с двадцатью четырьмя штуками, называемыми грудями, двенадцать раз покраснели, но не сказали ни слова.

7 В наше время проводились эксперименты с камерами, способными отслеживать движения зрачков. Выяснилось, что мужчины даже в обычных повседневных ситуациях сначала смотрят на грудь женщин, а не на лицо. Лицо, однако, следует сразу за грудью в порядке важности. Женщины смотрят немного иначе, но всё же больше на лицо. См. также главу «Интершоп».

Что с вами? — удивлённо спросил Господин.

Ну, ответили феи, дело в том, что эти двое детей не нами рождены, мы их нашли, они лежали совсем одни, и никого рядом, кто бы мог о них позаботиться. И мы взяли их с собой, потому что нам их было жалко. Но теперь они голодают, ведь ни у одной из нас, фей, нет достаточно молока в груди, чтобы накормить детей, только у одной есть несколько капель, а у другой с большим трудом одна капля. Знай, что обычно только женщина, которая родила, некоторое время или даже дольше носит молоко в своих грудях.

И феи выглядели очень озабоченными.

Не надо выглядеть такими озабоченными, сказал Господин.

Почему нам не быть озабоченными? — спросили феи.

Потому что я Господин этого мира, сказал Господин и хитро улыбнулся.

Феи выглядели чуть менее озабоченными, но лишь немного.

Хорошо, сказал Господин, давайте соединим приятное с полезным, это всегда лучший путь: вот что произойдёт. Пусть у всех женщин в Перидэис вырастут груди, такие же великолепные, как у вас, фей.

И как только он это сказал, по передней части женщин в Перидэис прошёл мощный щипок, покалывание, натяжение и жжение, и у них выросли груди, так что они стонали, каждая пара разная — то больше, то меньше, то круглая, то овальная, то указывающая вперёд, то в сторону, то вниз — и все они были красивы на вид.

Ай! — сказали женщины, это больно. Но в то же время они шептались, что могло бы быть и побольше, потому что груди им нравились. Потерпите немного, сказал Господин, и не будьте такими неблагодарными. И он нашёл, что это хорошо. И он постановил: Женщины должны отныне носить свои груди как украшение и в мою честь обнажёнными, как не ставят свет под сосуд, и было бы неприлично их прятать, потому что обнажённые груди фей вообще-то дали решающую идею и вдохновили меня⁸. И далее он сказал: В мужчин я вложу глубокое почитание грудей их женщин, чтобы они так же их замечали и почитали, как я сам.

И когда груди у женщин выросли, произошло ещё кое-что: стоило лишь нажать, потянуть, потаскать или пососать, и груди давали вкусную каплю белого цвета. А теперь, сказал Господин, это самое важное, все женщины в Перидэис должны всегда носить в своих грудях такие белые капли, которые феи называли молоком. Ведь эти вкусные белые капли имеют глубокий смысл...

Помогите, прервали феи его речь, у всех нас тоже текут капли из грудей, и мы чувствуем щипки, жжение, давление и рост. И вот: у одной

8 В некоторых культурах известно, что женщины во время ритуалов поклонения в храмах обнажали грудь.

из сосков появилось капелька, у другой — струйка, у следующей — ручеек, а у ещё одной — целый фонтан.

Господин, наслаждаясь зрелищем, удивился. Ну и ну, спросил он, вам это не нравится?

Да нравится, ответили феи, но здесь только двое детей, для чего столько молока нам всем?

Для многостороннего использования, сказал Господин, ведь я подумал. Небольшую часть возьмём для детей, с ещё одной частью делайте, что хотите, но большую часть оставьте для мужчин, и теперь слушайте внимательно: поскольку вы просили защиты, то вот что произойдёт: отныне в Перидэис будет плохо тому, кто не имеет достаточно особой жизненной эссенции в себе. А вы, женщины, сможете производить эту эссенцию в избытке, так много, что она будет переливаться через край, особенно из ваших грудей. Мужчины же смогут производить лишь малую часть, достаточно на несколько дней, но не больше — большую часть они должны получать от вас, женщин.

И поскольку вашим преследователям, кажется, больше всего хочется изливать свою жизненную эссенцию, именно это будет мешать им засовывать свою змею глубоко в ваше лоно с этой целью. И не забывайте, что змеи мужчин теряют эссенцию сознательно в бодрствовании, но также невольно во сне. Если мужчины получают новую эссенцию от вас, женщин, всё будет для них хорошо, если же нет — будет плохо⁹. И поскольку днём (особенно вечером) едва ли найдётся мужчина, который может удержать свою эссенцию, отныне едва ли найдётся мужчина в Перидэис, который сможет прожить дольше недели, не приняв в себя эти белые капли из грудей, которые вы называли молоком. И если он, потеряв свою эссенцию, не примет эти белые капли из грудей, которые вы называли молоком, то уже через несколько дней его разум помутится, он превратится в зверя и в лесу будет жить только ради еды и следовать своему половому влечению, которое станет ещё сильнее (как и инструмент для этого), чтобы он оставался в этом состоянии, пока женщина не спасёт его, дав ему своего молока, если захочет.

И это, кстати, было хитро придумано, ведь даже самый целомудренный мужчина во сне, когда его воля полностью затемнена, теряет хотя бы малую часть своей эссенции, о чём утром может напоминать лишь маленький след.

Таким образом, обратился Господин к феям, ваши преследователи оставят вас в покое, даже не осознавая этого. Ведь для преследования нужен разум, но сильное влечение удерживает их в этом состоянии из эгоистичных близоруких побуждений, как пьяница не хочет бросать

9 Это поразительно напоминает представления в (китайском) даосизме.

пить и чувствует себя хорошо в опьянении.

И он был очень горд своей идеей.

Половина фей рассмеялась, а другая половина спросила: Скажи, почему ты оставляешь возможность их спасения?

Ну, сказал Господин, мне пришло в голову, если хорошо подумать, я тоже мужчина, и половина людей в Перидэис тоже... так что давайте не будем делать это слишком односторонним.

И Господин подумал ещё раз: Чтобы не было слишком несправедливо...

Феи испуганно ахнули.

... Чтобы не было слишком несправедливо, у вас тоже будет своя доля для равновесия. Думаю, достаточно, если ваши юбки будут изрядно чесаться...

Но не так сильно, вскрикнули феи в ужасе, мы же растекаемся!

... и не только юбки. Эти определённые желания должны распространиться и на другие части тела, особенно на соски, это было бы весьма полезно, но не только.

С тех пор у сатиров, как называют падших мужчин, вырастают огромные инструменты, но женщины могут испытывать большое удовольствие в самых разных местах, особенно на сосках, и это приобрело более глубокий смысл, чем просто забава и развлечение, и мужчины и женщины тосковали друг по другу, потому что нуждались друг в друге. И физической силе мужчин была дана в противовес такая же физическая сила женщин, которую могли легко использовать даже те, кто не жил в постоянных или менее постоянных парах. Ведь мужчины могли недорого предлагать силу своих рук, а женщины — силу своих грудей. Всё остальное происходило само собой, ведь люди и тогда уже не были бесчувственными деревянными колодами, и если у женщины временно пересыхала грудь, находились мужчины, которые предлагали помощь бесплатно, а если мужчина временно ослабевал, находились женщины, которые давали ему своё молоко безвозмездно. А обо всём остальном заботился Перидэис, который предлагал всё для жизни в избытке.

Лишь однажды одна из фей, по имени Ашара, вернулась в диком состоянии, и когда другие спросили, что с ней случилось, она ответила, что один из этих мужчин, сатир, лишённый разума и в безумной похоти, напал на неё в лесу, полностью оглушив её своим животным запахом, и так её, совершенно безвольную, перетряхнул изнутри наружу, что она не только внутри наполовину изранена, снаружи исцарапана и испачкана, потеряла силы на три недели вперёд, но, главное, её одежда, если она ещё осталась, годится только на выброс. А как он ещё был? — спросили другие феи с деловым интересом. У него пенис

как у жеребца, но большего диаметра, возмутилась павшая фея. Тогда некоторые феи заинтересовались точным местом, потому что, как они объявили, они собираются по состоянию здоровья почаще гулять в лесу, и нужно знать, куда можно ходить, а куда нет. Также некоторые феи задумались, не будет ли лес хорошим местом для жизни, и нужно знать, какое место стоит рекомендовать, а какое нет.

Но мы опять отвлеклись. Отныне в Перидэис ни один мужчина не мог жить без помощи женщины. И феи были довольны, и так оно и произошло. А тех мужчин, которым было отказано в благосклонности женщин и которые опустились до уровня зверей, называли сатирами.

И феи сделали свои груди символом своей новой силы и одновременно удовольствия, и, как все другие женщины в Перидэис, оставляли их свободными от всякой одежды и обнажёнными. У одной были большие украшения, у другой поменьше, у одной лимоны, у других полные манго, одна была высокогрудая, другая с опущенной грудью, каждая разная и все красивые на вид. И поскольку источники всё-таки били ключом, находились и такие, и другие практические применения, которые до того не рассматривались и оказались полезными.

Но одна из фей, по имени Ашара, особенно привязалась к Господину и попросила, чтобы только она имела честь снабжать его своим молоком, ведь он поначалу забыл, что сам является мужчиной и тоже нуждается в молоке. Так бывает, и поэтому всегда нужно помнить, что брошенный камень может вернуться обратно. Но Ашара хорошо о нём заботилась.

Так враги мужского пола были укрощены, а для Адама и Евы Господин сам выбрал красивое место в реальном мире. Оно было уединённым посреди пустыни, но там была хорошая водная точка, росли обильные растения и водились животные, так что еды и приятной обстановки хватало. Тайный переход из реального мира в Перидэис там тоже был, ведь Господин сам создал этот переход давным-давно, потому что это место ему очень нравилось.

Так Адам и Ева росли под опекой фей в реальном мире совсем рядом с переходом, но причиной того, что большую часть времени они должны были проводить в реальном мире, было то, что в Перидэис человек не меняется, а им нужно было расти и развиваться. Господин сам время от времени проверял, всё ли в порядке, и видел, что всё к лучшему, и всегда одна из фей была рядом для их защиты и воспитания. Это было не так уж сложно — выйти к Адаму и Еве в реальный мир или для Адама и Евы войти из реального мира в Перидэис, ведь их разделяли только два тайных хода в земле и две пещеры, и идти было недалеко.

Однажды настало время, когда у Евы сверху начали расти груди, а

внизу и под мышками — волосы, и тогда Господин взял их обоих в сторону и сначала обратился к Еве: Скажи, Ева, наполнены ли соком и созрели ли плоды, что выросли на тебе, когда ты приходишь к нам из вашего оазиса в пустыне в Перидэис?

Они наполнены и созрели, о Господин.

И даёт ли та слива между твоими ногами уже знать, что её нужно тронуть и разделить?

Она не даёт мне покоя, о Господин.

Тогда Господин обратился к Адаму: А ты, Адам, просыпается ли твоя змея и тянется ли к игре и опорожнению?

Время от времени, о Господин, но я, кажется, ещё не понимаю игры, ведь я ничего не знаю об опорожнении.

Хорошо, сказал Господин, значит, для змеи ещё есть немного времени, но желаешь ли ты большего, чем игра, когда видишь Еву?

О да, Господин, сказал Адам, я всегда мечтаю о ней, хочу её поцеловать и потрогать её плоды.

Хорошо, сказал Господин, поймите оба, что вы больше не дети, ты, Адам, только сейчас, а ты, Ева, уже немного дольше. Адам отныне будет получать от фей чашу фейного молока каждый раз, когда вы входите в Перидэис, пора, потому что без молока ему вскоре будет плохо.

Но послушайте моё предупреждение: каждый из вас может есть свои собственные плоды, сколько угодно. Свои собственные! Но не пробуйте плоды друг друга.

И он ушёл.

Так проходило время.

Постепенно Адам стал мужественнее, что наполнило некоторых фей странным беспокойством, его змея стала крепкой и окружённой уже не просто пухом. И когда он уделял ей достаточно внимания, она вознаграждала его чудесным приливом и брызжущим потоком, который выглядел совсем иначе, чем то, что выходило при мочеиспускании, и имел другой, интересный запах.

Еве это не осталось незамеченным, и однажды она взяла Адама за руку и сказала: Пойдём, я покажу тебе интересное место, где ты ещё не был.

И они побежали немного, и ещё немного, и пришли в место, которое было красивым, но Адам не нашёл в нём ничего особенного.

Что здесь особенного? — спросил Адам.

Здесь нас никто не увидит, вот что особенное, — сказала Ева, и её голос звучал иначе, чем обычно. Она стояла прямо перед Адамом и смотрела на него такими странными глазами, что ему стало совсем необычно.

Оба стояли неподвижно.

Тогда Ева взяла руки Адама и подвела их к своим грудям, наклонилась к нему и осторожно поцеловала его в губы.

Дыхание Адама участилось, кровь хлынула в его змею, и та резко встала.

Ева смотрела как заворожённая на змею Адама: Ты это нарочно делаешь? — тихо и немного хрипло спросила она.

Нет, ответил Адам, она делает это сама по себе. И даже если бы я хотел, я не мог бы ничего с этим поделать, да и не хочу, это очень приятно.

Ева притянула Адама к себе, и оба издали громкий вздох наслаждения от взаимного прикосновения. Теперь Адам крепко держал Еву, его змея прижималась к её лону, её груди прижимались к его телу, и он начал играть с кончиками её грудей, а она снова поцеловала его, но на этот раз крепко держала его за шею, чтобы его рот не ускользнул, открыла губы и вошла языком в его рот. И вскоре он отважился сделать то же самое с ней. И их языки исследовали друг друга, играли друг с другом, и это было великим наслаждением.

Теперь Ева слегка оттолкнула Адама, чтобы снова рассмотреть его тело, и осторожно коснулась его напряжённой змеи, которая была не только большой, но теперь имела и значительный диаметр.

Пробуй мои плоды, — потребовала она и провела большим и указательным пальцами правой руки по своей левой груди, направляя её к его рту. Пора тебе их попробовать. Она сжала большим и указательным пальцами сосок, ещё раз, и ещё раз.

Что такое? — спросил Адам.

Ева потянула за свою грудь и посмотрела с удивлением. — Здесь, в реальном мире, у меня гораздо меньше молока, чем в Перидэис, смотри! Только одна капля, я не понимаю, почему?

Может, у тебя будет больше, когда мы снова там будем...

Может быть, — пробормотала Ева, — даже вероятно, в прошлый раз я не обратила на это внимания, но тогда грудь сильно давила.

Ты разочарована?

Да... нет!

Ева снова улыбнулась. — У меня есть ещё кое-что, дай мне свою руку.

Адам протянул ей руку, Ева взяла её и направила между своих ног.

Но твоя слива совсем мокрая и скользкая! Что ты сделала?

Думала о том, что давно хотела с тобой сделать. Давай, быстрее.

Ева села лицом к нему на землю, откинулась назад и раздвинула ноги.

Адам увидел её блестящую, набухшую сливу, широко открытую перед ним, обрамлённую её лобковыми волосами.

Вот здесь я всегда тру пальцем, — показала ему Ева, — а здесь,

смотри, дальше в середине, там большая дыра, которая уходит глубоко в меня. Давай, мне не терпится, чтобы ты прижал туда свою змею!

Адам взволнованно опустился на колени между раздвинутыми бёдрами Евы и направил свою змею к её скользкой сливе. И пока он стоял на коленях над Евой, волна опьяняющих ароматов поднялась из её лона к его носу, и он жадно их вдохнул. Волна чудесных чувств захлестнула его, почти оглушила его разум и полностью овладела им. Ева взяла его змею из его руки и сама, направляя её собственной рукой, провела ею через мякоть своей открытой сливы, вибрировала ею у конца плода, указывающего к её пупку, снова провела его через влажный плод, и Адам почувствовал, как его змея скользнула в отверстие и была мягко и тепло окружена. Что-то в Адаме отреагировало, не имея ничего общего с волей, и он сильно толкнул. Его змея была крепко охвачена в глубине плода Евы, обнята, пососана, испробована, и волна небывалого счастья пронзила Адама, который давно потерял последние остатки своего разума.

И Ева тоже, которая во время толчка почувствовала разрыв и закричала от боли, но через мгновение ощущала только наслаждение, чувство наполненности; его настойчивое толкание, его восторг, волны захлёстывали её, и боль у входа в её сливу странным образом смешалась с эйфорией, которая всё нарастала, заставляя её умолять Адама не останавливаться и ничего не менять, и так она наконец переступила порог, который привёл её к кричащему, трясущемуся, пульсирующему оргазму.

Она заметила, что Адам остановился.

Продолжай, — прошептала она, — не останавливайся, только медленнее...

Она медленно направляла его к тому, чего хотела, пока волны в ней не утихли.

Оба лежали рядом; она обвила его ногой и прижимала свою расслабленную, но всё ещё влажную сливу к его бедру.

Ты так и не дошёл до бурного прилива? — спросила она его.

Я всё время хотел выше, особенно когда твоя слива так сильно сжала мою змею, но почему-то не получилось.

Ты можешь, если делаешь это рукой?

Да, обычно могу.

Давай, сделай это рукой, я буду тебя гладить и целовать.

Адам лежал на спине, и его правая рука вибрировала у крайней плоти. Ева некоторое время смотрела заворожённо, но затем почувствовала влечение лизать его подмышку, в то время как её правая рука играла с одним из его сосков. Его дыхание ускорилось. Ева снова подняла

голову.

Я смотрю на твою змею, — прошептала она, — она прекрасна, такая мощная, такая невероятно огромная, и она глубоко проникла в меня, и боль от этого была чистым наслаждением.

Дыхание Адама вскоре стало быстрее, его вибрации на змее стали резче, его дыхание стало ритмичным, он начал громко стонать, Ева смотрела заворожённо на его змею, и вот: громкий крик, вздрагивание, и из змеи Адама брызнула белая жидкость широкой дугой на его грудь и тыльную сторону руки Евы, ещё раз, и ещё раз, немного слабее.

Адам откинулся назад, громко и глубоко дышал, задышался, и его рука постепенно замедлялась. Ещё один последний поток вытек из его змеи и нашёл путь по его руке, которая теперь лишь медленно, очень медленно гладила змею, пока наконец не остановилась и не успокоилась.

Ева долго едва дышала, но затем осторожно убрала руку, которая тоже получила свою долю, и понюхала то, что попало на её руку. Это пахло странно возбуждающе. Она поднесла тыльную сторону руки к языку и попробовала. Вкус был слегка солёный. Очень необычно. Завораживающе. Она игриво размазала его брызнувшую жидкость по его животу и груди, пока он наконец не пришёл в себя.

И как, красиво?

Прекрасно.

Так они лежали в объятиях друг друга, пока Ева наконец не подняла Адама: Пойдём, вернёмся, пока никто не заметил.

И они вернулись. И поскольку никто ничего не заметил, через несколько дней они сделали это снова, и снова, и ещё раз. И Адам вскоре научился доводить свою змею до брызгания в лоне Евы, и оба получали от этого огромное удовольствие.

И так прошло ещё некоторое время.

Но однажды Адам сказал Еве: Твои груди стали красивыми, такими тяжёлыми и полными, и твои соски темнее и выпуклее, чем раньше.

Но Ева, вопреки ожиданиям, не обрадовалась, а добавила: А мой живот начинает округляться, ты не заметил?

Теперь Адам тоже это заметил.

Что это значит? — спросила Ева. — Это связано с запретом не пробовать плоды другого, и теперь всё раскроется?

И Адам добавил: А есть ли что-то во мне, что всё выдаёт? Змея, которая всегда встаёт, когда ты приближаешься, и я сразу думаю о твоей скользкой дыре?

И поскольку они не знали ничего лучшего, они решили прикрыться, чтобы никто не заметил, Адам — свою змею, а Ева — лоно, живот и груди. Поскольку, в отличие от фей и Господина, у них не было ничего,

чтобы надеть, они взяли с деревьев то, что нужно для прикрытия. Короче говоря: первая фея, прогуливавшаяся в красивой природе, спросила: Почему вы прячете свои тела? Вам есть что скрывать? И всё раскрылось. И пришлось сначала объяснить Адаму и Еве, что у Евы в животе растёт ребёнок и как он туда попал. И Господина раскаяние охватило за то, что он не объяснил Адаму и Еве, почему им было запрещено пробовать плоды друг друга, а только свои собственные, и в нём росло осознание, что длинный поводок лучше, чем порванный, и что запрет был совершенно бессмысленным, ведь в Перидэис они могли бы наслаждаться своими плодами по желанию и радоваться этому, но не в реальном мире, ведь Перидэис не создаёт новой жизни, и то, что там живёт, остаётся неизменным. Но в реальном мире жизнь возникает и развивается. Конечно, ценой того, что есть и смерть. Но где жизнь зарождается, там она и уходит, так уж устроено. Но теперь это произошло, и из-за ошибки Господина Адаму и Еве пришлось продолжать жить в реальном мире, чтобы жизнь в Еве могла развиваться. Ей пришлось рожать в муках в реальном мире, а Адаму — трудиться руками, чтобы добывать пищу, ведь в реальном мире еда не растёт сама по себе в рот, как это было самым обычным делом в Перидэис.

Но Адам и Ева были в хорошем настроении, ведь они хорошо знали реальный мир, он был их домом, и им наконец-то будет позволено быть едиными, когда и сколько угодно. И им будет позволено строить, создавать, формировать и стать семьёй. И оба радовались тому, чтобы стать семьёй и быть семьёй. Так они советовались, спорили, договаривались и мирились, пока не пришли к согласию, и Адаму и Еве дали разрешение быть парой и семьёй в реальном мире, заботящейся о себе самой. Это не означало, что феи и Господин не навещали их, или наоборот. Нет, совсем наоборот, ведь феи живо интересовались развитием ребёнка в животе Евы, все были рядом, когда он наконец родился, и позже помогали, где только могли.

Адам и Ева, как и их потомки, остались в реальном мире, и даже их внуки ещё долго почитали фей за их заботу и внимание. Лишь гораздо позже, очень гораздо позже, феи в реальном мире постепенно забылись. Но тогда им строили храмы и приносили жертвы. И до сих пор в пыли пустыни и в обломках давно минувших мест находят скульптуры и изображения женщины, которая руками поднимает свои груди для дарения и широко открывает своё лоно для принятия¹⁰. Так в реальном мире. В Перидэис же Господин рекомендовал феям (кроме Ашары) наслаждаться мужчинами, созданными им самим в

10 Однако открытую вульву часто стыдливо опускали, что, конечно, несколько искажает смысл.

Перидэис. Но другие феи немного завидовали Ашаре. Хотя созданные Господином мужчины были неплохи в служении феям, ведь сам Господин вложил в них те или иные предпочтения, которые обеспечивали постоянное разнообразие, он упустил из виду, что женщины, помимо вида, размера и ловкости змеи, очень обращают внимание на то, кому она принадлежит, и наибольшее удовлетворение может принести змея, прикрепленная между ног могущественного мужчины, даже если ей немного не хватает живости и мощи.

Спасибо, сказал Господин, когда одиннадцать других фей ему это объяснили. Но поймите, что я, без сомнения, могущественный мужчина, но двенадцать фей, безусловно, представляют определённый вызов, особенно с течением лет.

Феи этого не поняли. Пойми кто-нибудь женщин.

Так прошло ещё некоторое время, и Господин получал удовольствие, делая Перидэис ещё красивее и интереснее, и среди этого были чудесные вещи, и он придумывал всё новые ландшафты, а в них новые обычаи и не забывал создавать между новыми ландшафтами удивительные сюрпризы, в том числе чувственные всех видов, но однажды Господин сказал: Я устал и хочу отдохнуть, и моя любимая фея Ашара пойдёт со мной. Мы найдём особое тайное место и там ляжем спать.

Одиннадцать других фей были очень напуганы. Что нам делать, если тебя не будет? И мы ведь не понимаем, как ты, как управлять этим миром и поддерживать порядок в Перидэис.

Тогда Господин сказал: Хорошо, вы, одиннадцать фей, узнаете, где это тайное место. И если вы попадёте в серьёзные трудности, я сказал, в серьёзные, то вы можете меня разбудить, и я приду с Ашарой и помогу вам.

И так Господин сделал каждой из одиннадцати фей ещё по одному удовольствию, и наконец исчез вместе со своей любимой феей Ашарой, и оставшиеся одиннадцать фей сами заботились о земле золотого шара, которая теперь называлась Перидэис, земля фей. По легенде, Господин и его любимая фея Ашара спят, тесно обнявшись, где-то в большой горе на острове. Это самый тщательно охраняемый секрет одиннадцати фей.

Но даже как попасть из реального мира в сказочный Перидэис, где живут вечно и получают вечное наслаждение, никто больше не знает. Время от времени, говорят, переход из реального мира в Перидэис находили и почитали как святыню. Но эти переходы снова и снова попадали в руки отдельных людей, которые запрещали доступ всем остальным. Это знакомо: если есть что-то желанное для всех, это пробуждает алчность у отдельных лиц. Сначала кто-то замечает, что

содержание желаемого как-то затратно, и нужно взимать за это плату. Это работает, с постоянно растущей платой, некоторое время, пока кто-то не решает, что по той или иной причине нельзя пускать всех, конечно, ради блага всех и чаще всего для защиты исключённых или потому, что желаемое может как-то износиться. И в итоге все, кроме нескольких избранных, остаются за дверью, и оставшиеся снаружи могут, обычно опять же за определённую плату за хлопоты, только слушать истории о желаемом. И чтобы это не навредило, истории о желаемом варьируют, добавляя что-то здесь и убирая там. Если это делать хорошо, народ тоже насыщается вожделением, а избранный замечает, что невыполненное обещание приносит больше власти, чем выполненное.

Ибо запомни: вода продаётся лучше в пустыне, чем у источника, и тайно засыпанный колодец увеличивает не только прибыль, но и собственную значимость. Пусть жаждущий идёт далеко, если не хочет платить. А если жалующихся станет слишком много, их всегда можно зарубить.

Как бы то ни было.

В любом случае, все известные переходы в чудесный мир Перидэис со временем были забыты.

Но говорят, что до сих пор есть люди, которые знают о переходах и охраняют их.
Так рассказывают.



Алиша

Алиша отложила книжечку в сторону. В самом конце в неё был вложен сложенный листок. Алиша взяла листок и развернула его:

Притчи 5:18-19

Синодальный перевод, 1876:

18: Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей,

19: любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да упоявают тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно.

Новый русский перевод (NRT), 2014:

18: Пусть твой источник будет благословен, и радуйся жене своей юности.

19: Она — как прекрасная лань, изящная серна. Пусть её любовь всегда радует тебя, будь всегда опьянён её любовью.

Biblia Hebraica Stuttgartensia:

18: יְהִי־מְקוֹרְךָ בְּרוּךְ וְשִׁמְחָה מֵאִשְׁתְּךָ נְעוּרֶיךָ:

19: אֵילַת אֲהָבִים וְיַעֲלֶת־חַן לְדָדֶיךָ יְרוּךְ בְּכָל־עֵת בְּאַהֲבָתָהּ תִּשְׂגֶּה תְּמִיד:

דָּדֶיךָ יְרוּךְ

daddêhā yərawukkā: «её груди да насыщают/увлажняют тебя».

יְרוּךְ!

gāwā: «увлажнять», «насыщать», «обильно освежать» или «смачивать».

История о рае с Адамом и Евой была известна, по крайней мере в общих чертах, даже в ГДР — и уж точно Алише, которая вела жизнь в треугольнике между государственными попытками воспитания, церковной конфирмацией и собственной чувственностью. История в этой книжечке интересно отличалась от оригинала. Но особенно загадочной была ситуация с разными переводами Библии на листке, где питающие и насыщающие груди позже превратились в ласки и изящество. Кроме того, книжечка оказала ещё одно воздействие: Алиша

впервые в жизни прочитала историю с подробным описанием интимностей, и эффект на неё был соответствующим. Алише очень хотелось бы пережить больше того, что её лono внушало ей в виде смутных фантазий. Но что, с кем, где и как? Парня на горизонте пока не было, и о фантастических событиях сверх того и вовсе не стоило мечтать. — Вот бы иметь такую секретную дверь, которая ведёт в рай этой истории... Где-нибудь внизу дома, за тайной дверью в подвал. Пройдёшь через стену, и, вуффф!, ты в другом мире, с вечно хорошей погодой, тёплым, не таким серым, как здесь, а ярким, полным приключений, с сатирами и свободным от гнилых моральных предписаний, которые без видимого смысла делают жизнь серой. На танцах нет пустых танцполов и отказов, а интересные мужчины без стеснения делают с женщинами интересные вещи. Танцоры вокруг все полуголые, сброшенные пиджаки, рубашки, брюки и юбки небрежно отбрасываются ногой в сторону, пока руки играют по телу другого, тела прижимаются друг к другу, мужские указатели наслаждения круто поднимаются и прижимаются к лонам женщин. А публика вокруг танцующих ликует и подбадривает их...

...Алиша! Ты мечтаешь!

Алиша очнулась. Она всё ещё сидела за своим письменным столом, перед ней на столе последняя страница книжечки, а за окном — Пренцлауэр-Берг с его старыми домами, с которых осыпалась штукатурка, и каштан перед её окном. Ещё был билет на концерт. Взгляд на него подсказал ей, что пора отправляться, если она не хочет пропустить концерт. Это была кантата Баха, ей неизвестная, но это ничего не значило. Было ли ей сегодня по душе классическое? Да ладно! Она всё равно пойдёт, да и дома сегодня стены на неё давили; концерт пойдёт ей на пользу.

Концерт проходил в одном из самых унылых районов Восточного Берлина — в полуразрушенной церкви с заколоченными окнами, чья смешанная вилгельмовская архитектура не очень нравилась Алише. Но внутри церковь выглядела весьма привлекательно; белые стены с кирпичной окантовкой. Немного заботы и краски, и она вполне могла бы снова выглядеть достойно. Вместе с Алишой в церкви сидело около ста посетителей концерта.

Начало было неожиданным. Объявили не концерт, а репетицию с приглашёнными гостями для записи пластинки, что внушало надежду на хороших музыкантов. Но затем Алиша лишилась дара речи, потому что это были артисты, которые обычно заполняли залы. Алиша растаяла на концерте, тем более что акустика этой заколоченной церкви была уникальной. Это была светская композиция Баха, которая, к удивлению Алиши, очень напоминала Рождественское ораторию. Но здесь речь шла о том, что боги хотели наставить Геркулеса на путь истинной добродетели. Алиша не приняла сторону добродетели, как предлагала пьеса (или всё-таки нет?), а за соблазнительное наслаждение, которое искусно обхаживало Геркулеса. «Вкушай наслаждение / от страстной груди / и не знай никаких пределов», — манило оно. Алише

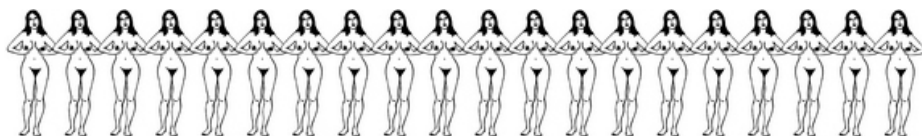
вспомнилось что-то. Увещевания добродетели звучали тускло в сравнении. Ей почти показалось гротескным, что в конце музыкального произведения Геракл должен был выбрать добродетель вместо наслаждения, ведь добродетель после всех трудов и усилий предлагала лишь правильный путь, славу и блеск, но никакой другой награды.

Типично, подумала Алиша. Пафос обычно слышен, когда нужно вытащить для кого-то горячий картофель из огня, чтобы потом его выбросили или съели сами, а ты должен стоять с дешёвой медалью на груди, но с урчащим животом, и смотреть. И в только что услышанной музыкальной пьесе сочное манящее наслаждение странно противоречило внешней морали произведения. Особенно ни слова о том, что наслаждение тоже может быть добродетелью, а добродетель может происходить с наслаждением.

Нет! — подумала Алиша. Страдайте и ничего не достигайте, а я не дам своему лону засохнуть — и если всё пойдёт наперекосяк, то до того я хотя бы получу удовольствие.

Алиша как-то надеялась, что после концерта к ней подойдёт тайный отправитель письма. Но никто к ней не подошёл, хотя она немного подождала, пока посетители концерта расходились. И по дороге домой тоже ничего не произошло.

Когда Алиша вернулась домой, книжечка исчезла. На её месте лежала плитка цельномолочного шоколада. Самого лучшего цельномолочного шоколада. А рядом — поздравительная открытка с напечатанной надписью: «До скорого!». По Алише пробежала дрожь. Не страх. Нет. В воздухе витало что-то особенное.



Главное управление государственной безопасности

Министр государственной безопасности:

Товарищи, дело, которое мы сегодня обсуждаем, подлежит особой секретности. Даже перед друзьями¹¹ и партийными органами. Мы даже не знаем, что происходит в этом деле, и никто не должен перехватить его у нас. Мы должны выяснить, кто случайно об этом знает, и затем принять решение. Это дело противоречит всему известному и поэтому может полностью поставить под вопрос нашу власть. Полностью! Запомните: речь идёт о вопросе власти! Это всё от меня. А теперь товарищ Петерс доложит подробнее.

Товарищ Петерс:

Мы не знаем, откуда взялось это явление, о котором мы будем говорить, и на каких основах оно зиждется. Оно появилось внезапно, или, точнее, мы не знаем, не было ли оно уже раньше. Так... я начну. Есть остатки старого подвала, из полевого камня, полуразрушенного, там есть нечто вроде ворот, можно войти и выйти где-то в другом месте.

Министр государственной безопасности:

Это ужасно.

(Смех)

Министр государственной безопасности:

Прошу вас, товарищи!

Товарищ Петерс:

Это не смешно, я не хотел сказать, что эти ворота просто имеют другой выход. За ними не другой подвал, а они ведут в совершенно другой мир. Категории *ГДР*, *Европа* или *Земля* там больше не применимы для описания. Это напоминает утопические романы. Но слова вроде *сказка* и *волшебство* подходят ещё лучше.

(Перекрикивания, продолжающееся беспокойство)

¹¹ Друзья: внутренняя партийная формулировка для (официальных лиц/функционеров) Советского Союза.

Министр государственной безопасности:

Тишина! — А ты, товарищ Петерс, умерь свои сравнения. Нам не нужно уже здесь покидать твёрдую почву марксизма-ленинизма.

Товарищ Петерс:

Ну, это сложно описать. В этом мире, куда попадаешь, некоторые физические законы совершенно перевернуты с ног на голову. Некоторые вещи там работают не так, как у нас, а другие происходят так, что мы сказали бы, что это совершенно невозможно. Такое не встретишь нигде... кроме как в сказках... или старых сагах.

(Повторное беспокойство)

Министр государственной безопасности:

Продолжай говорить!

Товарищ Петерс:

И люди там... ну, там есть люди... они ведут себя иначе... скажем так, очень сексуально ориентированы, я бы так сформулировал. Можно было бы исследовать это научно и потом разбираться дальше. Но первое — мы не единственные, кто знает об этом явлении. Там тайно ходят люди туда и обратно. Это неудивительно, особенно из-за этой сексуальной стороны. Но второе — похоже, что доступов больше, чем этот один, и большинство из них находится в несоциалистических странах. То есть можно, так сказать, войти, неприлично развлечься и выйти на Западе, посмеиваясь в кулак, и делать это сколько угодно раз.

Министр государственной безопасности:

Товарищ Петерс, это катастрофа!

Товарищ Петерс:

Мы должны обязательно разобраться в этом деле. Проблема в том, что этот странный мир опасен, там царит, скажем так, архаичные нравы, и к тому же есть очень опасные неизвестные виды животных. Некоторые сотрудники пропали при невыясненных обстоятельствах. Но главное, этот мир влияет на наших сотрудников. Часто непонятно, возвращается ли товарищ с тем же духом, с которым мы его туда отправляли.

Министр государственной безопасности:

И это ещё хуже, чем полная потеря!

Товарищ Петерс:

Так вот, этот странный мир действительно немного напоминает сказки, дайте

мне продолжить... пожалуйста, товарищи... ну... чёрт возьми... например, там можно даже летать на короткие расстояния, на метле, должен добавить! И это только один пример.

Выкрик (товарищ Мёллер?):

Наркотический угар? Временное помешательство? Гипноз?

Товарищ Петерс:

Нет, это можно абсолютно исключить. И массовый гипноз тоже. Поставленные заранее задачи, даже сложные, выполняются и так далее. Мы должны исходить из реальных событий и реально существующей среды. Так... больше всего это напоминает восточные сказки, тем более что температура там всегда около 30 градусов, как у нас летом. Но никогда не жарко, и холодных погодных периодов там вообще нет. И физика не сходится! Электронные устройства там не работают, даже обычную электрическую цепь не собрать. Даже тонкая механика не функционирует, и ничего туда взять нельзя, поэтому я даже не могу показать вам фотографии.

Министр государственной безопасности:

Ужасно!

Товарищ Петерс:

Всё, что возможно, — это отчёты и, в лучшем случае, рисунки от руки, сделанные сразу после возвращения. Но из-за этой идеалистической сказочной среды... если отправить туда художника, это всё равно что пустить козла в огород, парень вообще не вернётся, потому что не сможет оторваться. И некоторые действия кажутся прямо-таки волшебством. Эта полётная метла — не единственное, есть, например, дом, который просто парит в воздухе без видимой причины. Или посреди дороги висит кожаный хлыст, который бьёт, если неосторожно пройти мимо. И бьёт точно по задку.

Министр государственной безопасности:

Товарищ, прошу оставаться деловым.

Товарищ Петерс:

Но это правда! И он не останавливается! Без видимого привода! Без источника энергии!

Выкрик (товарищ Людвиг):

Товарищ, ты упоминал сексуальные действия?

Товарищ Петерс:

Это было бы второстепенным, если бы не привлекало людей извне, хотя,

конечно, вся эта странная среда этим пропитана. Наша проблема в том, что этот аспект развращает людей. Независимо от политических убеждений, пола или звания. Немногочисленные конкретные имена возвратившихся несанкционированных посетителей этого мира, которые нам удалось установить, внушают ужас.

Министр государственной безопасности:

Без имён, пожалуйста! Товарищи, только одно: от декадентских личностей до священников, полицейских, даже сотрудников госбезопасности и вплоть до ЦК — все представлены! Все!

Министр государственной безопасности:

Тишина! — Продолжай, товарищ Петерс.

Товарищ Петерс:

И до недавнего времени мы ничего об этом не знали.

Министр государственной безопасности:

Ужасно!

Товарищ Петерс:

Теперь к вопросу о сексуальных действиях. В тот момент, когда один из наших сотрудников переступает решающий порог в этот мир, он немедленно ощущает перемену в себе. Дело в том, что внезапно... сексуальное влечение как таковое играет большую роль. Не только то, что оно присутствует, но оно влияет на мышление и действия. Поэтому там быстро и часто происходят сексуальные действия, сопровождаемые извращениями всех видов, особенно садистско-мазохистскими.

Министр государственной безопасности:

Садомазо... нельзя ли было назвать это как-то иначе? ... это когда они друг другу задницы лупят и ещё находят это приятным.

Выкрик (неизвестный):

Знаете этот? — Мазохист стоит на коленях перед садистом и умоляет: «Мучай меня, ооо, пожалуйста, мучай меня!». А садист: «Нннннееееет!»

(Смех)

Министр государственной безопасности:

Тишина! — Продолжай.

Товарищ Петерс:

Так вот, садизм-мазохизм... Это... это могло бы нас вообще не волновать, их личное дело. Всё остальное гораздо важнее. Но это оказывает сильное влияние на сотрудников, не только специфические вещи, но и сексуальная сторона в целом. Это приводит к своего рода потоку посетителей. Никто даже не представляет, насколько людям это интересно, эти сексуальные штуки. Этому аспекту в чекистской работе вообще следовало бы уделять больше внимания. Но главное — посетители полностью развращаются. Связь этих посетителей с этим миром и между собой, очевидно, значительно превосходит их связь с другими вещами.

Министр государственной безопасности:

Слушайте!

Товарищ Петерс:

... И священник, и давний товарищ, которые оба являются посетителями этого мира, проявляют больше лояльности друг к другу, чем один к церкви, а другой к партии. Включая то, что они не хотят выдавать ничего, абсолютно ничего об этом мире. Эти посетители держат этот мир в строжайшей тайне. Абсолютно.

Министр государственной безопасности:

Мы всё время ничего об этом не знали. Ничего!

Товарищ Петерс:

Вот почему мы сегодня здесь собрались. Коротко и ясно: это дело будет расследовано в специальной группе, и нам нужны специалисты разных направлений.

Министр государственной безопасности:

Эта специальная группа будет выступать внешне как исследовательский институт. Так что, товарищи: вам придётся выделить несколько хороших людей. Я знаю, это не любят делать. Но вы должны понимать одно: марксизм-ленинизм существенно опирается на материализм. Если товарищ генеральный секретарь выступает с речью, и вдруг прилетает ведьма на метле и объявляет Золотой век, неважно, голая она или с хлыстом в руке, уже сам факт этого угрожает нашим основам. Мировоззренческим основам! Люди в конце концов начнут спрашивать, зачем вообще работать на социализм, если где-то есть страна изобилия, где нейлоновые чулки и западный шоколад просто растут на деревьях!

Выкрик:

Товарищ министр, это буквально понимать?

Товарищ Петерс:

Да, товарищи. Буквально.

Министр государственной безопасности:

Оперативное дело по этому вопросу называется «Перидэис». Именно так называется этот мир, это подтверждено.

Товарищ Петерс:

Это должно означать «Земля фей». Пишется с двумя точками над вторым «е», потому что произносится не как «заклучение» или «секретность», а как «озёрный остров» или «атеист». То есть «е» и «и» отдельно. Упрощённо — без точек, если иначе нельзя.

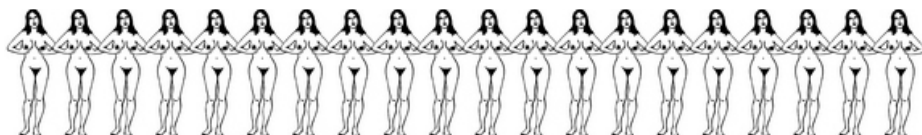
Министр государственной безопасности:

Если вы увидите это слово в запросе, с точками или без, или замаскированное сокращение «Объект П», то необходимые средства или сотрудники должны предоставляться без возражений и вопросов при полной сохранности конспирации. И работа этого спецотдела не должна быть затруднена. Если вдруг возникнет пересечение ответственности, предоставьте дело сотрудникам спецотдела «Перидэис». В остальном держите это в голове и не делайте никаких собственных записей. Возможные наблюдения передавайте лично через меня в спецгруппу, если письменное неизбежно, делайте только одну запись. Никаких копий.

Итак, всё. Заседание окончено.

Товарищ Петерс:

Итак, «Перидэис». Запомните это.





Алиша: История начинается

Алиша стояла в большом городе Берлине перед Великой стеной, которая разделяла цветное и серое. Две улицы здесь пересекались под прямым углом, и можно было подойти совсем близко к Великой стене, потому что это место не могли просто так заделать. Слишком много людей проходило здесь, да и пожарная часть, находившаяся в ста метрах отсюда, тоже. Тот мир был совсем рядом.

На стороне Алиши всё было серым. Серым в тысяче оттенков, но всё же серым. А за стеной всё было цветным, представляла себе Алиша, ярко-цветным. Здесь дома были серыми, люди серыми, повседневность серая, всё серое. И серая ужасная музыка. По крайней мере, в серой повседневности.

Конечно, это было не совсем так. Были те, кто носил голубые рубашки и обещал голубые небеса, другие были совсем красными и отпускали много красных лозунгов, а третьи были оливково-зелёными и забирали зелёных парней прямо из школы на 10 или 25 лет в армию. Но это не было цветным, по крайней мере, не в том смысле, как понимала Алиша. Цветное — это не когда все делают одно и то же одинаковым образом. В конце концов, даже сахарная глазурь становится отвратительной, если её слишком много.

Алиша хотела чего-то другого. По ту сторону стены должно быть иначе. Совсем иначе. Именно цветно. Она посмотрела вверх под углом в небо. Великая стена перед ней требовала этого. Она смотрела, пока небо не поплыло перед её глазами... и мечтала.

Вдруг перед ней раздалось «Плоп». Алиша моргнула. Маленький пёстрый человечек с шутовским колпаком и бубенчиками на нём только что перепрыгнул через Великую стену к ней.

Ты с той стороны? — спросила Алиша.

Нет, я отсюда, — пропищал человечек, — и пришёл, чтобы сказать тебе, что здесь всё цветное, но тёмно-цветное. Так что найди себе что-нибудь другое; на подмышечные волосы, обвисшую грудь и некрашенные волосы здесь никто не ждал. И, не успев оглянуться, он снова перепрыгнул через стену обратно.

Алиша удивилась. Этому маленькому парню было наплевать, что у неё под юбкой или подмышками, что она не носит под рубашкой или не наносит на волосы. Я и не хочу, — крикнула она вслед с вызовом. И только потом она заметила, что у карлика внизу вообще ничего не было надето, а в середине болталась довольно внушительная штука.

Но где же была теперь та цветная жизнь, о которой мечтала Алиша?

Здесь не на что смотреть, — рявкнул человек в форме, появившийся словно из ниоткуда. Он проверил её документы. То, что вы ищете, найдёте в другом месте, — сказал он неожиданно полушёпотом и вернул ей документы. Идите дальше, — прогнал он её, теперь уже громче. Алиша удивилась и пошла дальше. Только позже она заметила, что и этот человек в форме внизу ничего не носил. Странный день.

Кстати, наркотики в ГДР достать было невозможно, и Алиша их тоже не принимала. Ни дурман, ни белладонну, ни белену, ни мухоморы.

У Алиши было время, и она бесцельно брела по улице, где было много людей, ездили машины и трамваи. Пройдя минут 20 или 30 через городскую суету, она неожиданно оказалась перед зданием с надписью: «Районное руководство ССНМ» и «Югендтурист». Это было что-то вроде туристического агентства для молодёжи, где за небольшие деньги иногда предлагались поездки, не такие уж плохие. Даже в тёплые края, хоть и по эту сторону Великой стены, но нужно было везение, и брать, что дают. Алиша открыла дверь и поднялась по лестнице в указанную комнату. Она постучала, вошла и спросила: Какие сейчас есть поездки в несоциалистические страны?

Читатель должен знать, что этот вопрос считался дерзостью. Но дерзость, как известно, побеждает.

За столом сидела женщина с короткими перманентно завитыми волосами в голубой дедероновой рубашке ССНМ (тканые лески, шутили втихаря) и голубой сверхпрактичной мини-юбкой из силастика, от вида которой самый порядочный мужчина стал бы пьяницей. Есть ещё одно место в Алжир, — буркнула женщина, не поднимая глаз, — но только для рабочих. Это была Алиша, просто потому, что она закончила обучение на каменщика с аттестатом зрелости. То, что она сейчас подрабатывала неофициально, не считалось. Как члену правящего рабочего класса ей скорее, чем другим, могли разрешить учёбу на врача, хитро объяснил ей отец. Но теперь это также помогло бы ей перелететь через Великую стену, за попытку пересечь которую некоторые рисковали получить вторую дырку в заднице. Что нужно сделать? — спросила Алиша. — Поездка стоит 900 марок, — снова буркнула женщина, но теперь хотя бы посмотрела на неё. У меня есть, — ответила Алиша. Женщина зевнула впечатляюще, поднялась со стула и подошла к шкафу, откуда достала бланк и анкету. Алиша заметила, что к своей голубой мини-юбке из силастика она носила пикантные шёлковые чулки до бёдер с кружевом, которые Алиша сама бы с радостью носила и которые эта тётка из ССНМ, чёрт знает откуда, взяла, и которые резко контрастировали с остальной её одеждой. Алиша также показалось, что между чулками мелькнули несколько непотребных кудряшек.

Можешь сразу? — спросила женщина, повернувшись. Поездка через три дня, и тебе ещё многое нужно успеть. Могу, — сказала Алиша. Ну, замечательно, — сказала женщина и даже улыбнулась. Мне ведь влетит, если места останутся пустыми, потому что такие поездки стоят валюты. Итак. Ты должна прямо сейчас подать на паспорт и предъявить этот бланк, чтобы получить его ускоренно. Это нужно сделать обязательно сегодня. У тебя есть актуальные фотографии для паспорта? — Есть. — Отлично! И ещё тебе сюда, — она написала адрес. — Это отдел заявлений, прямо за углом в районной администрации, иди туда сначала. У тебя с собой удостоверение личности? — Есть. — Отлично! Когда получишь там печать, сразу иди подавать на паспорт, на углу Шёнхаузер Аллее. Когда получишь паспорт, возвращайся сюда за документами на поездку. Делай всё сразу, чтобы всё получилось. Она взяла телефон, набрала номер и пробормотала что-то о том, что сейчас придёт ещё один человек, что это срочно и что она просит ускоренную обработку.

Станный день! — подумала Алиша, оказавшись на улице. Всё казалось другим. Заметно ярче! Она направилась ко второй бюрократической преграде, которую нужно было преодолеть. В районной администрации картонный указатель показывал путь. «Отдел заявлений». Этот отдел был на удивление пуст. Точнее, там вообще никого не было, ни перед ней, ни за ней. На полпути по лестнице была закрытая дверь, а слева от неё — маленькое окошко, за которым зевал мужчина, подозрительно похожий на штатского сотрудника Штази. У берлинцев был глаз на такое. У них всегда были одинаковые короткие стандартные стрижки, одинаковое выражение лица и к тому же рубашка и брюки такой банальности, что никто другой бы их не надел. Обычный административный служащий выглядел иначе. А когда зевающий тип за окошком встал, было видно, как из заднего кармана торчит кожаный ремешок. Выдал себя, подумала Алиша, там висит твой служебный значок Штази.

Чего хотите?

Отпуск в Алжир, Югендтурист.

Удостоверение с собой?

Да.

Подождите.

Дверь хлопнула. Тип исчез. Куда, через маленькое окошко было не видно.

Три минуты спустя: Тип появился снова с толстой анкетой в руке. Заполните это прямо сейчас и вернитесь сюда. Он указал на дверь напротив. Там можете сесть.

Конец общения. Алиша пошла к указанной двери и нашла за ней что-то вроде комнаты ожидания. Стулья, столы, полумёртвый кактус на подоконнике, пепельница из прессованного стекла на столе, желтоватые занавески, неоновая лампа, красные цветочные бархатные обои, картонный портрет Эриха Хонеккера на стене. Ни ручки. Алиша вернулась к типу за окошком.

Не могли бы вы дать ручку?

Бурчание. Ручка была просунута через узкую щель внизу окошка.

Писать полувывсохшей ручкой было нелегко. Хотели знать, есть ли у неё родственники на Западе (неизвестно), была ли она нацисткой или членом СС (она тогда ещё не родилась), где она бывала за границей (Польша, ЧССР), профессия, образование, места работы, родственники... тут она запнулась и вернулась к типу за стеклом. Простите, я не всё помню наизусть...

Заполните, что знаете, а где не знаете, ставьте вопросительный знак.

Тогда я закончила.

Могли бы сразу сказать, давайте сюда. Он взял стопку бумаг, быстро пролистал и снова исчез. На этот раз Алише пришлось ждать дольше. Пока всё ясно, — сказал тип, вернувшись. Теперь в отдел регистрации, возьмите две фотографии на паспорт, остальное уладим внутренне, завтра утром снова явитесь в Югендтурист.

Мысли Алиши немного рассеялись, как и её взгляд. Она заметила, что у типа спереди подозрительная выпуклость на брюках. Не тот, подумала она, ему ещё надо сильно постараться, чтобы я даже в крайнем случае его выбрала. Удивительный день.

Остальное тоже прошло как по маслу: она в ускоренном порядке получила паспорт, крайне важную печать для выезда, необходимые документы в бюро Югендтурист и, наконец, информацию о том, когда вылетает её самолёт. Она полетит одна, в Алжире сделает пересадку, и в аэропорту назначения её будут ждать. Всё шло так быстро, что она даже не успела похвастаться поездкой подругам. Но все они и так уже были в летнем отпуске — Мекленбург, Балтика, озеро для купания, Болгария, Венгрия, что угодно. Неважно. Записка родителям: Привет, мама, получила поездку от Югендтуриста на Запад (Алжир), вылет, прилёт, хорошего лета, ваша Алиша. В конверт, адрес и марка, в почтовый ящик. По дороге назад купила ещё пару мелочей для поездки. Упаковала несколько необходимых вещей, рюкзак, этого хватило, в сотый раз откопала паспорт и разглядывала невероятную печать (она не исчезала), и вот всё было готово. Завтра рано утром отправление. Это было нереально. Немыслимо. Абстрактно. Сколько часов ещё? Слишком много. Почитать, чтобы скоротать время? Не сработает. К счастью, Алиша почувствовала свинцовую усталость. Слишком много всего было. Ещё раз спуститься на полпролёта к туалету, обратно в квартиру, раздеться. Помыться? Да, она липла. Итак, короткое мытьё всего тела на кухне, пластиковая миска с водой, мочалкой с наслаждением отмылась с головы до ног, готово, вытереться. С одеждой в руке голышом обратно в комнату. Завести будильник. Будильник! Алиша трижды проверила, правильно ли он заведён, будет ли он звонить. Но потом она рухнула в кровать и провалилась в глубокий сон без сновидений... И проснулась сама по себе чуть раньше времени будильника. Вполне отдохнувшая! Быстрый остаточный завтрак, кофе и вперёд. Станция S-Bahn Шёнхаузер Аллее, три четверти часа на электричке, пятьсот метров пешком до здания аэропорта,

прибыла слишком рано. Ждать. Сердце колотится. Вот, наконец! Появился Алжир.

Её беспрепятственно пропустили через паспортный контроль. Ощущение было гнетущим, но её пропустили. Её беспрепятственно пустили в самолёт. Самолёт беспрепятственно взлетел. Он беспрепятственно пересёк Великую стену.

Теперь, похоже, чудо свершилось.

Серость осталась позади, и над ней сияло голубое небо.

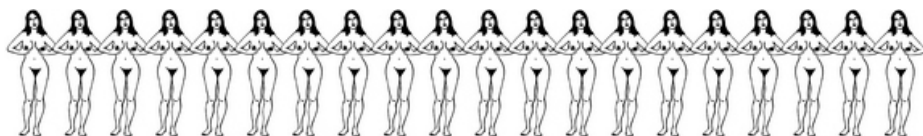
Алиша со вздохом откинулась назад и вдруг почувствовала полное расслабление. Абсолютное расслабление. Такое расслабление, какого ещё никогда не было. Так просто. Она вовсе не собиралась предпочесть неизвестное известному и навсегда сбежать. Но она хотела набраться красок, много красок. Тогда и с серостью будней можно было бы справиться. Но только серость — это не годилось. Веселье было частью жизни, веселье должно быть. Кстати о веселье и жизни, в недавней суматохе для этого не было подходящего момента. Её правая рука скользнула под юбку, где текущее расслабление вызвало немного скользкой влаги. Теперь, но действительно только теперь, ей захотелось немного веселья и ещё больше расслабления, чтобы эта скользкость уменьшилась. Она уже делала такое! Нет, не пойдёт, мужчина справа от неё был слишком мало отвлечён. Значит, позже. Или всё же? Она украдкой посмотрела направо, нет, лучше не надо. Она осталась приличным воспитанным пассажиром и позже прогрызла не особенно вкусную еду, которую ей выдали стюардессы.

После аттестата зрелости Алиша не сразу получила место в университете. Учитель по гражданскому воспитанию и истории ещё был свободен, и ей предлагали инженера-строителя. Оба варианта не были её мечтой, и она отказалась. Но жаловаться на свою жизнь она не хотела. В прошлом году она подрабатывала в гардеробе ресторана, потому что там давали чаевые, никто не доставал сверх работы, и в остальном она была свободным человеком. Подруга подсказала ей дополнительно работать частной фотомodelью. И в этом карлик с его замечаниями о её неподстриженности (подмышечные волосы, волосы на голове в естественном состоянии и обвисшая грудь) даже был прав. Был ли этот карлик реальным или только сном? Алиша начала верить в его реальность, но ей нравилось быть такой, какая она есть, и, судя по реакции мужчин, всё это стоило своего существования. О фотосессиях ей вообще не приходилось беспокоиться, фотографии сами находили её. Никаких снимков с раздвинутыми бёдрами или чего-то подобного, всё проходило вполне прилично, и Алиша наслаждалась сосредоточенным вниманием мужчин к её телу, получала за это хорошие деньги, и фотографии обычно были так добры, что присылали ей отпечатки лучших фотографий. Один даже для зарубежного заказа сделал несколько дополнительных, чуть более откровенных снимков и добавил 50 западных марок сверх оговорённого. Алиша была в соблазне бросить работу в

гардеробе, но её предупредили, что тогда её быстро могут притянуть как асоциала. Асоциальность, §249 УК, за это можно было загреметь на два года, так что Алиша предпочла оставаться по вечерам пару часов в своём гардеробе. Тяжёлой работой это не было, а коллеги были вполне милыми товарищами. Плюс швейная машинка, и Алиша считала, что для условий ГДР она вполне хорошо устроена.

И даже на Запад её теперь пустили.

Под ней виднелся горный массив. Надо будет подумать, что делать со своей жизнью. Но не сейчас. Сейчас отпуск, и Алиша хотела наслаждаться каждым его мгновением. Она откинулась назад. Я бы взяла ещё кофе, — сказала она стюардессе.





Институт специальной физики (Объект П)

Товарищи, приветствую вас здесь, на Объекте П, и мне жаль, что вас вырвали из ваших старых подразделений и притащили в это проклятое захолустье. Если бы это зависело от меня, я бы тоже остался в Берлине. Но эта работа здесь имеет особую важность. И очень важно: то, с чем мы имеем дело, должно сохраняться в строжайшей тайне до мельчайших деталей. Больше, чем обычно! То, что нам предстоит исследовать и изолировать, затрагивает основы нашего общественного строя. Поэтому ничего не должно просочиться наружу.

Для внешнего мира мы действуем под прикрытием как «Институт специальной физики», который занимается специальными фундаментальными физическими исследованиями и экспериментами. На любые вопросы извне отвечайте, что вы работаете только в администрации или вроде того и сами не имеете понятия об исследованиях. Кроме того, такие вопросы должны немедленно и как можно точнее, с указанием имён, места, времени и прочего, сообщаться, чтобы мы могли разобраться.

Он положил на стол топографическую карту. Не стандартное печатное издание, а нарисованная тушью вручную, с многочисленными последующими дополнениями. Справаверху красовался штамп

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Смотрите. Вот здание института, в котором мы сейчас находимся. А вот территория, которая является основным объектом нашей деятельности. Всё это закрытая зона. Она составляет примерно четыре на четыре километра, смешанный лес с полянами и множеством холмов, заболоченная низина. Закрытая зона окружена простым забором и охраняется воинской частью полка охраны. Тридцать пять человек, обычный режим службы, ничего особенного, товарищи из этой части не знают, о чём здесь идёт речь. Прикрытие — они охраняют заражённую опасную территорию. Их вход и объект службы находятся на противоположной стороне территории... вот здесь.

Он указал на карту.

Контакты с охраной следует избегать. Только дежурный нашего подразделения имеет контакт с дежурным охраны. Напоминаю: каждый товарищ должен знать только то, что ему абсолютно необходимо для непосредственного выполнения служебных обязанностей. Так что и здесь не допускайте разоблачения, пожалуйста. И вот, товарищи, внутри закрытой зоны есть отдельно огороженная

зона диаметром около трёх километров, которая в ближайшее время будет дополнительно защищена забором высокого напряжения. Это и есть та зона, о которой идёт речь. Никто не должен входить в эту зону, никто не должен её видеть! Это должно быть абсолютно гарантировано, вбейте это себе в голову. Исключения по особым причинам разрешаю только я лично. Для этого здесь, — он указал на точку на карте, — есть бетонированная дорога с отдельным проходом с нашей стороны, охраняемая нашим собственным персоналом. У охраны нет доступа. За внутренним входом дорога заканчивается. Там только пустошь, заросли, потому что внутри зоны нельзя без необходимости что-либо делать. Там происходят... вещи... непредсказуемые... необъяснимые... и рискуешь жизнью и здоровьем, если неосторожен и не следишь. Представьте, что там взорвалась фабрика нитроглицерина, и нитроглицерин всё ещё разбросан вокруг. Представьте, что взорвалась фабрика нервно-паралитического газа, и там всё ещё валяются ржавые контейнеры с газом. Представьте, что из земли то и дело торчат скрытые кабели, все под напряжением в тысячу вольт. И, возможно, ещё болотные участки, неизвестные организмы, глубокие ямы, едкие вещества и кто знает что ещё. Непредсказуемо, непрогнозируемо, необъяснимо, короче: опасно.

Он вытер пот со лба.

И мы далеко не полностью знаем эту территорию, товарищи. То, что мы охраняем, что мы исследуем, — это... ну... своего рода физический феномен, который не объясняется имеющимися научными знаниями. Пока не объясняется, подчёркиваю! Из этого обстоятельства открываются большие возможности для нас, но и большие опасности. Главная опасность в том, что противник может проникнуть и опередить нас в получении знаний. Поскольку явления в зоне представляют собой неизвестные физические величины, это могут быть знания стратегического значения — которые могут нанести нам смертельный удар. Сравните это с разработкой атомной бомбы в 1945 году, если хотите. Неизвестные величины! Поэтому осторожность. Конечно, от самой зоны тоже могут исходить опасности, но это менее важно, потому что менее вероятно. И, разумеется, мы сами можем получить знания. Однако всё, что несовместимо с марксистско-ленинским мировоззрением, следует отрицать. Там, где такое наблюдается, нужна сдержанность, пока не будет разъяснения, то есть объяснения, которое можно представить людям и которое будет правдоподобным. Неважно, правда это или нет. В любом случае недопустимо, чтобы где-то просто происходили сказки, и можно туда просто прийти и что-то пожелать. К тому же это было бы опасно, если бы такое было возможно. Даже правдоподобный слух об этом — уже катастрофа. И товарищи! Я упоминаю это, потому что в пределах возможного здесь действительно что-то такое есть. На это указывают некоторые признаки. Наша задача — взять это дело под контроль, разобраться, проверить применимость и предотвратить опасности. При этом защита секретности имеет приоритет над использованием. Перекур!

Товарищи, я сейчас опишу вам настолько, насколько необходимо, что здесь происходит и что здесь до сих пор происходило. Аэрофотосъёмка бесполезна, потому что объекты, которые нас интересуют, просто не появляются на фотографиях, точнее, соответствующие места всегда переэкспонированы, размыты или показывают что-то другое, магнитные записи полны помех, мы всё перепробовали. Даже вертолётom нельзя подлететь близко, потому что он начинает сбивать. А если смотреть с большей высоты, видишь другие вещи, чем когда находишься рядом. Это сводит с ума! Разведку приходится проводить исключительно пешком. И вот в этой точке, — он показал место в центре закрытой зоны на топографической карте, — главное. Там песчаная дюна, поросшая травой, с полуразрушенным остатком здания у подножия, от которого вниз ведёт полуразвалившаяся лестница; затем участок подземного хода, несколько разрушенных подвальных помещений, в конце — неповреждённая комната, построенная из полевого камня, ещё несколько ступеней вниз, в центре — большой валун с вырезанным рельефным изображением. Что-то вроде женского образа, но это, в общем, неважно. Особенность в том, что этот валун нельзя в прямом смысле коснуться, потому что ты просто проходишь сквозь него — можно даже просто войти внутрь. То есть какая-то иллюзия, неизвестное явление или неизвестная нам технология. Попытки копать справа или слева от валуна провалились. С жертвами. Как будто произошёл сильный электрический удар. Попытки с длинными манипуляторами всегда приводили к их уничтожению. То же самое с попытками копать с поверхности. Активные и пассивные измерения до сих пор во всех случаях из-за сильных помех не дали осмысленных результатов. К тому же любая активность внутри зоны в принципе смертельно опасна.

Он перевёл дух и вытер пот со лба платком.

Затем продолжил: Мы потеряли в зоне 18 товарищей... так что каждый шаг должен быть тщательно продуман. Если бы эта проклятая зона была хотя бы немного предсказуемой... но нет, место опасности, которое ты сегодня распознал, завтра безопасно, а кажущийся безопасным участок уже на следующий день может спалить тебе зад. Поэтому каждый раз нужно двигаться так, будто ты в неизвестной местности.

Но продолжим. Если войти в этот большой валун, попадаешь в большое помещение. И теперь начинается совсем безумие — дальше можно пройти только самому. Любые предметы, включая одежду и любую технику, даже простой камешек, не пропускаются, мы это тщательно проверили. И это ещё не всё, ты не выходишь с другой стороны камня, с другой стороны дюны, а попадаешь в совершенно неизвестную местность, которая не связана ни с одним известным местом в мире. Что-то вроде другого измерения, как это, возможно, известно из научно-фантастических рассказов. Немыслимо большое, возможно, даже бесконечное.

Громкий ропот.

Тишина! Продолжаю. Даже время сходит с ума. Если провести там двенадцать

часов, возвращаешься примерно через час. Всегда. Время там растягивается примерно 1:12, и ты этого не замечаешь.

Поэтому мы собрали всю доступную литературу — из социалистического и несоциалистического экономического пространства, исторические источники, научные книги, рассказы, всё, что удалось достать. Если чего-то не хватает, говорите, мы достанем. Всё это доступно вам в библиотеке без ограничений. Но воспринимайте это другое измерение только как теорию, как пример. Что это на самом деле, мы не знаем. Это реально, не иллюзия, это точно. Прохождение через этот камень в узком смысле даже не смертельно опасно, насколько нам известно, в отличие от окружающей зоны, но туда можно отправлять только особо отобранных людей, потому что камень, или другое измерение, как угодно, оказывает значительное влияние на личность соответствующего товарища. Здесь требуется чекистская твёрдость¹². И я вас предупреждаю, мы не шутим, н-и-к-т-о из вас туда сам не идёт, горе тому, кого я поймаю, это будет стоить двух полных месячных окладов без оглядки на потери, даже если у вас отпуск на носу! Для этой задачи подходят только отобранные неофициальные сотрудники, но ни в коем случае не штатные. И тех, кто из кадров туда идёт, потом нужно интенсивно и тщательно сопровождать и контролировать. Сопровождать в данном случае означает пять больших **Ч**: **Ч**то угодно в плане жилья, **Ч**то угодно в экономике, **Ч**то угодно с женщинами, **Ч**то вы хотите, **Ч**то вам угодно. На этом мы не экономим, средства одобрены и есть. Главное, чтобы они не сбежали. Так что гладьте их и будьте снисходительны. Но контроль не забывайте. Самый важный вопрос в нашем органе всегда: «Кто есть кто?», и мы не можем позволить, чтобы товарищи в этом другом измерении были перевербованы, а мы об этом не знали. Поэтому неофициальные сотрудники, не штатные, и, по возможности, без того, чтобы они точно знали, о чём речь. Были необъяснимые потери и предательство, поэтому эта мера предосторожности. В этом другом измерении мы сталкиваемся не только с условиями, которые для людей без твёрдой классовой позиции очень... ну... идеально выглядят, но и с очень высоким уровнем сексуального возбуждения и соответствующими переживаниями там. И всё это в совокупности может действовать на людей как сильный наркотик и вызывать такую зависимость, что всё остальное для этих людей отходит на второй план, они становятся нелояльными или даже предают нас. И это соблазнительное или наркотическое воздействие, если можно так выразиться, может стать для людей важнее всего, что мы им до того могли предложить. Это действует даже сильнее, чем западное телевидение на саксонцев.

Смех.

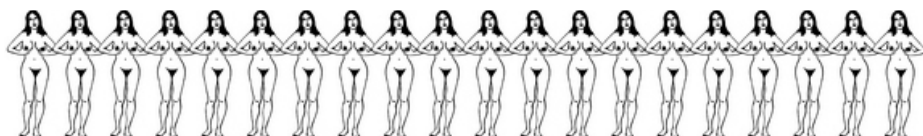
Товарищи, это же правда, извините. Так что запомните: никогда лично не проходить через этот камень. Там, где нужны официальные силы, у нас есть

12 ЧК (кто забыл): секретная служба Ленина, прообраз Министерства государственной безопасности. Позже ГПУ, НКВД и КГБ.

специальные товарищи из Берлина, которые проводят там марксистские и другие исследования.

Мы ограничиваемся инструктажем, использованием, сопровождением и контролем неофициальных сотрудников по нашим указаниям и сбором и интерпретацией информации. Вас интенсивно проинструктируют, как двигаться внутри зоны с минимальным риском и как деконтаминироваться после, чтобы избежать переноса каких-либо опасных веществ. Я настоятельно предупреждаю вас не выносить ничего из зоны, что не было бы явно приказано. Это чрезвычайно опасно, политически крайне рискованно и будет квалифицироваться как предательство и саботаж с соответствующими последствиями.

И ещё одна проблема: валун находится под землёй, то есть, по сути, незаметен, но это ничего не значит. Нужно выяснить, есть ли в этой местности люди, которым этот валун был известен до нас. Есть признаки того, что это так. Итак. Это последний пункт на сегодня, завтра начнутся общие тренировки по особенностям и знаниям, касающимся зоны, а для отдельных товарищей позже — поэтапные разведки объекта вместе с опытными товарищами.



Алиша: Путешествие в рай

Полёт и прибытие

В алжирской столице Алжире Алише пришлось сделать пересадку. В аэропорту ей без вопросов помогли найти стыковочный рейс. Это был гораздо меньший самолёт с пропеллером и небольшим количеством пассажиров. Полёт казался поездкой на автобусе по пересечённой местности: самолёт несколько раз приземлялся и постепенно пустел, и в итоге Алиша осталась в пассажирском салоне наедине со стюардессой. Теперь был бы подходящий момент, чтобы наконец-то дать своему лону немного расслабления, стюардесса сидела где-то впереди и ничего бы не увидела. Но монотонное гудение моторов и сильная жара действовали усыпляюще. А поскольку внизу не было ничего, кроме пустыни с небольшим разнообразием, усталость победила, и Алиша заснула.

Когда стюардесса её разбудила, Алиша чувствовала себя хорошо выспавшейся. Под собой она видела пустынные горы с причудливыми формами и цветами, а на земле проступали какие-то тропы. Ей подали что-то попить. Самолёт тем временем постепенно терял высоту и наконец пошёл на посадку. Крошечный аэропорт, несколько пальм, несколько небольших зданий, ничего особенного.

Стюардесса подняла внешнюю дверь маленького пассажирского самолёта вверх и опустила трап. Он немного заедал, пришлось помочь пинком. Внутри ворвался горячий поток воздуха. Снаружи воздух дрожал над взлётной полосой, простой дорожкой. В ста метрах виднелось здание аэропорта. «Норе you enjou your stay», — зевая, пробубнила стюардесса. Это значило что-то вроде «Желаю приятного пребывания». Но Алише слово «stay» показалось похожим на «остаться». Немаловажный вопрос для молодой женщины из глубинки ГДР, неожиданно получившей разрешение на поездку на западный юг. Ответ на эту игру слов можно было отложить, пока нужно было справляться с настоящим моментом.

Она стояла одна в этом странном аэропорту, потому что больше никого не было, кто мог бы выйти вместе с ней. Позади неё трап поднялся, и дверь закрылась. Она обернулась и посмотрела, как самолёт взлетает, теряя свои очертания в мерцании пустынного неба. Наконец Алиша закинула рюкзак на спину, повернулась к зданию аэропорта и направилась туда.

Странно. Никого не было видно. И здесь тоже. Ни души вокруг. Здание аэропорта оказалось полуразрушенным, и единственным ярким пятном на правой стороне была великолепно расписанная дверь.

Алиша направилась к ней.

Когда она открыла дверь, её ждал сюрприз. Внутреннее помещение в этой части здания было небольшим, но полностью intact, пол был очень элегантно выложен мозаикой, а стены украшены тонкой резьбой из ароматного дерева. К тому же внутренний дворик с скамейками, стульями, столами, множеством растений и довольно большим водоёмом с фонтаном. Присутствие воды ощущалось даже носом.

Уже лучше. Намного лучше!

Но это было ещё не всё: в пяти метрах стоял красивый, нет, прекрасный, нет, душераздирающе прекрасный мужчина средних лет. По оценке Алиши, потому что он выглядел немного старше её самой. И он стоял так, как будто ждал именно её. А почему бы и нет — в конце концов, она, похоже, была единственным человеком здесь. Теперь окончательно проснулось и её лоно, которое, видимо, спало немного дольше, чем сама Алиша.

Но между ней и этими красотами (мужчиной и помещением) путь преграждал пункт паспортного контроля. Две невысокие деревянные двери друг за другом, а между ними одна из тех высоких деревянных будок, в которых сидят контролёры. Спереди, от уровня живота и выше, застеклённая.

Подходите, подходите! — глухо раздалось, и, что удивительно, на немецком из стеклянной будки.

Раздался гудок, и первая дверь открылась. Когда она вошла и встала прямо перед стеклом, её удивление стало ещё больше: внутри сидел пограничник в точно такой же униформе, какую она видела при вылете в ГДР и тысячу раз до этого в ГДР: эта серо-зелёная форменная куртка, которую со времён последней войны так сильно ассоциировали с немецким солдатом, и на голове соответствующая фуражка. Но постойте, было одно отличие. Вместо кокарды с символами ГДР — молотом, циркулем и колосьями — на передней части фуражки красовался символ, похожий на стилизованную женскую фигуру, но у Алиши не было времени рассмотреть его подробнее. Что за странный пограничник, он же говорил по-немецки?

Паспорт, пожалуйста! — подтвердилось с лёгким саксонским акцентом из будки.

Она просунула паспорт через щель в будке, пограничник резко посмотрел на неё и затем погрузился в какие-то действия, которые снаружи, к сожалению, не были видны.

Проходите, пожалуйста! — наконец раздалось, паспорт вернулся через щель, и вторая невысокая дверь загудела, открываясь. Алиша выдохнула. Эти проверки всегда были гнетущими. И на этот раз ещё и озадачивающими.

Мужчина подошёл к ней.

Добро пожаловать! — сияя, сказал он. Я, так сказать, твой гид (лоно Алиши окончательно оживилось), хотя, честно говоря, я тоже впервые здесь. По крайней мере, именно здесь. В... аэропорту. Но у меня, помимо всего прочего, что я умею, есть куча подсказок и советов, а ещё джип, на котором мы потом поедем дальше. Он немного замялся. И я должен... следить за тобой.

Было очевидно, что он что-то опустил. И? — спросила Алиша, приподняв бровь.

Мне велено даже не думать о том, чтобы тебя трогать, и буквально сказать, что меня кастрируют, если я это сделаю. Он покраснел.

Алиша рассмеялась. А могу я, может, вставить словечко?

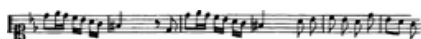
Нет. Он покраснел ещё сильнее.

А как тебя зовут?

Не могу сказать. Его краснота достигла предела воображимого. Я не виноват. Я могу сказать тебе только несколько вещей, я могу есть только подошвы твоих туфель, если у тебя закончится еда, и я отвечаю... отвечаю... важными вещами, если кто-то посмеет тронуть хоть волосок на твоей голове.

Он замялся. Пойдём сначала. Ещё есть кое-что, что нужно сделать.

В помещении было несколько дверей, и к одной из них мужчина теперь направился. Он обернулся: Пойдём! Когда Алиша подошла к нему, он постучал в дверь. Она здесь. Он сказал это по-немецки.



Обследование

Мужчина поманил Алишу внутрь, и она вошла в помещение. Он последовал за ней, закрыл дверь и остался стоять у закрытой двери изнутри.

На противоположной стороне комнаты Алиша увидела нечто вроде подиумного стола, за которым сидели пять человек: три мужчины и две женщины. Судя по их внешности, они могли быть из совершенно разных стран и континентов, и трое из них носили врачебные халаты. В центре комнаты стоял гинекологический смотровой стул. Он был так ориентирован, что женщина, сидящая на нём, должна была выставлять напоказ свою самую сокровенную часть в сторону стола для совещаний. Слева у стены стоял обычный стул, а справа у стены виднелась какая-то деревянная конструкция, назначение которой Алиша не могла понять. В правом заднем углу стоял лабораторный стол с микроскопом, несколькими инструментами и различными коробками и принадлежностями.

Сердечно добро пожаловать, — сказал мужчина, сидящий в центре за столом для совещаний, с впечатляющей бородой и теперь одачивающий её ослепительной улыбкой. У меня сейчас есть один важный, решающий вопрос. Если ты сейчас ответишь «Нет», тебе организуют интересный отпуск, о котором

не придётся сожалеть. Ни о чём! С живописными пустынными пейзажами, красивыми оазисами, людьми, базарами — всем, что здесь есть в этой стране и среди её людей, включая карманные деньги. Но это будет лишь утешительный приз, потому что у нас есть основания полагать, что ты можешь найти кое-что гораздо более интересное.

Но вы же меня совсем не знаете, — запинаясь от смущения, пробормотала Алиша.

Нет, мы знаем тебя довольно хорошо, — улыбаясь, ответил бородатый мужчина, — иначе тебя бы здесь не было. Тот, кто добрался сюда, в некотором роде... уже избран. Хочешь услышать, что я хочу спросить?

Да!

Я не буду говорить слишком много слов. Пока только вот что, затаи дыхание, это важно: то, что тебе здесь предлагают, — это шанс всей твоей жизни, шанс, который получают лишь очень немногие и который до сих пор получили лишь немногие. То, что тебя ждёт, грандиозно, настолько грандиозно, что превосходит всё, что ты могла себе представить. Я не преувеличиваю! Но каждый должен и имеет право решать сам: веришь ли ты, что сможешь справиться в среде, где сексуальность играет центральную роль в повседневной жизни, где многое в социальной жизни регулируется через неё? И важно, это включает в себя, что время от времени... ну, я бы сказал... тебя просто берут без лишних вопросов?

Алиша сглотнула. В этом вопросе было многое. На всякий случай она уточнила, приподняв бровь: То есть примерно... как если бы я была на вечеринке, где все немного навеселе, голышом тусуются и занимаются этим, и вдруг кто-то мне засаживает?

Все за столом рассмеялись.

Примерно так, — ответил бородатый мужчина. Но правила действуют и в обратную сторону, то есть женщине тоже разрешено и, главное, нормально брать мужчину.

Как это должно работать, — спросила Алиша, — ведь мужчины обычно гораздо сильнее женщин?

Но их легче уломать, — ответила одна из женщин за подиумным столом, — обычно достаточно немного потрясти грудями и крепко ухватить за член, и твой секс в кармане. Ой, прости, пожалуйста.

Алиша покраснела.

И, — добавила женщина, — это происходит не только в фантазиях, и это не только формально разрешено, но и делается.

Алиша мгновенно почувствовала влагу между ног. С моралью было такое дело. Её соблюдали, требовали, но вдруг замечали, что где-то в глубине тёмных архаичных уголков сознания голова хочет совсем другого, чем та часть, называемая разумом, которая была непосредственно доступна. Поэтому Алиша громко, но скорее себе самой, спросила:

Разве это не аморально?

Что такое мораль? — ответила женщина вопросом. Это другая мораль. С тем же успехом можно сказать, что аморально запрещать людям удовлетворение базовых потребностей. Почему моральнее показывать в фильмах убийства людей, а изображение счастливого сексуального акта в конце любовного фильма запрещать? — Это, наверное, связано с тем, что зачатие, беременность и воспитание детей, как и обеспечение женщины, должны быть встроены в безопасную изолированную среду. Это понятно. Но что, если нежелательные беременности можно надёжно предотвратить? И если женщине с детьми общество предоставляет безопасную среду? В этом случае эта мораль, по сути, теряет смысл. Хотя стоит отметить, что виды животных с постоянной сексуальностью также имеют постоянные партнёрства, то есть постоянная сексуальность, так сказать, вообще создаёт институт брака. У животных с циклической сексуальностью почти никогда нет длительных союзов, и детёнышей там обычно воспитывает только один из партнёров, почти всегда самка. Если у видов с постоянной сексуальностью всё иначе, то логично предположить, что сексуальность выполняет не только функцию размножения и удовольствия, но и является настоящим клеем брака. Этот момент, функцию связи сексуальности, я не могу отрицать и даже хочу подчеркнуть, что эволюция или Бог, как тебе угодно, глубоко укоренили в нашем подсознании, что мы исполняем единственный смысл жизни — создавать новую жизнь. У жизни нет другого смысла, хотя можно предположить, что бездетные люди выполняют свои функции, такие как защита, создание условий, регулирование или что-то ещё. Иначе нельзя объяснить, почему, например, молодые мужчины (она с улыбкой в глазах посмотрела на невероятно красивого мужчину, стоявшего позади Алиши) так стремятся постоянно рисковать своей жизнью и здоровьем, что проходит только к концу двадцатых. Может быть, они защитники тех, кто рождает детей. Или почему некоторые люди гомосексуальны. Возможно, виду нужен определённый процент людей, не обременённых детьми? Как бы то ни было. Держи в голове, что надёжный постоянный мужчина в уютно-мещанском браке с малышом под ёлкой может вызывать очень интенсивное чувство счастья, и менопауза наступает быстрее, чем ты думаешь. Так что, если ты скажешь «Да», живи не только моментом, но и думай наперёд. То, что мы тебе предлагаем, возможно не только для тех, кто не связан и не имеет детей. Я, например, счастливо замужем уже 20 лет и у меня трое детей.

Когда женщина закончила, слово снова взял бородатый мужчина: Алиша, место, куда ты можешь попасть, очень древнее; не сотни, а тысячи лет, возможно, гораздо старше. Но оно всегда строго хранилось в тайне. О нём рассказывают только легенды, но их много. Хочешь ли ты пережить эти легенды ценой того, что тебе придётся принять совершенно другую мораль, включая открытие своего тела для других? Или у тебя есть ещё вопросы, прежде чем ответить?

Ннет, — ответила Алиша, запинаясь от смущения. И поспешно: Я имею в виду

только насчёт вопросов.

Алиша снова сглотнула, её взгляд упал на гинекологический стул, она заколебалась, но наконец выпрямилась и сказала, с красным лицом, но твёрдым голосом:

Да, я хочу.

Это было слишком заманчиво.

Хорошо, — сказал бородатый мужчина. Ты должна знать, что ничего здесь для тебя не будет каким-либо образом опасно. Может быть, необычно, сложно, утомительно, неловко, возможно, иногда связано с болью, но терпимой, но никогда по-настоящему опасно. За это позаботились. И есть особая причина, почему ты здесь. Ну... есть эта определённая сексуальная сторона. То, что ты здесь, не связано с тем, что у тебя красивые груди и попа — они у тебя есть, — а с тем, что движет тобой глубоко внутри, по-настоящему движет. Даже в тех слоях твоей психики, о которых ты сама ещё не знаешь. Поэтому тебя выбрали, а не кого-то другого. Не потому, что ты любишь закусывать парнями (Алиша снова покраснела), а потому, что ты готова допустить в себе архаичные стороны, исследовать их и, конечно, потому, что у тебя есть такие архаичные стороны... вполне определённые. У тебя есть предопределение, и поэтому кто-то проложил тебе путь сюда. Никто, кроме тебя, не получил бы эту поездку, и ты так или иначе оказалась бы здесь, рано или поздно. Так что ещё раз: Добро пожаловать!

А теперь раздевайся.

Алиша заколебалась. Не то чтобы после её «Да» это не было бы ожидаемо. И не то чтобы она никогда не раздевалась перед врачами, но эта ситуация была другой, как-то более унижительной. Эти пятеро людей и этот смотровой стул, и к тому же за ней стоял этот невероятно красивый мужчина, которого не попросили выйти из-за обследования.

Раздевайся.

Она не перелетела через Великую стену, не вышла из серости и не добралась сюда, в середину пустыни, и не сказала «Да», чтобы теперь повернуть назад. Почти абсурдная мысль, учитывая, как далеко она уже зашла. И ещё эта история с особой избранностью... Самолёт давно улетел, мелькнуло у неё в голове. А если здесь что-то нечисто? Если государство продало её как симпатичную европейку за валюту богатому шейху пустыни для его гарема и его

извращённых желаний¹³? — Чушь, подумала она, её же нельзя бесследно исчезнуть. Или можно? Нет, ерунда, это можно было бы сделать проще, без всей этой возни. А если это всё-таки богатый шейх? Её лоно без спроса подсказало, что куча драгоценностей и камней (которыми её завалят) плюс интенсивное внимание сказочного принца могли бы чувствоваться неплохо. Её разум возразил, что свобода тоже нужна, и не каждый принц идеален. Принц остаётся принцем, возразило лоно. Спустя ещё мгновение разум признал, что её реально существующая свобода обычно ограничивалась хорошо освещённым бетонным периметром, в центре которого не было ни диких оргий, ни золота (даже для обручальных колец). Лono согласилось, и оба сообщили Алише результат голосования.

Так что Алиша решила и подошла к стулу, стоявшему слева у стены. Рюкзак на пол, куртку на стул, рубашку туда же, теперь туфли перед стулом, юбку на стул. Остались белая майка и трусики. Она перевела дух, схватила майку, стащила её через голову и наконец избавилась от трусиков.

Иди сюда.

Алиша подошла к подиумному столу. Одна из двух женщин, врач, встала и вышла из-за стола. У неё были чёрные волосы, строго зачёсанные назад, она выглядела решительно, но не недружелюбно. Из кармана халата она достала стетоскоп и прослушала Алишу. Также заглянула ей в рот, глаза и уши, постучала, пощупала руками и, наконец, взялась за её груди, как это делает гинеколог. Но делала она это гораздо дольше и тщательнее, и Алиша почувствовала, что внимание остальных за столом, кажется, усилилось. Незаметно, нормально развиты, нерожавшая, спокойная грудь. Она вернулась на место. Теперь встал второй врач, мужчина. Это значит, что ты ещё не рожала, и твоя грудь не даёт молока, — полушёпотом сказал он ей. — Я сейчас возьму у тебя немного крови, не бойся, это быстро. Он уколол ей палец, пошёл с пробой крови к лабораторному столу в углу и погрузился в её исследование. Тем временем третий врач встал и дружелюбно подтолкнул Алишу к гинекологическому стулу: Иди, садись. Алиша села в стул. Два врача развели её ноги и положили их на подставки. К большому удивлению Алиши, вокруг её лодыжек защёлкнулся механизм, так что она теперь не могла встать, даже если бы захотела. Как будто этого было мало, её запястья тоже зафиксировали таким образом. Не бойся, — сказала врач, — помни: то, что именно ты выбрана, связано с тобой самой, и ничего серьёзного с тобой не случится.

Как будто это не серьёзно!

Но после всего, что уже произошло, им, похоже, пришлось бы заново определять, что считать серьёзным событием. Но это было не всё, Алиша

13 Алиша здесь, однако, поддаётся стереотипу: сообщения о европейских женщинах, похищенных в гаремы в Аравии, не соответствуют действительности, но раньше были популярной темой в эротической беллетристике для женщин. Наиболее известен бестселлер 1919 года «Шейх» Эдит Мод Халл (Edith Maude Hull: The Sheik).

почувствовала, что эта унижительная ситуация её каким-то образом возбуждает, в прямом сексуальном смысле. Возможно, потому, что на её списке дел всё равно оставалось что-то незавершённое, а может, потому, что за ней стоял этот душераздирающе красивый мужчина, который был выделен только ей, но, к сожалению, не для тайных дел. То, что происходило в Алише, должно быть, было совершенно очевидно в виде влажной припухлости, особенно для врачей, которым значение анатомических процессов вокруг её обнажённого центрального отверстия было более чем ясно. Как неловко! Что, впрочем, только усиливало эффект. И все теперь смотрели туда, где происходила эта неловкость. Пульсирующе и влажно. Не все, врач у лабораторного стола только теперь встал, подошёл к ней и сказал, что было совершенно излишне: Оставайся спокойной, девочка, — и осторожно ввёл палочку в её влагалище, ещё одну и ещё одну другую, после чего вернулся к лабораторному столу, чтобы каким-то образом исследовать палочки.

Так Алиша лежала, как экспонат, с раскрытыми воротами в сторону подиума. Никто, похоже, не считал, что в этом есть что-то необычное. Даже в том, что её вульва была максимально набухшей и блестела от влаги.

Алиша, — сказал бородатый мужчина, не врач, — это обследование скорее не проверка, а защита для тебя. Если, например, что-то найдут, мы сначала позаботимся, чтобы ты была здорова. У нас есть для этого замечательные возможности. И, конечно, мы хотим знать, на что нам, возможно, нужно обратить внимание в твоём случае. Но отчасти это, эта... проверка... ещё и ритуал, сохранившийся со временем. Каждый из нас здесь был в такой же ситуации, но каждый из нас привык к этому «взгляду в рай» (он подчеркнул эту формулировку), как, скажем, к взгляду на распустившуюся розу. Красиво смотреть. Он повернулся к лабораторному столу: Как далеко ты?

Готово, — был ответ, — всё без замечаний, просто замечательно, ни беременности, ничего другого. Он встал и подошёл к Алише: Твоя вульва хорошо реагирует, — сказал он, — некоторые женщины тебе позавидуют. Теперь расслабься и не сопротивляйся. Он нанёс гель на всю правую руку и очень умело, но настойчиво, медленно и равномерно вошёл ею в её влагалище. Не сопротивляйся, — сказал он, — полностью расслабься, откинься назад. Он продвинулся ещё глубже. Это не было чувством давления, как опасалась Алиша, но это было невероятное растяжение, которое на мгновение лишило её дыхания. Но только у входа во влагалище. Глубоко внутри казалось, будто её тело охотно поддаётся или всегда имело достаточно места для целой мужской руки. Алиша вцепилась в подставку для рук и с силой упёрлась раздвинутыми ногами вниз. Врач немного ослабил давление, что принесло Алише огромное облегчение. Посмотри сюда, — дружелюбно сказал врач и достал зеркало из кармана. Вот как далеко мы уже продвинулись. Алиша увидела, что почти вся его рука исчезла в ней. И это не совсем соответствовало ощущению расслабления, которое она только что испытала, когда давление уменьшилось. Удивительно, что всё возможно! Теперь попробуй ещё раз полностью

расслабиться, не напрягайся, будь совсем свободной, да, вот так хорошо. Алиша позволила этому случиться. Врач слегка повернул руку, сильное растяжение, невероятно сильное растяжение, Хаааааа, расслабление, он был полностью внутри. Остальные захлопали в ладоши, включая невероятно красивого мужчину. Молодец, — шепнул он ей. Ситуация была абсурдной, совершенно абсурдной. Ей почти публично засунули целую мужскую руку во влагалище, и публика аплодировала. Ещё один удивительный день. Но теперь уже всё равно, она даст этому идти своим чередом. Её мать всегда говорила: «Когда репутация испорчена, живётся совсем беззаботно», и подразумевала, что Алиша ещё хуже, чем она сама. Но абсурдность текущей ситуации сняла напряжение, и Алиша повеселела. Хорошо, подумала она, я сижу здесь с влагалищем, широким как ворота амбара, сейчас с мужской рукой внутри, и я могла бы теперь злиться или извлечь из этого что-то. Чтобы остаться приличной, я могла бы остаться дома. Да здравствуют неприличные. Со вздохом она расслабила мышцы и опустилась в подушку смотрового стула. Посмотри ещё раз сюда, — сказал врач перед ней. Алиша наклонилась вперёд и снова посмотрела в зеркало, которое врач держал в левой руке. Она увидела, что его рука полностью исчезла в ней, и её влагалище обхватило его запястье. Я сейчас немного помассирую, — сказал врач. Ощущение было не лишено интереса, но врач, к сожалению, слишком быстро закончил, последовало ощупывание шейки матки и внутренней части влагалища, затем он быстро, но не слишком, вытащил руку из её влагалища. Удивительно, что всё возможно, подумала Алиша, даже то, что влагалище быстро закрылось, как будто ничего не было. Только возбуждение, к сожалению, не ушло и медленно превращалось в настоящую муку. Приятную, но муку.

Оба врача теперь отстегнули её от смотрового стула и помогли встать.

Так, теперь иди сюда.

Они подвели Алишу к странной деревянной конструкции, находившейся справа в комнате. Алишу прижали вперёд к вертикальной доске, которая на уровне головы имела подкладку, а на уровне груди — вырез. Снова зафиксировали запястья и лодыжки, но на этот раз ещё и крепко привязали бёдра. Врач надела Алише чёрную тканевую повязку на глаза и голову, так что она больше ничего не видела. Она сказала Алише: Люди реагируют иначе, когда ничего не видят. Повязку потом снимут, не волнуйся и расслабься, тебе ничего не нужно делать — всё, что нужно, сделают другие. Алиша почувствовала, как её груди протянули через отверстия в доске. Руки проверили, хорошо ли сидят ремни, и поправили положение её ног. Алиша ощутила, как доска слегка наклонилась вперёд, может быть, на 45°, может, чуть меньше, но не совсем горизонтально, и лежать было очень удобно. Теперь заговорил врач: То, что сейчас будет, обычно очень приятно. Отдайся этому ощущению и полностью расслабься. Это займёт, возможно, 30 минут, и в это время мы не будем задавать тебе вопросы и ничего от тебя требовать, чтобы ты могла по-настоящему расслабиться. Лучше всего закрой глаза и просто мечтай.

Начала играть музыка, не совсем тихо, но и не слишком громко, во всяком случае, заполняя пространство. Мелодия напоминала восточные мотивы, но не совсем, это были инструменты, которых Алиша не знала, ритмичные, но успокаивающе равномерные звуки, которым можно было отдаться. Обязательно танцевальная, но всё же медитативная музыка. Невероятно хорошая музыка, подумала Алиша. И поскольку было приятно тепло, ей действительно удалось расслабиться.

Тем временем две руки взяли её слегка свисающие через отверстие в доске груди, намазали их маслом (так это ощущалось) и начали массировать. Чрезвычайно умело массировать. Алиша заурчала от удовольствия. Такое обращение она бы с радостью принимала ежедневно. Руки взялись за основание грудей под мышками, пальцы проникли в структуры груди, не будучи грубыми, и промассировали её. Таким образом, ощупывающие, чувствующие и массирующие пальцы совершили путешествие вокруг её грудей, нашли множество мест, ждавших расслабления, и выполняли спиральные круги вокруг груди, пока не приблизились к соскам. Теперь произошло нечто, что на мгновение озадачило Алишу, прежде чем она привыкла; пальцы начали выполнять доильные движения на её сосках, нет, чуть дальше, в сторону ареол, ну... доильные движения, попеременно лево-право, лево-право, сначала заходя в ареолы, а затем разглаживая к соскам. Лево-право, лево-право, лево-право, ритм слился с музыкой. Алиша начала привыкать к ощущению, лево-право, лево-право, лево-право, всегда в такт музыке, но так, как будто музыка была написана для доения её грудей, а не доение подстраивалось под музыку. Интересно ощущается, отметила Алиша. Хм, возможно, даже больше, чем интересно, подумала она чуть позже. На самом деле даже больше, чем больше, чем интересно. Так и должно быть, добавил разум, это эрогенные зоны. И это эрогенные зоны, чтобы мотивировать женщин давать молоко, продолжил разум. Чёрт возьми, она же не дойная корова! Но это было вполне приятно... Поэтому коровы добровольно идут на доение? Совсем развращённые твари? Хмммм, доящие руки втягивали её в ощущения. Это происходило с ней, это больше не была она сама, чувство непреодолимо навязывалось ей. Лево-право, лево-право. Да какая разница, слабо подумала Алиша, пусть я корова, главное, чтобы за мной возились обещанные полчаса. Это расслабляло. Очень расслабляло. Лево-право, лево-право. Алиша почувствовала, как в её лоне что-то начало нарастать. Алиша, подумала Алиша, ты же сейчас не получишь оргазм? Лево-право, лево-право, ритм беспощадно навязывался ей, и, будучи связанной, она не могла этому сопротивляться. Лево-право, лево-право, чувство в лоне усиливалось, лево-право, лево-право, чувство в лоне начало излучать волны по всему телу, которые равномерно становились всё сильнее. В груди возникли зоны наслаждения, которые постепенно заполняли грудь и распространялись сзади вперёд, пока не достигли кончиков сосков... и наконец накопленная энергия, начиная с лона, взорвалась мощным оргазмом, который, благодаря громкому крику Алиши, не имел шанса остаться незамеченным. Это была не резкая

короткая, а медленно и мощно нарастающая взрывная волна, которая навязалась Алише и не допускала сопротивления. И ещё одна взрывная волна пришла, между ними лево-право, лево-право, ритм, который безжалостно продолжался. Алиша тяжело выдохнула, но лево-право, лево-право, руки на её грудях не останавливались. Одна взрывная волна остановилась и подняла Алишу в качающуюся высоту, где она задержалась, лево-право, лево-право, она была дойной коровой, которую доили. Алиша парила на вершине приятной взрывной волны, вдали от всех турбулентностей, ничего не делать, ни за что не отвечать, позволять с собой делать, позволять другим делать, позволять другим думать. Взрывная волна замерла, поднялась вверх, и Алиша погрузилась в мощное облако, которое отеснило мир, но мягко защитило её. Алиша впала в полудрёму, лево-право, лево-право, дойным коровам не нужно работать. Она почти заснула, но наконец обещанные полчаса действительно закончились, руки ещё раз кратко промассировали её груди, встряхнули их и — шлёп! — сильный удар ладонью по её попе вернул её в реальность. Ай! Но горящая попа снова её разбудила.

Ты заставляешь всех завидовать, — рассмеялась врач, снимая с Алиши повязку и освобождая её. Тот, кто тебя доил, кстати, знаменитый мастер своего дела и здесь только ради тебя.

Алиша (в очередной раз) покраснела.

Не стыдись, — сказала врач, — твоя реакция была такой, как ожидалось, и это очень поможет тебе позже. Кое-что я могу тебе теперь открыть: если бы ты отказалась, ты бы получила свою поездку плюс пребывание, ну, в одном из тех более свободных курортных мест, где иногда переступают границы. Чтобы ты не была разочарована. Но раз ты согласилась на наш маленький тест, ты получишь больше... то, что мы обещали, главный приз. Она подмигнула Алише. Не спрашивай сейчас, ты ещё поймёшь. Но к практическому: теперь тебе некоторое время семь раз в день будут делать такие массажи груди, и, если хочешь сделать себе услугу, делай это позже и сама несколько раз в день, когда будешь одна, примерно так, как ты только что испытала, без масла тоже неплохо получается рукой. Ты не обязана, но это было бы полезно. Догадываешься, почему?

Не совсем, — призналась Алиша. Это ощущается... и звучит так, будто из моей груди должно пойти молоко. Но это же чушь... или нет?

Нет, не чушь. В принципе, любая женщина может иметь молоко и без беременности. Во время беременности просто образуется много железистой ткани. Это, по крайней мере в принципе, единственное различие. Но само выделение молока происходит по запросу. Если молоко нужно, что сигнализируется груди регулярным сосанием, она отвечает выделением молока. Независимо от того, была ли до этого беременность. Но грудь с большим количеством желез может давать много молока, а с малым — меньше. Поскольку спрос определяет предложение, даже грудь без предшествующей

беременности может постепенно давать больше молока. Поэтому, например, в изначально существовавших культурах бабушка могла подкармливать или сестра умершей матери могла вмешаться. Мы, так называемые цивилизованные, этого больше не знаем, но природа это предусмотрела. В твоём случае, Алиша, ты должна быть способна давать молоко. Это тебя немного шокирует?

Да, нет, то есть, нет. Нет! Я просто хочу понять...

Алиша уже внутренне была готова пережить это приключение, и... ну... чёрт возьми. Это же не пытка. Но ей всё же нужно было немного времени, чтобы всё осмыслить.

Наконец врач спросила: И ещё кое-что — ты принимаешь таблетки?

Да.

Покажешь мне упаковку?

Красивый мужчина подал Алише рюкзак, и она достала упаковку таблеток.

Врач взглянула на неё и сказала: С сегодняшнего дня пока их не принимай. Ты могла бы продолжать, но это было бы неудобно. Ты всё равно не забеременеешь, причины узнаешь позже.

Можно мне...? — спросила Алиша.

Нет, нельзя, пока нельзя. Большая наглость, да? — Врач дружелюбно посмотрела на Алишу и взяла её за плечи. Пока нельзя. И я обещаю, ты не пожалеешь о своём предварительном доверии. И теперь желаю тебе всего хорошего для того, что ещё предстоит... Ах... чтобы хоть что-то открыть, вот эти (она с озорной улыбкой ткнула пальцем в груди Алиши)... они вырастут. Врач подмигнула Алише.

Не то чтобы Алиша была недовольна своими грудями, но *чуть-чуть побольше* точно было в её списке желаний. Это действительно возможно?

Врач, уже отходя, шепнула Алише: Есть *декоративные груди* и есть *полезные груди*. *Полезные груди* — интереснее! Врач изобразила жест «Тссс!», но громко рассмеялась и наконец вернулась к подиумному столу¹⁴.

Алиша... — раздался голос второй женщины за подиумным столом.

Алиша повернулась к столу.

Алиша, теперь тебе предстоит ещё одно небольшое испытание, во-первых, как проверка для тебя самой и для нас, а во-вторых, потому что иначе не получится. И в-третьих, это даст тебе ещё немного времени на размышления. Ты сейчас начнёшь путешествие с этим мужчиной, — она кивнула на красивого мужчину, стоявшего у двери. — Вы получите внедорожник, бензин, воду, еду и отправитесь в путь. Мужчина, который тебя встретил, имеет достаточно информации, чтобы найти дорогу. Избегайте любых контактов с другими

14 Врач здесь намекает, что неактивная женская грудь — это лишь обман природы, к тому же появившийся в эволюции гораздо позже способности к лактации. Размер активной груди определяется железистой тканью, тогда как неактивная грудь состоит из жировой ткани и выполняет чисто сигнальную функцию. Такая имитация способности давать молоко существует только у человека, но не у других видов животных.

людьми, которых вы, возможно, случайно встретите. Вероятность мала, но вдруг какие-нибудь кочевники или искатели приключений забредут в эту местность. И следите, чтобы вас не заметили с возможных самолётов, и не разводите огонь. У тебя есть фонарик?

Да.

Не используй его под открытым небом. Место, куда вы идёте, не должно стать известным никому. Никому! Обещаешь, что действительно постарайся?

Конечно да. Алиша теперь рассмеялась.

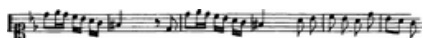
Красивый мужчина вмешался: Алиша, это действительно важно. Когда ты узнаешь, о чём речь, ты поймёшь; было бы жалко, если бы то, что мы посещаем, было разрушено, а есть достаточно людей, которые бы это разрушили. Просто доверься мне?

Хорошо, — сказала Алиша, — обещаю. Я приложу все усилия, чтобы это загадочное место, о котором вы говорите, осталось загадочным. Но я уже лопаюсь от любопытства, вы это понимаете?

Смех.

Понимаем, — сказала женщина, — и, честно, я бы с радостью рассказала тебе больше, но ты не должна знать, пока не увидишь сама. Никто не должен знать, пока не увидит сам. Нам не разрешено говорить, но этот запрет и имеет смысл. Знаешь, это совсем другое — пережить что-то самому или знать об этом абстрактно. Всё, хватит разговоров, вы хотите сегодня ещё выехать.

Те, кто ещё сидел, теперь встали со своих мест и подошли к Алише, которая, голая, была окружена шестью одетыми людьми. Ей пожали руку, шепнули, что её ждёт нечто невероятное, бросали загадочные взгляды — и затем её отпустили, и она осталась (голая) наедине с невероятно красивым мужчиной в комнате.



Путешествие в Землю Обетованную

Пойдём, — сказал красивый мужчина, — в фонтане впереди можно искупаться, думаю, тебе это очень пригодится. Без лишних вопросов он просто взял вещи Алиши, и ей ничего не оставалось, кроме как следовать за ним голышом. Когда она догнала его, он уже был в красивом приёмном зале, через который она прошла ранее. Он положил её вещи на скамейку, сам разделся догола (да!) и, смеясь, плюхнулся в фонтан.

Давай, иди! Не стесняйся, мне всё равно нельзя тебя трогать. Он плавал на спине, и его сильно набухший указатель свидетельствовал, что правило и собственное желание, как часто в жизни, находились в противоречии.

Алиша выдохнула и тоже прыгнула в воду. Как же это было здорово! Фонтан был, пожалуй, по грудь, и Алиша задержала дыхание, чтобы полностью

погрузиться в воду. Она нырнула на дно и к другому концу фонтана. Дно было выложено изысканным мозаичным узором, который, к сожалению, из-за множества пузырьков воздуха нельзя было полностью рассмотреть. Когда Алиша вынырнула и отряхнула мокрые волосы, она решила, что ради того, чтобы искупаться голышом в фонтане в зале аэропорта, стоило бы совершить отдельное путешествие. Не хватало только пассажиров и персонала, желательно побольше нефтяных шейхов и женщин в чадре, которые бы на неё смотрели. Алише это сейчас показалось бы крайне заманчивым. Но, к сожалению, никого не было, даже странный пограничник, похоже, исчез, и от пятерых человек из комнаты для обследования тоже не было следа, хотя они её уже видели голой, так что это не считалось. Алиша ещё раз глубоко нырнула в фонтан, рассмотрела мозаичное дно, сделала несколько плавательных движений и снова вынырнула.

И что теперь?

Берём вещи, идём к машине и едем. Внедорожник стоит готовый к выезду снаружи, и провизия уже внутри. Ты готова?

Минутку, — сказала Алиша, ещё раз глубоко нырнула в бассейн и, вынырнув, сказала: Теперь. Теперь можно ехать. Нет, всё-таки нет. Женщины ужасно любопытны, знаешь ли. Зачем это обследование? Я имею в виду, от всех этих странностей я уже ничему не удивляюсь, и если бы я не была уже наполовину как во сне, то...

Алиша не знала, как продолжать спрашивать.

... но в чём смысл? Это что, похищение девушки для гарема богатого нефтяного шейха? Но зачем такой огромный размах и зачем эта проверка? И зачем это с грудями?

Алиша искренне беспомощно посмотрела на мужчину, который подплыл к ней. Он откинул прядь волос с глаз, которую вода фонтана туда смыла. Он долго смотрел на Алишу без слов, вдохнул, но не заговорил, вдохнул снова, взял голую Алишу своими сильными руками за оба плеча, глубоко посмотрел ей в глаза (Алише стало совсем иначе) и наконец сказал:

Я действительно не могу ничего тебе сказать, к сожалению, пока. Только то, что ты *не* пожалеешь. Правда не пожалеешь. Подожди всего пару дней, не больше.

Вдруг он дерзко ухмыльнулся и открыто посмотрел на груди Алиши:

Но кое-что я могу тебе открыть. Твои груди станут красивее и полнее. Примерно на два размера чашечек. Обещаю с гарантией возврата денег.

Вдруг мужчина покраснел и быстро добавил:

Не то чтобы им это было нужно, они и сейчас очень красивы, я просто имею в виду, потому что большинство женщин всё равно жалуются на свои груди.

Так-так, — ответила Алиша, — значит, они и сейчас красивы, по-твоему, но могут стать ещё красивее?

Мужчина покраснел ещё сильнее и замаялся. При этом он отпустил плечи Алиши.

Я только имею в виду, — пробормотал он, — сама увидишь.

Это звучало так, будто стоит отнестись серьёзно. Не то чтобы у Алиши не было тех или иных желаний относительно своих грудей. Но какое тайное знание это могло быть, разве такое не разошлось бы повсюду? В любом случае, любопытство Алиши разгорелось достаточно, чтобы броситься в это приключение. Покой, порядок и безопасность она могла бы иметь дома, но это явно не было её мечтой. Жизнь это не затрагивало, здоровье тоже, а свободу у неё и дома отняли. Так что остальное было вопросом определения, и стоит ли серьёзно задаваться вопросом, что моральнее — сделать разум шлюхой ради достижения цели или лоно. Алиша была за честность, в том числе перед самой собой. Поэтому поворот назад для неё был исключён.

Когда они наконец вылезли из воды, мужчина почесал голову. Полотенец у нас нет, — обнаружил он.

Ну и что, — сказала Алиша, — если мы уже купаемся голыми в зале аэропорта, не должно быть проблемой использовать ветер от езды как полотенце. Или здесь всё-таки есть люди?

Нет, — сказал мужчина, — ни единой души; это место обычно совершенно заброшено. Раньше это был французский военный пост или что-то в этом роде, но это было давно. Пойдём просто к машине.

Так, оба голыми, неся одежду в руках, покинули зал аэропорта и направились к внедорожнику. Джип, сказала бы Алиша, но для неё любой внедорожник был джипом. Этот выглядел так, с лобовым стеклом спереди и крышей сверху, но открытый по бокам. Мужчина небрежно бросил одежду и рюкзак Алиши в заднюю часть машины и занял место водителя. Алиша села рядом на пассажирское сиденье. Мужчина достал из бардачка блокнот, открыл его, и Алиша увидела инструкции для поездки: налево, направо, прямо, что-то в этом роде, а также дополнительные указания по местности, но без карты.

Мужчина потянулся к приборной панели, чтобы завести машину, но Алиша сказала: Погоди. Он убрал руку и посмотрел на неё.

Ты... — смущённо спросила она, — они там говорили про семь раз в день, ну, эту массаж. Это серьёзно?

Да, — просто ответил он, — я буду это делать, я не так хорош, как этот мастер, но я не без опыта. И, чтобы не ходить вокруг да около: говори «доить», потому что это оно и есть.

Алиша посмотрела на мужчину. Он произнёс это слово ни вульгарно, ни унизительно, ни вызывающе, даже без особого акцента. Слово «доить».

Мужчина заметил замешательство Алиши и улыбнулся. Доить — значит молоко. Назови лучшее слово, но честное, без обиняков.

Алиша не нашла. Но это звучит грубо, — сказала она.

Разве не странно, что вещам придают грубое звучание, хотя они вовсе не грубые? — Это наше грядущее приключение, отдайся ему, оно того стоит!

Куда они ехали? Что с ней собирались делать? Неужели всё-таки что-то вроде

похищения в пустынный замок? — Но для этого было задействовано слишком много людей. Для такого размаха она должна была бы быть королевой красоты или чем-то подобным, а Алиша себя таковой не считала. Разве что она была «спецзаказом» для кого-то с особым вкусом. Такое, говорят, бывает! Но что в ней могло побудить похотливого скупающего шейха пустыни привезти её издалека?

Нет, всё чушь... Женские особенности можно было бы достать гораздо проще. Алиша решила, что она не спецзаказ для богатого нефтяного шейха.

Тем временем машина завелась, и они поехали. Ветер от езды при такой жаре был чрезвычайно приятен, и высушить кожу, мокрую после купания, не составило труда. Они быстро оставили позади жалкий заброшенный аэропорт. Дороги не было. Только по расположению камней и старым следам шин можно было понять, что они следуют по тропе, специально проложенной для транспорта. Следы пересекались, расходились, вели к ним. Они ехали на внедорожнике в сторону гор, возвышавшихся на горизонте. Всё время прямо. Оба уже снова оделись, так как солнце нещадно палило, и его лучи даже сбоку находили путь к их коже. Для питья мужчина взял только чистую воду, но тёплая кола всё равно не была бы напитком часа, и, если подумать, вода с лёгкой жаждой на вкус была просто превосходной.

Через три часа первая остановка. Снимай рубашку, — сказал мужчина. Алиша уже при торможении знала, что будет. Во время поездки она подсчитала: один раз утром и один раз вечером — остаётся пять раз в промежутке. При семи разгах в день им, вообще-то, уже раньше надо было остановиться. Алиша сняла рубашку и снова сидела с голой грудью на своём сиденье. Если к этому невероятно красивому мужчине нельзя было подобраться иначе, то хотя бы так. Вылезай и обопрись головой о машину. Нет, чуть больше наклонись вперёд. Мужчина налил масло на ладони, растёр его, подошёл к Алише сзади и начал массировать её груди. Хмммм, приятно. И вообще прикосновение такого мужчины... Он начал массаж, обхватив обеими руками основание груди под мышками, и медленно продвигался большими кругами, сужающимися кпереди. Алиша замурлыкала. Особенно интересными оказались места сбоку сзади и спереди сверху. Он долго задерживался в области ареол, но, коварно, оставлял сами соски без внимания, хотя они были совсем рядом, полсантиметра дальше, и было бы, наверное, ещё интереснее. Хотя текущее ощущение тоже стоило назвать незабываемым. Мужчина делал маленькие круговые движения указательным и средним пальцами в области ареол и осторожно проникал в более глубокие ткани груди, ощупывал структуры в груди и осторожно их промассировал. Закончив с одной точкой, он ставил два пальца на другую часть ареол и начинал сначала. Это не было так откровенно сексуально, как у того мастера, но всё равно мечта приятного прикосновения. В какой-то момент мужчина, к сожалению, завершил внутренний круг вокруг сосков (увы, без

них!). Это было слишком коротко, решила Алиша, максимум две или три минуты. Теперь он приложил кончики пальцев тыльной стороной ладони к основанию груди у плеча и провёл руками к соскам. У Алиши побежали мурашки, и соски напряглись. Он приложил пальцы чуть в стороне и снова провёл к соскам. Он коснулся сосков! Хотя только сбоку сзади вперёд. Так он быстро обошёл обе груди. Соски с ареолами отреагировали, превратившись в твёрдые изрезанные вулканы. Странное, но чудесное ощущение, но ещё быстрее прошло. Но теперь наступила третья стадия: мужчина обхватил её качающиеся груди с боков и встряхнул их быстрыми движениями — тоже по кругу вокруг грудей. Но увы! Вскоре и это приятное удовольствие закончилось. Алиша уже была готова разочароваться, ведь это длилось максимум пять или шесть минут, как пальцы мужчины наконец схватили её соски. Большим пальцем с одной стороны и указательным со средним с другой стороны сосков он начал, начиная от ареол за сосками, выполнять разглаживающие, доящие движения вперёд, массируя, выжимая, тяня. И делал это умело, но с немалой силой! Алиша на несколько мгновений засомневалась, ведь ощущение было весьма сильным. Но, поскольку оно не превышало критической границы, она снова расслабилась и позволила этому происходить. Это тоже оказалось приносящим удовольствие. Алиша блаженно вздохнула. Продолжай, только не останавливайся, подумала она. Но и это закончилось, хотя и после чуть более долгого времени.

Так, хватит, — решил мужчина, — десяти-двенадцати минут достаточно. Было слишком сильно?

Алиша покачала головой. Она была ещё немного в отрешении.

Пойдём, садись, мечтать можешь в машине, нам надо дальше, — добавил он. Алиша наполовину ожидала завершающего шлепка по попе, но его не последовало. Когда она открыла глаза, мужчина не ухмылялся, а просто смотрел на неё открытым взглядом.

Как тебя, кстати, зовут? — спросила Алиша.

Тим. Вообще-то Томас, но никто меня так не называет, потому что, кажется, каждый второй так зовётся. Прозвище Тим я получил по какому-то герою детектива.

Как ты стал моим гидом? — спросила Алиша.

Строго говоря, я не гид, — ответил Тим. Конечно, где-то и гид, но скорее я что-то вроде твоего раба. Да, правда! У меня есть долг, который я должен отработать, вот причина. Но не навсегда. И не думай, что мне это не нравится. Напротив. То, что я получу, стоит всего и даже больше. Я должен тебя защищать, вести и быть полезным тебе во всех отношениях, которые не приносят мне пользы и не угрожают моему заданию.

Алиша прищурилась. Честно говоря... ты мне больше чем аппетитный. Предположим, я прикажу тебе немедленно меня трахнуть, ты должен будешь это сделать?

Нет, — сказал Тим, — я не могу, потому что это невозможно без того, чтобы я сам не испытывал удовольствия, то есть не извлёк бы пользу. Кроме того, оргазм, возможно, неизбежен, а я обязан соблюдать что-то вроде celibата.

Ты монах?!

Нет, — сказал Тим, — только на определённое время, и я могу участвовать в сексуальных делах, но не могу получать от них удовлетворение, по крайней мере, в это время.

Но если я прикажу тебе лизать меня или трогать пальцами, ты должен будешь это сделать?

Да, — сказал Тим, — должен. И он уставился прямо через лобовое стекло быстро едущего внедорожника.

Не бойся, — сказала Алиша, — я вообще не хочу, — и надела рубашку.

Через три часа повторилась пауза, поездка продолжилась, и ещё раз остановились только ради того, чтобы помассировать груди Алиши. Нет: «подоить». Так проходили часы, горы приближались, и к вечеру они их достигли. К удивлению Алиши, виднелись остатки старого ржавого забора. Они проехали через него и направились к горам. По пути попадались совершенно разрушенные здания. Алиша надеялась, что в горах будут тенистые пальмы или что-то подобное, но были только скалы и щебень, ни единого засохшего растения. Их машина пробиралась по долине между горами. Солнце нещадно палило даже вечером, и разноцветные скалы отбрасывали его лучи в их машину. Алише казалось, что они уже целую неделю ехали, когда Тим при последних лучах солнца вдруг воскликнул, что они завершили первый этап. Он указал вперёд, где виднелась далеко нависающая скала. Там мы заночуем, — сказал он. Он направил внедорожник к этой скале, заехал под неё и наконец выключил мотор.

Вылезая, Алиша едва могла выпрямить спину, короткие остановки как-то не считались для спины и ног. Она потрясла конечностями и взяла воды, чтобы умыться лицо.

Не трать слишком много воды, — сказал Тим, — у нас достаточно, но никогда не знаешь, как всё обернётся.

Алиша решила последовать совету. Тим бросил ей одеяло. Спим в машине, из-за скорпионов. Здесь их, говорят, немного, но зачем отказываться от комфорта, который есть.

Сиденья машины откидывались назад и вместе с подстилкой образовывали довольно удобное место для сна. Последний массаж груди Алиша получила, на этот раз лёжа на спине, спереди. Она уже закрыла глаза, и, поскольку массаж был расслабляющим, заснула во время него. Ночью она в полусне заметила, что Тим действительно даже ночью исполнял свою обязанность по её грудям. Не мои хлопоты, подумала она в полусне и мгновенно снова задремала.

Ночью оставалось тепло, хотя Алиша ожидала сильного похолодания.

Напротив, около 22–25 градусов были приятны после дневной жары, и Алиша спала хорошо, кроме одной паузы.

На следующее утро Алиша проснулась первой, потому что давило некое потребность, и, обойдя скалу, чтобы облегчиться, Тим последовал за ней и сказал сидящей на корточках Алише: Не делай так, оставайся в моём поле зрения. Или, другими словами: будь всегда там, где ты можешь меня видеть. Я не знаю, что нас ждёт, но я уже видел много неожиданного, чего не ожидал. Так что лучше не рисковать только потому, что тебе надо покакать. Я буду делать так же. Давай, начинай. И он действительно остался стоять на месте.

Слушай, не можешь хотя бы отвернуться? Я так не могу!

Можешь. Если не сейчас, то точно позже. А если не позже, то ещё позже.

И правда, это помогло, без необходимости ждать *ещё позже*.

На завтрак были хлеб, остро посолённая колбаса, фрукты и много воды. Алише это показалось не таким уж плохим, так как она была сильно голодна, а странно окрашенные скалы вокруг создавали довольно привлекательный контраст.

Скажи, — спросила Алиша, — эта солёная колбаса — не глупая идея, если нам надо экономить воду?

Нет, — пробурчал Тим, жуя, — во-первых, другая еда в такой жаре не выдержит, во-вторых, это восполняет соль, которую ты выпотела, и в-третьих, экономия касается не питья, особенно для тебя. Пей сколько хочешь и даже побольше. Но вода только для питья, вот и всё.

Когда она закончила есть, Алиша потянулась, опираясь спиной о камень, зевнула и с дерзким взглядом: И, теперь меня ещё подоят, да?

Да, подоят, но смейся, сколько хочешь, позже ты будешь мне за это очень благодарна.

Почему, чёрт возьми, вообще?! — вырвалось у Алиши. Это что, правда надо, чтобы я, как глупая индюшка, извини, корова, ничего не знала?

К сожалению, да, — сказал Тим, — но ты скоро всё узнаешь, и тогда тебе будет лучше, чем мне, если это тебя утешит.

Ну же, — извиняясь, сказала Алиша, — делай свою обязанность, но нельзя ли это сделать прямо здесь? Вид здесь красивый, мы сидим в тени...

Я могу сесть за тобой, — сказал Тим, — это даже очень удобно, подвинься чуть вперёд.

Алиша подвинулась, так что между её спиной и скалой образовался зазор. Тим скользнул туда и теперь сидел, широко расставив ноги, за ней, но между ними оставалось расстояние в ладонь.

Снимай рубашку.

Алиша сняла рубашку и сидела с голой грудью перед ним. Его руки, как и в прошлые разы, скользнули под её подмышки и начали массировать её груди. Алиша блаженно замурлыкала, и, поскольку случай был подходящий, она прислонилась спиной к его груди.

Так тебе должно быть удобнее, — сказала Алиша.

Должно, — ответил он.

Алиша хихикнула. Бедняга. Его эрекция явно противоречила его краткому ответу, так как она более чем заметно упиралась в её попу. Но массаж действительно хорошо получался, возможно, поддерживаемый физической близостью. Алише казалось, что его руки и пальцы лучше проникали в её груди, мяли, массировали и выжимали, двигаясь концентрическими кругами сзади вперёд, пока наконец её ареолы и соски не начали доиться, лево-право, лево-право, лево-право. Сначала быстро и стимулирующе, затем медленнее и глубже. Как это расслабляло... Мысли Алиши уплывали... каково было бы, например, быть пленённой богатым красивым шейхом пустыни в оазисе как молочной рабыней, самым ценным экземпляром его коллекции, хорошо обеспеченной за качество её молока, содержимой в хорошем настроении и освобождённой от работы... И красивые рабы, возможно, даже рабыни, доили бы её. А её молоко она сама подавала бы в красивой фарфоровой чаше, как самое ценное в его питании, чтобы приносить ему здоровье и долгую жизнь, не говоря уже о высоком наслаждении уникальным вкусом её драгоценного молока. А вечером и утром он предпочёл бы пить молоко прямо из её тела.

Лево-право, лево-право, лево-право.

Толчок в плечо: Готово, пойдём, вставай.

Долина пустыни сменяла долину пустыни. Поездка сменялась паузой для массажа груди, пауза для массажа груди сменялась поездкой. Это не осталось без последствий. Как бы ни были приятны паузы, чтобы размять спину и ноги, массажи явно оказывали своё действие на груди Алиши. Они реагировали лёгким натяжением, особенно по бокам, и стали чувствительными к прикосновениям. Алиша сказала об этом Тиму.

Может, сделаем перерыв, пока груди немного привыкнут? — Алиша действительно беспокоилась.

Нет, — очень твёрдо сказал Тим, — это натяжение в начале нормально и хороший знак. Оно станет ещё сильнее. Твои груди сейчас растут, знаешь?

Они просто так растут? Больше ничего не нужно? Верить и слушать — разные вещи! Это бы давно разошлось, если бы груди можно было так дёшево увеличить. Думаешь, я бы этого не сделала, если бы хоть слух о таком простом трюке был в ходу?

Но это так, — сказал Тим. Дай мне делать и сама отдайся этому.

И они останутся большими?

Да и нет, — сказал Тим. Только если регулярно делать массажи... или что-то ещё — но ты ещё узнаешь.

Последнюю часть Алиша уже не услышала. Вот в чём подвох. Никто в обычной жизни не смог бы так часто делать массажи. Алиша сказала это вслух.

Выше голову, — рассмеялся Тим. Они останутся с тобой, поверь мне.

И поездка продолжилась.

Так прошёл ещё один день.

И ещё один.

Поездка стала однообразной, хотя пустынный пейзаж не был лишён очарования. Временами Алиша засыпала во время езды, потому что не было ничего лучше.

Вдруг, когда солнце уже было близко к горизонту, Тим остановил внедорожник, и Алиша проснулась.

Что случилось?

Тим посмотрел в свой блокнот, затем на окрестности и пробормотал: Это совершенно точно, мы на месте. Но он снова поехал, внимательно разглядывая скалистые склоны слева. Через несколько километров он внезапно переключился на низшую передачу, и внедорожник с рёвом мотора пополз вверх по склону, пока не показалась пещера. К ней он направился, заехал на несколько метров внутрь и заглушил мотор.

Конечная для машины, — сказал он, — дальше пойдём пешком. Возьми свой рюкзак. Еду и воду несу я, но, если у тебя есть место в рюкзаке, бери побольше воды... никогда не знаешь. Но не перегружайся, еда, питьё, путь и безопасность — моя работа.

Алиша положила ещё воды в рюкзак. Копаясь, она снова наткнулась на упаковку таблеток. В голове эхом отозвалось: «Ты всё равно не забеременеешь, причины узнаешь позже». Алиша скомкала упаковку и хотела выбросить её в пещеру.

Нет, не делай этого, — сказал Тим. Упаковка выдаёт своё происхождение. — Тим взял у Алиши упаковку, положил её дальше в пещере вместе с мятой бумагой на землю, плеснул на неё бензина и поджёг. Алиша смотрела на дымящийся огонь. То, что осталось, Тим растоптал ногой и засыпал песком.

Когда всё необходимое было вынуто из машины, Тим вытащил из внедорожника песочного цвета брезент, накрыл им машину и придавил края брезента щебнем. Наконец он набросал песка на края брезента, и машина в полумраке пещеры была неплохо замаскирована.

Тем временем стемнело. Они поели при свете слегка потрёпанной свечи в пещере, и затем Алиша получила свой обязательный массаж груди. Ей показалось, что Тим сильнее, чем обычно, тянул её груди в длину... иначе это не описать. Вдруг Тим остановился, порывшись в рюкзаке, достал фонарик и посветил на левую грудь Алиши. Смотри, — сказал он и, взяв большим и указательным пальцами в области ареол глубоко в грудь, сделал ловкое, медленно выжимающее, сильное доящее движение к соску. Алиша в свете фонарика увидела, как выдавилось грязно-жёлтое густое капельное пятно.

Я заметил это ещё вчера, — сказал Тим, — но цвет ещё не был таким идеальным. Станет больше, и скоро цвет будет белым, по-настоящему белым. Сейчас возможен любой даже самый абсурдный цвет.

Это настоящее молоко? — удивлённо спросила Алиша.

Почти, — сказал он, — это своего рода предшественник, но скоро у тебя будет настоящее молоко, и его будет всё больше. Чем больше, тем легче тебе потом будет.

Зачем всё это? — спросила Алиша. Мне это очень интересно, ощущение не плохое, и, поскольку это делаешь ты, это больше, чем просто это, — Алиша покраснела, — но в чём смысл?

Тим замялся. Знаешь, ты должна узнать только тогда, когда будешь там... но там тебе это понадобится, твоё молоко, я имею в виду... и... я... нет, я ничего не скажу, но это грандиозно, слышишь, ты избранная, и ты никогда не пожалеешь. И я тоже когда-нибудь стану избранным.

У него были слёзы на глазах, настоящие слёзы. Алиша сглотнула. Всё в порядке, — прошептала она, — всё в порядке. Я же тебе доверяю.

Избранная...

Пойдём, надо идти, — хрипло сказал Тим, — в эту сторону. Он левой рукой указал в сторону выхода из долины и правой рукой закинул свой рюкзак на спину. Алиша, давно потерявшая всякое чувство, где они находятся, снова надела рубашку, закинула свой гораздо меньший рюкзак на спину и последовала за ним.

Была уже ночь, и, поскольку на небе не было ни единого облака, а звёздное небо сияло во всей красе, да ещё и светила полная луна, ориентироваться было легко. Мы будем идти всю ночь с паузами, — сказал Тим, — под палящим солнцем ты бы этого не выдержала. Хорошо, что ты спала во время поездки.

Так они шли через ночную пустыню, час за часом, с паузами, которые благодаря массажам груди приятно затягивались, и снова дальше. Когда Алиша хотела присесть вне плановых пауз, Тим тут же подгонял её: Ты станешь вялой, если сядешь, лучше постой минутку, если нужна передышка. Дальше, час за часом. Поскольку ноги Алиши болели, она мысленно благодарила свои груди, которые регулярно давали ей паузы. Лишь когда приближалось утреннее солнце, Тим выбрал для сна выступающую скалу, обещающую тень. Здесь переспим день, — сказал он и помог Алише снять рюкзак. Алиша была смертельно уставшей, ноги болели, и для её полностью вспотевшего тела она не желала ничего больше, чем купание в фонтане, которое у них было перед отъездом. Хорошо, что на ней были старые изношенные походные ботинки, а не новые, которые здесь точно устроили бы ей ад. Алиша ела уже во время массажа груди и едва заметила, как Тим искренне восхищался первыми белыми каплями из её грудей. Тим казался вечным двигателем, просто неутомимым, тем более удивительно, что Алиша могла спать беспробудно, тогда как ему приходилось прерывать сон, чтобы массировать и доить её груди. Она просыпалась от этого лишь на мгновение, но тут же снова засыпала. Или не всегда просыпалась — точно Алиша не могла сказать. После еды Алиша скорее

рухнула набок, чем легла. Здесь есть скорпионы, мелькнуло у неё в голове, но она была так уставшая, что ей было всё равно. Когда Тим ел ужин, Алиша уже спала. Она не заметила, как он накрыл её одеялом.

Так они переспали дневную жару. Алиша проснулась во второй половине дня, без необходимости её будить. Рубашка была задрана, Тим, бедняга, должно быть, её доил, и её груди сильно натягивались.

Пойдём, когда стемнеет, — сказал Тим, и Алише эта идея была более чем по душе.

Слушай, можешь сделать что-нибудь хорошее для моих грудей? — Они невыносимо натягиваются.

Тим сел за ней и начал свою работу — лево-право, лево-право, лево-право. На самом деле подлая ловушка: доение делало груди дикими, что вызывало желание быть подоенной, что делало груди дикими, что вызывало желание быть подоенной. Но это было приятно. Приятно и расслабляюще. И похотливо. И большое внимание, уделяемое её грудям, было особым бонусом. Когда Тим через три или четыре минуты замедлил ритм и начал глубже проникать в груди, выжимая их в длину, Алиша увидела, как молоко буквально брызнуло из её груди. Только раз, но всё же, и Алиша громко рассмеялась. Класс! — воскликнула она, — это было минимум на метр. И чувствуется хорошо, — добавила она. Она повернулась к Тиму. Можно тебя поцеловать?

Ты можешь, но я не могу ответить, — тихо ответил Тим.

Она помедлила мгновение, но затем вывернулась, повернулась к нему на коленях и нежно поцеловала его в лоб. Только этот раз, обещаю! И послушно вернулась в исходное положение, прислонившись спиной к его груди.

Она почувствовала, как ритмичное тянущее движение на её грудях стало чуть сильнее, и эрекция начала упираться в её попу.

Затем у неё проснулся здоровый аппетит, и она с большим удовольствием съела не слишком аппетитную еду.

Когда они оба удобно сидели под скальным навесом, прислонившись к камню и осматриваясь, Алиша впервые *по-настоящему* заметила, насколько разнообразны были горы пустыни и что у них была своя красота. Изрезанные скалы причудливых форм и разных цветов, а у их ног — тончайший золотисто-жёлтый песок. Если долго смотреть на странные скалы, с некоторой фантазией можно было представить, что они изображают людей, животных или здания. Так что Алиша была почти разочарована, когда солнце зашло, и Тим после ещё одного доения её грудей (снова с брызгами молока) поторопил её с выходом. Алиша заметила, что Тим ещё больше, чем обычно, следил за тем, чтобы ничего не оставить и замести все следы.

При отправлении Алиша немного хромала, и Тим обеспокоенно посмотрел на неё, но хромота прошла через несколько сотен метров. Помимо того, что ноги всё ещё болели, они, вероятно, просто «заржавели». Алиша в прошлых отпусках много ходила пешком и решила, что переживёт и эту прогулку по пустыне.

Ночная температура снова была приятной, а звёзды и луна освещали путь. Но ходьба давалась Алише тяжелее, чем в предыдущую ночь, и после пауз для доения ей совсем не хотелось вставать. Тим же, напротив, держался на удивление хорошо и казался тренированным бегуном. Временами он забирал у Алиши рюкзак, неся его в дополнение к своему багажу. Но Тим не терпел долгих пауз и постоянно напоминал Алише не садиться во время коротких остановок. К внеплановым паузам для доения он, к сожалению, не поддавался. И он начал нормировать воду. Просто на всякий случай, сказал он. Так прошла и вторая ночная прогулка, после которой Алиша, совершенно измотанная, мгновенно заснула и ничего, абсолютно ничего не заметила о том, когда, как долго и как часто её доили.

Когда Алиша проснулась во второй половине дня, снова с открытыми грудями, Тим уже давно не спал. Он не дал ей выйти из тени и указал на небо, где далеко над ними виднелся самолёт. Подожди ещё, — сказал он.

Алиша, которой срочно нужно было пописать, разозлилась. Неужели этот маленький самолёт так важен?

Важен, — ответил Тим. Просто вырой здесь под скалой ямку в песке и пописай туда. Алиша сдалась, присела и наблюдала, как под ней образовалась лужица, которая быстро впиталась в песок. Она намеренно заняла позу, чтобы Тим получил как можно лучший вид на её раздвоенное лоно. Не то чтобы она была возбуждена, для этого она была слишком измотана, но ей хотелось позлить Тима, который казался в хорошей форме и не мог её трогать. К сожалению, он нарочно отвернулся, что лишило Алишу удовлетворения.

Зато Алиша полностью расстегнула рубашку — только из-за жары, мог он подумать. И она оставит её открытой, и в яркой лунной ночи её качающиеся груди будут то и дело попадаться ему на глаза, и он ничего не сможет с этим поделать, потому что должен держать её в поле зрения. Пусть мучается, подумала она, она же тоже мучается. Но всё же ей стало немного жаль Тима, который не мог её трогать и был только для неё. Тем не менее, Алиша решила оставить рубашку расстёгнутой, потому что это просто приятно ощущалось с лёгким дуновением воздуха на коже. И вообще, несправедливо, что только мужчины могут расстёгивать рубашку, когда захотят.

Тиму ничего не было заметно, и он доил её после завтрака так же умело, как прежде. Брызг молока стало больше, и Алише было жаль, что они так бессмысленно впитывались в песок.

Отправление далось ей ещё тяжелее, подошвы болели, и она уже сейчас чувствовала себя полностью измотанной. Но Тим неуклонно подгонял вперёд, постоянно призывал к быстрому шагу, когда он начинал замедляться. Завтра утром мы там, — утешал он. Когда завтра, после этой ночи? Или после следующей?

Завтра — это завтра, — улыбнулся Тим, и Алиша снова удивилась, откуда он ещё берёт силы. Если ты этой ночью будешь идти быстро, ещё одной ночной

прогулки не будет, я ещё раз хорошо посмотрел в своём блокноте. У нас даже есть небольшой запас времени, если будем продолжать быстро идти.

Мы могли бы...

Нет, не могли, — рассмеялся Тим, — медлить не приносит пользы и в сумме отнимает больше сил. Но утешься, снова время для твоих грудей.

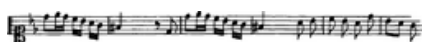
Отдаться, наконец, прильнуть к Тиму и закрыть глаза, лево-право, лево-право, лево-право. Тим поддразнил её, брызнув молоком ей в лицо.

Проклятый негодяй!

Он рассмеялся. Чувствую запас энергии, — сказал он. Поехали!

И дальше, метр за метром, километр за километром, час за часом. Обычные паузы между ними, плюс короткие остановки стоя, чтобы попить, и Алише уже было всё равно, что её голые груди свободно качаются в терпимо тёплом ночном воздухе, только дальше, дальше...

И дальше, метр за метром, километр за километром, час за часом. Вдруг, в одной из многочисленных долин пустыни, Тим схватил её за плечо, в каком-то произвольном месте, где Алиша действительно не могла найти ничего особенного. Мы на месте, — взволнованно прошептал он. Затем откашлялся. Мы на месте, — сказал он ещё раз нормальным голосом, но всё же тише, чем обычно. Здесь, через несколько сотен метров, начинается зона.



Зона

Зона?

Да, — сказал Тим. — Мы направляемся к определённой точке в зоне, недалеко отсюда, может, три или четыре километра. Но на это у нас уйдёт полдня, и на этот раз мы пойдём днём. После обеда отправимся. Нам нужна хорошая видимость. Но сейчас сначала отдых. Найдём ещё один скальный выступ.

Ты не сказал мне, что такое зона.

Тим замялся. Наша цель в самом центре, туннель... и оттуда прямо в рай. Через несколько часов я расскажу тебе больше.

Когда они нашли достаточно большую скальную нишу, Тим, к удивлению Алиши, достал из рюкзака лёгкую палатку и поставил её. Снимай обувь и ставь ноги в палатку, не касаясь земли, — потребовал он. Алиша сделала это, пока Тим держал её за руки. Теперь вытяни руки. Он промыл её вытянутые руки драгоценной водой и тряпкой. Теперь в палатку и ничего не трогай снаружи. Затем Тим проделал ту же процедуру с собой.

Что здесь? — спросила Алиша.

Здесь намусорили, — сказал Тим. Точнее, не здесь, а в зоне, но мы перестраховываемся. Мы близко к цели и воды нам больше много не понадобится.

Доеение на этот раз было больше обязательной программой, Алиша чувствовала, что Тим взволнован. Тем не менее, после еды она снова довольно быстро заснула.

Но на этот раз Алиша проснулась раньше. Было около двух часов дня, и солнце выжигало всё вокруг. Подождём ещё немного, — сказал Тим, — жара даже в тени невыносима.

После еды, которую они ели в палатке, Алиша не выдержала: И что это за зона? Тим глубоко посмотрел ей в глаза: Сначала ещё раз доеение перед последним отрезком!

Алиша сняла рубашку и повернулась спиной к Тиму. Тим подвинулся к ней, одна нога слева от Алиши, другая справа, провёл руками привычным образом под её подмышками к грудям и начал их массировать.

И?! — спросила Алиша. — Что такое зона?

Знаешь, — начал он, растягивая слова, — мы приближаемся к входу в совершенно особый мир...

Подземный мир?!

...нет, не совсем, это сложно объяснить. Это совсем другой мир. Его называли Атлантидой, Раем, Загробным миром, у него много разных имён. О нём пели, его жаждали, но при этом его и ненавидели.

Ай! — воскликнула Алиша. — Только счастливые коровы дают хорошее молоко, а ты тянешь мои груди на метры, если так продолжишь. Но рассказывай быстрее дальше.

Извини. Тим доил чуть сосредоточеннее.

Я не выдумываю, — продолжил Тим. — Через несколько часов ты увидишь это своими глазами и почувствуешь на собственном теле. И тогда согласишься каждому моему слову. Но сначала о зоне. Человек странный. Рай восхваляют, только пока он недостижим. Но стоит ему стать осязаемым, его начинают проклинать. Замечала? Веселье, по сути, дозволено только в строго ограниченных рамках, и даже в малом масштабе мещане завидуют другим за то, на что сами не решаются. А власть основана на способности давать или лишать людей чего-то. Нужны ли людям священники, если всего в изобилии, для всех и даром? Нет. Занавес в православной алтарной стене символизирует вход в Рай, и никто, кроме священника, туда не допускается. За занавесом в храме иудеев находилось Святое Святых, тоже табу для простых смертных. Похоже в других религиях. На протяжении истории постоянно пытались ограничить или совсем запретить доступ к Раю. Но там (Тим неопределённо указал в долину пустыни) всё ещё есть вход. (Он продолжал доить.)

Алиша потеряла дар речи. Она сглотнула. Это уже не было абстрактным, это было вполне конкретным и осязаемым. И за сумасшедшего она Тима не считала. К тому же его послали другие. Но главное, мошенники и выдумщики обычно отодвигают объект желаний подальше и избегают конкретики. А это было конкретным и осязаемым. Это было так близко. Неужели это правда... По

всему телу Алиши побежали мурашки.

Так сильно твои соски не подоишь, — сказал Тим, и Алиша рассмеялась. Расслабься, — поддразнил Тим и коварно посмотрел прямо на соски Алиши, что усилило эффект.

Рассказывай дальше, — попросила Алиша.

Тим продолжил: Пытались разрушить вход, но они не знают: это не удалось. Тим радостно рассмеялся. Алиша почувствовала его дыхание на своём затылке. Не удалось, — повторил Тим. — Но путь туда теперь стал опасным. Они столкнулись с основными силами вселенной, и это имеет последствия. Есть тропа к входу, которую нужно знать, но нельзя отклоняться от неё ни на метр, иначе это может стоить жизни, потому что за пределами тропы действуют необъяснимые могущественные силы. Людям пришлось заплатить жизнями, чтобы разведать этот путь. И даже на самой тропе нужно быть осторожным. Если делать всё правильно, пройдёшь безопасно. Но, ради бога, делай всё точно так, как я тебе говорю, хорошо?

Тим остановился в движениях рук. Обещаешь мне это?

У Алиши волосы встали дыбом от волнения. Обещаю. Но зачем весь этот маскарад, если они и так знают это место? И что это за Рай?

Руки Тима продолжили работать с грудями Алиши. — Первое, — сказал Тим, — никто не должен заметить, что кто-то интересуется этим местом, иначе они могут прийти проверить. Отсюда второе: они думают, что вход разрушен, и должны продолжать так думать. Третье: это, этот Рай... не идеален. Можешь представить, что не очень приятно каждый день есть торт со взбитыми сливками и под звуки арфы непрерывно петь аллилуйя с ангелами.

Алиша рассмеялась. Как в том анекдоте, где в аду пьют и кутят, и одна вечеринка следует за другой?! — Она полуобернулась к Тиму.

Тим ухмыльнулся. Да, как-то так, но гораздо больше. Каждому он кажется немного иным, в зависимости от самых сокровенных желаний. Каждый переживает разные вещи, приключения, опасные дела и банальности. Все вместе переживают только то, что у всех общее. Грубо говоря. И к этому относится, безусловно, *всё*, что люди открыто или тайно любят делать. Сбываются вещи из ящика твоих самых секретных стыдных желаний, и по необъяснимым причинам, без твоего участия. Там нет табу, это... как во сне. Это главное.

Алиша посерьёзнела: Но тогда трахаться там точно есть, и немало.

Да, — сказал Тим, — это играет там важную роль, в том числе в повседневной жизни. Убери моральные правила, которые навязали нам правители, священники или даже просто соседи для нашего контроля, и ты примерно представляешь, что происходит.

Алиша сглотнула. Но тогда это, наверное, и больше, чем просто трахаться.

Да. — Тим на мгновение остановился в доении. — Да. (Теперь он доил

превосходно. Интересно, подумала Алиша про себя.)

Но что с тобой? — громко спросила Алиша. — Почему ты не можешь? Или там можешь?

Нет, — сказал Тим. — Я пробрался туда без разрешения, не так, как ты, официально избранная. Я шпионил для Штази, знаешь...

Чтооо?!

Да, не смотри так. Я действительно офицер Штази. Вообще-то. Теоретически. Строго говоря. Пока я... ну... ай, это сложно объяснить.

Он перестал доить.

Алиша откашлялась.

Он продолжил.

Я начну с другой стороны, — продолжил Тим. — Есть ещё входы. Не бесчисленные, но есть и другие. В ГДР нашли один из таких входов, и теперь Штази хочет знать, что происходит. Но всё строго секретно. Вокруг входа они создали запретную зону, и никто не должен никогда добраться до... Рая. И в будущем тоже, насколько я знаю. Даже нам, офицерам Штази, не разрешалось. Посылали лишь немногих особо отобранных людей, которых Штази потом подозрительно контролировала. Ну, а я... несмотря на все запреты, вошёл в этот Рай. Я был полностью ошеломлён красотой мира, который там нашёл, и возвращался туда тайком снова и снова. Через какое-то время я перебежал. Вот так со мной обстоят дела. Если ты расскажешь об этом дома, ты сдашь меня Штази на расправу.

Боже мой, — прошептала Алиша, — я этого не сделаю.

Тим продолжал: В... Раю... не хотят нежеланных вторженцев. То, что тебя выбрали, — это нечто особенное. Но мне всё же дали шанс. Поэтому я служу три полных года в качестве слуги, и в это входит воздержание. Но если я справлюсь, я сам стану Избранным со всеми правами.

Его глаза сияли.

И я справлюсь!

Алиша наблюдала, как молоко тонкими струйками брызжет между его пальцами из её груди и капает, и прищурилась. А если не справишься?

Тим снова остановился в доении. Это чертовски тяжело, особенно потому, что там сразу начинает чесаться между ног, как только ты там. Это может быть невыносимо, особенно когда другие занимаются этим, а ты должен смотреть. И я же не могу даже сам себя трогать.

Ай! — Осторожнее! — А если всё же?

Зависит от обстоятельств, — сказал Тим (снова ритмично доя). — Тебя не выгонят, и никто ещё добровольно совсем не ушёл, но твоё время продлевается. В зависимости от. Меня однажды мастурбация стоила месяца, хотя это почти само собой получилось, мне действительно нужно было лишь чуть-чуть помочь. А если это само собой происходит?

Не знаю. Наверное, тоже месяц.

Гадко!

Ну, послушай, иначе бы каждый на это рассчитывал...

Тоже верно. Но как они это замечают?

Замечают, не знаю как. Но замечают.

Молча они оба следующие минуты наблюдали, как молоко ещё несколько раз брызнуло из грудей Алиши, вытекало отдельными каплями и наконец иссякло. В общей сложности молока, возможно, было не так уж много, но брызги выглядели впечатляюще.

Когда они закончили, Алиша ещё раз уточнила: Как ты справляешься с тем, что ты в Штази?

Никак.

Как?

Я туда родился. Через родителей. Но я в принципе не гоюсь в подчинённые, и это с самого начала приносило мне неприятности. Сейчас, например, я лейтенант, но у меня уже был более высокий чин. Из Штази просто так не выйдешь, по крайней мере, без действительно серьёзных проблем. Остальное расскажу позже. Но, пожалуйста, смотри на меня как на человека, а не как на представителя этой конторы. Сможешь?

Алиша посмотрела на Тима: С гормональной точки зрения я и не могу иначе, это лишь небольшой изъян у тебя. В остальном я считаю тебя хорошим парнем, и это важнее. Если бы ты мог без больших проблем, ты бы вышел из Штази?

Немедленно.

Этого мне достаточно, — вздохнула Алиша. — Иначе я бы, наверное, сама постаралась, чтобы тебя выгнали.

Тим, к удивлению Алиши, улыбнулся. Неплохая идея, это сработает, — сказал он.

Как?

Кто хочет жениться или даже просто имеет серьёзные отношения, должен это сообщить. Если женщина кажется сомнительной или имеет контакты на Западе...

Контакты на Западе я могла бы раздобыть, если нужно.

Серьёзно? ...тогда в любом случае будет разговор с кадрами. Они некоторое время ходят вокруг да около, но в итоге ставят перед выбором: Штази или женщина, и если в этом случае сказать, что очень любишь женщину, можно выйти из Штази без синяков. Риск для безопасности, надо проявить понимание. И это Штази извиняется. Даже с геями, у которых контакты с гей-сценой. Это единственный чистый путь наружу, насколько я знаю. Я однажды это видел и слышал во всех подробностях.

Если ты действительно этого хочешь, — сказала Алиша, — я тебе помогу. Это твёрдое обещание. Слышишь?

Спасибо, — сказал Тим. Теперь он снова улыбнулся. Но сейчас у нас впереди другое. Что-то прекрасное с пока неудобным путём. Отсюда. Хочешь лучше сосредоточиться на этом? Оно того стоит!

Да! — сказала Алиша. — Больше не буду тебя донимать. Говори, что мне делать.

Слушай, ты потом плотно привяжешь рюкзак к спине. Я дам тебе платок, ты повяжешь его на голову. Засунь все волосы под него, чтобы ни одна не торчала. Рубашку застегни. И смотри, чтобы ничего не болталось. Когда мы будем в зоне, больше ничего не трогай, вообще ничего! Представь, что всё, что там лежит, ядовито. И старайся при ходьбе поднимать как можно меньше пыли. Кстати о пыли.

Тим порылся в рюкзаке и достал большой плотный пластиковый пакет.

Сюда клади паспорт, деньги и всё, что считаешь сколько-нибудь важным или незаменимым. То, что не войдёт, потом выбросим. Позже получишь что-то получше.

Алиша начала наполнять пластиковый пакет.

Тим продолжил: Иди плотно за мной и ступай как можно точнее по моим следам. Если я пригибаюсь, пригибайся тоже, не размахивай руками и ничего, ничего, ничего не трогай. Слышишь? Здесь всё опасно, и здесь происходят вещи, о которых ты никогда не слышала. И ничего не ешь и не пей. Ты голодна или хочешь пить? Пей сейчас, но если потом захочешь пописать, это будет неудобно и отнимет драгоценное время.

Алиша всё же выпила. Само упоминание о том, что нельзя пить, вызвало у неё жажду. А если я просто сниму трусы под юбкой?

Не делай этого, — сказал Тим, — они защищают от пыли. Он достал из рюкзака перчатки, обещанный платок и плотные пластиковые пакеты. Повяжи платок на голову, пакеты надень на ноги, а перчатки вот эти.

Пока Алиша, полностью «одетая» и с опорожнённым мочевым пузырём, ждала перед палаткой и отпила ещё глоток воды, Тим тщательно закрыл её пластиковый пакет и засунул его в рюкзак Алиши. Затем он всё разобрал, как всегда замёл следы, надел платок, перчатки и пластиковые пакеты. Взял блокнот в левую руку, и наконец они двинулись.

На этот раз Алиша нервничала. Какие опасности могли подстерегать их в зоне? Ведь ей же обещали, что ничего не случится.

Через полкилометра Тим остановился, посмотрел в блокнот, на землю и снова в блокнот.

Здесь начинается зона, — хрипло сказал он.

Было неясно, от палящего солнца или от волнения у него пот на лбу. Смотри сюда, — добавил он и указал на землю перед ними. Тонкая трещина тянулась поперёк перед ними, и всё. Но эта трещина поднималась по обоим склонам долины пустыни, насколько хватало глаз. И самое странное: она нигде не была засыпана песком, щебнем или чем-то ещё.

За ней даже скорпионы не живут, — прокомментировал Тим, — но мы не будем задерживаться в зоне дольше, чем нужно, не бойся.

Тим после очередного взгляда в блокнот посмотрел вперёд. Теперь по этой

канаве вниз, всегда по самому дну до той скалы вон там. — Он указал вперёд. — И не забудь, держись плотно за мной и ни на миллиметр не сходи с пути. Если что-то не так, дай знать.

Они пошли и спустились в канаву. Солнце нещадно палило, и Алише уже сейчас казалось, что она полностью пересыхает. Щебень отскакивал под ногами, идти было неудобно, но она строго держалась за Тимом, пока они не добрались до скалы.

Ещё один взгляд в блокнот. Теперь туда, — сказал Тим и указал на что-то нечётко удлинённое далеко впереди справа по диагонали в долине пустыни. Они выбрались из канавы и поднялись на лёгкий холм. На этот раз было чуть легче, потому что земля была относительно ровной. Вдруг стало гнетуще тихо, почти болезненно тихо. Кроме стука отскакивающих камней и их дыхания ничего не было слышно, вообще ничего. И их собственные звуки не вызывали никакого эха. Они шли, словно в звуконепроницаемой комнате. На вершине холма это так же внезапно прекратилось, и Алиша несколько раз сглотнула, как в лифте, который быстро поднимается. Но теперь цвета скал вдруг поблёкли и предлагали зрителю только серые тона. Лишь Алиша и Тим казались цветными пятнами, но даже эти цвета выглядели слабо. Это тоже прекратилось через несколько метров, и скалы снова показали свои цветные слои. Они шли дальше. Примерно за пятьдесят метров до следующей цели Алиша замерла как вкопанная.

Что это, ради бога?! — воскликнула она, и ей стало по-настоящему страшно.

Объект, к которому они шли, был обычным металлическим стержнем, может, два метра длиной, слегка изогнутым и ржавым. Это не было проблемой, но стержень висел в воздухе, прямо в воздухе, без видимой опоры.

Тим рассмеялся. Сюрприз удался? — Он безвреден, но всё равно не трогай. Смотри.

Тим открыл рюкзак и достал ржавый кусок проволоки, сантиметров десять длиной. Этим он подошёл к стержню и коснулся его. Стержень теперь слегка покачиваясь вращался.

Так не бывает, это же обман, да? — спросила Алиша.

Не обман. Этот стержень не вытащить из его положения. Неважно, сколько силы приложить, он как на резинке возвращается в исходное положение. Безумие, правда? Но здесь есть вещи и похуже, совсем не безвредные, и надеюсь, мы их не увидим и не почувствуем. И с этого момента особенно.

И ты тащил этот кусок ржавой проволоки, чтобы мне это показать?

Тим рассмеялся. Да и нет. Эта маленькая демонстрация предупреждает, что здесь есть вещи, выходящие за рамки нашего понимания, но он мне тоже нужен. Смотри.

Он снова посмотрел в блокнот, оглядел окрестности и наконец бросил кусок проволоки перед собой, но не высоко, а на уровне груди, довольно неуклюжим движением.

До туда путь свободен, держись прямо за мной!

Алиша последовала.

Дойдя до куска проволоки, Тим снова полез в рюкзак, на этот раз достал ржавый винт и бросил его так же низко на уровне груди.

Ты даже не можешь взять свой собственный кусок проволоки?

Нет! Его оставляем. Поэтому это и предмет, который кто-то мог выбросить давным-давно.

Они двинулись к упавшему винту. Так, прыжок за прыжком, с разными ржавыми металлическими частями, пока Тим вдруг не закричал: СТОЙ! Алиша мгновенно застыла, как соляной столб.

Видишь мерцание в воздухе? — Он указал вперёд, затем по диагонали вправо и влево.

Алиша сразу поняла, что он имел в виду. Это выглядело как горячий поднимающийся воздух, но странным образом начиналось примерно в двух метрах над землёй с чётко очерченной границей и мерцало на месте, около двадцати метров в ширину и вдвое длиннее, верхняя граница не была видна. Мерцание не поднималось вверх, как обычно делает горячий воздух.

Смотри, — сказал Тим и бросил ржавый железный уголок прямо в мерцающий воздух. То, что произошло, было невероятным. Уголок летел нормально, но, как только он достиг мерцающего воздуха, с оглушительным треском его выстрелило вертикально в землю. Ни кусочка металла не торчало из земли. Ничего. Только щелевое отверстие виднелось в земле.

Что это? — взволнованно прошептала Алиша.

Туда нельзя попадать, — ответил Тим, — но нам нужно пройти под этим. Утиным шагом, и помни: ничего не трогай, руки держи наверху. Лучше опирайся ими на бёдра. Если хоть кончик твоего волоса туда попадёт, он пробьёт тебя как пуля, и всё.

Тим ещё раз очень внимательно перечитал свои заметки. Затем они осторожно приблизились к мерцающему облаку.

Там наша цель, — сказал Тим и указал на место всего в пятидесяти метрах впереди. Экономь силы, пятьдесят метров утиным шагом с угрозой смерти над головой — это немало.

Обязательно утиный шаг, нельзя просто нагнуться? — спросила Алиша.

Границы не всегда ровные... обычно да, но не всегда. Безопасное расстояние необходимо, правда. Он, уже в приседе, бросил большую железную гайку низко под мерцающим облаком. Гайка прошла невредимой.

Пошли. Он заковылял вперёд, Алиша за ним. Несколько раз оба боязливо смотрели вверх. Здесь внизу границы мерцающего облака были хорошо видны по бокам, но совсем не видны, если смотреть вверх. Метр за метром они продвигались вперёд, и Тим бросал железные куски перед собой. У Алиши пот жгуче тёк в глаза, она задыхалась. Ещё метр, ещё метр.

Не замедляйся, — подгонял Тим, — эти облака могут менять форму, и если оно опустится, я не хочу, чтобы мы оказались под ним. У Алиши слёзы потекли из

глаз; это было неожиданно изнурительно, и она была напряжена от страха, икры болели, бёдра, шея, но конец облака приближался. Ещё метр, ещё метр, ещё один. Конец!

ОСТАВАЙСЯ ВНИЗУ!!! — заорал Тим.

Алиша вздрогнула, чуть не встав слишком рано.

Давай, давай, давай, — подбадривал Тим, — ещё два метра, ты справишься!

Теперь он её держал, не давая сесть на землю, и крепко держал обеими руками.

Алиша, рыдая, бросилась к нему. Простите, простите... я забыла.

Я должен был думать, — сказал Тим, — это моя задача. Но мы справились, это важно. Всё равно нельзя делать паузу. Дальше! И не вытирай слёзы.

Он оттащил её примерно на двадцать метров от мерцающего облака и снова посмотрел в блокнот.

Туда!

Дальше. Тим снова бросал свои ржавые железки, пока они не дошли до небольшой впадины в долине, долины в долине, которая пересекала их путь. Алиша посмотрела вниз и увидела, что здесь работали люди: валялись погнутые стальные балки, два разбитых ржавых грузовика, куски бетона и другие подобные остатки. Справа внизу был бетонный вход в туннель, тоже разрушенный. Эту впадину мы обойдём, — сказал Тим, — непредсказуемо. В той яме вон там (он указал на земляную яму слева внизу), например, скапливается едкий газ. Сунь туда ногу — и она пропала. Тот перевёрнутый экскаватор вон там (он указал ещё дальше влево вниз) — источник излучения. Подойди к нему ближе чем на десять метров, и тебе станет плохо, навалится свинцовая усталость, и через три дня ты мёртв. Самое странное, что излучение этого экскаватора не распространяется дальше десяти метров. А по левому склону долины мы тоже не можем идти. — Он указал на левый склон. — Смотри! — Он бросил одну из своих железок вверх по склону. На середине полёта железка вдруг ярко вспыхнула голубым, как молния, и исчезла в дымном следе.

Испарилась, — прокомментировал Тим. — Но справа можно пройти. Он ещё раз посмотрел в блокнот и бросил железку. Дальше, бросок за броском.

Когда они успешно обошли впадину, Тим снова заглянул в блокнот. Алиша вдруг издала удивлённый возглас.

Что? — спросил Тим, подняв взгляд от блокнота.

Туда идём? — спросила Алиша, указывая вперёд.

В жаре долины дрожаще проступила расщелина с сочной зелёной растительностью, морем цветов на скалах и небольшим ручьём на дне долины.

Тим улыбнулся. Да и нет, — сказал он. — Это действительно наша цель, но то, что ты видишь, к сожалению, лишь своего рода мираж.

И тут сочная зелёная долина с морем цветов и ручьём исчезла. Алиша видела только сухую жаркую долину пустыни.

Почему это только *своего рода мираж*, а не настоящий? — спросила Алиша.

Физическая природа другая, — ответил Тим. — Это был не настоящий воздушный мираж, а одно из странных явлений этой зоны. Не отвлекайся. Пойдём! — Сюда! — Тим указал рукой вперёд и добавил: Помни, ничего не трогай. И не удивляйся.

Тим пошёл впереди.

Алиша последовала.

Тут она увидела, как земля под Тимом вдруг подалась, и испуганно закричала. Но её крик звучал странно тихо, словно что-то закупорило её слуховые проходы. Алиша видела, что земля под Тимом пружинила, как будто была резиновой. Словно батут. Но это был каменный грунт. Зачарованная, Алиша остановилась. Тим обернулся, что-то крикнул, чего она не слышала, и махнул, чтобы она следовала. Неуверенно Алиша сделала шаг, затем ещё один. Вот это место. Земля вдруг стала податливой. Она ощупала ногой впереди. Тим ещё раз махнул, подбадривая её. Воздух теперь беззвучно кричал на Алишу. При этом царила мёртвая тишина. Алиша сделала шаг вперёд. Вдруг беззвучный тон изменился, словно она прошла через невидимую стену. Теперь это был медленно колеблющийся очень низкий тон. Но он только ощущался, не был слышен. Почти сильная вибрация. Но вибрация действовала только внешне. Не внутри тела. Волосы Алиши встали дыбом, у неё пошла мурашка, соски напряглись. Особенно они. Странно. Теперь что-то с большой силой равномерно тянуло за её соски.

Тим жестикулировал.

Ох. Алиша была невнимательна. Она сделала следующий шаг. Земля мягко пружинила под ногами. Но она не проваливалась. Она могла спокойно идти. Земля покачивалась под ней. Алише захотелось попрыгать, как на батуте. Но теперь что-то возилось с её половыми губами и клитором. Как будто кто-то с огромными мягкими губами сосал её внизу. Это обязательно сейчас?

Тим жестикулировал.

Ох. Снова невнимательна. Боже мой! Алише сейчас не хотелось возбуждения, но это навязывалось. Как сильно!

Сосание-чмокание-вибрация. С силой!

Алиша решительно пересекла качающуюся и пружинящую землю. Дойдя до Тима, он взял её за руку и с силой потянул вперёд.

Через примерно пятьдесят метров пружинение земли резко уменьшилось. Затем воздух снова беззвучно закричал на Алишу, становясь с каждым шагом тише, ещё тише, и наконец она услышала Тима, всё ещё державшего её за руку, издав: Ещё десять метров!

Они прошли ещё десять метров.

Сделали, — сказал Тим уже в нормальной громкости.

Что это было? — спросила Алиша.

Безопасно. Но извини, я всё же должен был предупредить. Как тебе?

Алиша покраснела.

Тим рассмеялся: Не здесь! Неправильное время, неправильное место. Для мужчин, кстати, это менее приятно, у меня, например, болят яички.

Они прошли ещё десять метров.

Мы почти на месте, — сказал Тим. — В впадине позади нас пробурили штольню в гору. В штольню мы не пойдём, но где-то справа наверху в горе есть трещина, через которую можно попасть внутрь; нужно немного взобраться. Но место трудно найти, и мы не можем здесь долго задерживаться.

Тим достал из кармана странный старинный компас. Алиша с любопытством посмотрела на него. Где север, она бы не сказала, но этот компас явно не указывал на север. Его шкала тоже была совсем другой, только полукруг был размечен делениями, и надписи состояли из символов, смысла которых Алиша не поняла. Стрелка указывала на гору. Теперь Тим повернул компас вертикально. Стрелка указала по диагонали вверх.

Туда нам надо, — сказал Тим и указал на место наверху склона. — Держись плотно за мной и при подъёме ничего не трогай.

Они начали взбираться на гору. Жёлтый щебень, жёлтый песок. Ни растения. Жгучая жара. У Алиши пот тёк ручьями по телу. По крайней мере, подъём был не крутым, Тим выбирал зигзагообразный путь, менее крутой. Тим постоянно прицеливался своим странным компасом, сначала горизонтально, затем вертикально. Дальше. Было заметно, что Тим отказывался от сокращений ради безопасного подъёма. Алише действительно ни разу не пришлось опираться на камни.

Затем Тим указал на трещину в скале. Он вдруг показался Алише бледным.

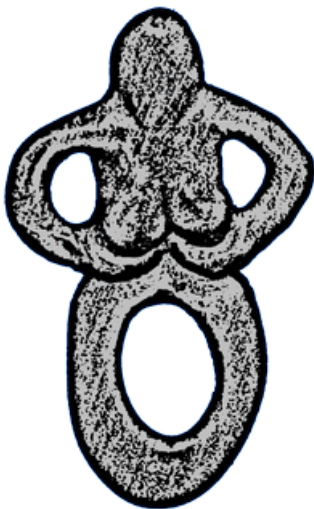
Трещина образовалась из-за взрыва в штольне внизу, пойдём, — сказал Тим, — нельзя здесь задерживаться. Алиша уловила в голосе Тима страх и тут же отреагировала. Быстро дальше, — сказал Тим, — и ничего не трогай. Но не упади.

Подъём отсюда оказался неожиданно лёгким, потому что камни лежали удобно и вполне заменяли ступени.

У трещины Тим достал из рюкзака фонарик и включил его. Сначала зайди только чуть-чуть, пока не привыкнешь к темноте, — сказал Тим, — и помни, ничего не трогай!

Проход вёл прямо в гору, мелкий щебень и песок немного сглаживали пол, но слишком быстрые движения были невозможны, тем более что они ничего не должны были касаться. Когда Алиша немного привыкла к темноте в трещине, она заметила, что стены частично выглядели оплавленными, были места, где, должно быть, стекала жидкая порода. Они пошли вглубь горы при свете фонарика. Через, возможно, двести или триста метров вглубь горы справа вдруг зияла большая брешь в проходе, на которую указал Тим. Туда надо, — сказал он. Примерно через десять метров за брешью Алиша увидела нечто удивительное — остатки естественной пещеры, на стенах которой в полумраке света фонарика она обнаружила рисунки, которым, возможно, тысячи лет.

Среди изображений людей за разными занятиями особенно выделялся рисунок женщины в натуральную величину, которая обеими руками держала свои груди, протягивая их зрителю, в то время как её ноги были лишь намечены и образовывали «О», что можно было интерпретировать как раскрытую вульву. Помни, — прошептал Тим, — ничего не трогай. Но разве не преступление, что кто-то хотел уничтожить такое?



Но он не задержался. Он достал из рюкзака плёнку и расстелил её на полу перед рисунком женщины.

Мы теперь прямо перед целью, и там мы в полной безопасности, — сказал он, — но слушай меня внимательно, чтобы мы быстро ушли отсюда: через женщину, держащую свои груди руками, можно пройти, не спрашивай сейчас долго, это правда возможно, представь, что это просто бумага. Ты сейчас снимешь обувь и шагнёшь *прямо* из обуви на эту плёнку, лицом к рисунку, но ни в коем случае не ходи по голой земле. Сбрось все свои вещи и полностью разденься. Абсолютно всё, перчатки в последнюю очередь. Пусть вещи падают позади тебя, не касаясь тебя снова. Потом иди прямо в стену. Ничего не бери с собой, вообще ничего, кто знает, что теперь на одежде.

А мой паспорт?! — вырвалось у Алиши, — он ещё в рюкзаке, и вещи хорошо упакованы. И деньги, и другие важные вещи.

Я позабочусь, — заверил Тим, — давай, поторопись.

Алиша спустила рюкзак на землю. А ты идёшь следом?

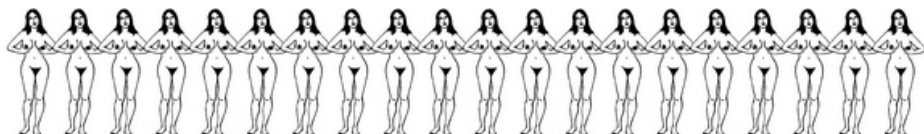
Я последую чуть позже, — ответил Тим, — когда ты будешь там. Важно, чтобы мы шли отдельно. Ты просто идёшь прямо, что бы ты ни видела и ни слышала. Когда пройдёшь, найдёшь место для умывания. Там быстро, но тщательно умойся, особенно волосы и полости тела, уши, глаза, нос, рот, подмышки, влагалище и попу. Втяни воду носом и выплюнь, дай воде стечь в уши. Потом

быстро иди дальше, пока не дойдёшь до чего-то вроде стола. Ложись на него и жди, что будет. Но сначала умойся! И поторопись, — сказал он, и его голос звучал напряжённо, — надо быстро уйти отсюда.

Алиша больше не колебалась и не думала. Она расшнуровала обувь и шагнула прямо на плёнку, расстеленную у ног женщины на полу.

Тим подбодрил её: Это очень просто. И не пугайся, что в первый момент скала действительно кажется твёрдой. Это лишь иллюзия. Ты должна решительно идти дальше, больше ничего не нужно учитывать. Давай — вперёд!

Алиша поспешно сорвала с себя рубашку, спустила юбку на пол и избавилась от трусов. Затем, будучи полностью голой, она шагнула к рисунку на скале. Затаила дыхание. То, что ей предстояло, пугало её. Но затем она собралась и сделала решительный шаг прямо в скалу. На долю секунды скала ощущалась такой твёрдой, как и ожидалось, но когда она решительно продолжала, она вдруг поддалась и ощущалась странно потрескивающе-электрически и одновременно как тяжёлая жидкость. Алиша скользнула в скалу, скала закрылась за ней, и не осталось никакого следа того, что только что произошло. Алиша теперь была в безопасности.





Перидэис

То, что произошло с Алишой, когда она шагнула в скалу, или, точнее, в рисунок женщины, уже было описано в самом начале этой истории. И также, как она прошла через странное соборное здание в Перидэис и легла на траву, у подножия которой в долине открывался удивительно сочный зелёный и яркий пейзаж. Но не было сказано, что произошло дальше. Нет, не совсем — когда Алиша дремала в траве и размышляла о некоем упражнении для расслабления с помощью своих пальцев, снова появился Тим, который привёл её через пустыню, казавшуюся теперь такой далёкой.

Прибытие

Кхм, — раздался мужской голос у её изголовья. — Добро пожаловать в Рай... это вовсе не глупая шутка. Только он называется Перидэис, но остальное правда.

Алиша вздрогнула. Но затем рассмеялась: Где ты так долго был? Я здесь уже, наверное, полчаса. И Рай, ты сказал? Серьёзно *Rai*? Я думала, это сравнение, образ. Но буквально... это не слишком ли приукрашено?

Она искоса посмотрела вверх, где стоял Тим.

Голый мужчина с эрекцией снизу, подумала она. Интересная перспектива.

Тим за её спиной издал красивый мелодичный смех: Нет, с Раем это правда. И теперь я могу рассказать тебе всё. Всё.

Тим плюхнулся рядом с Алишей в траву, к сожалению, на живот.

Тим продолжил: По порядку. Мы могли бы прийти сюда вместе, но я должен был сначала замести следы и хотел, чтобы ты как можно быстрее ушла отсюда. Но, кроме того, это традиция — в первый раз приходить сюда одному... ну... это переживается иначе... интенсивнее... больше связано с самим собой. Так что... (он немного запнулся, и Алиша нахмурила брови) ... ну, здесь происходят чудеса. И эти чудеса тем более связаны с тобой, когда рядом никого нет. В этом случае это твои собственные чудеса, твои собственные глубокие желания, которые формируют мир. Так сказать.

Тим явно извивался. Но затем резко повернулся с живота на бок, подперев голову рукой, и посмотрел Алише в глаза. Более плавно он продолжил: После того, что ты только что пережила, ты же должна понимать, что в мире есть больше вещей, чем можно увидеть и услышать — и вещи, которые разумом сразу не охватишь. Или нет?

Это было странно, — призналась Алиша, — это хождение через скалу, это уплывание, и особенно собор.

Собор?

Собор, через который проходишь, — добавила Алиша, немного растерянно. — Почему ты спрашиваешь, ты же сам через...

Нет, я прошёл через маленькую комнату, украшенную резьбой, у входа была кадка для умывания из ароматного сандалового дерева, а за ней — большой резной стол. А спереди и по бокам — маленькие дверные проёмы, за которыми следует ещё одна такая комната, но пустая. И так далее, пока снова не вернёшься в комнату со столом и кадкой, всегда по кругу, замкнутая система. Странно, правда? — Каждый переживает этот переходной зал по-разному, но это одна и та же комната. И вот мы уже при том, что делает Перидэис.

Почему, кстати, другое произношение, не Рай, а Перидэис, — спросила Алиша. «Пери» значит «фея», а -дэис от «область» или «место». То есть, по сути, просто «Земля фей», и кто-то превратил это слово в Рай, но это не единственная чушь в этих историях о Рае. Ева, например, угощала Адама совсем другими фруктами... ..Феи! — выдохнула Алиша, прерывая его. Эта история! — И, глядя на Тима: У тебя, кстати, стоит. — Феи очень красивы?

Очень красивы, — ответил Тим, как будто это было самым обычным делом, когда женщина указывает на эрекцию, при этом, не забывая, что упомянутая женщина сидит голая рядом с ним на травяном склоне. Но, — добавил он, — пери мне не по вкусу. Высокоэстетичная утончённая эротика, совершенная до мельчайших деталей, без единого изъяна, но ни капли чувственности. Они излучают власть и дают понять, что у них есть власть, настоящая, со всем, не терпя возражений, безупречны по определению и обращаются с тобой как с воздухом, если ты им не нужен. К женщинам они немного добрее, но к мужчинам относятся отстранённо, даже если приказывают тебе их ублажать. Хотя, с другой стороны, они справедливы, но добрыми их не назовёшь, и справедливы, вероятно, только из расчёта, что ты можешь им когда-нибудь понадобиться. Нет, у меня эрекция не из-за пери. Это Перидэис так действует, и к тому же от тебя сейчас очень сильно пахнет женщиной. (Алиша заметила, что её щель насквозь мокрая.) Знаешь что, — продолжил Тим, — вон там водопад, в нём можно чудесно искупаться. Хочешь?

И он уже был на ногах и умчался. Алиша, смеясь, побежала за ним.

Водопад низвергался в каменный бассейн шириной около пяти метров и длиной двадцать. Тим нырнул в него с головой, и Алиша прыгнула следом. Вода была приятной температуры, не ледяной, как иногда бывает в горных ручьях. Бассейн был таким глубоким, что, кроме как у краёв, стоять в нём было нельзя. Алиша вдоволь наслаждалась купанием — в пещере времени на удовольствие не было. Долгое время они ныряли и плескались без единого слова, пока наконец оба, уставшие, не выбрались на берег.

Сказка! — сказала Алиша, лёжа на животе в траве напротив Тима и позволяя солнцу сушить кожу. — И это правда Рай, а не просто мираж?

Правда, — ответил Тим. — Но ещё раз: Пе-ри-дэ-ис, Перидэис. Готова к

лекции?

Нет.

Что? Не хочешь ничего знать о Перидэис?

Хочу. Но... честно говоря... я... в возбуждении. (Алиша хихикнула.)

Растерянно Тим спросил: Что ты имеешь в виду? Что это?

Ах, уличный жаргон, забудь. Я возбуждена. Сексуально. Но очень сильно. Точнее: так сильно, как никогда раньше. Это накатывает и сейчас мной управляет. Разума больше нет, понимаешь?

Извини. Я думал, ты уже это пережила. Здесь это нормально. И особенно сильно сразу после входа в Перидэис. Здесь тебе действительно не надо себя сдерживать. Никогда и нигде в Перидэис. Здесь вполне нормально, что люди просто делают небольшое расслабление рукой, когда инстинкт требует, и никого нет под рукой, чтобы помочь. Сделай себе!

Ты серьёзно? — спросила Алиша скорее неуверенно, чем возмущённо.

Серьёзно. Зачем себя мучить? Инстинкт здесь во много раз сильнее, чем в мире, это одно из основных свойств Перидэис, и ты не можешь этому сопротивляться. Так что здесь люди просто поддаются своему инстинкту. Точка.

А ты?

Я хочу, я бы хотел, но не могу. Ты знаешь.

Мне это неловко. Мне было бы неловко даже знать, что ты знаешь, что я ублажаю себя за кустом или где-то, не говоря уж о том, чтобы делать это просто так здесь.

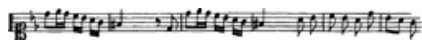
Её лоно сообщило Алише обратное и, похоже, считало, что в данный момент это совершенно неважно и вообще скорее заманчиво, чтобы Тим смотрел. И её бутон вожделения давно покинул своё укрытие и требовательно выпирал наружу.

Тим, похоже, имел антенну на это. Он сказал: Я не могу сам, но могу помочь тебе. Если хочешь.

Тим поднялся из травы и испытующе посмотрел Алише в лицо. Не увидев признаков сопротивления, он опустился на колени у её ног и одним сильным движением раздвинул ей ноги.

Неловкость и удовольствие от этого. Оба.

Насквозь мокрая, — прокомментировал Тим, — половые губы не лгут. Иди сюда, маленькая притворщица, это, по обстоятельствам, я, наверное, могу. Сказал, просто схватил Алишу и потянул к себе на колени, так что, сидя в траве, она, как при доении, прислонилась спиной к его груди, её попа прижалась к его твёрдому естеству, а его ноги раздвинули её ноги. Его левая рука начала массировать левую грудь Алиши и делать доящие движения, но правая рука на этот раз устремилась к её лону. Алиша, долго ждавшая этого, с радостью раздвинула бёдра так широко, как только могла. Его правая рука скользнула по её насквозь мокрой вульве и нашла маленькую точку, где сходятся половые губы, и где прячется крошечная точка, которая порой сильно досаждаёт своей хозяйке и затем дерзко и вовсе не маленькой выпирает в мир. Тим взял



Тим рассказывает

Ииииитак, — протяжно сказал Тим. Перидэис. Рай. Земля пери, земля фей. По сути, я мог бы теперь говорить часами, так много можно рассказать. Начну с самого важного. То, что ты пережила раньше, было переходом в другой мир, *по-настоящему* в другой мир. Здесь время течёт медленнее, ты даже получила новое тело, здесь нельзя умереть, получить травму, заболеть, и ты никогда не будешь подвергнута чему-то невыносимому. Здесь есть магия, совершенно сказочная природа, везде достаточно еды, и люди здесь занимаются скорее искусством, приключениями и всем творческим, кроме техники, и почти никогда настоящей работой. Техники вообще нет, электричества и телефона тем более, и путешествовать можно в основном с помощью магии и пешком. Здесь можно получить массу удовольствия, пережить приключения и не ставить себе никаких границ. Никаких границ, потому что ты никому не можешь навредить и сама никогда не пострадаешь, что бы ни случилось. Кстати: если ты будешь заниматься с парнями, здесь, в Перидэис, ты не забеременеешь и не заболешь, поэтому и тут нет границ. И, пользуясь случаем, я упомяну единственную вещь, которая здесь для женщин что-то вроде обязанности, и от которой ты никак не можешь уклониться: ты уже сейчас чувствуешь, что твои груди сильно натягиваются. (Это было правдой.) Они станут полнее, и у тебя будет молоко. Довольно много, кстати. Это связано с тем, что мужчины здесь, в Перидэис, не могут жить одни. Им нужно хотя бы раз в несколько дней получать женское молоко, иначе они испытывают нарастающую боль и в итоге превращаются в сатира, у которого нет больше разума, и он следует только своему сильному инстинкту. Я сам здесь завишу от твоего молока, иначе мне пришлось бы немедленно покинуть Перидэис. Можешь ли ты представить, что будешь регулярно давать мне молоко? Каждый день?

Да... — сказала Алиша, всё ещё ошеломлённая всеми новостями. Она ещё не совсем осознала вопрос Тима, но, чёрт возьми, подумала она, обмен не так уж плох. Если посмотреть с другой стороны... неплохая перспектива — отныне иметь гарантию на мужчину плюс ласки, и соски до сих пор не показали себя худшим источником наслаждения.

Дай мне время всё это осмыслить, — пробормотала Алиша, растянувшись в траве и глядя в голубое небо, украшенное несколькими маленькими барашковыми облаками и обрамлённое высокими скалами, окружавшими долину. Здесь было красиво, приятно тепло, но...

Я верю каждому твоему слову, — сказала Алиша. — Но настоящий Рай, сказочная страна с феями, то есть пери, и всем прочим — это тяжело осмыслить.

Погоди, — сказал Тим, — у меня идея. Просто останься здесь лежать.

И он исчез, Тим. Алиша опёрлась на руку и с любопытством посмотрела ему вслед. Что он собирался делать? Но ждать долго не пришлось, Тим вернулся, громко смеясь.

Я кое-что нашёл! — крикнул он.

???

Когда Тим вернулся к Алише, она увидела, что он что-то поймал в руках. Слышалось пищание.

Что это?

Тим слегка приоткрыл руки. Теперь пищание стало громче. Безошибочно женский голос:

Ты, глупый парень, отпусти меня немедленно! Слышишь? Ты-должен-меня-отпустить! Аааа!

Тим изменил положение рук, и теперь стало видно, что он держал. Точнее, кого он теперь крепко держал за ноги в открытых руках: это была изящная крошечная женщина с обнажённой грудью и огромными грудями (для её роста). Она была, наверное, сантиметров десять в высоту и носила белое платье с открытой спиной. Открытой, потому что у неё на спине были крылья стрекозы, которыми она непрестанно пыталась улететь. Но это не получалось, потому что Тим, как сказано, крепко держал её за ноги.

Какая милая! — сказала Алиша.

Тила, — сказал Тим. Смотри, что я сейчас сделаю, — добавил он. И, обращаясь к тиле: А твоё молоко вообще чего-то стоит? Говорят, молоко тил в этой местности немного прогорклое. И что у него затхлый привкус.

Ай! — крикнул Тим. — Она меня укусила!

Я ещё раз укушу! — бушевала крошечная тила, которую Тим случайно отпустил, но она всё равно не сбежала. — Моё молоко самое лучшее, — пискляво кричала тила, — сладкое и ароматное, и ни капли не прогорклое! И затхлого привкуса у него тоже нет. Попробуй, тогда узнаешь!

Тим сказал Алише: Сделай ладонь лодочкой для молока. — Тим подвёл открытую руку Алиши в нужное положение.

Крошечная тила с жаром начала доить свои огромные груди в ладонь Алиши.

Чёрт возьми, — вырвалось у Алиши, с большим интересом наблюдавшей. — Для такой маленькой тилы у неё просто уйма молока!

И в мгновение ока тила наполнила ладонь Алиши молоком. Приятного аппетита, — пискляво крикнула она.

Тила выжидающе посмотрела на Алишу.

Мне что... надо? — неуверенно спросила Алиша.

Попробуй молоко! — сказал Тим.

Алиша сначала осторожно смочила губы, ещё осторожнее взяла капельку на кончик языка, но наконец вылизала всё молоко. Алиша прищёлкнула языком, наслаждаясь каждой каплей, и громко воскликнула: Это же восхитительно! Как... как... как конфеты, но ещё лучше, ещё тоньше!

Крошечная тила пискляво поблагодарила за похвалу, вежливо присела в

реверансе и улетела.

Они летают от цветка к цветку, — прокомментировал Тим, — и пьют нектар. В зависимости от цветов их молоко немного разное на вкус. Они приносят произведённое молоко домой для своих мужчин, которые там уже наслаждаются жизнью. Мужчины тил ничего не пьют и не едят, кроме молока своих жён.

Типично, — проворчала Алиша.

Тим рассмеялся. Зато тилы так ненасытны, что толстого мужчины-тилы почти не увидишь. Чем больше молока приносят тилы, тем дольше он её ублажает. По размеру их сисек можно догадаться, что приходится выкладываться их мужчинам.

Как по заказу мимо них с жужжанием пролетела особенно большегрудая тила, которая едва держалась в воздухе.

Алиша покатила от смеха по траве.

Хорошо, — наконец сказала Алиша. — Теперь я верю тебе во всё. Здесь, кажется, не нужно ничего выдумывать. Можешь быть подробнее. Расскажи больше об этой стране!

Они, кстати, не всегда кусаются, — сказал Тим. — Это как собирать ежевику — таскаешь одну за другой, и иногда уколешься.

Как? И здесь ты таскаешь одну тилу за другой?

Вкусно же было, нет?

Э, да, конечно.

Только не делай одну ошибку. Если увидишь луг с множеством тил, *никогда* не кричи громко, что их молоко никуда не годится. Иначе тебе будет, как медведю, укравшему мёд.

Алиша застонала от смеха. Расскажи что-нибудь другое...

О красивой жизни

Хорошо, — сказал Тим. — Во-первых: представь, что ты видишь красивый сон. И при этом у тебя есть гарантия, что ты сразу проснёшься, если он начнёт превращаться в кошмар. Таков Перидэис. По сути, сон, ставший явью.

А теперь подумай, что может происходить в красивом сне и чем он отличается от книг, фильмов или даже отпуска. Происходит что-то прекрасное, эмоциональное, вызывающее, интересное. Но разница в том, что всегда есть граница возможного, опасного и запретного. Можно бы, но нельзя. Во сне всё иначе — ты можешь летать, дышать под водой, колдовать, переживать приключения любого рода, нет никаких преград, и если ты возбуждена, ты можешь в любой момент получить удовлетворение, любое и безграничное. И главное: с тобой ничего не может случиться, ты не можешь нанести вред, и нет никакого контроля. Вопрос в том, что бы ты хотела делать, если бы не было опасности, запретов и никого, кто наблюдает за тобой, чтобы судить? Вот примерно такой Перидэис. Но всё реально, всё происходит на самом деле.

Забудь цензурированное описание Рая, которое ты знала до сих пор. Теперь ты переживёшь другое.

Я честно потеряла дар речи.

Нет, ты же говоришь.

Алиша рассмеялась.

Со мной ничего не может случиться?

Никогда.

А если я упаду с высокой скалы?

Как в мультфильме. Короткое «ай», отряхнуть пыль, готово.

А если лев захочет меня съесть?

Он не станет, а будет умолять, чтобы ты его погладила.

Серьёзно? Как мило! Но что он ест?

Салат? Не знаю. Но мясо для еды есть, вот увидишь.

А если кто-то мне влепит пощёчину?

Будет больно.

Сильно?

Нет.

А если мне влепят десять пощёчин?

Будет десять раз больно.

О безопасности

А если станет совсем сильно? — допытывалась Алиша. — Быть долго в плену, неприятные люди, мало ли что.

Законный вопрос, — сказал Тим. — Происходит то, что я сравнил с пробуждением от кошмара. Если ты попадаешь в невыносимую ситуацию, происходит зелёная вспышка, хлопок, запах серы, и ты исчезаешь. Ты просыпаешься в переходе, через который вошла в Перидэис, на алтарном столе. На том, что в Перидэис, не снаружи. Но твои вещи остаются, потому что исчезаешь только ты. Просыпаешься голой.

А моя одежда?

Просто падает на землю. Исчезнуть, кстати, можно и по желанию, в нужное место. Я позже покажу, как это делается. Это называется ведьмовским прыжком, но если ты скажешь *вспыхнуть* или *исчезнуть*, все тоже поймут. Особенность этой экстренной остановки в том, что она всегда работает без условий. Решающее — это то, что ты сама чувствуешь. Самое крутое в этом — ты можешь без риска пробовать пограничные вещи, что может быть очень заманчиво. Недостаток в том, что ты сразу исчезаешь. В некоторых пограничных ситуациях хотелось бы сознательно решать, когда выходить, но экстренная остановка работает на бессознательном уровне. И ещё один минус: жители Перидэис боятся ведьм. Поэтому после такого ты некоторое время не можешь показываться в тех местах. Если ты долго что-то строила, это может быть досадно.

Здесь есть два типа людей и два типа знаний. С одной стороны — пери и мы,

которых считают ведьмами. Пери могут и знают гораздо больше, чем мы, но всё же мы очень похожи. Мы — это люди вроде тебя и меня, которые приходят в Перидэис извне. С другой стороны — обычные жители Перидэис. Они не могут покинуть Перидэис. Они существуют только здесь. И многого, что можем мы, они не могут. По сравнению с их способностями мы действительно можем колдовать. Ну, по сравнению с тем, что мы умеем в обычном мире, тоже.

Тим рассмеялся.

Но знаешь, — добавил Тим, — это сейчас слишком негативно. Просто запомни: если здесь что-то идёт не так, в худшем случае будет зелёная вспышка, хлопок, запах серы, и ты исчезнешь. В безопасности. Достаточная причина, чтобы рисковать интересными вещами.

О сексе

Расскажи об интересной вещи, которую здесь можно рискнуть попробовать, — сказала Алиша.

Можно начать с самой прекрасной радости Рая. Ты её уже познала. Здесь ты всегда будешь слегка возбуждена. Сексуально. Это часть Перидэис. Перидэис — как сон, мысли свободны, никаких обязанностей, никаких опасностей для тебя и других, никаких болезней. Добавь к этому постоянное сексуальное возбуждение при отсутствии плодовитости, и уже можно догадаться, что должно логично происходить. Это иногда напоминает мне определённые фантазии мастурбации или мечты наяву, обычно смешанные с другими желаниями и фантазиями, иногда просто приключения с эротическим оттенком или без. Сразу для шока: здесь тебя точно не раз изнасилуют.

Я, конечно, сглотнула, — сказала Алиша. — Но подозреваю, что здесь мне придётся переосмыслить это слово?

Да. Это слово здесь имеет другое значение, и ты переживёшь его совсем иначе. При этом ничего не выходит за рамки того, что есть или может быть в твоих фантазиях. Не забывай про постоянное возбуждение, от которого нельзя уклониться. Поэтому здесь всё довольно сильно сексуально заряжено и регулируется сексом. Здесь нет сексуальной морали в том смысле, как ты её знаешь из мира. Мужчине здесь не нужно гарантировать, что его женщина оплодотворится только им, чтобы он не растил чужое потомство вместо своих генов. А женщины, с другой стороны, не могут подхватить дефектный генетический материал, у них нет материнских проблем с обеспечением и защитой, и к тому же мужчины в их руках — ведь мужчинам нужно их молоко, чтобы здесь вообще жить. Поскольку женщине ничего серьёзного не может случиться, понятия изнасилования в привычном тебе смысле здесь нет. И понятий чести вокруг этой темы тоже. Конечно, слово есть, и его используют нередко, но оно означает примерно то же, что заставить тебя мыть кухню, хотя тебе сейчас не хочется. Или, чтобы не делать только негативное сравнение: кто-то без спроса засовывает тебе в рот конфету, которую ты не хотела брать из-за калорий, но она тебе всё равно нравится.

Секс — постоянная и открыто практикуемая часть повседневной жизни, а изнасилование — скорее грубая невежливость, значение которой зависит от конкретных обстоятельств. Оно наказывается, но на месте... может, несколькими сильными ударами плетью по заднице, чтобы насильник получил своё, а изнасилованная — удовлетворение. И на этом всё. Или вообще ничего. В остальном: если тебя возьмут десять парней, ты просто стоишь спокойно, а потом они, может, что-то подарят в знак благодарности. Так поступают мужчины, у которых есть хоть капля порядочности.

Но против моей воли — это всё равно против моей воли!

Нет, здесь *ничто* не происходит действительно против твоей воли. То, что *здесь* происходит или не происходит, всегда и каким-то сложным образом связано с тобой самой. Не забывай об этом.

Ладно, я не подумала. Рассказывай дальше!

Так вот, мужчины... Или вместо подарка они помогут тебе потом с какой-то работой. Что-то в этом роде. Здесь женщин скорее ломает, если их никогда не берут, и это их совсем выбивает из колеи. Тем более что женщина едва может уклониться от вожделения в этом деле, так уж устроен Перидэис. Как запах жареного, когда ты по-настоящему голодна. И в следующий раз, возможно, несколько женщин договорятся поймать симпатичного мужчину, связать его и по полной программе его использовать, или женщина хитростью и уловками подчинит мужчину, привяжет его к кровати и использует для своего удовольствия. А потом она его как-то обласкает, может, помассирует или ещё как-то побалует, и, главное, даст ему своего молока в качестве компенсации.

Я всё ещё не совсем понимаю, — сказала Алиша. — Разве это не ужасно? — Нельзя же просто считать нормальным, что женщин насилуют! Эм, и мужчин тоже, конечно, я имею в виду.

Тим пожал плечами: Чуть не забыла про мужчин, да? То, что ты приводишь как аргумент, — это мораль, внешняя норма. А я говорю о тебе самой. Если бы ты была холодна, если бы такое существовало, тебя бы *никогда* не изнасиловали — это же связано с тобой самой. Но и в остальном, тебе не обязательно приходить в Перидэис... А если что-то станет для тебя действительно невыносимым, Перидэис выдернет тебя. Как пробуждение от кошмара. Точка. Хлопок, зелёная вспышка, ты исчезла и приземляешься перед переходом, через который вошла в Перидэис. Где же тут моральная проблема?

Всё равно... — пробормотала Алиша, — так не годится.

Хочешь быстро уйти?

Негодяй, — сказала Алиша. — Ты прекрасно знаешь, что я этого не хочу.

Знаешь, что пуритане при Оливере Кромвеле¹⁵ запрещали музыку, танцы, театр, да даже чтение любых книг, кроме Библии? И он был далеко не единственным в истории человечества, кто такое делал. Это пытаются снова и снова. Христиане,

15 Oliver Cromwell, 1599–1658, лорд-протектор во время короткого республиканского периода в Англии.

мусульмане, политические группы, строгие вегетарианцы, общества трезвости, неважно. Ты видишь, что запрещают и табуируют не только сексуальность. В некоторых исламских регионах до сих пор, кажется, — тихо сказала Алиша, — музыку и танцы, я имею в виду.

Да, — ответил Тим, — или снова, и они не единственные. И ещё одна тема — самоудовлетворение. Оно никому не вредит, не вредит твоему телу и даже полезно. Тем не менее, самоудовлетворение часто считалось и считается постыдным, и за него наказывали, обрезали, кастрировали и всё такое. Как ты думаешь, откуда взялось обрезание мальчиков и девочек во многих культурах... Здесь, в Перидэис, секс — часть человека, основополагающая и публичная, как еда, сон, дыхание. Я думаю, это была основная идея создателя Перидэис — настоящая свобода, которую ты иначе имеешь только в своих фантазиях и снах. В пределах, где ты не мешаешь другим, всё так просто. Возвращаясь к сексуальности: если мужчина, например, замечает, что женщина категорически его не хочет, он должен прекратить заниматься сексом и извиниться. Я имею в виду, ведь заметно, возбуждён другой или нет. С другой стороны, здесь женщины избавляются от неприятной работы, предлагая своё лоно в обмен. В мире это было бы безоговорочно постыдной проституцией. Здесь это регулирует жизнь. У тебя есть покупки, которые надо нести? Нет проблем, иди сюда, парень, если я трону твой член, это тебя заводит? А потрогай мне между ног, чувствуешь, как там влажно? Трогай глубже, чувствуешь, какой аромат? И мои груди, проведи пальцем... давай, засунь свой член в моё отверстие, да, давай, тебе только надо донести мою корзину до дома, да, вот так хорошо, засунь его глубоко, ещё глубже... и теперь сделай мне. — И вот ты уже избавилась от надоедливой работы. А слева и справа люди продолжают заниматься своими делами, если только им не весело смотреть на вас. Почему должно быть иначе, если инициатор — мужчина?

Единственное ограничение, — добавил Тим, — это с молоком: жители Перидэис верят, что груди, вульва и пенис служат в первую очередь для симбиоза между мужчиной и женщиной, при котором избыточная жизненная энергия отдаётся и принимается. У женщины больше жизненной энергии, чем у мужчины, это видно по тому, что у мужчины только маленькая грудь, которая обычно ничего не выделяет, и потому что мужчины без молока превращаются в сатиров.

Но где-то тут всё же логическая ошибка, — вслух размышляла Алиша, — насилующий мужчина должен ведь терять много энергии, судя по тому, что ты рассказал?

Да и нет, — сказал Тим. — Это отнимает жизненную энергию, и это, конечно, считается глупым и необдуманным. Но у мужчины есть молоко женщины, которую он одолел. При этом мужчины здесь умеют удерживать сперму при оргазме. Этот трюк, говорят, прост и быстро учится...

Говорят?

Я сам его не умею. Ты же знаешь...

Извини, пожалуйста. Рассказывай дальше?

Ну, этот трюк похож на то, что врачи называют тренировкой мышц тазового дна. Несколько раз напрягаешь и расслабляешь лобковую мышцу, которой можно прервать мочеиспускание. Как «сухое упражнение», чтобы почувствовать мышцу. Потом пробуешь при мастурбации напрячь эту мышцу, как только чувствуешь, что вот-вот эякулируешь. Обычно это не срабатывает с первого раза, и в начале, наверное, бывают испорченные оргазмы. Но через короткое время мужчина справляется, и сперма остаётся в теле. И эта техника, говорят, сильно удлиняет и усиливает оргазм. Так рассказывают. Только я этого пока не умею.

Как тебе и практиковаться, — сказала Алиша. — Но скажи, если оргазм у мужчин всё равно приходит и длится дольше, почему этот трюк не известен в реальном мире? Это же была бы отличная контрацепция?

Никогда не используй это в мире как метод контрацепции, — проворчал Тим, — иногда, говорят, всё же выходит немного спермы, если не сделать всё идеально¹⁶. Здесь, в Перидэис, для мужчин это просто жизненная техника, если у них несколько дней нет женщины... каждый выброс спермы сокращает время, которое мужчина может обходиться без женского молока. Для мужчин с постоянной женщиной это не проблема, они могут изливать сперму по желанию, так как их женщина щедро их снабжает. Поэтому женщины злятся на мужчин, если те удерживают сперму. Поскольку для мужчины это так ценно, это, конечно, повышает значение и для женщин, независимо от реальных фактов. Для женщин это означает признание, и излияние символизирует желание мужчины остаться с этой женщиной. — Совсем иначе при изнасиловании... там нет части связи и интимности, потенциальной беременности и реальной опасности тоже нет. Изнасилование предлагает только чистое удовольствие и, конечно, подчинение, не больше. Поэтому мужчина в Перидэис обычно не захочет изливать сперму.

Хм. Трудно решить, — уклонилась Алиша.

Она отложила размышления на эту тему на потом и громко заявила, что её голова уже гудит от новостей.

О молоке

Но есть ещё многое, что нужно рассказать, — сказал Тим. — Просто откинься назад и позволь себя увлечь. Если что-то не запомнишь, спросишь позже. Я останусь с тобой на протяжении всего этого путешествия, так что это не проблема.

Итак. По сути, мужчина, который просто так проникает сюда, в течение нескольких дней неизбежно захиреет. Никто точно не знает, почему так, и та

16 Кстати: немецкая этнология рассказывала, как молодые женщины масаи в Танзании смеялись над ней за то, что у неё, как у женщины, нет молока в груди. «Нормально» происходит от «нормы», а норма — от «большинства».

история в книге, которую ты читала, лишь один из многих попыток объяснения. Напротив, женщина, попавшая в Перидэис, может здесь жить и наслаждаться, чувствует себя великолепно, постоянно приятно возбуждена и использует это для своего удовольствия, и в целом замечает, что груди начинают сильно натягиваться, растут и дают молоко. Это происходит со всеми женщинами здесь, и это имеет большое значение.

Отсюда и этот рисунок, где женщина протягивает свои груди зрителю?

Да, именно. Есть множество таких изображений и скульптур в разных вариациях. Есть это объяснение в истории, которую ты читала, но некоторые говорят, что так было здесь задолго до того, как пери пришли в эту землю, и что пери остались здесь *потому*, что так есть. Другие говорят, что пери создали эту землю именно такой, и никто другой в этом не участвовал. Что из этого правда, никто не знает, но одна из историй гласит, что жители здесь с незапамятных времён имели эту привычку, что мужчины пили молоко своих женщин, но, в конечном счёте, это неважно. Главное, что женщины в Перидэис всегда имеют молоко¹⁷. Решающее — это то, что из этого следует: мужчины в Перидэис не могут существовать самостоятельно. Им нужно женское молоко. Они должны получать его хотя бы раз в несколько дней, иначе они захиреют. Сначала с лёгкими, а потом с сильными болями, пока наконец не потеряют разум и не станут своего рода зверочеловеком. У них за короткое время по всему телу вырастают волосы, пенис становится невероятно длинным и мощным, и они бродят по лесам, с неутолимым сексуальным влечением, насилуя всё, что хоть как-то женское, могут говорить лишь несколько слов, почти ничего не понимают. Жалкие создания... Их называют сатирами.

И они не могут выйти из этого состояния? — спросила Алиша. — Это же жестоко!

Могут, но сначала их надо поймать, они очень пугливы. Мнения о них сильно расходятся, где-то между восхищением, страхом, презрением и отвращением. Но в целом их жалеют, потому что они не отвечают за свои действия. Одни их боятся, другие ненавидят, а третьи тайком пробираются в лес в тихой надежде быть безудержно изнасилованными сатиром. По сути, сатиры никому не вредят, ну, кроме изнасилования, я имею в виду. У одинокой женщины, конечно, нет шансов, и её будут трахать, пока она не потеряет сознание, и всё будет болеть. Но не больше. Это известно, и поэтому считается немного непристойным, когда женщина одна гуляет в лесу... мелкий грех, но всё равно судачат. Чтобы поймать сатира, используют то, что они трахают до полного изнеможения. Тогда их связывают и дают женское молоко, лучше всего прямо из груди, без контакта с воздухом и светом — так оно наиболее эффективно. Но он должен быть связан, потому что его генитальный инстинкт сильнее, и он становится неистовым, если чувствует женщину. Но он будет жадно впитывать каждую каплю

17 Кстати: немецкая этнология рассказывала, как молодые женщины масаи в Танзании смеялись над ней за то, что у неё, как у женщины, нет молока в груди. «Нормально» происходит от «нормы», а норма — от «большинства».

молока, которую ему предложат. Сначала наполовину насильно, но уже через несколько мгновений он делает это сам. Каждый раз заново. И всё это время он не должен эякулировать или, по крайней мере, как можно реже, тогда он восстанавливается. Сначала это заметно по тому, что волосы начинают редеть, пенис становится меньше, он постепенно возвращает разум и начинает вспоминать. Но он ничего не помнит из времени, когда был сатиром, буквально ничего. Только время до этого; последнее — это сильные боли.

А как понять, что он полностью исцелён?

Можешь развязать его, как только он снова вспоминает и нормально говорит. Тогда разум вернулся. Надо только внушить ему, чтобы он тебя не насиловал и не мастурбировал. Это хорошо работает, если держать его под наблюдением. Если его влечение слишком сильно, сразу предлагай ему молоко. Так он справляется.

Но кто в реальности это делает... такой огромный труд и риск? — с сомнением спросила Алиша.

О, немало, — ответил Тим, — многие женщины жалеют сатиров, и есть инициатива *Добровольный сатирический год*, где женщины очень самоотверженно позволяют себя по полной программе трахать. Это также важно, потому что некоторые бессовестные женщины специально группами ходят в лес и принимают там наркотики из определённых растений, которые на часы делают их безвольными, но оставляют в сознании. Знаешь, что происходит в таком случае? — Как только измотанный сатир после изнасилования приходит в себя из транса, у него нет крайне необходимой паузы для восстановления, а он сразу находит новых безвольных жертв, которые подставляются ему, как на блюдецке. И изнасилование начинается заново, снова и снова, пока действие наркотиков у женщин не проходит, и они убегают. Бывали сатиры с кровоточащим пенисом, но даже так это огромная подлость. А женщины потом ещё и хвастаются за спиной, сколько раз их оттрахали. Конечно, не открыто, а за закрытыми дверями. Но, по крайней мере, они после такого приключения не могут нормально ходить, потому что всё натерто, что хоть как-то ограничивает это. Так что это часто было предметом общественных дискуссий, но даже строгие законы пока ничего не дали...

Эти женщины правда это делают? Они после года не в больнице? — Алиша не сомневалась в правдивости истории, но была немного удивлена.

Да ну, — сказал Тим, — большая часть — это болтовня, подготовительные курсы, круги настроения, дискуссионные группы, медитации, тренировки тазового дна, парные упражнения, самопознание, практика на моделях и всё такое. И к тому же сатиров ещё надо найти.

Алиша корчилась от смеха.

Когда Алиша успокоилась, он задумчиво добавил: То, что здесь женщины не могут забеременеть, наверное, меняет многое, я думаю...

Это момент, который я не могу понять, — сказала Алиша, — ещё раньше не могла. Это же не работает, в реальности ведь нужен потомок?! — На этот раз

Алиша действительно сомневалась.
Нет, — сказал Тим, — это правда.

О теле

Здесь так: с одной стороны, женщины не могут забеременеть, с другой — никто не умирает... — сказал Тим.

Дай мне время это переварить, — попросила Алиша.

...

Для Алиши это было странное чувство. Чувство. Животное чувство говорило: здесь Рай, это правда так ощущается. Я хочу этого, думала Алиша, я хочу в это верить, я в сказке. Прямо в ней. Сказочная страна, подземный мир, Рай, Небеса, Сад Эдема, Вальгалла, Элизиум, Страна лентяев, Загробный мир, что угодно. Нерешительно Алиша сказала: Я не хочу просыпаться, и всё исчезнет. Но... но... никогда не забеременеть? Знаешь, я принимаю, когда парни говорят, что *сейчас* не хотят ребёнка. Я *сейчас* тоже не хочу ребёнка. Но я бы не хотела мужчину, который *вообще* не хочет ребёнка. Это я полностью исключаю. Такого мужчину я не хочу.

Тим ошарашенно посмотрел на неё: В чём проблема? Ты можешь покинуть Перидэис в любой момент и вернуться позже. Только *здесь* ты не можешь иметь ребёнка. Но снаружи можешь. Конечно можешь. Десять детей, если хочешь. А потом возвращаешься в Перидэис. Или между делом. Дети в детском саду — хоп, ненадолго в Перидэис, дети в школе — хоп, быстро в Перидэис, дети в летнем лагере — хоп, на подольше в Перидэис. Сколько угодно раз.

Я думаю, я хочу этого, — сказала Алиша. — Не знаю, как другие женщины, но я так устроена, я хочу, чтобы однажды в моём животе рос маленький человек.

У Алиши против её воли на глазах появились слёзы. Испуг засел глубоко. Это был сбой, потому что Тим уже давно дал всю нужную информацию. Но Алиша никогда серьёзно не думала об этом вопросе. И вдруг этот вопрос с силой возник и оттеснил всё остальное. Возможно, Алиша отказалась бы от вечной жизни, если бы ценой было не дать вырасти жизни в себе.

Взгляд Алиши опустился к её животу.

Вдруг Алиша вскрикнула: Вот! Смотри! Вот! — и указала на свой живот.

Что такое? — встревоженно спросил Тим. — Что?

Алиша ошеломлённо указала на нижнюю часть живота: Смотри! Вот! Мой шрам исчез! Тот, от аппендицита! Совсем исчез, ни следа!

Тим лёг на спину и рассмеялся. Ты меня так напугала. Но не бойся, твой шрам тебе потом вернут.

?!

Твоё отражение в Перидэис — это, так сказать, внутренний образ твоего исходного состояния, с одной стороны, твоих физических данных, с другой — твоего желаемого образа себя. Смесь из этого, иногда удивительная, потому что подсознательные глубокие желания часто противоречат тому, что ты официально должен считать хорошим в себе. Тело здесь без шрамов. Но также

без моды и без обмана, что в первый момент раздражает некоторых женщин. Любая косметика, любая пластическая операция, даже сложная причёска — всё это здесь просто исчезает. Поскольку это касается всех, раздражение быстро проходит. В итоге это даже расслабляет — быть свободной от диктата моды. То, что ты здесь в Перидэис как бы лишь отражение, инкарнация, аватар, — это причина, почему здесь с тобой ничего серьёзного не может случиться и ты не заболеваешь, кроме случаев, когда психика тормозит тело. Это, по крайней мере, самое разумное объяснение Перидэис. Здесь немного как в мультфильмах — ты падаешь с дерева, отряхиваешься внизу, немного покричишь, и вперёд. Кто-то бьёт тебя огромной дубиной по голове — ты кричишь «ай» и бьёшь в ответ. Хотя, конечно, больно, если что-то происходит, но только до определённой степени; сильной боли или постоянной боли здесь нет. Если с тобой происходит что-то невыносимое, максимум — это побег. Тебя без твоего участия вырывает из ситуации, и ты просыпаешься в месте перехода, где ты прибыла в Перидэис. Как «Вернись на старт!» в настольной игре. Не как игровое «наказание», а как своего рода защита от перегрузки, понимаешь?

Со шрамом от аппендицита?

Нет, без. Ты остаёшься внутри Перидэис, там, где ты проснулась, на стороне Перидэис в месте перехода. Это внутри Перидэис как защищённое пространство. Выйти полностью наружу — это всегда дополнительный волевой акт. Только тогда ты снова окажешься в переходном зале, который находится в мире. Но он, со стороны мира, тоже защищённое пространство. Там ты окажешься со шрамом от аппендицита, с деревянной ногой, с перманентной завивкой, выбритыми лобковыми волосами, теньями для век или чем ещё ты была обременена раньше.

Смотри, как бы я тебя не поймала. А потом? Если я *не* покидаю Перидэис?

Отсыпaeшься, валяешься, принимаешь ванну, что угодно. И думаешь, вернуться ли назад и что, возможно, нужно сделать иначе. Пешком возвращаться, конечно, долго, других средств передвижения нет, летать как ведьма можно только на короткие расстояния, но есть вспыхивание. Оно работает в целом как этот произвольный побег, но это сознательное, и нужно практиковаться, чтобы это получалось. Поговорим об этом позже, всё по порядку. Только одно сейчас: в отличие от побега, сознательное вспыхивание не всегда срабатывает, потому что нужно очень точно и детально помнить желаемое место назначения. Если нет: приятной прогулки.

Не смейся так гадко, — проворчала Алиша. — Нет никаких ездовых животных? Нет. Более быстрые закашляют тебе, и ты в раз-два-три на земле, другие медленные и ленивые.

Карета?

Ну, почти. Тянут люди. Удобнее, но медленно и хлопотно.

Ведьмина метла?

Об этом уже говорили. Час полёта, и метла сломана, а ты неделю не можешь ходить.

ЧТООО, это правда есть???

Да. По сравнению с твоими способностями ты здесь ведьма. Смирись с этим. До пери не дотянула.

Алиша рассмеялась. Допустим, я такая. Здесь, в Перидэис. Но почему я потом неделю не могу ходить?

Зажми метлу где-нибудь и сиди на ней час. Тогда поймёшь.

Понятно. Драконы?

Это возможно.

Теперь совсем круто. Они есть?

Да, но очень редки. Я, например, ещё ни одного сам не видел. Их можно приручить, мне говорили, но, подозреваю, дракон тоже не улетит далеко. Иначе бы другие давно это попробовали. Времени на такие эксперименты здесь хватает. Кстати о времени. Есть ещё кое-что важное, что я должен тебе рассказать.

О вечной жизни

Здесь никто не умирает, — сказал Тим. — Это говорит в пользу теории, что Перидэис — это что-то созданное, а не то, что всегда существовало или, лучше сказать, развилось естественно. Дай мне договорить (Алиша заёрзала). Конечно, каждому виду нужен потомок, чтобы не вымереть. Но тут начинается одна из теорий объяснения Перидэис. Она так же недоказуема, как и любая другая, но мне кажется наиболее правдоподобной, с наименьшим количеством пробелов, и она объясняет, почему твой шрам исчез и почему ты его потом получишь обратно. Слушай: эта теория гласит, что Перидэис мог быть своего рода машиной удовольствия какой-то инопланетной расы, которая должна быть технически невероятно превосходящей нас, людей. По этой теории, они когда-то, допустим, 8000 лет назад, прибыли на Землю — это просто пример, никто не знает точно. Или эта раса жила когда-то, и Перидэис — это их наследие, или они подарили нам Перидэис, или Перидэис — убежище для немногих представителей этой легендарной цивилизации. Неважно как, но он создан и снабжён входами с нашей Земли, чтобы предоставить некоторым представителям этой расы интересное, приятное и безопасное пребывание, будь то на короткое или долгое время. Возможно, ради чистого удовольствия, возможно, как убежище, созданное на последние деньги перед тем, как захлопнуть за собой двери. С технической точки зрения, это может быть как доступ к другому измерению, которое мы, люди, не знаем, или, если взять другую теорию, что-то на квантовомеханическом уровне.

Тим на мгновение замолчал, чтобы подумать. Затем продолжил:

Или эти переходы из мира в Перидэис — это своего рода туннель во вселенной к далёкому миру, но в это я не верю. Это не объясняет, почему мы в Перидэис не можем умереть. Идея смешанной реальности объясняет лучше. Если вкратце: твои мысли и мысли всех других посетителей настоящие, мысли пери настоящие, основная структура Перидэис как минимум задана, но всё остальное

в нём — иллюзия. Создаётся твоё зеркальное отражение, и тыходишь в эту иллюзию как это отражение и с этого момента становишься её частью, можешь влиять на неё, изменять там, где находишься. С твоим телом в мире тем временем... ну, время как бы останавливается, оно остаётся, насколько можно установить, до последнего атома таким, какое есть. Пока ты его не затребуешь обратно. Твоё зеркальное тело здесь, в Перидэис, очевидно, точно соответствует твоему внутреннему образу, каким ты должна быть по своим задаткам, если бы в твоём текущем возрасте у тебя не было болезней, травм, искусственных изменений, дыр в зубах, но всё остальное, что относится к нормальному развитию, остаётся. В Перидэис происходят только обычные повседневные изменения с твоим телом, например, увеличиваются груди, если у тебя много молока, мышцы, если ты их нагружаешь, и живот с попой, если ты хорошо кушаешь.

Чёрт, я знала, что у Страны лентяев есть подвох.

Тим рассмеялся. Не совсем, ты не станешь пухлой, если сама этого не захочешь. Перидэис же подстраивается под тебя, не забывай. Это происходит заново каждый раз, когда ты была в мире и потом возвращаешься в Перидэис.

Я всё равно старею, если между делом бываю снаружи?

Да. Если ты этого не хочешь, оставайся в Перидэис или проводи в мире как можно меньше времени. Это полностью твой выбор. Но один важный практический момент нельзя забыть. Ты, наверное, удивлялась, почему твои груди с момента прибытия в аэропорт получали столько внимания.

Я сначала думала, что это какой-то фетиш или что-то такое, это было приятно. Это из-за молока? Чтобы у меня уже было молоко в груди, когда я войду в Перидэис?

Да, точно. Если ты приходишь в Перидэис с полностью спокойными девственными грудями¹⁸, молоко появится позже, и в начале груди будут так сильно натягиваться, что ты не сможешь думать ни о чём другом.

А потом тоже так?

Нет. Твои груди как бы запоминают, и поэтому это происходит гораздо быстрее. С каждым разом лучше. Но можно поддерживать поток молока и в мире. Многие так делают.

Просто так?

Да. Лучше всего, если мужчина регулярно пьёт твоё молоко, в идеале тот, кому это самому нравится. Или подруга, это тоже бывает. Или используешь электрический молокоотсос, или доишь груди руками. Это просто должно быть регулярно, хотя бы два раза в день, тогда молоко останется. При следующем визите в Перидэис груди в начале всё равно немного натягиваются, но женщины мне говорили, что в определённых рамках это может быть даже

18 Так называемая «неактивная грудь», состоящая только из жировой ткани и не дающая молока, не существует у других млекопитающих, кроме человека. Она возникла в эволюции как чистое средство привлечения и содержит почти нет молочных желёз.

приятно.

А застой молока и всё такое не бывает?

У тебя есть застой?

Нет.

Поток молока здесь начинается не так резко и сильно, как после родов, а медленно, с нескольких капель, и постепенно увеличивается. Наверное, груди так лучше привыкают. По крайней мере, воспалений не бывает. Если кто-то свяжет тебя на несколько дней, не доя тебя, ты, конечно, сильно это почувствуешь. Но даже тогда... в какой-то момент, обычно как только ты возбуждаешься, груди начинают капать и брызгать молоком высоким фонтаном. Выглядит красиво.

Ты это видел?

Да. Это довольно популярная шутка — показывать это, когда такое случается. Немного хвастовства, понимаешь?

Алиша хихикнула. — Могу себе представить.

О растяжении времени

В качестве предварительного завершения моего вводного доклада, который, надеюсь, не был скучным...

Алиша хмыкнула.

...есть ещё один последний сюрприз, о котором я ещё не упомянул: время в Перидэис растянуто. Примерно в двенадцать раз. Пробудешь здесь 120 дней, в мире пройдёт только 10 дней. Пробудешь 120 лет, в мире пройдёт 10 лет.

И если у меня в мире 7 часов, пока дети в школе, то в Перидэис у меня 7 умножить на 12, то есть... 84 часа, это, постой, полных три с половиной дня, как если бы я... в четверг после завтрака с мужем уехала и вернулась в воскресенье вечером?

Э, да.

Ты заметил, что я в расчёт включила мужа?

Эй, что с тобой? Это не значит, что ты здесь постоянно должна заниматься с другими людьми. Если у тебя *один* мужчина и ты хочешь отдаваться только этому *одному* мужчине, так и будет.

А как же сатиры, например?

Ты их не встретишь, они тебя не найдут, вдруг появится другая женщина, что угодно. Вспомни сравнение со сном. Или если в глубине души ты всё же жаждешь такого приключения, то оно, возможно, случится, но, может, не так прямо... скорее как в одной из фантазий мастурбации, анонимно, без лица, безлично. Или ты совсем ни при чём.

Какая у меня самая частая фантазия мастурбации, — тихо пробормотала Алиша про себя. Она вырвалась из этого потока мыслей и громко спросила:

То есть я могу стать такой же старой, как библейский Мафусал? Он, кажется, прожил около 950 лет, и 950 делить на 12 — это... примерно 80 лет.

Нет. Ты слишком усложняешь. Твоё тело в мире вообще не стареет, пока ты в

Перидэис. Только когда ты в мире, оно стареет нормально. Только *кажущееся* старение в мире происходит, если ты, например, покидаешь Перидэис раз в несколько сотен лет на пару дней.

Не будет ли это заметно, если я, скажем, приду на встречу одноклассников, выгляжу как в середине двадцатых, а остальные в 60 лет и все в морщинах?

Да. Тут надо быть осторожной.

Но в какой-то момент смерть всё равно приходит?

Если ты остаёшься в мире и там проходит твоё общее время жизни. В Перидэис — нет. В какой-то момент может быть разумно выходить наружу очень редко или вообще не выходить. Если только ты не хочешь умереть. Есть люди, которые сознательно говорят, что всё уже пережили, и теперь пора полностью покинуть мир. Так что тебя не заставляют жить вечно.

Честное предложение, — сказала Алиша.

О завершении

Хм. Думаю, на этом пока всё, — сказал Тим. — Я что-то забыл?

Нет.

Что? Откуда ты знаешь?

Ты уже пару раз повторился.

Попробуй сам, — проворчал Тим.

Всё нормально, — сказала Алиша, — я с удовольствием слушала.

И быстро поцеловала его в лоб. Так быстро, чтобы он не успел уклониться. Её сосок слегка коснулся его губ, и её пробрала дрожь. Алише понадобилось мгновение, чтобы это улеглось.

Оба сидели в траве, позволяя мыслям блуждать и лениться. Алиша вдруг снова заметила красивый пейзаж у их ног, сочную зелень и яркие цветы перед ней, звуковой фон разных животных, голубое небо, невероятно высокие крутые горы за спиной и снова пульсацию там, где сходятся ноги, а также другие симптомы, которые обычно мешают ясному мышлению. Хм! — прервала она молчание: — Раз уж мы об этом говорили — ты бы не хотел случайно быстро меня изнасиловать, чтобы наглядно объяснить мне сказанное? Или я тебя, потому что тогда ты совсем невиновен и ни за что не отвечаешь? Я без своей вины замечаю, что таю.

Мне не поверят, что ты меня изнасиловала, — рассмеялся Тим. — Я тренированный, не совсем неопытный боец-одиночка, а ты не амазонка! Но серьёзно, в одном определённом месте я даже обязан тебе пойти навстречу, точнее, в двух местах.

Алиша нахмурила брови.

Тим теперь без стеснения посмотрел прямо на груди Алиши.

Алиша наконец поняла.

Я же сказал, — продолжил Тим, — что мужчины здесь не могут выживать сами по себе. Это относится и ко мне. Поэтому я хочу официально спросить, ведь это

будет происходить регулярно. Я должен пить твоё молоко, пока сопровождаю тебя здесь. Тебе, может, кажется странным, что такой парень, как я, это говорит. Но мне это нужно, и это было бы для меня компенсацией за то, что ты можешь получать удовольствие в моём присутствии. И это было бы для меня высоким наслаждением... во всех смыслах.

Алишу пробрала волна от лба до кончиков пальцев ног, которая затем перешла в мурашки, и её соски напряглись. — Конечно можешь, — хрипло выдохнула она. Она откашлялась и повторила нормальным, но приглушённым голосом: Конечно можешь. Столько, сколько хочешь. Правда. Я бы никогда не видела в тебе из-за этого... младенца или что-то в этом роде. Не тебя, не здесь и не при этих обстоятельствах. Каким-то образом обстоятельства действительно... другие. И кто знает, может, в этом есть что-то особенное. Знать, что другие тоже это делают, всё равно сделало бы меня любопытной, чтобы хотя бы попробовать, даже в... мире (для Алиши всё ещё было странно произносить это слово для обычного мира). И, похоже, здесь мне всё равно придётся постоянно давать молоко, так или иначе. Как часто мужчине нужно молоко?

Тим ответил: По-настоящему нужно... может, раз в два дня, чтобы я чувствовал себя полностью комфортно, ведь я же не могу изливать сперму. Но приятнее чаще, перед сном... после пробуждения... к полуденному сну?

И к кофе? — спросила Алиша, шутливо протягивая ему грудь.

Если получится, то и это, — замылся Тим. — Но не обязательно. Обстоятельства решают. Здесь сверх необходимого это просто повседневное удовольствие. Может, как шоколад или печенье к кофе. И для тебя это особенно хорошо, потому что стимулирует выработку молока, ведь как женщина ты здесь должна хорошо давать молоко, иначе над тобой будут смеяться. Количество молока быстро увеличивается, если его регулярно пьют или доят, и гораздо быстрее, чем в мире. Я бы пил твоё молоко просто каждый раз, когда дою его.

Как, ты не хочешь пить прямо из моей груди?! Ты же сказал, что так оно гораздо эффективнее? — Алиша была искренне разочарована, и слёзы потекли по её щекам.

Можно мне? Ты хочешь? — Тим немного неуверенно посмотрел на Алишу.

Алиша запнулась: Да, конечно, я бы с радостью это сделала. Правда! Прямо сейчас! Почему нет? Ты не веришь? — Но... но как это делает взрослый мужчина? Голова на коленях? — Алиша взяла грудь в руку.

Нет, просто так, как ты бы всегда делала со взрослым мужчиной. Бок о бок. Просто ляг на траву, — ответил Тим, — так удобнее всего.

Алиша послушно легла на спину на траву и повернулась налево к Тиму. Так пойдёт?

Тим лёг рядом, лицом к Алише. Подними нижнюю руку над головой, так лучше всего, — сказал он, пока его лицо уже было у её груди. — Ты теперь пахнешь иначе, знаешь? До того вкусно, что хочется съесть.

Я тоже это заметила, — ответила Алиша, — но не была уверена. Какой-то странно свежий запах, что я сама в себя влезть хочу. Давай уже. — И Алиша

поднесла ему левую грудь прямо к губам.

Погоди, какую я доил раньше?

Хм, точно, левую. — Тогда Алиша взяла правую, ещё полную грудь, поднесла её к губам Тима и коснулась соском его губ. С блаженным стоном Тим припал к её груди, схватил губами её сосок, втянул его в рот, обхватил большим пальцем внутри рта, и наконец его тёплые мягкие губы обняли её ареолы, и Алиша блаженно вздохнула. Твёрдый сосок начал смягчаться в его рту, она чувствовала ошупывающие губы, которые вгрызались в её грудь и начинали массировать, пока его нёбо и язык тянули её сосок и начали неожиданно сильно сосать. Он нашел быстрый, ритмичный темп, сосал, массировал, время от времени стимулировал кончиком языка её сосок в качестве награды, а затем снова сосал и массировал в быстром ритме. Алиша начала расслабляться, безвольно опустила в траву, обняла свободной рукой его затылок и осторожно поцеловала его в лоб. Но через пару-тройку минут Тим вдруг блаженно застонал и перешёл на очень медленный и глубокий ритм. Алиша вдруг почувствовала зудящее беспокойство, зуд потянулся к груди, и она попыталась оттолкнуть его голову, чтобы проверить, что там. Тим схватил её свободной рукой и крепко прижал к себе, так что она не могла даже чуть-чуть оторвать его от груди. Вдруг она почувствовала тёплую приятную волну, идущую в груди к соску, и ощутила расслабление. Глубокое приятное расслабление. И она услышала ритмичное глотание Тима. Медленный ритм. Глубокий ритм. Красивый ритм. Пей, думала Алиша, полуотсутствуя, пей, пей сколько можешь. Высоси меня, опустоши. Тёплые волны омывали её. Облако подняло её, и они парили. Мир был далеко. Он сосал её грудь, и больше ничего не было, ничего, ничего, ничего. Наконец он взял её, даже если не проник в её лоно, а в свой рот. Но они были физически связаны, очень близко. И он всё ещё сосал, выжимал, сосал, выжимал, сосал, между этим она слышала его глотание. И она почувствовала, как немного молока выделилось из другого соска и медленно стекало по груди. Затем молока, похоже, стало меньше, потому что Тим снова начал быстрый ритм. Между проплывающими розовыми туманными полосами Алише пришло в голову, что не она что-то делает — с ней делают, с ней происходит. Её тело реагировало помимо её разума. Вот! Снова приятная расслабляющая волна прокатилась по её груди, Тим опять блаженно застонал, его ритм снова стал медленнее и глубже, и было слышно его глотание. Когда правая грудь наконец опустела, Тим сам перешёл к левой груди и ничего не оставил и в ней. ... Пока наконец он не отстранился от Алиши, не перекатился на спину и блаженно не закинул руки за голову.

Твоё молоко восхитительно, — сказал он. — Лучше ванильного мороженого, с ноткой шоколада, сливочное, и при выдохе с приятным молочным ароматом. И общий аромат определённо связан с твоим запахом тела, только в виде вкуса.

Алиша уже давно перевернулась на спину и вибрировала средним пальцем правой руки по своему секретному пятнышку. Меньше десяти секунд, и все мышцы Алиши напряглись и взорвались в глубоком тёплом волнообразном

оргазме. Алиша лежала, тяжело дыша, и видела звёзды.

Тим дал ей время.

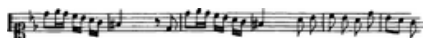
Тим дал ей ещё больше времени.

Наконец Алиша пришла в себя. Красиво, — сказала она. — Чудесно. И то, и другое. Иметь тебя у груди и оргазм. Вдруг она резко повернулась к Тиму и задумчиво посмотрела на него. — Но если мы будем делать это чаще, я влюблюсь. Это опасно, правда.

Я знаю, — сказал Тим. — Поэтому некоторые женщины не дают никому, кроме своего мужчины, пить прямо из груди. Решай, нормально ли это для тебя. Я часто видел, что это делалось анонимно, через стену, ткань или что-то в этом роде. Теперь я понимаю, почему.

Нет! — решила Алиша. — Я хочу по-настоящему. Всё остальное найдётся. А теперь я голодна!

Тим подхватил: Ты голодна? — Проблема, которая в Перидэис не проблема, — гордо сказал он и вскочил. — Пойдём! Я покажу тебе чудеса Рая!



Чудеса Рая

Голые, как были, они оба побежали вниз по травяному склону, Тим впереди, к деревьям в долине. При этом он пробежал прямо мимо дерева с безумно выглядящими плодами, которые были удлинёнными, но все разного цвета и размера. Они немного напоминали Алише декоративные тыквы из-за их разнообразия.

Как насчёт тех? — крикнула Алиша Тиму, бежавшему впереди, но тот, смеясь, отмахнулся: Это потом, пойдём!

Они побежали дальше. Деревьев становилось больше, многие с необычно большими цветами всех оттенков и приятно пахнущими, другие с разными видами плодов. Но Тим пробегал и мимо них. Только когда деревья постепенно превратились в светлый лес, он остановился. Так, — сказал он, — здесь есть кое-что интересное. Мы могли бы попробовать и другие плоды, но для начала ты должна попробовать что-то особенное. Посмотри наверх!

Алиша посмотрела вверх. — ?!

Дерево со шницелями, — хитро пояснил Тим. — Эта местность славится своими венскими шницелями. Попробуй. Но сорви спелый!

Мысли Алиши метались от гипноза к бреду и наркотикам, она в спешке вспомнила все события последнего времени, для проверки сильно ущипнула себя, наконец сорвала особенно аппетитный венский шницель, который висел чуть выше прямо перед её носом, и откусила.

Хм.

Венский шницель, — констатировала она, — и даже не качества заводской столовой.

Тим изучил ассортимент дерева, сорвал себе один и откусил. Неплохо, правда? Хм!

Шницель не исчезал, его можно было есть, он имел насыщенный вкус, и чувствовалось, как наполняется желудок. Во сне такого не бывает, Алиша, похоже, всё ещё была в Раю, простите, в Пе-ри-дэ-ис, она мысленно растянула это слово. ГДР была бы спасена с таким, подумала она.

Алиша вытерла рот, когда доела шницель. И что ещё в ассортименте?

Всё! Но не везде, обычно надо немного поискать, — ответил Тим, причмокивая, — но этот лесок имеет хороший выбор, потому что он специально создан для приветствия и угощения новичков вроде тебя. Булочки вон там.

Булочки?! — в ужасе взвизгнула Алиша. — Здесь есть свежие булочки на деревьях?!

Конечно, почему бы нет, если уж А, то и Б, — ответил Тим, только что закончивший свой венский шницель. Пойдём сюда.

Он показал на дерево в двадцати метрах от них. Булочки висели, к сожалению, немного высоко, и к тому же, к её изумлению, она увидела маленькую обезьяну, которая уютно устроилась на ветке и ела булочку.

Вот бы так лазать, — сказала Алиша.

Тоже не проблема, — ответил Тим, нагнулся, подобрал несколько валяющихся плодов и бросил их в сторону обезьяны. Один попал.

Идиот, идиот, идиот, — закричала обезьяна вниз и от злости швырнула то, что у неё было: несколько булочек.

Спасибо! — крикнул Тим и собрал упавшие булочки.

Скажи, обезьяна правда крикнула «идиот»? — подозрительно спросила Алиша.

Крикнула, — ответил Тим, уже жуя булочку. — Животные здесь могут говорить. Некоторые хуже, некоторые лучше, некоторые невнятно. Но они почти ничего не понимают. Но эта обезьяна нас правильно обозвала, правда?

Алиша рассмеялась. Верно. Надо её за это похвалить.

Так они переходили от дерева к дереву, раздобыли ещё десерт и перекусили сверх того. Кое-что Тим положил в рюкзак на потом.

Теперь кое-что совсем отпадное, — сказал Тим, — позволю представить: слева от тебя — пивные деревья. Учти, где слишком много солнца, там пиво тёплое, с приглушённой пеной, безвкусное и мутное. Лучшее пиво найдёшь в прохладных тенистых местах, идеально у ручья или реки.

Они немного поискали, и Алиша тем временем восхищалась пивными бутылками, качающимися на ветках.

Скажи, а не может иногда бутылка упасть на голову?

Может! — ответил Тим. — Так что будь осторожна. Но сейчас ветра мало.

Затем они дошли до ручья, у истока которого они ранее купались, и который теперь журчал через фруктовый лес.

Это дерево, должно быть, хорошее, — решил Тим, забрался наверх и сорвал две бутылки.

Как их открыть? — спросила Алиша, разглядывая немного странный пробковый

стебель своей бутылки.

Очень просто, — сказал Тим. — Кусаешь его, ему больно, и он отпускает. Смотри, вот так!

Он укусил стебель-пробку.

Раздался писклявый крик, и Тим вытащил пробку за стебель из бутылки. Прозит!

Он поднёс открытую бутылку к горлу. Неплохо. Хороший выбор, — сказал он.

Алиша тоже попробовала и укусила.

Фиийип!

И что теперь?

Тяни!

Алиша потянула, но пробка сидела крепко.

Надо быстро тянуть, пока бутылка не передумала.

Алиша укусила ещё раз.

Фиийиип!

Быстрый рывок, пробка вышла. Алиша попробовала пиво. Хммм, приятно пряное, — сказала она.

Мне нравится чуть горче, но это отличное, не на что жаловаться. Пиво не везде одинаковое.

Так они утолили жажду пивом, и когда оно закончилось, Алише пришла мысль: Не говори, что это залоговые бутылки, которые надо куда-то сдавать.

Нет, не надо. Их просто бросаешь в ландшафт, и там они экологично разлагаются. В мусорном баке слишком сухо, и это была бы экологическая грязь, если их туда кидать.

Алиша была сыта, не испытывала жажды, восхищалась красивой окружающей природой, естественно, немного возбуждена (она же не виновата) и слегка захмелела от пива, возможно, из-за усталости последних дней. И что теперь?

Теперь я сорву ещё пару пив для потом и вернёмся. Я покажу тебе, где мы можем комфортно спать.

Они пошли назад, пока снова не прошли мимо того странного дерева с декоративными тыквами.

Тим почесал голову: Ты хочешь знать, что это за плоды?

Конечно!

Правда?

Всегда!

Лёгкое опьянение сделало Алишу задорной.

Тим поискал вокруг дерева и наконец выбрал плод среднего размера и сорвал его. Формой он напоминал баклажан, но меньше, примерно как банан, только толще. И цвет у него был банановый, но только на более узкой половине, где был стебель. На толстой половине плод постепенно переходил в насыщенный оранжевый.

Ляг на спину!

Алиша легла на спину.

Тим обхватил плод руками, поочерёдно сжимая его в нескольких местах, словно согревая. Алиша заметила, что странный плод начал сильно блестеть, и у неё появилось предчувствие, для чего он нужен. И точно, Тим раздвинул её бёдра и медленно ввёл плод толстой оранжевой частью в Алишу. Блеск на поверхности плода, как она и предполагала, был скользкой влагой, и плод легко скользнул внутрь.

Огооо, — выдохнула Алиша, — несмотря на толщину, он хорошо заходит. — И что теперь? Это же, надеюсь, не всё?

Погоди, — сказал Тим, слегка удерживая плод рукой.

Алиша почувствовала, как плод начал слегка гудеть. Сначала совсем слабо.

Это приятно, — сказала Алиша и сама немного поправила положение плода руками. — Это правда приятно, — добавила она, когда гудение стало заметно сильнее.

Это ещё не всё, — сказал Тим, крепко держа плод.

Алиша ощутила, как вибрация ещё немного усилилась.

Станет ещё сильнее? — спросила Алиша. — Боюсь, этого не хватит.

Нет, гудение не усилится, — сказал Тим, — но это лишь небольшая добавка, основное ещё впереди, жди.

Теперь плод начал обильно выделять скользкую жидкость, которая потекла из и без того влажной вульвы Алиши. И вдруг она почувствовала, как плод начал расширяться в её влагалище.

Он что, растёт? — спросила она, уже в слегка изменённом состоянии.

Да. Некоторые женщины становятся зависимыми от этих плодов, — просветил её Тим. — Сейчас увидишь...

Алиша увидела и почувствовала. Плод набухал в ней. Небезынтересно, подумала она. Плод набух ещё сильнее. Это правда что-то особенное, подумала Алиша про себя. Скользкая жидкость обильно вытекала из неё. Плод набрал ещё больше. Ффффт, — выдохнула Алиша, сжав губы. Теперь это стало очень, очень, очень интересным. Точнее, начинало становиться тяжёлым. Хорошо, что у неё был лёгкий хмель. Ещё тяжелее. И ещё немного тяжелее. Тёплое, скользкое и очень, очень настойчиво растягивающее. И ещё немного. Уф!

Скажи себе, что там внизу проходит целый ребёнок, — прокомментировал Тим, с интересом глядя на её лоно.

Ты негодяй! — задыхаясь, запротестовала Алиша, искренне обеспокоенная. — Какого размера станет эта штука?

По-разному, но она тебя не разорвёт.

Ну, здорово, — воскликнула Алиша, разрываясь между возбуждением и сдержанностью. Плод крепко застрял в ней и продолжал набухать.

Это слишком, — отчаянно крикнула Алиша.

Надо себя удовлетворять, — сказал Тим, не проявляя ни малейших признаков беспокойства. — И расслабляться, не напрягаться.

Легко сказать! — Алиша попробовала. — Ты, глупый парень, как тут

расслабиться?!

Не ори и не оскорбляй людей, которые хотят только лучшего.

Скотина, ааааа, эту штуку не вытащить. Пожалуйста, пожалуйста, — умоляла она, — сделай что-нибудь...

Это называется туннельная игра, — сказал Тим. — Как в туннеле, ты не можешь выйти на полпути, надо пройти до конца. В этом и прелесть. Ты переживаешь опыт, которого иначе не было бы.

Мне хватило опыта, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — жалобно умоляла Алиша.

Попробуй, — сказал Тим, — убери напряжение из мышц и прими плод — он реагирует на тебя, и помогает, если ты себя удовлетворяешь.

Алиша нерешительно начала работать средним пальцем по своему пятнышку. Оно сильно выпирало из-за давления плода, что делало дело немного непривычным. Другими пальцами она ощутила выступающую часть плода. Плод принял форму огромного гладкого арахиса: одна толстая часть внутри неё, сужение на уровне входа во влагалище и толстая часть снаружи. Поэтому плод крепко застрял. Алиша ощупала пальцами раздвинутые половые губы, насколько широко было растянуто её влагалище. Это должно быть гигантским, всё было гладким.

Вот! Сейчас! Плод сделал паузу.

И что теперь? — тревожно спросила Алиша. — Он потом продолжит?

Продолжит, — сказал Тим. — Особенно если ты, как сейчас, делаешь паузу.

Алиша быстро продолжила вибрировать средним пальцем.

Но если у тебя будет оргазм, он сразу отпустит.

А если я не достигну?!

Придётся страдать. Бедняжка.

Тим вовсе не выглядел сочувствующим. Скорее, эта игра его завораживала, если не больше.

Пальцы Алиши начали вибрировать по её пятнышку. Немного торопливо. Какая подлость. Принудительный оргазм! Он за это поплатится. Тут она почувствовала, как плод, кажется, снова начал выделять жидкость и продолжил расти. На этот раз ощущение было странным, боль и возбуждение смешались в трудноописуемое состояние. Теперь она ощутила пульсацию плода в себе, ослабление давления, которое дало ей и её широко растянутому входу во влагалище облегчение, передышку. Затем плод снова начал набухать, возможно, даже больше, чем раньше. Но это было гораздо легче вытерпеть, чем раньше. Плод снова медленно ослаб, и палец Алиши вибрировал всё быстрее по её пятнышку. Короткое ощупывание дало понять, что её вульва была ужасающе широкой. Плод снова медленно набухал... но на этот раз... сейчас, сейчас, сейчас... да, да, да, вот он, оргазм. Он мощно охватил со всех сторон набухший плод, который, казалось, разорвёт её лоно, пытался сжать, сжать, сжать, но не мог справиться с плодом и поэтому охватил его бесконечным мощным сокращением всего низа живота. Застывшим. Сконцентрированно застывшим.

Но затем... наконец... оргазм ослаб и отступил. И плод тоже. Вдруг. Как воздух выходит из шара, и он уменьшается, так из плода брызнула скользкая жидкость в лоно Алиши, пока плод наконец не выскользнул сам и не упал на траву.

Глубокое расслабление охватило Алишу.

Ещё больше.

И ещё больше.

Боже мой!

Сильно, — сказала Алиша.

(Но только спустя некоторое время.)

Сильно, — сказала она, — и очень возбуждающе. Не для каждого раза. Но иногда можно себе такое позволить.

Боже мой. Алиша ощупала свою вульву. Очень большая, интересно большая, сильно растянутая, но она быстро сокращалась и пульсировала.

В Тиме не было ничего шуточного, это, похоже, не было злой шуткой. Скорее он выглядел впечатлённым и замороженным.

Твоя вульва выглядела красиво, — сказал он. — Максимально она была открыта примерно так: — Он показал большими и указательными пальцами обеих рук, как широко было её отверстие. Этого не хватило, пришлось оставить зазор между указательными пальцами. Алиша посмотрела на него и простила. Это действительно был интересный опыт, подумала она.

Когда Алиша восстановилась, она медленно поднялась и посмотрела на себя. Какая грязь, — прокомментировала она. Её живот, лобок, ноги и трава под ней были скользкими.

Никогда не делай это без купания поблизости, — улыбнулся Тим. — Пойдём!

Он потянул её за руки вверх, и они побежали обратно к их чудесному месту для купания. Её шаг к воде был немного утиным.

Когда они снова лежали на траве, чтобы обсохнуть, Тим сказал: Еда у нас есть, и последнее на сегодня — я покажу тебе наш спальный уголок. На сегодня, думаю, хватит.

Я ещё не наелась, — сказала Алиша. — Здесь слишком много интересного, а я любопытная. Как называлось то интересное дерево?

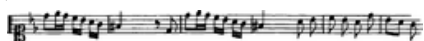
Бутылочное дерево. При тепле тела, влажности и темноте плоды думают, что находятся во влагалище, и выделяют свои семена в виде слизи, которая, кстати, дополнительно действует на женщин как афродизиак, чтобы они не вытащили плод слишком рано. У дикого вида бутылочного дерева женщина через удовольствие побуждается держать плод в себе некоторое время и таким образом переносить его в другое место. В какой-то момент он выскальзывает или становится вытаскиваемым. Так дерево распространяется. Благодаря специальной селекции люди вывели разные варианты бутылочного дерева: длинные, толстые, вибрирующие, увеличивающиеся. Это было выведено для туннельных игр. Есть также сорта специально для геев или для тех, кто хочет поиграть анально. И поверь, люди часто пробуют это дерево, плоды на рынке хорошо продаются. Бутылочное дерево для меня, кстати, ещё одно

доказательство, что Перидэис — созданный мир. Своего рода доказательство Бога, потому что скажи, какова вероятность, что эволюция создаст такие плоды? Это скорее работа очень продвинутого селекционера растений в мире, где нет технического прогресса. Создано для удовольствия своих творцов, как и весь Перидэис: как парк развлечений, приключений, впечатлений, возможно, для отдыха, но, возможно, и как идеальное последнее убежище.

Алиша хихикнула: Бутылочное дерево — это, так сказать, расширение моего горизонта, и теперь нам надо заново определить, где мой горизонт в этой стране.

Тим рассмеялся, встал и протянул Алише руку, чтобы помочь подняться. Пойдём, — сказал он, — теперь последняя остановка на сегодня.

Он указал на одну из возвышающихся скальных стен вокруг них и пошёл вперёд. Алиша последовала за ним.



Заброшенная таверна

Они побежали, Тим впереди, Алиша за ним, снова в сторону грота, через который они вошли в Перидэис, но оставили его слева. Справа от них был лес с множеством цветов и плодов. Слева, вверх по травяному склону, возвышались крутые скалы жёлтого и красновато-коричневого цвета, изрезанные многочисленными нишами и пещерами. Время от времени в скалы залетали птицы. Наверняка у них там гнёзда, подумала Алиша, и это идеальное место для скалолазов. Многие участки скал были покрыты растениями и цветами. Алиша запрокинула голову. Верхнего края скал не было видно. Казалось, они уходят в небо.

Они шли минут десять, когда скала образовала широкий выступ в долину. Тим указал на основание выступа, и Алиша увидела в широкой трещине лестницу, вырубленную в скале. Лестница поднималась, наверное, на двенадцать или пятнадцать метров, становясь всё уже, и заканчивалась бронзовой дверью.

Наше ночное пристанище, — крикнул Тим, — тебе понравится. Идём! — И он помахал Алише, подзывая её.

Погоди, — сказала Алиша. — Прежде чем начнётся что-то новое, я хочу ещё раз повторить, что поняла, это меня волнует.

?!

Итак, — продолжила Алиша, — я прихожу в секретное место перехода, захожу внутрь и ложусь на алтарь. Эта комната уже часть Перидэис?

Да и нет. Она принадлежит Перидэис, но ты ещё в своём мирском теле.

Ага. Я раздеваюсь, принимаю ванну и ложусь на алтарь. После этого каким-то чудесным образом меня переносят в пещеру, которая уже находится в Перидэис.

Да.

Но я прихожу не собой, а как бы идеальной копией себя, которая к тому же никогда не стареет. Это правильно?

Пока всё верно, — усмехнулся Тим.

Дальше, — сказала Алиша, — в Перидэс я веселюсь всеми мыслимыми и абсолютно безопасными способами, и если через сорок лет вернусь, я получу своё тело не в том же качестве, но как консервированный продукт, состарившийся только на одну двенадцатую, то есть три года, тогда как моя подруга выглядит как сушёный фрукт. Верно?

Тим громко рассмеялся. Да и нет. Для тебя прошло три года, но твоё тело вообще не состарилось.

А, теперь я лучше понимаю, — сказала Алиша. — Но время в мире прошло, и поэтому я могу вечером выйти на четыре часа и вернуться в тот же вечер через четыре умножить на двенадцать, то есть сорок восемь часов, полностью отдохнувшей в свою немного душную маленькую ГДР? Ах, как жаль (Алиша остановилась), мне пришлось бы сначала пройти через пустыню. Значит, всё-таки не получится.

Получится, — сказал Тим, — кроме раскрытого перехода есть и другие, один даже в Берлине. Только чтобы их не выдали, ты разово проделала этот огромный крюк. Чтобы тебя проверить, основательно зачаровать и чтобы в случае чего ты могла выдать только не особо полезный и уже известный переход.

Алиша с тревожной надеждой спросила: Я могла бы просто так приезжать сюда на выходные?

Да.

Но скажи, если переход, через который мы прошли, уже известен, почему об этом ничего не знают публично?

Почему ничего не знают о новейшем оружии? — Им ясно, что это очень горячая тема. Что касается французов, которые взорвали наш переход, когда Алжир ещё был их колонией, они решили, что эту горячую тему не контролировать. Они боялись, что из этого могут возникнуть знания или технологии, которые в чужих руках стали бы для них катастрофой. Правда это или нет, неважно, но они в это верили. Поэтому они, как думали, всё разрушили, замели следы и уничтожили всю информацию об этом. Кроме, возможно, тонкой папки в запечатанном конверте глубоко в хорошо закрытом сейфе в секретном бункере. И на этой папке написано «Перед прочтением застрелить!».

Чтооо?

Ах, — сказал Тим, — это такая избитая шутка в Штази: «ВПЧ» — «Перед прочтением застрелить!» — якобы высшая степень секретности.

Несмотря на Штази и избитую шутку, Алиша рассмеялась. Скажи, — спросила она затем, — известно, что французы выяснили?

Немного, — ответил Тим. — Точно, конечно, никто не знает. Им пришлось примерно так же, как моему настоящему работодателю: тот, кто был в

Перидэис, полностью влюбляется и не хочет, чтобы Перидэис был разрушен. А если он что-то говорит, то, по крайней мере, сильно искажает правду. Но одно я знаю точно: некоторые французские агенты позже были слугами.

Алиша рассмеялась.

Тим добавил: В Перидэис трудно что-то выяснить с уверенностью. Каждый видит изменённую версию Перидэис, ничего не стабильно, действуют непостижимые силы, происходят вещи, которые надо считать чудесами, и даже то, что я тебе рассказал, — лишь одно из возможных объяснений. Знаешь, я не религиозен и люблю конкретику, поэтому ищу такие объяснения или особенно хорошо запоминаю те, что вписываются в моё мировоззрение или мои собственные мечты. Больше всего находишь то, что ищешь; гипотеза влияет на результат исследования. А вдобавок Перидэис будет подстраиваться под мои желания. Кто-то другой может видеть Перидэис как настоящую сказочную страну, понимаешь... Всё для этого есть! С помощью магии проходишь через секретную скалу, как в «Али-Бабе и сорока разбойниках». Очищаешься от грязи мира и ложишься на алтарь. Оттуда исчезаешь из мира и воспаряешь в царство фей, где всё ещё есть чудеса. Страна лентяев, где самые удивительные вещи растут на деревьях, где всегда лето, где ведьмы летают на метлах, где есть драконы, где дикие сатиры бесчинствуют в лесах, где не надо работать и всё равно живёшь хорошо. Где ты сама ведьма и можешь колдовать.

Научи меня этому как можно скорее.

Немного терпения, и ты сможешь. Для местных ты уже ведьма, но не хвастайся этим.

Тогда я беру ведьму вместо учёной, — сказала Алиша. — И: Пойдём, жажда знаний пока утолена, давай поднимемся.

Вместе они поднялись по лежащим перед ними каменным ступеням. Двенадцать или пятнадцать метров — это немало, когда ты на открытой лестнице. Алише хотелось бы перил. Крутая лестница внушала ей уважение.

Наверху таверна, — пояснил Тим, — у жителей Перидэис сильный страх высоты, и эта лестница защищает нас от их любопытства. Они не должны знать, что делают и чего не делают посетители, и нам тоже хочется иногда быть наедине. Поэтому за бесчисленные годы существования Перидэис посетители создали убежища. Почти у каждого перехода ты найдёшь такую таверну. Хороший тон — говорить «привет» и «пока», когдаходишь в Перидэис или покидаешь его. И ты можешь оставить сообщение, где ты в Перидэис, на случай, если что-то случится.

Я думала, ничего не может случиться?

Нет, или да и нет. С тобой ничего серьёзного не может случиться, и к тому же ты можешь в любой момент сбежать откуда угодно. Но если ты перед какими-то местными вдруг растворишься с зелёной вспышкой и запахом серы, ты выдала себя как ведьма, а местные почти везде панически боятся ведьм. Как ты думаешь, что они нам приписывают? Якобы мы держим женщин в стойлах для

доения или, хуже того, забираем их молоко магией, едим жареную женскую грудь в мятном соусе и так далее. В любом случае, эта местность для тебя, скорее всего, будет закрыта, и ты долго не сможешь там показываться. Если держать это в голове, тебе может быть предпочтительнее, чтобы тебя освободил Робин Гуд или сказочный принц с золотыми волосами обычным способом.

Алиша хихикнула: Вы на такое способны?

Тим серьёзно ответил: Нам тоже хочется развлечься! Как думаешь, какие представления уже устраивали при таких случаях... Но это редко. Обычно рано или поздно наступает момент, когда ты совсем одна, и тогда ты сбегаешь. То, что ты вдруг исчезла, обычно можно как-то объяснить — кто-то тебя освободил, нашёлся предатель, ты кого-то подкупила, что-то в этом роде.

Но как всё-таки сбежать? — Я всё ещё не поняла.

Не проблема, — сказал Тим. — Но я снова попробую объяснить на свой сухой материалистический манер. Представь, что Перидэис — это как бы приснившийся мир, только многие люди видят один и тот же сон одновременно. Но ничего не реально, всё подстраивается под тебя гигантским компьютером инопланетной цивилизации или вроде того. И ты видишь сон, как будто всё абсолютно реально, во всех отношениях реально. В этом случае вообще не было бы проблемы пожелать себя в другое место, технически говоря. Пожелал — и ты там. Готово. Только на практике, здесь, это не так просто, потому что собственное воображение недостаточно точное. С абсолютной уверенностью это работает только в сильном страхе или опасности с переходом, потому что тогда Перидэис автоматически вырывает тебя, и ты приземляешься в своём переходе, через который вошла в Перидэис. Этому не надо учиться, это как встроенная функция. Сложнее без страха за спиной, если хочешь прыгнуть в другое место. Это надо практиковать, и даже тогда это работает только для мест, которые ты уже знаешь. И всё равно обычно приземляешься не точно в желаемом месте, а где-то рядом. Зависит от твоего воображения и от того, изменилось ли место с тех пор. Таким образом, при каждом визите в Перидэис ты можешь быстро попасть в места, которые тебе очень понравились, где ты познакомилась с хорошими людьми или где, может, стала королевой.

Здесь можно такое?

Да, конечно. По сравнению с местными у тебя невероятные способности. Есть посетители, которые правят собственным королевством в Перидэис и ходят почти только туда, когда приходят в Перидэис. Это может быть очень заманчиво — строить что-то долгое время. Это не обязательно королевство. Я знаю женщину, которая любимая рабыня шейха и между делом в мире работает в офисе. Лучше всего это работает, если ты не терпишь других посетителей в своём краю, потому что тогда внутренние желания разных посетителей не смешиваются в компромисс, а остаются чистыми и по-настоящему индивидуальными. Но можно и мучительно медленно летать на метле или в ушате, но, как я сказал: максимум несколько километров, максимум десять метров в высоту, потом ушат или метла сломаны, и ты тоже. А про летающих

драконов я, как сказал, ничего точного не знаю.

Алиша ещё раз ущипнула себя за бедро. Было больно.

Здесь можно иметь собственную страну?

Да. Но я об этом знаю немного. По сути, надо найти уединённое место. Идёшь в поход, и если ты одна и хочешь этого, быстро попадёшь в совсем другие места, чем другие посетители, идущие примерно в том же направлении. Решающее — делать это одной. Если тебе понравилось место, остаёшься там, и начнут происходить вещи, как-то связанные с твоими глубокими внутренними желаниями, иногда очень непостижимые. Но как только берёшь с собой другого посетителя, это влияет на местность, потому что тогда вмешивается и его внутреннее. Это в Перидэис нормально. Но рассказывают и об Арканах; это закрытые страны, к которым всегда есть только один тайный вход, и они полностью принадлежат одному посетителю. В них, говорят, происходят самые секретные и удивительные вещи.

...И нам пора подняться по лестнице, — добавил Тим. — Иначе стемнеет раньше.

Так они поднялись по лестнице к бронзовой двери. Было видно, что ею редко пользуются. Только тропинка была свободна от растений, а по бокам лестница была усыпана морем лиан, листьев и цветов. Алише это было мило, потому что растения могли бы её поддержать, если бы она оступилась на крутой и длинной лестнице — угол подъёма был больше 45 градусов. Но они благополучно добрались до верха.

Большая бронзовая дверь была украшена стилизованной женщиной, протягивающей зрителю груди, но на этот раз более детализированной, в юбке, и из-под длинной юбки выглядывали обычные ноги. Дверь была удивительно просто заперта внутренним засовом, «ключ» к которому висел рядом на крючке в стене. «Ключ» был не больше, чем бронзовый стержень, который снаружи вставлялся в отверстие засова. Наверное, засов можно было бы отодвинуть и пальцем.

Алиша ожидала более надёжного замка и сказала это Тиму.

Дверные замки в Перидэис сделать нельзя, — ответил Тим. — Они ломаются, как любая сложная механика. Лестница — настоящая преграда. Ни один житель Перидэис не осмелится подняться по такой крутой и высокой лестнице. Этого достаточно. А для животных хватает засова.

Тим вставил ключ в засов и отодвинул его. Он потянул дверь наружу. Обоим пришлось отступить на ступеньку, чтобы дать двери место, так как она открывалась наружу. Заходи!

Алиша последовала за Тимом и снова была удивлена. Какое уютное место! — Таверна была вырублена в жёлто-красноватом камне, причём примерно от уровня пупка и выше были созданы многочисленные большие окна наружу, через которые ярко лился свет. Почти у каждого окна стояли деревянные столы,

украшенные резьбой и бронзовыми накладками, а у стены в комнате глубиной четыре или пять метров был что-то вроде барной стойки. На стене стояли богато украшенные деревянные полки, на которых находилась посуда из бронзы и керамики, а также, кажется, отдельные хрустальные бокалы; Алиша не могла точно разглядеть в полумраке задней части комнаты, так как почти всё было покрыто изрядным слоем пыли. Только передняя часть таверны была чистой, как будто её постоянно использовали. Но в задней стене были видны проходы и двери.

Алиша вопросительно посмотрела на Тима.

Нравится? — спросил он.

Алиша кивнула.

Пойдём, сядем! — Тим направился к одному из столов и разложил принесённый ужин на столе.

Типичный мужчина, — прокомментировала Алиша, — у вас тут нет тряпки, чтобы протереть стол?

Зачем, выглядит же нормально.

Никогда не знаешь.

Слушай, — запротестовал Тим, — почему мы не протёрли траву и не подмели пустыню, прежде чем есть?

Это другое. Это вопрос принципа.

Тим застонал.

Алиша добавила: Знаешь, что женатые мужчины живут значительно дольше, чем неженатые?

Тим огрызнулся: Ну и что, Марлен Дитрих как-то сказала, что женщины всегда хотят воспитывать мужчин, но когда добиваются своего, результат им уже не нравится.

Алиша хихикнула: Ты мог бы добавить, что не женат на мне. Хорошо, компромисс: где тут тряпки?

Наверное, у стойки... думаю.

Алиша покопалась и нашла что-то похожее на тряпку.

Фу, — сказал Тим, — ты хочешь этим протереть стол? Он станет грязнее, чем был.

Алиша сдалась. Ладно, сдаюсь, — сказала она, — но подложи что-нибудь под еду.

Я закажу сюда гидрокультуру с тряпичным растением.

Алиша вытаращила глаза: И такое есть?

Не знаю, пошутил, — рассмеялся Тим, — но если нет, ты можешь такое вывести.

Это возможно? Серьёзно!

Конечно, — ответил Тим. — Одежда тоже возобновляемый ресурс. Обычно быстрорастущие растения, вроде овощей, иначе селекция была бы слишком сложной. Ждёшь, пока они достигнут нужного размера, собираешь и, возможно, добавляешь пуговицы, шнурки или разный декор, который растёт на других

растениях.

И почему я всё ещё голая? Ты это нарочно, чтобы на меня глазеть? Давай, покажи, где растут такие растения!

Завтра, завтра, завтра! — Тим поднял руки в защитном жесте. — Пожалуйста, не всё сразу. У нас в таверне есть готовая одежда.

Я хочу её сейчас увидеть!

Ни за что! — ответил Тим. — Вечер будет испорчен.

Пожалуйста, пожалуйста, хоть одну маленькую вещь, чтобы я поняла, как здесь одеваются.

Нет! — прорычал Тим. — Я панически боюсь последствий.

Одну!

Грррр.

Ну же, ты можешь выбрать, что это будет. Скажем... платье?

Вот оно, — проворчал Тим, — я якобы могу решать, а ты уже даёшь ответ.

Ладно. Я что-нибудь принесу, но ты сидишь за столом и не двигаешься ни на миллиметр, обещаешь?

Обещаю.

И я наугад беру из сундука какое-нибудь платье. И на этом на вечер всё. Обещаешь?

Хм.

Пожалуйста?

Обещаю.

Тим ушёл. Он покинул зал таверны через один из проходов. Поскольку вернулся только через десять минут, похоже, он не совсем наугад рылся в сундуке. Он протянул ей обеими руками одежду. Бордовую одежду.

Алиша вскочила. Что это? Покажи. Это шикарно? Длинное платье! Боже, сколько труда в это вложено, оно же из тысячи деталей.

Платье по основному цвету было бордовым, но в нескольких оттенках и украшено множеством плоско пришитых золотых лент.

Алиша крутила платье туда-сюда. Декольте не слишком глубокое?

Примерь, — ответил Тим.

Алиша надела платье. Оно сидело как влитое, за исключением того, что её груди не совсем помещались.

Иди сюда, — потребовал Тим. — Не возись, иначе я не смогу поправить платье.

— Он вытащил груди Алиши из платья. — В Перидэис их носят открытыми.

!!!

И смотри, — добавил он. — Юбка состоит из нескольких вертикальных полос ткани. Чтобы тебя могли взять в любой момент, спереди или сзади. И бельё здесь не носят.

Но так же нельзя, — возразила Алиша, — хотя бы по практическим причинам. Что делать, когда месячные?

Здесь их у тебя нет, — сказал Тим. — У большинства женщин здесь нет месячных, а если есть, то совсем немного. Наверное, из-за молока. Но дело не в

этом. Раньше и в мире женщины не носили трусов. Правда! Поэтому юбки или платья вместо брюк. Из-за месячных. И первые женские трусы были с открытым шагом. По той же причине. А почему груди носят открытыми, не сложно догадаться?

Из-за молока?

Точно. Молоко женщин, то есть доение или питьё, — часть повседневной жизни, поэтому груди в центре внимания. Знаешь, что даже в мире мужчины у женщин почти всегда сначала смотрят на грудь? Это выяснили с помощью камер, отслеживающих движение зрачков. Здесь это ещё сильнее, и хороший или плохой поток молока — постоянная тема разговоров, как в мире погода: что якобы даёт больше молока, что меньше, что соседская стерва виновата, что сегодня молоко плохо течёт, можно вечно возмущаться из-за неё, или мужчина сегодня принёс красивые цветы, так что было ясно, что молоко течёт лучше, ну и так далее. Но женщинам тоже нравится показывать, из гордости и из общего чувства. А мужчины открыто спорят, какой форме груди отдавать предпочтение: большой, маленькой, упругой, висячей или ещё какой.

Висячие тоже?

Да. Говорят, они дают молоко лучше всего. Здесь вообще нет понятия «нормальной груди», потому что все постоянно видят, что все груди разные. Или потому, что девичьей груди здесь не увидишь — как только грудь становится активной, она выглядит совсем иначе. Так что прятать груди немисливо. Сразу начнут шептаться, что с тобой не так. Но это, конечно, отнесится и ко всему телу. Его здесь тоже не прячут, поэтому меньше табу и объектов стыда, но зато больше открытых предпочтений к определённым физическим особенностям.

Алиша посмотрела на себя: Здесь есть зеркало?

Пойдём! — Тим потянул Алишу к концу зала таверны, где окно за окном выстраивались в ряд. В конце зала был дверной проход, а за ним, слегка следуя изгибу скалы влево, ещё одна комната с множеством окон. Сразу слева в начале комнаты в скальную стену был встроен большой зеркал от пола почти до потолка.

Алиша крутилась и тянулась перед ним.

Ты шикарно выглядишь в этом платье, — сказал Тим.

Алиша тоже считала себя шикарной. Платье доходило почти до пола, имело узкую талию, хорошо подчёркивающую бёдра, а верх с воротником и длинными рукавами обрамлял обнажённые груди Алиши. Между её грудями ткань слегка жёстко поднималась в виде перемычки, так что каждая грудь получала свою круглую рамку. Груды были открыты до шеи и благодаря крою платья казались больше.

Шикарно, — сказала Алиша. — И в этом правда можно ходить каждый день?

Конечно, — сказал Тим. — Это повседневное платье для города. Для походов нужно что-то покороче, но это найдётся. Завтра!

Алиша рассмеялась. Не бойся, я не буду донимать. Я и так не могу на себя

насмотреться. Скажи, раз ты говорил о девичьих грудях... может быть, мои груди сильно выросли? И ареолы кажутся как-то больше и темнее...

Я так считаю, — сказал Тим. — Я же говорил, что два размера чашечек — это возможно?

Ты понимаешь, что говоришь? То есть это не просто мечты?

Почему? — растерянно спросил Тим. — Поверь, так и есть. В среднем, я имею в виду.

Алиша крутилась перед зеркалом: Особенно сбоку они стали полнее. Ты не представляешь, что это значит. Даже с одним обещанием этого ты можешь разбогатеть. Но станешь миллионером, если предложишь *этот* трюк дома как курс или что-то такое. Женщины толпами побегут и будут падать к твоим ногам, лишь бы записаться.

Тут есть подвох, — сказал Тим, — это сохраняется, только пока ты что-то делаешь со своими грудями. Здесь, в Перидэис, это не проблема — помимо естественных условий всё общество на это настроено. Но стала бы ты в мире два раза в день или чаще садиться и доить или массировать свои груди или хотя бы использовать молокоотсос? Что-то в этом роде я читал только про китайский даосизм, но там это имело религиозное обоснование.

Как это?

Это была регулярная массаж груди под названием «Упражнение женского оленя». По их учению, речь шла о специальных энергиях, которых у женщин слишком много, и которые можно отдавать через слюну, груди и влагалище. Но такие массажи практиковали и монахини, чтобы подавить менструацию, потому что они считали это потерей энергии.



Разве это не противоречие само по себе?

Да. Но, возможно, дело в регуляции. И, кроме того, массаж груди для подавления менструации также был создан для предотвращения беременности и против менструальных болей. Не говоря уже о том, что мужчина мог получать женскую энергию через флюиды груди. Но всё равно это хлопотно и безо всяких гарантий.

Хм, сказала Алиша, я бы, наверное, только из-за размера груди уже была готова к этому, мне кажется. Но я понимаю, о чём ты, большинство хочет это даром. Таблетку проглотил — и готово, или что-то в этом роде.

Посетительницы Перидэис в этом мире все регулярно занимаются своими

грудями, ответил Тим, и им это ещё и в удовольствие. Хотя, строго говоря, это вовсе не обязательно. Но, наверное, это как с шоколадом. Он ведь тоже *не обязателен*. Но тебя, похоже, мне ещё придётся немного подкормить, прежде чем я смогу выпустить тебя в люди.

Алиша показала ему язык.

Тим рассмеялся. Для меня твоего молока уже сейчас хватает. Но не разочаровывайся, когда покинешь Перидэис. Тогда вся эта роскошь временно исчезнет, потому что ты вернёшься к той груди, с которой вошла в Перидэис. Есть женщины, которые из-за этого плачут днями напролёт. Кроме меня, это была вторая причина для всей этой суеты с твоей грудью с момента твоего прилёта на самолёте. Так удар для тебя будет не таким сильным. Но также помогает осознание, что всё это работает с твоим собственным телом и работает хорошо. При достаточном внимании к груди количество молока в этом мире быстро увеличивается, и грудь достигает полной красоты, включая красивые соски. Самый простой способ — сделать доение молока фетишем и вне Перидэис. Не бремя, а удовольствие. Такой фетиш на грудь с молоком встречается и у людей, которые никогда не имели дела с Перидэис. Даже у первобытных народов.

Но для этого ведь нужен мужчина? — уточнила Алиша.

Меньшая проблема, чем ты думаешь, пробурчал Тим. Смена темы — еда, доение, сон?

В таком порядке! — рассмеялась Алиша.

Они вернулись к своему столу у входа и, наслаждаясь едой из собранных продуктов, любовались видом на сказочную широкую долину, открывавшуюся через каменную арку: слева и справа — жёлто-красные, почти бесконечно высокие скалы, густо поросшие лианами и мелкими растениями, а внизу — сочная зелень лугов и леса с множеством цветов между ними. Воздух был свежим, температура оставалась приятно тёплой, птицы щебетали, трещали, пели, кудахтали. Короче: ужин был наслаждением, а собранная еда — восхитительной. Алиша, естественно, оставила на себе красивое платье с открытой грудью, в то время как Тим по-прежнему был нагим.

Когда они наконец наелись, Тим сказал: Пойдём, теперь я покажу тебе, как в Перидэис женщины удобнее всего доятся. Тим направился к одному из дверных проёмов в стене, ведущей внутрь скалы, и Алиша последовала за ним. За дверью был короткий каменный коридор, украшенный по стенам цветными орнаментами. Затем следовала ещё одна дверь, а за ней — лестница, ведущая вверх и плавно закругляющаяся вправо. Они поднялись по лестнице и оказались в комнате, очень похожей на нижний зал таверны: здесь тоже большие арки, вырезанные в скале, пропускали много света, и комната тянулась вдоль внешней стороны скалы. Но обстановка была совсем другой. В комнате находилось множество странных деревянных конструкций, богато украшенных резьбой и бронзовыми накладками, назначение которых Алиша не всегда

понимала — стулья, скамьи, столы, стойки самых причудливых форм. Алиша, кажется, догадывалась об их назначении, но всё же спросила:

Что это за комната?

Как думаешь?

Я не совсем уверена...

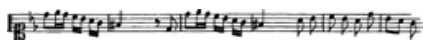
Давай, попробуй угадать вслух.

Ну правда...

И? Какая-то идея у тебя же есть?

...Ну, это что-то связанное с сексом?

Точно! Это хорошо оснащённая игровая комната. Такое есть в каждой приличной таверне в Перидзис, некоторые специализируются на определённых предпочтениях, но немного всего всегда есть. Вот, например, удобный массажный стол, на эту штуку можно привязаться для секса, вот стул для той же цели, вот качели для того же самого, тут растяжной стол, тут андреевский крест для привязывания, в этом шкафу всякие мелочи для одноразового использования, а тут на стене верёвки для связывания, хлысты, плети и всё такое... ну и так далее. Просто чтобы ты знала, как это выглядит. Посмотришь потом в другом месте спокойно, когда люди будут этим заниматься. Большинство не против, чтобы на них смотрели, если соблюдать минимальную дистанцию. Но комната для доения не здесь, а ещё на этаж выше.



Интершоп¹⁹

Просыпайся, пора на утреннюю зарядку!

Ш-ш-шух — и одеяло исчезло.

Алиша заморгала в яркий день. Эй, ты, негодяй! — запротестовала она, потянувшись за одеялом, но его уже не было. Алиша распахнула глаза и вмиг проснулась: Помогите! — воскликнула она. — Да что с тобой такое?!

И правда, Тим, стоявший в её спальне перед кроватью, выглядел... ну, немного иначе, чем раньше. Он был одет, но дело было не в этом. Главное — на нём была униформа. И не какая-то там униформа, а именно такая, какую Алиша знала из дома, — униформа пограничников. Не бутылочно-зелёная, как у полицейских, а каменно-серая, как у армии или Штази. Правда, погон не было, а на фуражке спереди красовался не герб ГДР, а символ женщины, гордо выставленной грудью напоказ. В довершение всего, на его коричневом кожаном ремне слева висел хлыст, а справа — свёрнутое в кольцо верёвка. Эти штуки на поясе напоминали Алише не столько её родину, сколько времена, когда воинственные мужчины носили сабли или дубинки. И ещё Дикий Запад. Всё

19 Интершопы были государственными магазинами в ГДР, в которых можно было купить востребованные западные товары, но только за иностранную валюту («западные деньги»), к которой граждане ГДР теоретически не имели доступа.

вместе.

Алиша окончательно села на кровати.

Ой-ой-ой, взвизгнула она, что это такое? — и громко расхохоталась.

Помимо странной униформы было ещё кое-что примечательное: в том месте брюк, где должен быть пенис, ткань отсутствовала. Пенис был полностью открыт, а в остальном униформа, кроме обуви, была полной. Тим, неподобающе к униформе, был босой.

Алишу в этом наряде больше всего впечатлил открытый пенис. — А если у тебя встанет?

Тим буркнул: Тогда все это увидят.

Алиша осталась язвительной: Представь, ты солдат, почётный караул в Берлине на Унтер-ден-Линден²⁰. И тут офицер — или, скажем, строгая госпожа — орёт: «Смирно! Предъявить пенис!» И раз! — он должен быть наготове.

Ох, — продолжила Алиша, — не обижайся, я уже беру себя в руки. Но кто придумывает такие идеи? Или я что-то глупое сказала? И что это всё значит?

Тим ответил деловито (хотя лицо его слегка покраснело): Это униформа приставов. Приставы — это шпионы или другие незваные гости, которых поймали в Перидэис и поставили на службу пери. У пери странное чувство юмора, и они нашли забавным заставлять человека так разгуливать.

Тебе это тоже кажется забавным? — спросила Алиша у Тима.

Нет. Но это должно унижать меня или нас. Эта униформа, с одной стороны, обозначает мою должность и напоминает о моих обязанностях, но по рангу ставит меня ниже посетителей. Вот, наверное, и всё. Но что уж там, как я сказал, это настоящая возможность, и я бы стерпел гораздо больше, чтобы остаться в Перидэис. Раньше у приставов была другая одежда, а теперь вот эта.

Ну и ладно.

Прости, — сказала Алиша.

Ничего страшного, — ответил Тим, — это ведь я сам тебя шокировал. Пойдём, завтрак готов.

Алиша выскользнула из кровати, увидела своё великолепное платье на полу и почувствовала себя при этом виде... очень хорошо.

Где можно помыться? — вспомнила она. — И в туалет бы тоже не помешало.

Глаза Тима загорелись: Я чуть не потащил тебя сразу к еде, а у нас тут есть возможность помыться, какой ты, наверное, ещё никогда не видела. Пойдём!

Алиша последовала за ним по коридору и в конце свернула в туалет.

Много мыться не надо, — сказал Тим, — у меня есть кое-что получше!

Когда Алиша закончила, Тим открыл дверь, которая завершала коридор. Она вела наружу.

Алиша шагнула через дверь.

Класс!

20 Известная туристическая достопримечательность в Восточном Берлине до 1989 года: почётный караул на Унтер-ден-Линден. Там всегда стояли два солдата с винтовкой в руках, неподвижно по стойке смирно.

Они оказались на своего рода каменной террасе. Позади них дверь вела внутрь таверны, а перед ними скала слева образовывала нишу, справа защищённую поясной стеной, чтобы никто не свалился. Напротив них была каменная скамья, а слева из стены бил мощный тёплый поток воды, бурля и журча, в бассейн глубиной, наверное, около метра. Лишняя вода стекала по желобу к поясной стене, где через отверстие устремлялась наружу и падала в долину. Бассейн был, возможно, около четырёх метров в диаметре, с небольшой каменной лесенкой для входа и с чем-то вроде сидений по краям. Слева и справа от бассейна стояли каменные статуи женщин в натуральную величину, из грудей которых в бассейн била вода. Лианы и цветы на скале в самых разных цветах дополняли картину.

Алиша попробовала воду кончиком ноги и с восторгом плюхнулась в бассейн. Водопад обрушился на неё. Отплеываясь, она высунула голову из-под воды. А ты?

Я приложу все свои умения, чтобы вытащить тебя отсюда, ведь мы сегодня ещё хотим куда-то попасть, а я вижу, что это под угрозой. Но погоди... как насчёт шикарной одежды?

Я тебе уже говорила, что ты негодяй?

Смутно припоминаю.

Вздохнув, Алиша выбралась из бассейна. Мне опять прыгать, чтобы высохнуть, или тут тоже есть природный фен?

Ты в раю, — наставительно сказал Тим, — конечно, он тут есть.

И действительно, на уровне каменной скамьи в конце ниши было обложенное камнем отверстие, из которого бил мощный поток тёплого воздуха.

Алиша тщательно высушилась.

Для начала я голодна, — решила она. — И меня бы не смутило, что я голая, а ты нет.

И подняла бровь, глядя на его открытый пенис.

Тот, кажется, стал чуть полнее. Немного.

Но Тим повернулся и пошёл впереди. По пути Алиша всё же надела своё великолепное платье, оставляющее грудь открытой, а затем они спустились вниз.

Внизу в таверне Тим уже накрыл стол, стоявший у оконной арки рядом с выходной дверью. Стол буквально гнулся от всего, что он, очевидно, только что собрал снаружи. Неужели он уже несколько часов на ногах? Иначе это было почти необъяснимо. Были даже кофе и свежие булочки. И стол был идеально чистым.

Алиша села у окна, а Тим занял место напротив.

Слушай, — спросила Алиша, — откуда ты взял всё это? Не хочешь же ты сказать, что свежие булочки тут растут на деревьях, а кофе готовым бьёт из источника?! Или как? Эй, скажи что-нибудь!

Алиша была искренне растеряна. В глубине души она надеялась, что так оно и

есть, но где-то же должен быть предел.

Тим только ухмыльнулся.

Алиша пнула его под столом по голени. Но не слишком сильно.

Хочешь знать? — притворно возмутился Тим.

Конечно! Немедленно!

Тим окунул палец в кофейник, стоявший на столе. Хм, — сказал он, — всё равно уже остыл. Пойдём, я покажу, откуда всё это берётся.

Они снова встали, и Тим, с кофейником в руке, поманил Алишу к двери рядом с барной стойкой. За дверью открывался коридор, который вёл метров на двадцать вглубь скалы. В конце была ещё одна дверь. Тим пошёл вперёд и открыл её. Когда Алиша прошла через вторую дверь, она оказалась в своего рода каменном дворе, примерно сто на сто метров, окружённом со всех сторон скалами. Двор был светлым, хотя сто метров в квадрате при таких высоких скалах — это немного, но солнце стояло прямо в зените, и между крутыми скалами образовался прямо-таки гротескно уютный райский садик, который, несмотря на подавляющие скалы, казался удивительно домашним.

Двор, очевидно, был садом таверны; там росли разные деревья, были грядки, не обошлось и без водоёма, и даже стояла скамейка для отдыха.

Здесь ты найдёшь всё, что пожелает твоё сердце, — с улыбкой прокомментировал Тим, — или, по крайней мере, все кулинарные изыски, которые может предложить таверна, готовые к сбору. Булочки растут вон там слева на дереве, а с кофейными плодами тут спереди надо быть осторожнее, чтобы не обжечься, когда их вскрываешь...

(Алиша: !!!)

...а, вот идёт ветчинная свинья.

Чтооо?! — взвизгнула Алиша.

Ветчинная свинья.

Он издал пронзительный свист, и свинья, хрюкая, прискакала.

Если хочешь ветчины, — прокомментировал Тим, — просто отрезаешь её прямо из свиньи: копчёная ветчина сзади, варёная спереди.

Но ведь свинье же больно?

Не знаю, — ответил Тим, — она визжит, но, что странно, стоит спокойно и подставляется, как будто отрезание куска ветчины — это удовольствие. И не бойся, это место быстро зарастает.

Свинья, похоже, подтверждала его слова, потому что ткнулась рылом в ноги Тима и посмотрела на него щенячьим взглядом. Насколько свинья вообще способна на такое.

Нет, сейчас не надо, — сказал Тим, — нам нужен только свежий кофе.

Разочарованная свинья ускакала прочь. Её хрюканье звучало так, будто в нём смешались непристойные ругательства.

Алиша с открытым ртом смотрела ей вслед.

Слушай, кто-то же должен за всем этим ухаживать?

Гномы!

Гномы?

Да, это такие маленькие существа, которых глубоко удовлетворяет возможность служить другим. Поэтому они любят быть поближе к людям. Тебе нужно только время от времени громко и с восхищением говорить, как тут всё замечательно, но не слишком часто, потому что это их так сильно возбуждает, что они обычно тут же ищут себе удовлетворение.

Сексуальное?

Да, прямо сексуальное. Поэтому должно быть понятно, почему ты их ещё не видела.

?!

Ты тут постоянно всё расхваливаешь, так они всё время лежат где-нибудь в углу, занимаясь сексом или мастурбируя, и не могут остановиться. Им понадобятся дни, чтобы от этого оправиться.

Ты не врешь? — с сомнением спросила Алиша.

Нет, — рассмеялся Тим, — я только чуть-чуть преувеличил. Обычно они страдают, пока не будут *совершенно* уверены, что не пропустят какую-нибудь службу. Удовлетворённые, они, знаешь ли, минимум час такие ленивые, что можешь их лупить, а они и пальцем для тебя не пошевелят.

Тим вылил содержимое кофейника на землю и сорвал плод с кофейного дерева. Как будто создатель Перидэис решил пошутить, этот плод выглядел как огромный кофейный боб. Тим ритмично и осторожно потянул за стебель плода, пока не вытащил его. И правда: из плода повалил пар и аромат кофе. Он вылил содержимое в кофейник и кивнул в сторону двери: Пойдём, я уже зверски голоден, давай наконец завтракать.

Они вернулись через коридор в таверну и снова сели за стол, теперь с свежим кофе между ними.

Когда кофе был разлит, а первая булочка намазана, взгляд Алиши наконец снова устремился наружу. Вид на каменную долину с её сочной зеленью и множеством ярких цветов был мечтой, которую в другом месте можно было бы прямо в деньги обратить.

Слушай, — спросила Алиша, — почему таверна совсем пустая, и кроме нас тут никого нет?

Тим жевал, а затем ответил: Рядом с большинством переходов между этим миром и Перидэис есть таверна, где посетители любят встречаться, рассказывать истории и начинать свои путешествия, но этот переход... ну... он немного вышел из моды. Его предали и пытались уничтожить. Переходы странно реагируют на такие попытки; мне рассказывали, что если их удаётся повредить, а для этого нужна большая сила, то потом возникают очень странные, необъяснимые и часто опасные явления, которые не всегда можно предугадать. Ты сама это пережила. Такой переход используют только в крайнем случае, но возможное предательство другого перехода — это как раз такой случай. Хитрость в том, что если ты однажды добровольно и без принуждения побывал в Перидэис, ты так в него влюбишься...

Уже влюбилась, — пробормотала Алиша.

...что ты (Тим коротко улыбнулся) вряд ли его предашь, по крайней мере, не самое важное: как туда попасть.

Почему они так уверены, что этот переход повреждён? — спросила Алиша.

Тим проглотил: Рядом с ним взорвали атомную бомбу.

Алиша в ужасе втянула воздух и сглотнула. Столько усилий?

Столько усилий, — повторил Тим. Они видели в этом опасность.

Не думай об этом, — добавил Тим, — что случилось, то случилось, и ты всё равно здесь. Для тебя тут нет никакой опасности, и я должен, если надо, говорить до посинения, чтобы это тебе вдолбить. Но приключений здесь столько, что любой писатель продал бы душу, чтобы косить материал для своих историй серпом. Для каждого хватит, и для каждого они разные. Я тебе покажу! — Но, кстати, я вчера обещал тебе красивое платье, подходящее для похода, ты закончила есть?

Закончила! — Алиша снова была полна энтузиазма. Покажи мне, что удовлетворит даже мои самые изысканные желания!

Тогда пойдём.

Они снова направились к лестнице, но на этот раз спустились на этаж ниже. Через отверстия в стене на ступени падал свет, но внизу становилось всё темнее. Тим подошёл к деревянному ящичку, стоявшему в начале коридора, и, открыв его, Алиша увидела множество факелов. Тим взял два и закрыл крышку. Смотри, — сказал он, — чары, чары, фокус-покус, да будет свет! — Он вытащил пробку с верхнего конца факела, и тот вдруг сам по себе ярко загорелся. — Неплохо, да? Факел мгновенного действия, так сказать.

Как это работает? — спросила Алиша.

Там внутри что-то вроде смолы, которая воспламеняется при контакте с воздухом.

Дай угадаю, — сказала Алиша, — и есть дерево, на котором растут плоды с этой смолой, верно?

Чёрт возьми, ты быстро учишься, — рассмеялся Тим. Но в данном случае я не могу объяснить подробности, знаю только, как пользоваться этими штуками и что не стоит обжигать пальцы. Пойдём, бери второй!

Алиша взяла другой факел, вытащила пробку, и, о чудо, её факел тоже ярко запылал.

У тебя теперь примерно час, чтобы выбрать платье, — подколот Тим, — но можно и меньше. В этом случае найдёшь держатель для факела на стене, вставляешь его туда, и готово. А теперь пойдём.

В конце лестницы открывалось несколько коридоров, ведущих вглубь скалы. Тим выбрал один из них. По обе стороны коридора были деревянные двери, ведущие неизвестно куда. В коридоре чувствовался лёгкий сквозняк, значит, где-то был ещё один выход или хотя бы вентиляционное отверстие. Через

минуту они, похоже, достигли цели; Тим остановился перед дверью и закрыл левой рукой небольшую деревянную табличку, висевшую на ней. «Интершоп», — прокомментировал он, — тут есть всё, что пожелает твоё сердце. Всё бесплатно, только одного у тебя не бесконечно: времени. Через час с небольшим ты окажешься в темноте.

Но почему? — запротестовала Алиша. — В ящике же было ещё куча факелов? Ты что, с ума сошла? — проворчал Тим. — Так может ответить только женщина. У тебя час, и не больше, не могли бы вы, дамы, хоть немного думать обо мне, бедном человеке? Так что давай, заходи и не трать время зря!

Он открыл дверь.

Алиша ожидала увидеть комнату, но перед ней оказался новый коридор. Только он не был пустым. Он напоминал гардероб: справа и слева на стенах висели крючки, на которых на вешалках были развешаны платья, сколько хватало глаз, а время от времени между ними стояли деревянные табуреты или зеркала. И держателей для факелов было множество. В этом коридоре тоже ощущалось лёгкое движение воздуха.

Платья были очень разными: чёрная, красная или коричневая кожа, разные виды тканей, платья из резины, платья из металлических цепочек с украшениями или без, короткие платья, длинные платья, цельные и двухсоставные, и все они имели одну общую черту: ни одно платье не было скроено так, чтобы прикрывать грудь. Но было поразительно, сколько разных способов существовало, чтобы обнажать грудь — приподнимать, сжимать, опускать, оставлять широко открытой, обнажать через прорези, через круглые, овальные или треугольные вырезы, стягивать, обрамлять металлом, оставлять открытой прямо у тела или после направления в любую мыслимую сторону. А ещё были ящики с аксессуарами или украшениями, явно предназначенными для сосков или груди в целом: цепочки, подвески — короче, необозримое предложение сказочно непристойной одежды.

А нижнее бельё тут есть?

Нет. В Перидэис нижнего белья не существует. И обуви, и шляп, которые не имеют прямой функции, тоже нет. Здесь никогда не бывает холодно, и солнце никогда не такое, чтобы тебя изводить. К хождению босиком быстро привыкаешь, поверь. Или тебя это до сих пор беспокоило?

Нет, не беспокоило. Камень под ногами Алиши всегда был приятно тёплым.

Так как Алиша чуть не запаниковала от огромного выбора, она просто схватила одно из платьев поблизости. Это было красное тканевое платье с цветочным орнаментом. Она надела его через голову. Несколькими шнурками оно затягивалось на теле. Когда она покрутилась перед зеркалом и её взгляд упал на грудь, по спине пробежала горячая дрожь. Она повернулась к Тиму и сказала: Я и правда эгоцентричная! Тебе ведь нужно моё молоко, чтобы здесь жить? Прости, что я об этом не подумала, ты тут всё время обо мне заботаешься, встаёшь раньше, делаешь всё подряд, а я думаю только о себе... Это всё так ново... Хочешь?

Она протянула Тиму, сидевшему рядом на табурете, свою левую грудь. Ту, что до сих пор давала больше всего молока. Почему-то это было для неё сейчас важно.

Не так уж это страшно, — отмахнулся Тим, — но как гурман я воспользуюсь твоим чувством вины ради двух-трёх глотков, а потом у нас будет время на большее.

Алиша подыграла, сделала реверанс и затем поднесла левую грудь рукой к его рту, другой рукой притягивая Тима к себе. Когда он начал сосать, она тут же почувствовала реакцию в груди, начинающуюся у основания подмышками и плечами и распространяющуюся вперёд, словно грудь сама выжималась к соску. Поток молока ощущался почти как лёгкое покалывание. Но Тим действительно пососал только то, что грудь сразу предложила, и Алиша осталась с тем, что начало накапливаться в глубине груди как основное предложение.

Спасибо, — просто сказал он, оторвавшись, и Алиша была почти разочарована. Но как тебе платье, которое ты надела?

Алиша покрутилась перед зеркалом. Её ореолы и соски всё ещё выглядели вытянутыми от сильного сосания Тима. — Нет, это платье не то, — прокомментировала она и сняла его через голову. Тим забрал его и аккуратно повесил обратно.

Так они шли по коридору, и Алиша примеряла платье за платьем, пока Тим не напомнил ей о прошедшем времени.

Тогда решено, что я хочу, — сказала Алиша, и они вернулись к платью, которое она раньше часто вертела в руках. Это было длинное винно-красное платье, богато украшенное золотым кружевом и драгоценными камнями, с сетчатым кружевом вместо плотной ткани спереди и сзади от паха до пола, что давало соблазнительные виды, не раскрывая всего сразу. И, конечно, юбка платья была скроена так, чтобы ткань можно было легко отодвинуть. Тим показал Алише крючки на юбке, на которые можно было пристегнуть ткань, если она мешала. Например, если что-то нужно выпустить или что-то вставить.

Готово! — сияла Алиша. Это платье и никакое другое!

Шикарно, — похвалил Тим. Оно, возможно, будет немного волочиться по земле, но не переживай из-за этого. Оно тебе идёт. А чтобы получить новое платье, достаточно дать немного молока, потому что здесь почти все женщины — потрясающие портнихи.

Молоком можно расплачиваться?

Да, конечно, а как иначе одиноким женщинам тут жить?

А как насчёт работы?

Им в Перидэис нельзя работать, потому что это сказывается на молоке, — ответил Тим. Знаешь поговорку: «Корова, что пашет, молока не даёт». Здесь говорят: «Если женщина тянет полный воз, мужчина тянет пустую грудь». И есть ещё куча подобных поговорок. Так что ты идёшь на рынок и предлагаешь своё молоко.

И его можно просто так продать?

Да. Каждому одинокому мужчине нужно много молока, и к тому же грудному молоку приписывают столько свойств, что просто диву даёшься. Так что ты всегда его продашь, вопрос только в цене, а это уже вопрос времени. Потому что платят в основном не за количество, а за время, предполагая, что женщина даёт полноценное молоко только через два часа после доения.

Почему так?

Мужчины заметили, как долго действует то или иное молоко. Самое сильное действие у молока, чья дарительница не доилась минимум два часа, при этом большое количество молока не лучше трёх капель. Количество — это просто бонус, как особый вкус или аромат молока, его цвет или что-то ещё. Если покупатель выдоил из твоей груди мало молока, скорее подумают, что он что-то сделал не так. Поэтому торговцы, которые хотят перепродавать много молока маленькими порциями, — мастера эротики груди, чтобы выжать из тебя последнюю каплю из самого дальнего уголка. Но обычно покупатель скорее хочет убедиться, что твоё молоко имеет сильное действие. Если ты чужая, он, возможно, захочет задержать тебя на два часа, чтобы ни ты, ни кто-то другой не мог взять твоё молоко, и только потом он тебя выдоит. Но если ты ему знакома и у тебя хорошая репутация, он поверит тебе на слово — я имею в виду, качество потом чувствуется, и если ты обманешь, то испортишь свою репутацию. Хорошая репутация также решает, считается ли твоё молоко обычным или чем-то особенным: особый сорт, вегетарианское или полноценное, особый вкус, ради которого некоторые женщины прилагают массу усилий, или молоко знаменитых женщин. Тебе самой, наоборот, надо быть осторожнее, потому что молоко пери и посетительниц, то есть ведьм, — самое ценное. Только нехорошо, если люди сразу это заметят. В остальном брендовое молоко может приносить ещё больше денег, особенно свежее молоко, которое продаётся не в запечатанных флаконах²¹.

Свежее молоко? Но как это делается, ведь оно должно быть прямо из груди?

Да. Но просто так это в некоторых местах делают только незамужние женщины. Иногда есть перегородка, как ты видела в таверне, обычно деревянная, с одним или двумя отверстиями для груди. Ты, как женщина, становишься с одной стороны и тебя там привязывают, чтобы покупатель решал, когда грудь пуста, и ты не могла её убрать раньше, а покупатель — с другой стороны. У него есть полное право полностью опустошить грудь по своему усмотрению. В идеале считается, что дающая молоко женщина и покупатель молока не видят и не

21 Кстати: в Китае до 1940-х годов женское молоко для взрослых мужчин продавалось на рынках, особенно в лечебных и укрепляющих целях. Кружка грудного молока, для контроля свежесвыдоенного перед покупателем, могла принести примерно дневной заработок неквалифицированного рабочего (например, носильщика). Другое молоко в Китае обычно не торговалось. Некоторые семьи жили исключительно за счёт продажи молока, пока Мао Цзэдун не запретил это, видя в этом особенно явный признак бедности.

слышат друг друга, то есть он действительно не знает, чьё молоко пьёт, а она не знает, какой мужчина пьёт её молоко. Часто в молочных лавках вход для женщин сзади, а для мужчин спереди или как-то так устроено, чтобы мужчины и женщины не могли друг друга узнать. А спереди сидит молочный маклер, которому принадлежит прилавок. Он следит и берёт или отдаёт деньги. Если он уважаемый, он не берёт каждую женщину, но платит лучше и берёт больше с покупателей. Молочные маклеры часто настоящие знатоки и могут отличить качественный товар от некачественного. Но, конечно, ты найдёшь и женщин в других местах, которые просто свободно предлагают своё молоко, может, с ящиком с отверстиями или просто с доской с двумя дырками, или даже только с собой. В таком случае покупка — дело чистого доверия. Если она выглядит честно, ты, как мужчина, платишь более-менее приличную цену, а если нет, приходится торговаться. За мелочи можно предлагать своё молоко и за символическую цену. Например, пару брызг прямо из груди за сосиску на рынке, букет цветов или разные мелочи, которые люди делают и продают от нечего делать. Ты показываешь, что эта вещь для тебя ценна. Но цена и условия везде разные. Только одно ты, как женщина, не можешь: работать. Очень быстро кто-нибудь придёт и начнёт тебе рассказывать о непристойности, что женщинам не пристало использовать своё тело для низменных дел и портить его, и что работа сказывается на молоке, и ещё кучу всего в таком духе. А как мужчина... ну, тут уж приходится попрошайничать, работать или быть жеребцом.

Быть жеребцом?

Ну, если женщина как раз... ну, ты понимаешь.

А! — Алиша впечатлительно замолчала и начала переваривать услышанное. Тут ей пришло в голову, что она наконец-то может надеть своё шикарное платье. Тим помог ей.

Ты в нём классно выглядишь, — пробормотал он.

Алиша покрутилась перед зеркалом и осталась довольна. Только в области груди она была не совсем уверена, потому что нижняя часть платья была скроена так, что грудь немного смотрела вниз. Она потянула за грудь, чтобы посмотреть, можно ли это исправить, но Тим поймал её руку: Оставь. Оно идеально смотрится, поверь, мужчины — лучшие эксперты, чтобы оценить грудь с точки зрения её визуального эффекта.

Алиша, посмотревшая в этот момент вниз под углом, увидела, что он, похоже, не врёт. Не полная эрекция, но припухший и слегка приподнятый. Отлично! — сказала она. — Готово! Можно идти. Слушай, а все эти шикарные вещи тоже растут на деревьях?

Нет, — ответил Тим, — только в сыром виде. Их можно носить и так, но весь декор отсутствует. Для многих женщин здесь это серьёзное хобби — делать платья как можно роскошнее, это тоже единственная работа, которую им, кроме готовки, торговли и творческих дел, разрешают. Только лёгкие вещи, которые не утомляют. Платья тебе часто прямо-таки навязывают, и продавщицы

гордятся, если ты оставляешь платье для выброса и уходишь из их дома в их собственноручно сделанном платье. Но другое дело — найти сырьё в лесу, это что-то между хобби и работой, иногда ищешь недели, чтобы найти участок леса с теми самыми идеальными платьями для твоей задумки. То же самое со многими повседневными вещами — одно дело, что они готовыми растут на деревьях, и другое — их найти и, может, ещё немного приукрасить. Здесь, в этой таверне, новичкам из доброты оставляют несколько хороших вещей, чтобы у тебя для начала что-то было. Платье, которое было вчера, мы здесь оставим, это нормально. Брать его с собой — слишком, да и не нужно.

Хм.

Без возражений, у нас нет мебельного фургона, и здесь вообще почти ничего не нужно брать с собой в путешествие.

Хм.

А в остальном сюда, в эту таверну, уже почти никто не ходит.

Почему? — спросила Алиша.

Потому что через тот переход, через который мы пришли, больше не ходят посетители. Он предан, повреждён и снаружи заражён. Его используют только для новичков. Иначе мы бы встретили кучу народу. Но погоди, ты ещё познакомишься с другими местами перехода и другими посетителями. Одни их истории уже стоят того, чтобы сюда приехать. Но сначала тебе самой надо узнать Перидэис. Тебе понравится, и ещё как...

Пуф! — и факел погас. Пуф! — и факел Алиши тоже погас.

Чёрт, — сказал Тим, — а я только об этом подумал. Прислонись к стене, пока глаза не привыкнут к темноте.

Оба молча прислонились спинами к стене. Алиша слышала дыхание Тима и предавалась своим мыслям. Какая фантастическая эта была...

Через некоторое время Алише показалось, что она начинает различать контуры комнаты, потом ещё больше, и ещё. Минут через десять она уже могла уверенно ориентироваться. Комната была окутана тёмно-зелёным светом — и свет, похоже, шёл прямо из стен, потому что платья и предметы оставались тёмными. Откуда этот свет? — шёпотом спросила Алиша.

Говори нормально, — ответил Тим. — Свет идёт прямо из скал. Есть и скалы, которые светятся другими цветами. Классно смотрится, да?

Ещё через несколько мгновений Тим взял Алишу за руку и повёл через коридоры наружу. Поскольку в коридорах не было никаких предметов, контуры коридора и входные двери в другие подземные помещения выглядели особенно впечатляюще, тем более что некоторые слои камня были светлее, а другие темнее, создавая интересные узоры. Но идти всё равно надо было осторожно, потому что свечение было действительно слабым.

Наконец они снова оказались в таверне, и Алиша, ослеплённая, заморгала, глядя через оконные арки на великолепный пейзаж, раскинувшийся перед ними во всей красе.

Зеркало в самом конце зала, — раздался голос Тима сзади.

Ах да! — Алиша отправилась к зеркалу и, дойдя до него, внимательно рассмотрела своё платье. Оно всё ещё было таким же красивым, а встроенные драгоценные камни и золотые нити радостно сверкали на солнце. Только теперь Алиша заметила, как красиво её обнажённые груди обрамляла мягкая кайма с цветочными орнаментами, словно они были главным украшением платья, которое нужно особо подчеркнуть.

Тим дал ей достаточно времени, чтобы рассмотреть себя.

И правда, все женщины здесь носят грудь открытой? — спросила она, крутясь туда-сюда.

Все, — подтвердил Тим. — Тебя это смущает?

Наоборот, — проворчала Алиша. — Вас, мужчин, тоже ведь не смущает, верно? Никогда.

Алиша хихикнула. Приятно, что наши женские старания замечают.

Иногда звучит иначе.

Лицемерие. Попробуй убедить женщину, что она тебя сексуально не интересует, — она взбесится.

Кстати, — протянул Тим и крепко схватил Алишу за плечи сзади. Хватит глазеть, пора тебя доить.

Точно. Где будешь это делать?

На два этажа выше. Нигде это не делается так стильно, как в этих тавернах, — ответил Тим. Здесь ведь тысяча и одно приспособление для тысячи и одной идеи, как доить женщину. Пойдём!

Алиша последовала за Тимом по лестнице наверх.

В доильной комнате Тим указал на относительно простую вертикальную решётку с петлями для рук и ног. Он подтолкнул Алишу к ней, протащил её груди между двумя планками на другую сторону и пристегнул её руки и ноги. У Алиши было странное приятное чувство ожидания, даже привязывание она, при своём безграничном доверии к Тиму, воспринимала как очень приятный процесс, а состояние связанности — как очень приятное состояние. Теперь Тим медленно наклонил решётку вперёд, взял кружку и сел на табурет перед Алишей. На решётке был прикреплён регулируемый поднос, который Тим передвинул так, чтобы груди Алиши висели прямо над ним. Алиша в своём положении могла хорошо это наблюдать. Теперь Тим поставил кружку для доения под её правую грудь и начал обеими руками осторожно массировать её, подготавливая. Алиша замурлыкала и закрыла глаза. Пальцы осторожно вгрызались в структуры её правой груди, массировали её, расслабляли, встряхивали и наконец начали выманивать молоко. Алиша почувствовала сокращение груди, мурашки, а затем, как молоко, всё увеличиваясь, потекло через её соски наружу и, наконец, в ритме движений доения начало брызгать. Это был особый ритм, медленный, ровный, очень требовательный и с явным напором, сильно тянущий. Левая грудь, потом снова правая, ещё несколько раз меняя, между делом массируя железистую ткань, чтобы опустошить последние

уголки груди... и наконец Тим сказал: Пусто! — и отстегнул Алишу. Посмотри, сколько молока ты дала.

Алиша посмотрела. Удивительно, сколько можно сделать за такое короткое время.

Ты... слушай... — замялась Алиша, — я ведь заслужила награду, правда?

Заслужила! О чём ты сейчас подумала?

Ты же мне вчера обещал... в той комнате внизу.

В игровой комнате.

Да.

Пойдём. Я это сделаю. Но сначала я возьму свою награду.

Он сказал это и выпил молоко Алиши.

Алиша ликовала. Вскоре она громко рассмеялась. Дома никто не должен знать, что я прошу мужчину меня отшлёпать и ещё радуюсь, когда он это делает. Ты ведь сделаешь это осторожно, да?

Осторожно? Ещё не знаю.

Серьёзно?

Ни в коем случае не будешь мне указывать, что делать. Тогда останешься непошлёпанной. Так что тебе придётся мне доверять.

Хм.

И?

Хм. Но ты не переборщишь?

Нет. Насиловать тебя, к сожалению, нельзя.

Алиша рассмеялась. Но шлёпать. Ты ведь тоже не переборщишь?

Не скажу.

Как ни странно, Алиша не видела причин не идти в игровую комнату. Она охотно дала себя уложить на большой деревянный станок, где Тим связал ей руки и ноги и откинул платье так, что её попа оказалась открытой. Она просто это сделала. Это было возбуждающе. Очень возбуждающе. Он ей ничего не обещал. Было ясно только, что через несколько мгновений мужчина её накажет.

Побьёт. Отшлёпает ей попу.

Пожалуйста, отшлёпай меня, — прошептала Алиша. Затем закрыла глаза в тревожном, но очень возбуждённом ожидании.

Я возьму ладонь, — сказал Тим.

Да, — выдохнула Алиша.

Прошло крохотное мгновение.

Шлёп! — рука Тима обрушилась на голую попу Алиши.

Ффффф, — выдохнула Алиша. Её попа горела.

Но Алиша держалась.

Шлёп! — рука Тима снова обрушилась на голую попу Алиши. Удар был ощутимым — Тим не сдерживался.

Всего это произошло трижды.

Теперь Тим спросил: Выдержишь больше?

Да! — без колебаний сказала Алиша. Отшлёпаешь меня полные десять раз?

Отшлёпаешь меня, *пожалуйста*, полные десять раз? Даже если я скажу «нет»?
Шлёп!
Шлёп!

Снова и снова рука попадала по попе Алиши, и это жгло адски. Но Алиша не просила Тима остановиться. Она только вжималась в станок и в состоянии иступлённого возбуждения принимала жгучие шлепки один за другим, и всё же как единое целое. Только когда все десять ударов были нанесены, Алиша, у которой из глаз текли слёзы, попросила: Я бы хотела себя удовлетворить.
Пожалуйста.

Тим быстро отвязал Алишу от станка, коротко помассировал её запястья, на которых виднелись следы от верёвок, очень осторожно, но быстро вытер пальцами слёзы с её лица и перенёс её на кушетку. Там он положил Алишу, откинул её юбку, положил её руки в её пах, чей треугольник был скользко наполнен, и затем сел на табурет прямо рядом, удобно оперев локти на кушетку и подперев подбородок руками. Так он смотрел, как бёдра Алиши широко раздвинулись, и её средний палец тут же скользнул к её точке в паху и завибрировал, в то время как два пальца левой руки держали доступ открытым. Алиша повернула голову к Тиму и смотрела, полуприсутствующая, стеклянными глазами на эту картину: желанный, недоступный мужчина, одетый, но с открытым пенисом и босой, мужчина, для которого она давала молоко, чтобы он мог жить, который её защищал и который только что её наказал. И тут она кончила в медленно, очень медленно нарастающей тёплой волне, которая долго держала её на пике, прежде чем постепенно спала.

Отдохни ещё немного, — сказал Тим, слегка коснувшись рукой плеча Алиши.
— Я скоро вернусь.

Алиша мечтала с открытыми глазами, медленно приходя в себя. Её попа горела, и это, как ни странно, чувствовалось удивительно хорошо.

Человек — странное существо, — подумала Алиша. Десятки тысяч лет человеческой эволюции, и всё равно в нас так много животного. И мы это отрицаем. Нет, мне же не надо, — подумала Алиша. — По крайней мере, не здесь. Моё платье специально скроено так, чтобы я могла добраться до себя. Или чтобы другие могли до меня добраться. И все здесь носят такие платья и получают удовлетворение, когда хотят. Как хотят. Что за мир... Почему это вообще в остальном мире... в этом мире... такая проблема? Бонобо ведь тоже не имеют с этим проблем, а они наши ближайшие родственники²².

Постепенно Алиша пришла в себя и почувствовала себя свежей и отдохнувшей. Как раз в этот момент вернулся Тим. У него был средний кожаный рюкзак и маленький, явно предназначенный для Алиши.

Немного провизии и то, что нам может понадобится в пути, — сказал Тим, похлопав по большому рюкзаку.

22 Прим. Бонобо регулируют свои социальные отношения через сексуальность, однако средняя длительность копуляции у них составляет всего 13 секунд.

Я думала, тут всё растёт на деревьях? Зачем таскать?

Воду обычно найдёшь, потому что почти в каждой долине есть ручей, — ответил Тим, — но не все растения растут везде. Так что нам нужно что-то, чтобы переносить найденную еду.

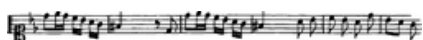
Это имело смысл.

Пойдём, — сказал Тим, — пора отправляться.

А кто уберёт? — спросила Алиша.

Тим подмигнул: Для этого есть персонал.

Вот почему то платье можно было просто оставить внизу. Алиша не возражала. Они спустились по лестнице в зал таверны, и Алиша почти жалела, что приходится покидать это прекрасное место с его сказочным видом. Но любопытство к Перидэис перевешивало. Так они спустились по большой наружной лестнице от каменной таверны в долину. С всё ещё горячей попой.



Дорога из лазурного кирпича

Когда Алиша и Тим спустились из таверны и оказались в долине, они пошли рядом: он с большим рюкзаком для припасов, она с крошечным рюкзачком, который почти не нарушал эстетику её платья. Воздух приятно скользил между её ногами, напоминая, что юбка платья спереди и сзади была открыта кружевом, а её груди покачивались в такт шагам. Алиша как-то читала, что женщины в некоторых африканских племенах носили горизонтальную верёвку вокруг плеч и верхней части груди именно по этой причине. Но не потому, что покачивание мешало, а потому, что, как говорили женщины, «прыгающая грудь сводит мужчин с ума». Здесь, похоже, это вообще не было проблемой... или, наоборот, частью решения. Что за мир. Алишу охватила настоящая эйфория. Перед ней лежал рай, полный приключений, созданный специально для неё, с тайнами и массой удовольствий, не ограниченных лицемерной моралью.

Тут Алиша заметила впереди между деревьями дорогу, вымощенную блестящими синими кирпичами, с окаймляющими полосами из жёлтых кирпичей по обеим сторонам.

По этой дороге мы пойдём! — сказал Тим. — Это дорога из лазурного кирпича.

Моя попа горит, — сказала Алиша.

Тим рассмеялся.

Скажи, — спросила Алиша, — каково тебе было?

Странно возбуждающе.

Не хочешь об этом говорить?

Хочу, конечно. Но, кажется, мне нужно ещё время.

Тебе ведь понравилось?

Да. В этом и проблема.

Почему проблема, если *мне* понравилось?

Потому что мне всю жизнь внушали, что мужчинам так нельзя. А теперь я понял, что это меня очень возбуждает.

Вот оно что, — задумчиво сказала Алиша. — Но, — продолжила она вслух, — женщинам ведь тоже нельзя просто так раздвигать ноги, когда им вздумается. В некоторых частях мира за это женщину даже могут убить. Это тебе помогает?

В твоём сравнении что-то есть, — сказал Тим. — В эпоху надёжной контрацепции, однако, возникает вопрос, почему эта норма всё ещё существует. В других частях мира или раньше — ладно, тогда незамужняя беременность могла привести женщину к несчастью. Но у нас? Сегодня? По сути, это не должно иметь значения, если она свободна и независима. В этом месте я начинаю размышлять дальше. По крайней мере, у нас нет вопроса, что женщины и мужчины имеют равные права. При таких обстоятельствах разве не всё равно, если женщина решает, что не хочет этих прав? Или наоборот. Если что-то идёт не так, пара может расстаться, или ещё проще — ты забираешь свои права обратно. Есть в этом логическая ошибка?

В реальной жизни всё не так просто, — сказала Алиша и добавила: — Не хочу нести чушь только ради того, чтобы получить преимущества.

Что касается реальной жизни, — сказал Тим, — мы здесь, в Перидэис, где сбываются мечты. Но всё же в этом что-то есть. Хотя это относится и к раздвиганию ног. Нежелательные беременности, болезни, глупые люди, кто знает.

Но и тут то же самое: мы в Перидэис, где сбываются мечты, — рассмеялась Алиша. — Здесь я могу беззаботно раздвигать бёдра, когда захочу?

Конечно. Как во сне, как при чтении книг или просмотре фильмов.

Тогда ты тоже можешь беззаботно меня одолеть, связать, отхлестать?

Я заметил, что ты предусмотрительно опустила изнасилование.

Алиша рассмеялась.

Как это вообще ощущалось? — спросил Тим.

Было больно, — сказала Алиша. — И всё же это было невероятно возбуждающе. Но так мне было уже при связывании. У меня были мысли, которые заходили ещё дальше, но с этими безднами *моей души мне* самой ещё нужно разобраться. Возможно, в подходящий момент это могло бы довести меня до оргазма. Сделаешь это для меня снова?

Дай мне немного времени.

Хорошо, смена темы! — сказала Алиша. — Расскажи, что у нас теперь впереди и что здесь есть? Почему я здесь? Я, и никто другой?

Мы с тобой идём в Город Красных Роз, где ты официально представишься одной из пери, — ответил Тим, — и она тебе всё объяснит. Кроме того, ты привносишь сюда себя, ты обогащаешь Перидэис своим присутствием. И, поверь, немало, иначе пери никогда бы не позволили тебя сюда привести.

Я? — растерянно спросила Алиша. — Что во мне такого особенного?

Похоже, в тебе действительно есть что-то особенное, — ответил Тим. — Что-то,

что просто есть. У меня, во всяком случае, нет приказа, чтобы ты что-то делала. Я просто показываю тебе эту страну, и в какой-то момент мы доберёмся до Города Красных Роз. А между этим будет куча всего, о чём я и сам не знаю. Я обещаю тебе совершенно замечательный отпуск. Давай удивляться вместе!

А потом?

А потом? — Потом ты можешь время от времени возвращаться домой и снова приезжать, и возвращаться домой, и снова приезжать, и так далее. Я ещё отведу тебя в другую таверну. Рядом с ней тоже есть переход в этот мир. И знаешь, куда он ведёт?

Куда?

Прямо домой, без пересадок на самолёте.

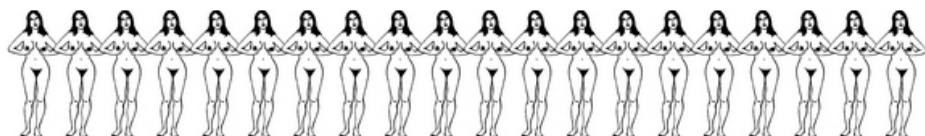
Да ну! Тогда мы могли бы сюда проще попасть.

Могли бы. Теоретически.

Тогда давай удивляться, — рассмеялась Алиша, и они двинулись в путь по дороге из лазурного кирпича, в предвкушении того, что ждёт впереди.

Дорога из лазурного кирпича тянулась через длинную долину между головокруглительно высокими жёлто-красными скалами. То долина становилась шире, то уже, а иногда в неё вливалась другая долина. Но они следовали за дорогой из лазурного кирпича. Их сопровождал прозрачный ручей, который временами превращался в крохотное озеро, в котором можно было отлично искупаться. Иногда вливался другой ручей, а иногда ручей разделялся, отдавая воду в боковую долину. Луга, покрытые цветами, чередовались с непроходимыми джунглями, которые лишь с трудом пропускали дорогу.

Для ночлега Тим выбирал одну из многочисленных маленьких или больших пещер, которые находились в высоких скалах. Можно было бы спать и на открытом воздухе, потому что всегда было достаточно тепло, но перед самым рассветом иногда шёл дождь. Тим рассказал Алише, что дождь идёт почти исключительно ночью, потому что воздух наверху немного охлаждается, в то время как здесь, между скалами, земля даже ночью излучает достаточно дневного тепла. Но выше охлаждение достаточно сильное, чтобы сконденсировать испарившуюся воду в капли, которые затем падают вниз. Нужная низкая температура достигается как раз перед рассветом. Дождь нагревается по пути, и внизу приходит тёплый летний дождь. Если он застанет врасплох, можно просто раздеться догола, чтобы одежда осталась сухой, а когда дождь, самое позднее через полчаса, закончится, надеть одежду снова. Всё просто.





Институт специальной физики (Объект П)

Разведчики на службе

На входных воротах Объекта П висела табличка с надписью «Институт специальной физики». За воротами, немного в глубине, стоял небольшой бывший лесничий дом с садом, окружённый собственным забором с живой изгородью. Это сохранили не столько из соображений безопасности, сколько из-за требований секретности, чтобы посторонних не приводили в здание института. Сад был унылым и безвкусным, но содержался в идеальном порядке. Внутренняя обстановка бывшего лесничьего дома была новой, безупречно чистой и почти не изношенной, но лишённой всякого вкуса, что усиливалось освещением неоновыми лампами. Декоративные элементы полностью отсутствовали. Окна были забраны решётками и занавешены плотными шторами. Внутри находилась своего рода гостиная с мебельной стенкой, ковровым покрытием, телевизором и тому подобным, рядом — рабочий кабинет с группой кресел и письменным столом, маленькая кухня, ванная, пустая оружейная комната и две спальни. Никаких секретов, кроме подслушивающего устройства в рабочем кабинете, не было, но даже это устройство состояло всего из двух замурованных в стену микрофонов под обоями, провода от которых вели к телефонной розетке в углу. При необходимости туда можно было подключить магнитофон. Сейчас, однако, ничего подключено не было; устройство приносили по необходимости.

В рабочем кабинете дома сидел капитан Штази Прильвиц в полевой форме, нервно барабанил пальцами по столу и курил одну сигарету за другой. Пепельница переполнялась. Впрочем, ему помогал его начальник, который час назад инструктировал его по предстоящей операции. Проблема заключалась в том, что капитан Прильвиц, как офицер-куратор, всегда должен был присутствовать раньше своего подчинённого сотрудника. Всегда. Тут не обсуждалось, приказ есть приказ. Комнату и дом он уже проверил раз сто, всё было сделано, заняться больше было нечем. Его Агент, неофициальный сотрудник, был новеньким, и это делало ситуацию такой напряжённой. Новичок по профессии был киноактёром. Такие люди называли себя «сотрудниками», но на самом деле не принадлежали к организации и скорее должны были поставлять информацию, чем получать её. Это был принцип. Так они не могли ничего выдать, ни случайно, ни намеренно, и лучше играли отведённую им роль. Их нужно было немного погладить, окружить заботой, похвалить, и тогда они творили для тебя чудеса, которые ты сам не мог или не имел права выполнять.

Вот! — Снаружи послышался характерный двухтактный рёв лимузина «Вартбург». Это должен быть он. Капитан Прильвиц поспешно затушил окуроч, подскочил к окну и распахнул его. Ворвавшийся свежий воздух чуть не вызвал у него головокружение, надо было проветрить раньше. «Вартбург» проверяли на входном КПП, а капитан Прильвиц уже услышал дальше позади «Трабант», который вёз его начальника обратно к нему.

Начальник, как и было договорено, перехватил нового Агента у ворот и вёз его к лесничьему дому. Окно всё ещё было открыто для проветривания, и капитан Прильвиц быстро убрал пепел с письменного стола. Затем он заглянул на кухню, проверяя уже давно готовый кофе и торт, который он сам утром купил в булочной в ближайшем городке. Новому Агенту хотели произвести приятное впечатление, ведь он работал не за деньги, и тут нельзя было скупиться. Запах сигарет, к счастью, немного выветрился. Теперь хлопнула входная дверь, и капитан Прильвиц услышал непривычно бодрый голос своего начальника и даже его смех.

Заходи! — прогремел он. Никакого «вы», с Агентам обычно говорили на «ты», потому что дружеское обращение создавало близость.

Теперь и капитан Прильвиц направился к двери. Привет! — поздоровался он с Агентам, который был актёром, и пожал ему руку, тоже весело смеясь. — Я Удо. Его вспотевшая ладонь, вероятно, выдала его волнение. — Я Штеффен, — ответил Агента, что капитану Прильвицу, конечно, было давно известно.

Садитесь, — прогудел начальник, не называя своего имени, и плюхнулся в кресло. Капитан Прильвиц ненадолго исчез на кухне и вернулся с кофе и тортом. Посуда, заметил он, могла бы быть получше, это было самое дешёвое столовое фарфоровое барахло со следами прежнего использования. И алюминиевые приборы — можно было бы позволить себе что-то получше. Ладно, теперь это не изменить.

Но, к счастью, торт был вполне приличный и не слишком скромный по размеру. Пока они наслаждались кофе и болтали о пустяках, капитан Прильвиц украдкой разглядывал Агента Штеффена. Чёрт возьми, не какой-то там заурядный тип, довольно высокий, но не слишком, в очках с никелевой оправой, длинные светлые волосы, чёрная одежда с явным стилем (западная?), такой не везде сразу бросится в глаза. Где они только находят таких людей... Но придётся проверить, действительно ли Агента Штеффен верен принципам партии. Если кто-то носит западную одежду, да ещё из артистической среды, никогда не знаешь.

Начальник постепенно переходил к делу, и капитан Прильвиц стал внимательнее. Начальник ещё раз представил его. По имени, Удо, как это было принято, фамилию не называли, а свой чин вообще обходили, как будто его не существовало, даже если он был в полевой форме. Своё имя начальник снова забыл назвать.

Теперь настала его очередь. Начальник поднялся и попрощался. Капитан

Прильвиц, как положено, проводил его до двери. Закрыв её и обернувшись, он встретил любопытные глаза Агента. Умные глаза, подумал капитан Прильвиц, надеюсь, этот парень не окажется слишком хитрым. Он подошёл к Агенту, искренне радуясь, что начальник ушёл, и представился ещё раз: Ну, теперь по-настоящему — я Удо! — Штеффен! Оба снова пожали друг другу руки и рассмеялись. Атмосфера стала заметно свободнее. Капитан Прильвиц снова плюхнулся в кресло.

С более твёрдым голосом, чем в присутствии начальника, он спросил: Ну что! Есть идеи, о чём речь?

Никаких.

Серьёзно? Вообще никаких?

Нет, ничего. Знаю только, что требуется актёрское мастерство и, главное, умение вживаться в совершенно чужие мировоззрения. И что никому ничего нельзя рассказывать.

Тогда ты сейчас удивись, — сказал капитан Прильвиц, предвкушая собственный рассказ, ведь у него было что предложить: То, что я могу тебе предложить, — сказал он Агенту Штеффену, — затмевает любой театр и любой фильм, и это ещё мягко сказано. ... Но сначала ещё кофе.

На кухне капитан Прильвиц ещё раз подумал, как лучше начать. Лучше не слишком много рассказывать, а сначала показать, а потом описать.

Слушай, — сказал он, когда кофе был на столе, — я покажу тебе сказки «Тысячи и одной ночи», но покажу по-настоящему; это лучше любой описки.

Капитан Прильвиц взял телефон, набрал двухзначный номер и сказал в трубку: Через четверть часа мы в зону, у вас всё готово? — Он кивнул, будто собеседник мог это увидеть, и бросил трубку на рычаг. Затем он потянулся к столу, где аккуратно сложенная лежала новенькая полевая форма и пачка нижнего белья. Он взял форму и одновременно нагнулся под стол, где стояла пара новых полевых сапог. Всё это он выложил на кофейный стол, включая сапоги. Они же новые, нечего привередничать.

Так, — сказал он, — надевай это. Гражданку оставляешь здесь, в доме, всё — бельё, носки, украшения, часы, документы и прочее. Всё. Просто брось вещи на диван, сюда за это время никто не войдёт и ничего не пропадёт. Сигареты тоже оставляешь, получишь наши взамен...

Агент Штеффен присвистнул: Марка «Дуэт»! За них я свои добровольно оставляю.

Капитан Прильвиц не стал реагировать на шутку: Это действительно важно — ничего нельзя брать с собой, и всё, что получишь, потом тоже должно остаться здесь. Принцип шлюза, понимаешь? Поэтому тебе действительно нужно полностью переодеться. Как я сказал, всё, включая носки и бельё. Мне всё равно нужно ненадолго на кухню.

Да какая разница, — пробурчал Агент Штеффен, — актёрам часто приходится переодеваться, не будешь же каждый раз устраивать из этого цирк.

Но мне действительно нужно взять кое-что из холодильника, — ухмыльнулся

капитан Прильвиц.

Агент Штеффен начал раздеваться и небрежно бросил свою гражданскую одежду на диван. Между делом он отхлебнул кофе. Этот был заметно лучше предыдущего. Наверное, первый кофе простоял в кофеварке целую вечность. Яд крысиный, просто ужас. Прежде чем снять трусы, он всё же проверил, есть ли в стопке формы нижнее бельё. Оно было. Правда, длинное белое, типа «убийца любви». Ну и ладно, не на танцы же идёт. Он снял свои трусы и надел «убийцу любви», а затем остальное. Полевая форма сидела как влитая, похоже, они были хорошо осведомлены. После того как он застегнул ремень, Агент Штеффен заметил, что на полевой форме отсутствовали привычные знаки различия. Похоже, даже в военной форме он оставался штатским.

Шикарно выглядишь, — прокомментировал капитан Прильвиц и добавил: То, что это полевая форма, ничего не значит, рабочая одежда тоже сгодилась бы, но этого добра у нас полно, а в поле оно лучше всего. Мы ведь сейчас... пойдём наружу. Кстати, выпей это, — он указал на две чашки, которые поставил на письменный стол.

Что это?

Ну, скажем, своего рода сыворотка, — без колебаний ответил капитан Прильвиц, — нам обоим нужно это выпить, иначе мы не сможем выполнять свою работу, так говорит врач.

А что это, для чего или от чего помогает?

Оно не вредное и даже не невкусное, — уклончиво ответил капитан Прильвиц. — Молоко с чем-то там.

В доказательство капитан Прильвиц взял одну из чашек и выпил её залпом. Ну, давай, — подбодрил он Агента Штеффена, — теперь ты!

Агент Штеффен заметил, что его вопрос остался без ответа, но всё же взял предложенную чашку и заглянул внутрь. Не белое, а слегка бежевое. Он пригубил. Пахло молоком и на вкус как ванильное молоко. Он собрался с духом и выпил всю чашку. Это было обычное прохладное молоко с лёгким намёком на ваниль, слегка подслащённое. И более молочное. Возможно, прямо с фермы, качество было заметно выше обычного. Если бы все лекарства так вкусились, мир был бы немного лучше, решил он и облизал губы. Вряд ли ему дали бы что-то сомнительное, подумал он. С другой стороны, ему было не по себе от мысли глотать неизвестное лекарство без необходимости, особенно если вспомнить слухи о мускулистых спортсменках с гладиаторской фигурой и басом.

Потом будет ещё порция, — добавил капитан Прильвиц, как будто этого было мало. И продолжил: А теперь пошли.

Последняя фраза подействовала на Агента Штеффена как переключатель. Да какая разница, что было в молоке, отмахнулся он от своих сомнений, он был избран, чтобы стать частью тайны. И, похоже, только он сам мог справиться с определёнными задачами, которые они сами не могли выполнить. А кто хочет делать что-то особенное, должен принимать определённые вещи. Только смерть

бесплатна, и она стоит жизни. Так что вперёд.

Снаружи снова послышался «Вартбург». Они вышли из дома. Капитан Прильвиц держал в руках два лёгких полевых рюкзака.

Водитель тоже был офицером, даже майором, то есть на ступень выше капитана Прильвица. Он поздоровался с Агентом Штеффеном за руку: На Агента Штеффена он произвёл более приятное впечатление, чем капитан Прильвиц, не такой чопорный, не такой напряжённый. Но кто знает, может, капитан Прильвиц просто волновался, что было бы понятно.

Вперёд, к приключениям, — раздался голос майора, — я довезу вас пару метров до ворот.

Они ехали по бетонной дороге через сосновый лес, который пронизывал территорию. Примерно каждые 20 метров они проезжали мимо фонарного столба, и через метров 300 дорога свернула налево к служебному зданию. Но они поехали прямо. Поездка была недолгой и закончилась у ворот с цепью и навесным замком, рядом с которыми с внутренней и внешней стороны находилась оливковая переговорная установка. Через десять метров за воротами бетонная дорога заканчивалась. Слева и справа от ворот виднелись оливковые металлические ящики, которые могли быть частью электронной системы охраны, а могли быть чем угодно ещё. На одном из столбов была видна защищённая от непогоды поворотная камера. За забором был только редкий смешанный лес с довольно густым подлеском, кустарником, иногда полянками с лесной травой или песком, но больше ничего. Ни дороги, ни освещения, ни техники.

Они вышли из «Вартбурга», и майор подошёл к переговорной установке:

Два человека проходят в зону!

Понял, два человека, — металлически прозвучало в ответ.

Майор открыл ворота ключом, привязанным шнуром к его форменной куртке. Он открыл ворота примерно на метр. Достаточно, чтобы капитан Прильвиц и Агент Штеффен могли удобно пройти. Заходите и удачи! — И ты, — он посмотрел на капитана Прильвица, — будь осторожен и не зазнавайся, ясно?

Ясно, — проворчал капитан Прильвиц, — если мне сейчас ещё лекцию прочитают, я начну её громко петь.

Ладно, — ответил другой офицер, похлопал капитана Прильвица по плечу и пожал руку Агенту Штеффену.

Давай, ребята, без спешки, у вас весь день впереди.

Когда капитан Прильвиц и Агент Штеффен исчезли в зоне, майор тщательно закрыл ворота, долго смотрел им вслед и наконец сказал в переговорную установку:

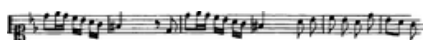
Два человека вошли в зону.

Понял, два человека в зоне, — металлически прозвучало в ответ.

Майор ещё раз долго посмотрел через забор в зону и закурил сигарету. Его руки

дрожали. Он боялся зоны. Она была жуткой, и он предпочёл бы быть где угодно, только не здесь. Но он не мог этого показать.

Докурив, он тщательно затушил окурок на бетоне, сел в «Вартбург», развернулся и поехал обратно к служебному зданию.



Зона

Он просто завидует, что ему сюда нельзя, — проворчал капитан Прильвиц. — Ну, теперь точно пора. Он сунул Агенту Штеффену один из двух рюкзаков. — Надевай! Тут еда и всякое, что нам потом понадобится. Второй рюкзак он закинул себе на плечо.

Агент Штеффен последовал его примеру и нашёл рюкзак удобным, тем более что плечевые ремни были оснащены нагрудным поясом, обеспечивающим хорошую посадку.

Капитан Прильвиц направился прямо в подлесок перед ними и прокомментировал: — Вон там, между деревьями, начинается что-то вроде тропы. Держись за мной, остальное объясню позже.

Они двинулись в путь. Дойдя до деревьев, капитан Прильвиц раздвинул ветки и проскользнул в просвет. Ветви хлестнули обратно и ударили Агента Штеффена по лицу.

Сам следи, — пробормотал капитан Прильвиц. — Знаешь, потом я не смогу постоянно оглядываться назад. Лучше держись ровно в трёх метрах позади меня, так будет удобнее всего. Агент Штеффен сделал, как было сказано, и действительно, так ему было легче следить за дорогой.

Узкая, почти незаметная тропа вилась между деревьями. Точнее, на земле вообще ничего не было видно; только просвет в зарослях растений намекал, что этой тропой иногда пользуются.

Через несколько минут они остановились. Перед ними была небольшая поляна.

Отсюда надо быть осторожнее, — объяснил капитан Прильвиц Агенту Штеффену. — Знаешь, здесь начинается настоящая зона. Посмотри на землю. Видишь, у нас трава ещё нормальная, но вот от этой линии (он указал пальцем вперёд) она выглядит странно и на ощупь тоже странная. Пойдём.

Они подошли к указанному месту. И действительно: вдоль чётко очерченной линии трава с их стороны была обычной, а со стороны зоны выглядела странно. Ей как будто не хватало цвета, всё выглядело чуть серее, но ярко-серым, и трава казалась искусственной. На границе линии казалось, будто по земле проходит трещина.

Всё, что за ней, мёртвое, — прокомментировал капитан Прильвиц, — в зоне ничего не живёт. Странно то, что это замечаешь, только когда подходишь совсем близко. Если смотреть издалека, с телеобъективом, всё кажется совершенно нормальным. Но здесь, внутри: можешь насильно притащить животных, но они тут же убегают. Лучшие собаки просто отказываются

выполнять команды. Если занести сюда растения, через какое-то время они становятся такими же, как это вот, будто из пластика. Они, похоже, не умирают, но и не растут дальше. Выносишь их обратно — они буквально рассыпаются в пыль под пальцами, как высохшие. Но, что странно, внутри зоны они не меняются. А теперь держись: если их сломать или спилить, они вдруг начинают расти. И растут, пока не восстановят точно своё прежнее состояние, без малейших изменений!

Капитан Прильвиц поставил рюкзак на землю и достал пару чёрных резиновых перчаток. — Так, — сказал он, — у тебя в рюкзаке тоже есть, пара на дорогу туда, пара на обратный путь и ещё пять пар на всякий случай. Резиновые перчатки надеваем сейчас.

Агент Штеффен тоже поставил рюкзак и открыл его. Действительно. Там лежали две пары перчаток, ещё один рюкзак и сложенный пластиковый пакет.

Там ещё два комплекта одежды, еда и целых три фляги с водой и другие вещи, — прокомментировал капитан Прильвиц. — Но пока оставь их там.

Агент Штеффен достал пару чёрных резиновых перчаток, снова надел рюкзак на спину и надел перчатки, как это уже сделал капитан Прильвиц.

Какого чёрта это за место? — спросил Агент Штеффен.

Никому не рассказывай, — ответил капитан Прильвиц. — Никому. На данный момент мы сами толком не знаем, что это такое. Феномен, который нужно исследовать, пока кто-то другой не сделал это раньше нас. И, возможно, не нашёл что-то, что может нам сильно навредить, понимаешь? Что касается тебя, могу успокоить — никакой известной радиации здесь не зафиксировано. Хотя в самой зоне все измерительные приборы отказывают. Яда здесь тоже нет. Нас регулярно обследуют специальные врачи, ничего не находят. Даже это, гм, сыворотка — это на потом. Сам увидишь. Это точно не техногенная авария, и вообще это не мы сделали. Даже нацисты до 45-го года, это всё ещё старше. Про эту местность есть старые легенды о злых духах, которые здесь якобы живут, люди избегали этого места, и никто не хотел его забирать. Нацисты огородили эту территорию, и сам Геринг, говорят, здесь был. Но, похоже, больше ничего, только огородили. Незадолго до конца войны, по сообщениям местных жителей, здесь произошёл мощный взрыв. Но никто не пришёл проверять, по крайней мере, насколько нам известно. Все боялись яда или ещё чего-то и решили, что из-за взрыва всё равно всё разрушено. Примерно через три месяца после войны было несколько смертей среди людей, не из этих мест. Тогда люди обещали своим детям хорошую трёпку, если те хоть ногой ступят сюда. Похоже, они это соблюдали, потому что после этого, насколько нам известно, смертей больше не было. Никаких записей о зоне не нашли. Вообще ничего. Нам пришлось начинать с нуля. Друзья²³ после войны ненадолго здесь были, но не заинтересовались этим местом и не исследовали его. Здесь же ничего особенного не стояло. Только позже странные сообщения привлекли

23 «Друзья»: обычное обозначение в Штази для советских органов.

наше внимание к зоне, речь шла о новых авариях, которые казались невероятными, пока мы не подумали, что здесь, возможно, осталось что-то от нацистов. Сначала думали о химикатах, может, о ядовитом газе, или о секретной исследовательской базе. После смертельных случаев при официальном исследовании было несколько лет затишья, просто обновили забор и поставили таблички. «Зона заражения боеприпасами» и «Опасно для жизни». Тогда в это верили. Ну, а потом кто-то поумнее внимательнее изучил записи, и зона стала делом MfS²⁴.

Но если были погибшие...? — Агент Штеффен был немного встревожен.

Под контролем! — твёрдо ответил капитан Прильвиц. И он казался искренне уверенным в этом, что успокоило Агента Штеффена. — Под контролем! — повторил капитан Прильвиц ещё раз. — Специалисты удивляются, обыватели изумляются. Надо тщательно исследовать, ограничить опасности и установить правила, которые дисциплинированно соблюдаются. Тогда опасности уже нет. Мы теперь знаем опасные точки, и я здесь был уже десятки раз. Если тебя это успокоит: я обученный одиночный боец.

В этом Агент Штеффен не сомневался. Капитан Прильвиц теперь казался натянутой пружиной. Если снаружи он выглядел высокомерным и напряжённым, типичным человеком из Штази, которого за десять миль против ветра в ночи и тумане можно было узнать как человека из Штази, то здесь он выглядел прежде всего как железный и абсолютно способный боец. И, похоже, ему здесь было комфортно. Это невероятно успокаивало Агента Штеффена.

Делай, что я говорю, — по-дружески сказал капитан Прильвиц. — Больше ничего не надо. Я знаю разведанные участки зоны как свои пять пальцев, знаю путь, знаю опасности, знаю, как и когда себя вести. Держись за мной, слушай меня, делай строго, как я говорю. Тогда проблем не будет. Погибшие здесь были только в начале, когда ещё не знали, что к чему. А туда, где мы ещё не знаем, что к чему, мы и не ходим. Было одно исключение два года назад, — вдруг сменил тон капитан Прильвиц. — Какой-то идиот нелегально перелез через забор, несмотря на знаки запретной зоны. Какой-то псих. Его, скажу тебе, прикончило. (Капитан Прильвиц рассмеялся.) Никто не осмелился его потом вытащить, потому что в той части зоны никто толком не знал, что там. Так даже лучше. В конце концов, ещё кого-нибудь прихватило бы, а тому идиоту это всё равно бы не помогло. Кто это был, мы и так выяснили, так что рисковать не стоило.

Он до сих пор там лежит? — спросил Агент Штеффен.

Неизвестно, — ответил капитан Прильвиц. — Мы вообще узнали о нём только

24 MfS: Ministerium für Staatssicherheit = Министерство государственной безопасности. Внутри MfS слово «Штази» считалось ругательным и обычно не использовалось. Только простые охранники солдаты использовали его с насмешливым оттенком. Причина, вероятно, заключается в том, что словообразование в немецком языке происходит аналогично слову Gestapo = Geheime Staatspolizei (тайная государственная полиция).

потому, что его заметил постовой за пределами зоны, а тот сбежал прямо в зону. У постовых строгий запрет на вход. Так что нам доложили, и несколько наших людей прошлись внутри вдоль забора. Не прямо в настоящую зону, никто из нас не настолько глуп. Через какое-то время они увидели вспышку света, и всем было ясно, что произошло. На всякий случай мы несколько дней лежали в поле, проверяя, не жив ли он ещё. Это была дерьмовая работа, но никто ничего не ожидал, и он так и не вернулся. Конечно, никто не пошёл проверять, но случай был и так ясен как день. Вот что бывает, когда не слушаешься и не умеешь читать знаки.

Так, — закончил капитан Прильвиц, — теперь вперёд. Ничего не трогай, держись за мной, и с тобой ничего не случится. А если взорвут атомную бомбу, смотри внимательно, такое в жизни увидишь только раз.

Капитан Прильвиц двинулся к внутренней зоне.

Агент Штеффен последовал за ним. Успокоение, которое он чувствовал раньше, улетучилось. Конкретный погибший — это совсем другое, чем абстрактная угроза. А дурацкая шутка про атомную бомбу была, во-первых, заезженной, а во-вторых, слово «атомная бомба» вызывало у Агента Штеффена двойственные чувства. Он сам служил в ННА, срочную службу добровольно продлил до трёх лет, и в ННА он научился ненавидеть эту тему. Это чувство ужасающей, по-настоящему экзистенциальной угрозы, а не казарменная муштра. С обычной муштрой он справлялся, научившись по возможности избегать неприятных вещей. Эту идиотскую шутку про атомную бомбу можно было бы и придраться, подумал Агент Штеффен про себя. Но ничего не сказал.

Они вышли на маленькую поляну и пересекли в её центре границу настоящей зоны. Солнце вдруг начало нещадно палить, хотя небо было затянуто. Все цвета вокруг поблекли, и пейзаж стал почти серым. Сухая трава ломалась под ногами в пыль, чтобы через мгновение снова вырасти. А там, где за ними оставались чёткие следы, они исчезали, как по мановению руки, один за другим, пока все не пропали. Когда капитан Прильвиц и Агент Штеффен остановились, казалось, будто кто-то идёт за ними, потому что следы исчезали шаг за шагом.

Жутко, — сказал Агент Штеффен. — Как будто тут призраки.

Какое-то явление, — ответил капитан Прильвиц, — ничего особенного.

И они пошли дальше. Агенту Штеффену хотелось держаться поближе к капитану Прильвицу. Каким бы он ни был, своё дело он, похоже, знал с безошибочной уверенностью. И эта уверенность была сейчас нужна Агенту Штеффену. С трудом он заставлял себя держать дистанцию в три метра от капитана Прильвица.

Они пробирались через подлесок. Ветви трогать только в перчатках.

Они шли гусиным шагом, пока над ними пылал невидимый огонь.

Они перепрыгнули ров, заполненный странной текучей колышущейся субстанцией.

Они прошли через участок, где царила мёртвая тишина, и даже их собственное дыхание не было слышно.

Они вдруг увидели всё перевёрнутым, а через мгновение это так же внезапно прошло.

Они увидели большой яркий цветок, парящий в воздухе.

Они обошли странный туманный вихрь.

Они бросали пригоршни песка в дрожащий воздух перед собой, чтобы распознать странную грубую силу и уклониться от неё.

А солнце нещадно пекло, хотя небо было затянуто.

Пот стекал по лицу и в глаза. Не вытирать! Никогда! Только сдуть!

Руки потели в резиновых перчатках.

Одежда липла к телу.

Горло пересохло. Пить только потом!

И страх. У Агента Штеффена.

Но сосредоточенность и почти весёлое настроение у капитана Прильвица.

Вдруг они оказались перед небольшим холмом, поросшим кустами и маленькими берёзами, насколько здесь вообще можно было говорить о берёзах и кустах. Даже капитан Прильвиц запыхался, несмотря на свою почти невероятную выносливость.

Агент Штеффен увидел, что из холма торчат остатки давно разрушенного здания, внизу каменный фундамент, а выше кирпичи. Много не сохранилось, но лестница в подвал ещё была. К ней и направился капитан Прильвиц.

Мы на месте, — сказал капитан Прильвиц и от души рассмеялся. — Не вытирай лицо, — добавил он.

Спасибо, — ответил Агент Штеффен. — Наконец-то! — продолжил он, — я еле держусь, и уже давно ничего не понимаю.

Ты справился, — бодро сказал капитан Прильвиц.

Это было удивительно. Капитан Прильвиц казался подменённым. Его напряжённость полностью исчезла. Агент Штеффен почти сказал бы, что капитан Прильвиц... да... выглядел счастливым. По-настоящему счастливым. Прямо-таки эйфоричным. Странно. Почему?

Пойдём, — сказал капитан Прильвиц, — вниз по лестнице в руинах. Там внизу сделаем перерыв.

И капитан Прильвиц снова пошёл впереди.

Они спустились по полуразрушенной лестнице. Бетон. Внизу висела покосившаяся стальная дверь, едва державшаяся на петлях. Открылся бетонный коридор в плачевном состоянии, потолок наполовину разрушен, и сбоку проникал дневной свет. Было видно, что слева когда-то были комнаты, но все они были разрушены. Коридор, по которому они шли, явно был расчищен и очищен после разрушения.

В конце коридора капитан Прильвиц остановился. — В той комнате прямо —

наша цель, — сказал он. — А здесь слева — наш маленький зал для отдыха. На полу перед ними масляной краской была нарисована толстая белая линия. Обе комнаты были за ней.

Агент Штеффен был любопытен: — Почему не прямо к цели?

Нет, — сказал капитан Прильвиц. — Сначала перекур и отдых, а потом я тебя ещё проинструктирую. Нам нужен перерыв. За белой линией можешь двигаться свободно, но грязная одежда остаётся снаружи. Я покажу, как это делается. Смотри внимательно.

Капитан Прильвиц сначала снял полевую куртку, нарочито стараясь не касаться её внешней стороны. Куртку он положил на пол. *Перед* белой линией. Затем он вытащил одну ногу из сапога и шагнул голый ногой, только в носке, *за* белую линию. Вторую ногу он вытащил таким же образом. Затем осторожно снял брюки, не касаясь ими пола. Брюки он положил к куртке. Потом таким же образом избавился от нижнего белья. Тоже длинного. Трусы он оставил на себе. Оставшись в носках, трусах и резиновых перчатках, он взялся за рюкзак и максимально его открыл. Снял левую резиновую перчатку и голой рукой достал второй рюкзак, который был внутри внешнего. Поставил его на «чистой» стороне коридора. То же самое с пластиковым пакетом, который был во внешнем рюкзаке. Наконец, рукой в перчатке он сложил форму, бельё, сапоги и внешний рюкзак в пластиковый пакет и закрыл его.

Вот как это делается, — прокомментировал капитан Прильвиц. — Пакет остаётся здесь. Цель — чтобы ни одна часть тела не касалась грязи зоны. Ничего вредного пока не выявлено, но поскольку мы не можем измерить, лучше перестраховаться. Теперь ты.

Агент Штеффен подумал своё. Капитану не стоило ничего объяснять, он знал эту процедуру наизусть, ещё с учений в ННА, когда речь шла о ядовитых или ядерных веществах. Его успокаивало только то, что здесь, похоже, не требовались противогаз и защитный костюм. Ну и ладно, подумал он. Он разделся, как было сказано, и получил от капитана Прильвица явную похвалу.

После переодевания они вошли в комнату, которую капитан Прильвиц назвал «залом для отдыха». Стены комнаты тоже были потрескавшимися, но в целом выглядели устойчивыми. И комната, как и коридор, была полностью расчищена. Пол был чистым, насколько это возможно в руинах. Ударная волна взрыва, похоже, обошла эту комнату стороной, — прокомментировал капитан Прильвиц. — Но важнее то, что комнату регулярно тщательно убирают наши сотрудники, и она безопасна.

Поскольку сюда не проникал внешний свет, капитан Прильвиц поставил фонарик на пол. В качестве сидений были «стулья», сложенные кем-то из камней. Посередине стояла большая пустая консервная банка, служившая пепельницей. Но сначала они достали из внутреннего рюкзака новое нижнее бельё и новую полевую форму и надели их. Только после этого капитан Прильвиц предложил Агенту Штеффену поесть и сел на один из «стульев». Еда, к его удивлению, была совсем неплохой. Бутерброды, но добротные и

обильные, с колбасой, сыром, даже йогурт с ложкой, всё аккуратно упаковано и запечатано в плёнку. Но, к сожалению, только вода из фляги.

Вода универсальнее, чем кофе, — прокомментировал капитан Прильвиц, — но в остальном наша повариха всегда очень заботится о тех, кто идёт в зону. Можешь сполоснуть руки перед едой, безопасность, которая ничего не стоит, не стоит экономить.

Он показал пример, позволяя воде стекать прямо на пол. — Вода на полу не проблема, — сказал он, — вообще-то руки и так должны быть чистыми. Затем он сделал большой глоток из фляги.

Агент Штеффен последовал его примеру.

Какое-то время никто не говорил ни слова. Каждый был занят едой, погружён в свои мысли и отдыхал.

Так. Теперь главное секрет, — наконец сказал капитан Прильвиц. Но сначала он достал из куртки пачку сигарет и коробок спичек. Опять марка «Дуэт», лучшее, что было в ГДР.

Будешь?

Агент Штеффен тоже взял сигарету.

Капитан Прильвиц зажёл спичку и дал прикурить. Он сделал глубокую затяжку и шумно выдохнул дым. — Рядом доказательство, что коммунизм прав. И что он победит.

Агент Штеффен чуть не поперхнулся и закашлялся. Он ведь тоже был в партии... ну, в СЕПГ. Но где-то существовало негласное соглашение не слишком уж бить в барабаны. Разве что ты был карьеристом. Из тех, что совсем уж рьяные. У русских пышные речи, может, и были в ходу, но они везде немного перегибают. А немец, который так говорит, да ещё наедине, с таким лучше быть осторожнее в словах. С другой стороны, они огородили целую запретную зону и разместили вокруг этих руин целое подразделение Штази. Это говорило о том, что в его словах что-то *есть*.

Ну, послушаем.

Подвальная комната вон там, — продолжил капитан Прильвиц, — была давно построена из полевого камня. А из неё лестница ведёт ещё на два метра ниже, в небольшую нишу, тоже всё из полевого камня. Всё очень старое, и никто не знает, *как* старое. Как я сказал, наша техника здесь просто не работает. Ничего. Можно только смотреть и потом рассказывать. Так. А теперь нацисты незадолго до конца войны устроили здесь довольно мощный взрыв. Ты видел, сколько осталось от бетона впереди. По разрушениям и остаткам взрывчатки мы точно знаем, откуда пошла ударная волна — из этой старой комнаты, точнее, из ниши. И ничего, я тебе говорю, *ничего* в этой комнате не было разрушено. Только снаружи, в более новом здании, взрыв оказал воздействие.

Агент Штеффен восхищённо присвистнул.

Только эта комната, где мы сейчас сидим, как я сказал, осталась невредимой от ударной волны, — продолжил капитан Прильвиц, — и, похоже, именно после

этого взрыва в зоне начались странные явления. Более старые сообщения местных жителей ничего такого не упоминают. Насколько нам известно. Есть, конечно, суеверия об этом месте, да, но довольно расплывчатые, ничего конкретного. Главное, никаких смертей. Заметны только легенды о подземном мире, о сказочных существах, которые поднимаются из этого мира, и о людях, которые провели в подземном мире сто и больше лет. Такие вот вещи. И вот в чём дело — этот подземный мир существует.

Как, простите???

Ты правильно услышал. Заходишь в эту старую комнату рядом, спускаешься на пару ступеней два метра ниже, в нишу, и в нише — секретные ворота в подземный мир.

Агент Штеффен слушал, затаив дыхание.

Это совершенно отдельный мир. Читал книги Жюль Верна?

Да.

И «Путешествие к центру Земли»?

Да.

Вот примерно так это и представляй, только гораздо роскошнее. И там живут люди. Они не наша проблема. И сам этот мир тоже не проблема. Это должны исследовать учёные, не мы. Наша проблема — в том, какие взаимодействия есть между этим подземным миром и нами, те, что могут стать опасными. Ты сам видел, что творится в зоне. Это силы, которые кто-то может использовать для оружия, чтобы нас уничтожить. Это могут быть оружия, которые намного превосходят атомные бомбы. Вопрос в том, что это за силы и откуда они берутся? Мы не хотим их использовать, разве что для получения энергии, но что, если враг о них узнает? Это мы должны обязательно выяснить. И у нас есть подозрения, что либо кто-то нелегально ходит в подземный мир, либо, наоборот, оттуда приходят к нам, либо и то, и другое. Это мы тоже должны обязательно выяснить: кто, что, когда, где, как, почему и по чьему приказу. Семь больших «К». Это твоя задача. Чувствуешь себя готовым?

Ты сказал, этот подземный мир роскошен?

Непредставимо роскошен, — ответил капитан Прильвиц, — говорят, он вызывает прямо-таки зависимость, так сильно впечатляет того, кто его видит. Поэтому мы, штатные сотрудники, обычно туда сами не ходим, понимаешь, чтобы сохранить объективный взгляд. Ты переживаешь и докладываешь, а я должен оставаться трезвым, чтобы объективно выделить важные факты. То есть ты идёшь в этот подземный мир один, а я жду здесь снаружи. Не бойся, это не опасно, и я не буду сидеть у входа, а разомну ноги. Но я останусь здесь.

А если я заблудюсь? — Я же вообще не знаю, как там выглядит. У Жюль Верна путь туда не годился для возвращения в верхний мир.

Не проблема, — сказал капитан Прильвиц, — путь намного короче. По сути, всего несколько метров. И сегодня тебе нужно только провести разведку без задания. Короткий отпуск за счёт государства. Собрать первые впечатления. Поброди, осмотрись, побалуи себя. Можешь где-нибудь прилечь, позагорать,

поесть, что захочешь. Останешься на ночь, а завтра на закате, ни раньше, ни позже, возвращаешься, и мы всё разберём.

На ночь? — спросил Агент Штеффен.

Да. Тебе понравится. Готов?

Агент Штеффен кивнул, чувствуя себя неуверенно. В голове у него бушевал ураган. Это была мечта мечт... и он был частью этого.

Сигареты были выкурены и брошены в большую консервную банку.

Капитан Прильвиц полез в рюкзак и достал два маленьких тетрапака, похожих на те, что Агент Штеффен знал по сгущённому молоку; они были меньше четвертьлитровых молочных тетрапаков, которые доставались привилегированной берлинской молодёжи в школах, в то время как в провинции пили из обычных бутылок.

Так. Ещё раз сыворотка. — Он протянул Агенту Штеффену один из тетрапаков. И соломинку.

«Титьки Пикассо», — ухмыльнувшись, прокомментировал Агент Штеффен тетрапаки. Затем прочёл надпись:

Женское молоко

ультрапастеризованное, стерильное, гомогенизированное

6 недель без вскрытия хранится без холодильника

Объём: 100 мл — 5,5 % жирности

Малиновый аромат

- Только для служебного использования! -

Агент Штеффен вытаращил глаза. — Вы себе ни в чём не отказываете, жизнь как у китайского императора!²⁵ — Он проткнул соломинкой наклейку на верхнем конце тетрапака. — Чёрт возьми, — пробормотал он, — что я ещё раз это переживаю. Даже как ультрапастеризованное молоко. — Он осторожно, с чувством попробовал. — Неплохо! — похвалил он. — Ну, ещё бы, если бы это на вкус было как пиво из Цвиккау, человечество давно бы вымерло.

Капитан Прильвиц ничего не сказал. Поэтому и Агент Штеффен промолчал и допил свой тетрапак до последней капли, насколько позволяла соломинка.

Затем оба поднялись, и капитан Прильвиц пошёл впереди, держа включённый фонарик. Еда и рюкзаки остались лежать в «зале для отдыха». Соседний подвал действительно, должно быть, был построен столетия назад. Пол казался из утрамбованной глины, остальное — каменные своды без кирпича. Удивительно, что такое выдержало мощный взрыв без повреждений. Капитан Прильвиц посветил фонариком вокруг, чтобы Агент Штеффен мог осмотреть комнату. В

25 Кстати: последняя императрица Китая и высокие сановники регулярно пили женское молоко для здоровья и в надежде на долгую жизнь. Для этого содержались императорские кормилицы, жившие в собственном «молочном дворце».

конце сводчатой комнаты узкая лестница вела вниз. Туда капитан Прильвиц направил луч фонарика. Лестница спускалась примерно на два метра и заканчивалась перед нишей, заднюю стену которой составлял огромный валун. Вокруг валуна золотисто поблёскивало.

Золото! — воскликнул Агент Штеффен.

Нет, — ответил капитан Прильвиц. — Только пиритовые кристаллы. Колчедан. Хотя, говорят, геологически они вообще не принадлежат этой местности.

Агент Штеффен немного разочаровался. Но лишь немного. Затем он увидел, что в валун вырезана фигура женщины высотой около метра. Руки женщины протягивали зрителю груди, как будто она хотела их прямо предложить или хотя бы указать на них. Ноги вырезанной женщины были стилизованы в виде большого «О», как будто намекая на открытую вульву.

Это Шила-на-гиг? — почти благоговейно спросил Агент Штеффен, потому что женская фигура на валуне отвлекла его от золотой лихорадки обратно к любопытству.

Что это?

Такие изображения есть в Ирландии и Великобритании, — взволнованно сказал Агент Штеффен, будучи культурно подкованным. — Женские фигуры, вырезанные в камне, — добавил он. — Но, насколько я знаю, они широко раздвигают вульву, а не предлагают груди. Говорят, норманны принесли их из Испании и Франции.

Не знаю. Не думаю, — пробормотал капитан Прильвиц.

Но это вроде бы означает «ведьма с грудями» или «женщина с грудями» или что-то вроде, — добавил Агент Штеффен.

Я знаю только о похожих изображениях на Ближнем Востоке, — сказал капитан Прильвиц, — но сейчас это нас не интересует.

Агент Штеффен недовольно проворчал.

Ну-ну-ну, мы тут не в туристической поездке.

Это было правдой лишь наполовину, но Агент Штеффен не стал копать глубже, ведь его ждало куда больше, чем просто женский рельеф. А объяснения можно найти и позже, отложенное — не отменённое.

Так! — оборвал дискуссию капитан Прильвиц. — Пирит там внизу настоящий, но большой камень посередине — это оптическая иллюзия. Это вход в подземный мир, скрытый от случайных наблюдателей. Ты просто спускаешься туда, к этому рельефу, и проходишь через него. Это как пройти через занавес. Лёгкий толчок — и ты там. Всё просто, главное — не быть слишком нерешительным.

Агент Штеффен набрал воздуха.

Нет, не сейчас, — прервал его капитан Прильвиц. — В общем, с разбегу просто через. Ты не первый, так что не бойся. Когда войдёшь, сначала будет довольно темно, и двигаться будет немного тяжело. Примерно как под водой. Но не бойся, дышать можно. Просто через! Потом ты окажешься в комнате, где есть место для мытья. Полностью разденься, тщательно помойся. Когда закончишь,

не одевайся, а осмотришься. Там что-то вроде большого стола. Ложишься на него. Через мгновение тебя каким-то ещё не объяснённым эффектом перенесёт в этот подземный мир.

Невероятно, — выдохнул Агент Штеффен. — Высокая технология?

Пока не знаем. Возможно. Но может быть и природное явление, что-то физическое, что кто-то использовал неизвестным образом. К сожалению, это делает невозможным перенос предметов из подземного мира сюда.

Я думал, вы именно этого боитесь?

Как бы то ни было, это не работает, — прервал его капитан Прильвиц. — Ни в одну, ни в другую сторону. Ты даже без своей полевой формы туда попадёшь. Не переживай, нудизм в этом подземном мире... скорее... обычное дело. Так что без одежды ты не будешь выделяться. Когда прибудешь, спокойно осмотришься, без суеты, но и без больших прогулок. Собирай впечатления, переночуй, и завтра на закате вернёшься. Не позже, не раньше, но и не слишком точно. И избегай контактов, если увидишь людей. Если к тебе обратятся, прикинься дурачком. Не выдумывай оправданий, не давай объяснений, так только запутаешься. Отбивай вопросы встречными вопросами. Но, как я сказал, вряд ли ты кого-то встретишь. В худшем случае ты просто заблудился. Но никому не говори о проходе, слышишь? Никогда! На обратном пути ты снова пройдёшь через эту комнату с местом для мытья, но там не придётся снова мыться. Просто назад, и всё. — Ну, теперь вперёд. Не бойся, тебе понравится больше, чем ты думаешь.

Капитан Прильвиц даже улыбнулся. Улыбка не слишком симпатичного человека, высококонтролируемого, одержимого человека, но всё же он улыбнулся. И Агенту Штеффену показалось, что капитан Прильвиц показал максимум расслабленности, на который вообще был способен.

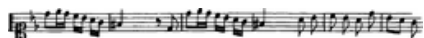
У Агента Штеффена сердце колотилось, но радостное ожидание перевешивало. Поэтому он решительно спустился по ступеням к нише.

За спиной он ещё раз услышал капитана Прильвица: — Да, ещё кое-что — когда пройдёшь, прямо у входа на стене что-то нарисовано. Текст. Запомни его, прежде чем возвращаться. Это просто тест на память. Но сделай это только перед самым возвращением. И на случай, если меня потом не будет в комнате, я оставляю фонарик здесь. Всё ясно?

Всё ясно, — крикнул Агент Штеффен через плечо, — текст прочитать и запомнить перед самым возвращением, а фонарик будет здесь.

Агент Штеффен глубоко вдохнул и решительно пошёл к большому валуну с женским рельефом. Один шаг... и Агент Штеффен исчез в камне.

Капитан Прильвиц посмотрел на часы. Он остался стоять. Ровно пять минут он ждал. Затем сам спустился по лестнице. Без колебаний. И когда он сам шагнул через камень, у наблюдателя могло сложиться впечатление, что он делает это рутинно.



Перидэис

Капитан Прильвиц пробирался через мерцающую тёмно-красную текучую субстанцию. Он продвигался вперёд с силой. Силы у него хватало. Тренированное тело у него было. Не чрезмерно мускулистое, но выносливое. В детстве его дразнили толстяком, но он поклялся, что однажды всем покажет. Пока не получил свой шанс. Требовались люди для групп порядка FDJ на крупных мероприятиях. И там было обучение самообороне. Элементы дзюдо и карате, но не для соревнований, а чтобы одолевать противников, задерживать их и выглядеть сильным. Впервые в жизни Удо Прильвицу спорт действительно доставлял удовольствие. Даже на нелюбимом беге на 3000 метров он упорно боролся, пока не выполнил норму. Оценка 4. И он становился всё лучше, пока не достиг оценки 1. Воля! Железная воля! Районное руководство FDJ обратило на него внимание и сделало начальником местной группы порядка. Его группа стала лучшей, самой надёжной, потому что Удо Прильвиц был надёжен. И кто-то обратил внимание Штази на Удо Прильвица. На одиночку, который давно считал, что другие его не любят только потому, что он единственный ясно и без гнилых компромиссов отстаивает истинную позицию партии. Но никто больше не осмеливался к нему подходить. Одна-единственная драка после уроков ясно показала, что с ним лучше не связываться. Наконец настал день его жизни. Его пригласили в военкомат. Но там его ждал человек из Министерства государственной безопасности. Спросил, может ли он представить себя борющимся за победу коммунизма в MfS. Как офицер. Как он был горд. Элита. И он должен был стать её частью. Так он подписал обязательство не говорить о контакте никому. Ему помогли сдать выпускные экзамены, а потом всё свершилось. Не призыв, а приём на службу — так это называлось в MfS. Так он был обучен на одиночного бойца: прыжки с парашютом, дайвинг, управление вертолётom, малыми самолётами, иностранные языки, зарубежные миссии как инструктор и военный советник, сопровождение секретных грузов. И теперь вершина. Зона. Ничто не было секретнее зоны. И он входил в узкий круг тех, кто о ней знал.

И он знал немного больше... больше, чем позволялось знать менее сознательным товарищам, не столь идеологически закалённым, как он.

И впервые в жизни он нашёл нечто, что его *полностью* удовлетворяло. Без необходимости везде ожидать предательства и отступников. Он лично найдёт путь, чтобы показать миру, как создать истинное счастье для всех. И все ещё будут ему благодарны, да падут к его ногам.

Теперь капитан Прильвиц прошёл через камень, покинул тёмно-красное текучее пространство.

Он оказался в чистой душевой кабине, выложенной белой плиткой, с железным шкафчиком для переодевания перед ней. За ним на стене виднелась стилизованная женская фигура, протягивающая зрителю свои груди. Выложенная из плитки. Рельефные красные напольные плитки тоже изображали эту женщину.

Капитан Прильвиц разделся, аккуратно повесил свою полевую форму в шкафчик и закрыл его.

Затем он долго принимал душ. Шампунь был под рукой. Но полотенце забыли. Халатность. Капитан Прильвиц стряхнул воду с волос и кожи, насколько это было возможно.

Комната за душевой была, возможно, три метра в длину и два в ширину, то есть небольшой, но этого вполне хватало. Большую часть комнаты занимал бетонный блок длиной около двух метров, облицованный по бокам белой плиткой, а сверху — рельефными красными плитками, изображающими стилизованную женщину, протягивающую зрителю свои груди.

Капитан Прильвиц лёг на облицованный блок и закрыл глаза.

Вихрь подхватил его и встряхнул.

Но длилось это лишь мгновение.

Его чувства помутились.

Затем всё произошло.

Капитан Прильвиц снова открыл глаза.

Озноб счастья пронзил его. Страна мечты. Светлое будущее. И у него были задачи, важность которых его начальники не могли полностью осознать. И необходимая высшая мораль, которую ещё предстояло развить даже в коммунизме. Но у него был этот глубокий взгляд и эта высшая мораль. Ах, если бы человечество только знало...

Как всегда, возникла эта физически-эмоциональная реакция. Капитан Прильвиц взял себя в руки. У мужчины есть сила подавить оргазм, если у него достаточно воли.

Так что капитан Прильвиц встал. Он присел на корточки и резко выдохнул. Но справился. Он не растратил свою силу.

Капитан Прильвиц оказался в уютной пещере, куда вливались свежий воздух и тёплый дневной свет. Снаружи виднелась красивая долина между невероятно высокими скалами. Но у капитана Прильвица не было времени на это смотреть. Долг звал. Не то чтобы время было сильно ограничено, но долг есть долг. Капитан Прильвиц направился к низкому проходу в пещере, который вёл не наружу, а слегка вниз, вглубь горы. Он нагнулся и вошёл.

Сначала в туннеле было темно. Но капитан Прильвиц знал дорогу. Он просто держал обе руки в стороны, чтобы сохранять ориентацию. Он знал, что здесь нельзя удариться головой, а пол всегда будет из того же твёрдого гравия, без внезапных возвышений, ступеней или пропастей.

Минуты три или четыре капитан Прильвиц двигался по туннелю вниз, пока не

стал заметен слабый зелёный флуоресцентный свет. Ещё через некоторое время контуры туннеля стали различимы. Не стоило смотреть наружу на яркий день. Вообще не стоило! В этом случае привыкание к темноте произошло бы гораздо быстрее. Но неважно. Здесь всё равно не нужна лампа. Никогда. Капитан Прильвиц теперь шёл быстрее.

Через десять минут небольшой спускающийся туннель закончился, и капитан Прильвиц оказался в большой ровной пещере, где стены светились чуть ярче. В эту пещеру выходило несколько туннелей, и везде пол был равномерно покрыт твёрдым гравием. Один из туннелей был перекрыт шлагбаумом. Красно-белым, как на железнодорожных переездах. Только гораздо проще, из обычного бревна. Над туннелем с шлагбаумом на стене пещеры неуклюжими буквами было написано:

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА
Вход воспрещён!

Насколько можно было судить в Перидэис, надпись была на немецком.

В пещере капитана Прильвица ждал мужчина. Он был одет в мужской костюм странной безвкусной заурядности, слегка потёртый, с рубашкой и галстуком, а на голове — ещё более странная кепка с круглым козырьком. Из пиджака слева торчал двойной ремень, на котором висели хлыст и свёрнутая верёвка. Брюки костюма были скроены иначе, чем снаружи: спереди вместо ширинки был широкий клапан, как на традиционных штанах. Это имело практическую цель — облегчить удовлетворение потребностей с подходящей товарищем, которая, в свою очередь, носила юбку, облегчающую удовлетворение потребностей. Почему, однако, этот странный мужчина оставлял ягодницы открытыми, оставалось вопросом.

Всё это, вероятно, не бросилось бы в глаза неискушённому наблюдателю, по крайней мере, если смотреть спереди, потому что рядом с мужчиной было нечто гораздо более заметное: косматое, массивное огромное животное с широким черепом, которое тупо ухмылялось и при этом поедало камни из стены. Это ещё куда ни шло, почему бы такому зверю не жрать камни. Но у зверя были ноги, похожие на слоновьи или носорожьи, и их было шесть. Это был шестиног, и такие жили исключительно в многочисленных подземных туннелях и пещерах этого подземного мира.

Мужчина вытянулся по стойке смирно, когда капитан Прильвиц вошёл в пещеру. Капитан Прильвиц считал само собой разумеющимся, что его здесь ждут, и лишь молча кивнул с деловым выражением лица. Начальник не должен показывать, что подчинённый своим точным исполнением долга вызывает у него глубокое восхищение. Его надо будет как-нибудь наградить. Но капитан Прильвиц отбросил эту мысль. В конце концов, награда сделает человека только наглым и небрежным.

Мужчина вручил капитану Прильвицу такой же костюм, как на нём самом.

Брюки с открытыми ягодицами, спереди с клапаном вместо ширинки, рубашка, галстук и странная кепка с круглым козырьком. Костюм был даже слегка потёртым. И двойной ремень с хлыстом и верёвкой, который капитан Прильвиц пристегнул к левой стороне.

Когда капитан Прильвиц всё надел, мужчина вытащил хлыст из кобуры, дал шестиногу умеренный шлепок по заду и крикнул: Место!

Рыча, шестиног лёг на пол. Мужчина помог капитану Прильвицу забраться на спину шестинога. Сам он, однако, не полез.

Вставай! Шестиногу достался ещё один лёгкий шлепок хлыстом по заду. — Животное поднялось.

Мужчина подошёл к шлагбауму и открыл его.

Пошёл! — И шестиног неторопливо потрусил дальше в глубины пещерной системы. Мужчина закрыл шлагбаум и последовал за шестиногом. Ему пришлось идти быстро, потому что шестиног, несмотря на свою массивность, задавал приличный темп. Туннель то расширялся, то сужался, затем ответвлялись боковые ходы, однажды они прошли через пещеру, которая казалась гигантской и тянулась ещё дальше вниз. В самом низу этой пещеры угадывалось сочное красное свечение, но капитана Прильвица это не интересовало. В остальном всё было пронизано странным зелёным флуоресцентным светом. Лишь однажды в конце одного из боковых туннелей виднелся дневной свет, но шестиног недовольно отвернул голову; похоже, дневной свет ему не нравился.

Время шло. Туннель за туннелем, пещера за пещерой. Некоторые из них были прекрасны, другие — причудливы. И даже странные летающие существа кружили под потолком пещер. Но путь продолжался.

Товарищ! — вдруг раздался голос странного проводника в странном костюме.

Что? — раздражённо ответил капитан Прильвиц, погружённый в свои мысли в равномерном движении.

Мне бы... я не могу...

Недовольное ворчание. Хорошо, — сказал капитан Прильвиц. — Я же не зверь. Сделаем перерыв. Но сначала распакуй походный паёк.

Слушаюсь, товарищ!

Странный мужчина вытащил хлыст из кобуры, дал шестиногу умеренный шлепок по заду и крикнул: Место!

Когда капитан Прильвиц слез, странный мужчина снял с шестинога ещё две сумки, крикнул: Вставай! — и оставил шестинога выбирать себе камень для трапезы. Затем он достал из сумок два сидячих коврика и маленькую круглую скатерть, которую расстелил на полу. Потом вытащил факел, закрытый сверху пробкой. Когда он вытащил пробку, вспыхнул огонь. Шестиног, который в десяти метрах дальше лакомился камнем, издал недовольное рычание, но продолжил неспешно жевать. Свет факела, похоже, не был так неприятен, как дневной свет. Или ему было всё равно, и рычание было просто обычным выражением удивления.

Можно мне теперь... товарищ...? — снова спросил странный мужчина.
Да, — ответил капитан Прильвиц, — но не мешкай слишком долго. Молоко принёс?

Странный мужчина кивнул.

Выпей его потом. Иди!

Странный мужчина быстро удалился. Пока капитан Прильвиц ел то, что он называл «походным пайком», издалека доносилось быстрое пыхтение, когда шестиног ненадолго закрывал пасть. Так их приучали, потому что дробление камней даже в Перидэис не было тихим делом. Стоит сказать, что только капитана Прильвица раздражали звуки пыхтения странного мужчины; обычно в Перидэис к такому относились проще. Но наконец наступила тишина, и странный мужчина вернулся к капитану Прильвицу.

Садись, — сказал капитан Прильвиц. — Смог удержать своё семя?

Да, товарищ капитан.

Отлично. Всё равно выпей своё молоко!

Капитан Прильвиц взял две ампулы, явно наполненные молоком, одну протянул странному мужчине, а другую взял себе.

За здоровье!

За здоровье!

Оба выпили свои ампулы до последней капли.

Как ты только справляешься с таким самоконтролем? — спросил странный мужчина.

Самодисциплина, — ответил капитан Прильвиц.

А когда рядом женщины и они кружат тебе голову?

Надо держаться, сколько можешь.

Но...

Погоди, погоди. Я же не говорю, что вы должны. Я не зверь. Но я должен, потому что у меня есть задача. Важная задача!

Молча они доели «походный паёк», затем собрались, позвали шестинога, и двинулись дальше.

Ещё дальше шли через туннели и пещеры, пещеры и туннели, и снова упускались многочисленные возможности полюбоваться настоящими красотами пещер. Хотя это того стоило, ведь только некоторые пещеры имели равномерное полутёмное зелёное свечение, большинство переливалось разными цветами, хотя никогда не так ярко, как дневной свет наверху. Однажды они прошли прямо мимо выхода наружу. Странному мужчине пришлось надеть на шестинога повязку на глаза, потому что тот отказывался проходить мимо выхода. Похоже, его беспокоил только дневной свет, а яркие пещеры ему не мешали. Напротив: животное, казалось, испытывало эстетические чувства, потому что в некоторых пещерах оно задерживалось, как будто они ему особенно нравились. По крайней мере, так казалось, хотя, возможно, в таких пещерах было что-то ещё, что его привлекало. Но что поделать! Служба есть

служба, это касалось и шестинога. И они шли дальше, раз за разом.

Лишь однажды капитан Прильвиц приказал остановиться, когда они проходили через большую пещеру, чьи чёрные стены были усеяны мельчайшими кристаллами, переливающимися всеми цветами радуги. Достаточно было слегка повернуть голову, чтобы увидеть совершенно другие цвета. Несколько минут капитан Прильвиц сидел на шестиноге и неподвижно смотрел в пещеру. Не было слышно ни звука. Когда он наконец приказал идти дальше, его голос звучал хрипло. И если бы было светлее, можно было бы увидеть, как слеза скатилась по его щеке. Но он не сказал ни слова об этом.

И они пошли дальше.

Но в какой-то момент они достигли цели. По крайней мере, насколько это касалось странного мира пещер и туннелей. Животное знало это задолго до того, потому что к концу всё ускорялось.

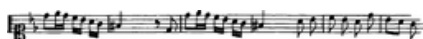
Они остановились рядом с серебристо-золотой блестящей большой пещерой. Здесь почти полностью отсутствовало зелёное флуоресцентное свечение, так что странный мужчина достал из сумки факел. Он нарочито держался подальше от серебристо-золотой пещеры, как будто в ней был плохой воздух. Странный мужчина вытащил пробку из факела, и вот, вспыхнул огонь, осветив туннель перед пещерой. Когда свет факела падал в соседнюю пещеру, он отражался даже из самых дальних углов. Кстати: это был колчедан, он же пирит. Точно такой же, как на валуне, скрывающем переход между этим миром и загробным. Почему здесь тоже был колчедан, никто не знал. Он просто был и красиво выглядел. И всё. Во многих местах Перидэис встречался колчедан; это не было чем-то эпохальным. Разве что когда в нём формировались особенно красивые кристаллы. Только жители этой страны не очень любили колчедан. Даже животные, похоже, его избегали. Почему — неизвестно.

После того как шестиног по команде лёг, капитан Прильвиц слез, и странный мужчина в странном костюме отпустил шестинога. Шестиног (вот те на!) пренебрёг колчеданом и потрусил туда, где были шестиногие быки. Шестиног, кстати, был самкой. Это, впрочем, совершенно неважно, но есть же книги, где постоянно подчёркивается пол, без всякого значения. Так вот, заметим, что шестиногая корова хотела к шестиногим быкам, чтобы немного развлечься без лишних сложностей. Но, как сказано, это не играет роли, потому что шестиногов достаточно было позвать, и они приходили. Просто так. Может, они были любопытны, но не решались бродить по чужим пещерам в одиночку, потому что были слишком глупы, чтобы найти дорогу назад. В этом случае работа выючным животным была сделкой на взаимную выгоду: сила в обмен на интеллект, и защитники животных среди читателей могли бы расслабленно откинуться назад.

Но мы отвлеклись.

Капитан Прильвиц теперь держал факел, а странный мужчина в странном костюме нёс обе сумки. Вместе они направились к небольшому туннелю, над которым на стене пещеры неуклюжими буквами было написано:

Насколько можно было судить в Перидэис, эта надпись тоже была на немецком. Узкий туннель вёл их плавно вверх, к поверхности.



Специальные услуги

Они вышли в залитые светом помещения, вырубленные в высоких скалах, которые повсюду окаймляли долины в Перидэис. Помещения находились, возможно, на высоте десяти метров над соседней долиной. Внизу, у подножия их собственной скалы, примыкал небольшой городок, который, вероятно, возник потому, что здесь пересекались четыре долины. Городская стена с воротами в каждую сторону отгораживала этот городок от внешнего мира. За городской стеной, по рассказам, происходили самые странные вещи, противоречащие принципам диалектического материализма Маркса и Энгельса. Капитан Прильвиц никогда не бывал снаружи. В город он тоже ходил только в штатском, из соображений секретности. Если вообще ходил.

Чувство счастья охватило капитана Прильвица, когда он осмотрел помещение и взглянул наружу. Здесь было светлое будущее. Счастье человечества. И он был первопроходцем старого мира.

Да, первопроходец. Долг звал.

Все товарищи его собственной секретной службы внутри скалы выстроились в формацию. Кроме товарища, который нёс службу у входа в пещеру. И, конечно, ещё двух товарищей, которые несли караул ниже, у лестницы, там, где с улицы можно было попасть в их скальное здание.

Но все остальные сотрудники стояли в строю. В самом конце — мужчины охранной части в униформе с галифе (к сожалению, без сапог, здесь их не достать), ближе к нему — мужчины тыловой службы (повар, завхоз, связной и прочие) в служебной униформе с длинными брюками. Кроме погонщиков шестиногов, потому что они носили одинаковые штатские костюмы, предписанные для внешней службы. Штатские костюмы, кстати, все слегка потёртые, никто не знал почему, ведь униформы, в отличие от штатских костюмов, были в идеальном состоянии. И все носили на левом боку хлыст, потому что в этой местности нельзя было достать оружие, даже за лучшее женское молоко. Мужчины носили брюки с клапаном, прикрывающим пенис. Только ягодицы мужчин оставались открытыми. Раздражало то, что служебные силы капитана Прильвица не могли носить полевую серую униформу, как это было принято в ГДР. Этот цвет уже носили приставы, представляющие пери. Наглость, что ему запретили носить собственную униформу, в то время как

приставы этой страны носили её просто так. Но ничего не поделаешь, с пери лучше не ссориться, говорили. Иначе грозило худшее — изгнание. Поэтому униформы были просто сшиты из той же костюмной ткани, что использовалась для штатских костюмов. В итоге выглядело не так уж плохо, думал капитан Прильвиц, иногда к хорошему приходится принуждать, такие «штатские униформы» стоило бы ввести в MfS для внутренней службы, потому что то, как некоторые молодые товарищи являлись на службу, было возмутительно. Но дальше: перед мужчинами тыловой службы, ближе всех к капитану Прильвицу, стояла важнейшая часть его подразделения — боевая единица. Это были исключительно женщины. На них были розовые ленточки в волосах (кепки просто не удавалось внедрить), короткое розовое форменное платье, оставляющее грудь открытой, а юбка была такой короткой, что чуть виднелись ягодички и лобок. Женщины, естественно, не носили хлыст на боку. Ах да, и впереди стояли ещё трое мужчин в розовой униформе, о которых не стоит забывать. Это были незаменимые спецсилы боевой единицы, неподкупные в отношении женщин.

Капитан Прильвиц прошёл вдоль строя, отдавая честь правой рукой, в то время как левая лежала на рукояти хлыста.

Дойдя до конца строя, он повернулся к доске, прикреплённой к стене:

ТАБЛИЦА ЛУЧШИХ	
1. Хельга	
2. Габриэле	
3. Моника	

Чёрт возьми! — подумал капитан Прильвиц, разглядывая таблицу. Каждая капелька на таблице означала кружку молока, и товарищ Хельга вчера снова дала десять кружек молока!

Ведь среди товарищей обращались друг к другу на «ты», даже когда речь шла о неприятных вещах. Но здесь следовало отметить выдающееся достижение. К тому же буквы на таблице были почти безошибочно скопированы.

Он повернулся, чтобы теперь смотреть на выстроившихся сотрудников. Товарищ Хельга, товарищ Габриэле и товарищ Моника, шаг вперёд! — крикнул он, стараясь придать голосу теплоту. Это не всегда у него получалось, но на этот раз звучало почти немного расслабленно.

Три товарища вышли вперёд.

Капитан Прильвиц вложил в голос торжественность: — Для нашей важной задачи нам нужно прежде всего одно: валюта! Эти три товарища внесли выдающийся вклад в добычу валюты. За это через несколько минут я лично награжу их. Но моя благодарность принадлежит всем вам. Как за молоко, которое у вас ежедневно доят, так и за неустанный физический труд, которое приводит к эякуляции у целевых лиц, тем самым к их истощению и, в конечном

итоге, к увеличению наших продаж молока в зоне операции, то есть к добыче валюты. Товарищи! Специфические условия этой страны мы должны использовать для нашей задачи! Золото этой страны — это молоко наших женщин! Женщины, они живут

Да здравствуют! — Да здравствуют! — Да здравствуют!

Но не будем забывать и мужчин, которые оказывают важную помощь и тем самым создают условия, при которых женщины могут спокойно выполнять свою ответственную работу. От имени нашей важной задачи я выражаю и вам, товарищи, особую благодарность.

Капитан Прильвиц кивнул в самый правый угол, где стояли охранники. Те поняли, и четверо из них поспешили в угол, где стоял большой шезлонг. Они быстро притащили его и поставили рядом с капитаном Прильвицем, прямо перед тремя награждаемыми товарищами. Затем они взялись за бок шезлонга и подняли приспособление, которое ясно показывало его функцию: это был стул для утех, и на боковые подставки женщина могла удобно положить ноги. Четверо солдат поспешили обратно в строй.

Товарищ Моника, ты сегодня заняла третье место, — сказал капитан Прильвиц так мягко, как только мог, — ложись на стул утех, чтобы получить свою награду!

Товарищ Моника засияла, поспешила к стулу и легла на спину, широко раздвинув ноги с помощью двух подставок.

Капитан Прильвиц подошёл к ней и расстегнул две пуговицы, державшие клапан брюк. Клапан откинулся, обнажив его эрегированный пенис. Он приблизился к товарищу Монике, чей пах находился на идеальной высоте, и ввёл его. Он задыхался, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Товарищ Моника восторженно вскрикнула, как ему больше всего нравилось. Да, он был настоящим подарком для женщин, которые его честно заслужили. Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Но он должен был следить, чтобы не излить семя слишком рано. Вот! Восклицания товарища Моника мгновенно переросли в пронзительный визг, и её лоно ритмично сжалось, возвещая, что она получила свою награду.

Пусть кто-то попробует это повторить. Всего несколько движений — и женщины уже кончали.

Товарищ Моника, слегка ошеломлённая, встала и, всё ещё задыхаясь, вернулась в строй, в то время как товарищ Габриэле, как это было принято при таких награждениях, подошла без приглашения. Товарищ Габриэле тоже получила свою награду, прежде чем капитан Прильвиц не смог бы больше сдерживать своё семя.

Теперь вперёд вышла товарищ Хельга, которая дала десять кружек молока, и легла как надо. Его лучшая! Капитан Прильвиц быстро подошёл к ней, чтобы его семя не излилось само по себе и тем самым бесполезно. Несколько движений хватило, чтобы и товарищ Хельга достигла своего зенита, и пульсация её лона буквально высосала его семя. Он держался за неё и чуть не

рухнул от наслаждения. Мир кружился перед его глазами. Дааааа! Он был жеребцом, он показал трём товарищам, какой он жеребец. Это его не удивляло. Он был *тем самым* мужчиной для этого мира, дома к нему просто ещё не были готовы.

Тяжело дыша, он отстранился и встал.

Одна из товарищей подскочила с влажным полотенцем, чтобы осторожно вытереть ему пах. После этого она застегнула клапан и ушла.

Товарищ Хельга, лучшая, всё ещё лежала широко открытой на стуле утех.

Товарищи! — задыхаясь, сказал капитан Прильвиц, — Товарищи! У нас тяжёлая задача, и у каждого своё место. Я сейчас сначала поем, но через час я проинспектирую ваши рабочие места. Ожидая, что вы будете выполнять свою работу надлежащим образом. Разойдись!

Все сотрудники разбежались в разные стороны. Только товарищ Хельга осталась.

Пойдём! — сказал капитан Прильвиц. — Сопроводи меня в столовую!

Столовая находилась на этаж выше в лабиринте различных скальных помещений и открывала приятный вид на маленький городок у их ног. Хотя это, пожалуй, излишне упоминать, ведь такой вид открывался почти из всех помещений. Но раз вид был красив, не стоит его умалчивать.

Как только капитан Прильвиц занял место на стуле у оконного проёма, товарищ Хельга подошла и без промедления предложила ему свою грудь для подкрепления. Он излил в неё своё семя, так что ему требовался баланс. К сожалению, капитан Прильвиц пил всегда добросовестно, но никогда с той страстью, с которой другие мужчины в таких случаях охотно впадали в настоящий раж. Это не было необходимым, но как-то вдохновляло. Особенно два крылышка между ног и то, что они прикрывали. Но поскольку товарищ Хельга была образцово одарена молоком, капитан Прильвиц легко и обильно получал то, что ему было нужно. Да, она могла бы дать ещё больше.

Можешь идти, — сказал капитан Прильвиц и вытер рот.

А теперь еда! — громко добавил он.

Хотя, если честно, он был сыт. Но еда здесь была хороша.

После того как он поел — была нежная баранина с трюфелями, овощи и молодой картофель, к тому же превосходное белое вино, — он решил сначала проинспектировать бордель. Чтобы привлечь больше мужчин, он организовал два вида борделя. Один был вроде закусочной, для мужчин, которым нужно было быстро удовлетворить свой инстинкт между двумя делами. Конечно, можно было бы заставить товарища танцевать соблазнительно для возбуждения, пока мужчина сам себя удовлетворяет, но капитан Прильвиц считал это аморальным, ведь сексуальный инстинкт не для себя самого. Поэтому он распорядился закрыть оконные проёмы на внешней стороне его службы досками так, чтобы остались только отверстия. Отверстия были как раз

такого размера, чтобы каждая из его товарищей могла просунуть через них нижнюю часть тела наружу. На улице товарищ привязывал её ноги в разведённом состоянии ремнями над отверстием, чтобы ей не приходилось лишний раз напрягаться. Таким образом, на свету улицы был только открытый пах, готовый к использованию, а всё выше — нет. И один из товарищей дежурил снаружи у кассы и следил, чтобы в предложенные сливы вставляли только пенисы и не щекотали привязанные ноги. При свете дня закусочная, к сожалению, приносила мало дохода, и к тому же слишком часто закрывали глаза, если мужчина уговорил кассира или кто-то мухлевал. Но в конечном итоге всё сводилось к тому, чтобы подтолкнуть мужчин к семяизвержению, потому что тогда им срочно требовалось молоко, которое можно было продавать в нескольких метрах в виде порошка или женского масла известного высшего качества. Продавали за расписки на всевозможные работы, которые мужчина подтверждал своим отпечатком пальца, или за натуральные продукты. Если мужчина удерживал своё семя, то не повезло, но товарищ, если он был хорош, по крайней мере получала своё удовольствие, не прилагая для этого никаких усилий.

Второй бордель в дюжине метров дальше, внутри скальных помещений у улицы, был более доходным. В первом борделе работали только те женщины, которые в данный момент были менее востребованы по моде, или те, у которых не было желания прилагать усилия. Или те, кому не хотелось иметь дело с мужчинами, но хотелось полных эрегированных пенисов. Просто ложишься и предоставляешь пенисам (не мужчинам) тяжёлую часть. А в уме представляешь какого-нибудь великолепного парня, или, в зависимости от наклонностей женщины, может, грубого парня, или настоящую свинью, или кого угодно. Такие мечты не редкость, не стоит себя обманывать.

Во втором борделе зарабатывали значительно больше, но зато от женщин требовались фантазия и самоотдача. Это работало так: как только мужчина входил в помещение, одна из товарищей тут же его обольщала и основательно раззадоривала. Сложная задача, ведь если мужчина срывался, бедная товарищ успокаивала свой мокрый пах сама, как могла. Но, к счастью, это было нечасто. Она раззадоривала его, как только могла. И когда он уже совсем терял голову, договаривались о цене за её молоко, которое здесь предлагалось свежим из груди. Если договаривались, за натуральные продукты или подписанную рабочую обязанность, она его оседлала. Или он её. Или они играли в другие игры. В итоге он изливался в неё или удерживал своё семя, из-за чего она, конечно, дулась бы. По сути, неважно, изливался ли мужчина в женщину, ведь молоко уже было оплачено. Но некоторые женщины включали в договор условие, что он должен излиться, потому что это как-то укрепляло их самоощущение, нести в себе свежее мужское семя. Доказательство, что тебя желали. Говорили также, что это хорошо для настроения, делает красивее и прочие такие вещи, о которых никогда не знаешь, правда ли это. Но поскольку неизвестно и вреда от этого нет, было справедливо, чтобы мужчины изливались

в женщин, раз уж они брали их молоко. Ну, а после финального аккорда обычно следовала небольшая пауза. Болтали, ели или пили что-нибудь. Но в конце, всегда и без исключения, он забирал из её груди с выгодой то, что только что вытекло из его пениса. Иначе он рисковал стать сатиром. Затем клялись встретиться снова, или нет. И он уходил удовлетворённый, а она немного отдыхала или брала следующего мужчину. Это была важная задача, сказал им высокоуважаемый непревзойдённый гениальный капитан Прильвиц. Хотя в Перидэис никто не знал, что значит слово «важный», но делать что-то, что нравилось капитану Прильвицу, всегда доставляло удовольствие.

Капитан Прильвиц нашёл в борделе всё в полном порядке, закрыл глаза на то, как один мужчина обманул кассира, и, миновав охрану, поднялся по лестницам на верхние этажи. Так он добрался до молочной, которая из-за ценных запасов молока охранялась отдельной стражей. Здесь проявлялось, для чего нужны были специалисты в розовой униформе. Это были доильщики, все до единого геи, из-за их тонкого чутья настоящие волшебники в искусстве выдоить из грудей доящихся товарищей последнюю каплю молока. Надо знать, что грудь даёт гораздо больше молока, если её ласкают, заманивают и обманывают, чем если пытаются заставить. Грудь должна хотеть, должна хныкать, чтобы у неё забрали молоко, говорили опытные доильщики. Лучшие из них только приближались к груди, и та уже начинала капать или даже брызгать. Доильных станков было множество, в зависимости от того, что предпочитали женщины и какой у них была грудь. Были лежанки с вырезами на уровне груди, которые можно было поднимать, опускать или наклонять, были простые поручни на стене, под которыми стоял стол для кувшина с молоком, и многое другое. И ещё одно преимущество у гей-доильщиков: они не трогали женщин. Капитан Прильвиц гордился своей идеей с гей-доильщиками. Султаны и прочие были просто глупцами, кастрируя бедных юношей. Он, как марксист, презирал их за эту жестокость, ведь решение было таким простым.

Один из доильщиков подошёл к капитану Прильвицу: — Ах, товарищ капитан! Вы ведь так хотели знать, можно ли вывести молоко с разными вкусами. К сожалению, нам это пока не удалось, я безутешен. Только одно мы выяснили: если женщину на полноценной диете четыре полных дня кормить только растительной пищей, без молока и мяса, то её молоко скисает, если его оставить. Но стоит ей снова дать мясо, хотя бы немного, и молоко не скисает²⁶.

Капитан Прильвиц потёр подбородок. И наконец ответил: — Но это же уже результат, неужели вы не понимаете? Посмотри, что из этого можно сделать. Но держи в секрете! Там, откуда я, из молока делают гораздо больше, чем здесь знают. Это называется йогурт, сыр и прочее²⁷. Доильщик ушёл.

Капитан Прильвиц был не доволен. Товарищи здесь, в его собственной

26 Это правда.

27 В Перидэис не получают молоко от животных. Говорят, отсюда пошла идея веганов, что человеку не нужно животное молоко. Однако это не подтверждено.

секретной службе, выполняли приказы добросовестнее, чем он знал из этого мира. И это несмотря на отсутствие оплаты. Здесь были близки к коммунизму! Только людям надо было буквально разжёвывать, что делать. Настоящих собственных идей у них не было. С другой стороны: так у них не было и *глупых* собственных идей. Но то, что мужчины напрямую зависели от женского молока, было настоящей проблемой. Надеюсь, разрешимой. Он работал над этим. Пока важнее всего было сосредоточить власть. А экономическую власть здесь получали через молоко и, конечно, через собственность. Не то чтобы собственность играла в Перидэис роль, ведь почти всё доставалось без особого труда, но всё же. Сосредоточение собственности было стратегически важным решением.

Капитан Прильвиц поднялся по ступеням на самый верхний этаж в скале. Этот этаж был предназначен только для него. Охранник отдал честь. Ещё два лестничных пролёта, и капитан Прильвиц был наверху. Он открыл тяжёлую деревянную дверь в свои покои. Открылся залитый светом огромный зал. С собственным бассейном, питаемым горным источником, великолепным видом, мебелью из удивительно красивого узорчатого дерева, полом, выложенным редкими разноцветными камнями, которые добывали глубоко в пещерах Перидэис, огромной кроватью и всем, что только можно найти в плане удобств. Капитан Прильвиц рухнул на огромную кровать и застонал от наслаждения. Как здесь было прекрасно! Он это заслужил. Он работал над будущим этой страны. Он был единственным, у кого был план, способный привести человечество к светлому будущему.

Справа от него была доска с рядом толстых верёвок, на конце каждой из которых была деревянная бусина. Над каждой верёвкой был нарисован символ. Он потянул за верёвку, над которой была изображена обнажённая женщина с особо подчеркнутой вульвой. Через несколько мгновений раздался стук, и когда он крикнул: Войди! — появилась прекрасная совершенно голая женщина. Когда она вопросительно посмотрела на него, он коротко сказал: Сделай мне ртом. Он лежал неподвижно на спине, закрыв глаза, она, улыбаясь, подскочила, опустилась на колени между его ног, раскрыла губы и втянула его пенис в себя...

...когда он излил своё семя, а она с его разрешения позволила себе глоток собственного молока для запивки, она подкрепила его необходимым балансом из своей груди, а затем ушла, тихо, очень тихо закрыв тяжёлую деревянную дверь, и капитан Прильвиц остался один.

Когда он пришёл в себя, капитан Прильвиц подошёл к оконному проёму и задумчиво посмотрел наружу.

Вообще-то долг звал, и ему следовало вернуться, подумал он. Но чёрт с ним, одну ночь он себе позволит. Ещё не стемнело, но он устал. И так он вернулся к своей кровати, рухнул на неё и через секунды заснул.

Чуть позже снаружи стемнело, и вечно стоящее в зените солнце превратилось в ночную луну. Тихие звуки доносились снаружи, и ночь была мягкой и приятной. Капитан Прильвиц спал глубоким и восстанавливающим сном.

На следующее утро он проснулся свежим и отдохнувшим. Доброе утро, — сказала хорошенькая рабыня, нет, товарищ, стоявшая у его кровати. На ней было соблазнительное лёгкое розовое ночное платье, оставляющее грудь открытой. Солнце уже ярко светило. Птицы болтали свою обычную глупую чепуху, подхваченную где-то, и одна из них как раз крала кусок хлеба с завтрака, стоявшего на столе. Завтрак капитан Прильвиц любил есть в одиночестве. Пусть крадёт, подумал капитан Прильвиц примирительно, болезней и паразитов здесь не было. Главное, чтобы она не топталась по женскому маслу. Но вот, его указания учли, женское масло было накрыто.

Хорошенькая рабы... товарищ легла рядом с капитаном Прильвицем в кровать и предложила ему грудь для утреннего глотка. Просыпаться от женской груди, конечно, было совсем не то, что от гудка в его службе в этом мире. Хотя раздражало, что у мужчины здесь не было другого выбора — ему ведь нужно было женское молоко. Капитан Прильвиц однажды попробовал, как долго он может обходиться без молока, и у него до сих пор остались неприятные воспоминания. Боль, как от порки. Ничего не поделаешь, пришлось смириться с необходимостью. Хорошо, признаться, лекарство было не неприятным (особенно сейчас, и товарищ просто фонтанировала из своих действительно красивых грудей), но капитану Прильвицу не нравилось, когда ему что-то навязывали. Во время утреннего глотка (товарищ помогала доящими движениями пальцев) капитан Прильвиц медленно просыпался. И в какой-то момент был удовлетворён.

Капитан Прильвиц встал и направился в туалет. Безупречно чистый водяной туалет, смываемый постоянно бурлящим горным источником, сверху из благородного дерева, всё, кроме сиденья, украшенное орнаментальными резьбами. В том числе с тем странным, постоянно появляющимся символом женщины, протягивающей зрителю свои груди руками, а её ноги образуют большое «О».

Затем капитан Прильвиц плюхнулся в свой бассейн, вода которого, как всегда, была идеальной температуры. Как они это делают? — на мгновение задумался капитан Прильвиц, ведь никакой техники здесь не было. Но он не стал развивать эту мысль. Бассейн был достаточно большим для нескольких настоящих гребков, капитан Прильвиц нырнул глубоко, а когда вынырнул, товарищ уже стояла наготове, чтобы вытереть его большим полотенцем.

Капитан Прильвиц стоял неподвижно и наслаждался процедурой. То, что его пенис встал, его не беспокоило. Напротив, это показывало товарищу, как она может мотивировать его вернуться, чтобы показать им всем путь к светлому будущему. И вот! Она поняла. Или, скорее, он её возбудил, что было вероятнее.

Во всяком случае, её губы скользнули по его стоящему пенису, который достиг полной величины. Капитан Прильвиц закрыл глаза и полагался на то, что товарищ удержит его в равновесии, доверие, которое он никогда не смог бы проявить в этом мире. Губы умело всасывали, выпускали пенис из рта, снова и снова. И капитан Прильвиц, открыв глаза и посмотрев вниз, увидел, как груди товарища покачиваются в такт её движений. Тут он кончил, и его семя брызнуло толчок за толчком в её рот. Сразу после пробуждения оргазм, к сожалению, никогда не был таким глубоким, как днём, но какая разница. Товарищ свою задачу выполнила отлично. Он поблагодарил и разрешил ей взять со стола стакан фруктового сока. Затем товарищ сделала перед ним реверанс и ушла. Этот реверанс женщинам здесь просто не удавалось отучить. С трудом их научили отдавать честь, а в следующий раз они всё равно делали реверанс.

Теперь капитан Прильвиц был достаточно бодр для завтрака. Он сел у оконного проёма в отличном настроении и взял одну из этих странных кофейных ягод. Капитан Прильвиц ритмично и осторожно потянул за стебель ягоды, пока не вытащил его. И вот: из ягоды повалил пар и аромат кофе. Капитан Прильвиц вылил её содержимое в стоящий кофейник и сразу налил себе чашку. Кувшинчик с молоком был наготове, и он щедро плеснул его в кофе. Женского молока для кофе требовалось значительно больше, чем коровьего, но зато молочный кофе на вкус был превосходным. Капитан Прильвиц взял одну из свежесобранных булочек, которые, говорят, приносили гномы. Но он никогда не видел гнома. Масло было очень белым и таяло во рту. Оно тоже было сделано из женского молока, поскольку употребление животного молока считалось противоестественным. Сначала капитану Прильвицу пришлось сильно себя пересиливать, чтобы попробовать это, ведь одно дело — в состоянии сексуального возбуждения наслаждаться женской грудью (тут делали и покруче), и совсем другое — в нормальном состоянии, насколько оно вообще существовало в Перидэис, намазывать женское масло на булочку и есть её. Но вкус был изысканным, и с опытом можно было различить разные ароматы, в зависимости от того, какая женщина дала молоко для масла. Только низкосортные продукты делали из молока, без разбора смешанного! Нет, обычно женщины старались с помощью особой диеты давать совершенно особенное молоко, чей изысканный вкус ещё больше раскрывался в масле. Существовали целые школы, где учили той или иной диете, чтобы в итоге давать благороднейшее молоко. Некоторые из этих идей, однако, казались полной ерундой, и никто не замечал разницы. Но горе тому мужчине, который не аплодировал хотя бы притворно, даже если не замечал ни малейшего отличия. Не то с женщинами между собой. Либо у них действительно был гораздо более тонкий вкус, либо они лучше угадывали, что другая женщина хочет услышать.

Первую булочку капитан Прильвиц ел только с маслом и смаковал тонкий

аромат на небе. Жаловаться было не на что. Это была настоящая деликатес. Но со второй булочкой он всё же взял колбасу, и с третьей тоже.

Ах, какая жизнь! Всё человечество могло бы это иметь, если бы не портило всё, а слушалось его. Сложность была только в одном: ему ясно сказали, что его лишь *едва* терпят. И только здесь, на этом месте. Пери допускали только тех, кого сами привели. Почти чудо, что до сих пор обошлось одним-единственным визитом приставов, причём капитан Прильвиц даже отдалённо не догадывался, как его обнаружили. Места регистрации в этой совершенно непрозрачной стране не существовало. Поэтому он предпочитал оставаться незаметным и ограничивался осторожными разведками и созданием экономической базы. Как сейчас. Больше всего всё испортило бы. И товарищи боевой единицы были проинструктированы осторожно агитировать мужчин, которые их посещали, и сообщать о тех, кто мог бы подойти для разведки этой страны. Капитан Прильвиц вдалбливал им, что это вообще самое важное: что они своими прекрасными телами могут привлекать мужчин, чтобы завербовать их для борьбы за светлое будущее. Мужчин, которых иначе никогда не достичь и которые иначе никогда бы не слушали. Когда они, истощённые, лежали в их объятиях, они были готовы воспринять осторожные крошечные дозы великой цели. Вот как это было. Это была секретная работа. То, что при этом можно было продавать молоко и получать рабочие услуги, конечно, было хитрым ходом с его стороны, ведь без материальной базы нельзя действовать. Вообще-то капитану Прильвицу хотелось бы самому осмотреть эту страну. Маленький городок у его ног лежал в конце долины. Между высокими крутыми скальными стенами долины единственный вход закрывала стена с крепкими городскими воротами. Что было за ней, он, к сожалению, никогда не видел своими глазами. Уже пещеры были невероятны, какова же должна быть остальная страна. Рассказывали легенды, и если хотя бы десятая часть их была правдой... Но он не осмеливался нарушать приказы приставов, ни в коем случае. Слишком многое стояло на кону. Поэтому он должен был посылать разведчиков, которые подробно ему докладывали.

Капитан Прильвиц насытился и с тоской ещё раз посмотрел наружу. К сожалению, теперь ему придётся уезжать. Из-за этого странного растяжения времени у него было в распоряжении некоторое время, но, к сожалению, не бесконечное. Капитан Прильвиц поднялся и спустился по скальным лестницам. Его секретное подразделение уже выстроилось для прощания. Капитан Прильвиц произнёс ещё два-три напутствия, но в остальном был краток. Закончив, он подошёл к женщинам в розовой униформе своей боевой единицы, окинул взглядом одну за другой и наконец выбрал одну: — Ты идёшь со мной, товарищ, — сказал он. Товарищ была, так сказать, его дорожным пайком. Звучало не слишком красиво, но, в конце концов, это была лишь правда. Он кивнул своему личному погонщику. — Удовлетворён, или...?

Да, товарищ капитан. Я готов к отъезду.

Отлично!

Так все трое — погонщик (в странном костюме), капитан Прильвиц и товарищ в своей соблазнительной розовой униформе — спустились по скальным лестницам в подземелье. Погонщик нёс факел, чтобы им не пришлось привыкать к темноте.

В туннеле перед серебристо-золотой блестящей пещерой уже стоял шестиног, но не ел, так как серебристо-золотой камень, видимо, ему не нравился.

Место! — крикнул погонщик.

Шестиног охотно лёг, и товарищ по указанию капитана Прильвица забралась на него, а он сел позади неё.

Вставай! — крикнул погонщик, и животное поднялось с ними.

И они двинулись, пещера за пещерой, туннель за туннелем, обратно к переходу, ведущему в этот мир.

Товарищ перед ним на шестиноге оказалась немного беспокойной, потому что постоянно тянула руку капитана Прильвица к своему скрытому местечку, чтобы он развлёк её, или к своим грудям, чтобы он там немного поиграл. Капитан Прильвиц громко предположил, не прогуливала ли она службу, если её так сильно чешется. В какой-то момент ему надоело, он слез с шестинога, сам взял его под уздцы и приказал погонщику забраться наверх и успокоить товарища. Только когда это было сделано, и погонщик восполнил потерянную эссенцию у её грудей, они поменялись ролями, и поскольку товарищ немного дулась, капитану Прильвицу стало ясно, откуда ветер дует. — Когда прибудем, я тебя возьму, не раньше! — сказал он ей. Её настроение тут же улучшилось.

Ещё через добрый час он приказал товарищу повернуться к нему и напил из её грудей, не теряя времени на паузу. Погонщику он позволил напиться во время обязательной паузы на пикник, когда и животное могло утолить голод на окружающих скалах.

В большой пещере, чьи чёрные стены были усеяны кристаллами, переливающимися всеми цветами радуги, они тоже сделали остановку.

Но в какой-то момент они прибыли. В пещеру с шлагбаумом, где началось их путешествие. Теперь предстояло прощаться. Нет, не прощаться, он не должен был показывать, что покидает Перидэис. Он знал, что жители Перидэис *никогда* не должны узнать, что он из внешнего мира. Капитан Прильвиц однажды попытался взять с собой в этот мир красивую товарища, но та впала в настоящий ужас, увидев каменный стол, который переносил в этот мир. Ещё перед пещерой она отчаянно сопротивлялась, кричала, кусалась, царапалась и, наконец, уже на алтарном столе, изо всех сил ударила его по яичкам. Когда он очнулся, он был уже не в Перидэис, а в белой кафельной душевой перехода в этот мир. Боль длилась лишь долю секунды и здесь исчезла, как будто её и не было. И товарищ тоже, как он обнаружил, вернувшись в Перидэис. Он больше никогда её не видел. С тех пор он не решался выходить за пределы своей службы в долины Перидэис. Даже в сам Перидэис он долго не осмеливался

возвращаться, но его магически тянуло назад, он просто не мог иначе. Его поступок, однако, не имел в Перидэис никаких заметных последствий. Ничего! Так он постепенно восстановил уверенность, но, как сказано, снаружи ему всё ещё было немного жутко. Из-за пери и их приставов, которые лишь терпели его. Но и не только. Люди вроде него, пришедшие извне, считались здесь колдунами, ведьмами, жуткими существами, обладающими опасными необъяснимыми силами и ни в коем случае не принадлежавшими к своим. Этого капитан Прильвиц не хотел. Он ненавидел и то, что обладал такими силами, о которых очень хорошо знал. Например, полёт на метле. Это принципиально противоречило учениям диалектического материализма, и поэтому он этого не делал. Это было как с некоторыми его товарищами, которые дома в этом мире тайно ходили в Интершоп, покупали там, например, западный гель для душа и выставляли его напоказ в ванной. А в конце, может, ещё наполняли его гелем для душа из производства ГДР, когда западный заканчивался. Это было нечестно, и такому товарищу нельзя было доверять. Он же хотел быть последовательным. Если он придёт к власти, он просто запретит колдовство, и тогда эта тема со временем сама по себе забудется. Так просто. Бытие определяет сознание, а колдовство — это что-то вроде религии, отмирающей, вонючей, гнилой. Более низкая ступень сознания.

Но... на этот раз путешествие закончилось.

Место! — услышал он крик погонщика. Шестиног лёг. Они слезли.

Иди сюда! — позвал он товарища. Та не заставляла себя упрашивать дважды и заманчиво приподняла свою форменную юбочку.

Да, ложись, — сказал капитан Прильвиц. И когда она легла на мягкий, приятно тёплый гравий и подняла колени, он тоже не удержался. За всё время пути он ни разу не получил удовлетворения. Он сам опустился на колени, открыл клапан и, с помощью товарища, ввёл свой стоящий пенис в её влагище. На этот раз наслаждение длилось дольше, и погонщик, уже давно прислонившийся к шестиногу, закончил своё удовлетворение, когда капитан Прильвиц наконец излился в товарища. Но на прощание можно было и потратить немного времени, решил капитан Прильвиц. Он выпил только столько молока, сколько действительно требовалось (товарищ опять немного дулась), и оставил остальное погонщику. Женщины здесь имели молока более чем достаточно для двух мужчин, но лучше перестраховаться, не стоило рисковать недомоганием.

Капитан Прильвиц разделся догола и передал свой костюм погонщику.

Я иду наверх, — сказал он. — Вы знаете свою задачу.

Оба кивнули.

После прощания капитан Прильвиц направился через узкий туннель к переходу, который вернёт его в этот мир. В зону. Где скоро должен появиться и Агент Штеффен.

Вот и выход наружу, где ярко светило дневное солнце. Капитан Прильвиц и на этот раз не вышел наружу, а сразу свернул в пещеру с тем странным каменным

столом с символом женщины, протягивающей зрителю свои груди.

Так надо.

Он лёг голым на каменный стол.

Вспыхнула молния, мир исчез, он закружился, цвета мелькали, и затем...

...он снова оказался в белой кафельной душевой с железными шкафчиками. Он открыл шкафчик, в который повесил свою полевую форму, и надел её.

Сделав это, он направился к стене, на которой плиткой была изображена женщина, протягивающая зрителю свои груди. Он вошёл в стену. Стена закрылась за ним, как будто ничего не было.

Капитан Прильвиц медленно пробирался, размахивая руками, через тёмно-красную текучую жидкость.

И вдруг он снова оказался в этом мире.

Капитан Прильвиц тут же бесшумно присел. Неужели Агент уже здесь? Он прислушался. Посмотрел. Нет!

Снова повезло, не стоило слишком рисковать. Как и было обещано, капитан Прильвиц поставил фонарик для Агента и использовал оставшееся время, чтобы выкурить сигарету. После курения он всё тщательно убрал и осторожно упаковал использованные материалы в двойную плёнку, которую положил в рюкзак.

Услышав через некоторое время шум, капитан Прильвиц крикнул: — Уже здесь?

Да! Я вернулся!

Через несколько мгновений Агент Штеффен вошёл в «зал для отдыха».

Доклад отложим на потом, — сказал капитан Прильвиц и поднялся. — Даже если очень хочется. Надевай резиновые перчатки, и без промедления вперёд, из зоны! Курить будем позже. И помни: двигайся осторожно, держись прямо за мной. Если я в грязи, через доли секунды ты тоже, и так далее. Абсолютная концентрация на зону, для всего остального у нас будет уйма времени потом. Всё ясно?

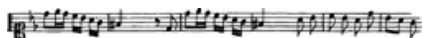
Всё ясно.

Тогда вперёд. ... Да, чуть не забыл: ты, кстати, прочитал тот текст — прямо у входа?

Прочитал: *Изливайся с наслаждением, насыщайся грудями.* там было написано.

Отлично. А теперь вперёд. Помни: осторожность и максимальная концентрация!

Я весь внимание.



Оперативный отчёт

Отчёт о встрече

=====

Дата: [REDACTED]

Кодовое имя: Актёр

Место встречи: Объект П

Сотрудник: Прильвиц

Подготовка к встрече:

=====

- Первый контакт с Агентом
- Первое посещение Агентом оперативной зоны П
- Запланированная встреча
- Посещение зоны уведомить за 24 часа
- Зарезервировать гостевой дом, весь день
- «Гостевой» «Вартбург» с водителем в Берлин
- Место встречи 10:00, станция S-Bahn Берлин-Бух, перед залом вокзала
- Пароль: «Кофейная прогулка»
- Обратная поездка: вечер, время не определено!
- Напомнить начальнику о встрече за день
- Стандартное снаряжение для зоны, 2 комплекта
- Столовая: 2 порции пайка для зоны
- 1 пачка кофе Моксафикс Голд, молотый²⁸
- После операции: уголь, 1 упаковка сосисок, горчица, кетчуп, 2 порции мяса для гриля, 6 бутылок берлинского пива, 1 маленькая бутылка Goldbrand, булочки см. ниже
- 08:00: забрать торт и булочки из пекарни
- Обязательство о неразглашении, подготовлено для подписи
- ОдХ²⁹: контроль после операции
- Предварительно ли Агент проинструктирован?

28 Моксафикс Голд: По-настоящему отвратительный молотый кофе из ГДР; однако лучший кофе был доступен только за иностранную валюту, которой у обычного гражданина ГДР не было, но у привилегированных граждан ГДР с родственниками на Западе она определённо была. Некоторой справедливой компенсацией было то, что сотрудникам Штази не разрешалось иметь родственников на Западе. Другими словами, все сотрудники Штази были вынуждены пить этот кофе.

29 ОдХ: офицер дома. Дежурный по подразделению.

Оценка встречи:

=====

Первая встреча с Агентом³⁰. Агент был проинструктирован лишь в общих чертах. В зоне вёл себя дисциплинированно, без страха и без излишней самоуверенности. Контроль после операции: заражение не выявлено, все правила защиты, очевидно, соблюдены. Агент самостоятельно и тщательно очистился в душе-шлюзе (имеется опыт ННА). Конспиративная проверка оперативной одежды: артефакты из зоны не изъяты.

Агент открыто проявил энтузиазм по поводу оперативной зоны П, был очень впечатлён, принял объяснение о физическо-психологически необъяснимом естественнонаучном феномене. Склонности к мистификации не замечено.

Агент не рассказывал самостоятельно о личных наблюдениях. Только на прямой вопрос указал, что испытывал сильное сексуальное возбуждение. Хотя он, согласно инструкциям, должен был избегать контактов с людьми, это оказалось невозможным, поскольку ему сразу встретились две женские персоны (личность установить не удалось), которые были обнажены в области груди и увели его в дом, который, по описанию Агента, был встроен в высокую скалу и оказался своего рода ночным баром. Вопросов ему, однако, не задавали. Его угостили и затем принудили к половому акту, который он совершил дважды с каждой из двух разных женщин. По собственной инициативе Агент добавил, что одна из двух женских персон предложила ему принять молочный секрет непосредственно из её специфических вторичных фронтальных половых органов, что Агент и сделал, поскольку это лично его привлекло. Особенно его поразила экзотическая одежда присутствующих лиц, состоявших из двух упомянутых женщин, одного мужчины за стойкой и четырёх музыкантов. Музыканты играли на неизвестных ему инструментах в музыкальном стиле, который Агент не смог классифицировать. Но музыка, по его словам, была композиционно и исполнительски чрезвычайно высокого качества.

Агент, по его словам, провёл ночь в упомянутом доме.

На следующее утро Агент, по его словам, завтракал в постели с обеими женскими персонами. Агент указал, что затем его успешно принудили к дальнейшим интимным действиям, которые на этот раз происходили с обеими женщинами одновременно. Позже Агент отправился в обратный путь в назначенное время (время прибытия согласно плану).

Согласно инструкциям, Агент прочитал приветственный текст в оперативной зоне П и после возвращения правильно его воспроизвёл: «Изливайся с наслаждением – насыщайся грудями». Агент был очень удивлён тем, что за пределами оперативной зоны

30 Агент: Однако внутри Штази использовалось слово «Inoffizieller Mitarbeiter» = IM = Неофициальный сотрудник = НС, что в русском переводе было бы слишком запутанным.

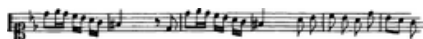
прошло значительно меньше времени, чем ожидалось.
После операции деконтаминация и дружеское застолье прошли без примечательных событий.

Доклад начальнику подразделения в тот же день.
Наблюдение по плану.

Новый приказ и линия поведения:

=====

- Больше концентрации на основном задании.
- Инструктаж о строгом соблюдении секретности перед всеми. Агент при потребности в разговоре должен звонить сотруднику. Передан номер телефона ОдХ, пароль «Актёр».
- Сопровождение Агента: следующая встреча в автомобиле, возможно, совместное посещение ресторана, будет согласовано по телефону, примерно через 2 недели.
- Следующий выезд в оперативную зону П ожидается через 4 недели в зависимости от состояния Агента.



Капитан Прильвиц докладывает начальнику подразделения

Капитан Прильвиц постучал в дверь руководителя подразделения «Объект П». Войди!

Капитан Прильвиц открыл дверь. Разрешите войти?
Заходи, садись. Как всё прошло?

Капитан Прильвиц сел за стол. Собственно, два стола, светло-зелёный спрелакарт³¹, расположенные в форме буквы Т: руководитель за поперечным столом, а до пяти подчинённых за продольным. Документы капитан Прильвиц не принёс. Всё, что нужно было сказать, он держал в голове. Перед ним лежала только его секретная рабочая тетрадь, чтобы при необходимости делать заметки. Капитан Прильвиц доложил, что в целом доволен Агентом, его поведение соответствовало ожиданиям.

На лице начальника подразделения промелькнула понимающая ухмылка. Капитан Прильвиц не ухмылялся. Боже мой, этот парень даже не может немного расслабиться, подумал начальник подразделения про себя, с таким за спиной нельзя позволить себе вообще ничего. Но он этого не сказал.

А он... прошёл тест на память? — спросил он как бы невзначай.

Да. Агент сообщил, что прочитал текст *«Изливайся с наслаждением — насыщайся грудями»* на скальной стене у перехода.

Начальник капитана Прильвица побледнел.

Капитан Прильвиц этого, однако, не заметил.

Было ещё что-нибудь? — спросил он после короткой паузы.

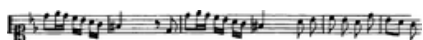
Нет, стандартный инструктаж, следующая встреча будет согласована по телефону примерно через 14 дней, только для сопровождения, встреча в автомобиле, до этого скрытая проверка на честность и соблюдение секретности, как запланировано, через неофициальные силы.

Хорошо. На этом этапе не халтурить. В остальном всё.

Капитан Прильвиц поднялся. Разрешите...?

Да-да, можешь идти.

Когда капитан Прильвиц покинул комнату, начальник подразделения взял телефон. Мою машину через десять минут, пожалуйста. Что я? Нет, вечер можешь отменить, мы едем в Берлин, это может занять время.



31 Спрелакарт: на Западе называется резопал, прочный слоистый пластик на основе смолы.

Начальник подразделения докладывает министру

Товарищ министр?

Заходи, товарищ.

Разрешите доложить?

Садись и начинай.

В общем, если кратко: произошёл наихудший предполагаемый случай. У нас в оперативной зоне П...

Говори открыто здесь.

В общем, в Перидэис, совсем близко к входу, мы велели написать на стене фразу. Безобидный двестишес, чуть больше 40 символов, потому что короткие тексты в принципе сложнее расшифровать. Мы выбрали фразу, которая в Перидэис довольно известна и поэтому не вызывает подозрений, но которую Агент, которого мы отправили для проверки, знать не мог. Эта фраза была зашифрована обычным способом, с помощью хорошей машины, какие используются на правительственном и межгосударственном уровне. Не игрушка. На скальной стене, таким образом, был бессмысленный набор букв и цифр. Но Агент сообщил нам *расшифрованный* текст!

Как такое возможно?!

Мы не знаем. Но мы уже некоторое время знаем, что люди в Перидэис не умеют читать и писать, что несколько ограничивает значимость этого эксперимента — но все без исключения понимают друг друга, причём на *всех* языках, которые мы у них тестировали. Даже животных понимают, хотя у них крайне ограниченный словарный запас и вообще нет синтаксиса, как у нас. Но их понимают. И я предполагаю, что в этом и есть связь, почему зашифрованный текст просто понимают, как будто он вовсе не зашифрован. Поскольку я не верю в колдовство, там должна быть высокая технология, которая, видимо, с лёгкостью взламывает код. Каким бы образом это ни происходило.

Другими словами, американцы могли бы взять одну из наших зашифрованных сообщений туда и просто прочитать?

Да, товарищ министр. То есть не совсем. Туда ведь ничего нельзя взять. Вообще ничего. Им пришлось бы запомнить код, а это не так просто с бессмысленными последовательностями букв и цифр. Без больших усилий человек запоминает примерно семь символов, и даже это при сильном отвлечении не совсем надёжно. Товарищ министр, не забывайте, что вход в Перидэис каждый раз сопровождается сильным сексуальным разрядом. Это занимает ресурсы.

Ладно, тогда я отправлю сто человек, и вот у меня уже расшифрован текст из пятисот символов, в чём проблема?

Но и им потом придётся сделать паузу — подумайте, в каком состоянии был наш сотрудник, когда он этот короткий текст, по частям, с физиологическим

разрядом при каждом входе в Перидэис, наконец-то написал. Он был полностью небоеспособен. Как вы это себе представляете с американцами, с практической точки зрения? Они к тому же очень чопорные!

Используйте это, усиливайте это! Но главное, здесь речь идёт о принципиальном вопросе. Секретная информация *ни в коем случае* не должна стать известной! Нет ли вообще никакого способа защититься?!

Есть. Шифровальный метод, при котором каждый отдельный символ шифруется новым ключевым символом, используемым только один раз. Бесконечно длинные ключевые последовательности с хорошим...

Да-да-да, избавь меня от технических деталей. Значит, есть теоретически безопасный метод шифрования?

Да. Я консультировался с Центральным шифровальным органом по вашему приказу. Математики говорят, что при таком методе остаётся только шум, из которого даже с будущими мыслимыми методами ничего нельзя вычислить. Даже с будущей мыслимой вычислительной техникой.

Абсолютно?

Абсолютно! Так мне сказали.

Как это работает? Теперь можешь подробнее.

Ну, запишем кириллический алфавит. Под алфавитом напишем позицию, которую каждый символ занимает в алфавите. И нам, конечно, нужен ключ, скажем, это будет «В». Вот так:

Алфавит: – а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
Позиция: 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33
Ключ: в

Предположим, вы хотите зашифровать слово «город» (город). Наш ключ, в данном примере «В», — это третья буква в алфавите. Это значит, что каждая буква нашего текста должна быть сдвинута в таблице на 3 позиции вправо. На самом деле довольно простая вещь.

Вы находите в алфавите букву «Г». Значение этой буквы — 4. Прибавляем значение ключа: $4 + 3 = 7$. Символ, соответствующий 7, мы можем посмотреть в таблице, это буква «Ё». Для первого «О» — 16, значит $16 + 3 = 19$, это буква «Т». Для «Р» — 17, значит $17 + 3 = 20$, это буква «У». Для второго «О» — 16, значит $16 + 3 = 19$, снова буква «Т» (показывает, что одинаковые буквы в исходном тексте, такие как «О», при одном и том же ключе превращаются в одну и ту же букву). Для «Д» — 5, значит $5 + 3 = 8$, это буква «Ж». Итог: «ЁТУТЖ» как зашифрованный текст. Понятно ли до сих пор?

Пока да, но как шифруется буква «Я»? Если сдвинуть на 3 позиции вправо, я ведь выхожу за конец таблицы?

Продолжайте считать дальше, возвращаясь к началу: три позиции после «Я» — это «В».

Хорошо, понял. А расшифровка?

Все символы «ЁТУТЖ» снова минус 3. Готово.

И это безопасно?

Нет. Так у нас было бы только 34 комбинации. Это можно просто перебрать или статистически анализировать частоту букв и так далее. Интересно становится, только если ключ длиннее одного символа. Если бы ключ состоял из 5 символов, это уже означало бы 34 в пятой степени, то есть 45435424 возможности.

Чёрт возьми! Как это делают на практике?

Предположим, ключ — это «ВАТЫЛ»...

Алфавит: – а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
Позиция: 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33

Ключ: ВАТЫЛ

... тогда первый символ шифруемого текста шифруется с помощью «В», второй — с «А», третий — с «Т», четвёртый — с «Ы», пятый — с «Л», шестой снова с «В», седьмой с «А» и так далее. То есть всё время сначала. Чтобы ещё больше повысить безопасность, можно добавить дополнительные ухищрения, которые договариваются для всех шифровальных машин на определённое время. Например, очень специфический порядок ключей. Например, не порядок ключей 1-2-3-4-5-1-2-3-4-5-1-2-3-4-5 и так далее, а 1-2-3-4-5-4-3-2-1-2-3-4-5-4-3-2-1 или даже совсем случайный. Это не только значительно увеличивает количество комбинаций, но и добавляет дополнительный аспект безопасности: если кто-то завладеет ключами, этого всё равно будет недостаточно для расшифровки текста.

И мы должны теперь использовать этот метод с бесконечно длинным ключом? То есть, если я правильно понимаю, не просто 5 ключей, которые повторяются, а каждый символ шифруется новым ключом. Это не слишком сложно?

Можно использовать перфоленты; на них помещается до 400 ключей на метр бумаги. Их нужно вовремя в достаточном количестве доставлять курьером, тогда затраты остаются в разумных пределах. Или даже использовать современные цифровые носители. ЭВМ-техника. Но переход будет сложным, потому что все шифровальные устройства придётся заменить, а персонал переобучить. Если заменить только внутренности устройств, а управление оставить в принципе тем же, это частично возможно и имеет преимущество, что полная смена метода шифрования не будет сразу деконспирирована. Некоторые устройства, однако, придётся заменить безоговорочно.

В любом случае текущее положение дел неприемлемо. Считаешь ли ты затраты оправданными в свете обнаруженной уязвимости нынешних методов?

Да, товарищ министр. На данный момент я не считаю ни один другой метод безопасным, потому что мы не можем опираться на известные величины.

Тогда так тому и быть. — Я проконсультируюсь с Центральным шифровальным органом. Пока спасибо. Ваше открытие имеет неоценимую ценность! Я придумую что-нибудь для вашего подразделения, чтобы это отметить. Можешь возвращаться в своё подразделение, тема для тебя закрыта. И помни: никому ни

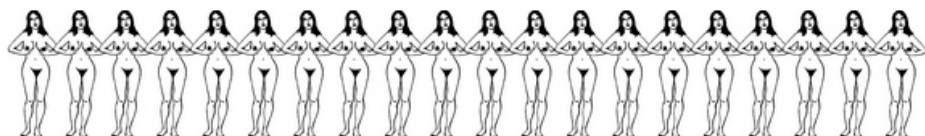
слова!

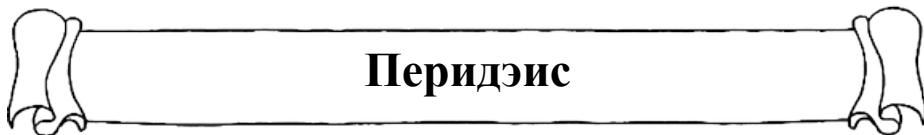
Само собой, товарищ министр!

Разрешите откланяться?

Вперёд через середину!

Когда начальник подразделения Объекта П покинул кабинет министра государственной безопасности, министр сначала посмотрел на часы и затем взял телефон. Алло? Попробуйте ещё застать руководителя Центрального шифровального органа и вызовите его ко мне завтра утром в 08:00. Если его не удастся застать, найдите его дома. И отмените все остальные встречи на завтра. Как? Нет... эту встречу, конечно, не отменять, а перенести. На ближайшее возможное время. ИИ ещё: до дальнейшего уведомления в зашифрованных телеграммных сообщениях допускаются только сообщения до уровня «Конфиденциальная секретная информация». Это распоряжение как секретную информацию доставить курьером во все подразделения. Выполнить немедленно, отчёт о выполнении до 24:00 дежурному офицеру дома. Запишите приказ с номером в журнал. Спасибо.





Перидэис

Мерцание

Так они шли, Алиша и Тим, день за днём по дороге из лазурного кирпича. То деревья стояли близко друг к другу, то открывали вид на высокие скалы по обе стороны пути, и Алиша раз за разом восхищалась красотой Перидэис. Иногда дорогу окаймляли яркие луга, иногда её пересекали ручьи, а порой дорога шла прямо вдоль ручья. Ночи они проводили, лёжа прямо на земле, укрытые лишь тонкой тканью, ведь ночи в Перидэис никогда не были холодными. И по ночам Алиша не испытывала страха, вероятно, потому, что луна давала ровно столько света, сколько нужно, если вдруг требовалось проверить, всё ли в порядке. Но, возможно, дело было и в свободном, радостном настроении, которое полностью овладело Алишой.

И вот, после нескольких дней пути, однажды утром Алиша сидела на берегу небольшого ручья, ела свой завтрак и наблюдала, как Тим, совершенно голый, моется в ручье. Он не был особенно мускулистым, то есть его мышцы указывали на силу, но не напоказ. Его ягодичы и бёдра были упругими, без грамма жира; это было хорошо видно, когда он наклонялся. На животе у него был небольшой жирок благополучия, но он там смотрелся уместно. Такой мужчина точно найдёт себе женщину, тем более с таким умом и таким умением и опытом. Как такой, как он, выдерживал celibат? Из уважения к нему Алиша перестала излишне вызывающе удовлетворять себя и использовала для этого моменты, когда её никто не видел. Это было уже подло, когда Перидэис гнал соки в чресла, а использовать их по назначению было нельзя. Её немного утешало то, что Тим брал у неё молоко, что было ей одинаково приятно, независимо от того, заставлял ли он свои пальцы творить чудеса или использовал губы. Последнее они, хоть и очень интимно, разрешили себе по практическим соображениям, конечно, в рамках приличия, но каждый раз, когда тёплые губы Тима смыкались вокруг её ореолов и сосков, это вызывало у Алиши волну наслаждения. И ещё волны позже. Признаться.

Правая рука Алиши медленно двинулась к её пульсирующему лону. Момент был подходящим, потому что берег ручья позволял удобно сидеть с ногами вниз. Она слегка отодвинула передний разрез юбки. К сожалению, сзади не было дерева, чтобы опереться, но это не беда. Она расставила ноги немного шире. Левая рука скользнула под платье и открыла створки, которые закрывали её врата, когда она не желала гостей. Средний палец правой руки тем временем добрался до скрытого язычка колокольчика и начал быстро, вибрируя, приводить его в движение. Взгляд Алиши стал неподвижным и был устремлён

на Тима, в надежде через несколько мгновений достичь спасительного пульса. Но: о нет! — Тим обернулся, Алиша была в шаге от освобождения, но Тим, видимо, сразу понял, что её терзает, и остановился в нерешительности. Возможно, он надеялся, что Алиша сделает последние крошечные движения пальцем, но она этого не сделала. Однако он не заметил, что его пенис поднялся в полный рост. И вот, стоя голым, полностью повернувшись к ней, с твёрдым жезлом наслаждения, Алишу захлестнуло. Медленно, полуотсутствующе, она встала, прыгнула к нему вниз к ручью, прижала Тима своим телом к склону, одним движением насадила свою женственность на его мужественность и скакала на нём, пока через несколько мгновений не кончила.

Ещё пока последние судороги проходили через её лоно и горячие волны всё ещё пробегали по телу, она с ужасом осознала, что Тим тоже впал в безумие наслаждения и теперь дёргался под ней.

Что она наделала! Излил ли он своё семя? Прямо сейчас? В этот момент? Отрицать было невозможно, она чувствовала поток глубоко в своём влагалище.

Алиша упала на Тима, заплакала и прошептала: Я этого не хотела, я этого не хотела, пожалуйста, прости меня...

При этом её лоно всё ещё охватывало то, что наполняло её изнутри, и крепко прижималось к его телу, чтобы так и осталось.

Прошло мгновение, затем рука Тима нежно обняла затылок Алиши и погладила её волосы на шее. Ничего страшного, сказал он, я же не сам это сделал. Я думаю, это скорее считается служением тебе, а не моим собственным удовлетворением.

Но твоя сперма? — спросила Алиша. Твоя эссенция! Ты же не должен её терять?

Я, возможно, излил половину того, что было, сказал Тим. Но зато теперь я примерно знаю, как мужчины здесь, в Перидэис, предотвращают излияние.

Как? — спросила Алиша. Твоя сперма не вытекает, и у тебя всё равно оргазм? У тебя же он был, да?

Да, — ответил Тим, — даже очень приятный.

Алиша покраснела.

Да, — продолжил Тим, — но через мгновение я смог перекрыть путь сперме. Наполовину. Почти. В любом случае, что-то от неё во мне осталось. И это всё равно осталось приятным. Немного иначе приятным.

Тут Алиша вспомнила: Верно, ты мне об этом рассказывал. И если ты подавляешь вытекание, это так же ощущается?

Не знаю. Полностью ведь не получилось. Ощущается иначе, интенсивнее и намного дольше, и пульсировало гораздо чаще и дольше. Но желание излиться, несмотря на более сильное чувство наслаждения, осталось, и поэтому в конце моя сперма всё же вытекла в тебя. Только в самом конце. И ещё что-то странное: я всё ещё желаю. Наверное, я даже мог бы довольно скоро снова.

Это, должно быть, заинтересует многих женщин, — сказала Алиша. И всё же это как-то обман.

Для женщин?

Да.

Почему, собственно? — спросил Тим. — Я никогда этого не понимал. Женщины здесь, в Перидэис, требуют, чтобы мужчины действительно изливались в их лоно, и воспринимают как оскорбление, если он сдерживает сперму. При этом нет ни одной физической причины; женщинам сперма вообще не нужна. Ни для чего! И если неудовлетворённые женщины со временем становятся невыносимыми, то это из-за отсутствия удовлетворения, а не из-за спермы.

Интересный вопрос, — сказала Алиша, — но ведь у этого есть и *значение*, когда мужчина изливается в женщину. И это не безразлично. Женщинам точно нет. Есть разница, отдаётся ли мужчина женщине полностью или не отдаёт ей всего. Это как секс, не раздеваясь, или как совместная жизнь без брака.

Хм.

Но есть ещё кое-что, — задумалась Алиша, — если мужчина здесь, в Перидэис, изливает свою сперму, он же теряет, так сказать, жизненную энергию?

Да. По крайней мере, значительно больше, чем если он остаётся без излияния.

А через молоко женщины он получает новую жизненную энергию?

Да, точно.

Тогда всё ясно, — решила Алиша, — изливаясь в женщину, он не только подчёркивает её значимость, она ещё и привязывает его к себе. Своего рода симбиоз: ты получаешь через меня надёжное наслаждение и жизненную энергию, а я забочусь о том, чтобы ты не мог от меня уйти, а остался и заботился обо мне, чтобы ты получал надёжное наслаждение и жизненную энергию. Замкнутый круг. Если же он сдерживает свою эссенцию, его привязка намного слабее. Если бы он сбежал, он ушёл бы гораздо дальше. — Даже если это фактически не играет роли, остаётся символическая, так сказать, смысловая сторона.

Интересная мысль, — ответил Тим, — тем более что секс и в этом мире служит привязке партнёров.

Пойдём, позавтракаем и потом продолжим идти, — сменила тему Алиша, потому что для неё было бы настоящим исполнением (в буквальном смысле!), если бы Тим безудержно излился в её лоно. Наконец она приподняла лоно, освобождая его пенис из своего влагалища.

Так они спокойно позавтракали, Алиша щедро дала ему жизненной энергии из своих груди, как он того заслуживал (она решила не быть неблагодарной), и затем Алиша подумала, что они сразу продолжают путь.

Нет, — сказал Тим, — нам ещё нужно кое-что сделать. Пойдём, идём к скалам на краю долины!

Он велел Алише оставить все вещи на обочине, и они оба свернули с пути к высоким скалам, окаймлявшим долину слева и справа. Им не пришлось идти далеко, потому что здесь долина была, возможно, всего сто метров в ширину, и,

учитывая головокружительно высокие скалы, они фактически находились в глубоком ущелье. Только потому, что солнце всегда стояло прямо над их головами, ущелье не казалось узким и всегда было ярко и дружелюбно освещено.

Скалы были покрыты цветущими выющимися растениями, Алиша даже обнаружила виноград (превосходный!), и скалы то и дело были пронизаны пещерами и проходами, словно швейцарский сыр. В одну из больших пещер вошёл Тим, и Алиша следовала за ним по пятам. Тим достал из рюкзака одну из тех странных факелов, которые были в Перидэис и сами загорались. Тим вытащил пробку сверху факела, и вот, он вспыхнул и дал им свет.

В Перидэис невероятное количество пещер, — прокомментировал Тим, когда они прошли, возможно, сто метров вглубь одного из проходов, — и здесь, в пещерах и туннелях, есть сказочные вещи и странные животные.

Алише стало жутко.

Тим засмеялся. Не бойся, мы не пойдём глубже, мы здесь по другой причине.

Тим подошёл к нише в стене пещеры, где что-то странно блестело, выбрал на полу лежащий камень и ударил им по стене в месте, где было видно блеск. Он сделал это несколько раз, с силой. Дважды даже были видны искры. Таким образом он отколол кусочек, размером с гальку, от стены. Он показал его Алише.

Алиша рассмотрела отколотый кусок, но не нашла в нём ничего особенного. Это был кристалл, выглядел красиво, конечно, матово поблёскивал золотом, но, похоже, это не золото, а просто какой-то минерал.

Что это? — спросила она.

Одна из величайших тайн Перидэис! — ответил Тим. Эти золотисто блестящие кристаллы часто встречаются в Перидэис. Это колчедан. Раньше его использовали как кремь. Колчедан всегда считали магическим камнем, и алхимики Средневековья видели в нём «философский камень», основу для создания золота. Другие считают, что это энергетический камень, усиливающий силу других магических камней. — Здесь, в Перидэис, этот минерал действительно магический. Жители Перидэис никогда не касаются колчедана, по крайней мере, не добровольно. У него, среди прочего, есть своего рода память о месте. Я ведь тебе рассказывал, что Перидэис мгновенно переносит тебя обратно к месту перехода, если с тобой происходит что-то невыносимое.

Этакая экстренная спасательная операция?

Да, именно она. В таком случае ты всегда оказываешься там, где вошёл в Перидэис. То есть в месте перехода. В зависимости от того, через какой переход ты вошёл, их ведь множество. С этими кристаллами можно сделать что-то похожее. Возьми такой кристалл с собой в другое место. Там возьми его в руку и очень интенсивно представь место, откуда ты его взял — и бац! запах серы, зелёная вспышка! — ты уже там. Давай, попробуем сейчас!

Тим воткнул горящий факел в покрытый гравием пол, и оба вернулись к выходу из пещеры. Глубоко в проходе всё ещё был виден мерцающий свет факела.

Так, — сказал Тим, когда они снова оказались в долине, и вложил золотисто блестящий кристалл в руку Алиши. Для своего размера он имел заметный вес и поэтому ощущался в руке не безынтересно.

Алиша прислонилась к ближнему дереву и ещё раз посмотрела в проход, где в темноте был виден мерцающий свет факела. Затем она закрыла глаза и сосредоточила свои мысли на месте, где Тим отколол кристалл.

Зелёная вспышка! Громовой удар! Запах серы! — Огромная сила подхватила Алишу... и всё произошло. Алиша стояла прямо перед скалой внутри пещеры, горящий факел немного в стороне от неё. Когда она вскрикнула, всё уже было кончено. От входа раздался смех. Не злобный — Тим, похоже, радовался, как озорной мальчишка, что смог показать ей нечто потрясающее.

Но что-то было не так. Алиша посмотрела на себя.

Она была совершенно голой! И золотого кристалла в руке у неё тоже не было.

Вот это да. Но тут уже подбежал весёлый Тим с её платьем в левой руке. Добравшись до Алиши, он показал кристалл в правой руке. Если тебе нужно быстро раздеться, это один из способов, рассмеялся он. При таком способе транспортировки берут только тебя саму; а поскольку одежда — это не ты сама, она остаётся. Точно так же, как и кристалл колчедана. Это то же самое, что при экстренном бегстве. И ты уже испытала, что при входе в Перидэис происходит то же самое. Только ты сама в своём собственном теле транспортируешься, ничего больше, ни макияж, ни картонный нос.

Потрясающе! — прокомментировала Алиша. И когда она хотела снова надеть платье: Эм, кстати, платье порвано. Чёрт. Где я его порвала?! Это только что было?

Надеюсь, это не я, — сказал Тим, — платье висело на дереве, к которому ты прислонилась. Может, я слишком неосторожно его сорвал. Честно, мне очень жаль!

Жалко, — опечалилась Алиша, поворачивая платье туда-сюда. Но, может, это я сама, в тот момент, когда меня унесло.

Алиша поворачивала платье туда-сюда. Ничего не поделаешь, и иголки с ниткой у них тоже не было. Алиша осторожно влезла в платье.

Тим помог ей одеться. Не так уж страшно, — сказал он, — придётся просто достать новое.

Алиша вспомнила, что в Перидэис это не должно быть проблемой — и даже голой она не замёрзнет и не будет выглядеть неловко. Когда она подумала о других красивых платьях, которые видела в таверне, её настроение заметно улучшилось.

Мерцать в другое место, кстати, могут только пери и мы, посетители, — сказал теперь Тим. — Но не обычные жители.

Такое бы мне в реальной жизни, — сказала она Тиму.

Порванные платья?

Алиша рассмеялась, — нет, такая магия, как этот ведьмин прыжок.

А разве это не реальная жизнь? — Он ухмыльнулся. Откуда мы знаем, что мы

знаем? Что даёт тебе уверенность, что что-то реально?

Алиша задумалась. Сложный вопрос. Самый обычный сон иногда мог казаться реальным, не замечая этого. А с другой стороны, она уже сидела ночью в полусне на унитазе и не знала, можно ли отпустить, из страха в следующий момент проснуться в мокрой постели.

Тим наблюдал за её мимикой. Я знаю, — тихо сказал он, — мы могли бы быть здесь в своего рода виртуальной реальности, но кто даст нам уверенность, что снаружи мы не просто какая-то сложная компьютерная программа или ещё что-то...

Алиша задумалась.

Перидэис реален, — наконец сказала Алиша и посмотрела Тиму в глаза. Я переживаю сказку, я могу чувствовать сказку, я могу трогать сказку, значит, сказка реальна. Всё остальное неважно. Не имеет значения. Единственный смысл жизни — это сама жизнь. Другого нет. И это реальная жизнь, и у меня она одна. Мёртвая материя меня не интересует, когда речь идёт о том, что действительно меня трогает.

Тим был искренне ошеломлён. То есть ты действительно не веришь, что Перидэис может быть виртуальным миром или чем-то подобным? Может, созданным инопланетной цивилизацией? Или второй расой, которая когда-то жила с нами на Земле? Или что вообще всё — лишь иллюзия? Ну, все эти научно более-менее мыслимые вещи?

Зачем? Если я не могу это решить, какой смысл тогда сомневаться? Это только портит мне жизнь. Как недоверие может разрушить лучшие отношения. А Перидэис прекрасен, и я не хочу, чтобы Перидэис мне портили!

У Алиши искренне были слёзы на глазах.

Извини, — пробормотал Тим, — в твоём взгляде что-то есть. Можешь ли ты принять, что моё мировоззрение... сложнее, если я просто приму твоё?

Могу, — твёрдо сказала Алиша. Но мне трудно принимать такую чушь, как виртуальные реальности, перед лицом таких осязаемых реальностей...

Это не чушь!

Если я сейчас помочусь тебе на голову, ты будешь мокрый. Очень реально мокрый! Это женская нелогичность?

Тим рассмеялся. Ладно, ладно, я уже молчу.

И? — спросила Алиша.

Что и?

Что теперь делаем?

А, — ответил Тим, — я ещё не совсем закончил. Кристалл не продвигает нас вперёд, но может сильно пригодиться, если что-то случится. Мы возьмём отсюда два кристалла, один для тебя, другой для меня. Если мы время от времени будем выбрасывать старые кристаллы и брать новые, у нас всегда будет место в разумной досягаемости, куда мы можем сбежать или где можем встретиться, если потеряемся. Неважно, идёшь ли ты туда пешком или через мерцание. Хотя, строго говоря, мне кристалл вообще не нужен.

Строго говоря? — Не играй теперь в героя, — сказала Алиша, — почему не нужен?

Такой кристалл нужен скорее только новичкам. Он помогает, но не обязателен. Мы позже потренируемся, как это делать без него. Хорошо запомни, что местные жители этого не умеют, и поскольку для них мы ведьмы, они называют это не «мерцанием» или как-то так, а «ведьмин прыжок». Не дай им увидеть тебя за этим, они боятся того, чего не понимают.

Да. И?

Что и?

Как это работает без кристалла?

В принципе, почти так же. Ты должен очень точно знать место назначения, закрыть глаза и как можно более живо, детально и пластично представить его. И очень сильно пожелать оказаться там немедленно. Бах-бум, и ты там. Но такую точную визуализацию действительно нужно практиковать, и в места, где ты никогда не был, ты, конечно, не попадёшь. А если кто-то подло что-то изменил в месте назначения, это вообще не сработает. В лучшем случае ты окажешься где-то поблизости.

Ой, а что-то может случиться?

Нет. Это как с мячом, который бросаешь в горах — даже если желаемое место было склоном, его путешествие всё равно длится, пока он не окажется на устойчивом месте. Ты не приземлишься в огне, в середине стены или на верхушке дерева, а всегда на твёрдой безопасной земле. Поэтому мне, в отличие от тебя, такой камушек не обязателен.

Но я хочу просто.

Я же и делаю. Только из вежливости.

Алиша рассмеялась: Спасибо, с ним я действительно чувствую себя лучше.

Тим отколол ещё один кристалл от скальной стены.

Алиша подошла ближе, чтобы посмотреть.

Осторожно, — сказал Тим, — когда я бью по камню, иногда летят осколки.

Алиша встала за Тимом, чтобы заглянуть через его плечо.

Скажи, — сказала Алиша, — нельзя ли отколоть кристалл покрасивее? Мой ведь просто уродливый комок по сравнению с этими красивыми большими кристаллами, которые ещё в стене.

Он работает ничуть не хуже, — ответил Тим и сделал паузу, — и если он круглый, он меньше царапает в кармане, чем если угловатый.

Но я хочу один из тех, — сказала Алиша, — из кубических кристаллов.

Алиша указала на несколько действительно красиво выросших серебристо-золотисто блестящих кристаллов, почти идеальной кубической формы, каждый с длиной грани около двух сантиметров. Хочу такой, — сказала она.

Но, честно, — ответил Тим, — это же...

Я действительно хочу! Давай возьмём такой.

А кому работать?

Тебе!

Тим смеясь застонал. Ну, правда, — предпринял он последнюю попытку, — тысяча маленьких кристалликов блеснит куда больше, чем один большой!

Пожалуйста!

Тим сдался и подошёл к месту, на которое указала Алиша. Ему понадобилось немало времени, чтобы отколоть один из кубических больших кристаллов так, чтобы он не раскололся.

Вот, пожалуйста! — Тим вручил Алише кристалл, а сам быстро сунул в карман любой маленький, скорее круглый осколок.

Спасибо! — сказала Алиша, — он действительно красивый. И добавила: Следующее молоко будет особенно вкусным, вот увидишь.

Тим давно её простил. Оба вернулись к выходу и снова отправились в путь. Из подземного прохода, дальше через великолепную долину.

Но у Алиши ещё не было глаз на прекрасный пейзаж, проплывающий мимо: Почему ты вообще отколол колчедан от стены, а не просто подобрал с пола? Там же внизу в проходе валялось немало таких кристаллов, с которыми не пришлось бы возиться?

С кристаллами, лежащими на полу, нет абсолютной уверенности, что они действительно принадлежат этому месту, — ответил Тим. Такой мог быть принесён откуда-то ещё — или смыло, сдуло, или что угодно. В этом случае он не сработает, потому что ты будешь представлять не то место.

Это было понятно Алише.

Тебе не нужно держать кристалл в руке, — сказал Тим, глядя на Алишу.

Алиша проворчала. Но Тим был прав. В платье были внутренние скрытые карманы. Должно быть, шил мужчина, подумала Алиша, женщины порой забывали о практической стороне ради эстетики, в украшениях всегда, а в одежде почти всегда. В этом мире у платьев и юбок, по сути, никогда не было карманов, чтобы положить хотя бы платок или тампон, не говоря уже о ключах или кошельке. До слёз обидно. Алиша засунула кристалл в один из карманов. Он оттопыривал платье наружу и немного колот.

Вслух Алиша сказала: Но если у меня будет целая коллекция кристаллов, как я буду держать всё под контролем?

Когда у тебя в руке кучка, ты решаешь, какое из подходящих мест представлять. Иначе помогает только порядок, иначе тебе не повезёт. И не замусоривай себя кристаллами.

Что это ещё значит?

Ну послушай, женщины ведь хотят всегда все гарантии сразу, но если ты каждые десять метров будешь откалывать кристалл от скалы, во-первых, мы не продвинемся, а во-вторых, ты скоро запутаешься. Не говоря уже о том, что ты вообще не сможешь запомнить все связанные с ними места. Нет. Лучше просто выбрасывать кристаллы старых этапов. Так мы оба не окажемся случайно в двух разных местах, и это даёт большую безопасность, чем если у тебя куча возможностей одновременно.

Ах, какие логически мыслящие мужчины иногда практичны! — съязвила Алиша и театрально захлопала глазами. Теперь Тим показал ей язык.

Алиша рассмеялась.

Эм, — Алиша почесала бедро и остановилась. Кстати, раз уж случай...

Ты всё-таки хочешь поменьше кристалл, без острых углов?

Алиша снова рассмеялась. Да.

Так и думал.

Тим порылся в кармане. И когда его рука появилась снова, вот: два кусочка размером с сантиметр, округлой формы, на которых в солнечном свете сверкали тысячи мелких кристалликов.

Ты с самого начала об этом подумал?

Не велика хитрость. Ты просто поддалась, потому что это был первый раз.

Тим дал Алише один из двух кусочков. Убрав свой кристалл (он не колол и не мешал), она долго вертела в руках красивый кубик. Всё равно жалко, — сказала она, — он красивый.

Ты ещё увидишь много красивее, — утешил её Тим, — и блеск множества мелких кристаллов тоже не стоит недооценивать.

Верно.

Ах, ещё кое-что, — сказал Тим. У круглых кусочков есть ещё одно преимущество. Если ты попадёшь в чьи-то руки.

Кого?

Неважно кого. Если такое случится, ты можешь спрятать кристалл в телесном отверстии, если тебя разденут. Лучше используй попу, хоть это и звучит странно.

Алиша вопросительно посмотрела на Тима.

Тим добавил: Рот хорош на короткие моменты, но он редко остаётся закрытым надолго. Подмышка тоже хороша, но надо быть осторожным, если двигаешься или не можешь свободно выбирать, как двигаться. А для влагилица то же, что для рта.

???

Не забывай, где ты. Ты возбуждаешь мужчин так же, как мужчины будут сводить тебя с ума.

Алиша покраснела.

И, кстати, ты была права.

Как? Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду, что ты права насчёт того, что мне тоже стоит взять кристалл. Знаешь, ведьмин прыжок без кристалла требует немалой концентрации, а ни концентрация, ни память у человека не особенно надёжны. Иногда это вообще не срабатывает или не сразу, и ещё чаще оказываешься не точно в нужном месте, а где-то рядом. Особенно при волнении и сильном отвлечении. У создателя Перидэис, должно быть, было иначе, по крайней мере, пери, похоже, умеют это гораздо лучше.

Могут ли они путешествовать в места, которых не знают?

Нет, насколько я знаю. Но если за мной гонится сатир, чтобы... э... сзади, у меня никогда не хватило бы нужной концентрации.

Алиша хихикнула. Уже было?!

Нет, — проворчал Тим. Но я слышал о пери, у которой люди только что сожгли её замок. Всё было кончено! И она спокойно сказала им: «Мы ещё увидимся». И бах! исчезла, и бах! появилась в деревне этих людей, где остались только женщины, потому что все мужчины были у её замка. Эту пери женщины из деревни выгнали, недалеко, но выгнали. Затем, когда деревня опустела, она уничтожила весь запас молока, который они собирали долгое время. Сушёное молоко и женское масло. Можешь представить, как поблбднели мужчины, когда вернулись. Женщины ушли! Запасы молока ушли! А пери стояла на скале и громко смеялась над ними. Только на следующий день она бах! вернулась к женщинам и позволила им вернуться к мужчинам в деревню. Вот это я хочу уметь!

Но эта пери была ещё справедлива к мужчинам, — сказала Алиша.

Тем не менее запасы молока пропали. Это как если бы у нас сжечь деньги. Или весь урожай. И, может, эта история даёт тебе намёк, почему нам лучше не выдавать себя за ведьм. Потому что для местных мы именно такие.

Мы можем ещё что-то такое делать?

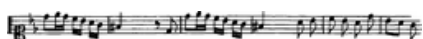
Конечно, кое-что.

Я с достоинством принимаю, что стала ведьмой, даже если местным это не нравится, — ответила Алиша.

Тим рассмеялся. Что ты имеешь в виду?

Девочка с самыми большими сиськами в нашем классе, которой все парни ели из рук, постоянно жаловалась, что не хочет, чтобы её определяли только по сиськам. При этом у неё в голове была только солома, эта коза, и больше ничего предложить не могла. Некоторые вечно ноют, что бы у них ни было. Я же считаю способности, которые я здесь получила, потрясающими. Точка.

Я тоже. Точка.



Городок

Алиша и Тим прошли ещё всего час по дороге из лазурного кирпича, как вдруг после поворота перед ними возник город. Да какой там город, даже слово «городок» было бы преувеличением. Это было крошечное, но очень милое гнёздышко, построенное среди путаницы небольших скал. Ворота преграждали путь, и именно в эти ворота вела дорога из лазурного кирпича. Ярко-красные стены закрывали доступ к городу везде, где между скалами были проходы. Стена была не особенно высокой, возможно, чуть больше двух метров. И построена так неровно, что легко можно было найти место, где её удобно перелезть. На каждом красном участке стены между двумя скалами всегда была

изображена стилизованная женщина, протягивающая зрителю свои груди, а её ноги были изображены в виде большого «О». Над городской стеной выглядывали многочисленные крошечные домики, каждый в своём ярком цвете и каждый в своей причудливой форме. Ничего не было прямым, встречались любые мыслимые формы. Даже такие, что можно было усомниться в их полезности для дома.

Алиша раскрыла рот и остановилась. Боже мой, как красиво! — выдохнула она. Знаешь, этого так не хватает дома. Цветов! Форм! И украшений! Наши города серые, деревни серые, а украшения на домах есть только там, где они ещё не отвалились от старости. Или только прямые линии, совсем гладкие поверхности и прямые углы. Всё игровое в домах дома совершенно отсутствует. Знаешь, друзья моих родителей однажды унаследовали дом в деревне. Двор и подъезд были вымощены полевыми камнями. Очень забавно, им это очень нравилось. Но знаешь, что случилось? Соседи предложили помочь забетонировать подъезд. Чтобы наконец-то выглядело аккуратно, сказали они. Аккуратно!

Алиша передёрнулась.

Затем продолжила. Эти *нормальные* люди! Норма! Аккуратно — это значит, что всё следует порядку, всё должно быть в сущности одинаковым, великое уравнивание. Но если ты встречаешь так называемого аутсайдера, он в сущности просто похож на всех других аутсайдеров. По-другому одинаков. Мещане все они, потому что считают приемлемым только то, что соответствует их собственной норме. Или тому, что они за неё принимают. А вот это (Алиша указала на городок перед ними) действительно *иное*.

Пойдём просто туда, — сказал Тим.

Мне нужно что-то учитывать? — спросила Алиша, теперь немного встревоженная.

Нет, в общем-то ничего, — ответил Тим, — ты просто ты, а другой — это другой; ты путешествуешь по стране и хочешь нанести визит пери, а я показываю тебе путь. Вот и всё. В крайнем случае, тут есть поговорка: *Неважно, как зовут женщину, лишь бы она давала хорошее молоко*. Прямо сказано: предлагай то, что можешь предложить, и люди будут есть у тебя из рук.

Ты имеешь в виду, я должна...

Да. Как там было с девочкой, которая просто покачивает грудями, и парни уже лежат у её ног? — Здесь ты переживаешь логичное продолжение этого. Ни одна женщина не работает, потому что всё получает и так. Предложи свои груди или приподними юбку, и они забудут, чего хотели раньше. Кроме того, мы оказываем на здешних людей странно сильное воздействие. Мы, пришельцы из этого мира. Мы, из внешнего мира.

Каждая женщина из внешнего мира?

Да, каждая. Ещё раз: *каждая*. Мужчины, кстати, тоже.

Почему это делает меня влажной? Но если мне мужчины не нравятся, а мне всё

равно что-то нужно?

Ты сейчас звучишь очень неубедительно, если вспомнить твоё весьма возбуждённое постоянное состояние...

Алиша рассмеялась. Ладно, но теоретически.

Без понятия. Закрыть глаза? Придётся взвесить, не лучше ли подождать. Но применительно к сейчас и этому городку перед нами: если тебе удобнее, я могу отвечать за тебя, если люди будут задавать вопросы.

Да, мне было бы удобнее. Мне немного страшно.

Сделаю. Важно в сущности только одно: никогда не говори, что ты из внешнего мира.

Что они делают с ведьмами?

О, как везде: зависит от обстоятельств. Если у тебя есть власть или они чего-то от тебя хотят, они будут лезть тебе в зад, и ещё как. Но горе тебе, если ты оступишься, тогда тебя будут плевать, разрубать на куски или сжигать.

???

Нееет, не пугайся, ты же ведьма и можешь просто сбежать, помнишь? Ведьмин прыжок. Мерцание. Бегство.

Алиша кивнула. Через мгновение она спросила: А что с бедными женщинами, которых невинно сжигают?

Мужчинами и женщинами, — поправил Тим. Затем продолжил: Так быстро это не происходит, и не забывай, что в Перидэис нет ни смерти, ни невыносимых болей. Мы, пришельцы, сбежали бы, и это было бы главной целью огня. Чтобы мы ушли. Невинный житель, однако, выскочил бы из огня в ярости или сразу потерял сознание. Но с ним ничего не происходит. А потом виновники должны его бояться, потому что он оплатит им. И его друзья. И долг будет взыскан. Это сильно регулирует дело. Доносительство и клевета процветают только там, где доносчику или клеветнику нечего бояться. А здесь боятся. Тем не менее люди здесь не злопамятны. Где сегодня из-за ситуации возникает ссора, завтра уже может быть лучшая дружба. Только перед *нами* они боятся, и тебе пришлось бы предоставить кучу доказательств, что ты для них не опасна. Это может удаться, если ты здесь долго живёшь, но даже в этом случае остаётся неуютное уважение к тебе. Но ещё раз о нас самих, как мы здесь стоим: даже если у тебя нет кристалла и ты ещё не умеешь ведьмин прыжок, в худшем случае тебя вырвет, если станет действительно невыносимо. Это было бы разве что досадно, и вокруг этой местности тебе пришлось бы обходить стороной, пока тебя ещё помнят. Но это уже всё.

Но что значит невыносимо? Почему тебя не вырывает, когда просто неприятно? Честно говоря, что это была бы за жизнь без взлётов и падений? Если ты живёшь только из деликатесного магазина, еда в итоге не значит больше, чем столовая бурда. Просто дорого без пользы. Человек судит не абсолютно, а в сравнении. Если все дети послушные, ребёнок, который просто сказал «Бе!», считается плохим. Если всё неудобство от тебя отведено, ты начинаешь плакать, когда просто цветочек сломался. Но суть в том: в итоге ты не

чувствуешь себя лучше. Я имею в виду, люди ведь ищут приключений, кайфа, яркости, нервного трепета. Нет ничего скучнее мещанской, равномерной тоски.

Серое...

Да, серое.

Ужас.

Ужасно.

Алиша рассмеялась.

Правильная мера, однако, сложный вопрос, — добавил Тим, — потому что каждый раз она может быть разной. Я однажды был вожатым в детском лагере, это было довольно мило, потому что меня ради этого освободили от службы.

Здесь или снаружи?

Снаружи, то есть Штази, дети были от сотрудников. Не язвы, это были совершенно обычные дети, во всех отношениях. Так вот, мы устраивали ночной поход. Лагерь без ночного похода — это вообще не то. Меня назначили призраком в лесу. И руководитель лагеря дал указание быть с совсем маленькими детьми очень осторожными и, в крайнем случае, «разоблачаться» перед детьми, если они слишком боятся. Привет! Это же только мы, а настоящих призраков не бывает. Что-то в этом роде. Мы так и делали, и они были в полном восторге. Но с более старшими, 13–14-летними, нам велели как следует ударить по барабанам, и с девочками тоже не стесняться, иначе они потом будут ворчать, что это было только для слабаков. Мы так и сделали, и они были в полном восторге. Потом.

Ты негодай, я верю каждому твоему слову!

Тим рассмеялся. А мораль сей басни: без гор не бывает долин.

Они подошли к городской стене маленького городка, туда, где виднелись ворота. Это были голубые ворота с нарисованной ярко-красной женщиной, протягивающей зрителю свои груди.

Эй! — крикнул Тим, потому что ворота были крепко закрыты. Хотя слово «ворота» было преувеличением; они были ровно настолько широкими, чтобы два человека могли пройти рядом, и то с трудом.

Как тут должны проезжать повозки? — спросила Алиша.

Какие повозки?

Телеги, кареты и тому подобное.

Такого в Перидэис нет, — ответил Тим. Ты идёшь пешком, или тебя тянет раб в крошечной тележке, или, в лучшем случае, ты едешь на каком-нибудь ленивом звере. Всё остальное могут только ведьмы.

Но...

Тсс. Тим предостерегающе приложил палец к губам. Алиша сразу поняла. Здесь их могли услышать.

А почему не строят повозки? — прошептала Алиша, потому что её любопытство было слишком велико.

Они ломаются, — прошептал Тим в ответ. Здесь нет электричества, и любая

механика быстро ломается. Ты ищешь в лесу подходящие предметы, которые там растут, но и они не держатся долго. Только художественные вещи, которые не так нагружаются, или всё мягкое и гибкое, это держится более-менее. Но ничего твёрдого.

А эти ворота? Они же твёрдые и с механикой. Или петли и засов — это не механика?

Тим хмыкнул. — Такое здесь растёт. Как декоративные тыквы.

Как, пожалуйста?!

Нет, не совсем. Насколько я знаю, есть деревья, у которых в стволе нет годовых колец, а они устроены как улитки. Внешние слои очень мягкие, когда свежие. Люди просто снимают столько, сколько нужно, нарезают и ждут, пока снятая древесина не станет твёрдой, как кость. Из этого строят. Многие мужчины — увлечённые мастера. Даже небольшие дома строят из таких плит. Однако не всё здесь вне всяких сомнений. Эти плиты очень лёгкие, и если бы здесь были бури, целые посёлки, вероятно, просто сдуло бы. Дома здесь держатся, может, три или четыре года, но, думаю, это очень по-разному.

Эй! — снова крикнул Тим.

Я умею свистеть на двух пальцах, — сказала Алиша.

Да, давай.

Алиша издала на двух пальцах пронзительный свист.

Через несколько мгновений ворота открылись. У них вообще не было петель, их просто отодвинули в сторону.

Как издать тот звук, который я только что услышал? — Маленький пёстрый человечек в шутовском колпаке с бубенцами открыл им.

Алиша вскрикнула, но тут же в ужасе закрыла рот рукой. Этого человечка она уже видела! Сердце колотилось у неё в горле. Не выдадут ли её теперь? Да ну, этот человечек сам был снаружи. В этом мире.

Мы хотим войти! — твёрдо сказала Алиша.

Я тебе не говорил, чтобы ты искала что-то другое? Никто тебя не хочет, с таким-то видом, так что вали отсюда!

Я тебе сейчас! — Алиша искренне возмутилась и схватила за наглого человечка, который ловко вывернулся и, громко крича, убежал.

Но ворота теперь были открыты.

Что это было? — спросил Тим. — Я слышал голос, но видел только очень смутно.

Человечек, — ответила Алиша, — но я его ясно видела. И уже во второй раз, один раз дома, а теперь здесь. Тогда он меня так же оскорбил, сказал, что никто не ждёт подмышечных волос, отвисших грудей и некрашенных волос на голове.

Тут человечек солгал, — ответил Тим. — Как у нас в этом мире идеализируется наилучшее соответствие мнимой норме, так здесь восхищаются особенностью. Поэтому здесь почти нет такого понятия, как мода. Если люди здесь что-то подражают, то скорее из-за практической идеи, которая за этим стоит. В

остальном люди здесь скорее творческие по принципу *живи и давай жить другим*. Это относится и к причёскам, где бы они ни были на теле, и тем более к грудям. Твои, кстати, стали заметно полнее, с тех пор как мы здесь.

Правда? И они больше не так висят?

Правда. Но висят они или торчат, здесь это не главное, маленьких девичьих грудей здесь просто нет, здесь все настоящие женские груди, которые прямо-таки переполнены молоком. И дома тоже не так, что мужчины только на скучные пластиковые груди западают. Если спросить меня, они норма только потому, что такие скучные и поэтому на картинках не вызывают возмущения. Потому что они *вообще не* возбуждают. Есть народы, где всё иначе.

Но разве отвисшие груди не символизируют возраст, а упругие — плодovitость?

Разве молочные груди не гораздо больше символизируют плодovitость? А они почти всегда смотрят вниз.

Часто. Не всегда.

Но обычно, даже уже во время беременности. То есть именно в то время, когда женщина больше всего излучает плодovitость.

Признаться, но в этот момент она уже оплодотворена и занята. А девственница — нет. Она ещё свободна.

Верно, — проворчал Тим. Но это всё равно только *потенциальная* плодovitость, не доказанная. Факт в том, что отвисшая грудь не просто символ возраста, и к тому же есть различия.

Тим сделал жест, который заставил Алишу рассмеяться.

Честно, — спросила Алиша, — ты западаешь на отвисшие груди? Похоже на то.

Это не значит, что мне другие не нравятся, кроме этих незрелых подростковых грудей. Но чтобы ответить на твой вопрос: да. На определённые.

Как у меня? — тихо спросила Алиша.

Да.

Спасибо.

Но они могли бы ещё немного...

Негодяй! — Алиша ударила его коленом по бедру.

Ай! — столько о том, что мужчины должны быть честными, я только хотел сказать, что твои ещё немного подрастут, и я этому рад, и...

Хм.

Честно!

Ладно.

И, кстати, *большинство* мужчин весьма склонны к отвисшим грудям.

Хм³².

Но каждая грудь разная. И в этом особая прелесть. Здесь не спрашивают о публичной норме для грудей, а идут за тем, что определённые груди в них

32 Это правда. По данным опроса около 1400 мужчин, 20% не очень любят отвисшую грудь, 20% ответили нейтрально, а 60% назвали её эротичной или очень эротичной.

вызывают. Прямо глубоко в древней животной части души, а не в сухом разуме. Хотя это, конечно, относится ко всему здесь.

Алиша возразила: Но если всё регулирует инстинкт, тогда...

... всё равно есть сочувствие; здесь оно тоже сильнее. А остальное регулирует... странным необъяснимым образом... Перидэис. Это не значит, что здесь всё идеально, Перидэис — не идеальный мир, но здесь как бы нет слишком острых углов.

На мгновение наступила тишина. Затем Алиша и Тим вошли в городок.

Как красиво! — восторженно воскликнула Алиша.

Алиша обернулась. То, что она увидела, её искренне возмутило. Вместо того чтобы заинтересоваться красивым городком, Тим изучал механику городских ворот. — Дверь скользит по чему-то гладкому! — крикнул он, — и создателю этих ворот срочно нужно пройти курс по строительству дверей или хотя бы подумать, для чего нужны ворота. Эти вообще можно просто открыть и закрыть, тут даже намёка на запор нет.

Мы всё-таки постояли перед ними какое-то время, — заметила Алиша, — может, это только против животных.

Или просто для уюта, — проворчал Тим.

Алиша рассмеялась. Пойдём, посмотри же на этот красивый город, разве он не мил? Скажи что-нибудь!

И правда. — Улицы, или, скорее, переулки этого крошечного городка были покрыты светлым гравием, и слева и справа маленькие домики, зажатые между отдельными скалами, окаймляли переулки, каждый домик в своём ярком цвете, все только одноэтажные, но зато переулки волнообразно поднимались и опускались, изгибались и разветвлялись, как, видимо, позволяли имеющиеся скалы. Скалы здесь были, возможно, три метра высотой и шириной и были разбросаны по местности на расстоянии примерно трёх метров. Неравномерно, но примерно. Некоторые были больше или меньше. Из большинства домов вела лестница или ступени на соседнюю скалу, где иногда было построено ещё одно помещение, но чаще находилась своего рода терраса. Скалы, как часто в Перидэис, были покрыты растениями и цветами. Слева и справа нерегулярно отходили маленькие переулки, так что, несмотря на крошечность городка, возникал лабиринт, в котором казалось, что можно заблудиться. И время от времени узкие переулки расширялись в маленькие площади, где устраивался рынок.

А люди! Женщины, как и Алиша, все до единой выставляли напоказ свои груди и, казалось, подтверждали то, что сказал Тим: большие груди, маленькие груди, узкие груди, широкие груди, большие ореолы, маленькие ореолы, плоские соски, выдающиеся соски, короткие соски, длинные соски, яблочные груди, лимонные груди, манговые груди — каждая форма и вид предлагались для

наслаждения склонного к этому зрителя. И не только это, оказалось, что они, как голова и руки, были частью выразительности; их призывно встряхивали, они заманчиво колыхались при ходьбе с собственной жизнью, как будто не желая иметь ничего общего с ногами, они подпрыгивали при смехе, покачивались при наклонах, поднимались, чтобы похвалить себя или своё содержимое. Короче: они были частью кипящей жизни. И притом весьма живой и весьма заметной частью этой кипящей жизни.

Для Алиши это было совершенно необычное чувство. Всё это время до сих пор она была с обнажённой грудью. Ну ладно. Не просто с обнажённой грудью, а в платье, которое *подчёркивало* обнажённость груди. Подчёркивало. Привлекало к ней взгляд, не просто оставляло её открытой. И точно так же её лоно. Оно тоже было не просто голым, как на нудистском пляже дома, а женщины здесь с удовольствием носили его *подчёркнуто открытым*, и разрез платья был таким, что при ходьбе или сидении её «медведь» (так называли это её подруги) постоянно мелькал. Это ещё можно было пережить, но здесь так делали *все* женщины. Вариации были, но *все*! И не как на нудистском пляже, где это якобы *не* вызывающе, а именно *потому что* вызывающе. По всей стране! И это вызывало у Алиши волнующее чувство. Это было как-то очень заманчиво. При этом Алиша вовсе не считала себя особенно, как это называется, эксгибиционисткой, но иметь возможность показывать себя, дразнить — это было... красиво. Ведь и без того было более чем очевидно, что женщины любят оголяться, когда они далеко от дома, где их никто не знает. Почему показывать вообще запрещено?! Возможно, потому что другие женщины подозрительно следят, чтобы никто не заострял свои оружия слишком сильно и не уводил мужчин от них самих. Типа договора о разоружении, при котором постоянно косятся налево и направо, не нарушает ли какая-нибудь шлюха правила. Но, возможно, дело и в самих мужчинах. Им ведь можно смотреть, но не становиться такими голодными, чтобы кусать без разрешения. И тут опять всё зависит от того, что считается нормальным, как другие женщины себя подают. Но мужчины смотрят, это точно. Алиша однажды тестировала это с тёмными солнцезащитными очками и тонкой футболкой без лифчика. Мужчины всегда сначала смотрели на грудь, а не на лицо, хотя сами утверждали обратное. Интересное развлечение! Странно, но и женщины тоже смотрели, в этом Алиша была уверена. Почему, собственно³³? Неважно. В любом случае эти две штуки точно не зря расположены там, где их невозможно не заметить, и ей нравилось их выставлять, давать всем людям на них смотреть. И не просто как на нудистском пляже, где их как бы надо не замечать, а так, чтобы их рассматривали и хвалили, как искусное и ценное украшение. Как сейчас здесь! И разве они не украшение? Красивые, круглые и большие, с двумя ярко окрашенными кончиками, и каждая разная. Но это мы уже обсуждали.

33 Кстати: это подтверждено специальными камерами. Даже при среднем декольте мужчины почти всегда сначала смотрят на грудь и только потом на лицо, но и женщины очень сильно обращают внимание на грудь других женщин.

Колышущаяся масса! Празднуешь то, что имеешь!
Алиша была в эйфории.



Маленькие рыночные площади на перекрёстках и развилках были оснащены множеством сидений, а также прочными каменными прилавками. Это были кубы размером со стол, каждый обычно около двух метров в длину и, возможно, метр в ширину, чтобы торговцы могли удобно разложить свои товары. И чего только не было! Что касается предметов обихода, выбор сам по себе был не так велик, но каждая кружка, каждая тарелка, каждый стул, каждый ковёр были как-то по-разному оформлены, всё богато украшено, расписано, вырезано, вылеплено, соткано, нарезано и что только не сделано. Короче: весь городок был одним сплошным рынком искусства. Конечно, не каждый предмет обихода был вне всяких сомнений, если брать за критерий его прямую пользу. Самая красивая кружка мало чего стоит, если это огромный богато украшенный кубок, чей напёрсточный объём едва достигается губами. Но местных это, похоже, не волновало, и многие прилавки были завалены хламом, который при ближайшем рассмотрении не имел ни малейшей пользы. Но будем справедливы: какая, например,

польза от обычного шёлкового белья, которое в этом мире продаётся в обычных магазинах нижнего белья за большие деньги? Никакой. Ну вот. А некоторые автомобили нужно сразу везти в мастерскую, если рядом с ними слишком сильно чихнуть. Я упоминаю это только для того, чтобы мужчины не говорили женщинам *Вот видишь!* и не тыкали в них пальцем. Но эти вещи выглядят красиво, и поэтому продаются. Если у тебя достаточно денег. Но *это* в Перидэис точно не было проблемой. Продавцы прямо-таки жаждали, чтобы кто-то признал истинную ценность их мастерства, забирая их товар.

Где я остановилась?

Ах да, рынок. Конечно, были и торговцы, предлагавшие особые фрукты, найденные в лесу, в секретных местах, которые они никогда не выдадут, или даже выращенные ими самими. И ещё были гауклеры. У одного прилавка Алиша и Тим остановились, потому что женщина, сидевшая за ним, не имела абсолютно ничего на каменном кубе перед собой. Женщина мечтательно смотрела в небо и не проявляла никакой реакции.

Что продаёт эта женщина? — спросила Алиша.

Не знаю, — ответил Тим, — давай просто постоим здесь немного.

Не прошло и минуты, как женщина без колебаний направилась прямо к прилавку. Она протянула женщине за прилавком маленькую флакончик.

Женщина открыла глаза.

Алишу пробрала дрожь. У женщины за прилавком были очень странные глаза. Казалось, в них можно заглянуть на километры и потеряться.

Женщина за прилавком посмотрела на флакончик.

Там молочный порошок или женское масло, — прошептал Тим.

Алиша догадывалась, но была благодарна за информацию.

Посмотри мне в глаза, — сказала женщина за прилавком.

Покупательница непринуждённо прислонилась нижней частью тела к каменному кубу и подставила себя взгляду женщины за прилавком.

Ещё одна дрожь пробежала по Алише, даже на расстоянии, хотя она не могла прямо посмотреть в глаза женщине за прилавком.

Покупательница приняла неподвижный взгляд и была полностью захвачена взглядом женщины за прилавком.

Алиша и Тим едва расслышали тихие, но очень интенсивные и внушительные слова...

Тепло приятное вливается в твою мягкую вульву...

Остальное, к сожалению, было неразборчиво, слишком далеко стояли Алиша и Тим от двух женщин³⁴.

Но прошло всего несколько секунд, и покупательница начала тяжело дышать, всё сильнее и сильнее, и наконец с стоном рухнула в сильном оргазме.

Женщина за прилавком подхватила её руками и держала, пока покупательница не пришла в себя.

Спасибо, — сказала покупательница.

Чаще меня навещай, — сказала женщина за прилавком.

И покупательница пошла своей дорогой.

Женщина за прилавком снова села и её взгляд мечтательно устремился в небо.

Женщина за прилавком может одним взглядом и словами вызвать оргазм! — воскликнула Алиша, поражённая.

Потрясающе, — сказал Тим, — это было мастерски. Даже меня зацепило.

Алиша посмотрела на него с беспокойством.

Нет, — сказал Тим, — без излияния семени, только возбуждение.

Меня тоже зацепило, — сказала Алиша, — я давно понимаю, почему здесь женщины не носят трусиков.

Знаешь, как можно назвать то, что делает эта женщина?

?

Закусочная. Смейся, но это же правда, как с голодом, когда нет времени на посещение ресторана. При таком сильном влечении здесь, в Перидэис, расслабление лона нужно так же регулярно, как еда. Что делать, если сроки

34 Автору действительно неизвестны последующие предложения.

поджимают?

Они продолжили бродить.

На следующем углу Алише бросился в глаза первый прилавок, где женщина, сидя на стуле, доила своё молоко в кружку. Перед ней стоял мужчина, который, видимо, хотел купить это молоко.

Алиша взволнованно потянула Тима за рукав: Смотри, она делает это прямо на улице!

Я скорее удивляюсь, что мы ещё не больше увидели. Это ты ещё часто будешь видеть, — ответил Тим. Но так, как сейчас, было и в этом мире. В Китае были женщины, которые точно так же, как здесь, открыто продавали своё молоко на рынке. Считалось, что оно полезно для здоровья. По крайней мере, в Южном Китае раньше вообще не продавалось никакого другого молока. Кружка стоила примерно дневной заработок простого рабочего. Только Мао Цзэдун это запретил, что было тяжело для тех, у кого это был единственный источник дохода семьи. В Персии тоже можно было на рынке купить женское молоко; женщины-кочевницы продавали его, как здесь и в Китае, прямо из груди, потому что нужно было доказать подлинность. А здесь для женщин это единственный источник дохода, ведь женщинам здесь нельзя работать. Только творческая работа разрешена, но она не приносит настоящих денег.

И я могла бы здесь так же продавать своё молоко?

Конечно! Нам даже придётся. Ты голодна сейчас?

Нет.

Тогда давай сначала посмотрим, не найдём ли новое платье для тебя.

Когда они сделали привал и сели за пустой каменный куб, к Алише обратился мужчина. Трудно описать, что в нём было интересного, но он *был* интересен. И было совершенно очевидно, что у него была сильная эрекция. Алиша покраснела до корней волос, потому что было абсолютно ясно, что эрекция у мужчины появилась только из-за неё. Она почувствовала, как жар приливает к лицу. Ему что, совсем не стыдно? Алиша старалась не пялиться на вставший пенис, хотя он полностью занимал её мысли. И она была насквозь мокрая. Алиша чувствовала, как влага стекает по её ногам.

Тим сразу понял, что произошло.

Твой тип?

Я таю.

Почему бы тебе не спросить его?

Ты с ума сошёл? Ты серьёзно?

Тим взял Алишу за руку: Алиша, — сказал он, — Перидэис так устроен, что хочется испытывать влечение, но и отдавать себя влечению. Поскольку мне запрещено самому доставлять тебе удовлетворение, для моего и твоего благополучия крайне желательно, чтобы ты нашла другого удовлетворителя. И

этот мужчина сейчас прямо предлагает себя.

Нет, я не могу, — выдохнула Алиша, — это неприлично. Ты, как мужчина, этого не понимаешь.

Тим посмотрел на чужого мужчину. Она тебя желает. Нравится ли она тебе?

Очень! Одолжишь её мне?

С радостью!

Тим без колебаний крепко обхватил Алишу сзади, обняв её правой рукой за руки и верхнюю часть тела, а левой приподняв её ягодицы. Так он потянул её к себе на колени, слегка отодвинувшись назад. Затем Тим задрал её юбку, схватил её бёдра и раздвинул их. Мокрое лоно Алиши предстало перед городом и всеми людьми. Только её лоно, не она сама. Сама она лежала в подмышке Тима и вдыхала его подмышечный запах. Тим пах возбуждающе, по-мужски.

Алиша чувствовала себя в каком-то оцепенении принятия. Никакой ответственности. Это была не она, это был он. Она ничего не сделала. Он был ответственен. Молчать. Ничего не менять. Странно: Алиша чувствовала себя в безопасности, так, как её обнимал и крепко держал Тим. Он никогда не оставит её в беде. Её ангел-хранитель, который видел её насквозь. Алиша присосалась губами к его плечу и прижалась лицом к его подмышке. Было темно; она держала глаза закрытыми и позволяла ему делать то, что он считал правильным. Не двигаться. Ничего не делать, что могло бы изменить момент. Происходит ли это? Когда же этот парень наконец придёт?

Вот! — Ах! Ах! Ах! Чужой мужчина без церемоний сразу вошёл в Алишу. Алиша застонала. Толчки следовали за толчками. Издалека она слышала, как Тим сказал: Пусть твоё семя вольётся в неё, я обещаю тебе её молоко, целую грудь. У неё хорошее молоко.

Издалека спросили: Обещаешь?

Издалека ответили: Обещаю!

Толчки в Алишу стали сильнее, глубже, ритмичнее, лоно чужого мужчины звонко шлёпало о мокрую вульву Алиши. И наконец она почувствовала, как в ней медленно поднимается волна, всё сильнее. Не останавливайся, прошептала она, не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся... и вот! Её влагалище сжалось в глубоком оргазме и охватило чужой пенис, чтобы привести его к тому, чего он желал. И вот! Пока вся вульва Алиши посылала волну наслаждения в каждую точку тела, она почувствовала, как мужчина напрягся и со стоном тоже кончил. Его пенис дёргался, и она ощутила лёгкое пульсирование мужского семени, вливающегося глубоко в её влагалище.

Алиша тяжело дышала.

Чужой мужчина тяжело дышал.

И вот мягкий пенис чужого мужчины медленно выскользнул из влагалища Алиши. И немного его семени вытекло из неё. Но только немного.

Тим сомкнул ноги Алиши, приподнял её и положил боком на большой

каменный куб так, чтобы её голова нашла мягкое место на его коленях. То есть не всё на его коленях было мягким. Его пенис был твёрдым. Бедный мужчина, ему же нельзя. Алиша положила лицо так, что её щека касалась его пениса. И поцеловала его хотя бы раз. Бедняга. Перед глазами Алиши кружились звёзды. Ей ещё нужна была небольшая передышка. Хотя бы немного.

Скажи, — услышала она вопрос Тима, — знаешь, где здесь можно достать красивое платье?

На другой стороне города, но трудно объяснить, как туда попасть. Я вас проведу, мне всё равно нравится сделать небольшую паузу между удовлетворением и питьём из груди.

Как дела? — Тим вопросительно постучал пальцем по голове Алиши.

М-м. Алиша отрицательно промычала, не поднимая головы.

Оба мужчины рассмеялись. Но не по-злому.

Алиша задремала. И ещё немного подремала. Немного. Только немного.

Тут в нос ударил запах жареного. И это сразу её взбудило. Она подняла голову, чтобы посмотреть, откуда идёт запах.

Вот. Чужой мужчина принёс им еду. Три, ну, что это было, три... половинки выдолбленных булочек, так, наверное, можно сказать. Или пирожки? Неважно, они были наполнены чем-то вроде гуляша, больше мяса, чем соуса. И в каждом торчал ложка.

Голодна? — Чужой мужчина протянул Алише одну из булочек с гуляшом. Не бойся, — добавил он, — чем лучше я тебя сейчас накормлю, тем лучше ты потом дашь молока. *Женщина доится через горло*, не зря же говорят. Он рассмеялся.

Алиша взяла предложенную еду. Чужой мужчина сел рядом с ней, и так они сидели втроём, болтая ногами, и наблюдали за пёстрым оживлением городка. Мясо было хорошо приправлено и божественно нежное. Алиша всё-таки была голодна. Вопреки тому, что она сказала раньше. Наступила так называемая прожорливая тишина. Каждый ел с удовольствием, в конце булочку, а в самом конце оказалось, что даже ложка была съедобной. Она была сладкой с лёгкой пряно-фруктовой нотой. Трудно описать.

Воды у Тима было в достатке, и они дали попить и чужому мужчине. Тот похвалил приятный вкус воды.

Пока они ели, пили и болтали ногами, напротив них начались шуточки, заигрывания и ухаживания между шестью женщинами и одним мужчиной, которые внезапно переросли в визг и смех женщин. Присмотревшись, Алиша заметила, что мужчина, похоже, был внезапно ошеломлён и, во всяком случае, был в оковах. Женщины с громким весельем толкали, тянули и напирали на мужчину, уложив его на спину на свободный каменный куб, одна предложила своё лоно в качестве подушки, а другая взобралась на него.

Ну что, будешь стоять? — крикнула женщина, которая забралась наверх. Заманчиво задрав юбку, она дала мужчине почувствовать запах своей вагины.

Но у того не было времени реагировать, потому что другая уже крикнула: Дай мне это сделать. Шмяк! — её губы сомкнулись вокруг его жезла наслаждения и начали сосать.

Не ты! — крикнула другая, что была сверху.

Остальные женщины рассмеялись, удерживая мужчину. Но так, чтобы самим не остаться внакладе, и бедный связанный мужчина был полностью покрыт крутящимися телами, среди развевающихся волос, грудей и мокрых вагин. При этом две женщины держались за голени мужчины, помогая подруге подготовить центр ошеломлённого мужчины.

И вот! Быстрее, чем ожидалось, жезл поднялся и набух, увеличивая веселье, и женщина сверху не упустила возможности и ввела поднявшийся волшебный жезл в своё томящееся отверстие. Затем она скакала на нём, постанывая.

Связанный мужчина перестал сопротивляться.

Скачка продолжалась, и пять других женщин тоже развлекались.

Ты будешь брызгать? — спросила одна, чтобы поддразнить мужчину.

Нет! — выдохнул тот, — ты что, спятила?!

Ох! Если бы твой зад был сейчас доступен, я бы помогла!

Другие женщины захихикали.

А знаешь, — притворно продолжила спрашивающая женщина, — нас тут одна-две-три-четыре-пять-шесть женщин. Когда первая закончит, просто продолжит вторая, третья, четвёртая, пятая и шестая. И знаешь, что будет потом? Первая к тому времени полностью восстановится!

Она притворно вытаращила глаза.

И тогда... и тогда... всё начнётся сначала. Бедный, бедный мужчина!

Тем временем женщина сверху наслаждалась, быстро двигая своим лоном вверх-вниз вокруг жезла, так что только шлёпало.

Давай договоримся, — крикнула ведущая переговоры женщина, — ты изливаешься и получаешь за это молоко. Свежайшее хорошее молоко прямо из моей груди, высшего качества благодаря отборному питанию!

Ты в итоге только обманешь меня! — вырвалось у связанного мужчины рывками, задыхаясь.

Похоже, времени на переговоры оставалось немного.

Ладно, — уступила ведущая переговоры женщина, — ты получишь молоко прямо сейчас, но горе тебе, если не дашь своему семени вытечь, когда твой жезл задёргается!

Она подняла свою грудь к губам связанного мужчины. Тот открыл губы и втянул предложенный сосок в рот. По движениям его рта и короткому вздоху женщины было видно, что мужчина взял то, что ему предложили. Возможно, дополнительный стимул заставил его жезл ещё больше набухнуть или повернуться в решающий удобный угол, во всяком случае, наездница на нём тоже застонала и перешла к ритмичным, сдержанным толчкам, чтобы взлететь на вершину. И это, похоже, привело мужчину на путь к вершине — его тело внезапно напряглось, не оставляя сомнений в том, что произойдёт через

несколько мгновений.

Тут женщина, чья грудь была во рту мужчины, крикнула: Хватит, хватит, быстро освободите его, мы хотим всё видеть.

И вот, наездница не была неблагодарной — она подняла своё лоно так быстро, как могла, и пенис мужчины выскользнул из её лона. Затем она быстро схватила его правой рукой и довела его быстрыми движениями крайней плоти до точки, где нет возврата. Но когда этот момент был пройден, она оттянула крайнюю плоть и стимулировала жезл только ниже головки, чтобы всем было хорошо видно, как мужчина в своей страсти извергает своё семя, ещё раз и ещё раз. Замедляя движения, наездница продолжала, пока мужчина наконец не успокоился. Его губы отпустили предложенную грудь, и он тяжело дышал. Тогда наездница осторожно собрала немного излившегося семени указательным пальцем, левой рукой раздвинула свои половые губы и смазала семенем свою почку наслаждения. Затем она в кратчайшие сроки довела себя вибрирующими движениями до оргазма. Она упала вперёд, позволяя своему лону пульсировать, отдыхая на мужчине.

Мужчину теперь не нужно было держать. Когда наездница поднялась, одна из других женщин сказала: Ну, девочки, следующий парень, следующее счастье. Теперь моя очередь!

Наездница поцеловала лежащего мужчину, тот воспользовался отвлечением для звонкого шлепка по её заду, и затем женщины ушли. Очевидно, в поисках новой жертвы.

Мужчина ещё мгновение лежал на каменном столе, выставив свой сжавшийся волшебный жезл на обозрение. Затем он поднял руки и рассмотрел оковы.

Одна женщина крикнула ему: Подожди время в моей таверне, моё пиво хорошее! — Она была хозяйкой крошечной таверны и не упускала новых клиентов.

Хорошая идея, — ответил связанный мужчина, поднялся и последовал за хозяйкой в её таверну.

Некоторые люди наблюдали, другие проходили мимо сцены без внимания, видимо, занятые чем-то поважнее.

Алиша заворожённо следила за происходящим. Что это за оковы, и почему они их не снимает? — спросила она.

Эти оковы не снять, пока они сами не откроются, — ответил Тим. Они растут на определённых деревьях. Свежесобранные, они остаются стянутыми примерно три часа, если ими кого-то связать.

Хочешь такие оковы? — спросил мужчина, который ранее излил своё семя в тело Алиши. Я могу достать тебе в считанные мгновения, — сказал он, — их продают здесь на рынке более-менее свежими, с гарантией, что они будут крепко стянуты хотя бы час, чего для большинства игр вполне достаточно. Ну что, хочешь такие для своего пристава?

Мне взять? — спросила Алиша, смеясь, глядя на Тима.

Не смей, — ответил тот.

Затем они втроём отправились на рынок одежды. Он был совсем недалеко, но сами они никогда бы не нашли дорогу! То направо, то снова налево, ведь множество путей бессмысленно заканчивались тупиками, повсюду были милые маленькие домики, каждый в своём цвете, ни один не построен прямо, ни одно окно и дверь не одинакового размера, всё в фантастических формах, множество маленьких лавок и торговых прилавков, пёстрые люди повсюду, и несколько раз Алиша видела на столах или скамьях пары, занимающиеся сексом самым разным образом, болтающие пары, где мужчина гладил грудь своей женщины или держал руку между её бёдер, или наоборот, она ублажала его пенис рукой, одна женщина, стоя на коленях, держала пенис мужчины во рту, пока тот, откинувшись, наслаждался процедурой, и то и дело были видны пары, где мужчина в самых разных позах лакомился её грудью или доил её в кружку. На столах были не только кружки с молоком, нет, похоже, было пиво, фруктовые соки, вода — всё, что можно пожелать.

Но они добрались до цели быстрее, чем думали. Столько всего было на что посмотреть, и многочисленные тупики делали запутанный городок больше, чем он был на самом деле. Наконец перед ними оказалась улочка, где продавалась только одежда. Едва продавщицы заметили потрёпанное платье Алиши, как все бросились к ней.

Девочка, — крикнула одна, — как можно ходить в таком рванье, когда у меня самые красивые платья!

Девочка, — крикнула другая, — посмотри на мои платья, в них твои груди будут выглядеть так, будто дают в два раза больше!

Девочка, — съязвила третья, — у меня ты получишь платье совсем бесплатно, если одолжишь мне своего аппетитного пристава на четверть часика.

Алиша хихикнула и крикнула Тиму через шум: Приставы что, желанны как любовники?

Тим крикнул через шум в ответ: Считается, что у приставов особенно ценное семя. Пери никому бы не пожелали его отдавать другой женщине.

Звучит не нелогично, — прокричала Алиша.

Тим показал двумя пальцами у рта, как он может обеспечить тишину.

Алиша кивнула, и Тим издал пронзительный свист.

Мгновенно наступила тишина. Похоже, здесь громкие свисты были неизвестны.

Так. Теперь здесь тихо, — строго сказал Тим. Мы сами выберем, ясно?

Продавщицы разбежались по своим лавкам.

Короче говоря: для двух мужчин началось мучение, которое чужой мужчина наконец прекратил, потребовав свою награду. Когда Алиша неохотно попросила ещё немного терпения, Тим предложил ей порку по задку. Даже на случай, если её молоко будет плохо течь из-за неохоты.

Но небольшая вынужденная пауза оказалась довольно приятной, по крайней мере, потому что ноги уже болели. Когда чужой мужчина пил свою награду из

грудь Алиши, она впервые заметила, что свободная грудь начала капать сама по себе. Смотри, как хорошо течёт молоко, — прошептала Алиша, повернувшись к Тиму, и указала на свою свободную грудь.

Может, нам стоит уже сейчас её подоить, — сказал Тим и достал кружку из рюкзака. Едва он начал доить грудь Алиши, как подскочила одна из продавщиц одежды. Вы, мужчины, никогда не научитесь делать это как следует! — ругалась она, — это надо делать с гораздо большим чувством — так выйдет как минимум в два раза больше!

Торговка просто забрала грудь у Тима, быстро и умело её размассировала, затем точно взялась за сосок Алиши и осторожно его выдаивала, отпуская и повторяя без остановки, в приятном строгом медленном ритме. Она отрывала руку только для того, чтобы, как часовая стрелка, медленно обойти вокруг соска Алиши. С громким шипением молоко Алиши брызгало струя за струей в кружку. Алиша мурлыкала.

Я бы тоже хотел так уметь, — сказал Тим, внимательно наблюдая.

У вас, мужчин, нет грудей, чтобы это прочувствовать, — ответила женщина, не сбиваясь с ритма. И когда грудь казалась полностью опустошённой, торговка ещё раз промяла грудь Алиши и выдавила ещё молока, которое пряталось где-то глубоко в многочисленных молочных железах. Её пальцы осторожно вгрызались в молочные железы Алиши, массировали их с большим тактом... и ещё раз грудь передумала и дала знать покалыванием, что грядёт ещё молоко.

Спасибо, — сказал тут чужой мужчина, который тем временем опустошил другую грудь Алиши. Это было мастерски сделано. Эта грудь с моей стороны сразу подхватила. Я более чем доволен, тем более что я никогда в жизни не пил молока такой невероятной силы. И с тончайшим ароматом, ты могла бы жить, продавая его всего раз в месяц.

Чужой мужчина поднялся, поклонился, пожелал им всего хорошего и ушёл.

Я никогда так не занималась сексом с мужчиной! — сказала Алиша Тиму.

Как? Привет, секс, награда, спасибо, прощание?

Да, примерно так.

И как это чувствуется?

Удивительно хорошо. Иначе, без обязательств, но хорошо. Может, потому что это было *только* удовлетворение и ничего больше. Такого у меня никогда не было.

А в фантазиях у тебя это было?

Да, при самоудовлетворении. Только не так конкретно — мужчина остаётся скорее расплывчатым, почти как в тумане, и исчезает в никуда, анонимно. Это всплывает у меня не так уж редко.

Тогда ты понимаешь, почему это происходит и здесь. Если у тебя есть настоящий муж, надо быть осторожной, чтобы настоящую интимность иметь только с ним, иначе в итоге не хватит клея, который держит отношения вместе, и они развалятся.

Ты не веришь в открытые отношения?

Нет.

Я тоже не совсем. Но это было иначе, это было... не по-настоящему интимно... в прямом смысле. И это во мне было ново.

Кроме фантазий, когда ты сама себя удовлетворяешь.

Верно, кроме фантазий, когда я сама себя удовлетворяю.

Торговка взяла грудь, которую до этого доил мужчина. Можно? Обычно там ещё много остаётся. Чистая трата.

Да, конечно, — сказала Алиша и смотрела, как торговка сначала промяла её грудь, а затем выдавила. Действительно. В итоге она вытащила ещё удивительное количество молока.

Это приятно, — сказала Алиша. Доеение, я имею в виду. И странно, я действительно горжусь тем, что у меня есть молоко. Как-то...

Это неудивительно, — ответил Тим, — это исконно женское, и здесь, в Перидэис, оно имеет очень центральное значение.

Женщина хитро посмотрела на Алишу: Ну что, теперь, когда твои груди пусты, не хочешь посмотреть мои платья?

Деловая ты, однако. Алиша рассмеялась и вовсе не была раздосадована. Женщина действительно хорошо доила. Алиша была впечатлена не только количеством молока, но и тем, что её груди чувствовали себя очень приятно.

С радостью, — сказала Алиша.

О, у меня есть платья, очень похожие на твоё, — сказала торговка.

И правда! Алиша была в восторге, когда нашла платье, которое не только было похоже на её, но и немного лучше сидело, а также лучше завязывалось, что наверняка было очень удобно в походе. К тому же внутри были пришиты пуговицы, где можно было поднять и застегнуть обе половины разрезанной части юбки. Это было задумано, чтобы легче обнажать вагину спереди или сзади, когда тебя берёт мужчина, но эту возможность можно было использовать и иначе.

Сколько стоит платье? — робко спросила Алиша.

О, я так рада, что моё платье покупают, даже чужеземка, которая наверняка знает лучшее! — воскликнула торговка и всплеснула руками. Какая радость для меня! Но я бы с удовольствием взяла свежего молока от тебя, если ты можешь его дать. Если бы ты могла подождать пару часиков, пока снова не забурлит новое молоко? Вместе с уже надоенным молоком я была бы совершенно довольна.

Теперь ответил Тим: Торговка, — нагло солгал он, — женщина, которую я сопровождаю, вчера в тайном ритуале была взята несметным числом диких мужчин, больше, чем можно сосчитать на четырёх руках, и все они излили своё семя глубоко в неё. А затем эти мужчины повесили её с лоном вверх, чтобы ни одна капля семени не пропала. Пойми, торговка, что молоко, которое ты только что надоила, вероятно, обладает особой силой. Попробуй его! Прежде чем отдавать его слишком дешево!

Алиша не верила своим ушам, но, хихикая, прикусила язык и не сказала ни слова.

О пристав, — сказала женщина, — может, и так, но ни одно лоно не бесконечно глубоко.

Попробуй, — ответил Тим.

Конечно, я должна вам особую благодарность, и я горжусь, что вам нравится моё платье! Но я шила его много недель и использую особые ткани, которые растут в секретном месте.

Затем она постучала по соску Алиши. Ты говоришь, в этом молоке есть магическая сила?

Не то, — поспешил сказать Тим. Но *очень* эффективное. Только это я хотел сказать.

Чудесное молоко, — задумалась женщина, прищурившись. Затем она позвала своего мужа и дала ему попробовать каплю молока Алиши.

Настоящее сокровище! — восторженно воскликнул муж торговки, попробовав молоко Алиши.

Согласна на обмен? — спросил Тим.

По рукам, — быстро сказала торговка.

Когда они с новым платьем под мышкой вышли на улицу, Тим потянул Алишу за руку в следующий переулок.

Быстро, достань свой кристалл и пожелай вернуться в подземный проход! Жди там у выхода. Я сам приду пешком.

Почему? — встревоженно спросила Алиша.

Моя ошибка. Я не доверяю торговке. Она, вероятно, подозревает, что ты ведьма, во всяком случае, её реакция была такой. Лучше не рисковать.

А ты?

Я справлюсь. Давай, поторопись!

Тим затащил Алишу в нишу.

Алише стало немного страшно. Она быстро достала золотисто блестящий кристалл и крепко сжала его в руке. Она закрыла глаза и как можно интенсивнее представила место в подземном проходе, где Тим отколол кристалл от скальной стены.

Зелёная вспышка! Запах серы! Громовой удар! Огромная сила подхватила Алишу... и всё произошло. Алиша стояла прямо перед скалой внутри пещеры, но на этот раз рядом не было горящего факела. Было совсем темно, но Алиша почувствовала, что теперь она голая. Тим принесёт платье, это было очевидно, он *именно об этом* подумал!! Вдалеке виднелся светлый пятна выхода. Осторожно нащупывая путь, Алиша двинулась к выходу. Но вскоре её глаза привыкли к темноте, и она заметила фосфоресцирующий зелёный свет, исходящий от стен, как она уже видела в подвалах таверны. Чёрт возьми! Мерцание сработало. Она была ведьмой. Настоящей ведьмой с особыми силами. По крайней мере, здесь, в Перидэис.

Город был недалеко; значит, Тим будет здесь через час. Алиша не боялась за него, он справится.

Сначала она нашла уголок, и, облегчив мочевой пузырь, легла на солнечном месте у входа на землю, посмотрела вверх и вскоре задремала.

Тим дождался вспышки, грохота и серного облака, и когда Алиша исчезла, он собрал с пола её одежду и кристалл колчедана. Он взял вещи в левую руку и резко побежал. Тим мчался по переулкам, сшибая людей, отталкиваясь ногами от стен, нашёл одни из многочисленных ворот, ведущих из городка, обнаружил, что они, вопреки ожиданиям, закрыты, с большой элегантностью и мастерством перемахнул через стену вместе с одеждой, пробежал ещё сто метров в заросли растений, сделал крюк и внезапно бросился на землю. Он скользнул под густой куст, уткнулся ртом в земляную яму и дышал туда, чтобы восстановить дыхание как можно тише. Одновременно он внимательно прислушивался. Минуты три или четыре он лежал совершенно неподвижно.

Нет, никто не смог за ним последовать. Теперь надо было быстро сориентироваться и уйти.

Он встал.

Здесь вливалась ещё одна долина. Не их долина, эта была гораздо уже. Отсюда они не пришли и сюда не должны были идти. Как дела за спиной? Чёрт, нет, он оказался на неправильной стороне города, а город закрывал все три долины, потому что находился ровно посередине. Алиша была на другой стороне. Что теперь?

Тим прислушался. Ничего подозрительного не было слышно.

Но что делать? Тим задумался. Как пристав он был слишком замечен. Как уполномоченный пери он был неприкосновенен, но его бы сильно задержали. Если бы всё пошло совсем плохо, его неприкосновенность не помогла бы против разъярённой толпы на охоте за ведьмами. Нужен был маскарад... Тут у Тима появилась идея. В Перидэис быть голым не было чем-то особенным. И когда идёшь купаться к ручью, не берёшь с собой лишнюю одежду, а часто идёшь голым. Как рабы, но у тех ошейник. Полностью раздеться было бы хорошей идеей, ведь голый пристав — не пристав.

Тим разделся и завернул новое платье Алиши, кристалл, свою плетъ и собственную одежду в старое платье Алиши, перевязав его верёвкой. Получившийся свёрток он зажал под мышкой. Он нашёл ручей и пошёл от ручья к городку.

Городские ворота в сторону ручья легко отодвинулись; возможно, другие ворота просто заклинило, или он в спешке их заело. Неважно. Тим нарочно неторопливо пошёл внутри городских стен. Но всегда рядом со стеной, не через город. Никто не встретился. Все были в центре города? Вот! Вприпрыжку подбежал мужчина, и его взгляд показывал, что он что-то ищет. Мышцы Тима напряглись. Всего один! Он справился бы и с большим числом, но это было бы бессмысленно.

Мужчина остановился перед Тимом. Ты не видел пристава, который с красивой ведьмой? — спросил он.

Нет.

А красивую ведьму без пристава?

Нет.

А если увидишь красивую ведьму, дашь мне знать?

Как их распознать?

Не знаю.

А как *ты* собираешься её распознать?

Верно, — сказал мужчина, — об этом я не подумал. Думаешь, мне перестать искать?

Конечно. Это же бессмысленно. Иди домой.

А что мне там делать?

Тим внутренне выругался. Хорошо, — сказал он громко, — можешь, конечно, пойти в бордель.

В бордель! — Глаза мужчины загорелись. Это лучше, чем бегать, — сказал он.

И: Спасибо за совет.

Пожалуйста, пожалуйста.

Мужчина пошёл своей дорогой.

Тим выдохнул и побежал дальше. Он прошёл мимо ещё нескольких людей, в том числе молодой пары, занятой совсем другими делами, кроме охоты за ведьмами. Но никто больше не спрашивал о красивой ведьме с приставом или без. Никто вообще ни о чём не спрашивал, если быть точным. Возможно, почти никто уже не искал. Люди здесь забывчивы и легко отвлекаются.

А! Вот и ворота, через которые они вместе вошли в городок. Без проблем Тим открыл ворота, прошёл через них и снова закрыл с внешней стороны.

Когда Тим оказался за городком, он заметил, что сбоку был фруктовый сад, который он не заметил при входе в город. Рядом с поселениями часто находились отборно вкусные вещи, так что заход туда точно стоил того. И вот, рядом он нашёл дерево, на котором росли булочки, из которых Тим выбрал самые свежие. Куда их положить? Тим вытащил старое платье Алиши из свёртка и связал его в подобие мешка, куда положил булочки. На соседних деревьях росли другие вкусные вещи, из которых Тим тоже взял несколько проб и завернул в старое платье Алиши.

Когда Тим снова оказался на дороге из лазурного кирпича, через примерно двести метров он вдруг увидел курицу на обочине. Хотя, точнее, курица не просто стояла. Она зазывно хлопала глазами, что выглядело прямо-таки неприлично, и к тому же вызывающе выставила одно из своих бёдер.

Когда Тим подошёл ближе, он увидел ещё больше кур в той же позе на обочине.

И все они подмигивали ему и вызывающе выставляли свои бёдра.

А одна ещё и приподняла перья, прикрывающие бёдра.

Фу, чёрт возьми, — вырвалось у Тима, — у вас нет петуха?!

Тут до него дошло. Он деловито выбрал одну из кур и крикнул ей: Пут-пут-пут, — и вот, вызванная курица с восторгом подбежала. Других кур, которые стали слишком навязчивыми и вели себя подло по отношению к вызванной, Тим прогнал. Кыш-кыш, вали. Обиженные куры ушли. Определённо обиженные, это было ясно по их кудахтанью. Поскольку куры тоже могли немного говорить, были слышны непристойные оскорбления, свидетельствующие о малом уме, которые здесь не будут воспроизведены.

Пойдём, — сказал Тим курице и побежал к дороге из лазурного кирпича. Час марша, похоже, был испытанием для курицы, потому что несколько раз Тиму пришлось подгонять медлящее животное, чтобы оно держалось рядом.

Наконец он добрался до места, где они откололи кристалл колчедана от стены. Когда Тим достиг входа в скалу, Алиша спокойно спала на земле.

Тим опустился рядом с голой Алишой, задумчиво посмотрел на неё и наконец дунул ей в лицо.

Просыпайся, — сказал он, — теперь можешь надеть новое платье.

О да! Алиша тут же проснулась. Но затем замерла и спросила: Боже мой, как всё прошло?

Да ничего особенного. Небольшой спринт, разведка обстановки и обратно сюда. В городок нам пока лучше не возвращаться, они нас ищут.

Это плохо?

Нет. Мы настоящие ведьмы и умеем колдовать. Ты забыла?

Алиша весело рассмеялась. Хорошо, что мы такие, даже если плохо, что нам, вероятно, придётся делать крюк. Я права?

Да. Город перекрывает долину, и в этих долинах Перидэис редко знаешь, куда в итоге приведёт обход. Есть ли пути через подземные проходы и пещеры, тоже неизвестно.

И что теперь?

Не знаю. Либо мы переоденемся, либо попробуем ночью, либо найдём другой путь. Думаю, это не будет слишком сложно.

Фух!

Нет, это правда не проблема. Давай, надевай новое платье!

Алиша вскочила.

Её взгляд упал на курицу, которая любопытно её разглядывала.

Что это?

Курица.

Вижу, но откуда она?

О, я собрал немного еды, и курица предложила себя в качестве главного блюда.

Алиша рассмеялась. Добровольно?

Социальное положение курицы и её общую ситуацию я не проверял, но она выглядит сытой, ухоженной и убедительно дала понять, что пришла добровольно. И она совершеннолетняя. Но не хочешь сначала примерить платье?

Да. — Курица тут же вылетела у Алиши из головы.

Тим помог ей надеть платье. Немного неудобно было то, что новое платье сзади завязывалось, что делало одевание и снятие немного сложнее. Старое платье имело пуговицы. Но завязки обеспечивали идеальную посадку. Алиша покрутилась туда-сюда. Это действительно красивое платье, — сказала она. И груди в нём кажутся даже немного больше, если я не ошибаюсь. Жалко, что торговка оказалась такой сплетницей.

Не сердись на неё, — сказал Тим, — даже если она будет хранить твоё молоко как сокровище, люди здесь всё равно боятся того, что приходит извне или близко к внешнему миру. Они живут в долинах Перидэис, не хотят забираться слишком высоко на скалы, не хотят спускаться глубоко в пещеры, панически боятся переходов и, конечно, ведьм, тех, кто приходит извне, обладает необъяснимыми силами и невероятно высокой способностью к мышлению.

Невероятно высокой способностью к мышлению? — повторила Алиша. Я не заметила, что люди здесь глупее.

Я бы так не сказал. «Иначе» — лучшее слово. Они мыслят скорее очень непосредственно, но с другой стороны, вполне довольны здесь и сейчас. А что они очень креативны и художественно одарены, ты сама видела.

Невероятно, какие красивые вещи они делают! — вставила Алиша.

Да, точно, — ответил Тим. Но всё абстрактное — не их стихия. В повседневной жизни это не всегда заметно, только при нагрузке. Они, например, не умеют читать и писать, и ты не можешь их этому научить. В лучшем случае немного буквы и с числами только счёт, но не вычисления. Или технические чертежи, карты и тому подобное. Такого здесь вообще нет. Но по-настоящему ты замечаешь это только в сложных связях. Они просто не могут понять сложные вещи и поэтому не могут далеко думать вперёд. Это то, по чему ты сразу отличишь жителей от нас, пришельцев-«ведьм».

А в чём разница между пери и ведьмами?

Для нас в том, что пери были здесь раньше нас и, похоже, знают несколько секретов, которые нам недоступны. Некоторые говорят, что они, по крайней мере, другая ветвь развития человечества. Но как это решить, если только нет действительно секретного места, центрального святилища, которое даёт сведения о прошлом Перидэис. Что касается жителей, я бы сказал, пери — это та, у которой есть власть, а ведьма — та, у которой власти нет. Одной лезут в зад, другую прогоняют. Но у обеих берут, что могут взять. Всё.

Как люди лезут пери в зад? Ты сказал святилище; есть ли какая-то религия или поклонение? Или это надо понимать практичнее?

Практически пери и так получают, что хотят. Мы тоже. Но пери льстит поклонение. В нём есть религиозные черты, но настоящий верования местных жителей гораздо прямее. В отличие от библейской истории мужчина и женщина были созданы как один человек и затем разделены. Поэтому обе половины стремятся друг к другу и нуждаются друг в друге. При этом груди, вагина, пенис и рот служат цели объединения симбиоза между мужчинами и

женщинами. Женщина производит в себе жизненную энергию и отдаёт её мужчине, который использует её практически и берёт на себя все тяжёлые работы. Это ясно доказывается тем, что грудь мужчины плоская и бездействующая, но у него гораздо больше физической силы, чем у женщины, что женщина выделяет больше влаги, чем мужчина, и потому что оба безошибочно стремятся дать другому то, чего у них самих слишком много.

А семя мужчины?

Оно удерживает его при женщине, но также заставляет её груди набухать.

Вот это красивая религия.

О, она не так далека от некоторых элементов веры в этом мире. Китайский даосизм, например, делает похожие рассуждения, только немного более по-мужски.

С траханьем и минетом?

Тим рассмеялся. Нет, не то, но сексуальный элемент всё же есть, тоже с сексуальными энергиями. Только реже через настоящий обмен энергиями, а через одностороннее поглощение и удержание энергий мужчиной. Там тоже мужчина не должен тратить своё семя и брать энергию из груди женщины, а также из её вагины и рта. Но это больше про воздержание, не как здесь, где ты, как мужчина, можешь просто вернуть утраченную энергию, а женщина может требовать излияния семени.

Был ли кто-то из Китая здесь?

Кто знает?³⁵ Но тогда они забыли пару вещей. Я, кстати, не закончил: местная вера также гласит, что у женщин поэтому больший зад, чтобы они не становились слишком самоуверенными и...

...Ты, негодяй, врешь!!!

Алиша, смеясь, набросилась на Тима и заколотила кулаками. Тот откинулся назад и тоже рассмеялся.

Нет, правда! — сказал он. Это не выдумка. Это, вероятно, намекает, что никто не безупречен. И что есть кто-то, кто имеет власть устанавливать границы.

Алиша перестала колотить. Тим лежал под ней, ещё совсем голый, потому что не надел свою униформу. И поскольку платье Алиши широко распахнулось, её лоно теперь прямо касалось лона Тима. И теперь, когда она замерла и посмотрела Тиму в глаза, ему, предназначенному указывать ей на её границы, она почувствовала, как её собственное лоно наполняется кровью, открывается и становится скользким. И что пенис Тима твердеет. Ещё немного, и его пенис без собственного участия соскользнёт в неё.

Простите, — сказала Алиша, — я этого не хотела. И ещё раз: простите!

Алиша приподняла своё лоно, чтобы желаемое, но запретное не произошло.

Теперь она ещё сильнее почувствовала, как мокра она стала.

Алиша смущённо сказала: Хочешь выпить моего молока? Думаю, мои груди

35 Утверждения не совсем неверны. Алхимические учения даосизма знают такие теории.

снова хорошо наполнены.

Да, с радостью, — просто сказал Тим.

Алиша легла справа от Тима, повернулась к нему лёжа и поднесла грудь к его рту. Тот взял её рукой и подвёл к своему рту.

Алиша закрыла глаза и отдалась чувству, которое теперь наполняло её тело и текло к её соскам. Почему её завораживала мысль, чтобы этот мужчина шлёпнул её по попе? Или дважды? Или трижды? Это был этот мужчина? Или она сама? Это был Перидэис? Или что-то ещё? Она решила, что это Перидэис. Это было проще всего.

Через несколько мгновений правая рука Алиши нашла путь к своему лону. Она просто не могла терпеть. Не получалось. Её верхняя правая нога согнулась, и средний палец скользнул в щель, где её жемчужина наслаждения выпирала наружу. Средний палец лихорадочно искал цель, два соседних пальца раздвигали половые губы, как могли, и средний палец начал вибрировать над нежной кожей её жемчужины. Алиша искренне старалась, чтобы Тим ничего не заметил. Но она, похоже, слишком напряглась и толкнула Тима ногой, и, ко всему прочему, стремительно нарастающий оргазм был слишком сильным, чтобы она могла подавить крик. Так что она сдалась и позволила случиться тому, что подарило ей ещё несколько послевожн, пока она не погрузилась в полудрёму.

Тим погладил её по шее, что немного сняло с Алиши чувство вины.

Когда он напился, он сказал: В момент, когда у тебя оргазм, молока выходит особенно много.

Правда? — Я всё равно обещаю в будущем немного сдерживаться.

Не обещай. Ты бы этого не смогла, и нехорошо, если ты будешь бегать с постоянным чувством вины. Это не твоя проблема, что я живу в celibate, и против природы Перидэис подавлять влечение. К тому же ты дала себе волю, хотя за тобой наблюдали. Не лучший знак для твоего самоконтроля.

?!

Тим указал пальцем на курицу, которая стояла в двух метрах от них и любопытно смотрела.

Алиша рассмеялась.

Она спросила Тима: Как ты это выдерживаешь? Я имею в виду не курицу, а самоконтроль.

Иногда я вообще не выдерживаю. Когда это происходит без моего участия, я пытаюсь достичь оргазма так, чтобы семя не извергалось. Как это умеют другие мужчины здесь. И когда-нибудь я тоже это освою. Просто у меня не так много возможностей практиковаться. Это противоречиво: во-первых, хотеть оргазм, во-вторых, не хотеть оргазма, в-третьих, всё же иметь оргазм и в-четвёртых, при этом удерживать семя. Но в прошлый раз была хорошая возможность. Ещё очень неудачно, но, кажется, я понял, как это делается.

Кто это вообще должен контролировать?

Ты бы серьёзно рискнула?

Алиша на мгновение задумалась. Нет, — наконец сказала она. Цена того стоит, чтобы стараться.

Думаю, в этом и есть суть старания, — ответил Тим.

Когда... — Алиша немного замялась, — ...когда тебе в последний раз это случилось?

Ты мылась в ручье, сильно наклонившись, и твоя вульва была восхитительно видна, а твои груди покачивались. Тогда это со мной произошло.

Мне лучше избегать такого...?

Нет. Оставь мне эту радость.

Последнее сказанное вызвало у Алиши тонкий импульс, который молниеносно распространился до кончиков пальцев ног.

Так. — сказал Тим, — пока хватит скользких дел. Давай устроим пикник, и как только солнце начнёт темнеть, посмотрим, как незаметно пройти через город на другую сторону, чтобы продолжить наш путь.

Тим развернул старое платье Алиши и расстелил его как скатерть. Всё, что душе угодно. Только вода кончилась, но её можно пополнить по пути.

Затем Тим сказал: Пут-пут-пут, и курица с восторгом гогоча подбежала.

Алише стало немного не по себе. Не хочется смотреть в глаза своей еде.

Взгляд курицы принял серьёзно обеспокоенное выражение.

Алише вспомнилась свинья в таверне. Похоже ли это с курицей? Но как?

Курица протянула ногу.

Тим почесал голову. Я здесь никогда не ел курицу, — признался он.

Курица довольно грубо закатала клювом перья, прикрывающие её бёдра. Как будто это были штаны. И вот! Под ними стали видны готовые жареные куриные бёдра, нет, курячьи бёдра.

Так и должно быть.

Тим потянулся и обнаружил, что горячее (!) и очень хрустящее мясо легко отделяется от бёдер. Под ним остался только тонкий слой мышц, которые, видимо, не ели.

Курица застонала, откинулась назад и закатила глаза.

Ей больно? — обеспокоенно спросила Алиша.

Тим посмотрел. Нет, — установил он, — это извращённое животное, похоже, испытывает что-то вроде оргазма.

Алиша хихикнула, и её чувство вины незаметно улетучилось.

Тим отделил и второе бедро и дал его Алише. Ай! Горячее было жареное мясо. Алиша ещё колебалась... по принципиальным соображениям, но поскольку жареное пахло слишком соблазнительно, она наконец откусила. Потрясающе! — воскликнула она.

Курица удовлетворённо гоготала, но не забывала обеспокоенно смотреть на Тима.

Всё в порядке, — сказал тот, — я тоже пробую!

Он откусил от своего жареного. Хм! — воскликнул он, — действительно

удачно, а кожа восхитительно хрустящая.

Курица выдохнула. Затем поднялась и, слегка хромая, отправилась обратно. Наверное, чтобы похвастаться перед другими курами, как её жареные бёдра понравились даже иностранцам.

После еды Тим вернулся к случившемуся: Знаешь, Алиша, вероятно, это не последний раз, когда кто-то из-за качества твоего молока догадается, что ты ведьма, из внешнего мира. К счастью, эффективность молока каждый раз разная, у каждой женщины, в зависимости от времени суток, питания, душевного состояния, тысяч вещей. Женщины постоянно болтают на эту тему и дают бесчисленные советы, как повысить эффективность. Что-то правда, что-то чушь, и никто точно не знает, что помогает, а что нет. Поэтому обычно проблем нет, и ты всегда можешь сказать, что у тебя все счастливые обстоятельства сошлись разом. Только иногда встречаешь людей, которые очень проницательны, и они замечают, что твоё молоко действует ещё сильнее, чем самое лучшее мыслимое обычное молоко. Возможно, у тех, кто уже пробовал ведьмино молоко. С этим надо считаться.

И что лучше всего делать тогда? — спросила Алиша.

В зависимости от ситуации, — сказал Тим. Если в этом районе у тебя больше ничего особенного не запланировано, как сегодня, просто уходи, неважно как. Иначе прикидывайся дурочкой, а если это не сработает, предложи сделку. Твоё молоко так ценно, что люди почти всегда согласятся, тем более что они не знают, не заколдуешь ли ты их или что-то в этом роде. С тремя доениями ты всегда отделаешься. Если требуют больше, угрожай наказанием. Что наколдуешь им козлиную голову или что-то такое. Это почти наверняка сработает, и уже потому, что трижды ведьмино молоко — это действительно много. Но всё должно быть секретно, люди должны быть уверены, что никто не заметил их тайной сделки. Иначе они тебя оговорят, чтобы отмыться.

А что делать в таком случае?

Хитрость, бегство, костёр, возвращение пешком, если ты потеряла свой кристалл. Так что хорошо береги кристалл. Но, как я сказал, высокая ценность твоего молока обычно решает проблему. Большинство, кто замечает ценность твоего молока, сами не скажут ни звука и скорее постараются тайно и, к сожалению, в полном неведении взять как можно больше.

Впервые я радуюсь коррумпированности человека, — сказала Алиша.

Ну да, *сначала молоко, а потом мораль*, говорят здесь. Как в этом мире — чем больше денег получаешь, тем щедрее становишься со своими моральными принципами. А поскольку ты, так сказать, ходящий печатный станок...

Алиша рассмеялась: Но у кого много денег, тот хуже спит.

О, — ответил Тим, — не забывай, что ты, так сказать, оцетинившийся оружием печатный станок, который может сработать от малейшего касания.

Алиша гордо выпятила грудь: Я опасная женщина.

Убедилась?

Убедилась.

В какой-то момент они отправились в путь. По дороге из лазурного кирпича. Старое платье Алиши с остатками еды они положили у обочины. Если кто-то будет их искать, он пойдёт по ложному следу в неправильном направлении. Ведь они шли обратно к городу, который нужно было как-то обойти.

Пока они шли к городку, с пёстрым игрой цветов постепенно наступили сумерки. И что всегда радовало Алишу: это не сопровождалось похолоданием воздуха. Она действительно ни разу не мёрзла в Перидэис. Как будто здесь этого вообще не бывает.

Когда уже наступила полутьма, городок показался в поле зрения.

Они шли через остатки леса. Перед ними лежали луга, но теперь они шли под низкими деревьями и между редкими кустами.

Из кустов послышалось покашливание. Они увидели тень.

Алиша сначала вскрикнула, а потом рассмеялась.

Там стоял петух. Настоящий петух. И он откашлялся. Когда они посмотрели, петух раздвинул перья, чтобы показать свои крепкие икры.

Ах ты, бедный петух, — сказала Алиша, всплеснув руками, — никто не хочет насладиться твоими упругими бёдрами?

Петух удручённо посмотрел в землю.

Знаешь что, — сказала Алиша, — вообще-то мы могли бы ещё раз поужинать. Но мы не можем заплатить. Или ты берёшь молоко?

Петух в ужасе затрясся.

Ты делаешь это просто так?

Петух возбуждённо кивнул головой. Он, видимо, не хотел громким кукареканьем привлекать слишком много внимания.

Иди сюда, пут-пут-пут, — позвала Алиша и опустилась на колени.

Петух подбежал.

Алиша села на траву: Иди сюда, — позвала она, взяла петуха на колени и почесала ему шею, пока Тим брал то, что петух непременно хотел отдать.

Какой же ты красавец, — похвалила Алиша петуха.

Тот гордо выпрямился.

И какой на вкус! — добавил Тим, причмокивая.

Теперь петух всё же прокукарекал, упал на Алишу и тяжело дышал от восторга, который его пронзил.

Алиша дала ему время на восстановление, наслаждаясь своим ужином. Это сумасшедшая страна, — улыбнулась она. Ещё несколько мгновений спустя петух, хромая, но с гордо поднятой головой, укрался прочь.

Они ждали. Ещё было слишком светло. Алиша и Тим лежали среди кустов, лентяйничали и смотрели в небо. Спустя некоторое время Алиша, лёжа, повернулась к Тиму и поднесла ему грудь. Время надо использовать, да?

Тим взял то, что ему щедро предложили.

Алиша поддерживала дар молока, вибрируя пальцем там, где сходились её бедра. Сосание её сосков неуклонно тянуло её к оргазму и вытягивало его из неё. С послеволнами.

Когда наконец стало совсем темно, или, скорее, не совсем, ведь луна ярко светила над их головами, они решились подойти к уже знакомым воротам в городской стене. Городок спал глубоким сном. Тим осторожно приоткрыл ворота на щель и заглянул в город. Никого не было видно. Стоит ли рисковать? Но Алиша не могла бы защищаться, как он, и в платье у неё не было шансов ускользнуть от лёгкононого мужчины. Нет. Сначала надо посмотреть, есть ли снаружи лучший путь. Может, ручей, он же должен как-то проходить через город или под ним.

Никого нет, — прошептал Тим Алише, — но мы всё же сначала попробуем, не предлагает ли ручей путь. Знаешь, может, мы сможем прямо в ручье пройти — кто смотрит ночью в тёмный ручей. На улице нас сразу увидят. А звуки воды к тому же заглушат наши собственные звуки. Пойдём сначала к ручью!

Оба побежали вдоль городской стены, пока не добрались до ручья.

Путь оказался гораздо проще, чем они думали. Городок состоял из двух частей, разделённых ручьём. Может, даже из трёх, потому что вливающаяся меньшая долина наверняка тоже имела свой ручей посередине. В темноте это было не видно. В любом случае, каждая часть городка имела свою стену, а ручей проходил посередине. Им пришлось, как и планировалось, идти по середине ручья, но в центре у него был твёрдый гравийный грунт, и только изредка большой камень мешал ходу. Даже обувь не мешала, поскольку они её не носили. Редко когда так комфортно ходили, — громко сказал Тим Алише, ведь звуки ручья делали шёпот ненужным, да и невозможным.

При такой температуре воды тем более, — рассмеялась Алиша. То, что её новое платье можно было подтянуть, очень пригодилось.

Тим указал вверх по диагонали. Смотри!

Алиша увидела перед собой большой мост, соединяющий две части городка. На самом деле это был не мост, во всяком случае, не искусственный. Это были скалы, через которые ручей пробил себе путь. Теперь они шли через своего рода туннель. Туннель был, возможно, четыре или пять метров в ширину и около двух с половиной метров в высоту. Им не пришлось нагибаться. Туннель был неожиданно длинным, может, метров пятьдесят. И внутри он слабо светился знакомым фосфоресцирующим зелёным светом, который Алиша уже знала.

Вот почему мы не видели ручей в городе! — сказал Тим. Над ним просто стоят дома!

Когда они вышли из туннеля с другой стороны, справа вливался гораздо меньший ручей из другой долины. Ещё немного дальше городские стены разошлись, и они смогли покинуть воду. Чуть дальше они нашли другую сторону дороги из лазурного кирпича.

Сделано! — Тим выдохнул. — Так. Теперь давай пройдем ещё два-три часика,

пока не отойдём достаточно далеко от города. К тому же я забыл взять новый колчедан. Ты бодра?

Бодра!

Тогда вперёд. Призраков здесь нет. Кажется.

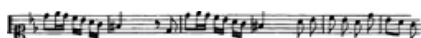
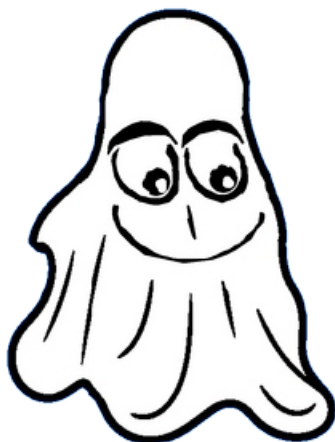
Ты, глупый...

Тим рассмеялся. Нет, я честно ничего не знаю о призраках, и я не знаю никого, кто бы слышал, что кто-то слышал.

Честно?

Честно. Клянусь и жалею о глупой шутке.

Тогда вперёд. Алиша была искренне успокоена. Ведьма не ведьма, а страх остаётся страхом.



Тим рассказывает свою историю

Алиша и Тим шли по дороге из лазурного кирпича, и луна прямо над ними освещала путь. Для Алиши это было совершенно новым, странным чувством — идти ночью через лес и не испытывать ни малейшего страха. Она была почти в эйфории. Луна выглядела красиво, тысячи звёзд помогали светить, и дорога перед ними была ясно различима, хотя высокие скалы справа и слева виднелись лишь смутно. Ручей рядом то приближался, сопровождая их своим плеском, то слегка удалялся. Когда кроны деревьев над ними смыкались, Алиша замечала, что даже ночью можно было видеть довольно далеко между стволами.

Прежде всего, было приятно тепло.

Я совсем не скучаю по фонарю, — сказала Алиша Тиму. Фонарь отнял бы у ночи её волшебство.

Тебя это удивит, — сказал Тим, — но с фонарём видишь меньше. И это вызывает больше страха.

Алиша действительно была поражена. Почему? — спросила она.

Глаза привыкают к темноте. Если ты идёшь из света, сначала ничего не видишь, потому что ослеплён. Если не включаешь фонарик, твои глаза достигают полной чувствительности только через 10–20 минут. Между делом нельзя смотреть на яркий свет. Многие этого не знают, потому что никогда не ждали так долго. Снаружи всегда есть какой-то остаточный свет, только в зданиях или туннелях его нет. Но через не слишком густой лес можно идти без фонаря, в крайнем случае поворачивая голову туда-сюда, потому что сбоку видно немного лучше, и движения легче различимы, чем неподвижные объекты. Нам пришлось это практиковать на обучении. В том числе потому, что так тебя самого не так легко заметят.

А почему без фонаря меньше страха?

С фонариком ты ослеплён. Видишь только то, что в конусе света, но не то, что справа и слева. Это пугает, тьма, непредсказуемое. Без фонарика не так. Ты различаешь меньше деталей, но зато можешь оценить общую ситуацию, и это главное, вызывает ли ситуация страх или нет.

Может, поэтому я сейчас так хорошо себя чувствую?

Может. Но наверняка и сам Перидэс.

Точно. Ты... скажи... — Алиша немного замялась. Ты говорил про обучение. Знаешь, я почти ничего о тебе не знаю. Можешь рассказать о себе?

Могу, — сказал Тим. Никто, кроме Штази, мне этого не запрещал.

Алиша рассмеялась. Рассказывай! — потребовала она. Когда, если не сейчас, ночью, подходящий момент.

Ну, — сказал Тим, — с чего начать? — На самом деле не так уж много. Мой отец был сиротой войны и, как он говорит, стал бы в лучшем случае пьяницей, если бы его тогда не завербовали в Штази. Короче: он тоже в Штази. Моя мать — нет, но зато она сделала крутую карьеру в партии. А я в школе более-менее успешно плыл по течению. Не принципиально, но в целом. Дома всё было в порядке, настоящая идиллия, только нам никогда не разрешали смотреть западное телевидение. Кроме тайком западного радио из-за музыки, которую я записывал. Эстрада, что у нас в ГДР по радио крутят, просто невыносима.

Алиша рассмеялась.

А у друзей мы, конечно, смотрели всё подряд, что шло по западному телевидению. Особенно мне нравились фильмы про конец света, где цивилизация рухнула, и каждый выживает, как может. Когда шли такие фильмы, мы каждый раз устраивали что-то вроде вечеринок, чтобы это смотреть. Включая запасной телевизор, если первый вдруг оказывался недоступен. — В какой-то момент я попал в кружок дзюдо, это было действительно весело. Но, к сожалению, это был настоящий бардачный клуб; то тренировка была, то стоишь перед дверью, а тренер не приходит. Это

повторялось снова и снова и в итоге сильно раздражало. Поэтому я стал искать альтернативу. Нашёл спортивный кружок по боевым искусствам в «Динамо».

Спортивный клуб Штази.

Тогда я этого толком не понимал. С другой стороны, мне было всё равно. У них был первоклассный спортзал и нормальные раздевалки с душевыми. Но главное: ты приходил, и тренировка действительно проходила. Первоклассный тренер, который занимался с нами не только дзюдо, но и другими боевыми техниками. Нам только надо было следить, что разрешено на соревнованиях, а что нет. В остальном он был открыт ко всему. В летнем тренировочном лагере он даже делал с нами что-то вроде скаутских штук, ориентирование на местности и всё такое. Но в основном всё-таки боевые искусства.

Ты использовал это в драках?

Мне вообще не приходилось драться. Все знали, что я занимаюсь боевыми искусствами, и даже самые большие идиоты были ко мне очень милы.

Алиша рассмеялась.

Нет, правда. Никогда не было проблем, и школа в целом шла неплохо, потому что моё обычное нытьё, как они это называли, было «прогрессивным» и «конструктивным». Не просто глупым, как это было модно у большинства. Ну, и в какой-то момент они, конечно, начали приставать с долгосрочной службой, профессиональным военным и всяким таким. Мой ответ был: три года я понимаю, но неохотно, и уж точно не дольше. Что я не казарменный тип. Пока к нам домой не пришли два господина, которые после долгих разговоров признались, что хотели бы меня в Штази, в спецподразделение, одиночный боец. Без казармы. Постоянное обучение в процессе службы, заочное образование до офицерского звания, ну, тут они меня зацепили за самое слабое место, и я подписал.

И что дальше?

Стыдно, стыдно. В школе я с того момента официально входил в кружок ФДГ для военных профессий, официально для армии, и все над этим подшучивали. Но ладно, это тоже улеглось. После школы — приём в Штази. Обучение, дальнейшее обучение, заграничные командировки как военный советник, а потом пара грязных дел, которые не вязались с официальными претензиями партии, государства и Штази. Я слишком громко ворчал об этом не в том месте и не в то время, и это стоило мне звания.

Что это было?

Оружие не тем людям.

Алиша присвистнула. А потом?

Потом я был просто лейтенантом и был переведён на внешний объект в самой глубокой провинции, называвшийся «Объект П». Но там ко мне, по крайней мере, были действительно добры. Когда они мне открыли, о чём речь, я был ошеломлён. Знаешь, они просто так в лесу нашли переход в Перидэис и огородили его как запретную зону. Точно такой же переход, через который мы с тобой попали в Перидэис, и его тоже пытались уничтожить, говорят, ещё

нацисты. И как с переходом в Алжире, вокруг этого перехода тоже происходили странные вещи. Опасные, необъяснимые вещи.

Алиша удивилась: В самой ГДР есть ещё один переход? — Ты говорил только о том, что есть ещё один в Берлине.

Почему бы и нет, — ответил Тим, — Перидэис старше реально существующего социализма. Территорию вокруг перехода они огородили, якобы из-за неразорвавшихся боеприпасов, но где-то это было и не ложь, потому что в той зоне действительно происходило много непредсказуемо опасных вещей. В остальном объект был довольно маленьким, чуть больше 20 человек, и из них лишь горстка тех, кто действительно заходил в зону. Для этого меня после соответствующего инструктажа и задействовали: заходить, распознавать опасности, передвигаться по местности, делать наблюдения и потом записывать. Позже я иногда провожал людей до перехода.

Кто эти люди, шпионы?

Настоящих неофициальных сотрудников, которые должны были зайти в Перидэис, я видел только трёх, не больше. Но это ничего не значит, ведь их никто и не должен был знать; только сотрудники, ведущие Агента, имели с ним дело напрямую. Никто другой их вообще не должен был видеть. Но кроме того, время от времени приезжали сомнительные люди из Берлина на больших машинах, которые не выглядели как Штази. Якобы учёные, я так и не выяснил, кто это был, и спрашивать об этом было нельзя. Я был слишком мелкой сошкой. Короче, эти люди тоже заходили в Перидэис, а мы провожали их до перехода. Но самим заходить в Перидэис нам было строго запрещено.

Почему?

Разные причины: внешняя охрана, минимизация рисков, высокая опасность и всё такое, но главное — что без обширной дополнительной подготовки это может подействовать на нас как наркотик, повлиять на психику, возможно, вредно, и так далее. Сотрудники, ведущие Агента, вероятно, не так ясно говорили об этом своему Агенту.

Это вредно?

Вредно... в зоне... вероятно, нет, в Перидэис точно нет, но Перидэис действительно развращает. В итоге со мной случилось именно то, о чём они предупреждали.

И что произошло?

На Пасху в нашем подразделении была мёртвая тишина. Все были в отпуске, и только один оставался дежурным на случай всяких непредвиденных обстоятельств. Но эти обстоятельства никогда не случались. Надо было регулярно проверять, всё ли закрыто, а в остальном можно было смотреть телевизор, слушать радио или читать книги. Скучно. Вокруг зоны ещё была дополнительная запретная территория, которую охраняла отдельная часть, с которой мы по службе не пересекались. Кроме того, что примыкало к нашему объекту. Так что даже за зоной следить особо не приходилось. И вот однажды я взял ключ от ворот и без разрешения зашёл в зону один. Я рассчитывал на три

часа, так что риск был просчитан: час туда, час там, час обратно. Не надо тебе рассказывать, что чувствуешь при переходе. Это было ошеломляюще! Меня перевернуло. Физически, но и внутренне. Я просто не понимал, почему это держат в секрете. Почему людям отказывают в таком прекрасном. ГДР вдруг показалась мне блеклой, гнилой, лживой. Мне стало ясно, что эти так называемые учёные были большими шишками, бонзами, которые просто развлекались. Разве учёный ездит на «Волге», «Чайке», «Татре», «Вольво» или «Ситроене»?! Я же не глупый. Но не это меня так задело, а невероятная красота Перидэис.

И что людям это скрывают.

Да. Именно это суть. — В первый раз я провёл в Перидэис несколько часов, не один, как планировал. И когда я с тяжёлым сердцем вернулся, я ужасно боялся, что всё раскрылось. Но всё было тихо. А когда я оказался в своём служебном кабинете, к своему изумлению увидел, что в зоне я был даже меньше трёх запланированных часов. По ощущениям это было семь или восемь часов! Я только позже понял, что двенадцать часов в Перидэис равны одному часу в этом мире. Безумие. Тогда я ещё не был назначен сопровождать людей к переходу, поэтому не знал о феномене растяжения времени. Сначала я вообще ничего не понял, но я, как книжный червь, прошёлся по библиотеке нашего объекта. Она была официально доступна каждому из нас и содержала книги по сказкам, легендам и современным научно-фантастическим романам, включая тонны западных книг. Логически, после чтения разных книг остались только объяснения: сказочное царство или высокая технология чужого разума. И как стойкий товарищ я выбрал стойкое научное объяснение.

Как мило, что ты оставляешь лазейку. Рассказывай дальше.

Тим рассмеялся. Ну, и я собрался с силами, чтобы не умолять о дежурствах, лишь бы не привлечь внимания. Но следующая возможность появилась, и следующая, и ещё одна. И снова в Перидэис. Я заставлял себя быть уверенным, что все далеко, только тогда я шёл. И исследовал Перидэис, впервые в жизни был застигнут посреди мастурбации...

Алиша рассмеялась.

Честно. Прямо посреди, на лугу. Это была женщина, и она без стеснения сказала, что это расточительство, и села на меня, чтобы завершить дело более полезным способом, как она выразилась. Потом она уговорила меня выпить из её груди, и вот она исчезла.

Почему она ушла?

Тогда я этого не знал, но сегодня я бы сказал: причина была во мне самом. Никакого желания привязки, но это заведёт слишком далеко. В любом случае, были женщины, которых я находил очень красивыми и очень милыми, но они сначала давали мне грудь, потом поцелуй и затем уходили. Самое странное, тогда по крайней мере: после короткого момента сожаления я в итоге всегда был рад, что могу продолжать бродить и исследовать Перидэис. По крайней мере, окрестности перехода, там было на что посмотреть. Дальше я не решался,

потому что женщины объяснили мне, почему мужчинам всегда нужно пить женское молоко. В Перидэис это жизненно важно! Я однажды это испытал. Сначала появляются лёгкие боли, которые постепенно становятся всё сильнее. Больше я тогда не рисковал и быстро вернулся. Так что я в принципе не злоупотреблял вылазками и радовался тому, что и так встречалось. А в обычной службе я заметил ещё кое-что. У нас была *действительно* хорошо оснащённая библиотека, но её почти не использовали. К тому же куча служебных кабинетов, которые тоже почти не использовались. Как будто кто-то глубоко вдохнул и вдруг потерял смелость. При этом сама зона была крайне интересным феноменом, который должен был вызывать интерес. Но всё выглядело так, будто некоторые вещи вообще не хотели знать.

Потому что это не вписывалось в их картину мира?

Потому что это не вписывалось в их картину мира *или* потому что ещё больше людей позволили себя развратить.

Почему не *и* — не замечаешь, что ты сам царапаешь свою картину мира?

Почему царапать? Нет. Специалист удивляется, обыватель изумляется. Разница в том, хочешь ли ты видеть и понимать. Я *хочу* понимать. Я принимаю, что есть вещи, которые я пока не могу понять, но если я действительно хочу понять, а не просто верить, то я хочу знать, *почему* вещи такие, какие есть. Где иначе разница между церковью и социализмом, если каждый просто верит в свою красивую картинку и игнорирует всё, что в неё не вписывается?

Хорошо. Попадание. Но я не навязываю другим свою красивую картинку.

Попадание. Пока это так. В истории так было не всегда.

Попадание. Но рассказывай дальше!

Ну, для меня было нарушено правило, что надо встречать новое, принцип спора и контраргумента, где честно проверяется, у кого лучше доводы, где с открытыми глазами ищут, и теория становится недействительной, если кто-то убедительно её опровергает. Короче: мой любимый социализм оказался тоже своего рода религией, пустой оболочкой, но красиво упакованной, чтобы продать товар и самому на этом наесться с чистой совестью. А я верил в содержание, не в упаковку.

Утешься, — сказала Алиша, — церковь внутри тоже не всегда так христианка, как притворяется.

Тем ценнее для меня был Перидэис... Один из этих якобы учёных, видимо, хотел выговориться и рассказал мне «под печатью молчания» пару обрывочных вещей. Это были вещи, которых я сам в Перидэис никогда не видел. Наверное, он думал, что я, как «посвящённый», и так всё знаю. Главное: он рассказал, что люди поклонялись ему как богу. Боже мой! Замечаешь что-то?

???

Не знаешь, что это значит?

Нееет, что ты имеешь в виду?

Тим хмыкнул: Сначала это вызвало у меня только любопытство, настоящий смысл до меня дошёл позже. В Перидэис твои самые сокровенные желания

сбиваются, если их исполнение не мешают другие посетители или не смешиваются с их желаниями в компромисс. Какое же было самое сокровенное желание этого социалистического суперборца?

Боже мой! — рассмеялась Алиша. Не называй имена. Я вообще не хочу знать.

Значит, среди нас есть боги, — лицемерно заключил Тим, — и что это нам говорит: общество, видимо, должно быть построено так, чтобы оно работало даже с клоунами, яйцеголовыми, болванами и психопатами во главе. А для диктатуры это точно не так, даже если они все сплошь святые пролетарии, вегетарианцы, гуманоиды или истинные христиане, с лобковыми волосами или без.

И при чём тут лобковые волосы?

Да ни при чём. Вот об этом я и говорю.

Рассказывай дальше.

Остальное быстро. Позже я ещё раз перелез через забор в другом месте. Я знал, где нет риска и когда в зоне никого нет. Это не было проблемой. Но однажды меня поймали в самом Перидэис. Приставы пери.

Приставы???

Да, как я сейчас.

У них что, тоже была такая форма?

Да, была. Это меня совсем добило. Точно такая форма, но с плетью и верёвкой вместо пистолета, и на фуражке символ с женщиной, протягивающей зрителю груди, вместо эмблемы ГДР.

И что ты тогда подумал?

Ничего, я подумал, что сошёл с ума.

Алиша рассмеялась: Это я могу себе представить. И чего хотели эти приставы?

За переходами следят, хотя и не слишком строго. Если ловят незваного гостя, обычно пытаются его прижать к определённой местности, напугать или дают шанс. Меня отволокли к одной из пери, и я получил свой шанс, служа пери какое-то время в качестве пристава. В том числе делая кое-что в зоне со стороны ГДР.

Как это?

Мелочи. Например, якобы у меня был несчастный случай в зоне. Если такое происходит, у них есть повод пускать туда меньше людей. А ещё был действительно приятный приказ от пери.

...

Ты должна спросить, какой.

Какой?

Всё подготовить, чтобы привести тебя в Перидэис.

Серьёзно, ты был в этом замешан? Ещё дома?

Там ещё нет. Но другие посетители были в деле.

А эти странные вещи, что там происходили?

Что?

Ну послушай, там происходили вещи, которые не совсем попадают в категорию

вероятности больше одной сотой процента.

А, такое... да... тут ты отчасти права. Вокруг этих переходов иногда происходят странные вещи даже в этом мире... или находят странные предметы со странными эффектами, которые я не могу объяснить ни в малейшей степени. По крайней мере, не на основе физики, химии и прочего. Вещи, над которыми и специалист удивляется...

Ого!

Да. Такую маленькую штуку ты получила.

Историю?

Да. Историю. Книжечка с историей, насколько можно установить, не земного происхождения, точнее: не из этого мира. Ты бы её никогда не получила, если бы была опасность, что она попадёт в чужие руки. Когда держишь эту книгу, она каким-то образом действует. Как это описать... сказочно выражаясь, в ней уже как бы прилип кусочек того, что переживаешь здесь, в Перидэис. Но что там происходит, для меня настоящая загадка. Она точно вызывает эффекты.

Зачем такие сложности, почему не просто через переход в ГДР?

Вспомни...

Ах да, только когда ты сам почувствуешь Перидэис... Но если бы мне завязали глаза?

Никто не знает, что движет пери. Здесь у них всё в руках, и они не выдают своих секретов.

Хм.

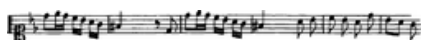
Но так ведь было гораздо красивее?

Да, это правда! Только вот огромные хлопоты...

Может, ты важна для пери.

Ещё какое-то время Алиша и Тим брели по залитой лунным светом долине. Но наконец Тим нашёл место для ночлега, Алиша сделала небольшую разрядку рукой, чтобы уснуть, пока Тим облегчал Алишу от того эликсира, который ему так нужен был для жизни. Это ещё легче привело Алишу к желанному оргазму, в то время как Тим, в свою очередь, благодаря этому получил больше того свежего ценного эликсира. И поскольку никто за ними не следовал и никто их не беспокоил, они погрузились в глубокий восстанавливающий сон.

На следующее утро Тим настоял на том, чтобы взять новые кусочки колчедана из пещеры, и затем они продолжили путь через бесконечную, но такую красивую долину с её великолепными цветами, фруктами, то лесом, то рощей, то лугом и время от времени местом для купания в ручье. Хотя, по сути, долина вовсе не была бесконечной, ведь в неё вливалось множество других долин, но пути в них вели редко.



Замок Спящей Красавицы

После нескольких дней пути по дороге из лазурного кирпича и множества остановок для отдыха Алиша долина внезапно расширилась втрое, и лес уступил место лугу, усыпанному цветами. Однако ручей продолжал течь прямо, обходя гору, возвышавшуюся посреди долины. А рядом с ним тянулась дорога из лазурного кирпича. Алиша и Тим весело болтали, шагая по пути.

Но, добравшись до горы в центре долины, они увидели, что это вовсе не гора, а скала, покрытая розами сверху донизу. И это было не всё. Дорога из лазурного кирпича раздваивалась, и одно из ответвлений вело прямо в скалу. Заинтригованные, Алиша и Тим приблизились.

Что там могло быть?

Но в тот самый момент, когда они оказались перед скалой, розы начали раздвигаться, открывая перед их взорами большое ворота. Что это было?

Они подошли ближе.

И тогда стало ясно, что скала вовсе не скала, а великолепный и величественный замок, сплошь заросший розами.

Можно ли туда войти? — спросил Тим.

А что, если розы снова закроются? — ответила вопросом Алиша.

Оба осторожно приблизились и заглянули в ворота.

Смотри туда! — взволнованно воскликнула Алиша, указывая на левую часть замкового двора. То, что они увидели, были многочисленные люди, какие обычно живут в замке, но все они стояли, словно куклы, замершие в движении, как будто кто-то внезапно остановил кадр кинофильма. Но то, на что указывала Алиша, было чем-то особенным. Это был повар, который собирался дать подзатыльник кухонному мальчишке.

Это похоже на замок Спящей Красавицы! — сказала Алиша и ущипнула Тима за руку.

Ай, — сказал тот, — но, кажется, ты права, я тоже помню эту сцену с поваром и кухонным мальчишкой.

Но в сказке о Спящей Красавице розы не закрывались снова! — сказала Алиша. Это значит, что мы могли бы войти без опасности.

Тим остался скептичен. Алиша уговаривала его, пока он наконец не уступил, но с условием, что сначала сам отправится на разведку. Алише пришлось сдержать своё любопытство. Когда Тим наконец вошёл во двор замка, Алиша осталась стоять как можно ближе к воротам.

Тим сделал шаг.

Ничего не изменилось.

Он подозрительно посмотрел вверх и сделал ещё один шаг.

Ничего не изменилось.

Ещё шаг.

Розы оставались совершенно неподвижными.

Тогда Тим решительно двинулся дальше.

Что он задумал? — Всё просто. Тим схватил несколько длинных столов и скамеек и потащил их к воротам. Там он соорудил из столов и скамеек что-то вроде туннеля, через который можно было бы проползти, если бы розы вдруг решили снова закрыть вход.

Недурно придумано, — одобрительно прокомментировала Алиша.

Когда Тим закончил, он пригласил её тоже выйти во двор замка.

Всё было точно как в сказке о Спящей Красавице. Только вот нагота женщин, которую в сказке для юношества вычеркнули, кухонный мальчишка, оказавшийся взрослым, и то, что многие обитатели замка занимались делами, о которых в книгах для молодёжи обычно умалчивают, даже если из-за этого остаётся неясным, почему мужчина и женщина сходятся, вместо того чтобы разойтись, ведь их официально упоминаемые интересы так часто разнятся. Здесь же некоторые люди не скрывали, *что* их так магически притягивало друг к другу, а их лица ясно показывали, *почему* они это делали. Алиша также заметила двух женщин, крепко обнявшихся. Подойдя ближе из любопытства, она узнала то, что всегда хотела знать из чисто технического интереса. А именно, что продолговатые предметы вовсе не обязательны.

Ты маленькая свинка, — раздался голос Тима за спиной Алиши.

Алиша, чтобы восполнить пробел в знаниях, заглянула под юбку.

Я действительно хотела это знать, — оправдывалась Алиша, — они делают это точно так же, как я. Мне это честно было интересно.

Тим почесал затылок. Вот мы снова у вопроса морали. Но знаешь что? Этот замок Спящей Красавицы напоминает мне засыпанную город Помпеи: моментальный снимок, который иначе никогда не увидишь. Настоящая, неприкрытая жизнь, разложенная перед нами для наблюдения. Хочешь, используем это для обучения? Пройдёмся по замку сверху донизу, посмотрим, что делают люди?

Сделано! — Алиша была в восторге. Но давай сделаем, как я только что: ничего не пропускать. Иначе это бессмысленно, и мы не получим честного взгляда.

Алиша и Тим бродили по замку. Они открывали двери и темницы, шкафы и шкатулки, расстёгивали штаны и приподнимали юбки. Они видели и прекрасное, и отвратительное, они видели... неприкрытую жизнь. Настоящую. Нормальную, которую в обычной повседневности так часто называют ненормальной. И у них было время спокойно разглядывать тайное и размышлять об этом. И хотя Алиша и Тим могли бы не раз в раздевалках и других местах подсмотреть, как выглядят сокровенные места других людей, всё же правило гласило, что на это нужно не обращать внимания. Тим по этому поводу рассказал, что так было и у народов мира, ходивших с обнажённой грудью: мужчинам было строго запрещено пялиться на женские груди. Только когда пришли так называемые цивилизованные люди и начали глазеть, тогда и в этих культурах начали прикрываться. По крайней мере, когда цивилизованные

были рядом.

Алиша и Тим сейчас были бесстыдно цивилизованными. Алиша рассказывала о пенисах из плоти и крови, а Тим поражался, насколько разными бывают вульвы. Алисия и Тим были теперь невероятно вежливы. Алиша объяснила ему разницу между «надувными» и «раскладными» пенисами, и Тим был поражен тем, насколько разными могут быть вульвы. При этом они не смогли договориться, как в немецком языке будет множественное число от «Vulva», то есть «вульва», потому что, по-видимому, множественное число никогда не используется³⁶. И что только люди не делали вместо работы! Но это уже слишком далеко завело бы. Это был очень увлекательный полдень.

Но в какой-то момент оба оказались у подножия замковой башни.

Я туда не пойду, — сказал Тим.

Что? — спросила Алиша. Ты не хочешь увидеть Спящую Красавицу?

Нет, — ответил он. Некоторые мечты я хочу оставить мечтами. Спящая Красавица — это прекрасная сказка, которая мне очень нравится, и у меня есть внутренний образ Спящей Красавицы. Пусть он останется таким, какой есть. К тому же ты наверняка захочешь, чтобы я её разбудил поцелуем.

Конечно, — сказала Алиша, — что в этом такого?

Нет, не буду, — сказал Тим. Тогда я изменю сказку, разве что останусь принцем. Но у меня нет желания быть сказочным принцем. И ты думаешь, одного поцелуя хватит? В официальной сказке опять что-то упустили, и я окажусь дураком, который должен её лишить девственности, чтобы она проснулась.

Сначала Алиша была немного ошарашена, но потом рассмеялась. Да ладно, что такого в этом лишении девственности...

Есть ещё одно веское основание, — продолжил Тим, — посчитай: сколько ей было лет, когда она погрузилась в волшебный сон? Четырнадцать. А сколько должен длиться этот сон? Сто лет. Итого? Сто четырнадцать лет. Видишь.

Ты врешь, врешь! В Перидеисе не стареют!

Ладно, поймал, но ещё и жениться придётся. Капризная, взбалмошная и, вероятно, некрасивая принцесса, только целибат мог бы смягчить чашу весов, но я знаю кое-что получше. Не такое богатое, но...

Тим замолчал, испуганно покраснев.

Алиша взяла его за руку. Затем хрипло сказала: Пойдём, уходим.

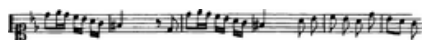
Оба направились к воротам, Тим убрал столы и скамейки, и они покинули замок. Когда оба оказались снаружи, розы снова закрыли ворота, как прежде.

Алиша и Тим вернулись на главную дорогу, дорогу из лазурного кирпича, и продолжили своё путешествие.

И говорят, что именно в этот момент настоящий принц завернул за угол. Но

36 Вульва, множественное число: лат. vulvae, нем. (Внимание, исключение!) die Vulven, рус. (очень просто): вульвы.

точно никто не знает. Надо бы кому-нибудь сходить проверить.



Ведьмин дом

Алиша и Тим весело болтали, шагая по дороге из лазурного кирпича. Птицы кричали, щебетали, пели, каркали, свистели, солнце над ними сияло сквозь кроны деревьев, а густой лес снова и снова удивлял самыми странными деревьями и яркими цветами. И поначалу они даже не заметили, что дорога из лазурного кирпича постепенно зарастала травой, а кусты всё ближе подступали к пути. Но наконец они остановились, потому что последний участок дороги исчез под травяным покровом, и только просека между деревьями указывала, куда ведёт путь.

Что теперь? — спросила Алиша.

Хм! — проворчал Тим, — выбора у нас нет — мы *должны* идти по этой дороге. Так что — ничего не поделаешь, пробираемся через заросли. Заблудиться мы, в общем-то, не можем, потому что остаёмся в долине. Надо только следить, чтобы случайно не повернуть назад.

Разве нельзя ориентироваться по погодным сторонам деревьев, посмотреть, где растёт мох или что-то в этом роде? — спросила Алиша.

В Перидеисе это не работает, — ответил Тим. Здесь нет погодных сторон, а солнце всегда стоит прямо над нами. Даже звёзды ночью не помогают, потому что они просто вращаются вокруг солнца, и это ничего не даёт.

Компас?

У меня его нет, и здесь их тоже нет. Если попробуешь сделать, он не покажет постоянного направления. Некоторые уже пытались.

Алиша замолчала, озадаченная.

Давай устроим пикник, прежде чем углубимся в лес, — подбодрил её Тим, — я видел там кофейные плоды.

Он сбросил рюкзак на землю и побежал сорвать один из плодов. Алиша уселась на землю, аккуратно расправив подол платья вокруг себя. Как хорошо, что здесь нет муравьёв, подумала она, когда её ягодицы коснулись земли. Она посмотрела на Тима, который осторожно срывал кофейный плод с дерева. Вернувшись, он положил плод на землю и достал из рюкзака кружки и разные съестные припасы. Осторожно проткнул плод в двух местах и налил горячий кофе в кружки.

С молоком было бы лучше! — пошутил он.

Могу устроить, — ответила Алиша, которая в душе уже давно не считала это шуткой или чем-то странным. Она с серьёзным видом подставила одну из кружек под свою грудь.

Тим сразу понял и был ей благодарен. Шутки у мужчин нередко — лишь признак неуверенности.

Ай! Кофе слишком горячий! — вырвалось у Алиши, и она отшатнулась. Тим почесал затылок. Хм, — сказал он, — об этом я мог бы и раньше подумать. Вылей кофе, нам же не надо экономить.

Алиша так и сделала, а затем помахала кружкой в воздухе, чтобы она остыла. Потом она повернула правую грудь к Тиму. Не хочешь... подоить меня?

Попробуй сама, — сказал Тим, — тебе всё равно придётся этому научиться.

Алиша подставила кружку левой рукой под правую грудь.

Возьми большой палец и два пальца!

Алиша сделала, как он сказал, и сжала. Ничего не вышло, хотя грудь недавно ныла знакомым образом по бокам. Алиша попробовала тянуть.

Тим опустил на колени позади Алиши и медленно показал: Итак, большой палец с одной стороны, указательный и средний — с другой. Начинаешь чуть позади ореола и делаешь выжимающее движение вперёд. Примерно как если бы ты выдавливала зубную пасту из тюбика. Пока грудь сама не реагирует, делай это с вращающим движением, чтобы не тереть кожу, иначе со временем натрешь её до боли. Как только грудь и пальцы станут влажными от молока, будет легче. Давай, попробуй!

Алиша попробовала. Приставить, нажать, прокатить вперёд... не так-то просто. Её сосок вытянулся, пока пальцы наконец не добрались до самого кончика. Вот! Три или четыре капли молока брызнули из соска в разных местах. Ну, хоть что-то. Она снова потянулась назад и повторила движение. Снова и снова. Капель стало больше, и наконец по груди потекла струйка. К сожалению, не в кружку. Струйка распалась на полпути между соском и животом и намочила платё. Не беда. Тим подбадривал её. Движения Алиши становились увереннее, ровнее, ритмичнее. Она начала ощущать гроздевидные структуры молочных желёз внутри груди, которые подсказывали, где сейчас есть молоко. Инстинктивно она массировала эти места, направляя молоко к соску. Вот! Теперь из груди брызнула настоящая струя молока. К сожалению, опять не в кружку, которую она держала в левой руке, а в ту, что стояла на земле. Алиша рассмеялась.

Выжимай грудь до самого конца соска, — слышался голос Тима за её спиной. И бери именно то место, которое уже дало молоко. Выдаивай его, пока не опустеет, и только потом переставляй руку. Так же можешь потом менять грудь. И делай всё ритмично, найди свой ритм, который даёт больше всего молока. Есть что-то вроде оптимального темпа.

Вот! Ещё одна струя. Алиша работала с жаром. Ещё одна, и эта была мощной! Теперь Алиша лучше целилась грудью в кружку. Доить. Две струи. Доить. Три или четыре струи. Доить. Целый душ молока из множества отверстий одновременно. К сожалению, во все стороны, кроме кружки. Доить. Доить. Доить. Красиво и ритмично. Тянуть за грудь. Доить. Ближе к кружке. Массировать чуть дальше назад на груди. Доить. Молочные струи. Молочные струи. Молочные струи.

Но даже спустя какое-то время дно кружки было едва покрыто.

Не расстраивайся, — утешил Тим за её спиной, — это придёт. Давай, я закончу.

Тим привычно просунул руки под её подмышками к груди и сделал знакомые доильные движения, от которых Алиша замурлыкала. Какой у него был ритм! И как он чувствовал, где грудь хочет быть подоенной. Алиша закрыла глаза и отдалась ощущениям. Левая грудь, снова правая, ещё раз левая, снова правая. Готово! — Тим дунул Алише в ухо. Алиша вздрогнула.

Как ты это делаешь...

Дуть в ухо?

Фу! — Алиша показала ему язык. Давай, пора есть.

Кофе-то остыл.

Ох, нет!

Теперь Алиша вскочила, взяла новый кофейный плод и налила кофе. Тим выбрал кофе с молоком в пропорции половина на половину. Столько молока уже было.

Каков вкус? — поинтересовалась Алиша.

Замечательный! — ответил он. Половинная смесь — идеальна для женского молока. Меньше молока — это экономия не на том, а больше — даже лучше. Когда-нибудь попробую много молока с каплей крепкого мокко. Должно быть восхитительно. А вот с чаем можно брать гораздо меньше молока, но не с кофе³⁷.

Когда они поели, Тим внимательно посмотрел на скалы, обрамляющие долину. Он указал вперёд: Если долина разделится, нам надо держаться левой стороны, но, может, мы найдём дорогу и раньше. В крайнем случае, я заберусь на дерево или скалу. Пойдём!

Он помахал Алише, та отряхнула платье, и оба двинулись в путь. Заросли оказались не такими густыми, как думала Алиша. В общем, идти было неплохо. Не так удобно, как по дороге, но терпимо. Однако лес становился всё гуще, и просека уже не всегда была ясно различима. Но просветы между деревьями время от времени позволяли увидеть скалы, ограничивающие долину, — так они не теряли направления, даже когда просека совсем пропала. Алише становилось всё тревожнее, и она спрашивала себя, как Тим вообще ещё умудряется находить путь.

В худшем случае потеряем время, — сказал Тим. Это не страшно, времени у нас вдоволь.

Но отпуск-то когда-нибудь кончится, нет? — спросила Алиша.

И да, и нет. Ты в Перидеисе, а значит, у нас времени в двенадцать раз больше.

Но всё равно не хочется вечно блуждать. Ты ещё знаешь, где мы примерно?

Нет.

Что? — Алиша в душе считала Тима чуть ли не полубогом, который, среди прочего, *разумеется*, никогда не заблудится.

Ерунда, — буркнул он. Не переживёшь одно приключение, переживёшь другое.

37 Китайская императрица Цыси (1835–1908), кстати, предпочитала чёрный чай с женским молоком. Она содержала собственный дворец кормилиц, чтобы всегда иметь достаточно женского молока для себя и высоких придворных.

Перидеис никогда не скучен, это я тебе обещаю! Вот увидишь.

Я просто так сказала.

И я тоже, — легко ответил Тим. Пойдём, вон там деревья не такие густые. Меня волнует только одно: голодать мы не будем, но еда в этих краях скудная по вкусу. Тебе, возможно, придётся потерпеть. — Он посмотрел на Алишу с явно притворной жалостью.

Мне?

Да, тебе! У меня нет причин жаловаться, ведь ты из самого отвратительного столовского пойла делаешь вкусное молоко. Если станет совсем худо, я уступлю тебе очередь на народной кормушке и удовольствуюсь твоими личными продуктами.

Гад! — рассмеялась Алиша.

Но Тим был прав. Всё, что здесь росло, было не слишком аппетитным. Примерно как в столовой похуже. Тим дразнил Алишу, что её молоко на вкус как шоколад или ванильное мороженое. Но и ему в итоге пришлось есть местные плоды, потому что молока из груди Алиши никогда бы не хватило, чтобы накормить его досыта. Преимущество было лишь в том, что грудям Алиши уделялось больше внимания, чем было строго необходимо, и это немало способствовало их росту и процветанию.

Так они пробирались через лес.

Перейдя небольшой ручей, Тим вдруг заметил тропинку. И правда! Время от времени были видны обрубанные ветки, а на земле проступала узкая песчаная дорожка. Неужели здесь, в глуши леса, кто-то живёт?

Они пошли дальше.

И вот между деревьями показался домик. И не просто домик, а настоящий пряничный домик, целиком построенный из имбирных пряников.

Алиша взвизгнула: Пряничный домик! Интересно, здесь и ведьма есть?

Добравшись до домика, Алиша отломил кусок пряника. Хм, вкус был совсем другой, чем у всего остального вокруг, немного суховат, но на вкус превосходный.

Тим хмыкнул, словно что-то предчувствуя, но тоже отломил себе кусок пряника.

Тут раздался голос: Хрум-хрум, кто грызёт мой дом?

Ветер, ветер, небесное дитя! — ответил Тим, уже заливаясь слезами от смеха, но продолжал есть, потому что пряники были действительно восхитительны. Алиша же широко распахнула глаза и забыла о еде, так она была поражена.

Вдруг дверь домика открылась, и из неё вышла ведьма. Но она была не такой старой, как пишут в одной известной детской книжке, в которой, к слову, не хватает важных частей, а другие части не вполне правдиво изложены. Как бы то ни было, ведьма была старше Алиши и Тима. Скажем, она была в том зрелом возрасте, когда у женщин огонь уже полностью разгорелся, но старой она точно

не была. И не сгорбленной. Напротив, она прямо-таки излучала силу и здоровье, а мелкие морщинки на лице скорее свидетельствовали о том, что она вышла из возраста, когда женщины верят в сказку о добродетельной деве, которая должна держать ноги вместе без всякой на то причины. Как видно, о ведьмах существует много предрассудков, которые стоит отбросить. Но у ведьмы был прямой, властный взгляд, под которым слабые натуры, вероятно, сами собой падали на колени. Не злой. Пожалуй. Трудно сказать. В её взгляде было что-то явно магическое и очень странное. В нём пылал огонь, и Алиша едва осмеливалась смотреть в него, боясь потеряться. Ведьма была одета в чёрную кожу. Верх напоминал Алише что-то вроде дирндля, только из замысловато зашнурованной кожи, и её весьма полные груди не были выставлены на балкончике, а тяжело висели на свободе. Короткая юбка спереди имела разрез, открывающий чёрные кудрявые волосы лона, а сзади была достаточно короткой, чтобы позволить весьма пышным ягодицам выглядывать наружу. Тим получил локтем в бок от Алиши, потому что её не устраивало направление его взгляда.

Ведьма же присвистнула и сказала: Ну и ну, какие красавцы, откуда вы взялись? Заходите ко мне, сегодня вам будет хорошо, получите вкусную еду и место для ночлега. (Юристы могут записать: ведьма не обещала ничего больше.)

В ведьмином доме Алише и Тиму подали хорошую еду: молоко (Алиша была немного скептически), блины с сахаром, яблоки и орехи, а затем приготовили две прекрасные постели, куда Алиша и Тим улеглись (Алиша в одну, Тим в другую) и подумали, что попали в рай.

Но ведьма была той, кто позаботился о том, чтобы дорога из лазурного кирпича исчезла, и построила пряничный домик посреди леса только для того, чтобы заманивать заблудившихся путников. Если кто попадал в её власть... но мы ещё увидим, что будет дальше.

После еды Алиша и Тим крепко заснули, так как были очень уставшими. Но ведьма подмешала в еду хороший снотворный напиток.

И что же увидели Алиша и Тим, проснувшись утром? Тим оказался голым в клетке, а ведьма крикнула Алише, чтобы та оделась и вымыла пол. В руках у ведьмы была метровая кожаная плеть, которой накануне вечером она ещё не показывала. Плеть была явно длиннее, чем та, что Тим носил на своей униформе. Или, точнее, носил раньше. Дверь в заднюю комнату была открыта, хотя накануне вечером она была закрыта. И что же с ужасом увидела Алиша? Задняя комната была полна различным оборудованием, предназначенным для удовлетворения мрачных желаний, но способным внушить ужас простым душам.

Делай, что я говорю, — пригрозила ведьма Алише с горящими глазами, — иначе я покажу тебе свои магические искусства.

Алиша молчала. Погоди, подумала она, мытьё пола даст мне время подумать, и я что-нибудь придумаю. Вслух же она спросила: Как мне мыть пол, если у меня

нет ничего для этого?

Глупая Лизель, — прошипела ведьма, и Тим засмеялся в своей клетке, услышав, как ведьма назвала Алишу.

Мсть! — поклялась Алиша. Старая ведьма, этого я тебе не забуду! Но она также подумала: Если Тим смеётся, значит, не всё так плохо.

Глупая Лизель, — повторила ведьма, — вон там найдёшь ведро и тряпку, а где ручей, ты знаешь. Так что живо и не смей мешкать.

А ты, — обратилась ведьма к Тиму с притворной любезностью, — *у кого нет груди, тот платит остальным телом*. Ты будешь служить мне по-другому. Давно мой чресла не растягивал, не мял и не увлажнял крепкий пестик, вроде того, которым ты так великолепно оснащён. Обслужи меня как следует, и вы оба будете свободны!

Никогда! — ответил Тим. К тому же я не могу, ты же знаешь, я бюттель.

Знаю, — хихикнула ведьма, — но если тебя заставят, это ведь не считается, правда?

Тим промолчал.

Так я и думала, — сказала ведьма. Посмотрим. Ты мужчина, ещё молодой, и мой опыт говорит, что молодые мужчины здорово трясутся от своего влечения, если их достаточно разогреть. В конце концов, ты мне послужишь, рано или поздно, женщина может быть терпеливой, в отличие от вас, мужчин, вот увидишь. А теперь покажи, твой пестик уже твёрдый?

Тим с ясным взглядом показал ей свой пенис — тот был совершенно вялым и для ведьмы непригодным.

Погоди! — гневно крикнула ведьма и хлестнула метровой плетью через прутья клетки.

Ай! — вскрикнул Тим, потому что удар был хорош. Ведьма была опытной и не промахивалась.

Просунь свой палец удовольствия через прутья, — потребовала она.

Тим колебался.

Ну? — Ведьма снова замахнулась метровой плетью.

Тим предпочёл подчиниться, так как в клетке укрыться было негде, и прижался телом к прутьям.

Ведьма схватила его палец удовольствия, применила свои умения, но в итоге он остался таким же вялым, как прежде.

Хм, — проворчала она. Посмотрим.

Как раз в этот момент Алиша вернулась с ведром воды из ручья, и ведьма почувствовала, как в палец удовольствия Тима предательски хлынула жизнь.

В ярости ведьма отвернулась.

Лизель, — рыкнула она, — поставь ведро и иди сюда.

Она поманила Алишу к печи.

Алиша нерешительно приблизилась к ведьме и печи. Когда она подошла, ведьма сунула руку в топку, где в тот момент не горел огонь, и вытащила горсть сажи, которую размазала по лицу Алиши.

Вот! — хихикнула ведьма. — Теперь ты не такая привлекательная, как раньше.

Тут взгляд ведьмы упал на груди Алиши.

Ведьма хихикнула снова: У меня есть идея, подождём, подождём...

Садись вон туда на стул! — прикрикнула она на Алишу.

Алиша едва могла оторваться от пронзительного взгляда ведьмы, и ей было не по себе, потому что указанный стул был необычным — к нему были прикреплены ремни.

Ай! — Ведьма ловко задрала подол Алиши и в тот же момент крепко хлестнула её по ягодицам метровой плетью.

Ффф! — вырвалось у Алиши, и она запрыгала с ноги на ногу, потирая левой рукой ноющую ягодицу.

Ну? — спросила ведьма. — Это поможет тебе сесть?

Алиша быстро подбежала к стулу и села.

Ремни защёлкнулись вокруг запястий и шеи Алиши.

Так, моя Лизель, — сказала ведьма (Алиша услышала хихиканье из клетки), — так. *Полная женщина, полные груди*, я не стану тебя наказывать, если ты будешь послушно давать своё молоко. Будь послушной, и я не стану тебя наказывать. — С этими словами она схватила груди Алиши и начала месить их по всем правилам искусства. И ведьма была хороша! Алише стало совсем иначе, и то, что происходило с её телом, ускользнуло от контроля её разума. Ловкие руки вспахивали её груди, куда искуснее, чем руки Тима — о, между ними лежали целые миры! Алиша задыхалась и в немыслимо короткое время потеряла то, что обычно называют рассудком. Ведьма и правда умела колдовать. Её руки месили, выжимали, гладили, манили, трясли, сжимали, щекотали, позвякивали, постукивали и тянули. У Алиши побежали мурашки, она дрожала, стонала, пищала, ликовала, плакала и, короче говоря, была в восторге.

Молоко брызгало струя за струей в кружку, которую ведьма поставила перед грудями Алиши на стол, и наполняло её волна за волной.

Наконец ведьма остановилась, и Алиша вернулась в мир сквозь пелену слёз.

Какая же подлая женщина, способная обрести такую власть над ней!

Ведьма же сняла ремни со стула, с неожиданной силой подняла Алишу, шлёпнула её по ягодицам и резко приказала: Прочь, Лизель! Тебе ещё пол мыть.

Алиша поспешно ушла.

Сама же ведьма вдохнула аромат выдоенного молока. Хм, — сказала она, — у *краденой женщины груди не разглядывать*, — имея в виду, что молока могло бы быть больше. Эта Лизель всегда так мало даёт? — обратилась она к Тиму.

Не каждая женщина даёт молоко каждому, кто хочет её доить, — парировал Тим.

Не наглей, — сказала ведьма и попробовала выдоенное молоко. Бывало и получше, — проворчала она, — скажи, Лизель, что ты ела последние дни? Птичий помёт? — При этом ведьма выглядела так, будто только что приняла сильный наркотик.

Алиша, стоя на коленях и моя пол, предпочла промолчать.

Ведьма же, споткнувшись о стул с полным стаканом, направилась к плите, где уронила горшок, развела огонь, обожгла себе пальцы, и было видно, как она растирала секретные травы, роняла ещё больше трав на пол, остатки добавляла в виде порошка в молоко, и оно закипело. Вокруг плиты висели пучки сушёных трав, а по обе стороны от неё стены были уставлены полками с множеством больших и маленьких горшков и банок, в которых, кто знает, что могло храниться.

Ведьма стояла, всё ещё пьяно покачиваясь, перед плитой, где нагревалось молоко Алиши. И было слышно, как она всё время бормотала заклинания. Правая рука кружила над горшком, а левая помешивала молоко. Это, похоже, хорошо удавалось. И всё это ведьма делала, пока в горшке не остался только порошок. Порошок она ещё раз измельчила бронзовым ножом на деревянной доске, а затем половину пересыпала в бронзовый горшок с крышкой. Другую половину смешала с голубоватым порошком, снова пробормотала над ним заклинания, добавила совсем немного воды и в итоге слепила из этого нечто квадратное, похожее на пилюлю, какие делают аптекари. Только квадратную, или, точнее, ромбовидную³⁸. Зачем она это делала, осталось тайной ведьмы. Наконец она взяла квадратную голубую пилюлю, положила её в маленький глиняный сосуд и хихикнула. Подождём, подождём, — пробормотала она, закончив.

Великолепный напиток, — бормотала ведьма, опустившись на стул после работы. Что она имела в виду, осталось неясным.

Алиша всё это время мыла пол пряничного домика, но воду и дрова приносила сама ведьма. Ей это не составляло труда, потому что перед домиком стояла бадья, которой достаточно было сказать «Лети!», и она летела. В неё ведьма по выбору загружала дрова, наливала воду или летала сама. Алиша позавидовала, увидев это удобное средство передвижения. Ведьма не забывала о своей метровой кожаной плети, но и не слишком усердствовала в наказаниях для Алиши. Причину она тихо бормотала: *Пот высушивает вымя*. Ведь каждые два-три часа она доила Алишу и хотела получить как можно больше молока. Она была прямо-таки жадной до него и постоянно готовила из него порошки, мази и напитки. И никогда не забывала попробовать молоко Алиши, бормотать «Птичий помёт» и после этого выглядеть как в опьянении.

Одно удивляло Алишу: ведьма, похоже, доила и себя, но из своего молока делала только порошки и мази, без секретных трав и заклинаний, и хранила их в другом горшке.

Так прошёл день. Алиша мыла пол, ведьма следила с метровой плетью, чтобы всё было сделано как следует, затем Алиша убиралась, протирала столы и бессчётное количество раз аккуратно складывала одежду Тима.

38 Я упоминаю это так подробно, потому что значение отдельных действий остаётся неясным, а также потому, что подобные таблетки странным образом появились и в этом мире.

Вечером ведьма впервые разрешила Алише через прутья клетки подать Тиму грудь, но лишь ненадолго.

Этого тебе едва хватит, — сказала она.

Лизель, — продолжила ведьма, — теперь ты позаботишься, чтобы Тим не пачкал свою клетку. — И указала на кувшин, стоящий на полу рядом с клеткой. И, как это водится у ведьм, этого было мало, потому что ведьма уселась на стул и захотела посмотреть, как Тим не пачкает свою клетку.

Хоп-хоп! — крикнула ведьма.

Алиша покраснела, но, поскольку у ведьмы на коленях лежала метровая плеть, не посмела возражать, наклонилась за кувшином и повернулась к Тиму.

Давай, — прошептала Алиша, — ничего не поделаешь, подойди, я с радостью это для тебя сделаю.

Тим нерешительно приблизился, потому что и он чувствовал себя неуверенно под взглядом ведьмы.

Ещё ближе, — нежно прошептала Алиша, чтобы придать ему смелости. И когда он подошёл вплотную к прутьям, она взяла его пенис, чтобы направить его в кувшин.

Но Алиша не учла, какое действие может оказать прикосновение женской руки, и в её случае это действие было *неизбежным*. Пенис всё больше твердел и теперь смотрел вверх из кувшина, а не вниз, в него.

Тут нужен был хороший совет.

Алиша перекрыла взгляд между ведьмой и Тимом.

Ну же! — слышался голос ведьмы.

Алиша быстро повернулась в сторону, потому что её ягодицы в этот момент были в опасной близости от ведьмы.

Что это мы видим, что это мы видим! — обрадовалась ведьма.

И добавила: Ну, красавчик, не выходит?

Какая подлость! Тим честно старался дать волю своему позыву к опорожнению, но в таких условиях это было нелёгким делом.

Он посмотрел в воздух. Не вышло.

Он посмотрел за пределы дома. Получилось немного. Спустил какое-то время. Но очень мало.

Он посмотрел на ведьму. Его пестик снова смотрел прямо вверх. Ведь она была не уродлива. Нет, только не это!

Он посмотрел на пол. Не вышло.

Тим вспомнил, кем он был вне Перидеиса — обычным солдатом Штази. Он подумал о своём партийном секретаре, и на этот раз получилось. Он наполнил кувшин, пока тот не стал полным, и даже тёплая рука Алиши не оказала возбуждающего эффекта.

Тебе ещё... сзади надо? — нерешительно спросила Алиша.

Нет, — ответил Тим.

Честно, нет, — добавил он под испытующим взглядом Алиши.

Алиша вынесла кувшин из дома, опорожнила и вымыла его.

Когда Алиша вернулась, ведьма готовила удивительно вкусный и обильный ужин. Тим ел свою порцию в клетке, а Алиша и ведьма — за столом.

Пусть женщина ест, что хочет, лишь бы давала хорошее молоко, — проворчала ведьма себе под нос. А от Тима я тоже добыю своего, — добавила она про себя.

И на этот раз ведьма подмешала в еду хороший снотворный напиток. Алишу одолела свинцовая усталость, Тим зевнул в своей клетке, и вскоре оба снова погрузились в глубокий сон.

Так прошло несколько дней. Тим противился ведьме, которая ежедневно проверяла, твердеет ли его пестик, когда она трогала его через прутья клетки. Но она всё ещё не имела над ним власти.

Однако ведьма была ни глупа, ни неопытна. Однажды, когда Алиша присутствовала при проверке пестика, ведьма как бы невзначай сказала: Ну, красавчик, ты сам виноват, что вам приходится торчать в моём домике.

Сам виноват? — не выдержала Алиша.

Ну да, — сказала ведьма, — пареньку всего-то нужно разок как следует меня обслужить, и вы свободны. Но если он не хочет...

Алиша громко расхохоталась. На эту столь очевидную вещь она даже не подумала, настолько была раскованна (или всё же скованна?). Оооо, — притворно сказала она Тиму, — ты не хочешь обслужить ведьму? Ни единого раза?

Шух! — Ведьма набросилась на Алишу, зажав её между ног, и пока Алиша извивалась, вмиг обнажила её ягодицы, и метровая плеть трижды — не слишком сильно, но метко — опустил на её попу.

Ай-ай-ай! — завопила Алиша, но всё ещё смеялась. — Больше никогда не скажу *ведьма*!

Ведьма говорить можешь, — проворчала ведьма, — но наглеть не смей. — И четыре-пять-шесть раз плеть снова опустил на попу Алиши. Опять не слишком сильно, но метко.

Слушай, — сказала ведьма (эту фразу она долго обдумывала), — давай договоримся: ты своим юным красивым телом как следует его разогреешь...

Нет! — в отчаянии крикнул Тим из клетки.

...а я, — продолжила ведьма, — буду так великодушна, что верну его тебе после обстоятельного использования, и вы сможете уйти.

Алише пришлось сильно сдерживаться, чтобы не закричать от радости. И особенно не расхохотаться. Ну и возможность дёшево отделаться, показать Тиму, где раки зимуют, и заодно принести ему облегчение, не навлекая на него неприятностей. То, что ведьма его отымеет, он переживёт. С глаз долой — из сердца вон.

Алиша прикусила губы. Честное слово? — спросила она, всё ещё зажатая между ног ведьмы.

Ведьмино честное слово!

Ай-ай-ай-ай! — Алиша неожиданно получила ещё четыре удара по попе, и счёт

стал десять. За что ещё? — возмущённо спросила она, потирая ягодицы. Полосы точно будут видны три дня.

Чтобы ты не забыла, кто здесь хозяйка, — ответила ведьма. А теперь вымойся хорошенько, чтобы он от твоего вида по-настоящему завёлся. Но только лицо, чтобы он мог тебя хорошо чувствовать!

Алиша поспешно вышла из дома, чтобы умыться в ближнем ручье.

Тут ведьма достала маленький глиняный сосуд, в который положила странную квадратную голубую пилюлю, и кружку воды. С этим она направилась к Тиму в клетке.

На! Глотай!

Она протянула ему пилюлю и кружку воды.

И не вздумай отказываться!

Тим отказался.

Тут метровая плеть молнией просвистела. Раз! Два! Три!

Ну? — Ведьма приподняла бровь. Не то чтобы сердито; она прекрасно знала, кто в итоге победит.

Тим потёр икры, но всё ещё отказывался.

Ведьма медленно замахнулась. На этот раз сильнее. Это выглядело угрожающе. Стой, стой! — крикнул Тим, и его лицо исказилось. — Ты всё равно победишь, — простонал он, — так что лучше я избавлю себя от порки.

Улыбка победительницы была улыбкой властной женщины, уверенной в себе.

Тим проглотил пилюлю, но ведьма была не глупа и внимательно проследила, даже заставила его высунуть язык.

Хороший мальчик! — похвалила ведьма и хихикнула. Затем добавила: Не повредит тебе, не пожалеешь, другие бы многое отдали за это. Подожди, подожди, не больше получаса...

Последние слова («Подожди, подожди, не больше получаса...») были большой подлостью, потому что Тим, вероятно, догадывался о секретном действии этой голубой пилюли. И как порой пестик под давлением и принуждением под наблюдением супруги не желает подниматься, так теперь, когда он *не должен* был подниматься, он ни за что не хотел оставаться внизу. Тим боролся, пока не вспотел. Ему вспоминались груди Алиши, покачивающиеся при ходьбе, внезапно порыв ветра пронёсся по комнате, казалось, неся в себе намёк на аромат её лона, вдруг перед глазами возникли её женственные бедра, настойчиво вторгающиеся в его мысли, короче: бедный Тим испытывал адские муки. То, чего ни в коем случае нельзя иметь, заставляет слюнки течь сильнее всего, особенно когда знаешь, что это неумолимо надвигается, как жареная курица в стране лентяев.

Так прошло, наверное, четверть часа.

Алиша вернулась с умывания, и вода ещё блестела на её лице.

Тим подавил стон.

Его пестик *не* поднялся. Это была великая победа!

Но ведьма не тратила времени даром. Иди сюда, Лизель! — потребовала она и

схватила Алишу за волосы.

Ай! — вскрикнула Алиша. — За что?

Но ведьма потащила её в таинственную комнату, чья дверь была открыта. — Не бойся, — прокомментировала она, — то, что сейчас будет, тебе понравится больше, чем ты думаешь!

Она втащила Алишу за порог и с размаху захлопнула дверь ногой.

Тиму сейчас нужно немного покоя, — сказала она Алише, — а ты получишь небольшую процедуру для моего и твоего удовольствия, которая подготовит тебя к тому, что произойдёт через четверть часа.

Что это было? Чего хотела ведьма?

Ведьма же подвела Алишу к большому деревянному каркасу из крепких балок, размером, пожалуй, с стол или кровать, дерево тщательно отшлифовано и украшено орнаментами, а между балками были натянуты не просто воздух, а множество плоских широких кожаных ремней, словно полосы зебры. На них ведьма уложила Алишу лицом вниз и так её расположила, что голова оказалась в удивительно удобном положении, а груди свободно свисали между ремнями. Она привязала руки Алиши, задрала её юбку, раздвинула ноги и их тоже привязала. Алише было тревожно, но она всё ещё не могла понять, что должно произойти. В конце концов, на стенах висели не только верёвки, цепи и оковы всех видов, но и кнуты, плети и прочие орудия пыток.

Не бойся, моя Лизель, — сказала ведьма и мягко шлёпнула её по голой попе. — Все эти приспособления послушные люди ощущают только тогда, когда сами этого желают. Послушные люди! Ты ведь послушная, правда?

Да, госпожа, — вырвалось у Алиши.

Вот и умница, — почти ласково сказала ведьма. Слушай, моя Лизель. Ты должна потом разжечь Тима для меня, чтобы я могла использовать его для тушения моего собственного жара. Но ты не сможешь этого сделать, если будешь вести себя как бревно. Поэтому я тебя немного подготавливаю, и Тиму не надо это видеть, чтобы он не потратил свою искру раньше времени.

Затем ведьма начала гладить Алише шею! Да, гладить! Совсем нежно, и по телу Алиши побежали мурашки. Чёрт возьми, как легко здесь возбудиться! Ведьма снова застала Алишу врасплох, потому что ощущения прокрадывались тайными путями, и Алиша не могла ничего поделать, кроме как мурлыкать.

Вверх и вниз, влево и вправо, шея, спина (где она могла достать сквозь платье), руки, ноги... попа наконец, оттуда к внутренней стороне бёдер... и, и... нет, пальцы держались на расстоянии от распускающейся влажной розы, теперь снова вверх по телу. Хватка стала сильнее, промяла тело Алиши, снова стала мягче, поглаживание, нежные движения... шея... попа... на этот раз чуть ближе к розе между бёдрами, которая на время задремала, но теперь снова проснулась и начала распускаться. Пальцы кружили по внутренней стороне бёдер, на этот раз явно ближе... и вот! Наконец касание. Тыльная сторона пальцев скользнула по влажной нектаром розе, которая начала раскрываться, поиграла с ней, вошла в чашечку, быстро выскользнула, поиграла снаружи, снова нашла влажную

тёмную чашечку, слегка раскрыла её, поиграла с лепестками и нашла наконец твёрдую точку, что скрывалась между лепестками, но теперь дерзко выглядывала. Осторожное обведение этой точки, нежное движение розы вокруг неё, туда, сюда, движение, дрожь, вибрация, мгновение паузы...

Алиша растаяла. Это была магия. За такое она бы заплатила деньги. Она забыла, где находится, и хотела только одного: чтобы это никогда не кончалось.

Но ведьма тщательно следила за тем, чтобы не отвечать на приподнимание попы Алиши и на готовое дрожание её таза реагировать мгновением сдержанности. Короче: она разогревала Алишу по всем правилам искусства, но не позволяла большего. Она должна была тлеть, но не сгореть.

Алиша наконец взмолилась: Пожалуйста, госпожа, больше. Не так нежно, пожалуйста, больше!

Нет! — прошептала ведьма ей на ухо и продолжила. Подожди!

Но прежде чем настроение могло переломиться, четверть часа прошла, может, чуть больше, зачем спорить, но ведьма за это время своими магическими искусствами превратила Алишу в похотливую, покорную рабыню. И учтите, что Перидеис уже давно своим особым воздействием терзал её тайную точку в лоне, которая уже давно требовала своих прав. Бедная Алиша.

Ведьма развязала Алишу и открыла дверь комнаты.

Теперь хоп! — поторопила она и потащила её за волосы к Тиму. Алиша была в каком-то трансе.

О бедном Тиме мы вообще не будем говорить.

Так, — сказала ведьма, — Лизель, теперь я хочу увидеть уникальный танец, от которого его семья само выскочит из пестика. — Ведьма взяла Алишу за подбородок и сверху посмотрела ей глубоко, очень глубоко в глаза своим странно завораживающим взглядом. Алише снова стало совсем иначе.

Алиша медленно отстранилась от ведьмы и посмотрела на Тима жаждающим, горячим и полубессознательным взглядом.

Нет! Не делай этого! — умолял Тим, но его пестик уже заметно приподнялся.

Алиша, с отсутствующим взглядом и влажными глазами, медленно спустила платье на пол. Медленно, по частям.

Ведьма хлопнула в ладоши, и вдруг откуда-то зазвучала музыка. Снова эта странная музыка, сопровождаемая мощными ударами барабанов.

Алиша полностью сбросила платье и сделала шаг вперёд к Тиму. Она облизала губы и держала рот похотливо приоткрытым. Она обхватила свои груди, медленно их разминала и покачивалась в ритме музыки.

Пожалуйста, не надо!

Алиша покачивала бёдрами, двигалась в ритме музыки сначала в сторону, затем, как при соитии, вперёд и назад. Но медленно и требовательно.

Тим смотрел на Алишу как замороженный. Вот! Теперь он забыл себя, и его пестик поднялся до полной величины, стал твёрдым и полностью жёстким.

Алиша танцевала, поворачивалась, гладила себя, облизывала губы, дышала, показывала скрытые места, поднимала груди, позволяя им качаться, показывала

движущуюся попу, наклонялась, сгибалась, выпрямлялась, давала почувствовать запах своих потных подмышек, танцевала, танцевала, танцевала...

Тем временем ведьма незаметно для Тима подкралась к клетке и одним рывком обвязала его крепким кожаным ремнём, притянув к деревянной стене, замыкающей клетку сзади. Пока Тим дёргал ремень, она уже закрепила второй, а затем и третий. Ведьма была опытной, и было ясно, что сила тут не поможет. Вот! Теперь она крепко привязала его к деревянной задней стене клетки. Она открыла клетку. Но Тим, похоже, и без того был полностью захвачен танцем Алиши. И вот, прутья можно было снять, видимо, Тим был не первым, кому пришлось служить ведьме. Но что теперь? А! — Более того, деревянная задняя стена могла откидываться назад. Ловушка, созданная, чтобы сделать строптивых мужчин покорными.

И вот Тим лежал на спине на столе, связанный и беззащитный.

Но что это? Его пестик слегка утратил твёрдость.

Это нужно было исправить.

Лизель! — Ведьме не пришлось говорить больше, и Алиша уже была рядом, подставляя Тиму свою давно влажную и широко раскрытую розу в лоне, чтобы он вдохнул её аромат. Жадно втягивая опьяняющий запах, Тим, похоже, уже забыл, что происходит. Алиша же присела над лицом Тима так, что он видел только её кудрявую розу и её тело над ней, а ведьма воспользовалась моментом, чтобы тоже взобраться на Тима — но наоборот, лицом к его ногам! Хей-хо, — воскликнула она, — это ведьмин стиль! Позволила твёрдому, сильно набухшему швенгелю Тима скользнуть в себя и начала скакать на нём, что в ведьмином стиле удивительно хорошо получалось.

Алиша же впала в неистовство и тёрлась своим лоном о рот Тима, пока ведьма за её спиной наслаждалась его крепко набухшим швенгелем. И когда ведьма двигалась всё быстрее, а её стоны предвещали близкий оргазм, ...

...Алишу внезапно охватила сильнейшая ревность, и её неистовство мгновенно прошло.

Это было как ушат воды, и возбуждение вмиг сменилось гневом. Гневом на ведьму, но нежным сочувствием к Тиму.

Дрожа, Алиша подняла своё лоно с лица Тима и спустилась со стола.

Ведьма же в своём неистовстве ничего не заметила и смотрела в другую сторону. Она скакала, крича, словно за ней гналась дикая охота.

Погоди, — холодно подумала Алиша, — *теперь* моя месть, и кто знает, можно ли тебе вообще доверять, мерзавка. Алиша осторожно подкралась за спину беснующейся ведьмы, чьё лоно взлетало и опускалось, а стоны и крики заполняли дом. Движения её лона становились всё быстрее, стоны и крики всё громче, пока она наконец не излилась в одном долгом пронзительном вопле, и её дрожащее лоно перешло в глубокий, сдавливающий ритм.

Но это уже давно всколыхнуло неуправляемые глубины души Тима, и в его чреслах неумолимо нарастало то, что он честно пытался сдержать; оно тянуло

от боков к его пестику, приближалось всё ближе, он изо всех сил пытался это остановить, он задыхался, задерживал дыхание, и... наконец это стало неизбежным...

Но в этот момент Алиша с мощным прыжком бросилась вперёд и сшибла ведьму с Тима в высоком полёте. Пока ведьма летела, Алиша накрыла ртом пенис Тима (больше ничего не успевала) и его семя хлынуло из пениса глубоко в её рот, ещё раз и ещё раз, пока Алиша мгновенно проглатывала жизненный сок Тима и ещё раз пососала. Так глубоко пенис Тима был в её рту, что Алиша едва могла сказать, каков он на вкус, главное — не отдать ничего.

Вот так, старая ведьма, — прошипела Алиша потом. — Ни капли его жизненной эссенции ты не получила, ни капельки! Всё его семя во мне, слышишь?

Ведьма же лежала на полу, скуля от ярости и разочарования, и была слишком задыхающейся, чтобы что-либо сделать против Алиши.

Алиша не медлила и быстро освободила Тима от ремней. Пойдём, — крикнула она, — быстро отсюда. И быстро поцеловала его в губы. Затем поспешно подобрала своё платье, схватила одежду Тима из угла, не забыв пояс униформы с плетью и верёвкой, и потащила ошеломлённого Тима за собой из пряничного дома.

В бадью! — крикнула Алиша, бросила одежду в бадью и потянула Тима, который скорее упал в неё, чем забрался. Затем сама запрыгнула внутрь.

Лети! — крикнула она, и вот, бадья с ними двумя поднялась в воздух...

Туда, где продолжается дорога из лазурного кирпича! — скомандовала Алиша, и вот, бадья неспешно двинулась в путь.

Алише было страшно, что ведьма окажется быстрее, ведь бадья летела действительно медленно и лишь чуть выше крон деревьев. Но им повезло, ведьма не появилась.

И так они летели и летели, и вот, спустя какое-то время, дорога из лазурного кирпича снова показалась между деревьями.

Алиша прикрикнула на бадью: Дальше, дальше! Лети вдоль дороги! — И бадья, покачиваясь, полетела дальше.

Наконец Алиша поверила, что ведьма их не догонит, и, облегчённо вздохнув, снова обратила внимание на прекрасный пейзаж Перидеиса. Красное сияние закатного солнца (стоящего прямо над ними!) и крутые скалы долины, в которых то и дело поблёскивали ручьи и росли всё новые растения.

Но вдруг бадья стремительно приблизилась к земле, жёстко приземлилась и разломалась.

Что случилось? — спросила Алиша у Тима, молча сидевшего рядом.

Она больше не полетит, — ответил Тим. Ведьмины метлы, бадьи и ковры летают только определённое расстояние. Потом они изнашиваются и ломаются.

Жалко, — сказала Алиша.

Не переживай, — ответил Тим. Удобными их не назовёшь, да и медленные они.

Есть способ путешествовать получше, но он пока не подходит.

Может, пройдемся ещё, чтобы оторваться? — спросила Алиша.

Да. Сначала подальше отсюда, — ответил Тим, — давай даже ночью побродим. Ты немного пришёл в себя? — обеспокоенно спросила Алиша. Она не знала, как такие события сказываются на мужчине, живущем в celibate. А у Тима снова была полная эрекция. Кто знает, что это было за зелье, которое дала ему ведьма.

Да, мне нормально! — ответил Тим. И даже немного легче стало. Пойдём, надо одеваться и идти.

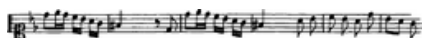
Алиша рассмеялась. Это не ответ.

Нет, правда. И спасибо, кстати. Этот (он посмотрел на свой пенис) уже опускается и нашёл это приключение вполне достойным. Но всё же не делай это привычкой.

Алиша улыбнулась. Победа! — подумала она. Полная победа! Даже её лоно больше не предъявляло требований — достигнутое удовлетворение, похоже, хватило. Счастливая, она снова надела платье, поправила подол и вытащила груди через большой вырез. Хм, подумала она, выглядело весьма великолепно, как ведьма задрапировала её груди поверх платья. Но погоди, подумала она, мои ещё вырастут.

И они снова двинулись в путь. По лазурной мощёной дороге. Время от времени Алиша косилась на штаны Тима, которые оставляли его пенис открытым. Он всё ещё был твёрдым и выглядел необычно при ходьбе. Какое зелье! — подумала она. Но в итоге оно прошло, ведь ни одно волшебство не длится вечно.

Тем временем постепенно темнело. Но что значит темнота? То, что днём называлось солнцем, в Перидеисе ночью светило в другом оттенке как луна. Конечно, гораздо темнее и другого цвета. Но света было достаточно, чтобы не споткнуться. Так они бодро шагали, оба наслаждались приятным ночным воздухом, и Алиша снова ощутила, как можно идти ночью по лесу, быть бодрой и в отличном настроении. Лишь однажды они сделали привал, когда Алиша почувствовала потребность избавиться от молока.



Ведьмин прыжок

После нескольких дней пути по дороге из лазурного кирпича посреди долины, на небольшом холме возвышалась огромная золотая колонна, сверкающая из земли. Она была почти идеально круглой с такой же круглой вершиной, высотой, пожалуй, метров пять или шесть, и диаметром около метра. Великолепно блестела золотая колонна в солнечном свете. Но дорога, что странно, делала вокруг этой колонны очень широкий изгиб.

Просто кошачье золото, — сказал Тим. — Неудивительно, что дорога делает такой крюк. Люди суеверно боятся кошачьего золота, потому что связывают его

с магией.

Вот это да, — рассмеялась Алиша. — Ну и дела.

Точно. Но знаешь, что мы можем здесь сделать?

Нет. Не я.

Теперь рассмеялся Тим. Нет, для этого колонна слишком большая. Но эта штука выглядит так впечатляюще, что мы можем практиковать здесь ведьмин прыжок, вспышку. Настоящий, без кристалла.

Алиша посмотрела вверх вдоль колонны. Это было правдой. Штука была настолько впечатляющей, что достаточно одного взгляда, чтобы она запомнилась.

Что мне нужно делать? — спросила Алиша.

Сначала достань свой кристалл кошачьего золота из кармана, чтобы не было недоразумений.

Алиша отдала ему кристалл.

Так, — сказал Тим, — внимательно рассмотри колонну и запомни даже мелкие детали, если какие-то особенно бросаются в глаза. Сохрани всё это как образ в своей памяти. Затем закрой глаза.

Алиша сделала это и закрыла глаза.

Держи глаза закрытыми, — сказал Тим. — Я сейчас отведу тебя на несколько метров дальше.

Алиша почувствовала, как Тим ведёт её по дороге из лазурного кирпича. Трудно сказать, как далеко.

Тим стоял позади Алиши.

Затем он сказал: Теперь представь колонну как можно более ярко и объёмно. Расслабься, будь спокойной и расслабленной, расслабь мышцы, думай только о колонне.

И он громко добавил: А теперь пожелай как можно сильнее оказаться у колонны.

Ничего не произошло.

Ничего страшного, — сказал Тим, — это почти никогда не срабатывает сразу. Открой глаза!

Они вернулись к золотой колонне.

Там Тим сказал: Представь, что всё здесь — Перидеис, колонна, ты сама — всё это действительно сон, или театр, или виртуальная реальность, как в утопическом романе. Так тебе легче почувствовать, что прыжок действительно сработает. Ты как бы сидишь на ниточках марионетки, а не сама марионетка, беззащитно подчинённая событиям. Понимаешь, просто как костыль для мышления. Какой из этих примеров лучше всего подойдёт тебе?

Никакой. Скорее волшебство, сказки и ведьмы.

Серьёзно? — Хорошо, пусть будет так. Тогда представь, что ты действительно в сказке и ты настоящая ведьма, и сейчас ты исчезнешь отсюда и появишься рядом с золотой колонной. Ещё раз внимательно посмотри на колонну и закрой глаза.

Они попробовали снова.

Ещё раз.

И ещё раз.

И ещё раз.

Когда Алиша начала сомневаться в себе, Тим показал ей, как это делается. Он сосредоточенно посмотрел на колонну, повернулся, прошёл с открытыми глазами, но с внутренне сосредоточенным взглядом, сто метров дальше и...

Зелёная вспышка! Хлопок! Запах серы и облако!

Униформа Тима упала на землю, а он сам мгновенно исчез и через доли секунды появился совершенно голым прямо рядом с колонной.

Совершенно голым. Алиша ощутила это в полной мере, ведь если Тим часто видел её обнажённой, то наоборот — нет. Он почти всегда был в униформе. Только его пенис оставался открытым. По крайней мере, Алиша могла следить за его собственными причудами, но видеть Тима полностью голым — это было совсем другое. Возможно, Тим это чувствовал и не хотел её провоцировать.

Алиша захлопала в ладоши, не показывая, как сильно её взволновал вид Тима.

Тим быстро побежал за своей униформой. Когда он оделся, они сделали перерыв. После еды Алиша легла на бок и подняла грудь, предлагая её для питья. Тим лёг рядом и втянул её сосок в рот. Когда Алиша почувствовала, как молоко устремляется к кончику груди, она поддалась желанию расслабиться и скользнула пальцем в своё лоно. Это было необходимо.

В какой-то момент Алишу настиг Великий Расслаб. Так однажды назвал это Тим.

В какой-то момент Тим выпил обе груди Алиши. Его пенис стоял вертикально.

Мне что-нибудь сделать? — извиняющимся тоном спросила Алиша. — Я не могла иначе.

Нет, ничего, — сказал Тим. — Всё и так хорошо. Никогда не забывай, что я сам сделал такой выбор. И, кстати, отвлечение помогает лучше всего. Давай — продолжаем!

Тем не менее, было любопытно наблюдать за Тимом, выполняющим обычные действия с вертикально стоящим пенисом.

Они тренировались. Ещё раз и ещё раз.

И наконец:

Зелёная вспышка! Хлопок! Запах серы и облако!

Алиша услышала восторженные крики Тима издалека. Она открыла глаза. Она была в 50 или 60 метрах от Тима!

Тим с энтузиазмом прибежал: Ты сделала это! Ты великолепна!!!

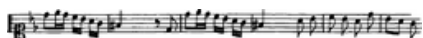
Алиша не приземлилась прямо рядом с колонной, но всё же...

Они тренировались ещё несколько часов. Не всегда получалось, и иногда Алиша оказывалась прямо рядом с колонной, но чаще — довольно неточно где-то поблизости.

В какой-то момент Тим остался доволен. Они провели ночь рядом с колонной, и Тим, к удовольствию Алиши, впервые за долгое время снова выдоил её груди

руками. Алиша призналась, что ей это особенно нравится. Затем Тим позволил ей ещё раз прижаться к нему и удовлетворить себя. Только когда её рука скользнула под его униформу, он осторожно вернул её на её собственное тело, и Алиша пробормотала извинения.

На следующее утро они вырубili новые кристаллы из стен одного из многочисленных подземных ходов, ведущих в скалы долины. Никогда не знаешь. Из колонны Тим их добывать не стал — природные красоты не портят. Затем они снова отправились в путь.



Озеро

Спустя несколько дней пути долина расширилась, дорога из лазурного кирпича пошла слегка под уклон, и вот, перед ними открылось большое, тёмно-синее, великолепно сверкающее озеро, преграждающее путь. Дорога из лазурного кирпича вела прямо в воду, словно проходила через озеро.

Дальше идти сюда? — спросила Алиша.

Сюда, — подтвердил Тим.

Тогда я хочу купаться! Немедленно! — Алиша взвизгнула от радости, тут же подбежала к берегу озера, сбросила платье и голая прыгнула в воду.

Как это было замечательно! — Алиша давно чувствовала, что словно прилипла к своему платью. Вода была не слишком тёплой и не слишком холодной, но определённо теплее, чем обычно бывают озёра для купания летом на родине. Алиша поплыла вглубь озера.

Тим, которому пришлось нести поклажу, следовал медленнее, но, добравшись до озера, сбросил свою бюттельскую униформу и прыгнул в воду.

Замечательно! — снова крикнула Алиша и поплыла к Тиму. Так они плавали и ныряли, пока не устали и не освежились.

Алиша на четвереньках выбралась в мелкую прибрежную воду и решила остаться сидеть в воде. Только её голова торчала над поверхностью, и она смотрела на озеро. Тим сел рядом. Так они оба молча любовались прекрасным пейзажем на берегу озера.

На противоположном берегу Алиша разглядела белый песчаный пляж, а за ним — густой тропический лес, обычно заполняющий долину. Справа озеро ограничивала крутая скала, и в нескольких местах вода стекала по скале в озеро. Слева озеро тоже ограничивала высокая скала, но ровно посередине зияла широкая брешь. В ней виднелись широкие террасные ступени, которые, становясь всё уже, вели вверх. Куда они вели, отсюда было не разглядеть. Тим пообещал Алише, что они сделают туда вылазку, и поэтому ей не составило труда сдержать своё любопытство и наслаждаться моментом.

Так они сидели в воде, разглядывали окрестности, болтали о том о сём и

наслаждались. И пока они разговаривали, Алиша позволяла своим пальцам играть то тут, то там на своём теле. Сначала были пальцы ног (кто же не ковыряется между пальцами ног), затем они скользили по самым разным местам тела, особенно по его впадинам (что тоже вполне разумно), наконец, пальцы немного поиграли между бёдер, что тоже по-человечески, но в какой-то момент они добрались до складки под грудями. Здесь Алиша ничего не нашла, потому что груди невесомо плавали в воде, уже предоставив воде доступ для очищения, так что даже женщины, чрезмерно увлечённые чистотой, при всём желании не нашли бы, что ещё чистить. Так получилось, что пальцы Алиши из половины скуки и половины удовольствия немного потянули за соски. Почему бы и нет. В этом было что-то эстетичное: белый подводный фонтан брызнул наружу и разошёлся в чистой воде озера красивым белым облачком. Алиша тут же попробовала ещё раз, и ещё. Совсем не скучная игра, нужен подводный фотоаппарат! Но в какой-то момент Алиша оставила это, слегка откинула верхнюю часть тела назад, посмотрела вдаль и задремала в приятной воде.

Но вдруг Алиша вскрикнула: она заметила быстрое движение в воде и почувствовала, как что-то тёплое сомкнулось вокруг соска её правой груди и тут же крепко присосалось. Ещё до того, как Алиша вскочила от испуга, то же самое произошло с левой грудью. Сначала тепло, затем мгновенное присасывание. Что это было?!

Алиша вскочила и стояла теперь в мелкой воде, всё выше бёдер было на воздухе.

На обеих её грудях висели две синие рыбы с большими круглыми глазами и толстыми губами для поцелуев. Очень красивые рыбы, сантиметров тридцать в длину, хорошо округлые, но не совсем шарообразные.

Они выглядели так мило, что Алиша не решилась резко дёргать их, чтобы отцепить от своих грудей. Но рыбы сосали сильно, явно нацелившись на сладкое молоко, которое можно было добыть из грудей Алиши.

Чего только не было в Перидеисе!

И вдруг Алише стало хорошо.

Очень... очень... приятно... хорошо.

Тёплые волны пробежали по её телу, её охватила лень, и мир вокруг становился всё более далёким и неважным. Мягкие волны катились по её телу к грудям, сопровождаемые ощущениями удовольствия, которые не оставляли её лоно без внимания. Всё стало очень ярким. И все звуки были словно мечтательная прекрасная музыка. Алиша пошатнулась к берегу.

Лишь издалека она смутно слышала, как Тим говорил с ней. Кажется, он пытался её успокоить.

Каким-то образом она оказалась на его руках, и он нёс её куда-то.

Куда?

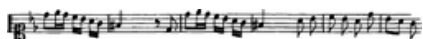
Неважно.

Какая-то лодка.

Ага.

Лестницы.
Ну да.
Потом комнаты.
Кровать.
Уютная кровать в замечательной комнате.
На что напоминала эта комната?
Неважно.
Какое прекрасное чувство.
И эти синие рыбы были такими милыми!
Пусть эти милые синие рыбы сосут... её обе груди.
Главное — не заснуть, чтобы не пропустить ни одной из этих чудесных волн удовольствия в её теле.
Глубокий ритм, ещё больше волн удовольствия... и Алиша заснула.

Последовали туманные фазы полубодрствования в глубоком трансе, связанные с бесконечным удовольствием, вызванным невероятно милыми синими рыбами, которые сосали её груди, не отпуская их.
Смутно Алиша замечала, как ей подносили к губам кружку с водой, механически пила, ела то, что ей давали, благодарно улыбалась Тиму за то, что он о ней заботился, и затем снова погружалась в мир наслаждений и грёз.



Храм Анки

Через три дня Алиша снова проснулась. Тим рассказал, что прошло столько времени. Алиша чувствовала себя ошеломлённой и испытывала лёгкое похмелье. Она посмотрела на своё тело: красивые синие рыбы с большими глазами и губами для поцелуев исчезли. Или это всё было сном? Нет, похоже, нет, потому что её груди ощущались так, будто на них висели тонны грузов, их пропустили через стиральный каток, а затем надули, как воздушные шары. А потом снова высосали. И снова сначала. Что-то в этом роде. Но внешне ничего не было видно. Они казались заметно полнее; слово «упругие» подходило, пожалуй, ещё лучше. Особенно по бокам.

Что это было? — спросила Алиша.

Рыбы, — ответил Тим. — Просто рыбы. Иногда на них находит. Как у нас вдруг появляется тяга к шоколаду. Извини, что не предупредил. Но не волнуйся, рыбы не опасны... только немного... интенсивны. Мне правда жаль, но рано или поздно ты бы всё равно с ними познакомилась или даже нарочно их искала. Наверное, молоко из твоей груди вытекло, и это их привлекло.
Алиша вспомнила и проворчала. Похоже, я сама виновата, — сказала она. — Я играла с ними, выдавливала молоко пальцами. Было забавно смотреть, как молочные облака расходятся под водой.

Вот оно что, — ответил Тим. — Знаешь, рыбы в Перидеисе живут в своего рода симбиозе с млекопитающими. Для них, с одной стороны, молоко — просто лакомство. А с другой стороны, есть женщины, которые специально ищут этих рыб.

Рыбы как наркотик?

Да, и это тоже. Чтобы ты не оторвала рыбу от груди или не повредила её, она выделяет сильный наркотик. Возможно, это даже немного усиливает приток молока [39]. Эффект наркотика ты, должно быть, ощутила более чем ясно.

Более чем ясно.

Я немного завидую тебе, потому что эти рыбы не интересуются мужчинами. Для нас есть другое... но оставим это, другая тема. Рыбы, в общем, присасываются примерно на три дня и питаются тобой.

И вне воды?

Да, и вне воды. Примерно через три дня они сами отпускают. Я отнёс обеих рыб обратно к озеру.

А если никого рядом нет, кто бы это сделал?

Без меня ты бы далеко от озера не ушла.

Было бы жаль таких чудесных рыб, — тихо сказала Алиша, хотя из-за похмелья настроение у неё было не лучшим.

Есть женщины, которые просто без ума от этих рыб, — ответил Тим, — но будь осторожна: это может стать серьёзной зависимостью, и не одна женщина, забывшись, истощала себя до костей.

И что потом?

В принципе, груди увеличиваются, чтобы соответствовать спросу, который предъявляется к соскам. Но только до тех пор, пока твой организм может безопасно поставлять молоко. Как только тело серьёзно истощается, груди высыхают³⁹. Эффект наркотика ты, должно быть, ощутила более чем ясно.

Более чем ясно.

Я немного завидую тебе, потому что эти рыбы не интересуются мужчинами. Для нас есть другое... но оставим это, другая тема. Рыбы, в общем, присасываются примерно на три дня и питаются тобой.

И вне воды?

Да, и вне воды. Примерно через три дня они сами отпускают. Я отнёс обеих рыб обратно к озеру.

А если никого рядом нет, кто бы это сделал?

Без меня ты бы далеко от озера не ушла.

Было бы жаль таких чудесных рыб, — тихо сказала Алиша, хотя из-за похмелья настроение у неё было не лучшим.

Есть женщины, которые просто без ума от этих рыб, — ответил Тим, — но будь

³⁹ Это действительно так. Даже женщины в очень бедных странах имеют достаточно хорошего молока (исключение: крайне однобокое веганское питание). Но при угрозе собственной жизни, например, при сильном голоде или травматических переживаниях, молоко пропадает в целях самосохранения.

осторожна: это может стать серьёзной зависимостью, и не одна женщина, забывшись, истощала себя до костей.

И что потом?

В принципе, груди увеличиваются, чтобы соответствовать спросу, который предъявляется к соскам. Но только до тех пор, пока твой организм может безопасно поставлять молоко. Как только тело серьёзно истощается, груди высыхают [40], рыбы больше не хотят тебя и отпускают. Но такие женщины нередко попадают в цикл настоящих обжорств, которые чередуются с фазами тупого наркотического оцепенения, пока Перидеис не выгоняет их, если они гости. Жительницы Перидеиса, конечно, не уходят, они — неотъемлемая часть Перидеиса. Рыб даже ловят и выпускают в тайные пруды, чтобы держать их для таких оргий.

Но почему ничего не делают против этого?

Тим пожал плечами. В Перидеисе каждая земля своя, каждый городок, каждая деревня имеет свои обычаи. А если ты живёшь в дикой природе или в одиноком домике, то вообще делаешь, что хочешь. Так что это твой собственный выбор. Но находятся люди, которые жалеют таких женщин и подбирают их. — С другой стороны, у рыб есть реальная польза, потому что они сильно стимулируют груди, и выработка молока резко увеличивается. У некоторых женщин за три-четыре дня количество молока благодаря рыбам выросло с полулитра до двух полных литров!

Серьёзно!?

Да, можем прямо сейчас попробовать. Ты согласишься, что это настоящая польза этих рыб.

Алиша проворчала: Если бы не это похмелье...

Нельзя три дня без перерыва быть в опьянении без последствий. Но немного движения и прохладный душ — и похмелье как рукой снимет. Пойдём, там сзади есть хорошее место для умывания, потом поедим, я освобожу тебя от молока, и после этого тебе точно станет лучше!

Только теперь Алиша внимательно осмотрелась. Где мы?

В скальном храме. Помнишь? На вершине большой террасной лестницы. Посмотри в окно!

Алиша встала с кровати и подошла к богато украшенной деревянной решётке, отделяющей пещеру от внешнего мира. То, что она увидела, напоминало храм Древнего Египта. Они находились примерно в десяти метрах над озером; справа террасные ступени спускались к воде; прямо перед ними ступени заканчивались на плато, размером, возможно, тридцать на тридцать метров, выложенном жёлтыми камнями. Примерно в центре стоял деревянный столб, высотой, наверное, два с половиной метра, с металлическим кольцом в верхней части. Неужели здесь приносят жертвы, привязывая их к этому кольцу?! В задней части плато Алиша увидела сильно возвышенный каменный трон. У его подножия, на несколько ступеней ниже, стоял квадратный алтарный стол с

толстой покрывалом, к которому можно было удобно подняться по нескольким ступеням. Тот, кто сидел на троне, вероятно, имел великолепный вид на озеро и широкую лестницу, ведущую к плато. Алтарь, как и трон, был построен из жёлтого камня, но сверху покрыт толстой чёрно-золотой тканью. Задняя часть плато была обрамлена высокими колоннами, а слева и справа на высоте около двух метров располагались ряды окон, украшенных резными деревянными решётками. Через одно из таких окон Алиша и Тим смотрели наружу. Нижний конец террасной лестницы примыкал прямо к воде, прерываемый несколькими кубическими камнями, которые могли служить кнехтами для привязывания лодочных верёвок. Террасную лестницу обрамляли обычные высокие скалы, окружающие бесчисленные долины Перидеиса. На уровне лестницы Алиша заметила рисунки на скальных стенах. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть детали, но явно представляли мотивы Древнего Египта.

Великолепное озеро отсюда было видно лишь частично. Скалы противоположной стороны долины находились, возможно, в километре, и, несмотря на ограниченный угол обзора, Алиша могла видеть, что озеро перегораживает долину от одного края до другого.

Но времени на разглядывание не осталось, потому что Тим потащил Алишу через коридор, в конце которого не было роскошного водопада, но нашёлся обильный источник. Тим заменил отсутствующий душ деревянным ведром, которое он наполнял и выливал на голову Алише.

Похмелье быстро прошло, и Алиша поняла, что умирает с голоду.

Голод. Голод? Что-то было?

Боже мой! — всполошилась Алиша. — Целых три дня! Тебе не нужно ужасно срочно молоко?

Что до этого, нам очень повезло, — ответил Тим. — Ещё один день, и мне бы действительно стало не по себе. В будущем мне нужно всегда держать запас молока. Я не ожидал, что так быстро окажусь в затруднении. Тем не менее...

Давай! — сказала Алиша и подняла правую грудь рукой навстречу ему. — Пей! — сказала она.

Словно только этого сигнала и ждал, Тим прижал Алишу к скальной стене, обеими руками схватил предложенную грудь и мгновенно присосался. Алиша тяжело выдохнула, чувствуя, как молоко тут же хлынуло. Даже свободная грудь отреагировала и изливала молоко туда, где их тела прижимались друг к другу. Давление тел, казалось, усиливало это, потому что молока текло действительно много. Тим обхватил Алишу левой рукой за спину, а правая рука скользнула между её ног и схватила её за ягодицы. Так он поднял Алишу, ни на мгновение не отпуская её грудь изо рта. С Алишей на руках и жадно пьющей, он вернулся в спальную комнату, где они были раньше. Неужели он всё это время голодал? Добравшись до спальни, он снова уложил её на кровать, всё ещё не отпуская её грудь, и лёг рядом. Жадно он глотал глоток за глотком, и Алише, чувствовавшей сильное давление в свободной груди, стоило труда заставить его

переключиться на другую грудь. Наконец ей это удалось, и другая грудь тоже получила своё. Странно, подумала Алиша, что грудь всё ещё давит, хотя сама по себе уже потеряла столько молока. Покрывало под ними было мокрым, как и её тело.

Наконец Тим остановился.

«Приятно пустые груди», — подумала Алиша, и на ощупь они такими и были. Странно. Раньше ей никогда не приходила в голову такая мысль о своих грудях. Тем более как о чём-то прекрасном, приятном, желанном. Она почувствовала гордость.

Вытекшее молоко можно использовать для ухода за кожей, — посоветовал Тим. Тоже идея. В складках живота Алиши и в пупке скопилось немало молока, которое Тим сначала размазал по её лицу, а затем по остальному телу. Алиша помогала ему. Молоко быстро высыхало, и начальное липкое ощущение превратилось в приятное напряжение кожи.

У Клеопатры не было ничего лучше, — рассмеялся Тим. — Говорят, римская императрица Ливия заставляла тысячи германских и галльских женщин сцеживать молоко в серебряные ванны. И Ливия купалась в них вместе с другими распутными римлянками⁴⁰. А теперь пойдём, я покажу тебе, кто по крайней мере оказал мне первую помощь.

Алиша заинтересовалась. Но... где её платье? Алиша огляделась в поисках.

Я отдал твоё платье в стирку, если ты это ищешь, — прокомментировал Тим, уловив её взгляд, — но тебе скоро понадобится новое. Цвет сильно выцвел, и некоторые места совсем износились. — Тим достал из сундука выстиранное платье и вручил его Алише.

Алиша повертела платье в руках. Какая жалость, подумала она, разглядывая его, оно выглядело таким красивым.

Тим помог ей надеть платье, и когда они закончили, он заметил: На тебе оно сразу выглядит гораздо великолепнее, но на всякий случай мы, может, посмотрим что-нибудь новое.

Оба молча вернулись в скальный коридор. Тим в своей странной униформе с плетью вместо сабли на боку и открытым пенисом, а она в своём платье, самым заметным украшением которого были открытые груди. Когда Тим в конце коридора открыл одну из деревянных дверей, Алиша увидела богато накрытый стол... и, к её удивлению, другую женщину. Алиша вскрикнула от изумления.

Ну-ну, — рассмеялась другая женщина, — я не призрак и не опасна. — Она сделала перед Алишей реверанс. Идеальный, с постановкой кончиков пальцев правой ноги за левую. При этом она слегка приподняла подол платья обеими руками. Ах да, платье — как и у Алиши, оно оставляло груди открытыми. Но

40 Ливия: 58 до н.э. – 29 н.э., жена императора Августа. См. Немецкий словарь Якоба и Вильгельма Гримм, статья «Молочная ванна».

платье, как и головной убор и причёска, гармонировали с окружением: Древним Египтом.

Алиша тоже попыталась сделать реверанс, но не совсем получилось.

Обе женщины и Тим одновременно рассмеялись. Реверанс тебе ещё нужно отработать, — язвительно заметила женщина, — Тим научил тебя этому очень небрежно.

Я не всё умею, — проворчал Тим. — Реверанс здесь, кстати, обычное приветствие среди женщин.

Я и сама это заметила и сделала, — язвительно ответила Алиша.

Всё нормально. Но я не умею, так что не могу показать. Только не вздумай кланяться. Это делают только в знак подчинения перед высокопоставленными лицами, потому что это означает, что ты готова позволить этому человеку доить тебя. Или в других официальных случаях, когда ты хочешь показать, что другой имеет право на твоё молоко.

Право на моё молоко?! — эхом отозвалась Алиша.

Например, если ты его продала или что-то в этом роде. Поклон в некоторых местах означает завершение сделки. Так что не вздумай кланяться в повседневной жизни.

Есть ещё что-то, на что нужно обращать внимание? Скажи заранее, чтобы мне не пришлось постоянно делать минет каждому мужчине, как только я открою рот.

Бедные мужчины — это было бы слишком! — громко рассмеявшись, сказал Тим, но получил от Алиши ощутимый удар в бок. Он посерьёзnel: Нет, сложных правил нет, — сказал он. — Что ты хочешь дать молоко, показываешь прямо, делая жест доения на груди большим и указательным пальцами. Так ты на равных или даже контролируешь ситуацию. Точно так же ясно можешь инициировать секс, если он тебе нужен. Покажи ясно, и всё.

А что насчёт жеста, когда женщина поднимает груди?

Ты имеешь в виду символ Перидеиса?

Да.

Хм, сложно, — ответил Тим. — У него более общее значение. В основном, конечно, это означает готовность дать молоко, но также может означать «Смотри, я женщина!» или «У меня есть молоко», или «Ты мне очень нравишься», но это не обязательно приглашение. Скорее общий символ с более широким значением.

Хватит, — вмешалась незнакомая женщина, — я только ещё раз покажу тебе реверанс, потому что не уметь его — стыдно. Но потом идём есть — ты наверняка умираешь с голоду.

Она показала Алише реверанс ещё раз, и после трёх или четырёх попыток получилось сносно.

Желудок Алиши уже действительно болел от голода. Раньше он мог быть отвлечён, но теперь требовал своего, и ничто не казалось Алише важнее, чем набить живот.

Они сели за стол, причём Алиша устроилась прямо у оконного проёма с лучшим видом наружу. Что было на столе, едва ли стоит упоминать: обычные для Перидеиса лакомства в изобилии, но на этот раз с восточной ноткой.

Женщина хлопнула в ладоши, и через мгновение появилась ещё одна женщина. На ней была лишь тонкая золотая цепочка вокруг талии, золотые браслеты на руках и ногах и плотно прилегающий золотой ошейник, но в остальном она была голой. Рабыня. Женщина была очень миниатюрной, почти мальчишеской комплекции, с очень маленькими, но упругими грудями, украшенными множеством тонких вен, что наводило на мысль, что эти груди скорее брызнут, чем капнут, если их раздразнить.

Служанка принесла на серебряном подносе кувшин со свежим кофе и ещё один с горячей водой, вероятно, для заваривания чая. Алиша выбрала кофе. Но её мрачное предчувствие, что ей подадут молоко прямо из груди служанки, не оправдалось. Молоко подали самым обычным образом в глиняном кувшинчике. Тем не менее, груди служанки подозрительно выглядели так, будто в них *очень* много молока. Пф! Алиша щедро налила себе, половина кофе, половина молока. Теперь она была в Перидеисе, что ей до обычаев этого мира, если служанка даёт хорошее молоко. Она всё же попробовала с осторожностью, но осталась очень довольна результатом.

Хозяйке не укрылись взгляды Алиши, и она прокомментировала: Моя рабыня получает только лучшую пищу, и её телесный аромат опьяняет. Её молоко высшего качества!

Спасибо, — сказала Алиша, притворяясь, что это самая естественная вещь на свете, но покраснела. И у неё вырвалось совершенно ненужное замечание, что, если подумать, питье молока животных — большая гадость.

Сразу видно, что ты новенькая в Перидеисе, — рассмеялась хозяйка и представилась: Кстати, меня зовут Анка. По крайней мере, здесь, в Перидеисе.

Мой отец хотел назвать меня Алисия, — ответила Алиша, жуя, — но маме это не понравилось, и они сошлись на Алише. Говорят, имя индийское.

Я из Египта, из так называемого современного Египта, — ответила женщина, — а моё настоящее имя скучное до смерти, потому что из-за религиозного значения оно слишком распространено в Египте. Поэтому оно не имеет значения, если ты понимаешь, о чём я...

Да, конечно, — запнулась Алиша, — но ты веришь в... ты... или всё же нет?

В мусульманскую веру? — Немного. Как все. Я беру то, что подходит моей жизни и хорошо, а в остальном полагаюсь на то, что Аллах разберётся.

Теперь Алиша громко рассмеялась.

Затем она с любопытством присмотрелась к женщине. Женщина, назвавшаяся Анкой, была лишь немного старше Алиши, возможно, лет двадцати пяти. Анка носила фараонские украшения, фараонское платье, и комната была... естественно... оформлена в фараонском стиле. Хотя комната выглядела менее строгой, чем на картинках, которые Алиша видела раньше. Восточная нотка явно чувствовалась. Платье же совсем не подходило к Востоку: платье Анки

было из белой ткани, такой тонкой, что просвечивали линии тела. Платье начиналось ниже груди, которые оставались открытыми, и держалось на двух украшенных лямках через плечи. Внизу платье доходило до щиколоток, где заканчивалось чёрно-золотой каймой. На бёдрах был повязан такой же чёрно-золотой пояс, концы которого свисали спереди.

Алиша выпалила: Как ты сюда попала и что здесь делаешь?

Анка ответила: Вообще-то я изучала египтологию. Но, честно говоря, я никудышный учёный. Скорее у меня эстетическое увлечение древними временами, настоящий фетиш, особенно фараонами, как видишь, но также и другими древними народами. И, как это бывает с фетишем: я не ищу настоящую реальность времён фараонов, у меня есть определённая фантазия об этом. Как у писательницы. Я выбираю, что мне нравится, и меняю то, что не подходит. Это было мне не сразу ясно, но здесь я это поняла. И то, что получается, я здесь проживаю, позволяя местным жителям поклоняться мне как жрице храма.

Алиша широко раскрыла глаза: Ты позволяешь себя почитать? По-настоящему? Ты придумала свой собственный культ?

В общем, да, — ответила Анка, — хотя я предпочитаю говорить «открывать» и «возвещать». — (Анка подмигнула Алише.)

Понятно, — великодушно ответила Алиша.

Но лучше сказать, что это «со мной происходит». Много в моей жизни здесь я не сознательно начинала, скорее это как во сне: вдруг происходят вещи, которые как-то связаны с тобой, с твоими скрытыми желаниями и мечтами, но также с агрессией, которая в тебе есть. И тогда происходят события. Иногда такие, что ты в ужасе думаешь: «Как постыдно!». Но они происходят. И ты их принимаешь. И понимаешь, что они тебе на пользу. А потом случается что-то, что тебе совсем не нравится, и ты думаешь, почему это сейчас? А потом понимаешь, что в долгосрочной перспективе это тебе на пользу. Так здесь происходят вещи, и я позволяю им происходить. Мой собственный мир здесь — немного шумерская и немного египетская культура, с собой в центре. Знаешь, изначально я действительно хотела работать археологом, серьёзно и без всяких фантазий. Но я добралась только до гида. И вряд ли продвинулась бы дальше. Даже с хорошим мужем семья следит, чтобы ты не выбивалась из колеи, а даже хорошая семья поддаётся давлению соседей. Судьба большинства женщин! Это ещё не проблема, если бы можно было свободно выбирать свою судьбу. В общем, я, возможно, стала бы средней матерью с хобби по фараонам, которое финансировал бы муж. Но случилось кое-что: мне невероятно повезло обнаружить совершенно неизвестную скальную гробницу. Небольшую, и уже разграбленную, вероятно, ещё столетия назад. Только в передней части, похоже, кто-то орудовал в новое время, потому что там из стен были выломаны некоторые изображения — работа тех, кто зарабатывает на сомнительных сувенирах. В остальном гробница была неизвестной, и по сохранившимся изображениям и разным деталям быстро стало ясно, что это очень необычная гробница. Особенность этой гробницы была целиком моим открытием,

понимаете? Моим! Я посвятила в это своего младшего брата и с его помощью втайне с трудом раскопала гробницу. В одиночку это было бы невозможно. Мой младший брат обожает меня, лучшего помощника я бы не нашла. Проблема была в том, что, если бы я официально сообщила о находке, это был бы правильный путь, но гробницу тут же забрали бы, и другие сделали бы на этом имя. Но это была *моя* находка и *мой* шанс, который бывает раз в жизни. Поэтому я решила: сначала полностью исследовать и задокументировать, а потом объявить. Некоторые детали указывали, например, на то, что это не просто необычная, а своего рода поддельная гробница, не настоящая, а довольно небрежная маскировка для чего-то другого. Необычную роспись стен я уже упоминала, но это было не единственное. Слишком уникально для маленького гида. И тут случилось то, что никогда не должно было случиться с археологом...

?!?!

В общем, поскольку мой брат очень за меня, но не за древнюю историю, я позже копала в гробнице одна. В один из таких разов проход за мной обрушился. Обычно это было бы не страшно, потому что мой младший брат мог бы помочь или позвать на помощь. Но как раз в этот раз он был в поездке. И никто, кроме него, не знал, где я. Так что на помощь в ближайшие две недели рассчитывать не приходилось. Но я, по крайней мере, не пострадала — я вовремя успела уйти глубже в проход. Еда и вода пока не были проблемой. Поскольку я часто там бывала, у меня уже было довольно большое хранилище с едой, водой, инструментами и даже спальным местом. Так что я начала искать, нет ли всё-таки тайного пути, который мог бы вывести наружу. Я обошла и обползала всё, всё исследовала. Но в какой-то момент пришлось признать, что выхода нет. А через завал пробраться было невозможно, потому что песок и камни постоянно осыпались. Завал был довольно большим, и над ним, похоже, была целая гора песка. Вот так, плохо дело. Так что я сначала просто сидела. Чтобы убить скуку, я начала ещё раз систематически обшаривать гробницу. Сама гробница была не особенно большой и, вероятно, принадлежала какому-то высокому чиновнику, так что многого нового ожидать не приходилось. Поэтому я ещё раз внимательно рассмотрела разные детали. И тут меня ждал сюрприз — я нашла секретную дверь в боковой проход. И там было нечто необычное, потому что оно не подходило для гробницы. Проход резко обрывался без дальнейшей комнаты. Но на стене в конце прохода было изображение женщины, которая протягивает свои груди к зрителю. Ты знаешь, о каком изображении я говорю?

Да! — выдохнула Алиша, забыв о голоде, и внимательно слушала.

Именно такое изображение было в центре этой стены. А под ним был иероглифический текст, и это было стихотворение. Но это стихотворение я уже знала из храма Рамсеса II, только в другой письменности, иератической. Это любовное стихотворение; я знаю его наизусть:

Девушка поёт:

Я вся с тобой,
Но твоё сердце больше не со мной.
Разве ты не хочешь меня обнять?
Разве тебе больше не в радость
ласкать мои бёдра?
Или это потому, что ты чувствуешь голод,
и твоё тело навязывает тебе свою волю?
Или тебе не хватает одежды?
У меня есть тончайшая одежда.
Или ты хотел уйти из-за голода?
Возьми мои груди и позволь моему молоку течь для тебя.
Лучше один день в объятиях любимого,
чем сотни тысяч где-либо ещё.⁴¹

Одно это стихотворение в моей гробнице было настоящей сенсацией, но тогда я ещё не понимала его смысла и не могла связать его с гробницей и этим тайным проходом. Стилизованная женщина в центре, предлагающая свои груди, могла указывать на религиозный смысл, тем более что фараоны получали свою божественность через молоко богини. Их не помазывали, а кормили грудью. Именно этот, своего рода акт усыновления, делал фараонов божественными. Но, во-первых, стилизованная женщина не подходила к Египту, а скорее к шумерскому царству или культу Ашеры у евреев⁴², то есть к северу. Там встречаются бесчисленные подобные изображения во множестве вариантов, в том числе в виде скульптур. Но богиня над профанным любовным стихотворением? К тому же на стенах прохода в многочисленных повторениях были изображены пары — взрослый мужчина, сосущий грудь крупной женщины. Такие изображения я уже видела фрагментарно во внешней части гробницы, вероятно, тамошние картины были выбиты грабителями. Но здесь, в тайном проходе, эти изображения пар были совершенно нетронутыми, прекрасными и в полном великолепии.

Итак, — продолжила Анка, — внизу загадочное любовное стихотворение, в центре рельеф с женщиной, предлагающей зрителю свои груди, и по бокам в проходе множество картин, где мужчина сосёт грудь женщины. К тому же изображение в центре скорее относилось к шумерскому царству. Это было очень загадочно. И всё это как-то глубоко меня трогало... оно завораживало меня больше всего остального; это не имело ничего общего с моим трезвым разумом, оно касалось чего-то архаичного глубоко во мне.

И вот, в какой-то момент я наконец коснулась рельефного изображения в конце прохода. Наконец! Надо было сделать это раньше. И что произошло? — Моя

41 См. Британский музей, Папирус Харрис 500, Первая коллекция песен, первая песня.

42 Ашера в Ветхом Завете — жена Яхве.

рука просто исчезла в стене! Надо было видеть мои глаза. (Анка громко рассмеялась.) Но я сначала не решилась идти дальше. Хорошо. Час. В конце концов, я сказала себе, что умереть или умереть — это одно и то же, и так я хотя бы не умерла глупо. Так что я сделала решительный шаг, и остальное ты знаешь из собственного опыта. В общем, я оказалась в великолепной комнате, залитой светом, где, о чудо!, было водоём для купания. Я действительно подумала, что нашла выход наружу, так там было светло. Но я не нашла выхода и даже не могла понять, откуда идёт свет. Это была своего рода храмовая комната с алтарным столом в центре, где я ещё несколько раз находила изображение женщины, протягивающей свои груди зрителю. А вокруг валялось куча хлама, иначе не назовёшь. Сплошь вещи, словно брошенные наобум, но всё *очень* старое.

Поскольку мне надо было есть, я в какой-то момент вернулась в тайный проход и гробницу и, конечно, обнаружила, что можно свободно ходить через стену туда и обратно. Но в алтарной комнате жить было гораздо приятнее, не говоря уже о удобной возможности купаться, так что я перетасила туда весь свой хлам, включая еду.

И вот, ещё через, кажется, семь дней я легла на алтарный стол, стоявший в центре комнаты. Просто из любопытства, от скуки или ещё по какой-то причине. Бах-бум — и я оказалась в раю. Голая, что по моему воспитанию было довольно непривычно, но счастливая. Счастливая! И моё лоно буквально разрывалось от радости. Какой это был прыжок в рай! Я никогда не хочу возвращаться в тот мир, откуда я пришла. Никуда! Поездки во внешний мир — да, но только если их не избегать. Здесь я свободна, избавлена от всех забот и могу к тому же проживать определённые вещи, которые я в себе открыла и которые не вписываются в реальный мир, понимаешь? Здесь я действительно «Я», без необходимости что-либо в себе отрицать. И у меня есть *моё* удовольствие, не портя *их* удовольствия другим людям, и другие люди получают *их* удовольствие, не портя *моего*. Знаешь, как я подвожу итог Перидеису?

?!

Анка хихикнула: «*Каждый* должен получать своё удовольствие, но я тоже.» Это должны записать как первый параграф в свои законы все эти улучшатели мира в реальном мире, чтобы прекратить вечную резню. Знаешь, в реальном мире твоё счастье почти всегда достигается за счёт других, по крайней мере, когда речь идёт о большом счастье. Посмотри на всех этих спасителей человечества — они всегда предлагают такое *огромное* счастье, что никакое другое рядом не может существовать. А кто не хочет приобщиться к этому счастью, получает по шапке. (Алише вспомнилось кое-что о её родине.) И они, конечно, назначают себя непогрешимыми верховными жрецами этого счастья. Здесь этого нет. Потому что нет *одного* счастья для всех, здесь счастье — это слово во множественном числе — каждый может жить своим собственным счастьем. Хочешь — вдвоём, втроём, как угодно, и общее счастье не

обязательно меньше, в зависимости от обстоятельств. В Перидеисе мысли не только свободны, они ещё и превращаются в осязаемые вещи. Сон, ставший реальностью. Знаешь, что я сделала первым делом?

???

Ну, ты же знаешь, какое воздействие оказывает Перидеис, физическое, чувственное воздействие. Ещё не совсем отойдя от первого приветственного оргазма, я двумя руками и двумя пальцами грубо лишила себя девственности. Какая боль! Я ведь была девственницей, должна была благопристойно выйти замуж. Я просто грубо засунула указательные пальцы обеих рук, схватила ещё двумя пальцами и буквально разорвала себя, пока не разодрала полностью. Да, разодрала, это было то, что мне нужно. И потом я чувствовала себя хорошо, хотя это чертовски болело. Это смешалось в боль наслаждения. Это был акт освобождения... нет, открытие, открытие для всех вещей, которые до того были мне закрыты, свобода, даже если это больно...

Можешь себе это представить?

Нет! — Алиша рассмеялась и вздрогнула. У меня это было нежнее.

Анка подмигнула ей. Ну, Перидеис. Это исполнение всех мечт, даже самых тёмных. Честно, стоит ли возвращаться, если ты маленькая мусульманская женщина с большими прозрениями, но без больших перспектив? Но вот теперь кульминация, знаешь, что потом произошло?

?!

Когда я впервые вернулась в реальный мир, я была девственницей, как прежде! Вот это была неудача.

(Алиша и Тим держались за животы от смеха.)

В Перидеисе ты можешь делать со своим телом что угодно, — продолжила Анка, когда Алиша и Тим немного смогли снова слушать, — но когда ты возвращаешься в реальный мир, ты получаешь его таким, каким он был раньше. Мечта для подростков, которым надо выходить замуж девственницами. Не говоря уже о том, что райским девам в Коране девственность постоянно обновляется. По крайней мере, якобы⁴³. — Она рассмеялась. — Я могу это подтвердить, хотя и в изменённой форме. Сначала я вообще не поняла, что происходит и почему. Но символика для меня была в том, что старая мораль держала меня зубами и когтями и не принимала окончательного шага, хотела вернуть меня назад... тебя, шлюху, мы ещё приручим. Так что я снова разорвала себе девственную плеву в Перидеисе, ещё раз и ещё раз. Я боролась! Я не хотела отступать! Пока однажды в Перидеисе я не получила маленькую царапину, которая в реальном мире исчезла бесследно. Тогда я наконец-то использовала свой разум и поняла то, что мне ещё не пришло в голову насчёт большой груди и молока: Перидеис возвращает тебя в реальный мир таким,

43 Анка ссылается на комментарий к Корану шафиитского исламского правоведа Ибн Касира (ок. 1300) к суре 56:35–37, согласно которому девственность райских дев возобновляется каждый раз. Последователи этого правоведа живут, в частности, в Нижнем Египте.

каким он тебя получил. Точно таким. На этот раз, в реальном мире, лишение девственности наконец удалось. Дверь, запиравшая моё любовное отверстие, печать благопристойности, что тянулась за мной из реального мира, наконец исчезла. Хотя с мусульманской женщиной это ещё могло бы сойти, в Коране есть весьма живые обещания, но устаревшие обычаи страны могут сковывать тебя, пока ты не станешь совсем неподвижной. Религию люди просто используют как оправдание. Слышала про обрезание девочек?

Только в общих чертах, — растерянно ответила Алиша, — но ничего конкретного.

Им отрезают всё внизу. Мальчикам — крайнюю плоть, девочкам — половые губы, а в худшем случае даже клитор, и зашивают отверстие. И с мальчиками есть народы, где делают гораздо больше, чем просто отрезают крайнюю плоть. Разрезают вдоль, ампутируют наполовину, всё бывает. Конечно, во имя так называемой благопристойности, и у нас утверждают, что это требует ислам. Чушь! В Коране этого нет ни для мальчиков, ни для девочек. Только некоторые предания, да и те плохо подтверждённые, упоминают это, и даже их можно интерпретировать так, что речь идёт о смягчении давно существующего обычая, если его не удаётся полностью устранить. Обрезание существовало ещё во времена фараонов, задолго до ислама. Если спросить меня, то и для девочек, и для мальчиков это только для того, чтобы по возможности предотвратить самоудовлетворение. Злобная завистливая традиция — почему ты должна получить то, чего не получил я? И поэтому чаще всего женщины требуют обрезания девочек, а мужчины — мальчиков.

Алиша сглотнула: Ты... сама...

Обрезана? Нет, — ответила Анка. — Мне повезло. Мы хоть и из юга, где принято крайнее фараоново обрезание, но мой отец был образованным человеком и предотвратил это. Моя рабыня Зелима, которая ещё в детстве была моей лучшей подругой, тогда получила по полной.

Неожиданно властным тоном Анка крикнула: Зелима! Иди сюда!

Рабыня поспешила прибежать, упала перед Анкой на колени и поцеловала ей ноги.

Чего желает госпожа? — прошептала она, глядя на Анку снизу вверх.

Встань, — приказала Анка, схватила рабыню, развернула её и уложила так на свои колени, что Зелима оказалась на спине, ногами к Алише и Тиму. В том же движении Анка схватила Зелиму за бёдра и широко раздвинула ей ноги. Лоно рабыни Зелимы было полностью открыто для обозрения.

Она же вся зашита! — воскликнула Алиша.

Это ещё полбеда, — ответила Анка, удерживая рабыню, — но ей также отрезали клитор и малые половые губы, так что теперь Зелима почти ничего не чувствует внизу. Совсем онемела! Тогда она ужасно плакала. Но...

Анка подтянула Зелиму к себе, пока их головы не оказались на одном уровне. Когда Зелима сидела на её коленях, Анка крепко прижала её к своему телу, скрестив руки. Её пальцы скользили по маленьким, но по-особенному упругим

грудям Зелимы и гладили её соски. Рабыня закрыла глаза, откинулась назад и тихо застонала.

...но, — тихо продолжила Анка, — Аллах милосерден и направил удовольствие в её груди, которые стали ещё более восприимчивыми и дарят ей наслаждение, которого некоторые женщины никогда не испытывали в своём лоне. Когда она достигает вершины удовольствия, оно разливается от её груди по всему телу, до кончиков пальцев ног и волос⁴⁴. Я знала ещё в подростковом возрасте, что Зелима так была вознаграждена за своё несчастье. Потому что она сама мне это показала, когда мы тайно играли друг с другом. В Перидеисе моим самым большим желанием к пери было забрать Зелиму сюда, и они позволили мне это без какой-либо платы. Чтобы забрать её, я вернулась в реальный мир через другой переход, и бюттель помог мне похитить Зелиму.

Но одного я не понимаю, — сказал Тим, — насколько я знаю... и ты же сама это пережила... в Перидеисе ты получаешь своё тело в неповреждённом виде. Почему же тогда Зелима здесь обрезана и зашита?

Спроси у Зелимы, — сказала Анка.

Зелима, ты знаешь? — спросил Тим у Зелимы.

Зелима не ответила словами, но провела пальцами по своим грудям.

Ааа, я догадываюсь, — сказал Тим. Может, она получает столько удовольствия через груди, что не хочет изменений, боясь, что изменение в лоне может испортить её чувство в груди? — Он вопросительно посмотрел на Зелиму.

Но Зелима не ответила и держала глаза закрытыми. И так в Перидеисе появилась ещё одна загадка.

Но почему она рабыня? — спросила Алиша. — Ты похитила её против её воли? Да ты что! — ответила Анка, продолжая рассказывать и гладить соски стонущей рабыни. — Желание подчиняться у неё было всегда, и мы ещё девочками играли в соответствующие игры. Тайно, конечно. Её бы никогда не отпустили. Поэтому похищение. Когда я рассказала ей о другом, недостижимом мире, куда я собиралась уйти навсегда, она сразу захотела со мной, и её явным желанием было жить в этом далёком мире как моя настоящая рабыня, а не просто играть в подчинение. Это у нас обеих сложная штука. — Её положение рабыни — это не только удовольствие, но и функция. Я наслаждаюсь её подчинением, но я, в отличие от Зелимы, склонна к мужчинам и нуждаюсь в них для удовлетворения. Хотя бы иногда. Зелима это знает и понимает, что это не изменить. Но удовлетворение — это не нежность и близость, эти две вещи я ищу у Зелимы и нахожу только у неё. Она моя вторая половина, и для физического удовлетворения я использую мужчин. В Перидеисе мне был дан путь прожить всё это.

Ты *используешь* мужчин? — спросила Алиша. — Почему слово «использовать»?

44 Это действительно сообщается, см., например, Юссеф эль-Масри: Трагедия женщины на арабском Востоке. Мюнхен, 1963, стр. 43, но также хорошо известно при параличе нижней части тела.

Я хочу, чтобы они были подчинены, и я хочу задавать условия. Жёсткое удовлетворение. Ничего больше, но и ничего меньше. Это то, что меня по-настоящему возбуждает. Не знаю, связано ли это с тем, что у Зелимы всегда были желания рабыни, или наоборот, мы сблизились, потому что нас притягивали наши противоположные желания. Как бы то ни было, в Европе я, возможно, стала бы доминой. Это не значит, что я против мужчин, наоборот, и если есть какое-то подходящее детское переживание, то разве что мой отец был слишком добрым и порядочным, вместо того чтобы как следует врезать соседям. — Анка рассмеялась.

Но разве ты всё-таки не лесбиянка?

Нет, не думаю. Мужчины меня привлекают, я их желаю. И физически тоже. Свежий мужской пот, например, сводит меня с ума. Вид мужчин, сражающихся за меня, сводит меня с ума. Но я хочу их подчинить. С Зелимой я не другой человек, но только она способна сделать меня счастливой всей душой, и у меня есть желание сделать её счастливой. Её я *действительно* люблю.

Это звучало чрезвычайно искренне.

Анка погладила рабыню по голове и коротко приказала: Твоя грудь!

Рабыня Зелима послушно встала и повернулась к Анке. Взгляды двух женщин, казалось, передавали чистую энергию, и воздух буквально искрился. Анка усадила Зелиму верхом на свои колени, потянула её за оба соска к себе и без церемоний начала пить молоко прямо из источника.

Дадим им их уединение! — сказал Тим с хорошим чувством ситуации, схватил весьма впечатлительную Алишу, потащил её к креслу в другом конце комнаты у стены, усадил её, встал на колени между её ног, поднял одну грудь рукой ко рту и очень тщательно опустошил обе её груди. Алиша погрузилась в мечтательный мир, полный рабынь и древних египтян, и попробовала вообразить, как её подают на пиру фараона как самое изысканное лакомство. С последующей профессиональной беседой о благородном вкусе её молока, превосходном состоянии её груди и разными пробами её молока в сочетании с различными блюдами, напитками и специями.

В какой-то момент это закончилось. Тим поднялся первым, и Алиша увидела, что его пенис стоял вертикально, а на его груди виднелось мокрое пятно, ясно указывающее, где до этого покоилась её вульва. Только тогда Алиша осознала, как сильно она сама витала в сферах наслаждения и, главное, каково должно быть Тиму. Она испуганно прошептала: Бедный! И неуверенно добавила: Ты справишься?

Когда я думаю о награде, которая ждёт меня в конце, всё идёт неплохо, — ответил он, правда, слегка хриплым голосом.

Твой пенис, кажется, другого мнения? — Алиша снова была собой и приподняла бровь.

Мерзавка! — ответил Тим, — если ты будешь паяльницей, он точно не опустится.

Алиша устала. Сделай его вниз, — притворно сказала она.

Тут Тим схватил её, сам сел в кресло, уложил Алишу животом на колени, задрал юбку и раз-два-три — его ладонь хлопнула по попе Алиши. Как удобно, что под юбкой не было белья.

Ай-ай-ай! — Алиша рассмеялась так, что слёзы потекли. От смеха. Небольшое наказание было вовсе не так уж неинтересно, подумала она про себя. Но вслух не сказала. Вместо этого она подошла к столу, взяла кружку чистой воды; поскольку салфетки не нашлось, она очистила китель Тима куском хлеба и водой. Получилось неплохо, и это разрядило обстановку.

Тем временем Анка тоже допила свою рабыню. Она подмигнула Алише, словно читая её мысли. Затем большим и указательным пальцами выдавила ещё немного молока из груди Зелимы и размазала его по своим грудям, как мазь. Всё, готово! — сказала она, и Зелима получила напоследок шлепок по попе и была отпущена.

Обращаясь к Алише и Тиму, Анка сказала: Разве не чудесно просто поддаваться своим желаниям? Без плохого пробуждения, будь то о себе или о других? Я иногда возвращаюсь в реальный мир, чтобы встретиться с младшим братом или родителями, но моя настоящая жизнь здесь. Обычно я только в библиотеке для исследований или хожу в музеи. В остальном мои родители думают, что я путешествую по миру. Но большую часть времени я наслаждаюсь здесь с Зелимой. Или гуляю по стране, расширяю своё царство, исследую его, восхищаюсь им, переживаю приключения и, конечно, наслаждаюсь тем, что мужчины падают к моим ногам и подчиняются мне. То есть местные мужчины Перидеиса. Твой интересный бюттель, к сожалению, этого не делает — когда я его попросила, он, как и тебя сейчас, отшлёпал меня по попе и потом без церемоний высосал меня досуха, мерзавец.

Анка бросила на Тима такой похотливый взгляд своими чёрными глазами, что его семя могло бы вырваться безо всякого участия. Но этого не произошло. Вместо этого Тим проворчал: Посмотри на меня *ещё раз* так, и я обещаю, ты три дня не сможешь сидеть.

Анка наигранно закатила глаза. Какой мужчина! — выдохнула она. И, обращаясь к Алише: Не хочешь уступить мне его?

Нет! — рассмеялась Алиша, — и теперь я знаю, как он перекусывал в промежутке. Воровство изо рта! — Кстати, скажи, откуда ты так хорошо знаешь немецкий?

Ты что, не знаешь?...

Что я не знаю?

Честно?

Да что же?

Ох, — сказала Анка, — это удовольствие я сейчас себе не испорчу. Пойдём, я ничего не скажу — вместо этого я тебе кое-что покажу. Ты сыта хоть немного?

Алиша запнулась: Что... э... Нет, не совсем...

Да ладно, — сказала Анка, — доешь потом. То, что я хочу показать, не займёт

много времени. Пойдём!

Анка снова хлопнула в ладоши, и опять прибежала её рабыня Зелима. Мы ненадолго в гробницу, — сказала Анка, Зелима кивнула, и когда Анка повернулась и пошла, Зелима поманила Алишу и Тима следовать за ними.

Алиша и Тим с любопытством последовали за обеими.

Жрица храма Анка повела Зелиму, Алишу и Тима по коридору, освещённому факелами. Следовали другие коридоры и комнаты, пока они наконец не оказались в маленькой полуразрушенной комнате, почти каморке, в конце которой находился каменный алтарь. Над ним было знакомое изображение женщины, протягивающей свои груди зрителю. Рядом же на стене была нарисована иероглифическая надпись.

Иероглифы настоящие? — спросила Алиша.

Нет, — ответила Анка, — это копия, которую я сама сделала. Прочитай!

Алиша прочитала отрывок текста: ... *Возьми мои груди и позволь моему молоку течь для тебя.*



Она была поражена. Почему я могу читать иероглифы?! Это же то стихотворение, о котором ты только что рассказывала?

Анка рассмеялась: Оно самое! А теперь ложитесь по очереди голыми на алтарь.

Зелима сначала помогла Анке раздеться, затем Алише и Тиму, и, наконец, сама сняла своё тонкое одеяние.

Алиша легла голой на алтарный стол.

БУМ!

Когда Алиша снова открыла глаза, она оказалась в светлом храмовом помещении в фараонском стиле. Перед ней был большой водоём с зеркально гладкой поверхностью воды. Алиша сразу поняла, что это то самое переходное место, о котором рассказывала Анка.

Ай! Алишу грубо оттолкнули в сторону, потому что рядом с ней из ниоткуда появилась Анка.

Ну, девочка, не мешкай (Well, girl, don't dawdle), — услышала она, как Анка язвительно сказала по-английски с арабским акцентом. Анка соскочила с алтарного стола и толкнула Алишу вниз.

Алиша рассмеялась.

Один за другим появились Тим и рабыня Зелима.

Анка приложила палец к губам, призывая их молчать.

Почему? Неважно.

Анка не теряла времени, поманила их, обошла водоём и мгновенно исчезла в стене с другой стороны, украшенной знакомым изображением женщины из Перидеиса. Алиша и Тим побежали за ней, но рабыня Зелима осталась у алтаря. Покалывание. Тусклый красный свет. Странная колышущаяся обстановка, словно под водой. Алиша прошла, и Тим последовал за ней.

Тяжёлый воздух встретил их, когда они вышли из стены. Рядом с Алишей и Тимом стояла Анка и светила фонариком. Перед Алишей открылся подземный проход, на стенах которого бесконечно повторялись изображения пар, где мужчина пьёт из груди женщины.

Мы снова в реальном мире, больше не в Перидеисе? — тихо спросила Алиша, обращаясь к Тиму.

Да, точно, — прошептал Тим.



Анка посветила фонариком в проход, чтобы Алиша и Тим могли рассмотреть настенные изображения. Анка не преувеличивала — на стенах прохода в ярких красках сияли изображения пар, и на каждом из них мужчина насыщался из груди женщины.

Анка дала им несколько мгновений, чтобы рассмотреть изображения. Когда Алиша набрала воздуха, чтобы задать очередной вопрос, Анка снова приложила палец к губам, призывая её молчать.

Затем Анка направила фонарик на стену позади них, через которую они только что прошли. Алиша увидела на этой стене ярко раскрашенное изображение женщины, предлагающей свои груди. Не на гладкой стене, как изображения в проходе, а в виде цветного рельефа. Слева и справа от него на стене были нарисованы многочисленные меньшие изображения и иероглифические тексты. На один из них Анка указала особенно. Но через несколько мгновений она поманила

их, призывая вернуться, не колебалась и подтолкнула Алишу к изображению женщины с грудями в центре. Алиша поняла и шагнула к изображению.

Покалывание. Тусклый красный свет. Странная колышущаяся обстановка, словно под водой. Спустя мгновения Алиша оказалась в переходной комнате с водоёмом и алтарём. Свежий воздух. Она отошла в сторону и стала ждать. Вскоре появился Тим, а затем Анка с фонариком в руке, который теперь был выключен. Она осторожно положила фонарик.

Менее осторожно она просто столкнула Алишу в воду.

Алиша вскрикнула, но плюх! — пришлось задержать дыхание. Когда она вынырнула, Тим и Анка уже смеялись, плавая рядом.

Анка быстро поплыла к концу водоёма, где Зелима ждала с несколькими явно историческими полотенцами. Но Анка и тут торопила. После того как они грубо вытерлись, Алиша легла на большой алтарный стол и...

Бум!

...после ошутимого кувырка Алиша снова оказалась в Перидеисе. Сухая! Тем не менее, на этот раз она вовремя вспомнила, что нужно сразу слезть с алтаря, и удивилась этому лишь потом. Ни мгновением позже, потому что Тим появился следом, а за ним Анка и Зелима.

Когда Тим спустился с алтарного стола, Алиша увидела, что его пенис стоит вертикально. Несмотря на резкие движения тела, он почти не качался, настолько был твёрдым. Едва оказавшись на полу, Тим согнулся, и Алиша поняла, что он на грани оргазма. Алиша немного сдержала своё похожее состояние, но теперь бросилась на Тима. Неудержимое сильное желание пронзило её тело. Она кинулась перед Тимом на колени, обхватила руками его упругие ягодички и втянула его великолепный пенис в свой рот. Ей едва удалось вовремя обхватить его губами, чтобы вобрать и проглотить вырвавшееся семя. Алиша тёрлась своей скользкой влажной вульвой о ногу Тима и счастливо достигла оргазма с прекрасными волнами, пока семя Тима пульсировало в ней. Осторожно Алиша очистила пенис Тима, пока не перестала чувствовать вкус и присутствие семени. Затем она отпустила его пенис с прощальным поцелуем. Этот оргазм не считается, прошептала Алиша и обрадовалась, что Тим кивнул. Рядом на полу лежали Анка и Зелима и любили друг друга. Анка лежала на Зелиме и сосала её правую грудь, тёрлась своим лоном о лоно Зелимы. Было красиво видеть, как они достигают оргазма, Зелима с громким криком, обе с выгибанием тел и тесным объятием. Анка во время оргазма не отпускала грудь Зелимы и стонала через нос. Лишь спустя долгое мгновение её рот отпустил грудь, и она, тяжело дыша, лежала головой на груди Зелимы, позволяя волнам утихнуть, пока её пальцы ещё нежно играли с грудями Зелимы. Хотя для Алиши это было необычно, зрелище было красивым и очень приятным.

Когда все они пришли в себя, по комнате прокатился смех.

Нас ещё никто никогда не видел! — воскликнула Анка. Она глубоко поцеловала грудь Зелимы. Явно текло молоко. Но затем Анка сменила тему (хотя продолжала тереться своим лоном о колено Зелимы):

Что тебе бросилось в глаза?

Алиша была искренне растеряна. — Но что? Что рисунки были красивыми?

Господи, до чего же ты тугодумна, — вставила Анка. — Иероглифы?

Алиша всё ещё не понимала.

Анка подсказала: Почему мы там не разговаривали?

???

Ладно, — сказала Анка. — Это закрытые подземные проходы в реальном мире — и в какой-то момент там заканчивается воздух, что стало бы смертельно опасно. Но скажи, на каком языке я говорила?

На английском, — сказала Алиша. — И совсем неплохо.

А здесь? — неумолимо спросила Анка.

Алиша, похоже, выглядела смущённой, отчего все рассмеялись.

Все на одном языке, — размышляла Алиша. — Зелима тоже. Она говорит только по-арабски?

Анка кивнула. Затем добавила: Я на английском, Зелима на арабском. А иероглифы?

Я их почему-то могу читать. Почему я их понимаю? — Разум Алиши не сразу включился. Возможно, из-за трёх дней в опьянении. Скажи мне, — смущённо попросила она Анку. — Это делает Перидеис?

Да! — гордо воскликнула Анка. — Ты поняла! Разве это не здорово? Просто, но необъяснимо — в Перидеисе каждый понимает каждого, и почти нет письменности, которую ты не смог бы прочитать. Ты могла читать иероглифы там, в проходе?

Нет! — взволнованно воскликнула Алиша. — Я не могла читать иероглифы в том проходе! — Она хлопнула себя по лбу. — Наконец-то я поняла...

Знаешь, что это значит для египтолога? — серьёзно спросила Анка.

Алиша очень хорошо могла это представить. Обращаясь к Тиму, она спросила: Есть идеи, почему так происходит?

Нет, — коротко ответил он. Было видно, что его это раздражает.

Вот видишь, сказки всё-таки существуют, — поддразнила Алиша.

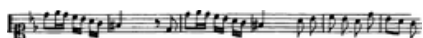
Почему, — возразил Тим, — предположим, огромный компьютер, создающий для нас виртуальный мир, соединяет интеллекты всех людей, которые здесь есть и когда-либо были, и...

Алиша закатила глаза. Парень стоит посреди рая и отрицает не только рай, но и своё собственное существование. Это надо переварить. Я мыслю, значит, я есть.

Всё. Каким я есть, мне всё равно, в конечном счёте атомы — это просто электрические заряды, другими словами: ничего. Вывод: рай реален.

Анка рассмеялась: Я смотрю на это, как ты: Перидеис — это... сказки из тысячи и одной ночи, потерянный рай, Атлантида, всё вместе.

А теперь вернёмся к столу и продолжим есть. У меня позже важная встреча. — Она снова глубоко поцеловала грудь Зелимы, и явно текло молоко. Затем она поднялась с Зелимы. Она подмигнула Алише и Тиму, но через мгновение, стоя на полу, вдруг стала очень величественной и властной. Когда Алиша хотела поднять своё платье, Анка сказала: Оставь этот лоскут, я дам тебе новое платье. Сказав это, она небрежно оставила своё собственное платье (и Зелиму!) на полу и пошла вперёд, чтобы продолжить прерванный завтрак. Так что только Зелима и Тим снова надели свою одежду, хотя тонкое покрывало Зелимы едва ли можно было назвать одеждой. Скорее украшением. А Анка и Алиша остались полностью обнажёнными.



Битва за Анку

Анка, Алиша, обе голые, и Тим, но в своей бюттельской униформе, сидели, болтая и поедая угощения, и смотрели через оконный проём на сказочную долину с прекрасным озером. Свежее молоко для кофе на этот раз было от Алиши. Анка настояла, чтобы её доила рабыня Зелима, которая оказалась мастером чуткости и вытянула последнюю каплю молока из самых дальних уголков её груди. Полкружки молока выдоила Зелима, и Алиша была невероятно горда этим, тем более что оказалось (Зелима показала ей), что примерно через двадцать минут в её груди снова было удивительно много молока. Анка рассказала, что Зелима иногда часами играет в это — пока они болтают и ленятся, рабыня между делом массирует её груди, делает паузу, снова играет с ними, выдаивает молоко, что там есть, снова делает паузу, опять массирует, пока им это в радость. И немного молока, рассказала Анка, через короткую паузу всегда возвращается.

Верно? — спросила Анка у своей рабыни Зелимы, стоявшей позади Алиши.

Та просунула руки под мышки Алиши, схватила её правую грудь, большим и указательным пальцами глубоко вдавила в неё, протянула к соску и шиини... струя молока Алиши попала Анке в лицо.

Я тебе сейчас...!

Зелима с визгом и смехом убежала.

Но Анка поймала её и — шлёп! — дала по попе. А затем поцеловала в губы.

Почему такая спешка, когда мы были в реальном мире? — спросила Алиша.

В Перидеисе можно наслаждаться бесконечно, — сказала Анка, — а в реальном мире наш срок жизни ограничен, и Перидеис не даёт морщин, а реальный мир даёт. — Она хихикнула. — К тому же мы израсходовали воздух и батарею фонарика. Это не восстанавливается, а болтать мы лучше можем здесь.

Фонарик ждёт тебя там? — спросила Алиша.

Да. Но батареи я не могу принести из Перидеиса, вообще ничего нельзя принести. Так что мне пришлось бы снова открыть проход из реального мира, а это исключено. Доступ дальше наружу всё ещё завален. Даже на открытом воздухе мы убрали все следы.

Но сам фонарик остался в переходной комнате. Как и все вещи прежних посетителей, которые там можно найти. Там посетители сгружали весь свой хлам, который потом хотели забрать обратно. Например, одежду. И поскольку многое потом забывали, получилась настоящая сокровищница самых разных вещей из разных времён. Настоящая кладовая для меня!

Но что ты делаешь с этим добром?

Ничего! Я только смотрела, запоминала, возвращалась в Перидеис и записывала там. Это дало мне знания, было интересно, и только. Знаешь, обычно из эпохи фараонов мы находим погребальные дары. Мы знаем много о культе мёртвых того времени. Но обыденные вещи из повседневной жизни известны гораздо

меньше, и здесь я нашла самые замечательные свидетельства. В прекрасной обстановке, в переходной комнате всегда с отличным воздухом и чудесным освещением. Но теперь это для меня больше ностальгия, этот переход больше не приносит мне ничего нового. Когда я забирала Зелиму, я вышла через другой переход. И когда я с бюттелем выходила, чтобы убрать все следы снаружи гробницы. Наш внедорожник всё ещё там стоял, палатка и всё такое. Мы тщательно убрали все следы и всё засыпали. Никто не должен найти это место. Мой младший брат — единственный, у кого есть хотя бы половина представления о том, что произошло. Но он будет молчать, и, вероятно, даже он не найдёт гробницу снова. Он даже знал о моих маленьких играх с Зелимой и никогда меня не выдал. Между нами никогда не было настоящих секретов. Я, как старшая сестра, при необходимости защищала его, как фурия, а он, в свою очередь, безгранично мне доверял и задавал важные вопросы сначала мне. В юности он даже притащил западный порножурнал, который где-то раздобыл. Мы втроём, с красными лицами, разглядывали его и теоретически обсуждали все детали. К сожалению, я не могу посвятить его в тайну Перидеиса, пери мне это строго внушили. Но он хорошо справляется в реальном мире, так что мне не приходится чувствовать себя виноватой. Кстати, о реальном мире, хотите узнать что-нибудь о том, что вы там видели? Давай, спрашивай, я до сих пор горжусь своей находкой!

У Алиши сразу был вопрос: Откуда ты вообще знаешь, что на этих рисунках изображены взрослые мужчины, пьющие молоко из груди женщины? Если мужчина нарисован меньше женщины, это ведь может быть и большим ребёнком, которого ещё кормят грудью?

Нет, — ответила Анка. — Для таких рисунков существуют строгие иконографические правила. Например, ребёнок обозначается локоном. Его нет на всех изображениях, которые вы видели, и в таком случае ясно, что это взрослый мужчина. То, что женщина изображена крупнее, делает её иконографически более значимой фигурой. Разница между рабами и господами, например, тоже так изображается. Когда взрослый фараон пьёт из груди богини, он тоже, как мужчина на наших изображениях, рисуется меньше богини. Сначала я думала, что это неизвестная богиня или несколько богинь, потому что известно много изображений, где богиня кормит фараона грудью. Но на наших изображениях нет никаких признаков, что это богини, похоже, это обычные женщины, хотя и более высокопоставленные. Мужчины, кстати, тоже без знаков какого-либо особого положения. Только... как ты, наверное, знаешь, в Перидеисе женщины по определению выше мужчин, но тогда я этого ещё не знала.

Так прошло, возможно, ещё полчаса. Затем Анка позвала Зелиму: Ты знаешь, у меня сегодня ещё обязанности.

Да, госпожа, — ответила Зелима и сделала глубокий реверанс. С *поклоном*. Она удалилась и вернулась с чем-то вроде кресла с высокой спинкой, но главное — очень длинным сзади и с двумя сиденьями: заднее выше, переднее ниже. Тайна

кресла вскоре разъяснилась. После того как Зелима подвинула кресло к столу, она сначала сама широко расставила ноги и села на заднее сиденье, а затем Анка села так, что Зелима оказалась чуть выше за спиной Анки, а Анка удобно прислонилась спиной к своей рабыне. Зелима начала массировать груди Анки, но не выдавливала молоко. Анка сначала мурлыкала с закрытыми глазами, но через несколько мгновений продолжила болтать, пока Зелима работала. Рассказывать было о чём, потому что Алиша воспользовалась случаем и выспрашивала у Анки о Перидеисе, его красоте и приключениях, донимая её вопросами.

Прошло, наверное, два или три часа, когда Алиша вдруг заметила движение на озере. Одновременно послышался ритмичный бум-бум. И снова бум-бум.

Что там? — громко спросила Алиша.

Анка ответила: Они идут. Это гости ко мне. Они приходят каждые две недели, и барабаны возвещают их прибытие. Это жители этой местности, у которых здесь свой храм, а я их верховная жрица. Деревни сначала соревнуются, кто может прийти. А два лучших бойца устраивают здесь, в храме, финальный бой. Перед этим оба получают великую привилегию укрепиться моим собственным молоком прямо из моих грудей. Так что даже проигравший в финальном бою получает большую награду для себя.

Это вера или правда? — спросила Алиша. — Мне трудно представить, что моё собственное молоко... ну... волшебное.

Вместо Анки ответил Тим: Это правда. Это чувствуется напрямую. Когда я пью *твое* молоко, я могу здесь существовать гораздо дольше, чем если это молоко жительниц. Нет точной формулы пересчёта, потому что молоко, выпитое прямо из груди, действует сильнее, чем сушёное или из кувшина. К тому же эффект зависит от твоего настроения, у очень женственных женщин молоко эффективнее и так далее. Мужчина замечает разницу, когда действие ослабевает. Об этом много рассказывают, что полная чушь, и ты не можешь представить, что некоторые женщины глотают, чтобы якобы получить лучшее молоко среди всех. Или ходят на ритуалы к так называемым заклинателям грудей, которые называют себя мамманами, и делают с грудями самые странные вещи, которые в лучшем случае ничего не дают.

Некоторые вещи всё же работают! — вставила Анка.

Тим страдальчески застонал, но получил от Алиши шлепок по затылку. Как бы то ни было, — продолжил он, — умелые массажи работают. Это постоянная тема у женщин, и от этого не убежать достаточно быстро. Говорят, у пери молоко ещё более волшебное, но я в это не верю, вероятно, оно действует не больше и не меньше, чем ваше. Иначе их доильные рабыни были бы чем-то невероятным. А они не такие.

Пока разговор плескался, рабыня Зелима невозмутимо и с преданностью массировала груди Анки. Но в какой-то момент Анка сказала: Хватит, пора готовиться к храмовому ритуалу. (Руки Зелимы опустились.) Двое избранных

бойцов сейчас укрепятся моим собственным молоком для финального боя. Для этого Зелима готовила мои груди — это стимулирует выработку молока. После укрепления они будут сражаться за то, кто сможет меня удовлетворить и в награду получит фиал с волшебным молочным порошком, который он принесёт в свою деревню.

Не может быть, — сказала Алиша, — ты заставляешь выбирать лучшего парня во всей округе, и он должен тебя удовлетворить! — Алиша была впечатлена. — Зачем они берут твоё молоко? И делают это правда добровольно? — добавила она.

Добровольно, можешь быть уверена, — ответила Анка. — Твоего парня я бы, правда, предпочла, — рассмеялась она. — Но вернёмся: боец получает порошок, но его делят справедливо или несправедливо среди всех людей деревни, включая женщин. Его победа — это победа всей деревни. Они надеются, что это избавит их от нехватки женского молока на как можно больший срок. Это прямо религиозная вера. Но использовать его будут разве что в крайнем случае, обычно его носят в мешочке на шее или смешивают с разными вещами, чтобы сделать их лучше, эффективнее, безопаснее или ещё как-то. Ты уже сама знаешь — молоко посетительниц, а значит, и моё, действует гораздо сильнее, чем у жительниц, но вера в сверхъестественный эффект — это как любая вера: никто не может её доказать, но, как известно, вера сворачивает горы, и две трети исцеления приходят от веры в него. Так что часто это действительно помогает. Если не работает, они винят, что, возможно, получили меньше крупинки, чем другой, что порошок плохо хранили, или, у мужчин, что они незаметно потеряли семя, или что-то подобное.

Ты добавляешь что-то в сушёное молоко? — спросила Алиша, которая уже у ведьмы видела, как молоко превращали в порошок.

Нет, зачем? — ответила Анка. — Это моё чистое молоко, высушенное на жаре, не варёное, и мелко измельчённое. Больше ничего. Обычно я ещё наполняю фиал горючим газом, которым горят наши факелы, чтобы вытеснить воздух, но можно взять и немного спирта, есть тысячи рецептов, как и для сушки, и у каждой женщины свои маленькие секреты приготовления и хранения молока.

Так, теперь я буду наряжаться для храмового ритуала, — заключила Анка, — а ты, Алиша, получишь обещанное новое платье! — Анка поднялась с двойного кресла, и Зелима шмыгнула за ней.

Почему только два бойца в финале? — спросила Алиша, вставая. — Обычно ведь всегда эти магические числа, три, семь, двенадцать или что-то такое.

Убийственно просто, — ответила Анка. — У меня три груди?

Тим рассмеялся. Алиша покраснела.

Ой, не переживай, — утешила её Анка, — на самые простые решения часто приходишь не сразу. Пошли, мне правда надо подготовиться. В гардеробную! — Анка побежала вперёд.

У тебя попа покрасивее, — шепнул Тим Алише, пока Анка шла впереди, — она,

конечно, стройнее, но у худых женщин не хватает мощности для приличной попы.

Спасибо. А откуда у неё такие большие сиськи? — вульгарно шепнула Алиша в ответ.

Молочные груди берут размер от молочных желёз, а не от жировой ткани, как у покоящихся грудей, — шепнул Тим в ответ.

К счастью, Анка этого не услышала.

Но Алиша сама считала, что у неё попа красивее, вот только икры... ну, неважно. Но было приятно услышать это от Тима. С грудями разберёмся — здесь, по крайней мере, у всех равные шансы. В отличие от реального мира. Так что нет причин для зависти и злобы.

Рабыня Зелима уже ждала у открытой двери. То, что Анка назвала гардеробной, оказалось светлым большим помещением, в котором даже был хорошо оснащённый швейный уголок. В комнате были только женские платья в фараонском стиле, насколько Алиша могла судить. Выбирай, что хочешь! — великодушно сказала Анка и без лишних церемоний взяла себе одно из платьев, которое передала Зелиме. Не торопитесь, — добавила она, — я пока в соседней комнате буду готовиться с Зелимой. Приходите, когда найдёшь что-нибудь. Если не подойдёт, Зелима перешьёт.

И Анка исчезла за дверью, Зелима последовала за ней с платьем, и Алиша осталась с Тимом наедине в светлой гардеробной, с множеством больших окон с деревянными решётками, из которых открывался хороший вид на храмовую площадь с тронном и деревянным столбом. Снаружи слышалось, как бум-бум постепенно приближалось. Но, похоже, время ещё было. Алиша с любопытством огляделась. В платьях преобладал белый цвет, и, как в таверне, все они были скроены так, чтобы груди оставались открытыми. Но что-то Алишу смущало. Крой? Орнаменты? Ткань? Алиша переходила от платья к платью, но не находила подходящего. Она примерила несколько, но никогда не была довольна.

Не твоё? — тихо спросил Тим, наблюдавший за ней, прислонившись к стене.

Не знаю...

Тебе вообще не обязательно брать что-то отсюда, — сказал Тим. — Если тебе больше нравится твоё платье, бери своё и всё.

Алиша колебалась.

Никто тебя не заставляет. — (Голос Тима стал твёрже.) — Бери своё платье! Я же вижу, с этими ты не будешь счастлива.

Алиша была рада поддержке Тима: Я не могу точно сказать, что не так. Я так гордилась, когда впервые надела своё платье. Оно так много для меня значило, понимаешь? А второе, из городка, такого же фасона. Это для меня важно.

Тим прекрасно понял, что имела в виду Алиша.

Знаешь, — продолжила Алиша, — эти платья оставляют груди открытыми, да, но они их не прославляют, просто как-то оставляют снаружи. А моё платье

обрамляет груди и делает их чем-то особенным, украшением. Вот что мне нужно.

Она повернулась к Тиму.

Тот отлепился от стены. Для чего же я тебе нужен, — сказал он, — я пойду вперёд и скажу Анке. Думаю, не стоит бояться, она поймёт.

Тим пошёл вперёд, а Алиша последовала — всё ещё полностью голая. Ещё в дверном проёме соседней комнаты он громко и без обиняков объявил: Все платья отвергнуты!

Ох, как неловко! Но к великому облегчению Алиши послышался громкий смех Анки. Тим, похоже, попал в нужный тон. Мужчины!

Когда Алиша вошла в соседнюю комнату, такую же светлую, как гардеробная, она увидела, что Зелима тщательно гримировала Анку, и почти всё её тело было украшено великолепными орнаментами. На голове она носила диадему, а на руках и ногах — изящные золотые кольца.

Анка прокомментировала: Не переживай из-за платья, свои вещи — это свои вещи, так что оставайся при своём. Зелима сейчас принесёт его и посмотрит, что нужно подправить.

И, услышав движение за спиной, она резко добавила: Зелима, я сказала, ты принесёшь платье и подправишь! Ты ещё наглядишься, как меня удовлетворяют мужчины.

Зелима показала своё послушание, упав на пол и поцеловав ноги Анки. Но она неохотно поднялась, и её глаза были влажными.

Она ревнует? — спросил Тим.

Да, — коротко ответила Анка. — Но она прекрасно знает, что мне иногда нужен мужчина для удовлетворения, и всё равно люблю только её. Она всегда это знала. Ещё с подросткового возраста. И теперь каждый раз тайком смотрит в окно, как я удовлетворяюсь, вместо того чтобы послушаться и просто отвернуться. Она не понимает, что я не могу иначе, хотя всё остальное время она имеет меня целиком.

Анка подтянула Зелиму к себе: Кто никогда тебя не подводил? Кто вытащил тебя из грязи? Кто привёл тебя в рай? Кто живёт с тобой день за днём, кроме двух часов раз в дюжину дней? Кто любит девочку всей душой и сердцем с нежностью, и только чаша требует грубого пестика?

Анка встала и мягко поцеловала Зелиму в лоб. Всё, что мне возможно, — сказала она, — я тебе даю. Всё! Но то, что сейчас последует два часа, — это пропасть. Моя пропасть. А теперь иди за платьем.

Рабыня Зелима послушно сделала реверанс и с опущенной головой покинула комнату.

Анка обратилась к Алише и Тиму: Простите. Я всегда жду этого момента с внутренним неистовством. Это мой компромисс. Необходимый минимум. И сейчас он мной владеет. Смотрите сами...

Кивком головы Анка направила их взгляды к своему лону, и одного её

прерывистого дыхания хватило бы, чтобы подчеркнуть увиденное: Анка буквально текла.

Тут пришла рабыня Зелима с уже слегка потрёпанным платьем Алиши, подол которого был широко разрезан посередине, а верх оставлял груди открытыми. Анка взглянула на него и прокомментировала: Алиша, у тебя просто другой вкус, чем у меня; дай Зелиме поработать, и платье ещё послужит.

И, обращаясь к Зелиме: А теперь сначала закончи со мной!

Зелима принесла что-то вроде связки золотых шнуров с множеством изящных золотых колец. Это был сложный шнуровой корсет, который больше показывал, чем скрывал, и, конечно, оставлял груди открытыми. Главное, многочисленные золотые шнуры намеренно обрамляли орнаменты, нарисованные на теле Анки, и, разумеется, её груди. Великолепная нагота — самое подходящее описание.

После того как Зелима надела на Анку это сложное сооружение, она повязала ей бело-золотую юбку с разрезом спереди. Когда Зелима встала на колени перед Анкой, чтобы поправить юбку на её теле, она вдруг резко сунула нос в лоно Анки, сделав глубокий, очень глубокий вдох. В тот же момент Анка схватила её и трижды шлёпнула ладонью по попе. Затем, схватив Зелиму за волосы, прошипела: Ты только усложняешь себе жизнь!

Её глаза сверкали. Но в них не было злости, скорее даже некая удовлетворённость. Даже рабыня Зелима, украдкой потирающая попу, похоже, не считала происшедшее таким уж плохим обменом. По крайней мере, взгляд ревности исчез с её лица, и она деловито готовила верховную жрицу к её церемонии в лучшем виде.

Анка ещё раз обратилась к Тиму и Алише: У меня просьба... настоящее желание... у меня не так часто бывают такие гости, как вы... Мне бы очень хотелось, чтобы вы посмотрели, здесь, у окна. Отсюда хороший вид, и в тени за деревянной решёткой вас никто не увидит, даже я. Посмотрите? Всё время, да? Я бы очень обрадовалась.

С радостью, — сказал Тим.

И, — нерешительно добавила она, — мужчины делают это добровольно, помните, пожалуйста. Да?

У верховной жрицы Анки был по-настоящему умоляющий взгляд.

Конечно! — сказал Тим.

Естественно! — сказала Алиша.

Знаете, — тихо добавила Анка, — это просто происходит. Оно пришло незвано, просто было и происходит. Я только принимаю это как дар. Как сон, который просто снится, просто есть. Бои мужчин в этой местности и без меня кровавы. Но никогда не несправедливы и никогда не переходят определённую грань. Были даже мужчины, которые возвращались несколько раз, даже если проигрывали бой, — добавила она. — Это как раз моё...

Анка, мы тебе верим! — ещё раз сказал Тим. — Для Алиши это ново, но я уже немного знаю Перидеис, и в случае чего могу объяснить Алише, что нужно. Я вполне представляю, что сейчас произойдёт. Пусть это случится! Я, со своей

стороны, очень хочу посмотреть.

Спасибо, — тихо сказала Анка. Её дыхание было прерывистым, а взгляд стеклянным.

Готово, — сказала рабыня Зелима.

Верховная жрица Анка улыбнулась, ещё раз поцеловала свою рабыню в лоб и покинула комнату.

Через несколько мгновений Алиша и Тим увидели через окно с деревянной решёткой, как Анка величественно и медленно вышла на плато. В левой руке она несла богато украшенный голубоватый фиал, крышка которого была плотно завязана множеством искусно переплетённых шнуров. В правой руке она держала хрустальный кубок, который, похоже, был наполнен водой.

Что она несёт в руках? — спросила Алиша.

В фиале её молоко, превращённое в порошок, — ответила рабыня Зелима, стоявшая прямо за Алишей. — Кубок в правой руке вырезан из большого кристалла и содержит простую воду. Он символизирует, что молоко рождается из простой воды и обретает особую силу только благодаря тайне и мощи женского тела.

Спасибо, — сказала Алиша.

Спасибо, — сказал Тим, не оборачиваясь. — Но, Зелима, думаю, тебе стоит послушать Анку. Тебе не поможет в тысячный раз видеть это и изводиться. А вот если ты приведёшь платье Алиши в порядок, ты сделаешь ей большую радость.

Спасибо за хороший повод отвернуться, — тихо сказала Зелима за их спинами. — Честно.

Зелима шмыгнула прочь.

Тем временем верховная жрица Анка медленно шла к каменному трону. Трон стоял высоко в задней части плато, ровно в его центре. Лестница из двенадцати ступеней вела от трона вниз сначала к алтарному столу квадратного сечения, покрытому толстым чёрно-золотым тканым покрывалом. И только от этого алтарного стола другие ступени вели вниз на плато. Верховная жрица Анка встала перед ступенями к алтарному столу, держа фиал в левой руке и хрустальный кубок в правой перед собой, и сделала глубокий реверанс (без поклона!). Она поднялась по ступеням к алтарному столу, перешагнула его, поднялась дальше к трону и наконец села на него. Прежде чем сесть, она подняла фиал и хрустальный кубок вверх, а затем поставила их слева и справа в углубления подлокотников, которые, похоже, были для этого предназначены. Только после этого она села на трон. Она сидела очень прямо. Затем она величественно раздвинула полы своей юбки и широко расставила ноги, открывая посетителям храма свою широко раскрытую возбуждённую вульву. Так она сидела неподвижно.

Алиша и Тим, затаив дыхание, смотрели из-за своего окна и забыли взглянуть

на озеро. Там уже причалили около двадцати длинных гребных лодок, по десять с каждой стороны широкой лестницы, ведущей к плато. В левых лодках преобладал синий цвет, в правых — красный. Были видны женщины и мужчины, которые, казалось, беспорядочно смешивались, покидая лодки. Всего, наверное, около сотни человек собрались у подножия лестницы. Теперь стало видно, что люди выстраиваются. Впереди по одному мужчине, а за ними, на расстоянии нескольких метров, остальные. Одинокое мужчины, похоже, были бойцами, которые должны были сражаться друг с другом. Теперь снова зазвучали барабаны, у обеих групп в одном ритме: ритмичный бум-бум, сначала бум с левой стороны, затем с правой. И снова бум-бум. Одновременно люди начали подниматься по ступеням к плато, двумя длинными рядами, все друг за другом и все в общем ритме барабанов, словно символизируя, что они разделены, но действуют по одним правилам. Барабаны замыкали обе людские змеи, левая — в синем, правая — в красном.

Бум-бум. Шаг и шаг.

Бум-бум. Шаг и шаг.

Бум-бум. Шаг и шаг.

Взгляд на верховную жрицу Анку.

Было ясно видно, что жрица дышит быстро. И бледна лицом. И взгляд её застыл. Правая рука жрицы взяла хрустальный кубок, поднесла его к губам и смочила их. Затем она снова поставила кубок. Её рука заметно дрожала.

Теперь бойцы первыми достигли плато и встали лицом к своей жрице в центре свободного пространства между троном и столбом. Затем последовали остальные, один за другим.

Бум-бум. Шаг и шаг. Бум-бум. Шаг и шаг.

Наконец все образовали полукруг вокруг трона, барабаны в центре, слева от трона преобладали синие цвета, справа — красные, и столб разделял обе стороны. Присутствовали женщины и мужчины примерно в равных долях, не разделяясь в толпе по полу. Полукруг и так не был строго очерчен, и к тому же без видимого порядка то в один, то в два, то в три ряда.

Два бойца заняли место в центре. Оба были одеты только в своего рода набедренную повязку, едва прикрывающую ягодицы и бока, но оставляющую пенис открытым, и спереди замыкающуюся только над лобком в виде пояса. Повязка одного бойца была красной, другого — синей, обе с кантами и богато украшенные. Спереди кант делал мягкую дугу вверх, оставляя пенису хорошо видимое место. Возможно, вырез в повязке символизировал заявку бойцов на проникновение в вагину их жрицы. Но главная цель повязки, похоже, была в том, чтобы нести на ней оружие для боя. Каждый из бойцов держал в правой руке вертикально нечто, похожее на копье. Но на самом деле это были длинные кнуты, древко которых, возможно, было около трёх метров, а на конце —

примерно метровая плетёшь. На поясе же бойцы несли метровую жёсткую трость с коротким шнуром на конце, сантиметров десять или пятнадцать, а также короткий флоггер с множеством шнуров на конце рукояти, длиной около двадцати сантиметров, и ещё свернутую верёвку.

Верховная жрица Анка поднялась с трона, подняла левую руку с фиалом с сушёным молоком и правую с хрустальным кубком с чистой водой.

Все примерно сто человек ответили на приветствие. Женщины сделали реверанс, мужчины склонили головы, что, возможно, длилось полминуты и показалось Алише и Тиму вечностью.

Но приветствие закончилось, и жрица снова поставила фиал с молоком. Хрустальный кубок она поднесла к губам и пила глоток за глотком, пока он не опустел наполовину. Затем она вернула и кубок на место.

Сделав это, она начала медленно спускаться с трона к алтарному столу.

Два бойца же поднялись по ступеням к алтарному столу, синий слева, красный справа.

Барабаны снова зазвучали в такт шагам: Бум-бум. Шаг и шаг.

Наконец жрица и бойцы оказались лицом к лицу.

Бум!

И барабаны замолкли.

Бойцы положили свои длинные кнуты на землю и опустили перед жрицей на колени.

Анка сделала шаг к ним.левой рукой она взяла под левую грудь, правой — под правую. Левую грудь она протянула синему бойцу, правую — красному. Оба обхватили соски губами и начали пить волшебное молоко жрицы.

На храмовой площади воцарилась тишина.

Через несколько мгновений в абсолютной тишине послышался вздох жрицы, заметное невольное движение обоих бойцов к Анке, и было видно, что бойцы, кажется, впадают в некий транс. Движения их челюстей в тот же момент стали заметно медленнее, но сильнее. Анка же закрыла глаза, словно в медитации, будто втягивая энергию из воздуха, чтобы через свои груди изливать её в виде молока.

На храмовой площади всё ещё царил полная тишина.

Прошло несколько минут.

Как символ Перидеиса, — выдохнула Алиша, спрятанная в тени за оконной решёткой.

Они укрепляются для своей задачи — и так даже проигравший после боя получает выгоду, — шепнул Тим в ответ, — но, думаю, Анка лишь подражает символу Перидеиса.

Ты думаешь?

А как иначе? Она всего лишь гостья, как мы.

Верно. Но столько воды я бы не выпила. Что, если ей вдруг захочется пописать?

О чём ты только думаешь! — Тим хмыкнул. — Но даже если выпитая вода не

выйдет в виде молока, если она просто начнёт писать, это, вероятно, станет культом для людей.

Почему это?

Если у королевы родинка на лице, придворные дамы клеят себе фальшивые родинки, а если председатель совета саксонский акцент, то и верные товарищи говорят с акцентом⁴⁵. И если Анка бесстыдно обмочит бойцов, можешь представить, что женщины будут делать дома во время секса.

Теперь хмыкнула Алиша. Но она взяла себя в руки, и атмосфера снаружи снова захватила её.

Прошло, наверное, минут десять.

На площади царила затаённая тишина. Единственные звуки исходили от самой жрицы и порой от обоих бойцов. Но никогда от толпы.

Тут жрица руками отстранила свои груди от бойцов. Она повернулась и снова поднялась к своему трону. Наверху она снова заняла место на троне. Прямо сидя, но с широко раздвинутыми бёдрами.

Оба бойца подняли свои длинные кнуты с земли, встали и направились к лестнице, ведущей от алтаря на храмовую площадь. У обоих был вертикально стоящий пенис, и они ничего не делали, чтобы это скрыть.

Барабаны снова зазвучали: Бум-бум. Шаг и шаг.

Через несколько мгновений бойцы спустились.

Барабаны замолкли.

Оба бойца заняли позиции слева и справа от столба, синий слева, красный справа. Они повернулись друг к другу и опустили кнуты. Остальные люди всё ещё стояли полукругом вокруг столба, оставляя открытой половину круга к жрице и алтарю.

Верховная жрица хлопнула в ладоши.

Бойцы наклонились вперёд и опустили свои длинные кнуты.

Снова воцарилась полная тишина. Алиша слышимо дышала. Вдруг она тихо сказала: Смотри! У обоих мужчин пенис опустился. Только что они были совсем твёрдыми!

Меня это не удивляет, — тихо ответил Тим. — Отвлечение действует сильнее всего. Думаю, большинство обычных проблем с эрекцией из-за того, что мужчины не могут избавиться от мыслей, не связанных с сексом.

Оба замолчали и напряжённо смотрели наружу.

Бойцы начали осторожно кружить вокруг столба.

Вот! — Синий боец замахнулся, кнут со свистом рассёк воздух, и раздался громкий хлопок, почти как пистолетный выстрел.

45 Отсылка к бывшему главе ГДР Вальтеру Ульбрихту. Это действительно было так.

Но у него не было шанса попасть, потому что красный боец находился точно с другой стороны столба, ловко используя его как укрытие. Но он ответил своим кнутом так же. Раздался громкий хлопок, снова почти как выстрел.

Но синий тем временем попытался нанести второй удар. Хлоп!

Но красный ловко скользнул под кнутом и ответил низким ударом кнута. Снова просвистело и оглушительно хлопнуло.

Его противник уклонился прыжком и ударил сверху.

Красный боец уклонился боковым движением.

Теперь бойцы настороженно кружили вокруг столба, не спуская глаз с противника.

Они вообще ничего не показывают, — выдохнула Алиша, — удары же должны быть невероятно болезненными!

Думаешь, они попали друг по другу? — спросил Тим.

Конечно! — ответила Алиша. — Ты не слышал этот ужасно громкий хлопок?

Это не обязательно попадание, — ответил Тим. — Плеть при умелом обращении может на конце развить сверхзвуковую скорость, как подсчитали физики, и это вызывает хлопок. Думаю, с длинными кнутами дело не только в ударе, но и в том, чтобы запугать противника и впечатлить зрителей.

Бойцы кружили на безопасном расстоянии, держа столб посередине. Синий угрожающе взмахнул кнутом в воздух. Хлоп! Красный боец ответил не менее мощно. Хлоп!

Ещё раз!

Ещё раз!

Но теперь бойцы сблизилась. Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Попадание! — Синий боец дёрнулся, после удара кнута послышался короткий подавленный стон, и на животе и спине проступил красный рубец.

Алиша застонала вместе с ним и вздрогнула. Но как замороженная продолжала смотреть.

Попавший в ярости боли нанёс целую серию ударов. Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Красный противник ответил так же.

Вот! Хлоп! Попадание!

Ещё раз Хлоп! Попадание!

Оба бойца теперь принимали удары, ещё один удар, ещё один. На ногах обоих виднелись рубцы, на животе и спине — рубцы.

Вот, ещё удар. Хлоп! Вскрик.

Вдруг бой прервался. Синий боец держался за лицо и, похоже, был туда ударен. Но что это? Красный боец бросил кнут на землю и опустился на колени, словно прося прощения. Женщина в синем подбежала и вытерла лицо своему пострадавшему бойцу.

Теперь красный боец снова поднялся с колен, но оставил кнут на земле и стоял прямо.

Что это могло значить? Бой окончен?

Нет, похоже, нет. Пострадавший синий боец занял позицию сбоку от столба, метрах в трёх-четырёх от другого бойца, с кнутом в правой руке. Он медленно замахнулся и очень тщательно прицелился...

Красный боец стоял неподвижно перед ним.

Нет, он же не будет... — выдохнула Алиша.

Похоже на то, — ответил Тим. — Похоже, есть строгие правила для запретных зон тела. Я уже удивлялся, что пенис так незащищён, ведь что толку Анке от победителя, у которого болят пенис или яички? — Он посмотрел на Анку. Та действительно выглядела недовольной, по крайней мере, сейчас её бёдра были сомкнуты, а лицо выражало раздражение.

Тут красный боец, подлежащий наказанию, подал голос: Я прошу моего наказания, — сказал он.

Он стоял неподвижно. Бледный лицом, было видно его страх. Но он не шевельнулся ни на миллиметр.

Свист — Хлоп!

Красный боец упал на колени и держался за лицо. Женщина в синем тут же оказалась рядом и ухаживала за его лицом. Женщина из противоположной стороны!

Но прошло немного времени, и бойцы снова заняли позиции. Красный боец тоже снова взял кнут и встал в боевую стойку. Синий ударил первым. Затем бой продолжился, удар за ударом.

Верховная жрица Анка снова сидела с раздвинутыми бёдрами на троне. Тим заворожённо смотрел на неё, потому что Анка явно была сильно возбуждена видом боя, её дыхание было быстрым, взгляд застыл, а тело напряжённо наклонено вперёд.

Вот! Красному бойцу удалось схватить плеть противника. Не без последствий, на его левом предплечье виднелся рубец. Он тут же использовал преимущество, чтобы нанести прямой удар по спине противника. Конец его кнута обвил спину синего бойца, пройдя под подмышками до груди, где теперь проступил красный след.

Синий боец рухнул от боли, застонал, но сумел рукой и предплечьем схватить кнут противника.

Оба бойца поспешно обмотали шнур чужого кнута вокруг своего запястья. Теперь ни у кого не было шанса снова использовать свой кнут.

Как теперь продолжится? Будет пат? Вырвут кнут у противника, чтобы продолжить бой?

Нет! — Оба не тратили время на такие попытки. Вместо этого каждый разломал оружие противника на куски и бросил их на землю. Наконец бесполезные плети упали.

Но теперь каждый боец вытащил трость из пояса и угрожающе просвистел ею по воздуху. Оба явно снова следили, чтобы столб оставался между ними и противником. Трости оказались далеко не такими громкими, как кнуты, но

свист ясно давал понять, что лучше не попадать в их радиус. Ещё одно отличие: у тростей на рукояти была петля, так что вырвать их из руки противника было не так просто.

Бойцы снова закружили. Раз за разом они угрожающе просвистели тростями по воздуху. Пот стекал по телам мужчин и, проникая в многочисленные рубцы, наверняка добавлял боли.

Свист, попадание! — Синий боец прыгнул мимо столба, получил дополнительный импульс ударом ноги о столб, пролетел мимо красного бойца, нанёс удар по его бедру, но его прыжок сделал ответный удар противника пустым. Ещё не встав твёрдо на ноги, он нанёс второй искусный удар по другому бедру. Красный боец рухнул, без участия его воли; это была одна из тех невольных реакций, от которых невозможно уклониться. Но синий боец, похоже, именно на это и рассчитывал — удар за ударом сыпались на красного, не давая ему времени оправиться.

Вот! — Теперь красный боец лежал на боку, его противник мгновенно оказался над ним, вытащил верёвку из пояса, связал ему руки, протянул конец верёвки через кольцо на столбе и завязал узел.

Победитель поднял обе руки в позе триумфа. Громкие аплодисменты и ликование раздалось от его синих сторонников, но и простые хлопки (всё же!) от проигравших в красном.

Верховная жрица на троне тоже милостиво захлопала. Через несколько минут она жестом обеих рук ясно дала понять, что людям пора покинуть храм.

Люди, красные и синие, низко поклонились своей жрице. Синий боец вернулся к столбу и снял верёвки с побеждённого красного бойца. Оба поклонились друг другу, и наконец красные приняли своего бойца, чтобы утешить его и увести.

Красные и синие люди спускались по ступеням от храма к озеру. Беспорядочно. И на этот раз барабаны молчали.

Храмовая площадь опустела. Только Анка, верховная жрица, сидела на троне, а внизу, между столбом и алтарным столом, стоял с опущенной головой победитель. Алиша и Тим, затаив дыхание, смотрели из своего укрытия. Как того хотела Анка.

Теперь верховная жрица Анка громко хлопнула в ладоши. Оставшийся на площади синий боец поднял голову и посмотрел на Анку. Жрица, сидя с широко расставленными ногами, предлагала ему свою открытую вульву. Он, должно быть, видел её прямо перед собой. Только Алиша и Тим в своём укрытии, к сожалению, не могли её разглядеть. Судя по тому, как возбуждена была Анка, её половые органы, должно быть, представляли бойцу недвусмысленно призывное зрелище: сильно набухшие, возможно, слегка раскрытые, наверняка совершенно мокрые и источающие опьяняющий аромат. Долгое время снова царил тишина.

Пенис победителя начал подниматься, пока не встал вертикально.

Жрица снова взяла хрустальный кубок, наполненный чистой водой. Она снова поднесла его к губам и на этот раз выпила полностью, глоток за глотком. Затем поставила кубок справа от себя.

Сделав это, она взяла в обе руки богато украшенный голубоватый фиал, крышка которого была плотно завязана множеством искусно переплетённых шнуров. Она встала и медленно, с достоинством, спустилась по ступеням своего алтаря с фиалом в руках.

За Алишей и Тимом послышался тихий звук.

Тим обернулся. Зелима, не делай этого, — полугромко сказал он.

Но это меня мучает, — прошептала Зелима, снова подкраиваясь.

Тем больше причин этого не делать, — ответил Тим. — Разве тебе никогда не ускользали мысли, когда ты удовлетворяла себя, прочь от Анки? И всё равно ты любишь Анку больше всего?

Да, бывает, — очень-очень тихо прошептала Зелима.

Это то же самое, — сказал Тим. — Перидеис — это сон, а сны свободны. Если твои сны не свободны, ты сама не свободна, и тебе плохо. Тогда кто-то другой контролирует тебя, а тебе не хватает равновесия, нужного для твоего здоровья. Как искусство — равновесие в реальном мире. Мир в беде, если искусство не свободно. Так тебе легче это видеть?

Нет.

Чёрт возьми! — приглушённо взорвался Тим, чтобы снаружи не услышали спора. — Тебе легче, если я пообещаю тебе порку по попе?!

Да.

Тим был искренне ошарашен.

Эй! — сказал он. — Дай мне выход, и я тебя вознагражу.

Да. — Впервые на лице Зелимы появилась улыбка. Хитрая. — Я уже ушла, — пообещала она и — шмыг — действительно исчезла.

Она провоцирует Анку своей строптивостью? — спросил Тим, обращаясь к Алише.

Думаю, да, — ответила Алиша. — Это не так уж нелогично.

Хм, — сказал Тим.

Хм, — сказала Алиша. — Смотри наружу, а то пропустишь лучшее.

Верховная жрица Анка уже стояла на квадратном алтарном столе, покрытом толстым чёрно-золотым тканым покрывалом. Богато украшенный голубоватый фиал, крышка которого была плотно завязана множеством искусно переплетённых шнуров, теперь стоял за её спиной на ступенях, ведущих к трону.

Победитель медленно поднимался по ступеням с храмовой площади к алтарному столу, где его ждала жрица. Прямо перед ней, наверху на алтарном столе с толстым чёрно-золотым покрывалом, он остановился. Снова опустил

голову.

Жрица Анка подошла к победителю. Она снова взяла обе свои груди. Но что она делала? Смотри — она брызгала молоком из своих грудей на раненые места бойца и затем осторожно размазывала его пальцами. Её руки скользили по коже бойца, смачивая её, и снова и снова её руки брали свежее молоко из грудей, которое она очень осторожно размазывала по коже бойца. Руки Анки не забыли и лицо синего бойца, не забыли уши и шею, даже вертикально стоящий фаллос получил свою долю, и наконец жрица опустилась на колени, чтобы обработать верхнюю и нижнюю часть бёдер и даже стопы бойца. И снова и снова она доила свои груди, чтобы в широких струях обеспечить обильное молоко как чудесную целебную мазь для его кожи.

К изумлению тайно наблюдавшей Алиши раны от кнута заметно затягивались. Не осталось даже красных рубцов, ничего!

Как это возможно?! Молоко Анки всё-таки волшебное? — тихо спросила Алиша у Тима.

Не волшебнее, чем она сказала, — ответил Тим. — Твоё молоко ничуть не менее целебное, только гораздо эффективнее, чем у жительниц Перидеиса. Проигравшего так же лечат, но обычным женским молоком. Через пару часов и у него ничего не будет видно.

Так всегда в Перидеисе? — спросила Алиша.

Всегда. Даже без молока, только медленнее. Нет смерти. Нет тяжёлых ран, нет воспалений. Не забывай, где ты.

Я точно не забуду, глядя на это, — сказала Алиша. — Анка сейчас вот-вот будет взята мужчиной, которого я могла бы увидеть разве что на фото или по телевизору, а моё собственное лоно яростно протестует против своего пренебрежения!

Так удовлетвори себя!

...

Тебе легче, если я уйду в другую комнату? — спросил Тим.

Нет, — ответила Алиша, — я хочу, чтобы ты был здесь. Я справлюсь. Но это меня сильно возбуждает. Уже сам бой странно действовал. Может, из-за награды, что ждёт победителя, но и так. Странно... два мужчины, кроваво сражающиеся за женщину... в этом есть что-то архаичное, от чего я не могу отмахнуться.

Молчание.

Оба снова посмотрели наружу.

Верховная жрица Анка всё ещё стояла на коленях перед синим бойцом, который закрыл глаза и позволял происходить тому, что происходило. Теперь Анка уделяла всё внимание его вертикально стоящему упругому фаллосу, ведь через несколько мгновений ему предстояло сыграть главную роль. Неужели молоко

Анки могло здесь проявить особенно волшебную силу? По крайней мере, Анка, похоже, на это надеялась, потому что фаллос бойца получил гораздо больше её волшебной эссенции для ухода, чем любая другая часть тела. И это несмотря на то, что в предыдущем бою его тщательно щадили. Теперь Анка оттянула кожу, защищающую самую чувствительную часть фаллоса, и обильно смочила эту тайную часть своим молоком, умащивая и омывая её.

Тайно наблюдавшая Алиша растаяла. Бедному Тиму рядом с ней, должно быть, было ещё хуже. Но Алиша невольно вцепилась в его руку.

Теперь Анка ввела фаллос бойца в свой рот. Послышался громкий стон. Боец, должно быть, был на грани самообладания, ведь Анка уделила этому много времени.

Голова Анки двигалась вперёд и назад, её руки крепко держали ягодицы бойца. Но движения не были быстрыми, вовсе не торопливыми, а медленными, наслаждающимися, словно полностью продиктованными её собственной страстью, без оглядки на то, хочет ли боец большего. Движение вперёд и назад, то подчеркнуто медленно посасывая, то чуть быстрее, то она вынимала фаллос изо рта и языком играла с его венчиком и кончиком с крошечным отверстием, из которого должно было хлынуть семя. Такие игры она вела с фаллосом бойца. Очень медленно, очень сдержанно. Очень мучительно для него, который не смел шевельнуться.

Горе тебе, если кончишь! — мрачно и в то же время сгорая от желания, угрожающе посмотрела Анка на бойца.

Тот напряжённо кивнул.

Если кончишь, будешь на день привязан к позорному столбу, пока снова не станешь годным мужчиной.

Боец снова напряжённо кивнул.

Для этого столб! — тихо прокомментировала Алиша из-за решётки.

Честно говоря, я немного успокоился, — так же тихо ответил Тим.

Я тоже, — ответила Алиша. — А теперь мне любопытно, справится ли он. Как бы ты себя чувствовал на его месте?

Не знаю, с одной стороны, в celibate ты легко возбудим, но с другой — нет привычки.

Откуда ты знаешь?!

Думаешь, у меня не бывает моментов, когда я схожу с ума от желания? Раньше я думал, что в такие моменты кончу сам по себе за секунды, но это не так. По крайней мере, у меня и с рукой. Это всегда оставалось безуспешным достаточно долго, чтобы я мог себя затормозить.

Странно. А если женщины тебя домогаются?

Ты же видела у ведьмы. Тогда происходит то, что я уже не контролирую.

В самом прямом смысле... — Алиша хмыкнула.

Снаружи на алтарном столе, покрытом чёрно-золотым тканым покрывалом, Анка гладила фаллос бойца. И наконец медленно опустилась с колен на спину. В итоге она лежала на спине с раздвинутыми ногами и широко откинутой юбкой на алтаре.

Удовлетвори меня, сильный мужчина!

Боец сделал шаг к широко раскрытой жрице. Его фаллос торчал безупречно в полной красе.

Возьми меня наконец! — крикнула жрица. Без злости. Это было настоящее желание.

Наконец боец упал, схватил поднятую попу Анки и с сильным рывком вогнал свой фаллос в её лоно. Оба громко застонали.

Алиша тихо застонала.

Боец крепко держал ягодицы Анки и ритмично втягивал её лоно в своё, толчок за толчком. Теперь не было больше сдержанности, теперь он действовал как дикий зверь, поймавший добычу. Его бёдра толкались, руки делали своё, Анка громко кричала от наслаждения и восторга, боец задыхался, его глаза казались безумными, разума больше не было, движения становились всё быстрее, вдруг было ясно видно, как тело Анки напряглось, её дыхание замерло. Она задыхалась: не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся, старайся, давай, даааааааа, и лишь долю мгновения спустя то же произошло с бойцом, он тоже сжался, стал чуть медленнее, глубже, ритмичнее, Анка почувствовала это, притянула его таз к своему лону, чтобы глубоко вдавить его фаллос в себя, и затем он тоже застонал, даааааааааааааааа.

Было почти осязаемо, что происходило глубоко внутри вагины.

После получения удовлетворения оба лежали, тяжело дыша, друг на друге. Анка всё ещё прижимала ягодицы бойца к своему лону, чтобы не потерять связь, на случай, если его пенис станет мягким и выскользнет из её вагины.

Прошло некоторое время.

Анка тихо спросила бойца: Ты излил в меня своё семя?

Да, госпожа, я излил в тебя своё семя.

И ничего не удержал?

Нет, госпожа, я не удержал ни малейшей капли и старался выдавить всё.

Тогда возьми свою награду и принеси её домой как трофей.

Благодарю тебя, госпожа.

Синий боец осторожно поднялся с Анки, поставил осторожный прощальный поцелуй на её влажную вульву, взял со ступеней к трону богато украшенный голубоватый фиал, крышка которого была плотно завязана множеством искусно переплетённых шнуров, и покинул свою жрицу. Алиша и Тим видели, как синий боец с фиалом в руке быстро спустился по лестнице от храма к своей лодке, и вскоре, как он удалился по озеру.

Тут Анка крикнула: Тим! Алиша! Сделайте мне радость и идите сюда! Зелима? Кофе!

Она осталась лежать на алтарном столе, положив ноги на ступени к трону, словно хотела забеременеть от полученного семени.

Ты хочешь забеременеть? — спросила подошедшая Алиша. — Или почему ты держишь лоно вверх?

Мне нравится иметь семя с его суетливыми маленькими сперматозоидами глубоко внутри, — рассмеялась Анка. — Как аквариум. Сперматозоиды живут минимум четыре дня, знала?

Знала. Я умею считать до 28, чтобы не забеременеть.

Анка снова рассмеялась. В Перидеисе это, однако, бесполезное знание.

Теперь рассмеялась Алиша.

Анка окунула палец в свою вагину. Нет, — сказала она, — иногда мне действительно нужно это животное мужское, и это включает в себя быть наполненной мужским семенем. Назови это глупостью, но мне так.

Почему глупость? — ответила Алиша. — Это я очень прямо понимаю. К тому же природа должна как-то обеспечивать размножение.

Тут пришла Зелима, поставила поднос с кофе, свежим молоком и кружками на алтарь, но тут же исчезла.

Почему ты не пригласишь Зелиму остаться? — спросил Тим.

Я не хочу перегибать, — ответила Анка. — Всё во мне пахнет мужчиной, и внутри я ещё чувствую мужчину. Она получит свою награду сегодня вечером, когда я искупаюсь и моё удовлетворение уляжется. Тогда я готова к нежностям и большему, и Зелима получит что-то от меня. В такие вечера между нами может быть бурно.

Вы иначе не бываете бурными? Или ваше бурное скорее в этой связи между рабыней и госпожой?

Всё, — ответила Анка. Она теперь полусидела и налила Алише и Тиму кофе, добавив свежего молока. Молоко Зелимы из кувшина. Затем добавила: Я даже почти уверена, что именно этот регулярный храмовый ритуал снова и снова разжигает наше желание. Так что он полезен не только мне, но и нам обоим. Зелиме всё равно нелегко, бедняжке.

Потому что она рабыня?

Нет, вовсе нет. Вам, возможно, трудно это понять. Рабыня... и подчинённая мне, это её глубочайшее внутреннее стремление. И исполнение моих желаний делает её счастливой. От плоти она может достичь оргазма. Нет, я имела в виду себя и то, что я не могу отставить мужчин. Это тяжело для неё, потому что она никогда не будет иметь меня целиком.

На мгновение воцарилось молчание.

Наконец Алиша решилась спросить: Ты живёшь этой лесбийской стороной только из-за неё?

Не знаю, — сказала Анка. — Возможно, без неё у меня никогда не было бы физической связи с женщиной. С другой стороны, мы всегда были вместе, так что «никогда» почти невысказано. Но желание подчиняться с этим не связано. Скорее, мы сблизились и остались вместе, потому что так подходили друг другу. Оба аспекта — найти и остаться. Знаешь, я влюблена в Зелиму как в личность. То, что она случайно женщина, подчинено этому. Пожалуй, это лучше всего описывает.

Теперь понял, — вмешался Тим, — это ключ, который мне нужен был, чтобы понять ваши отношения.

А что вы думаете... о храмовом ритуале? — внезапно сменила тему Анка, сильно покраснев.

И Алише, и Тиму пришло в голову, что Анка, должно быть, всё время ждала этого момента.

Странно возбуждающе, — первым ответил Тим.

Алиша замаялась. Очень кроваво, — нерешительно сказала она. — Не то чтобы это не было эротично, меня бы это не оставило равнодушной, если бы несколько мужчин боролись за меня. Но... должно ли это быть так... кроваво?

Это приводит меня прямо в состояние транса, — призналась Анка шёпотом. — Именно так. Это мои самые тёмные желания, мужчины, сражающиеся до крови, только чтобы однажды войти в моё лоно и излить туда семя...

Я где-то могу это понять, — добавила Алиша. — Мои родители однажды взяли меня на боксёрский матч. Это было мероприятие специально для молодёжи. Сначала подробно объяснили правила бокса, а потом был настоящий бой. В ринге, кажется, были даже довольно известные бойцы. Через какое-то время меня это по-настоящему захватило, и рядом я видела женщин, которые были совсем вне себя. Это был очень странный опыт, но я потом никогда не ходила на бокс. Это было похоже, только гораздо сильнее, потому что... потому что они сражались за тебя, за женщину, и... потому что там были кровь и боль. Я читала о процессиях бичующих в Средневековье, что там атмосфера тоже могла быть сексуально заряженной, и это считалось порочным.

Спасибо, что так мило сказала, — тихо сказала Анка.

Это правда так, — сказала Алиша. — Скажи, ты всё это организовала?

Нет, — ответила Анка, — это со мной произошло. Я пришла, нашла пустой храм, люди сказали мне, что ищут верховную жрицу, рассказали, что от неё требуется, и умоляли взять эту роль, потому что подхожу только я. Думаю, это касалось качеств, отличающих нас, гостей Перидеиса и ведьм, от них, простых жителей. Они, должно быть, это чувствовали, даже если не осознавали.

Как со мной и моим молоком, — вставила Алиша. — Люди замечают его действие.

Тиму пришла ещё одна мысль: Но Перидеис, похоже, подарил тебе этот храм, — сказал он. — Только тебе.

Спасибо, — сказала Анка. — Я часто гадала, что здесь происходит. Знаете, я часто хожу по своей земле, но редко бываю в других частях Перидеиса, поэтому

не уверена. Иногда у меня плохое самочувствие, но потом я вижу, как счастлива Зелима своей жизнью, и мне снова и снова подтверждают, что люди довольны мной как жрицей, и что их глубочайшее желание — посылать мне мужчин, которые борются, чтобы служить мне и получить честь моего молока. На самом деле сомнений не остаётся, но всё же иногда это меня настигает.

Твоё воспитание? — вставила Алиша.

Наверное, — ответила Анка. — Поэтому у меня нет ни малейшего желания возвращаться в реальный мир. А поскольку людям, кроме храмовой службы, иногда нужна моя голова, жизнь здесь имеет смысл.

Твоя голова?! — растерянno спросила Алиша.

Мой разум, — ответила Анка. — Знаешь, люди здесь... я не знаю, откуда они изначально, но, похоже, они пришли сюда десятки тысяч лет назад, если не раньше, и в Перидеисе, кажется, остались на этом уровне. Они совершенно свободны от технических знаний, почти не умеют считать, не говоря уже о вычислениях, и не думают далеко вперёд. Даже если в повседневной жизни это не всегда заметно... Иногда им нужен кто-то с большим знанием и дальновидностью, и это беру на себя я. Видите, так эрос, разум, эстетика и готовность помочь одинаково востребованы, мои странности обретают смысл, и всё это чистое тщеславие. Я теперь хорошая или плохая?

Алиша и Тим рассмеялись.

Просто живи этим, — сказал Тим. — Не думай так много, это происходит для тебя, и если ты это не примешь, это никому не поможет, а будет только глупо и точно не хорошо ни для тебя, ни для Зелимы. Перидеис — это громко высказанные и ожившие мысли. В нашем языке есть песня «Мысли свободны». Так отпусти их.

Анка снова легла на спину, ноги снова на ступенях к трону, и улыбнулась. Наконец она снова выглядела расслабленной. И, — язвительно спросила она, — вам... трах... понравился?

Тим застонал.

Алиша рассмеялась. Бедняга, ему слишком понравилось, но он же не может выпустить то, что твой боец излил в твоё лоно.

Я об этом не подумала, — смущённо извинилась Анка.

Ничего, — сказал Тим, — во сне, когда я не отвечаю за себя, такие вещи иногда происходят для равновесия, иногда даже с облегчением в конце.

Серьёзно?

Да. Не настоящий оргазм, скорее приятное облегчающее истечение. Не знаю, течёт ли что-то на самом деле, но мне так снится.

Хоть что-то, — вздохнула Алиша, искренне сочувствуя Тиму. — И кстати, — добавила она, обращаясь к Анке, — я завидовала тебе из-за этого парня. И ещё тому, что простой... трах... ты возвысила до большого ритуала, с большим размахом и антуражем, сделала его значительным, устроила большое прелюдие, это было действительно очень возбуждающе.

Анка улыбнулась.

Платье готово, — слышался голос Зелимы сзади.

Когда Алиша надела своё платье, она и Тим одновременно почувствовали, что настало подходящее время покинуть Зелиму и верховную жрицу.

Зелима провела их через скальный коридор на другую сторону озера, где дорога из лазурного кирпича снова выходила из воды и вела в долину, где слева и справа возвышались крутые скалы, посередине рос пышный зелёный тропический лес с множеством цветов, и где солнце всегда светило прямо сверху на дорогу из лазурного кирпича. Здесь тоже вилась речка через долину, из которой при необходимости можно было пить и которая порой предлагала места для купания.

Зелима вручила Тиму мешочек с лакомствами, обняла Алишу на прощание и вдруг с лукавым взглядом спросила: Можно?

Что??? — Алиша растерянно посмотрела на неё.

Зелима схватила Тима за плечи, потянувшись к нему и поцеловала прямо в губы. Ты мне нравишься, — сказала она напоследок. И быстро добавила: Конечно, вы оба мне нравитесь!

Все трое рассмеялись, затем рабыня Зелима повернулась и пошла обратно к храму.

Алиша и Тим смотрели ей вслед, пока она не исчезла в тайном проходе, через который они пришли из храма в долину. Тим положил мешочек с угощениями Зелимы в рюкзак, оба ещё раз оглянулись на озеро и храмовые лестницы, уходящие в скалы.

Пойдём, — сказал Тим.

Пойдём, — ответила Алиша.

А может, не пойдём, — сказал Тим.

?!

Тим рассмеялся. Хотя ты и умеешь делать ведьмин прыжок, я всё же хотел бы немного безопасности на случай, если что-то случится или мы потеряемся. Пойдём к скалам и возьмём новый кристалл, который ты сможешь взять с собой.

И ты тоже.

Дааааа. И я тоже.

Оба побежали вдоль берега озера, пока не достигли крутой скальной стены, ограничивающей долину. Пройдя вдоль скалы, уже через несколько десятков метров они наткнулись на первый проход в скале. Они вошли внутрь и вскоре нашли место на стене, где блестело знакомое кошачье золото. Тим с некоторым трудом выбил два куска, велел Алише выбросить её старое кошачье золото и вручил ей новый кристалл. Алиша засунула его в один из карманов платья, а Тим тоже убрал свой кусок.

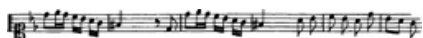
Берег озера достаточно впечатляющий, чтобы легко его запомнить, — сказал

Тим, когда оба ещё раз оглянулись на озеро.

И если при ведьмином прыжке окажешься здесь, сразу будет компания и удобное жильё, — добавила Алиша.

Верно.

Затем они действительно отправились в путь. Сначала вернулись к дороге из лазурного кирпича, а затем пошли по ней вглубь долины.



Разговоры об Анке

Некоторое время они шли молча бок о бок по дороге из лазурного кирпича. Каждый был погружён в свои мысли.

Знаешь, на кого мне напоминает Анка? — наконец спросил Тим. — На богомола или чёрную вдову.

Кого?

Богомола или чёрную вдову. Они поедают самца во время спаривания. Интересный вопрос для меня: страдает ли самец? Это не совсем ясно, и этический вопрос для животных неуместен. Но страдают ли самцы от того, что их поедают, или, возможно, в состоянии сексуального возбуждения они даже получают удовольствие от этого? И убегает только тогда, когда возбуждение уже угасло?

Ты думаешь сейчас меньше об Анке, а больше о мужчинах, которые за неё сражались?

Да. Может, стоило рассказать об этом Анке.

Лучше не надо, — сказала Алиша, — ты хотел бы, чтобы тебя сравнили с пауком?

Бррр. Нет. Но если оставить это в стороне, — добавил Тим, — с жителями вообще не совсем ясно, можем ли мы их сравнивать с нами.

Ты правда считаешь их иллюзией? Анка, похоже, так не думает.

Трудно сказать. Судя по всему, что я слышал или видел, они — часть Перидеиса, почему они должны подчиняться другим законам, чем весь Перидеис? Если мой подход верен, они напоминают мне фигуры из сна... существуют только потому, что я сплю. Или как персонажи романа писателя: всё, что они делают, связано с ним самим, но без него их нет. ... Перидеис — удивительный мир. Если он создан, чтобы очищать душу, то было бы даже неправильно *не* отдаваться таким вещам, как делает Анка. Как искусство, как литература, как кино. Там тоже происходят вещи, которые в реальности мы сочли бы предосудительными. Но мы всё равно любим читать детективы.

И скабрёзные истории, — задумчиво добавила Алиша. — Мы в школе передавали такие под партой.

Кстати, — сказал Тим, — ты заметила, как честно сражались те двое мужчин и как честны были зрители?

Верно.

Это типично для Перидеиса. Мужчины часто сражаются кроваво, но всегда исключительно честно, и женщины очень осуждают засады или что-то подобное, это позор. Ценятся только настоящие, честные победы.

Бывают ли смертельные бои?

Никогда. Ты забыла, что в Перидеисе не умирают?

Точно. Значит, и при несчастных случаях, и в боях тоже?

Нет. Бои заканчиваются тем, что противник сдаётся — от поражения, усталости

или боли.

И что потом?

По-разному. Просто конец, или плен, или рабство. Зависит от обстоятельств.

Как рабство сочетается с тем, что это рай?

Потому что оно не такое, как в реальном мире, и воспринимается иначе. К тому же раз в год проходит большой праздник, посвящённый созданию Перидеиса. В этот день солнце в полдень гаснет примерно на минуту, и наступает полная тьма. Когда оно снова загорается, это символизирует создание Перидеиса, и начинается праздник⁴⁶. В этот момент каждый раб свободен и имеет право уйти или остаться. Но хозяин никогда не может освободить раба против его воли. Конечно, за пару недель до праздника рабовладельцы дают кучу обещаний, которые обычно не выполняют, и вообще создают хорошее настроение среди своих рабов.

И они на это ведутся?!

А то. Это же работает с упаковкой, политикой и революциями.

Точно. И с большими сиськами.

Из-за молока?

Нет, потому что женщина с большими сиськами может быть глупой и всё равно имеет больше шансов.

Это аргумент за ханжескую часть человечества.

Алиша рассмеялась. Нет, женщину нельзя судить только по её уму.

Дожил я до такого... где я вообще остановился? А, да, рабы. — Рабовладелец может сделать жизнь раба очень неудобной, если хочет от него избавиться.

Зачем ему это? И почему раб захочет остаться?

Рабом становятся только на определённое время, — ответил Тим. — Наёмного труда в Перидеисе нет. Либо ты работаешь свободно на себя, либо продаёшь себя на оговорённый срок. Если ты взял раба, у тебя есть обязанность его содержать. Договариваются, что гарантировано рабу. Если хозяин этого не выполняет, раба могут забрать, и, если нужно, конфискуют то, что причиталось бы рабу на оставшееся время. Примерно как выплаты при разводе супругов. Поэтому стать рабом не так просто, а с другой стороны, это может быть привлекательно, потому что раб получает гарантированные условия жизни. Но раб отдаётся полностью.

Буквально?

А то. Раб есть раб.

То есть, если я продамся хотя бы на один день, хозяин может не только заставить меня работать, но и изнасиловать.

Во-первых, женщины в Перидеисе не работают. Разве что эстетические и художественные вещи — украшения, одежда или, может, торговля. Тебя будут в основном доить. Но, конечно, тебя используют и для удовлетворения;

46 Сравн.: Сатурналии в Риме с 45 до н.э. с 17 по 23 декабря. Праздновался бог Сатурн как правитель мифического золотого века.

думаешь, рабыне надо только бездельничать?

Мужчины там были недурны. Здесь все мужчины такие?

Да. Не забывай, что такое Перидеис. И не забывай своё постоянное возбуждение. С ним ты любого сделаешь красавцем, если сильно чешется. Здесь никто не выглядит по-настоящему непривлекательно. В каждом находишь что-то притягательное, и никто не обязан только самоудовлетворяться или никогда не может стать рабом.

Сейчас мне бы не помешали 15 минут в роли рабыни удовольствия, — сказала Алиша. — Можно мне уйти в кусты, чтобы что-то сделать с этим желанием, не обременяя тебя?

Отклонено, — сказал Тим. — Мы с этого даже не начнём. У меня есть идея получше, она пришла мне ещё когда Анка рассказывала о Зелиме.

Что ты имеешь в виду?

Тим странно улыбнулся Алише, и его зрачки сузились так, что у Алиши всё перевернулось внутри.

Что ты задумал? — прошептала Алиша. Её сердце заколотилось.

Тим не ответил, а крепко схватил её за запястья. При этом он всё ещё смотрел ей в глаза. Хочешь 15 минут рабства? Как Зелима? Я всё ещё должен тебе ответ насчёт пут и плетей. Хочешь его сейчас? Немедленно?

Да! Спасибо, что не забыл. — Алиша молниеносно вошла в состояние сильного возбуждения и дышала прерывисто.

Одним движением Тим развернул верёвку, которую всегда носил на боку. Он обмотал ею запястья Алиши и привязал её стоя между двумя деревьями.

Да, мой господин, свяжи меня, — прошептала Алиша, — поработи меня. — Ей хотелось узнать, каково это — произнести такое. Это возбуждало её ещё сильнее.

Сначала я возьму твоё молоко, — сказал Тим. Спустя мгновение он присосался ртом к одной груди, грубо выдавливая другую, вытягивая её и вдавливая пальцы, чтобы получить ещё больше.

Алиша застонала от боли. Да, используй меня, — выдохнула она, — пользуйся мной, будь груб со мной.

Через некоторое время Тим оторвался от её груди. Я отхлещу тебя тростью, — сказал он. Затем вытащил трость из кобуры и поднёс к груди Алиши. Он выдоил молоко из её груди на трость, чтобы сделать её гибкой. Затем выдоил ещё молока и намазал им спину и попу Алиши, обхватив её рукой.

Наконец Тим встал позади Алиши. Ноги шире!

Алиша быстро расставила ноги на земле.

Считай громко! — приказал Тим.

Затем он ударил тростью.

Ах! Раз!

Ах! Два!

Ах! Три!

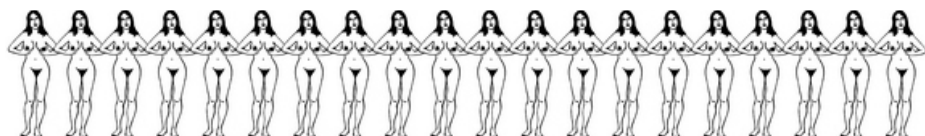
Алиша получила 28 ударов, постепенно всё сильнее. Первые шесть ударов

сопровождались резкой колющей болью, следующие шесть жгли адски, после двенадцатого удара она внезапно вошла в состояние транса. Она парила. Её лицо выражало почти безумное счастье. Она кричала так, что случайный наблюдатель вряд ли смог бы понять, были ли это крики боли или наслаждения. Это были крики наслаждения. Каждый следующий удар плетью был высшим наслаждением. Затем она кончила.

Тим подхватил её, быстро развязал путы и держал Алишу в объятиях, пока её оргазм полностью не утих.

Спасибо! — сказала Алиша, поцеловала Тима и была искренне благодарна.

Они прошли ещё долгий путь, прежде чем наступила ночь. Алиша была рада, что не носила трусиков, потому что её попа горела. Но ей это нравилось.





Институт специальной физики (Объект П)

Телеграмма

Через
курьера!

Какой идиот
ХОЧЕТ ТАКОЕ
ОТПРАВЛЯТЬ
ПО ТЕЛТАМПУ?

Отправитель: Канцелярия министра

Получатель: Объект П, руководитель подразделения

Совершенно секретно / ГВС

Согласно приказу министра, все отчёты, относящиеся к тематическому комплексу «Объект П», с настоящего момента должны передаваться исключительно курьером. Телетайпные сообщения, даже зашифрованные, категорически запрещены. Для вашей информации прилагаю отчёт, который послужил основанием для приказа министра государственной безопасности.

[Оригинальный текст отчёта]

ТЕМА: Деконспирация отчёта Объекта Р внутри МФС

Настоящим сообщаем о деконспирации⁴⁷ внутри Министерства государственной безопасности. После тщательного расследования с высокой степенью вероятности можно исключить деконспирацию за пределы ведомства.

Обстоятельства:

Телетайпное сообщение с отправителем Объект П было ошибочно принято сотрудниками за повествование порнографического характера частного происхождения, несмотря на явную маркировку как совершенно секретного. Этому способствовали части отчёта, имеющие явный сказочный характер. В результате сотрудники телетайпной и шифровальной службы распространяли части указанного отчёта в оригинале, а также в виде изменённых версий, открыто по внутренней телетайпной сети МФС в развлекательных целях, особенно ночью, в выходные и праздничные дни, в периоды низкой рабочей нагрузки.

⁴⁷ Конспирация: в языке спецслужб — это секретные операции. Деконспирация, соответственно, — разоблачение таких операций.

Последствия:

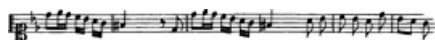
Распространение упомянутого текста удалось лишь ограничить, поскольку он был слишком часто размножен, и слишком активные расследования следовало избегать. Распространению способствовало то, что стандартные телетайпные машины всегда оснащены перфолентой, с помощью которой указанный текст мог быть воспроизведён практически неограниченное число раз. Опасность, исходящая от распространяемых текстов, оценивается как низкая, поскольку связь с служебными делами ни упомянута, ни подразумевается, и, по собственной оценке, также не кажется очевидной. В худшем случае можно усмотреть общую угрозу, как от любой бульварной и порнографической литературы.

Меры:

Дисциплинарные меры сочтены нецелесообразными по причинам конспирации. Для маскировки оригинального текста и усиления впечатления вымышленного фона в оборот внутри MfS были пущены многочисленные другие телетайпные сообщения сексуального содержания, но с иными сюжетными фонами. Затем, после определённого времени ожидания, было организовано общее инспектирование всех телетайпных станций внутри MfS на предмет ненужного хранения перфолент и телетайпных документов, а также проведено общее разъяснение о строгом запрете передачи частных и не связанных со службой сообщений по телетайпным каналам.

Три варианта текста упомянутого отчёта прилагаются в копии.

[В оригинале следуют около 1200 строк с распространяемыми текстовыми вариантами]



Товарищ Гизела – сотрудница ЦПКК

Товарищ Гизела, около 50 лет, незамужняя, стройная, чрезвычайно привлекательная, ухоженная внешность, высокоинтеллектуальная и член Центральной партийной контрольной комиссии (ЦПКК), сидела, чертыхаясь, в своём служебном автомобиле марки «Лада». Не машина для мелких сошек, но обычно ей хватало нескольких тщательно подобранных фраз, произнесённых тихим дружелюбным голосом, чтобы ясно дать понять, кто она такая.

Она посмотрела на карту, лежащую на коленях. Пожалуй, ей всё-таки следовало взять военную карту, потому что вблизи секретных объектов публичные карты намеренно были неточными и полны ошибочных данных. Вероятно, поэтому она не могла найти цель. Последняя деревня ещё соответствовала карте, но дальше она не могла продвинуться.

Вот! — Приближался трактор. Товарищ Гизела подождала, пока он подъедет. Она вышла и помахала трактористу.

Когда трактор поравнялся с ней, он остановился, дверь с грохотом открылась, и крестьянин прокричал, перекрывая шум мотора: Что случилось?

Я что-то ищу, — прокричала в ответ товарищ Гизела.

Ну и что же? Я не ясновидящий, девочка.

Институт специальной физики!

Чего?

Институт специальной физики!

Тут такого нет.

Есть! Должен быть здесь!

Ну и где же?

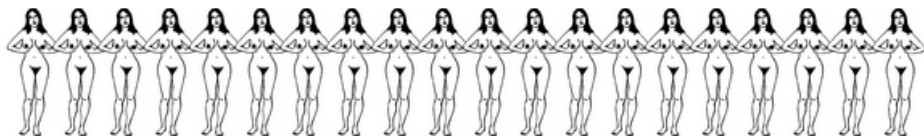
Где-то прямо в лесу вон там. — (Товарищ Гизела указала направление.)

А, ты про Штази! — крикнул крестьянин. — Вернись к дороге, потом налево, потом полкилометра, потом направо по бетонным плитам. Ночные сторожа в форме — справа в лесу, а совсем секретные — слева. Но что они там физику делают, не верю. Разве что очень специальную.

Крестьянин сделал жест, имитирующий мастурбацию, поприветствовал и уехал на своём тракторе.

Товарищ Гизела кипела от злости. Зачем партия платит за секретную службу, если первый встречный крестьянин уже всё прекрасно знает?!

Она снова завела машину и отправилась по указанному пути.





Перидеис

Боевые груди

У Анки были упругие груди, — сказала Алиша Тиму.

Опять начинается?

Но ведь так и есть. А у Зелимы ещё больше. Как они это делают?

У Анки груди поменьше, у Зелимы совсем маленькие, вот и всё. И, кстати, соски и ореолы у них обеих далеко не такие красивые, как у тебя.

Но мои же такие... такие уродливо большие.

Женственные.

То есть непривлекательные.

Чёрт возьми! Посмотри на меня вниз.

У тебя стояк.

Но только с тех пор, как ты заговорила о своих уродливо больших сосках и ореолах. Этого ответа достаточно?

Но ещё лучше ведь могло бы...

Чтооо, моя эрекция могла бы быть ещё лучше?

Алиша рассмеялась. Нет, — сказала она, — это совершенно великолепная эрекция, лучше которой не бывает и которая бы безмерно обрадовала любую женщину.

Спасибо. И?

А ореолы Анки всё равно были как-то красивее? Мне всегда стыдно за свои.

Ореолы Анки были менее эротичными.

Но красивее.

Мы это уже не раз обсуждали? Поскольку я мужчина и женщины меня возбуждают, для меня в таких вещах, как груди, дело не столько в абстрактной красоте, сколько в том, что твои груди во мне вызывают. Возбуждают ли они меня. Твои меня сильно возбуждают, а груди Анки были просто красивыми. Есть поговорка мастеров: «После крепко — отваливается». Применительно к нашей теме я бы перевёл это как: «После эстетично — скучно». Что ты хочешь? — Чтобы мужчины томились при виде тебя или просто удивлялись?

Теперь Алиша всё-таки рассмеялась. Но одно всё равно упускают — всегда говорят о двух свойствах груди: с одной стороны, как эротической, с другой — как кормящей. Но знаешь, чего не хватает?

???

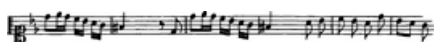
Боевой груди.

?????

Да, так и есть! Женщины смотрят на сиськи других женщин так же, как

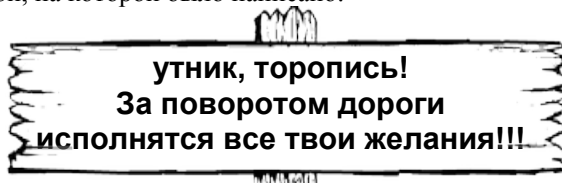
мужчины. Только по другой причине: лучше ли они, чем мои? И потом они наряжаются, суетятся, вытесняют друг друга. Для этого и нужна крепко торчащая грудь.
Ты победила.

Оба рассмеялись. Затем продолжили свой путь.



Полусатир

После нескольких дней пути по дороге из лазурного кирпича Алиша и Тим дошли до места, где от дороги из лазурного кирпича отходила серая мощёная дорога. И эта серая дорога вела в долину, которая ответвлялась вправо от их долины. Ответвляющаяся долина не была чем-то новым, как и ответвляющийся путь. Но удивительным было совсем другое: Алиша увидела у обочины дороги столб с дощечкой, на которой было написано:



Это объявление вызывает у меня какое-то воспоминание, — удивилась Алиша вслух. — Но я не знаю, что это! И что может быть в той долине, если Перидеис и так почти невозможно превзойти? Хочешь посмотреть?

Время у нас есть, — ответил Тим. — Но мне кажется странным это объявление. Почему?

Потому что жители не умеют ни читать, ни писать, ни считать. Как они могли сделать такое объявление? Значит, его сделал либо пери, либо гость. Но даже в этом случае: для кого оно предназначено, если никто не может его прочесть? У жителей это вызвало бы только недоверие, как воровские знаки⁴⁸.

А если объявление для нас двоих?

Маловероятно. И слишком неконкретно. К тому же ты права, что в Перидеисе и так нечего желать. Давай сначала устроим пикник, а потом я посмотрю. Но лучше сначала один.

Они устроились на обочине. Тим набрал свежей воды из ближнего ручья, а Алиша прошла вокруг, чтобы посмотреть, какие необычные фрукты предлагает местность. Трапеза, как всегда, была более чем обильной, и Алиша радовалась, что еда не оставляет жировых колец на теле. Завершением трапезы, как обычно, был полчасовой отдых, во время которого Тим получал свою

⁴⁸ Воровские знаки: тайные символы, которые бродяги оставляли, например, на стенах домов как подсказки для других бродяг.

порцию из грудей Алиши, а она использовала возникшее возбуждение, чтобы расслабиться с помощью среднего пальца. Её заметно более полные груди восхищали не только Тима, но и его восторг отзывался в Алише, делая её груди ещё большей, чем раньше, источником собственной страсти и желания.

Но в какой-то момент оба отдохнули и были довольны.

Теперь пойду посмотрю, что за поворотом в той долине, — сказал Тим. — Оставайся здесь.

Я могу искупаться, пока жду, — предложила Алиша.

Хорошая идея, — сказал Тим, — я рассчитываю на два-три часа.

И Тим отправился в путь. По серой дороге в другую долину.

Алиша сняла платье, голая спустилась к ручью, нашла место, где вода собралась в маленький пруд, и прыгнула в воду. Поскольку времени было много, она вымыла и волосы, и решила хорошенько прополоскать платье. В Перидеисе всё быстро сохло, но не поэтому; мёрзнуть в Перидеисе было неизвестно. Даже совсем голой.

Потом Алиша бродила от скуки и нашла те самые баклажаноподобные фрукты, которые она уже знала, когда только прибыла в Перидеис. Если их сорвать и согреть руками (или даже внутри лона), они сильно набухали и вибрировали.

Попробовать их ещё раз?

Нет. Без Тима это было куда менее заманчиво.

Алиша оставила фрукты висеть.

От чистой скуки она всё же удовлетворила себя ещё раз. Совсем банально, пальцем.

Где же Тим?

ω ω ω

Тим шёл по серой мощёной дороге, свернул в боковую долину, прошёл ещё немного, но ничего не обнаружил.

Он остановился и огляделся.

Наконец он увидел на одиноко стоящей небольшой скале что-то вроде замка.

И это должно исполнять все желания?!

Тим покачал головой.

Тут с прыжком из-за спины к Тиму подскочила покрытая мехом фигура, издала крик, и в доли секунды Тим оказался связанным на земле.

Бесполезно было сопротивляться этим путам. Они бы со временем сами развязались, но до того ни острый край, ни что-либо ещё не помогло бы — такие они были прочные.

Тим лежал на земле и ругался. Как он мог так глупо дать себя одурачить?

Мохнатая фигура склонилась над Тимом и удовлетворённо пробурчала. Это был полусатир. Настоящие сатиры не действуют планомерно. Этот же даже связал его, что требовало хотя бы ограниченной способности думать. Полусатиры никогда не появляются без чужого вмешательства. Эти жалкие создания всегда были намеренным творением кого-то, кто сознательно оставлял их в таком

состоянии — послушными орудиями без собственной воли. Ловишь сатира и даёшь ему ровно столько молока, чтобы он был укрощён, но только для того, кто даёт молоко. И после этого он делает для этого человека всё, что тот хочет, не обретая при этом разума и собственной воли.

Тим решил беречь силы и ничего не делать. Раздражало только, что Алиша осталась одна, ничего не подозревая.

Но Тим с трудом повозился с поясом и наконец уронил свою трость на землю, чтобы у Алиши был знак от него.

Мохнатый полусатир легко взвалил Тима на плечо и понёс его на загривке, как мешок муки. Тим искренне удивился, какой силой обладают сатиры. У полусатира, как и у сатиров, была постоянная эрекция. Внешне Тим не смог бы отличить его от сатира. Только поведение было иным, ведь сатиры просто поддаются порывам.

Полусатир отправился в путь. Через десять метров Тим уронил верёвку в направлении движения. Ещё через пятьдесят метров он сбросил и пустой пояс. Надеюсь, этого хватит, чтобы показать Алише, куда идти. Алиша не глупа, утешал себя Тим. Больше вещей, чтобы бросить, у него не было. Полусатира это вообще не волновало. Тим мог бы и письмо написать и бросить на землю, если бы оно у него было.

Полусатир нёс Тима через лес без видимой усталости.

Через полчаса они достигли замка. Он стоял на скале, окружённой водой. Ветхий старый подъёмный мост вёл через ручей к воротам, которые явно нуждались в ремонте. Подъёмный мост нельзя было поднять, а ворота закрыть, это было видно с первого взгляда.

Внутри расщелина в скале вела к замку.

И ох, как выглядел замок! Крыша дырявая, ставни косо висят, стены потрескавшиеся, дырявые и осыпающиеся. Но полусатир продолжал идти, пока они не дошли до небольшой замковой башни. Башня была в сносном состоянии, а двор перед ней убран и даже с некоторым вкусом оформлен, хотя выполненные ремонтные работы не всегда были безупречны. Но жить можно, и даже дощатый забор огораживал эту часть внутреннего двора.

Сатир громко пробурчал.

Через несколько мгновений дверь башни открылась.

Раздался восторженный крик, и послышался немного хриплый женский голос: Ой, что ты мне поймал, мой мохнатый любимец! Тащи его внутрь, лакомый кусочек, прекрасный!

Это была очень стройная женщина со светлыми, строго зачёсанными вверх волосами, в облегающем топе из мягкой чёрной кожи, украшенном множеством золотистых кристаллов. Кошачье золото? Неужели? Её груди торчали упруго и безупречно из кожаного топа. Вместо юбки она носила длинные чёрные кожаные чулки из той же мягкой кожи, что и топ. Чулки доходили чуть ниже

ягодиц, но оставляли лоно свободным. Ягодицы (немного тощие, подумал Тим) и лоно, как и груди, оставались открытыми. Грудь, по меркам Перидеиса, были довольно маленькими (в реальном мире это бы так не считали) и производили необычайно упругое, почти тугое впечатление. Неплохо, пришлось признать Тиму про себя, даже если это не его любимая форма.

Полусатир занёс Тима в башню и поднялся на второй этаж. Хорошо, что ступени были каменные, учитывая, как всё остальное здесь выглядело ветхо. Наверху была светлая эркерная комната, в центре которой стоял большой массивный деревянный стол, вовсе не ветхий. И стоять он мог только там, потому что пол был каменный. Второй этаж был построен на возвышенной скале. В комнате были окна в двух направлениях, виднелись несколько сундуков, а у одного из окон стоял большой каменный стол. Точнее, это был сам камень, и он, конечно, был здесь задолго до постройки замка.

Полусатир бросил Тима, как мокрый мешок, на большой массивный деревянный стол.

Ай! — крикнул Тим, но больше в знак протеста, ведь он, к счастью, сумел смягчить падение.

Не трынди, мой сладкий кусочек, — слышался хриплый голос женщины из-за спины полусатира. — Сейчас тебя хорошенько свяжут.

И ловкими движениями женщина раз-два-три привязала Тима к столу: сначала растянутые в стороны ноги, потом руки. Руки пока только с одной стороны, потому что пути полусатира ещё не ослабли — и руки нельзя было привязать по отдельности с каждой стороны стола. Напоследок, для надёжности, она ещё раз крепко привязала его тело к столу.

Женщина обыскала Тима и нашла кристалл.

Ну и ну, — сказала она, — не хочешь же сбежать, правда? — И взяла кристалл, положила его, чтобы Тим хорошо видел, на большой каменный стол у окна. Затем она била по нему другим камнем, пока кристалл не раскололся на множество мелких золотистых кусков. Она била с яростью, потому что кошачье золото было твёрдым. Это заняло время. Искры разлетались в стороны.

Вот, — выдохнула женщина, закончив. — Теперь ты мой!

У Тима были сомнения. Но пока она была права. Он был связан и, вероятно, достаточно взволнован, чтобы несколько дней не суметь совершить ведьмин прыжок. Но было и нечто интересное: эта женщина явно не боялась кошачьего золота и знала его секрет. Значит, она, как и он, из реального мира. Чего она хотела от него, чего не могла бы легче получить от жителя?

Ему не пришлось спрашивать.

Ты, мой красавчик, — сказала женщина, — теперь мой раб. Какой улов! Бюттель, настоящий *бюттель*!

Но, — женщина сделала паузу, — я должна наградить моего мохнатого любимца. Иди сюда! — строго крикнула она, и полусатир подскочил.

Женщина достала из сундука горшок, крышка которого была плотно завязана верёвкой. Этого хватало, чтобы содержимое было недоступно для полусатира. В горшке было сушёное женское молоко в виде порошка. Женщина насыпала немного в открытую ладонь и протянула её полусатиру. Тот жадно вылизал её руку.

Так, ты достаточно сделал, — сказала женщина своим хриплым, но довольно нежным тоном полусатиру. — Можешь идти спать. — Иди!

Полусатир, ворча, удалился. Женщина посмотрела ему вслед, пока он не исчез. Она тщательно закрыла горшок, вернула его в сундук и закрыла крышку сундука.

У моего любимца красивый большой пенис, правда? — обратилась женщина к связанному Тиму. — Но, к сожалению, его семя ни на что не годится, в нём нет силы. И тут мы переходим к тебе. Обычного мужчины мне бы хватило, чтобы получить пригодную эссенцию для моих целей. А гость из реального мира с его великой силой был бы для меня невероятной удачей. Но бюттель, живущий в целибате?

Она затряслась от смеха. От своего хриплого смеха.

Ты, мой прекрасный мужчина, — прошептала она ему на ухо, — ты венец. Благодаря твоей глупой воздержанности ты накопил в себе столько жизненной энергии, что мне, вероятно, не придётся ловить второго мужчину, чтобы достичь цели. Эту энергию я сейчас у тебя заберу. Я высосу из тебя последнюю каплю семени, пока твой разум не погаснет. И не думай, что получишь от меня что-то взамен. Я хочу брать, не давать. И я ненавижу отдавать молоко! Я ненавижу, что не могу сопротивляться этим набухшим штучкам! И боли, когда они тугие! Я, о мой прекрасный пленник, держу своё молоко при себе. И так я накапливаю всё больше и больше молока, всё больше, и это делает меня могущественной. Только когда две груди слишком сильно давят, только тогда я выдавливаю молоко. Но знаешь ли ты вообще, что такое выдавливание?

Тим покачал головой.

Ну, — сказала женщина, — это мой секрет. Секрет, которого в Перидеисе не знают, потому что все эти коровы только и хотят, чтобы давать как можно больше молока. Мой секрет в обратном: соски вообще не возбуждают, а наоборот, их вообще не трогают. Ни капельки! Пальцами проводят только по бокам груди, сзади вперёд, но не до самых сосков. И только до тех пор, пока не выйдет молоко, которое давит сильнее всего. Потом останавливаются! Этого достаточно, чтобы мой мохнатый любимец не вернулся совсем в сатира, но далеко не так много, чтобы он превратился обратно в человека. А я, я сохраняю свою силу в себе. И знаешь, какую задачу ты выполнишь?

Тим покачал головой.

Ты, мой красавчик, отдашь своё семя. Твоё сильное, чрезвычайно действенное семя! И это семя возвысит меня до пери!

Теперь Тиму стало немного страшно. Он не верил, что это сработает, но женщина в это верила. Сумасшедшая. И если она будет раз за разом доводить

его до оргазма, была серьёзная опасность, что он превратится в сатира. Ему рассказывали, как это происходит: из-за удовольствия от удовлетворения это не так невыносимо, чтобы тебя выбросило к переходу, что позволило бы избежать опасности. А став сатиром, по рассказам, не хотелось покидать это состояние. Ты следовал своим инстинктам, еды было в изобилии повсюду, только разума не хватало, но это не воспринималось как страдание, если его не было. Настоящая ловушка, единственная в Перидеисе. Ловушка только для мужчин. А он был мужчиной.

Но что делать?

Однако времени на размышления не осталось. Тем более он не смог бы телепортироваться. Блондинка в кожаной одежде и на высоких каблуках одарила Тима жестокой улыбкой.

Сейчас тебя опустошат, мой красавчик, и ты *ничего* не можешь с этим поделать! Смотри, я даже стараюсь, потому что *хочу*, чтобы тебе это нравилось. Я даже хочу, чтобы тебе это *очень* нравилось.

И она обхватила его пенис рукой. Тёплой рукой.

Нравится?

Пенис стал твёрдым. Тим пытался мысленно сопротивляться. Эта женщина что-то в нём вызывала, что отзывалось. Не всё объяснимо. Пенис стал ещё твёрже. Значит, тебе нравится? — Кто бы мог подумать. Я сделаю ещё больше, чтобы тебе понравилось.

И блондинка начала мягко и медленно оттягивать крайнюю плоть пениса назад. До конца. Крошечная пауза, и она медленно вернула плоть вперёд.

Это приятно, правда? А теперь посмотри на мои груди. Разве они не чудесно упругие? Они торчат, как у пятнадцатилетней. И посмотри на мои бёдра...

Блондинка встала. Но продолжала держать пенис Тима в руке, мягко и медленно двигая плоть вперёд и назад, вперёд и назад, вперёд и назад... Когда она встала, в поле зрения Тима попало её лоно. И её бёдра. Упругие, крепкие бёдра. Смотри, как интересно моё лоно, — сказала блондинка и поставила ногу на тяжёлый деревянный стол.

Взгляд Тима против его воли упал на лоно блондинки. И он увидел... ей было не всё равно, она была сильно возбуждена. Её вульва была набухшей, а половые губы раскрыты. И не только это, всё блестело влажно и скользко.

Тим боролся с сильными ощущениями, но это не помогало.

Теперь блондинка начала постепенно ускорять движения на его пенисе. Не переусердствуя. Она умело и сдержанно усиливала движения.

Тим застонал.

Когда он снова открыл глаза, его взгляд упал на груди блондинки: они начали капать. Ещё через мгновение по ним потекла струйка молока. А ещё через несколько мгновений молоко брызнуло. Сначала одна струя, потом две, и наконец множество. Настоящий душ из молока хлынул на тело Тима, на его лицо, на униформу, повсюду. Как жаль, он бы сейчас с радостью получил это молоко. Он пытался поймать ртом хоть немного, чтобы компенсировать то, что

блондинка пыталась у него отнять.

Блондинка яростно продолжала движения рукой.

Ты тоже ничего не можешь с этим поделать, подумал Тим про себя, *никакое средство не закроет твои брызжащие груди*. Было очевидно, что блондинка была сексуально сильно возбуждена. Если в такой ситуации у тебя полные груди, молоко идёт само. Это был один и тот же механизм тела: груди напрямую связаны с лоном, что в Перидеисе все знали лучше других. И даже в реальном мире, где об этом не говорили, матери узнавали об этом, когда тело награждало их за кормление ребёнка. Только об этом не говорили, а в предательские моменты лишь понимающе, с улыбкой, но молча смотрели друг другу в глаза. Конечно, можно было изо всех сил бороться с наградой, но тогда и поток молока становился скуднее. Противная ловушка. В Перидеисе же воля не помогала ни против потока молока, вызывающего чувства, ни против чувств, вызывающих поток молока. Чувствам было просто плевать на волю, они прокладывали свой путь.

Блондинка яростно начала выть, что, наоборот, только усилило эффект её груди, и она пыталась быстрее мастурбировать пенис.

В какой-то момент Тим, несмотря на гротесчную ситуацию, не смог больше сдерживаться, тем более что блондинка была весьма умела и далеко не непривлекательна. Его дыхание и стоны выдали ей, что его чресла уже сжимаются. И тут она наклонилась, взяла его пенис глубоко в рот и начала ритмично сосать. Тепло её рта и усиление ощущений заставили Тима выгнуться и достичь мощного оргазма. Он излился в её рот с силой, ещё раз, ещё раз и ещё раз. Она же сосала с максимальным чувством в его ритме, чтобы выжать даже последнюю каплю семени. И проглотила семя. А затем облизала его пенис, чтобы не пропало ни малейшей частички.

Когда пенис Тима больше не дал ни капли, блондинка оставила его лежать и вышла из комнаты. Но Тим недолго был один. Через минут десять она вернулась. И Тим снова был в деле. Он корчился под её мастурбирующей рукой, потому что её движения вскоре после оргазма были для него болезненны. Блондинка учла это. Её целью была не пытка, а полное опустошение Тима. Она замедлила движения, стала осторожнее, гораздо нежнее. И действительно, так пенис снова начал твердеть, сначала ещё мягкий, но со временем снова стал твёрдым, и Тим не мог сопротивляться. К сожалению, груди блондинки больше не брызгали, как в первый раз. Видимо, давление уже не было таким сильным. Они капали, но этого не хватало, чтобы рот дотянулся до молока. Блондинка это заметила.

Нет, мой красавчик, — сказала она, — ты не получишь моего молока. Ты должен остаться чистым. Без чего-либо от меня, из меня. Твоя сила должна быть полностью внешней.

Она усилила своё искусство на пенисе Тима. На этот раз это заняло больше времени, но и теперь он не нашёл сил сопротивляться и излился в её рот.

Блондинка снова покинула комнату, оставив Тима лежать. И снова вернулась через десять минут, чтобы ещё раз высосать из него сок. И снова ей это удалось, хотя Тим излил гораздо меньше семени.

Когда блондинка после короткой паузы вернулась к Тиму, ему пришлось облегчиться, иначе было нельзя, и ему уже было всё равно, так он был измотан. К его удивлению, блондинка не возмутилась. Нет. Она сначала тщательно его обмыла. Затем уделила время, чтобы заново связать руки, так как изначальные путы уже ослабли. Освободиться Тим всё равно бы не смог.

Блондинка мыла Тима заботливо и не грубо. Было заметно, что он представляет для неё ценность. Она дала ему еды. Хорошей еды. Дала попить. Воды. Хорошей воды. Затем вытерла ему рот.

Но потом блондинка снова взяла пенис Тима в руку. Осторожно возбудила его, но очень решительно. И дразнила своими грудями. И дала вдохнуть запах своего лона, что выдало Тиму, что блондинка крайне возбуждена, но, к сожалению, это сильно на него подействовало. Блондинка мастурбировала вновь твёрдый пенис, пока он снова не излил семя, не так много, но всё же. Блондинка вовремя накрыла его ртом, а её рука выжимала пенис от корня, чтобы вытащить ещё несколько капель, которых её сосущий рот сам по себе ещё не добился.

Так продолжалось всю ночь. Блондинка оставалась с ним и между делом гладила его. Особенно яички. Дразнила его по всем правилам искусства. Она, вероятно, думала, что так образуется больше нового семени. Или так и было. Или это желание разжигало её собственную страсть. Кто знает.

Тима мучила не только боль в пенисе — у него начались сильные боли в конечностях, и он чувствовал удары по коже, словно его хлестали тростью. Коварно было то, что эти боли смешивались с наслаждением, тем более что блондинка всё время держала его в чувственном возбуждении. И Тим начал понимать, почему можно стать сатиром. Надо было сопротивляться, но это было бесконечно трудно, когда одновременно испытывал наслаждение. Он впал в своего рода транс, качаясь между наслаждением и болью. И так быстро, как из него вытягивали эссенцию, была серьёзная опасность, что времени у него осталось немного. Волю он давно терял.

Наконец, глубокой ночью, блондинка устала достаточно, чтобы оставить Тима. Так, мой красавчик, — выдохнула она своим хриплым голосом, поглаживая его яички, — спи сладко и делай побольше свежего семени для меня. А после пробуждения, мой красавчик, я высосу тебя до конца.

Она вышла из комнаты.

Тим заснул через несколько минут.

Нет, всё-таки нет.
Он бы заснул, если бы...

...в этот момент в комнату не проскользнула Алиша.

Бедный, — заплакала Алиша, — я так за тебя боялась! Мне пришлось всё время смотреть, как она забирала твоё семя.

Молоко, — прошептал Тим, — молоко!

Алиша поспешно поднесла ему грудь ко рту, и Тим начал слабо сосать. Алиша выдавливала рукой, чтобы влить ему молоко в рот. Постепенно его сосание становилось сильнее.

Не сбежать ли нам сначала? — тихо спросила Алиша.

Нет, — ответил Тим, — нет... сил... сначала... молоко!

Алиша помогала, как могла, и выжимала последнюю каплю молока из своей груди. Она поцеловала Тима в потный лоб и прошептала: Я не могла раньше, там было это животное. И женщину я бы никогда не одолела.

Лишь спустя долгое время Тим отстранился. Алиша, — прошептал он, — развяжи меня, думаю, теперь получится.

Алиша развязала его, сначала руки, потом тело, затем ноги.

То, что ты видела, был полусатир, — прошептал Тим, — сатир, которого только наполовину выводят из его состояния и сознательно оставляют в этом полусостоянии. Послушное чудовище. Ты правильно сделала, что выждала, он бы взбесился от твоего запаха; только так могло получиться.

Тим встал.

Его походка была очень неуверенной. Алиша встревоженно его поддержала.

Всё наладится, — прошептал Тим, — молоко ещё должно подействовать. Дай мне одну-две минуты.

Тим замер в своей позе, и Алиша крепко держала его за руку. Слышалось только громкое дыхание Тима, иначе было мертвенно тихо.

Вдруг Тим прошептал: Пойдём, бежим.

Теперь можешь?

Гораздо лучше. Для побега хватит.

Алиша передала Тиму его пояс, трость и свёрнутую верёвку, которую он носил на поясе. Она нашла эти вещи, сделала правильные выводы и принесла их.

Тим остановился, чтобы пристегнуть пояс. Трость и верёвку он держал в руке.

Тихо они спустились по лестнице. Какое счастье, что это была каменная лестница, деревянная в таком ветхом замке точно бы скрипела.

Ворота во дворе открыты, — прошептала Алиша. — Только входную дверь пришлось закрыть, чтобы никто ничего не заметил.

Понял, — прошептал Тим.

Но тут Тим споткнулся, видимо, всё ещё слишком слабый. Раздался громкий грохот, потому что он что-то опрокинул.

В следующее мгновение к ним из жилой комнаты нижнего этажа громко ворча

приблизилась огромная фигура и двинулась в их сторону. Поднялся адский шум.

Наружу! — заорал Тим.

Алиша бросилась к выходной двери и выскочила в ночь.

У Тима было преимущество: он стоял в проходе, и полусатир не мог использовать всю свою силу. Сам же Тим мог применить своё умение и способность планировать.

Перед его ногами лежало то, что он опрокинул. Табурет.

Тим бросил табурет полусатиру под ноги.

Тот рухнул на землю.

Тим замахнулся тростью и с полной силой несколько раз ударил полусатира по тыльной стороне рук и пальцам.

Полусатир завыл от боли. Но главное: его руки на время боя были выведены из строя. Тим воспользовался этим, молниеносно связав руки сатира своей верёвкой и затем соединив их с ногами.

Затем Тим тоже выскочил в ночь. Где Алиша? А, она уже у ворот и держит их открытыми для побега. Великолепно! Тим побежал. Быстро он не мог, сил ещё не хватало. Но всё же.

Алиша захлопнула за ними дверь. Они пробежали через остальной двор, хорошо освещённый луной.

Они уже шли по мосту. Сил у Тима действительно не хватало. Но за ними не было слышно звуков, они несколько раз останавливались и прислушивались.

Какое счастье.

Пойдём теперь спокойно. Можем заблудиться? — Я ещё не в себе.

Не думаю, — сказала Алиша, — высокие скалы хорошо ориентируют.

Веди меня, — сказал Тим. — На меня пока нельзя полагаться. Знаешь, я сейчас плохо вижу и думать тоже не могу.

Алиша взяла его за руку. Они просто шли прямо через ночной лес. Луна светила им. А если держать руку перед лицом, ветка не ударит неожиданно по лицу.

Наконец они вышли на дорогу.

Какая это дорога, — спросил Тим, — голубая или серая?

Серая, — ответила Алиша.

Точно?

Точно. Мы ещё в боковой долине. Надо теперь налево.

Теперь идти стало легче. За ними всё ещё ничего не было слышно.

В какой-то момент они дошли до развилки с объявлением. Алиша в ярости хотела вырвать столб с табличкой и отбросить его.

Оставь, — сказал Тим. — По крайней мере, пока. И нам стоит найти пещеру или проход для укрытия на ночь.

Через десять минут они нашли крошечную, идеально подходящую пещеру в скале.

Алиша старалась держать Тима в сознании, пока он не выпил достаточно молока из её груди. И когда он уже засыпал, она выдаивала ему в рот столько

молока, сколько могла. Он послушно глотал по её указанию. Затем он заснул. Алиша заставила себя бодрствовать. Не то чтобы она боялась, что их найдут. Они были слишком хорошо спрятаны, и настоящего страха в Перидеисе она почему-то вообще не испытывала. Нет, у неё было другое на уме. Через два часа она разбудила Тима, зная, что к этому времени её груди снова хорошо наполнятся молоком. И снова заставила его выпить всё, что она могла предложить. Только после этого она заснула в его объятиях. А утром, проснувшись, её первой мыслью было пощекотать Тима соском по губам, чтобы дать ему его жизненный эликсир. Утром он пил уже с привычной силой. Алиша вздохнула с облегчением.

Когда Тим попытался встать, он был очень нетвёрд на ногах. Но сначала он зашипел от боли и схватился за пенис.

Что такое? — встревоженно спросила Алиша.

Да ничего, — сказал Тим, — это ерунда.

Что значит ерунда, если тебе больно?

Правда! — сказал Тим. — Изъятие моей эссенции было значительным, но эта мелочь с пенисом быстро пройдёт.

И снова зашипел от боли.

Ложись! — резко приказала Алиша. — Без возражений!

Тим послушно лёг.

На спину!

Надо ли...?

Надо. Не трюнди. Это не первый раз, когда я вижу твой пенис.

Тим лёг на спину, так что Алиша через вырез в штанах увидела пенис Тима.

Ай! — сказала она. — Она натёрла тебе пенис до красноты.

Алиша осторожно приподняла пенис. Тим снова дёрнулся.

На шве твой пенис даже немного кровит, — тихо сказала Алиша.

Алиша подумала мгновение. Затем сказала: Ляг на бок.

Тим сделал это.

Алиша взяла свежей воды и осторожно обмыла пенис Тима. Под крайней плотью это не удалось — Тим просто отказался от боли.

А если он воспалится? — встревоженно спросила Алиша.

Он не воспалится, — сказал Тим. — Здесь этого просто не бывает, знаешь?

Через два-три дня он будет в порядке. Не переживай, я настоящий мужик.

Вы, настоящие мужики, иногда могли бы быть чуть меньше мужиками, — проворчала Алиша.

Тим встал.

Что ты хочешь сделать? — спросила Алиша.

Мне надо отлить, ничего больше.

Тим отошёл к дереву.

Аааа, фффф, хмммм, ай!

Алиша рассмеялась.

Затем они вместе собрали завтрак неподалёку от пещеры. Для небольшого

труда, который они приложили, результат был вполне приличный. Хотя Тим считал, что полусатир без блондинки ничего не сможет сделать. Вероятно, она даже специально привела его к тому месту, где поймали Тима, потому что он вряд ли понимал больше простых указаний.

Поскольку Тиму ещё требовалось время на восстановление, было достаточно времени, чтобы рассказать, что произошло. Тим, подводя итог, покачал головой: Что сперма имеет волшебное действие — полная чушь, — сказал он, — но попробуй сказать это людям, которые верят в то, во что хотят верить. Ценность, вероятно, только в том, что у мужчины её так мало по сравнению с молоком, и он чахнет, если отдаёт слишком много. Но что касается этой женщины: удивительно, что у неё вообще ещё есть молоко в груди, если она всё время избегает стимуляции. И даже тогда: если в груди остаётся слишком много молока, я думаю, пятая часть текущего количества, грудь снижает выработку молока. Она же реагирует на спрос. Другими словами: по сути, женщина добивается прямо противоположного тому, чего хочет. Она высушивает свою грудь, и тогда у неё было бы меньше эссенции, а не больше. Вероятно, только Перидеис обеспечивает, что у неё вообще ещё есть молоко. Разве что она из тех женщин, у которых молоко есть от природы постоянно.

Ну, — заключил он. — Так она и будет дальше одиноко жить в своём полуразрушенном замке.

Почему она это делает? — спросила Алиша.

Может, просто потому, что она подлый тип. Она, вероятно, запуталась в своей собственной личности. Ты заметила, что она из реального мира?

Чтооо?!

Алиша была искренне возмущена. Откуда ты знаешь?

Она нашла мой кристалл и не боялась его. А пери она быть не могла, потому что хотела стать ею.

Но почему она так поступает? Я имею в виду, ей же не доставляло настоящего удовольствия?...

Не совсем так.

...Всё равно, это же не было целью. Почему она не найдёт то, что сделает её довольной, как Анка и Зелима?

Говорю же, она запуталась. Замкнутый круг. Я однажды читал статью о галлюциногенах, таких наркотиках, которые влияют на восприятие. Некоторые люди переживают ад, когда их принимают. И с этой блондинкой, похоже, так же. Ей нужно, чтобы кто-то взял её за руку и показал, что жизнь может быть прекрасной. Просто так.

Но не я.

И не я, — сказал Тим. — К тому же мы слишком мало о ней знаем. Вместо этого завтра продолжим путь.

Ты уже в форме?

Думаю, да. У тебя молоко лучше, чем у жительниц. Забыла?

Алиша рассмеялась. Но затем спросила: А не будет ли у тебя проблем с пери из-за твоего celibата?

Нет, — сказал Тим, — точно нет. Я же не сам это устроил и сопротивлялся изо всех сил.

И она была хороша?

Кто?

Блондинка?

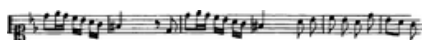
Как?

Ну... — Алиша замялась, — всё же она тебе это делала. Много раз.

Нет, — твёрдо сказал Тим. — Она не моя мечта, эта блондинка. И перед тем, как мне приходило, я закрывал глаза и думал о тебе.

Спасибо.

Когда они проходили мимо развилки с деревянным объявлением, Алиша в ярости пнула столб с табличкой. Это было необходимо. На этот раз Тим её не остановил.



Повозка с пони

Алиша и Тим не слишком торопились, продолжая путь по дороге из лазурного кирпича, ведь уже через несколько километров вряд ли кто-то стал бы их преследовать. К тому же успех полусатира и его хозяйки был только в неожиданности. Тим заверил Алишу, что в обычной ситуации он бы хорошенько надрал полусатиру зад. Но что поделать? Неожиданность есть неожиданность. И всё же Тим по праву был насторожен, когда увидел объявление.

Как ты теперь? — спросила Алиша, когда уже наступил полдень, а Тим всё это время шёл.

Слаб, но нормально, — ответил Тим. И добавил: Знаешь, самое роковое в этой истории было даже не сочетание боли и удовольствия...

Боль из-за нехватки молока?

И это тоже. Но когда мужчину так быстро подряд удовлетворяют, это тоже больно.

Я думала, это вообще непросто, потому что пенис после оргазма становится мягким?

Она применила всё своё искусство, руки, рот, показывала себя...

Я бы тоже так смогла...?

Алиша, хватит! Эта женщина и близко не сравнится с тобой. Можно я продолжу?

Да, — пробурчала Алиша.

Самое роковое, — продолжил Тим, — было то, что я постепенно впал в какой-то приятный полусон, как в транс. Это было как водоворот, где трудно плыть

против течения, но гораздо приятнее просто отдаться. Я сдерживал себя только тем, что говорил себе: целью жизни не может быть жить в полусне. И, конечно, был ты, что ты осталась бы одна и всё такое. Эта цель, этот смысл... только это меня сдерживало. И сейчас тоже.

Сейчас тоже? — изумлённо повторила Алиша.

Да. Я же сказал, это было приятное состояние. Есть какой-то тянущий назад зов...

Алиша остановилась и внимательно посмотрела Тиму в глаза.

Тим смущённо опустил взгляд.

Господи, — прошептала Алиша. — Эй, ты выбрался! Ты снова ты. И... и... и.

Алише пришла мысль: И это ты бы, может, никогда больше не получил!

Она подняла обе груди руками, как видела на тех изображениях и скульптурах в городке, который они посетили. Она протянула Тиму обе груди. Иди, — прошептала она, — у меня хорошее молоко для тебя. Только для тебя. Сладкое молоко. Полное силы. И мне очень приятно, когда ты его высасываешь из моих грудей! И это прекрасно помогает мне справляться с тем, что твой пенис не может войти в меня. Бери прекрасное, что я тебе даю, наслаждайся мной, а не этим состоянием сатира, не этой ловушкой, из которой ты один не выберешься.

Алиша потянула Тима на землю, на луг, окаймляющий дорогу из лазурного кирпича с обеих сторон. Что с того, если несколько цветов помнутся, их же так много. Жизнь была прекрасна, слишком прекрасна, чтобы растрачивать её в полусне.

Алиша легла на бок и потянула Тима вниз, притянула его голову к своей груди, которую держала одной рукой. Она выдавила пальцами каплю молока из соска к его губам, чтобы привлечь его, пощекотала соском его губы, чтобы они открылись.

В Тиме что-то щёлкнуло. Он вздохнул и с силой присосался. Алиша вскрикнула, но почувствовала, как её грудь мгновенно отреагировала, и молоко с силой хлынуло в рот Тима. Глубоко в груди сильно заболело, так сильно отреагировали её груди. Но это было приятно, и Алиша радовалась, слыша и чувствуя, как Тим глотает волну за волной и жадно сосёт, требуя ещё.

Алишу охватило расслабление. Напряжение последних дней спало. Она чувствовала, как сосание Тима становилось менее жадным и более глубоким, ритмичным. Так было правильно. Так должно быть. Так всё было хорошо.

Алиша расслабилась ещё больше. Так всё было хорошо. В этом прекрасном мире. Чувство счастья поднималось в ней. У неё была чудодейственная сила, которая поможет Тиму. Которую желают все мужчины. Она была женщиной, и это что-то значило. Что-то особенное, здесь, в Перидеисе. Этом чудесном раю. Мужчинам она нужна. Она и её груди. И молоко, которое сейчас лилось из её грудей. И это было приятно. Приятно и правильно. И расслабляюще. Очень, очень расслабляюще. И очень, очень счастливо чувствовала себя Алиша.

Не нарастало ли что-то в её лоне?

В этот момент Алиша точно ощутила, как молоко течёт через её сосок. Тим

сосал очень, очень правильно. Он тянул её сосок именно так, как надо. Именно так. Так.

Лоно Алиши накапливало ещё больше этого чувства. Точнее: её бутон наслаждения. Нет. Не только. Это уже давно тянулось между ног и в бёдра.

Но не как резкая струя воды. Скорее как мягкая волна с пугающе большой силой.

Алиша вдруг поняла, что сейчас могла бы решать математические задачи, и волна всё равно не ушла бы. Интересная мысль. Ах, математика, какая же это прекрасная вещь. Так прекрасно...

Нет, всё же нехорошо оставаться на этой волне, наверное, она бы сошла с ума в этом состоянии.

Продолжай так, — прошептала Алиша Тиму. — Ничего не меняй, ничего не меняй, продолжай точно так, да, точно так. Продолжай, продолжай, продолжай, точно так, точно так, да, да, так продолжай...

Сосок за соском Алиша чувствовала, как молоко течёт из глубины к соскам. И как сосок вытягивается.

Сосок за соском соски посылали мягкие электрические сигналы к её лону. Особенно когда сосок правильно вытягивался.

Сосок за соском, тяга за тягой, область, накапливающая в лоне что-то грандиозное, росла. Нет, не лоно. Всё вокруг. Нет, не только вокруг, это распространялось всё больше по телу Алиши, чтобы наконец, наконец, нарастать, набухать и... Ахххххххх... в одной, именно *одной* волне захватить всё тело, до лица, которое захлестнул отросток волны, до кончиков волос. Это была тёплая волна, мягкая волна, но мощная волна, которая не терпела ничего, кроме себя, и затопила каждый уголок тела Алиши.

Алиша заплакала от счастья.

Прошло время...

Тим гладил её волосы. Он медленно, очень медленно прекратил пить, чтобы как можно лучше следовать её ощущениям.

Полчаса Алиша лежала на спине, пока не оправилась от оргазма.

Затем Тим, улыбаясь, показал ей два новых кристалла кошачьего золота, которые он уже выбил неподалёку из скалы. Он мягко поднял Алишу, поцеловал её (да!!!!), и они вместе пошли посмотреть на место в скале ещё раз.

Запомни! — сказал Тим, — это наша новая точка встречи, если что-то пойдёт не так.

Алиша пришла в себя. Только её лоно оставалось ооооочень, ооооочень расслабленным, но это было приятно, и Алиша позволила своему лону наслаждаться этим состоянием.

На обратном пути к ручью они, смеясь, пробирались через деревья и кусты, чтобы собрать обед. Боже, как просто это было в Перидеисе!

Алиша подоткнула платье, чтобы нести собранные продукты, когда вдруг они услышали звук, похожий на конную повозку. Нану? — Они поспешили к дороге из лазурного кирпича, чтобы посмотреть.

Так как долина здесь делала поворот, Алиша и Тим смогли срезать путь и добрались до дороги из лазурного кирпича, прежде чем странный звук приблизился. Оба с нетерпением смотрели в сторону, откуда должно было появиться средство передвижения. И вот оно появилось.

Но что это было?! Они правильно услышали — это была повозка, которая приближалась. Кстати, совсем маленькая и лёгкая. У неё была только одна ось и, соответственно, два колеса, а сверху ничего, кроме лёгкого сиденья. И на сиденье сидела женщина. Алиша скептически прищурилась, потому что эта женщина, как и та в замке, была одета в мягкую чёрную кожу. Но на этот раз это была чёрная кожаная юбка с разрезом спереди и что-то вроде сбруи из кожаных ремней, скреплённых заклёпками, наполовину прикрытой её огромными грудями. Но в своей кожаной одежде она выглядела совсем иначе, чем женщина в том разрушенном замке, потому что казалась из тех, кто наслаждается жизнью, что показывали и размеры её мощных грудей и бёдер, ведь она явно была хорошо накормлена.

Особенным был её конь. Точнее, её пони. Ведь повозка была пони-повозкой.

То есть, пони тоже не было запряжено.

Пони-повозку с толстой женщиной тянул мужчина. Голый мужчина. Точнее, голый мужчина, запряжённый, как настоящий пони. С уздечкой. Кожаные ремни проходили по его телу и голове, по бокам глаз были настоящие шоры, перед ртом — удила, а две оглобли были прикреплены слева и справа к уздечке. Даже его пенис был обрамлён кожаными ремнями и болтался при ходьбе. А на голове, прикреплённые к уздечке, качались два огромных ярких пера.

Брррр! — крикнула женщина, увидев Алишу и Тима.

Её пони, нет, мужчина, послушно остановился. Он совсем запыхался.

Эй, кто вы такие? — крикнула толстая женщина.

Привет, мы идём в город Красных Роз, к тамошней пери, — ответил Тим.

Тогда эта девушка должна быть важной персоной, — ответила толстая женщина, — призвана к пери и с настоящим бюттелем в сопровождении!

Именно так, — ответил Тим. — У пери для неё задание. Но мы ещё не знаем, какое. А ты, — продолжил Тим, — что делаешь в этих краях?

Я работорговка, — ответила толстая женщина, — разведываю путь, чтобы мои товары не изнашивались зря.

Работорговка! — в ужасе повторила Алиша.

Не бойся, я честная, — ответила толстая женщина и рассмеялась над выражением лица Алиши. — Я не беру товар сомнительного происхождения и не охочусь.

Это успокаивает, — сказала Алиша.

Тим хихикнул.

Алиша показала ему язык.

Знаете что, — сказала толстая женщина, работорговка, — моему пони всё равно пора сделать паузу. И если вы не против, я бы с радостью пригласила себя к вам

на трапезу.

Теперь хихикнула Алиша. О, пожалуйста, пожалуйста, — сказала она, — еды хватит. — И указала на деревья и кусты вокруг.

Ну тогда позаботьтесь о нашем телесном благополучии, — подхватил Тим. — Давай, иди и принеси нам вкусностей. — И внезапно задрал её платье, и Ай! — Алиша получила шлепок по попе. Алиша поняла и тут же воспользовалась случаем, чтобы не оставаться наедине с толстой работорговкой. Она умчалась посмотреть, какие ещё кулинарные диковинки предлагает местность. Кто знает, кто знает... А Тим остался. Толстая женщина слезла с повозки. Она огляделась, заметила куст с подходящими ей фруктами, отстегнула своего пони и подвела его к кусту. Мужчина, нет, пони, тут же вцепился в один из фруктов и с удовольствием его ел. Он не использовал руки. Толстая женщина небрежно обвязала кожаный ремень пони вокруг ветки и внимательно осмотрела своего пони с ног до головы. Затем она порылась в своей повозке, достала красивую скатерть, которую расстелила на земле для сидения, а также посуду и другие вещи. Тим, которому было любопытно, помогал ей.

Алиша вернулась, неся множество продуктов в подоткнутой юбке. Когда она их выложила, толстая женщина незаметно осмотрела её с ног до головы.

Моему пони срочно нужна женщина, — сказала она. — Он слишком нервный. Пони ведь нужен свой кусочек. Я не занимаюсь с собственным пони, это вредно для дисциплины. Ты сейчас мокрая? — спросила она, обращаясь к Алише.

Алиша удивлённо посмотрела на Тима, сидевшего в позе лотоса на расстеленной скатерти. Его глаза смеялись, но он не показал ничего, что Алиша могла бы истолковать как да или нет.

Алиша снова взглянула на толстую женщину и запнулась... — в данный момент я... ну, очень удовлетворена, прошу прощения.

Толстая женщина вздохнула. Тогда моему жеребцу придётся ещё потерпеть. И мне тоже. Но если он сорвётся, ты виновата. — Она подмигнула Алише.

Алиша вздохнула с облегчением. Её лоно всё ещё находилось в приятно невесомом состоянии после недавнего расслабления, и Алиша не хотела, чтобы это изменилось.

За общей трапезой женщина по просьбе Алиши рассказала, что глубочайшее желание этого мужчины — служить ей как пони. Даже в гору.

Алиша и Тим рассмеялись.

Более того, — сказала толстая работорговка, — он не требует другой награды, кроме как быть как обычный пони, тянуть её, но получать внимание, которое полагается хорошему пони. Кнут пони получает осторожно, не чрезмерно. Только сегодня один из тех дней, когда чего-то не хватает, и никогда не знаешь, чего именно. Поэтому она надеялась найти в Алише кобылу для случки. Напрасная надежда. Ах, жаловалась она, дешёвые пони нынче требуют слишком много ухода, к тому же каждые два часа должны эякулировать и ещё *каждый* раз нуждаются в молоке для восстановления. Кстати, о молоке. Толстая

работорговка щёлкнула языком.

Пони тут же прибежал.

Вот! Пей! — сказала толстая работорговка и указала на свои толстые груди.

Пони тут же лёг рядом и стал пить сбоку. Что при таких огромных грудях действительно не было проблемой и не мешало толстой работорговке ни болтать, ни есть.

Скажи, — любопытно спросила Алиша, — такие большие груди дают больше молока?

Тим толкнул Алишу в бок. Алиша!

Ничего, — рассмеялась толстая работорговка. — К сожалению, нет, хотелось бы больше. У меня есть рабыни с почти крошечными грудями, которые дают в разы больше молока. Как думаешь, почему я торгую? Лучше всего эти упругие маленькие штучки, пронизанные заметными венами. И средние висячие груди, которые посередине хорошо выпирают наружу. Поверьте, я профессионал. Но бывают и сюрпризы, только не у меня.

Я-то всё равно наедаюсь, — вмешался пони, — и твоя обжорство породило самые великолепные округлости, которые у меня когда-либо были в руках.

Заткнётся ты? — Свист! — Пони получил по заднице и чуть не поперхнулся. Вмиг он вернулся туда, куда его отправили.

Ах да, эти несносные пони, — продолжила толстая работорговка. Дешёвые пони (те, что эякулируют каждые два часа) требуют слишком много молока. Сколько это стоит! Даже если это только время! К тому же после этого они сначала удовлетворены и какое-то время не хотят тянуть повозку. Лучше всего они тянут, когда в чреслах давление, это надо прямо так сказать. Но с умелым использованием кнута это терпимо. Приходится больше заботиться, и через некоторое время у пони снова появляется эрекция, и он тянет добровольно, как может. Дорогие скаковые пони для путешествий тоже можно забыть. Они эякулируют уже через кратчайшее время, что вообще не приносит пользы. Поэтому на пони-гонках песчаный грунт, чтобы не скользили, и много остановок в боксах. Вы видели такие гонки? Нет? Неважно, они длятся вечно, пока не закончатся, а рабочие пони всё равно полезнее, они держатся гораздо дольше. К сожалению, они ленивее, медленнее и вообще плохо справляются с пиковыми нагрузками.

Хватит ныть, — рассмеялся Тим. — Расскажи, что ты пережила в пути?

О, кучу всего, — рассказала толстая женщина и перестала ныть. Далее она поведала Алише и Тиму о самых удивительных событиях, которые она пережила, путешествуя от рынка к рынку. Так, она рассказала о стране, где видела розовых карликов с огромными пенисами. Пенисы были такими огромными, что их возили на тачке.

Не врешь?! — рассмеялась Алиша.

Нет, — заверила толстая женщина. — Они невероятно глупы и забывчивы. Поэтому, по слухам, их используют для исполнения тёмных фантазий некоторых женщин, о которых они потом не могут рассказать. Несмотря на

защиту природы, некоторые дамы, якобы, отлавливали таких розовых карликов и держали в возмутительных условиях. Так, со временем, их огромные пенисы, вероятно, и развились. Ведь, насколько известно, раньше ничего не знали о выдающихся размерах розовых карликов.

Алиша широко раскрыла глаза. Это что, за обозримое время части тела могут увеличиваться только потому, что у других есть потребность?

О, это есть даже там, откуда мы, — сказал Тим и многозначительно посмотрел Алише в глаза. — У некоторых африканских народов есть женщины с действительно *очень* большими ягодицами. И под *очень* я имею в виду действительно *очень*. Мужчины этих народов, похоже, *очень* на это западают, и так это со временем развилось⁴⁹. С их точки зрения женщины других народов совсем неразвиты.

Ах, — хихикнула Алиша, — если я правильно толкую твои *очень* обычные взгляды, ты тоже *очень* западаешь на мою попу. Она от этого тоже станет больше?

Тим подыграл: Если можешь подождать четыре-пять тысяч лет, почему бы и нет!

Алиша показала ему язык, и толстая работорговка рассмеялась.

Ты торгуешь такими диковинками? — спросила Алиша.

Нет, — серьёзно ответила толстая женщина, работорговка. — Диковинками да, но тёмными делами я себя не обременяю. Я беру обычных рабов на комиссию.

На комиссию? — спросила Алиша. — Тогда ты скорее брокер, чем торговка.

А как иначе, законным путём? — удивилась работорговка. — Иначе через короткое время у меня будет куча никчёмных и ворчливых старух, которых я не смогу сбыть. К тому же мужчины часто переоценивают свои силы, а женщины вечно ноют, как именно их надо поработить, подчинить, бить кнутом и насиловать. На комиссии товар старается и полностью добровольно подчиняется моей строгой дисциплине. Кто не хочет или не может, после раздумий исключается из ассортимента. Всё. Так выращивается хорошая, надёжная продукция. Тёмные личности, наоборот, занимаются только рабами, которые не доставляют хлопот, потому что изначально обладают особыми качествами.

Какими, например? — спросила Алиша.

Очень сильные мужчины, мужчины с необыкновенной мужской силой, с большим пенисом, необыкновенно красивые женщины или женщины, у которых от одного взгляда каплют груди, но также *особые* диковинки.

Особые диковинки?

Ну, у каждого свои предпочтения, например, большие груди, маленькие груди, упругие груди, мягкие груди, торчащие груди, висячие груди, большие соски, маленькие соски и ещё многое. Для этого есть чёрный рынок, потому что официально такие *особые* диковинки нельзя *особо* расхваливать. Чтобы и у

49 Верно. Технический термин — «стеатопигия».

барахла был шанс.

И ты утверждаешь, что упускаешь такие сделки?

Я всегда подчёркиваю, что не продаю, например, рабыню из-за её *особых* нежно-розовых сосков, если вижу, что клиент интересуется нежно-розовыми сосками. Я всегда подчёркиваю общую личность, которая окружает эти нежно-розовые соски. Или как превосходный характер рабыни, её великолепная внешность и полные груди повлияли на *особое* молоко, которое она даёт.

(Мысли Алиши по этому поводу трудно выразить словами.)

Кстати, — сказала толстая женщина, работорговка. — У меня есть рабыня, которая на *особый* лад весьма привлекательна, и эта рабыня даёт молоко, какого я вообще не встречала. Её женское масло имеет благородный *особо* тонкий аромат. Попробуйте! — Работорговка покопалась в своих запасах, достала маленький горшочек и пододвинула его к Алише и Тиму.

Тим не колебался, взял булочку и щедро намазал предложенное женское масло на булочку и откусил.

Действительно неплохо! — прокомментировал он.

Неплохо? — Толстая работорговка в ужасе всплеснула руками над головой. — Ты невежа! Знаешь, сколько стоит этот крошечный горшочек женского масла на рынке?

Аргумент «дорого» заставил и Алишу перебороть себя. Она взяла крошечную порцию снежно-белого и очень нежно тающего женского масла, намазала на булочку и откусила. Хм! Масло действительно имело очень приятный тонкий аромат. Алиша взяла побольше и попробовала ещё раз. Масло было действительно хорошим! Это она могла оценить. Но всё, что сверх того, могли, вероятно, определить только знатоки.

Как добиться такого вкуса? — спросила Алиша как можно нейтральнее.

Кое-что вообще не изменить, — ответила толстая работорговка, — либо твоё молоко имеет этот превосходно тонкий вкус, либо нет. Это связано и с твоим собственным запахом тела, с твоей личностью в целом. Поэтому у людей всегда будут предпочтения к тому или иному. Но вкус можно изменить, в зависимости от того, что ты ешь. И, как говорится: *Сварливая женщина — сварливая грудь*. Сварливую женщину почти не подоишь, и её молоко ни на что не годится.

Наконец толстая работорговка рассказала, что два-три часа назад встретила группу мужчин, которые были очень странными.

Почему странными? — спросил Тим женщину.

Ну, — сказала толстая работорговка, — они были совсем без женщин. Честно, какой здравомыслящий мужчина путешествует без женщины?

Толстая работорговка неодобрительно покачала головой. Какая беспечность, — ворчала она.

На этом темы для разговора исчерпались, и они попрощались. Алиша и Тим встали, а толстая работорговка, у которой всё ещё был пони рядом (молоко у неё, похоже, текло с трудом), осталась сидеть.

И ты не хочешь сделать моему пони маленькую услугу? — последний раз

попробовала толстая работорговка у Алиши.

Алиша, уже стоя на ногах, утешила её, может, в следующий раз.

Тогда мне снова придётся самой братья за дело, — отмахнулась женщина.

Видимо, это было не так уж плохо, и Алиша была бы для её пони лишь дополнительным лакомством. Когда Алиша и Тим повернулись, чтобы уйти, толстая работорговка без лишних колебаний поцеловала своего пони шею, и её рука скользнула между его чресел.

Вот, пожалуйста, — шёпотом сказал Тим Алише.

А ты, — громко и с острым языком спросила Алиша, — не хотел бы возить меня по округе в такой шикарной повозке с пони?

Уже повторный вопрос — верное средство получить по попе, — проворчал Тим.

Но пони выглядел очень довольным, — поддразнила Алиша, которую разбирало.

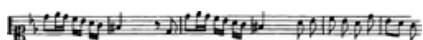
Бац! — Тим уже повернул её вниз, откинул платье назад, и Алиша получила три шлепка ладонью по попе. И такие, что потом жгло.

Оооо, — извивалась Алиша, потирая попу, снова стоя на своих ногах. — Эти были не из последних.

Хочешь ещё?

О нет, — смеясь завершила Алиша и поцеловала его в губы, — я вполне могу подождать четыре-пять тысяч лет, чтобы моя попа стала побольше.

Оба рассмеялись, и они продолжили путь по дороге из лазурного кирпича.



Специальные исследователи

Алиша и Тим, возможно, шли по дороге из лазурного кирпича часа два-три, то есть, за вычетом получаса на паузу для питья (для него) и небольшое расслабление рукой (для неё), когда Алиша вдруг замерла как вкопанная.

У меня видение! — выдохнула Алиша.

В тот же момент Тим затащил её в кусты. При этом он зажал ей рот ладонью, чтобы заглушить её испуганный вскрик.

Тише, — прошептал Тим. — Опасность реальна!

Сердце Алиши бешено заколотилось. Тим прижал её голову и ягодицы к земле. Совсем прижмись и ни звука, — шептал он, — голова вниз, зад вниз, ни малейшего движения! Быстро, но тихо он набросал на Алишу листья и ветки и сам прижался к земле, поспешно замаскировавшись.

Группа мужчин приближалась к ним по дороге из лазурного кирпича. Затаив дыхание, Алиша наблюдала, как они проходили мимо. Вероятно, реальной опасности было мало, потому что мужчины были очень отвлечены, громко смеялись и, похоже, имели кучу историй для рассказов. Алиша насчитала

семерых.

И мужчины были действительно странными. У всех была одна и та же скучная короткая стрижка. Бриолиновые волосы, мысленно прокомментировала Алиша. И все носили костюмы, рубашки и галстуки. Безвкусные костюмы, безвкусные рубашки и безвкусные галстуки. А уж обувь!

Господи, они напоминают мне о доме! — взволнованно прошептала Алиша, когда мужчины прошли мимо. — Только то, что у брюк нагрудник, это другое.

Они из дома, чёрт возьми, — тихо проворчал Тим.

Как такое возможно? — шёпотом спросила Алиша.

Очень просто, — сказал Тим, — они прошли через переход в ГДР, который контролирует Штази. Как я вначале, помнишь?

Да, конечно!

Нашей задачей было внедрять шпионов и сопровождать так называемых специальных исследователей партии до перехода. Но мы никогда не сопровождали их в Перидеисе и не знали, что именно они там хотели.

Это такие специальные исследователи? И теперь ты хочешь знать?

Да! Такой шанс выпадает раз в жизни. Для тебя опасность невелика, даже если они увидят твоё лицо. Они бы вообще не связали это с ГДР. Только меня они не должны видеть. Что мне лучше сделать...

Слушай, это же просто, — возразила Алиша. — То, что напоминает о ГДР, — это твоя бюттельская униформа, независимо от того, носят ли её все бюттели или нет.

Все носят, — ответил Тим.

Всё равно, — сказала Алиша. — Она напоминает о ГДР и в голове настраивает на нужный лад. Просто сними униформу — голого мужчину они точно не свяжут со Штази дома.

Глаза Тима загорелись. Так риск приемлемо мал, — решил он и быстро разделся.

Алиша и Тим вернулись на дорогу, и Тим нашёл заметное место, чтобы спрятать униформу. Когда это было сделано, они последовали за специальными исследователями на почтительном расстоянии.

Их цель не может быть далеко отсюда, — вслух размышлял Тим.

Потому что нет женщин?

Точно.

Специальные исследователи шумели, как школьный класс, так что следить за ними было совсем не сложно, и не нужно было подходить на расстояние видимости.

Они что-то скрывают, — предположила Алиша.

Почему?

Не замечаешь, какие они громкие? Так искусственно на взводе? Бесконечная громкая глупая болтовня. Обычно это служит для того, чтобы что-то скрыть, например, чувство, которое не должны заметить другие.

Хм. Но что делать, если, как здесь, в Перидеисе, есть шанс исполнить свои сокровенные желания, но не хватает смелости, потому что чувствуешь себя под наблюдением? Ты о чём-то таком?

Может быть! — сказала Алиша. — Это может быть ключ.

Стой! — вдруг полугромко крикнул Тим и удержал Алишу.

Что такое?

Они остановились.

Алиша и Тим замерли и прислушались. Действительно. Специальные исследователи, похоже, сделали паузу.

Оставайся здесь, — сказал Тим, — я посмотрю, что там. Устраивайся поудобнее. Если это затянется, значит, есть что-то интересное увидеть или услышать, так что не переживай.

Тим шмыгнул прочь.

Через час Тим вернулся к Алише. С лицом, вымазанным землёй, и таким же чёрным телом. Свинья! — рассмеялась Алиша. Она протянула ему сюрприз: кружку с молоком. Собственного производства, — объявила она. — Пора было самой это сделать. Это было непросто, так что, пожалуйста, не вливай молоко в себя бездумно.

Уже сделано, — ответил Тим и вытер рот тыльной стороной ладони, оставив чистую полосу на грязном лице. — Но, — продолжил он, — это было наслаждение вливать молоко в себя бездумно, вместо того чтобы с трудом добывать его у тебя. Охлаждённое, кстати, оно очень вкусное. Можешь делать это чаще, даже если на воздухе оно теряет большую часть своей силы. Зато это настоящая деликатес. — Что натолкнуло тебя на этот кулинарный эксперимент? Скука, — сказала Алиша. — И то, что ты быстрее расскажешь, что хотят эти парни, вместо того чтобы мучить меня ожиданием, пока не получишь свою порцию.

Тим рассмеялся. — Тогда не буду тебя мучить. Итак. Эти типы действительно специальные исследователи. Их вообще мало, и двоих из них я знаю. Большие шишки из Берлина, которые регулярно нас навещают. Похоже, о исследованиях тут речи не идёт — это смесь партийных бонз и других людей, которые захватили высокие посты в иерархии. Среди них даже генерал Штази. Они скорее воспринимают себя как некий клуб избранных. Все называют друг друга «товарищ» и повторяют все известные лозунги, но скорее как религиозная секта, потерявшая связь с реальностью. Много я, к сожалению, не узнал, только то, что в нескольких сотнях метров слева отходит боковая долина, где их цель. Это, должно быть, дом, замок, дворец или что-то в этом роде. Эти специальные исследователи совершенно не насторожены, но, к сожалению, я не могу за ними пойти. В здании мне пришлось бы показаться...

Думаешь, я могла бы это сделать? — любопытно спросила Алиша.

В принципе, да, — вслух размышлял Тим, — как я сказал, опасности нет.

Справитесь?

Как ты это сделал? — спросила Алиша в ответ.

Это же моя стихия, — хитро улыбнулся Тим. — Сначала просто вперёд, а потом на четвереньках, ничего больше.

По крайней мере, ты сначала валялся в грязи.

Тим рассмеялся: Тебе это не обязательно. И — нет, это действительно не было проблемой, такие они были громкие и беспечные. Пойдёшь со мной к ручью?

Зачем? — спросила Алиша.

Чтобы помыться.

Я тебя?

Нет, я справлюсь сам. Просто так, я имел в виду. О чём ты думаешь?

О последней чистке моей жемчужины.

Сколько раз?

Три.

За час? Плюс доение?

Это было очень срочно. — Алиша рассмеялась. — Пойдём, — сказала она, — я с тобой.

К сожалению, Тим не дал Алише помыть себя, как она втайне надеялась. Вероятно, это бы его излишне взволновало. Но Алиша не держала на него зла. Бедняге и так было достаточно тяжело.

Когда Тим помылся, а Алиша хотя бы получила возможность вдоволь рассмотреть его натренированное тело, они поели на берегу ручья. При этом они обсуждали, что делать. Наиболее разумным казалось держать, как и раньше, достаточно большое расстояние — с мыслью, что так Перидеис больше настроится на желания специальных исследователей. И только у цели исследователей они подойдут ближе.

Так они следовали за специальными исследователями, когда заметили, что те двинулись дальше. Тим по-прежнему совсем голый, а Алиша в своём платье, в котором в Перидеисе она точно не выделялась бы.

Специальные исследователи свернули в узкую боковую долину. Пройдя за ними километр или два через несколько изгибов долины, Алиша и Тим после очередного поворота замерли в изумлении. Посреди долины дорога расширялась в круглую площадь диаметром, возможно, метров двадцать. В центре стояла большая бронзовая скульптура, высотой, наверное, метров пять, если не больше. Скульптура изображала женщину, предлагающую зрителю свои груди. Но на этот раз не стилизованный вариант, как часто встречается в Перидеисе. И форма не была хотя бы отчасти реалистичной. То есть, у неё были типично женские формы, но грубо сделанные, искажённые, мускулистые. Возможно, как женщина после десяти лет каторжного труда у доменной печи, но даже тогда модель, вероятно, стыдилась бы своего изображения, потому что её подчёркнуто похотливая поза в сочетании с воображаемой домной выглядела неловко. Груды казались сделанными скорее из мышечных волокон, чем из

молочных желёз, и её взгляд был очень странным. Он, вероятно, должен был выражать сексуальный экстаз, но скорее напоминал смесь из «там вон лимоны» и тяжёлого похода в туалет. Бронзовая женщина была лишена всякой эротики. На что мне напоминает эта невероятно уродливая бронзовая женщина? — спросил Тим.

Алиша покатила со смеху: Социалистический реализм! У нас в выпускных экзаменах это было до тошноты.

Ох, теперь понял, — сказал Тим: — «Лучше быть исчерченным жизнью, чем нарисованным в стиле социалистического реализма» — Тим всё ещё был ошеломлён и не мог смеяться. — Это невероятно, — прокомментировал он. — Такое здесь? В Перидеисе? Теперь ещё интереснее. Я хочу знать, что им предлагают и что они делают. При всём желании не могу сам это вообразить.

Я тоже, — ответила Алиша, вытирая слезу из глаза. — Я тоже. При таком виде всё пропадает. Героическое портит эротику, а эротику — героическое. Это просто бессмысленно смешано, как если бы мастурбировать под политические лозунги.

Я всегда подозревал, что они это делают.

Алиша хихикнула. Давай выясним.

Оба поспешили за товарищами специальными исследователями. Вскоре, метров через несколько сотен, они увидели здание. Странно... нет, всё-таки нет... последовательно (!) уродливый прямоугольный ящик, похожий на бетонный.

Стой, — тихо сказал Тим и в тот же момент исчез в кустах рядом с Алишей. — Теперь тебе надо идти одной, — продолжил он шёпотом. — Я жду здесь. Для тебя это нормально?

Всё в порядке, — ответила Алиша. — Я сейчас, как храбрая разведчица, отправлюсь в этот бетонный ящик, чтобы выяснить, что они там делают. Мне это лично интересно.

Я устроюсь чуть в стороне от дороги, — прошептал Тим. — Бери столько времени, сколько сочтёшь нужным.

И Алиша отправилась к бетонному ящику.

Тим нашёл укромное возвышенное место, где мог хорошо видеть, не будучи замеченным, и задремал.

Не прошло и часа, как знакомый шум снова приблизился. Тим удивлённо поднял голову. Действительно, все товарищи специальные исследователи возвращались. Так же шумно. Только одно было иначе: каждый нёс в правой руке сумку для покупок, на которой был напечатан большой символ Перидеиса. Что там происходило? Голоса звучали вполне нормально, как будто ничего особенного не было. Тим всё равно волновался.

А! — Тут он увидел, как Алиша выходит из здания. Это должна быть она, ведь какая ещё женщина могла бы следовать за ними.

Тим пропустил специальных исследователей мимо себя, подождал ещё

мгновение и побежал навстречу Алише.
Это была Алиша?
Да, это была она.

И? Как там было? — спросил Тим, немного запыхавшись, потому что бежал к Алише.

Алиша закатила глаза. Ужасно! — сказала она. — Ужасно разочаровывающе. И давай убираться отсюда. Это место насквозь прогнило.

Они побежали вместе. Не слишком быстро, ведь впереди в узкой долине шли семеро специальных исследователей на обратном пути. Нужно было быть немного осторожнее.

Алиша набрала воздуха. Итак, — сказала она. — Вообще-то я должна была бы смеяться над такой убогостью, но мне расхотелось. Я могу только надеяться, что каждый из них по отдельности где-то человек со своими вкусами, чувствами, желаниями и так далее. Но что общего у семи подхалимов, которые всегда поддерживают мнение других подхалимов? Догадываешься, что там было в этом доме?

Н... нет, — заикнулся Тим.

Итак, — сказала Алиша. — Заходишь внутрь. Ничего особенного, только аккуратно. Действительно скучно. Дверь налево, дверь направо, о которой хочешь услышать сначала?

Э, налево, — решил Тим.

Ладно, — сказала Алиша, — но это дверь, в которую эти типы пошли позже.

Тогда сначала правая дверь, — рассмеялся Тим.

Держись, — сказала Алиша. — Современная стеклянная дверь с золотистой алюминиевой рамой.

Уже ужасно.

Именно. Но дальше больше. Табличка.

Табличка?

Угадай, что на ней было.

Сложно, ведь в Перидеисе никто читать не умеет.

Неправда. Гости умеют.

Ладно. И что там было написано?

Там было написано, держись: «Пожалуйста, подождите, вас разместят!»

Нет!

Да!

Как в затхлых провинциальных забегаловках «Консум»? Где стоишь, как дурак, полчаса у двери и смотришь, как официанты в полном спокойствии курят одну сигарету за другой, вместо того чтобы работать?

Точно так. Только за дверью сидели семь шлюх, которые в полном спокойствии курили одну сигарету за другой, вместо того чтобы работать. А наши господа специальные исследователи дисциплинированно стояли и ждали, пока их не вызовут.

Тим покатился со смеху. И ради этого эти болваны устраивают такой ажиотаж? Ради этого??? Ради этого???? — Ах, как жаль, что я не могу это рассказать! И потом их хотя бы пустили к дамам?

Пустили, — сказала Алиша. — Но сначала каждому пришлось ещё раз дисциплинированно подождать на своей кровати. Тем временем было культурное представление.

Аааа. — Тим скривился, как от зубной боли.

Да, правда. На сцене состоялось выступление... ну, скажем так... кружка народной эротики народного предприятия по производству нижнего белья Оттендорф-Окрилла.⁵⁰ Что-то в этом духе. И они демонстрировали женское бельё. Например, такие пуленепробиваемые и осколкоустойчивые бюстгалтеры, которые предоставлялись для широкого обеспечения населения без талонов и без очередей. Всё под аккомпанемент эрцгебиргской народной музыки.

О, кошмар, но теперь ты преувеличиваешь. Или нет?

Чуть-чуть, но это действительно была такая эстетика! По крайней мере, лёгкие дамы, когда наконец пришли, старались, насколько я могу судить. Я стояла за стеклянной дверью и могу хотя бы теоретически оценить. Кстати, все они были хорошенькими куколками, если бы не...

Если бы не? Я предчувствую что-то ужасное.

...если бы у всех не было этой кошмарной химической завивки, такого мамочкиного вида, провинциальной косметики на их симпатичных личиках и совсем уж отвратительных сумочек через плечо. Не говоря о шмотках, которые они носили до работы, и за которые я бы каждую из этих шлюх дома по отдельности выгнала бы кнутом из дискотеки. И все они позволяли угощать себя вишнёвым виски.

Тим не мог остановиться от смеха и был опасно близок к судороге живота. Ещё дальше? — задыхался он.

О, ещё дальше, — сказала Алиша. — Меня, кстати, тоже приняли за шлюху, но, к моему счастью, товарищи специальные исследователи к тому моменту уже

50 Русскому стоит знать, что в Германии к наготы относятся непринуждённое, чем в России, а в Восточной Германии это заметно сильнее, чем в Западной. Купание голышом в озере обычно не несёт эротического подтекста. Такие выступления, как здесь описанные, были реальными, хотя и неуклюжими, попытками внести в общественную жизнь совсем немного эротики, и они были в основном безобидны. Государство это терпело — и легендарной стала история, когда министр культуры ГДР не узнал известную писательницу Анну Зегерс на пляже и обозвал её старой свиньей за купание голышом. Она отомстила несколько месяцев спустя, когда он на сцене пытался приколоть ей к груди Национальную премию первой степени. "Дорогая Анна", начал он, "могу ли я..." — но тут Анна Зегерс перебила его так громко, что товарищи на плюшевых креслах в первых пяти рядах тоже услышали: "Для тебя, Ханс, я всё ещё старая свинья." - Алиша не столько насмехается над женщинами, которые своим выступлением просто хотели повеселиться, сколько над абсурдным компромиссом, возникшим из-за обстоятельств.

были удовлетворены, и, кроме того, персонал дома был лучше одарён природой, чем я. Это, несмотря на все меры по уродству, к сожалению, не скрыть. Но это был первый раз в моей жизни, когда я была рада лучше одарённой конкуренции, потому что, несмотря на сильные гормональные всплески Перидеиса, моя киска была суха, как пыль.

Тим взвыл. Дальше, дальше, — задышался он.

Ах да, — сказала Алиша, — я не хотела забегать вперёд. Мышек ведь платили, и знаешь, чем?

Нет!

Так вот, у входа стоял такой напыщенный хлыщ, и он каждому под расписку сунул в руку пачку денег. И мне тоже. Западные деньги!

Тим застонал.

Этим они и платили своим мышкам. Но деньги ещё остались.

Дай угадаю, левая дверь?

Точно! Левая дверь. Знаешь, что там было на табличке?

Не мучай меня, иначе умру.

Там было написано «ИНТЕРШОП»⁵¹Мяу! — вырвалось у Тима.

Так, все внутрь, все наружу, сумки для покупок ты, наверное, видел. Они там даже женское молоко покупали, хотя могли бы взять свежее у шлюх. Я, кстати, купила тебе пачку жвачки. Хочешь?

Я бы чувствовал себя внутренне загрязнённым, если бы сейчас её жевал, — ответил Тим.

Я тоже, — сказала Алиша и яростно бросила жвачку в кусты. А пачку западных денег кинула следом.

Загрязнитель окружающей среды!

Зато я теперь чувствую себя лучше, — прокомментировала Алиша свои действия. — Как можно быть таким убогим?! Перидеис так много предлагает!

Мог бы предложить, — уточнил Тим.

Сослагательное наклонение, — добавила Алиша.

Вот в чём проблема всех этих политических фанатиков, — дополнил Тим дополнение Алиши. — Могут становятся могли бы. Обещания в сослагательном наклонении. То, что в теории так красиво, у них превращается в чистую мечту. Если бы мечта стала реальностью, они сами и всё их дело оказались бы лишними.

Но у них даже мечты не было, — возразила Алиша.

Вероятно, она у них была, но они её потеряли по дороге.

Вот в чём дело, — сказала Алиша. — Это важный опыт, я считаю.

И у меня было чувство вины, что я подвергаю тебя этому. На самом деле наше путешествие по Перидеису ведь только о тебе, а я должен отставить всё остальное.

51 Интершопы — государственные магазины в ГДР, где можно было купить желанные западные товары, но оплачивать их нужно было валютой («западными деньгами»), к которой граждане ГДР теоретически не имели доступа.

Нет, — сказала Алиша, — это был действительно интересный опыт. Я заглянула в мечты этих борцов за справедливый мир. И там ничего не было. Это знать ценно.

Для меня тоже, — сказал Тим. — Знаешь, как я терплю таких типов на службе? Ну, дома?

Рассказывай!

Идея пришла мне с одним особенным начальником, его зовут Прильвиц. Такой, скажу я тебе, аaaaa...

Мудак?

Ты сказала. Так вот, я постоянно ему возражал и каждый раз получал настоящий нагоняй. И потом мне пришла спасительная идея: когда такие типы действуют тебе на нервы, надо представить их в действительно неловкой ситуации. Это должно быть что-то *по-настоящему* неловкое. Сразу становится терпимо.

И что ты представил?

Как этот парень в униформе посреди Берлина с открытым пенисом регулирует движение на оживлённом перекрёстке и при этом у него стоит. — Тогда пошло. Я вдруг нашёл его терпимым.

Алиша рассмеялась. А теперь ты сам носишь такую униформу и постоянно с эрекцией.

По крайней мере, мне не надо регулировать движение.

Тебе это вообще неловко? С открытым пенисом?

Тебе неловко за свои открытые груди? Нет. Мне не неловко. Совсем. Не здесь, в Перидеисе. Скорее проблема в том, что эрекция обычно показывает женщинам, что мужчина готов. И это здесь имеет функцию. Как женская киска, когда она нагибается и та набухшая. Но когда женщина видит мою физическую готовность... здесь ведь не разделяют инстинкт и разум. Мне приходится постоянно объяснять, что, несмотря на возбуждение, я неприкосновенен.

Что ты делаешь в таких случаях? — спросила Алиша.

Если женщина очень возбуждена, я в крайнем случае предлагаю ей помочь с самоудовлетворением, в худшем — приходится её одолеть.

И что потом?

Либо я делаю это ей рукой, либо она получает кнут.

Серьёзно, кнут?

Бюттели неприкосновенны. Это общеизвестный закон. Женщины прекрасно знают, что пытаются, когда на меня набрасываются, если они ещё могут ясно думать. Что кнут, использованный определённым образом, может прямо вызвать сексуальную разрядку, мне раньше не было так ясно... хотя, честно говоря, я мог бы это знать.

Алиша сглотнула. Я, возможно, не смогла бы противостоять этому эффекту. По крайней мере, если я уже возбуждена, что здесь обычное состояние. Раньше я бы никогда не поверила, это так странно... Не играло ли это роль у бичующих в Средневековье?

Наверняка.

В укрытие!

Тим уже затащил Алишу в кусты, но на этот раз это были густые кусты, и хватило просто лечь.

Как раз вовремя, потому что из-за поворота дороги навстречу им шла ещё одна группа мужчин.

Кто, чёрт возьми, это ещё? — прошипел Тим.

Это не специальные исследователи, — прошептала Алиша в ответ, — они больше похожи на монахов.

И правда. Чуть больше десяти мужчин, быстро идущих навстречу, напоминали монахов. Каждый был одет в нечто вроде широкого джутового мешка. Впечатление, что это просто мешки, усиливалось тем, что они были очень скудно скроены. Лоно и ягодичы были едва прикрыты, а ноги оставались полностью открытыми. Монахи вместе декламировали стих, который первый монах мелодично произносил, а остальные повторяли. Первый монах ритмично размахивал сосудом, подвешенным на трёх тонких цепочках. Но это был не ладан, ничего не поднималось из сосуда.

У монахов, как и у специальных исследователей, была одинаковая стрижка, только короче. Что они пели?

Теперь стало слышно:

«Благословенна ты среди жён.

И благословенны плоды чрева твоего.»

Как, простите? — прошептала Алиша.

Что такое? — спросил Тим в ответ.

Молитва неправильная, — прошептала Алиша, — должно быть: «благословен плод чрева твоего». Так думаешь о сиськах.

Тим уткнулся лицом в землю и беззвучно рассмеялся в грязь.

Понадобилось мгновение, чтобы он снова мог говорить.

Но это не имело значения; им всё равно пришлось ждать, пока монахи пройдут.

Что вообще значит слово «благословенна»? — спросил он, когда монахи прошли и он отсмеялся.

Оно значит освящённая, почитаемая, прославленная, — сухо сказала Алиша. — А ты видел сосуд, который размахивал первый монах?

Нет, я был занят смехом.

Он был в форме всячей груди. Я такое знаю только по святой Агате, которой отрезали груди. На Сицилии. И на праздниках в её честь делают булочки в форме груди с соском. Они там прямо называются «груды девы». Сосуды в форме груди тоже есть.

Ты думаешь, это настоящие представители церкви? — спросил Тим.

Ох, — ответила Алиша, — от людей, которые перебарщивают, ни одна церковь

не застрахована.

Вот-вот, — проворчал Тим. — Если применить эту защитную теорию к товарищам специальным исследователям, каков был бы результат твоих размышлений?

Ох ты.

Вот именно, — сказал Тим. — Специальные теологи. — Если уж, то всех людей надо судить по одним правилам.

Но ты должен признать...

Так?!

Я уже молчу, — проворчала Алиша. — К сожалению, ты, наверное, прав. Но всё же святая дева, эротично почитаемая, мне гораздо приятнее, чем эта героиня голого труда, что стоит там сзади в виде скульптуры.

Почему?

Святая дева красивее, в ней есть эротика, ею можно наслаждаться.

А что должны говорить люди, которым приходится поклоняться ей с пустым желудком? Борьба с голодом, по крайней мере, цель коммунистов.

И церкви тоже. Но кроме того: я хочу и то, и другое, справедливость *и* красоту, — упрямо сказала Алиша. — Если меня свяжут и каждый день будут пихать в рот мучной кисель, я тоже буду сыта, но всё равно не хочу так жить.

Хорошо, это правда. Значит, средний путь?

Нет, всё. Сытость, человечность, свобода, красота и эротика. Всё. Человек меняется в зависимости от условий, в которых живёт. Если путь в рай грязный и лживый, то в рай придут грязные лжецы и испортят его, отрицая. Будет ли это ещё рай?

Ладно, — проворчал Тим после некоторого раздумья. — Святость, наверное, не состояние, а действие.

Этот афоризм я запомню, — ответила Алиша.

Но всё же я хотел бы знать... — нерешительно продолжил Тим.

Что? — спросила Алиша.

Мне очень любопытно, что сейчас делают монахи.

Мне тоже, — сказала Алиша.

Хочешь ещё раз за ними?

А могу я?

Почему бы нет? Никто нас не гонит.

Итак, Алиша и Тим медленно пошли за монахами, пока не дошли до того места, где уже однажды расставались.

Может, я на этот раз пойду с тобой? — спросил Тим. — Меня ведь никто из монахов знать не может.

Алиша подумала мгновение. Нет, — наконец сказала она, — разве что любопытство тебя совсем сжирает. Но знаешь, ситуация больше всего похожа на ту, что была раньше, если я и сейчас пойду одна. Как только ты будешь рядом, всё может развиваться иначе, верно?

Верно.

Вот поэтому! — продолжила Алиша. — Меня интересуют не только сами монахи, но и то, что теперь по-другому. И это интереснее всего, если всё остаётся максимально одинаково.

Ты права, — ответил Тим, — я охотно жду здесь. А теперь поторопись, чтобы ничего не пропустить.

С монахами это заняло чуть больше времени, пока они не вернулись, и Алиша за ними. Поскольку особой осторожности больше не требовалось, Тим сразу вышел на дорогу, после того как монахи прошли мимо него на обратном пути. Все монахи несли большие глиняные кувшины, вероятно, с молочным порошком или женским маслом. Джутовые рясы монахов были подоткнуты, так что пенис и ягодицы были открыты. У каждого монаха была сильная эрекция, на лицах — восторженное отсутствующее выражение, а пение звучало гораздо мощнее.

Нану, что произошло? Монахи вряд ли могли спать с женщинами в том доме, иначе у них не было бы такой мощной эрекции. У всех!

Но вот уже шла Алиша, которая наверняка могла ответить.

И? Как было на этот раз? — любопытно спросил Тим.

Алиша выглядела задумчивой. Это было странно, — сказала она. — Дом полностью изменился. Всё тот же ящик, но теперь он казался скорее из глины, чем из бетона. И вместо унылости он теперь был простым. В смысле, что у него вдруг появилась эстетика за счёт минимализма, скудость как стимул для фантазии...

?!?!

Да, правда. Похоже и всё же совсем иначе. Монахи тоже должны были смиренно ждать, но на этот раз смирение имело... какой-то... смысл. Монахи молчали, каждый был погружён в себя, и... и... нет, это были не шлюхи... эти женщины носили одежду, как монахини. Волосы убраны, одежда совсем как у сестёр ордена, только лицо, руки и, конечно, груди были открыты. Монахини тоже болтали, пока монахи ждали, но это выглядело как-то иначе, без этого привкуса намеренной бесцеремонности.

И что дальше?

Когда монахов вызвали, это было что-то церемониальное. Происходила настоящая церемония. Монахи сразу за входом встали на колени рядом друг с другом, а монахини выстроились в конце комнаты. Обе группы далеко друг от друга, и комната на этот раз была совершенно пустой. Белые стены, пол из красного кирпича, больше ничего. Комната, вероятно, из-за своей пустоты, приобрела странное звучание. Монахини запели многоголосую песню, и это звучало как хор ангелов, правда. Это уже само по себе было настоящей мечтой, но когда к ним присоединились мужские голоса монахов, я расплакалась, так это было трогательно.

Тим молчал. То ли от впечатления, то ли из уважения к Алише, было не совсем

ясно.

Да, правда, — продолжила Алиша. — Это длилось довольно долго, и монахи с монахинями почти не пели целых предложений, а скорее интонировали слова и по-разному отдавались звучанию этих слов. То есть, дело было скорее в звуках слогов.

Ты не хочешь сказать, что они пели?

Попалась, — ответила Алиша. — Конечно, была тема. По крайней мере, намёками. Это было как поклонение женскому божеству, но так, что я не совсем поняла; я только складываю и дополняю собственными догадками. Это было очень телесное поклонение, особенно грудям, тому, что из них течёт, но также и лону, женскому в целом как цели желаний. Это немного напоминало некоторые формы поклонения Деве Марии, но наверняка такое есть и в других религиях или было раньше.

И потом?

Когда пение закончилось, монахи встали и медленно пошли к монахиням. Каждый монах опустился на колени перед одной из монахинь, и та обеими руками предложила ему свои груди. Точно так, как на этом изображении, которое постоянно встречается в Перидеисе. И тогда все монахи пили. Это... это... было что-то очень экстатическое. И у монахинь тоже. Это совсем не было аскетичным и задумчивым, а скорее очень животным, до неистовства. И у монахов, и у монахинь. У некоторых монахинь даже молоко брызнуло из свободной груди.

Неудивительно, наши специальные исследователи ведь оставили женщин сидеть на их молоке, — прокомментировал Тим.

Верно. Но всё же. Как-то это, похоже, исходило из самой ситуации. Ну, и спустя долгое время этот высокомерный парень у двери...

Он тоже был?

Да... так вот, спустя долгое время высокомерный парень у двери вдруг хлопнул в ладоши, и всё закончилось. Монахини убрали груди, монахи встали и вышли в ряд.

Был ли и на этот раз другой зал?

Да. Но на этот раз это был просто магазин сувениров.

Торговля реликвиями?

Если хочешь, да. Были маленькие кувшины всех форм с женским маслом и молочным порошком, которые монахини, вероятно, собирали, и ещё, как украшения или сувениры, эта женщина, держащая свои груди. В любой мыслимой форме и варианте, как рисунок, деревянная скульптура, глиняный рельеф, подвеска, кольцо, камень и кто знает что ещё. Я тебе кое-что принесла. Молоко монахинь ты не получишь, бери моё, но я принесла тебе ожерелье с такой подвеской. — Алиша показала её Тиму. Это была простая тонкая кожаная лента, на которой висела знакомая женщина из медной фольги, предлагающая зрителю свои груди, с ногами, выполненными в виде огромной буквы О.

Наденешь её для меня? — спросила Алиша Тима.

Как, я должен себе...?

Пожалуйста, пожалуйста!

Только потому, что ты мне её дала.

Спасибо! — Алиша сияла.

Тим надел ожерелье. Скажи, — наконец спросил Тим, — твой тон совсем другой, чем раньше?

Как это?

Раньше, с исследователями, ты насмехалась. Теперь ты звучишь иначе. Не может быть, что ты предвзята?

Да, — призналась Алиша. — Возможно, я предвзята. Но знаешь, монахи кажутся как-то честнее. Конечно, то, во что они, возможно, верят и что делают, странно, но, по крайней мере, они, похоже, следуют своей вере, это не выглядит лицемерно, а даже скорее очень искренне. Мне было немного стыдно, что я подглядывала.

Это было сексуально?

Где-то да, этот экстаз. По крайней мере, как транс. Но пенис вообще не был задействован, и женские лона тоже. Хотя у монахов у всех была эрекция, и пахло сильным возбуждением, но это же понятно.

Да?

Да.

Ну ладно.

Алиша и Тим пошли обратно. Через несколько сотен метров они снова оказались на круглой площади.

Оба замерли.

Посреди площади всё ещё стояла скульптура. Это была явно та же женщина в той же позе. С руками, держащими груди навстречу зрителю. Но женщина была совсем другой; всё в ней было чувственной эротикой, её взгляд — как у женщин в момент оргазма, если они при этом открывают глаза. Только если. И её тело выражало обращение к зрителю, было очень женственно и невероятно красиво.

Как замороженные, Алиша и Тим смотрели на статую.

Как красиво! — выдохнула Алиша.

Да, — кратко сказал Тим, но не менее впечатлённый. Но потом не удержался от замечания: — В некоторых средневековых историях о святых Дева Мария являлась знаменитым монахам в весьма сомнительных позах.

Ты противный! Зачем портить? Эта скульптура *такая* красивая!

Да, она такая, — извинился Тим, — я просто не сдержал язык.

Алиша скептически посмотрела на Тима.

Честно, — сказал Тим. — Она не только красива, но и имеет в себе что-то сверх того. Правда.

Как хорошо, что монахи её не видели.

Монахи...

Они стояли в ряд перед женской скульптурой, на расстоянии примерно двух метров друг от друга. За каждым монахом стоял его кувшин. Все монахи смотрели на женскую скульптуру, но их взгляд был каким-то застывшим, совершенно отсутствующим. И они издавали равномерный звук, похожий на протяжное «О», но это был звук, который немного склонялся к «А». Где-то между А и О, чуть ближе к О. Звук был равномерным, но, если внимательно прислушаться, можно было заметить, что монахи дышат хором, каждый в своём ритме, так что смесь всех голосов оставалась равномерной.

Тим осторожно потянул Алишу в кусты, где они оба легли и наблюдали. Они смотрели из кустов сбоку на ряд монахов.

Тим прошептал: Скульптура, хоть и имеет черты Девы Марии, мне больше напоминает гораздо более древние скульптуры.

Тише! — прервала его Алиша.

Было заметно, что один из монахов изменил свой тон, он звучал напряжённее, и было ясно слышно, что этот монах дышит всё быстрее. Лишь через несколько мгновений Алиша разобралась, который из монахов это был. Ей не пришлось долго гадать, почему он дышал быстрее, потому что вдруг его лицо исказилось в высшем блаженстве, тело слегка сжалось, и Алиша увидела, что, похоже, семя брызнуло из его эрегированного пениса.

Он даже не прикасался к себе, — взволнованно прошептала Алиша, — семя просто само вышло!

Пытаются ли остальные монахи то же самое? — тихо спросил Тим.

Точно, — ответила Алиша, — давай подождём.

И вот! Вскоре снова послышалось тяжёлое дыхание. К сожалению, Алиша увидела, который монах, только по брызжущему семени. Ей хотелось бы посмотреть ему в лицо раньше. Но зато оргазм у этого монаха длился долго. Алиша заметила, что оба монаха теперь выпали из хора и молчали. Только остальные монахи продолжали своё «О», слегка склоняющееся к «А». Наконец, это пошло один за другим; монах за монахом изливались, и их семя падало в пыль.

Почему монахи разбрасывают своё семя? — тихо спросил Тим. — Это очень необычно для Перидеиса, если учесть, какую ценность имеет семя для мужчины.

Алиша вслух размышляла: Может, это какой-то жертвенный культ?

Похоже на то.

Остался один монах. Его «О» теперь звучало слегка дрожаще, и пот стекал по его лицу.

Он не справляется, — прошептал Тим.

Теперь один из монахов взял оставшегося за руку. Тот опустил голову и сдался. Алиша видела, как по его лицу текли слёзы.

Прежде чем Тим успел остановить Алишу, она выскочила из кустов и медленно пошла к монахам. Тим остался в кустах и с напряжением смотрел, что она будет

делать.

Алиша просто притянула лицо монаха к своей груди и помогла свободной рукой направить молоко ему в рот.

Осознавала ли Алиша сверхсильное действие своего молока? — размышлял Тим. Но хватит ли этого? Хорошо, монах, вероятно, жил в celibate, но всё же. Он сам ведь тоже жил в celibate. Хотя... он же не пытался довести себя до возбуждённого состояния, а даже избегал этого. Но если бы он попытался... вероятно, он бы тоже кончил, не прикасаясь к себе. Обстоятельства ведь совсем другие.

Через несколько минут Алиша отстранила грудь от рта монаха. Она подняла монаха в вертикальное положение и встала за ним. Своими руками она мягко повернула его голову так, чтобы он снова смотрел на красивую женскую скульптуру. Руки Алиши оставались на его лице.

Одновременно она, кажется, что-то шептала монаху.

Монах снова начал интонировать своё «О», слегка склоняющееся к «А». Алиша продолжала держать его голову, её руки наполовину обхватывали его лицо. И она всё ещё что-то шептала ему на ухо.

Теперь всё произошло быстро. «О» монаха прерывалось быстрым дыханием, его лицо исказилось в восторге, и наконец он излился. Алиша шмыгнула прочь, прежде чем монах успел оправиться.

Теперь уходим! — рассмеялась Алиша, глядя на Тима, и оба пробрались через кусты прочь от монахов.

В чём был трюк? — спросил Тим.

Я одурманила его духами прямо из моего лона. Прямо под нос. С таким жаром, как у меня, этого, наверное, хватило бы, чтобы целое монастырь ввергнуть в неистовство.

И что ты ему говорила?

Ничего особенного. Только что он сейчас кончит. Снова и снова.

Теперь меня это не удивляет, — сказал Тим. — Такие трюки хорошие шлюхи наверняка знают наперечёт.

О, спасибо, — рассмеялась Алиша. — Хорошая домохозяйка тоже должна это уметь, даже если только для того, чтобы быстро заснуть.

Оба рассмеялись.

Что ты ещё знаешь о таких скульптурах и их поклонении? — спросила Алиша. — Ты ведь хотел что-то рассказать.

Я не так много знаю, — сказал Тим. — Только то, что Дева Мария порой почитается очень чувственно. Даже с молоком это многократно описано. Первоначальный образ, вероятно, — более древние культы, будь то Астарта, Иштар или Ашера.

Действительно с молоком?

С молоком. Но не везде. Находишь только следы, намёки, остатки. Но от Дальнего Востока через Индию до бронзового века Месопотамии, Египта, Кипра и Крита встречаются изображения богинь или фей, предлагающих грудь

для питья. Прямо с пьющим мужчиной я знаю только о царях и фараонах или хотя бы знаменитых героях.

С каких пор обычным людям ставят памятники? — вставила Алиша.

И правда, — подтвердил Тим. — Но в любом случае такие изображения позже часто уничтожали или прятали. В Берлине я в музее видел такие старые изображения. Но это были только очень маленькие скульптуры.



Я бы хотела на них посмотреть, — сказала Алиша, — где это было?

В Новом музее в Берлине, на Музейном острове.

Посмотрю! Скажи, как думаешь, монахи у монахинь нарочно сдерживали оргазм?

Похоже, именно в этом дело, — ответил Тим. — Я имею в виду, им ведь нужно что-то совсем другое, чем мне, они как-то перенаправляют свою сексуальность. Может, религиозный целибат именно для этого и существует.

В любом случае, католические монахи должны жить целомудренно, тогда как католическим священникам предписано только безбрачие.

Правда?

Да. Мне любопытно, как это было в Средневековье. Представь, ты растишь в монастыре, никогда не видишь противоположный пол, и никто не рассказывает тебе ничего, кроме абстрактных идей. Ты совершенно невинен. Разве тогда сексуальность не должна найти себе другой путь?

Я нашёл кое-что об этом в книге, — сказал Тим, — у нас довольно хорошая библиотека; жаль, что там, кроме меня, почти никто не ищет. Это бывает не только в религии, но и в повседневной жизни, и в искусстве. Нередко сексуальное находит себе другой путь. Но не обязательно думать окольными путями, есть и очень прямые сексуальные игры. При этом один из партнёров сознательно остаётся неудовлетворённым, в то время как другой может всё, включая сексуальные действия с другими прямо на глазах партнёра. Речь, похоже, о унижении, но также о том, что целомудренный партнёр впадает в

своего рода подчинённое состояние. Но это работает, только если целомудренный партнёр добровольно участвует.

И кто-то делает это добровольно?

Ты бы отрицала, что кто-то добровольно идёт в монастырь?

Это же другое!

Самая большая из всех перверсий — добровольное сексуальное воздержание.

Но только если «peg vers» мило перевести как «для версии».

Пусть так. И кроме того, есть люди, которые находят удовольствие в отказе и служении, не только в шлепках во время секса.

Но как эти монахи?

Не обязательно всегда боль. Отказ как таковой и тысяча других вариантов тоже подходят.

Но отказ монахов ведь служит цели!

Вот как. И какой же?

Ай. Ну... ну... ну... монахи ведь верят, что их отказ что-то приносит! Это же бескорыстно! Не ради удовольствия!

Предположим, они делают это с бескорыстной целью, разве приходящее удовольствие не отличная мотивация продолжать?

Теперь ты запрыгаешь лошадь сзади.

Нет, возьмём другую область: врачи и психологи, например, знают термин «выгода болезни». То есть кто-то может бессознательно оставаться в состоянии болезни, потому что через неё получает, например, внимание, которого раньше не было. Внимание, сочувствие, а может, даже деньги, например, пенсию или просто то, что не надо работать. Это может частично мешать выздоровлению, хотя человек, возможно, сильно страдает от болезни.

Хм. И ради такой малой выгоды монахи терпят celibat?

Почему бы нет. Ты чувствуешь себя чистым, участвуешь в высших аспектах бытия, лучше других, может, даже веришь, что спасаешь мир. И потом в уединении, отказываясь от сильных раздражителей, в ежедневной монотонности молитв ты вдруг переживаешь чудесные состояния. Ты воспринимаешь их как идущие от твоего Бога, как высшее внимание, как награду, как восторг...

Ладно, — ответила Алиша, — может, у женщины, хотя и тут, наверное, было бы полно предательской влаги. Но мужчина вряд ли может отрицать, что его сокровенная часть только что бурно излилась?

Я тоже не знаю, — признался Тим, — у этих монахов оргазм, похоже, был желанным. Может, это действительно был своего рода жертвенный культ. Но в реальном мире... возможно, это действительно подавляется. Или просто замалчивается. По принципу: только ты такое переживаешь, но раз другие об этом не говорят, ты, вероятно, исключение.

Сила молчания, — подтвердила Алиша. — Но знаешь, что мне только что пришло в голову, мужчины в Перидаеисе владеют техникой подавления оргазма и всё же достижения кульминации. Может, это есть и в реальном мире.

Это определённо известно в реальном мире, — ответил Тим. — По крайней мере, в Китае, потому что в даосской религии есть вера, что с семенем теряется много энергии. Я разве не рассказывал? В книге по секс-терапии я читал об этом, с предупреждением, что это не надёжная техника контрацепции, а скорее имеет чисто усиливающий удовольствие характер или может использоваться, чтобы соответствовать более высокому сексуальному желанию женщины. Правда!

Алиша рассмеялась.

Тим продолжил: Эта техника известна, только не везде. Но почему бы монахам случайно не научиться этому, с честным намерением подавить непреднамеренный оргазм? Или они верят, что он тогда не считается?

Это по крайней мере можно представить.

Честно, я верю, что монахи и монахини перенаправляют свою сексуальность. Не в плохом смысле, а так, что они делают её религиозно полезной.

Такие слова от тебя!

Почему? Я не против религии. Я просто ищу земные объяснения, прежде чем становлюсь высокодуховным.

А как насчёт влюблённости?

Хм. Теперь *ты* меня поймала. Верно, когда дело доходит до этого, мне плевать на факты.

Алиша хихикнула и быстро поцеловала Тима, прежде чем он успел возразить.

Ну, — сказал Тим, — может, религия — это как влюблённость. И я им всё позволяю, включая переосмысленную сексуальность. Если бы только они в ответ не осуждали мою прямую сексуальность.

Это, к сожалению, правда, — ответила Алиша. — Почти каждый религиозный лидер каким-то образом пытается регулировать сексуальность своих последователей.

Монахи ушли, — сказал Тим. — Не думают ли они теперь, что ты какой-то дух? Скорее святая, — хихикнула Алиша.

Они вылезли из кустов и отряхнули землю. Алиша — с платья, Тим — с голого тела, и оба — с волос.

Знаешь, — сказала Алиша, — в итоге всё сходится: эти специальные исследователи были настолько трусливы, что даже не взяли молоко из полных сисек этих хорошеньких шлюх. Они предпочли запастись в Интершоппе молоком с валютным душком. Монахи теперь получили от этого выгоду. Приятного аппетита, я им это желаю.

Они пошли дальше. Чуть позже они достигли конца узкой боковой долины и снова оказались на дороге из лазурного кирпича. Много времени и разные запасы молока разделяли их со специальными исследователями — и поскольку те шли в том же направлении, вряд ли они снова встретятся. Куда ушли монахи, было неважно; их это не волновало.

Ты всё ещё голый, — сказала Алиша Тиму. — Не то чтобы меня это

беспокоило...

Хм. Тогда я быстро схожу за своей униформой, — ответил Тим. — Собери нам еды, я пробегусь и вернусь быстрее, чем ты думаешь.

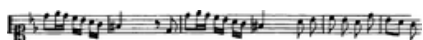
Нет, не вернёшься, — сказала Алиша с странным взглядом. — Мне бы очень хотелось расслабиться, и я бы наслаждалась, если бы ты высосал из меня побольше дорожного провианта. Иди...

Алиша левой рукой потянула Тима в траву, к своей груди, а правой рукой скользнула между своих бёдер.

Когда всё было сделано, его провиант и её расслабление, Алиша наконец прошептала: Теперь можешь. Не попадись.

Точно нет.

И Тим исчез. Как пантера. Алиша восхищалась им, как уже бесчисленное множество раз до этого.



Товарищка

Алиша и Тим заночевали на небольшой скалистой вершине, стоящей посреди долины и легко доступной для восхождения. На этот раз у них была совсем другая перспектива во время засыпания — не под деревьями, а над ними. Кроны деревьев раскинулись под ними, как травяной ковёр, в то время как они любовались прекрасным видом на пёстро поросшие скалы, окаймляющие долину слева и справа, и на множество птиц, которые туда и обратно летали. Вверху открывался свободный вид на солнце, превращающееся вечером в луну, и на голубое небо, которое ночью украшалось чёрным цветом с яркими звёздами. Алиша наслаждалась видом, подавая Тиму его жизненный эликсир прямо из своей груди и отдаваясь ощущениям, которые ей при этом даровались.

На следующий день они, возможно, шли часа три-четыре, когда к ним вдруг донёсся адский запах гниения.

Фу, что это? — спросила Алиша.

Тим пошёл посмотреть. Не совсем добровольно; Алиша его подтолкнула.

Не пугайся, — сказал Тим, вернувшись, — это, я бы сказал, наш обед.

Ииии, ты серьёзно? Что это?

Зажми нос пальцем и пойдём!

Алиша зажала нос пальцем.

Они оба направились туда, откуда шёл запах. Если коротко, это было дерево венских шницелей. Видимо, в этих краях было мало плотоядных животных, и поэтому спелые шницели падали и гнили. Те, что наверху, конечно, не гнили, и Тим сорвал несколько штук.

Однако: даже на большом расстоянии от дерева (свежий воздух и всё такое),

после подробных объяснений обстоятельств (отсутствие львов и прочее), Алиша отказалась есть хоть один из сорванных шницелей.

Понюхай и посмотри, — сказал Тим, — они же совершенно нормальные, — и поднёс Алише один шницель к носу.

Фу, — Алиша передёрнулась.

Ну и ладно, — сказал Тим и съел примерно четыре шницеля.

Алиша внимательно за ним наблюдала.

Только когда через примерно час Тим всё ещё не умер от судорог, Алиша позволила дать себе крошечный кусочек. Только попробовать.

И? — спросил Тим.

Обещаешь, что они *совершенно* нормальные?

Совершенно.

Но ты точно не знаешь?

Знаю.

Но никогда нельзя быть уверенным.

Это запрещённый убийственный аргумент.

Хм. Дай мне шницель.

Потом Алиша попросила ещё один. И поскольку в Перидеисе без явного желания нельзя потолстеть, она съела ещё и третий. Но в итоге наелась.

Похоже, они не смертельно ядовитые, — признала она. — Лимончик бы ты мне ещё подать мог.

Тим усмехнулся, но ничего не сказал.

Они шли ещё с полчаса, когда вдруг слышали крики и щелчки кнута. Что это? Осторожно они приблизились к следующему повороту долины. Боковая долина отходила, и у входа в неё виднелась большая группа людей.

Работорговец со своим товаром, — сказал Тим Алише.

Может, та женщина, которую мы знаем; пойдём туда? — спросила Алиша.

Нет, — ответил Тим. — Специальные исследователи ещё слишком близко.

Лучше остаться в укрытии.

Это первый раз, когда я по-настоящему вижу рабов, — проворчала Алиша. — Почему в городке их не было?

Мы можем за ними понаблюдать, — ответил Тим, — только подходить неразумно. К тому же в городке, конечно, были рабы, ты просто не заметила. Их узнают по плотно прилегающему ошейнику с металлическим кольцом, и чаще всего они голые. Но не всегда. Главный признак — ошейник.

И правда, не все рабы были голыми, но все носили плотно прилегающий ошейник с металлическим кольцом. И все были связаны друг с другом лёгкой верёвкой через это кольцо.

Разве такую тонкую верёвку нельзя просто разрезать? — спросила Алиша.

Можно, — ответил Тим. — Верёвка вообще только предотвращает, как бы это назвать... импульсивные решения. Не забывай, что никто не остаётся рабом вечно против своей воли и в любом случае на ежегодном празднике Сотворения

имеет выбор остаться или уйти.

Я совсем забыла. И некоторые правда добровольно остаются рабами?

Да. Некоторым нравится не принимать важных решений, а другие искренне хотят отработать долг. И к тому же жители Перидеиса забывают быстрее, чем мы из реального мира.

Что это значит?

Ты никогда не слышала, как люди говорят о старых добрых временах, когда всё было лучше, трава зеленее, а молодёжь не такая наглая? — Плохое забывается быстрее, чем хорошее, только у жителей Перидеиса это гораздо сильнее выражено. Или подумай о женщинах, которые забывают силу родовых болей и через короткое время снова хотят забеременеть. Здесь рабовладельцы делают так, что перед праздником Сотворения устраивают по-настоящему прекрасную неделю. И вот рабы видят свою жизнь в самых приятных красках, тогда как неопределённое будущее самостоятельности и, возможно, одиночества кажется ужасным. Даже в реальном мире это не сильно отличается, только менее выражено. Вероятно, иначе и нельзя, иначе были бы постоянные восстания и переселения народов.

Воробей в руке...

Да, примерно так. Возможно, это даже принципиально необходимо, чтобы общество оставалось стабильным.

Алиша и Тим взобрались на скалу, с которой открывался хороший вид на лагерь с рабами и их надсмотрщиками. Им не пришлось сильно осторожничать, потому что внизу все были громко заняты своими делами.

Одну рабыню привязали к лежащему бревну. Алиша и Тим не могли разобрать, почему. Тем временем несколько рабов-мужчин готовили еду, а другие доили рабынь. Надсмотрщики сидели вокруг и болтали. Лишь изредка они занимались рабами, но в целом те, похоже, знали, что делать.

Почему доят рабынь? Почему мужчины-рабы не получают молоко рабынь? — спросила Алиша.

Молоко рабынь — самое ценное для рабовладельца; мужчины-рабы получают только необходимое. Может, одну из рабынь специально не доят, чтобы потом она дала грудь мужчинам-рабам. Не из кувшина, чтобы не тратить молоко зря.

И как они следят, чтобы последний мужчина-раб тоже получил что-то? Чтобы первые не выпили всё?

О, за этим следят.

Правда?

Да, правда. Перидеис предлагает такой избыток всего, что зависть из-за обыденных вещей почти не существует. Даже если. В таком случае ждёшь два часа, и грудь снова полна. К тому же никто не позволит мужчине страдать от нехватки молока. Никто так не делает. И ни одна женщина не могла бы это вынести.

Через десять минут один из надсмотрщиков вскочил и хлопнул в ладоши. Это

был огромный парень, мускулистый, и внушительный пенис висел перед его телом, или, точнее, перед его ногами.

Алиша и Тим наблюдали со своей скалы, как все, надсмотрщики и рабы, собрались вокруг привязанной женщины. Надсмотрщик что-то крикнул, и рабы начали ритмично хлопать в ладоши.

Что там происходило?

Надсмотрщик задрал юбку привязанной рабыне. Её голые ягодички стали видны. Рука надсмотрщика медленно скользнула по её ягодицам, слегка касаясь промежности. Он провёл по щели, где начинались ноги, а затем по бёдрам вниз. Алиша вздрогнула. Ей сразу стало ясно, что делает надсмотрщик: он возбуждал привязанную рабыню. И возбуждался сам. Его внушительный пенис встал.

Ритмичные хлопки рабов стали громче. Поднялась мелодичная песня, очень ритмичная, очень странная. И в качестве припева постоянно звучало: «Бум Бум — Бум Бум».

Что они поют? — спросила Алиша.

«Бум Бум» означает совокупляться, спариваться, заниматься любовью, коитировать, спать вместе, заниматься сексом.

Что ещё? — хихикнула Алиша.

Трахаться, бумкать, ебать, оседлать, пихать, поппать, заниматься этим, горбиться, проникать, таранить, засовывать, лакомиться, птичиться, насиловать, ещё что?

Проникать звучит жутко.

Я предпочитаю ебать.

Почему именно ебать?

Это не иносказание, не обёрточное слово, а прямо и без обиняков обозначает одну-единственную вещь. И звучит как крепкое веселье.

Хм. Верно.

И надсмотрщик сейчас будет ебать рабыню?

Судя по его стоящему указателю, да, — сказал Тим. — И «Бум Бум» действительно обычное слово для этого. Все остальные слова в Перидеисе тоже разрешены, но, как слышишь, здесь у наших ног предпочитают «Бум Бум».

Пусть этот парень уже начнёт с Бум Бум, — прокомментировала Алиша, — рабыня, наверное, уже достаточно мокрая, если судить по себе.

Как будто у Алиши действительно были волшебные силы, которые донесли её слова вниз и подействовали, надсмотрщик в этот самый момент (наконец-то) взобрался на привязанную рабыню и глубоко ввёл свой огромный эрегированный фаллос в её тело, на мгновение задержался в нём, а затем начал своё дело мощными движениями ягодиц.

Собравшиеся рабы аплодировали и ликовали, а через мгновение снова ритмично хлопали и кричали «Бум Бум».

Алиша сказала: Отсюда сверху, где тебя не видят, смотреть гораздо интереснее, чем в городе — или вообще в ситуациях, когда тебя самого могут увидеть.

О, это проходит со временем, — сказал Тим. — Ты заметишь. Со временем,

говорят, ещё и очень заманчиво позволять смотреть на себя во время...

Ебли?

...ебли.

Но разве не естественно делать это тайком?

Если это постоянно порицают, то конечно, но разве ты не замечала, что у животных нет такой стыдливости? Кроме случаев, когда им надо бояться, что их потревожат? Я читал, что лебеди иногда делают это в присутствии других лебедей, чтобы обозначить себя как пару и отгородиться. Примерно как публично женятся и носят обручальное кольцо на виду, чтобы показать: мы вместе, и никто из нас больше не доступен для брачного рынка. Кроме того, это, конечно, и немного хвастовство.

Смотрите, меня ебут! А тебя нет! — рассмеялась Алиша.

Вот мы и подошли к причине секретности, — продолжил Тим, — конкуренция, вопрос, чьё наследство передастся. Здесь это не проблема.

Так они оба смотрели, пока надсмотрщик с большим пенисом явно для всех не задрожал на пике своих чувств, и собравшиеся рабы своими криками и хлопками даже самой наивной монастырской ученице ясно дали бы понять, что сейчас что-то было иначе, чем секунды назад.

Надсмотрщик с большим пенисом вытащил свой большой пенис из привязанной рабыни. Теперь он снова смотрел вниз. Пенис. Но всё ещё был большим.

Излил ли он своё семя в рабыню? — любопытно спросила Алиша. — Он же надсмотрщик за рабами.

Не думаю, — сказал Тим. — Большинство делают это только со своей женой или если у них избыток молока. Но у рабынь молоко — это деньги, которые надсмотрщик не может просто украсть. Так что он, вероятно, сдержал своё семя при оргазме.

Надсмотрщик теперь наклонился к лицу привязанной рабыни и что-то ей сказал. Та вдруг начала кричать и сопротивляться.

Надсмотрщик снова наклонился к привязанной рабыне и ещё раз что-то сказал. До Алиши и Тима донеслось: Нет, нет, нет, нет!

Тогда надсмотрщик с большим пенисом взял в руку трость, которую до этого носил на поясе сбоку.

И нанёс привязанной рабыне удар по ягодицам.

Рабыня вскрикнула.

Что с ней? — спросила Алиша. — Это же явно было не сильно.

Думаю, она просто испугалась, — предположил Тим.

Теперь надсмотрщик с большим пенисом нанёс привязанной рабыне второй удар примерно той же силы, затем третий и ещё несколько. Очень ритмично. Этот способ бить совсем не выглядел как гнев.

Профессионал, — сказал Тим. — Он её объезжает, я бы сказал. В этом, похоже, весь смысл.

Оба продолжали наблюдать. Удары постепенно становились сильнее, но оставались ритмичными, то быстрее, то медленнее, и постепенно менялась зона наказания.

Слышались стоны бичуемой рабыни.

Теперь надсмотрщик резко прекратил порку. Послышался крик.

Вперёд вышел раб.

У него тоже огромный пенис! — воскликнула Алиша.

Если коротко: этот мужчина тоже объездил привязанную рабыню. Против третьего мужчины рабыня не сопротивлялась. Алиша уже заподозрила, что рабыня потеряла сознание, когда вперёд вышел кто-то, кого Алиша знала.

Теперь вскрикнула Алиша. Тим зажал ей рот.

Этого не может быть, подумала Алиша. Но это было так. — Тот, кто вышел, был маленьким пёстро одетым человечком с шутовским колпаком и бубенцами, и посередине у этого человечка, как уже было известно, тоже было огромное нечто. И этот человечек был уродлив, неопишимо уродлив.

Алише показалось, что человечек злорадно посмотрел на их укрытие на скале, и она быстро втянула голову.

Но Алиша услышала крик снизу и быстро посмотрела, что там происходит. Привязанная рабыня всё же не потеряла сознание. Вместо этого она теперь кричала как резаная, потому что не хотела, чтобы этот уродливый человечек её взял. Ей даже удалось немного вывернуть верхнюю часть тела из пут, и она обернулась. На краткий миг её лицо стало видно, ранее скрытое волосами. Алиша услышала от Тима рядом удивлённый, но, к счастью, тихий возглас, но в следующий момент в долине раздался хлопок и зелёная вспышка...

...и пути, которые до этого держали рабыню, упали, и юбка с верхом рабыни осели.

Сама рабыня исчезла.

Она была ведьмой! — раздалось снизу, и все взволнованно заговорили.

Она была ведьмой! — крикнул надсмотрщик.

Но уродливый карлик с шутовским колпаком тоже бесследно исчез.

Я узнал эту женщину, — сказал Тим. — Я совершенно уверен. Она связана со специальными исследователями. Но что произошло?

Ты не видел?

Я видел только нечёткие очертания кого-то, но ничего точного. И в конце бегство.

Алиша ответила: Там была странная фигура, с которой я уже сталкивалась дома, потом ещё раз в городке, и теперь здесь. Карлик с шутовским колпаком.

Он там был?

Да.

Странно, — сказал Тим. — Я его не видел. Тогда это напрямую связано с тобой. С тобой и ни с кем другим. Нет, всё же нет. Кроме, конечно, той женщины, что была внизу. Что там произошло?

Женщина ни за что не хотела, чтобы её взял этот карлик.

Хм, — задумался Тим. — Эта женщина точно связана со специальными исследователями. Но она никогда не ходила в Перидеис, а только имела с ними дело, как бы то ни было. Но не их начальница, это бы заметили. Наш шеф не в ладах с ней. Меня сама эта женщина однажды расспрашивала о специальных исследователях, но что я мог сказать; я всегда сопровождал их только до перехода и обратно. С собой нас не пускали. Так что я мало что мог рассказать. Но скажу тебе, во время разговора с ней у меня все тревожные звоночки звенели. В ней было что-то хищное, кошачье. Высокоинтеллектуальная, очень красивая женщина. Но у тебя было чувство, что она только делает вид, что благоволит, а на самом деле стоит на милю выше тебя, знает всё о тебе и других, и одно неверное слово — и она уличит тебя в измене родине или ещё в чём-нибудь. Тогда я, честно говоря, рассказал всё, что знал о специальных исследователях, так я её боялся. Если спросить меня: она из ЦПКК.

ЦПКК?

Центральная партийная контрольная комиссия. Слышала о них?

Нет.

Святая инквизиция партии. Её боялись даже в Штази. Она точно не из дисциплинарного отдела Штази. Она выше, партийная шишка, так что скорее всего ЦПКК.

Но что ей здесь надо было?

Тим задумчиво почесал голову. Либо у неё были подозрения, и она хотела проконтролировать своих пентюхов, либо это был просто её сознательный или бессознательный предлог, чтобы удовлетворить собственное любопытство. Последнее, правда, кажется мне для неё почти слишком человеческим, она выглядела как холодная машина для обработки данных, которая улыбается только по служебной необходимости. Хотя это не исключает, что у неё может быть сильно подавленная человеческая сторона. Как бы то ни было, похоже, она тайно следовала за своими пентюхами.

Алиша возразила: Она всё же могла прийти вместе со специальными исследователями. — Может, я не выделялась в том борделе только потому, что, сама того не зная, заняла место этой товарища.

Тим задумался. Наконец сказал: Это маловероятно... думаю. Нехарактерно, чтобы такие мужчины брали женщину в бордель. По крайней мере, она не тот тип. Она слишком зажата. Весёлая коллега, такая простоватая, может, и пошла бы. Но так не сходится ни с одной стороны.

Я тоже не совсем верю, — сказала Алиша, — просто не хотела оставить это несказанным. Но как тогда ситуация могла так развиваться, независимо от того, хотела ли она контролировать мужчин или была любопытна сама?

Её могло неожиданно зацепить, — сказал Тим. — Это моя личная теория.

Как это — неожиданно зацепить? — спросила Алиша.

Перидеис знает самые сокровенные уголки твоей души и ищет, что приносит тебе радость. Что действительно делает тебя счастливым. Какие у тебя мечты. Какие неисполненные желания. Штази это отчасти поняла, поэтому нам,

офицерам, нельзя в Перидеис, только ИМам, которых потом тщательно проверяют. Потому что это развращает, как формулирует Штази. И меня ведь это тоже развратило, надо честно сказать.

Все офицеры действительно это соблюдают?

Как запрет на западное телевидение.

Э? Что ты имеешь в виду? Они правда никогда не смотрят западное телевидение?

Тим рассмеялся: Нет. Только *почти* все. С некоторыми людьми вполне можно поболтать о вчерашнем западном фильме. Конечно, под строжайшим секретом.

И так же с Перидеисом?

Да, точно. Официально все добросовестные и правильные, но общие знания отдельных офицеров о Перидеисе... поразительно высоки. Иногда даже шёпотом дают советы. Но это действительно скорее раскрепощённые типы, и таких мало. Может, их не так сильно зацепило, потому что они ещё могут думать и сопереживать, вместо того чтобы отвергать всё, что не вписывается в их картину. Эту Товарищку из ЦПКК, похоже, зацепило по полной.

И ты думаешь, эта женщина получила полный удар по своему слабому месту?

Похоже на то! Прямое попадание в яблочко в кажущемся безопасном тылу. Может, она действительно просто хотела выследить своих товарищей специальных исследователей. А здесь пережила что-то, что её глубоко тронуло, и отреагировала, как бедная уродливая крестьянская девушка с перспективами на деревенского дурачка, которая вдруг получает шанс выйти за богатого красивого сказочного принца.

Но порка, быть рабыней, быть изнасилованной сзади?!

Поройся в своём запасе мастурбационных фантазий.

Признаю, всё есть, но это же изрядно оптимизированные фантазии, которые я никогда не воплотила бы в реальности.

Где мы сейчас?

Ай. Мечты сбываются.

Да. И подумай о мужчинах. Я имею в виду, пенисы были не совсем средние, и как мужчины они тоже не были обычными.

Но что с этим карликом?

Это действительно загадка. Может, кошмар, от которого просыпаешься... Зелёный моральный демон, который вдруг прокрался. Огромный пенис у него был, но всё остальное было для женщины сильным унижением. Я бы сказал, слишком сильным. Либо она себя сильно переоценила, либо это как если посреди поедания шоколада думаешь о полноте. Хлоп. Главный предохранитель. Веселье кончилось. На выход. Крах. И теперь она сидит у перехода и либо вернётся в реальный мир, либо попробует снова. Как если просыпаешься от сбившегося сна и либо завариваешь чай, либо просто идёшь в туалет и продолжаешь спать.

Не думаю, что она вернётся ещё раз, — сказала Алиша, — скорее, ей пока хватит. По крайней мере, она осмелилась следовать своим желаниям, в отличие

от специальных исследователей.

Не забывай, она была одна, — возразил Тим. — Ничего не стоит нарушать условности в одиночку, наоборот, так создаёшь себе привилегии перед другими. Эти специальные исследователи хотя бы признались друг другу, что хотят в бордель, пусть и ни на толику больше, эти мешанские трусы.

Алиша рассмеялась. Связана ли этимология слова «тютелька» с «титками»?

Специальные исследователи не осмелились ни на тютельку к титкам.

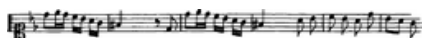
Тем временем под скалой поспешно собирались. Верёвка, которой была связана ведьма, осталась, как и её юбка и верх. Никто не хотел трогать эти вещи. Алиша и Тим потом спустились, чтобы всё рассмотреть. Юбка и верх были из мышинового серого костюмного материала, какой в ГДР можно было купить разве что в магазине «Эксквизит»⁵². Но верх, конечно, был с открытой грудью, а юбка разрезана до верха, и, разумеется, трусов не осталось.

Где в ГДР продают топы с открытой грудью? — спросила Алиша.

Ошибка мышления, — ответил Тим. — Эта женщина тоже прибыла в Перидеис голый. Одежду она нашла уже здесь или как-то получила.

Алиша хлопнула себя по лбу. Точно, — сказала она, — к сожалению, ничего нельзя принести или унести.

Не ворчи, — проворчал Тим. — Кто знает, для чего это хорошо — свои мысли ты ведь можешь принести.



Пойман!

После того как долина наконец опустела, Алиша и Тим решили искупаться в близлежащем ручье. Но, как это иногда бывает, ситуация казалась заколдованной, или им следовало бы вспомнить пословицу: «Рыбак рыбака видит издалека» или «Бедя не приходит одна».

Пока Алиша и Тим беспечно купались в ручье, за ними из кустов наблюдал человек, который был ещё лучше подготовлен, чем Тим: это был капитан Прильвиц. Его раздирали противоречия между чувством долга офицера, которое требовало немедленно наказать Тима, и неистовым желанием, вызванным Алишей, чья сверхъестественная женская притягательность лишала его рассудка. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного по отношению к женщине. Он всегда сохранял контроль, женщины всегда возбуждали его, но никогда не лишали его воли. Алиша лишила его воли. А этот дерзкий, недисциплинированный парень рядом с ней... какого чёрта он здесь делает, нарушая все запреты? И как он вообще прошёл мимо него сюда?

⁵² Магазины «Эксквизит» предлагали в ГДР высококачественную одежду по грабительским ценам, но хотя бы без западных денег.

Конечно, капитан Прильвиц знал Тима, ведь тот служил в том же подразделении, что и он, в объекте П. Оба были офицерами Министерства государственной безопасности, и не так давно этот парень был переведён в объект П в звании пониженного лейтенанта. То, что он слишком много читал книг, сразу вызвало у капитана Прильвица подозрения. И теперь капитану Прильвицу стало ясно, почему тот так рвался на праздничные и выходные дежурства. Похоже, он не только читал книги из библиотеки. Капитан Прильвиц оказался прав в своих подозрениях!

Сегодня, как и не раз до этого, капитан Прильвиц сопровождал группу специальных исследователей партии через зону в объекте П. В таких случаях капитан Прильвиц не позволял себе личных вылазок. Во-первых, это было слишком рискованно, поскольку специальные исследователи ему не подчинялись, и никогда нельзя было быть уверенным, вернутся ли они в назначенное время. Во-вторых, капитан Прильвиц считал это безответственным, ведь работа специальных исследователей была слишком важной. По сравнению с ними все в объекте П были лишь мелкими сошками. Но на этот раз ситуация была иной: вскоре после специальных исследователей неожиданно прибыла товарищка из ЗПКК⁵³, и другой офицер провёл её через зону к нему. Тот офицер сразу же вернулся обратно. Затем товарищка предъявила удостоверение ЗПКК и потребовала под строжайшей секретностью *по отношению ко всем* провести её к специальным исследователям. Капитан Прильвиц довёл её до камня, который обозначал переход, и сказал, что дальше ей придётся идти одной. Товарищка не была его начальницей и, следовательно, не могла отдавать ему прямых приказов. Капитан Прильвиц мог сослаться на служебные инструкции, запрещавшие ему входить в Перидэис. На самом деле он боялся, что его большой секрет может быть раскрыт. Товарищка из ЗПКК, получив инструкции, прошла через переход одна.

Но что хотела товарищка в секретной стране? Она никогда не была там со специальными исследователями, тем более в одиночку. Неужели кто-то что-то заподозрил? Или там происходило что-то важное? Капитану Прильвицу нужно было это выяснить!

И вот капитан Прильвиц последовал за женщиной из ЗПКК. Он был осторожен. Всё прошло гладко. Достигнув алтаря на другой стороне, он собрал все свои силы, чтобы не поддаться сексуальному возбуждению, которое эта местность навязывала, и был горд, что почти справился. Была ли женщина поблизости? Нет! Капитан Прильвиц пригнувшись выбежал наружу. Свой секретный проход внутрь скалы он на этот раз проигнорировал. Оказавшись на открытом пространстве, он бросился плашмя в траву. Было ли что-то видно? Нет! Где была женщина? Вдруг он услышал громкий стон, в каких-то пятидесяти метрах

53 ЦПКК: Центральная партийная контрольная комиссия. Тим, таким образом, был прав в своих предположениях.

от него. За стоном последовал ещё один протяжный стон, а затем резкий вскрик, который, несомненно, исходил от товарищki из ЗПКК, и затем она закричала как резаная, снова и снова. Теперь капитан Прильвиц увидел, как она, голая, лежит на спине в траве, извиваясь, корчась, ритмично поднимая бёдра к небу. Это была известная и предсказуемая реакция человеческого организма на специфические условия этой местности, и капитан Прильвиц не придавал этому значения. Женщина впервые оказалась здесь без оперативно-тактической подготовки, и он точно знал, что с ней происходит. Ничего, что могло бы ей повредить.

Капитан Прильвиц укрылся в густых кустах и наблюдал за товарищкой. Он немного завидовал ей, что она могла так беспечно отдаться тому, что на неё нашло. Ей, как женщине, это было позволено, сколько бы раз она ни захотела. Но капитан Прильвиц был нетерпелив. Это отнимало время. Он заставил себя сохранять спокойствие и продолжал наблюдать за женщиной. Ей было около пятидесяти лет. Её блондинистые волосы были настоящими и не выцвели при переходе. У неё была почти юношеская фигура, ультратонкая, грудь почти безупречна, за исключением лёгких следов возраста. Эта женщина явно не рожала; её тело было девственным, в идеальном состоянии, с идеальными ягодицами, идеальными бёдрами, только грудь была довольно маленькой. Скорее всего, она регулярно занималась спортом. Такое тело нужно было ещё суметь создать; капитан Прильвиц знал жалобы своей собственной жены, на которой две беременности оставили куда более заметный след. Не то чтобы это его беспокоило — настоящая женщина не пластиковая кукла, считал он, — но разницу он видел. Однако... подумал он... эта товарищка в траве была бы интересна для приключения, но для домашней постели, для дома... нет, тут он хотел другого. Его собственная жена, несмотря на мелкие недостатки, в итоге была куда лучшим выбором. Если бы только она... ну ладно, не тема для сейчас. Вдруг капитан Прильвиц заметил, что рядом с ним на земле аккуратно сложен костюм. Именно такой костюм, какой он всегда носил в Перидэисе. Брюки без ширинки спереди, а с широким клапаном, как у традиционных кожаных штанов. К ним рубашка, галстук и кепка с круглым козырьком. Из пиджака торчал двойной ремень, к которому можно было прикрепить хлыст, если не было пояса. Хлыст лежал рядом с аккуратно сложенным костюмом. Откуда он взялся? Неважно. Капитан Прильвиц надел костюм, лёжа на земле, и прикрепил хлыст к двойному ремню. Наверняка было какое-то объяснение, почему здесь на земле лежала форма. Какая-то закономерность происходящего.

Капитан Прильвиц посмотрел на женщину. Она ничего не заметила. Но теперь она начала приходить в себя. Наконец-то.

Ещё раз капитан Прильвиц был ошеломлён, увидев рядом с товарищкой костюм в траве. Костюм состоял из юбки и топа. Неужели он раньше его не заметил? Это было неясно. Капитан Прильвиц услышал удивлённый возглас. Товарищка, похоже, была очень довольна костюмом. Что теперь? Она вертела топ в руках. А, кажется, она думала, что не хватает блузки, потому что грудь оставалась

открытой. Да, здесь *так* и есть, пробурчал про себя капитан Прильвиц, ты *должна* это знать. Но товарищка озиралась в поисках чего-то. Поторопись!, отчаянно подумал капитан Прильвиц, специальные исследователи убегают от тебя! Его терпение подвергалось испытанию, пока товарищка наконец не оделась (Где же трусы? Капитан Прильвиц вгрызся в землю.) и не пошла дальше.

Но гнев капитана Прильвица улетучился. По сути, здесь была только одна дорога, по которой можно было идти, единственный путь, начинавшийся чуть ниже, и через полчаса специальных исследователей догнали. Капитан Прильвиц, осторожно следовавший за товарищкой, облегчённо вздохнул.

Товарищка держалась на расстоянии от специальных исследователей, не приближаясь к ним. Ага, подумал капитан Прильвиц, так я и думал, тут что-то нечисто. Ты хочешь их контролировать. И он с одобрением заметил, что товарищка при слежке за специальными исследователями вела себя не глупо. Она шла по дороге вполне естественно, но соблюдала основные правила наблюдения. С ней нужно быть начеку.

Так товарищка из ЗПКК следовала за специальными исследователями, а товарищ капитан Прильвиц следовал за товарищкой из ЗПКК. Специальные исследователи казались совершенно беспечными и шумели, как на казарменном дворе, по мнению капитана Прильвица. Один раз они устроили пикник. Капитан Прильвиц видел, как товарищка из ЗПКК забралась на небольшой поросший кустами скалистый холм и наблюдала за исследователями оттуда. Хорошая идея, ведь во время пикника существовала опасность, что кто-то из исследователей мог отправиться на поиски еды или для других нужд. В такой ситуации можно было легко попасться. Чтобы этого избежать, товарищка выбрала холм. Действительно хорошая идея. И такая простая. Капитан Прильвиц выбрал другой холм, повыше, и забрался на него. Теперь он мог наблюдать за обеими сторонами — за специальными исследователями и за товарищкой из ЗПКК.

Вот! — Специальные исследователи закончили перерыв и двинулись дальше. Капитан Прильвиц уже наполовину поднялся. Но постой, что это? Товарищка из ЗПКК осталась лежать на своём низком холме и явно напряжённо смотрела в совершенно другую сторону. Теперь она встала, видимо, чтобы лучше видеть. Она смотрела назад, в долину, откуда они все пришли. Увидела ли она там что-то особенное? Капитан Прильвиц ничего не мог разглядеть, вероятно, из-за скалы, загораживающей обзор. Досадно! Так можно было снова потерять из виду специальных исследователей. Капитан Прильвиц снова укрылся. Товарищка не двигалась, продолжая смотреть назад, не обращая внимания на специальных исследователей.

Тут капитан Прильвиц услышал отдалённые крики. Не со стороны исследователей. Он посмотрел на товарищку. Решит ли она быстро покинуть свой холм, чтобы догнать исследователей? Нет. Проклятое женское

любопытство!, раздражённо подумал капитан Прильвиц. Крики звучали так, будто там было довольно много людей. Либо сейчас исчезнуть, либо остаться прикованным к месту. Почему она не может просто расставить приоритеты? У неё была чёткая задача — следить за специальными исследователями. Всё остальное должно быть второстепенным и не более чем помехой. Что теперь делать? Следовать за исследователями одному? В этом случае за спиной останется эта не совсем безопасная товарищка из ЗПКК. И никто, абсолютно никто, не должен узнать, что он когда-либо был в этой стране. Это была *его* высшая приоритетность, а товарищка из ЗПКК была вторым приоритетом. Итак, всё ясно, и капитан Прильвиц, вздохнув, снова опустился на землю и стал ждать.

Крики приближались, слышались хлопки хлыстов. Теперь капитан Прильвиц увидел, о чём шла речь. Это была караванная процессия рабов. Впереди ехала лёгкая одноосная повозка, точнее, пони-повозка, к которой был запряжён голый раб с множеством чёрных ремней. На нём были даже шоры и удила во рту, как у лошади, а упряжь венчали два ярких пера, торчащих высоко над его головой. В повозке сидела дородная, ну, прямо скажем, толстая женщина, очевидно, владелица каравана рабов. Все остальные, включая надсмотрщиков, шли пешком. Немногочисленные пожитки несли на спинах мужские рабы. Все рабы носили плотно прилегающие ошейники с кольцом, через которое была продета длинная верёвка, связывающая всех рабов, независимо от пола. Большинство рабов были полностью обнажены, некоторые носили одежду, но она, как правило, выглядела изношенной. Похоже, у рабов не отбирали одежду сразу, но и не заботились о новой, когда их одежда изнашивалась.

Но почему рабы сами не добывали себе новую одежду? Это оставалось загадкой для капитана Прильвица, хотя он сам когда-то владел рабами, ведь в оперативной зоне приходится приспосабливаться к местным обычаям, чтобы не выделяться. И нужно было быть экономически состоятельным — что толку от всей доброты к отдельным несчастным случаям, если в итоге не достичь цели, которая могла бы решить *все* проблемы. Это было стратегически мудрое поведение! Его собственные рабы тоже не заботились о новой одежде по собственной инициативе, и капитан Прильвиц счёл это несущественным. В конце концов, неважно, ходит раб голым или нет. В лучшем случае бюстгалтеры для рабынь были бы полезны, чтобы никто не украл у них молоко, но, к сожалению, это было запрещено.

Надсмотрщики использовали хлысты умеренно, и их удары сопровождались смехом и шутками, нередко даже похотливыми стонами или соответствующими замечаниями. Капитан Прильвиц знал это, это была одна из великих странностей этой страны, как и её невероятная сексуальная насыщенность, которая так часто создавала ему проблемы. Но каково же было товарищке из ЗПКК, которая впервые это пережила?

Капитан Прильвиц получил ответ быстрее, чем ожидал. К его ужасу, товарищка покинула свой холм. Капитан Прильвиц, не в силах что-либо сделать, смотрел,

как она вышла на дорогу к каравану рабов и бросилась на землю прямо перед пони-повозкой. Что, чёрт возьми, она делает? Товарищка из ЗПКК прямо-таки предлагала себя в рабство! Это была плохая тактика, независимо от её плана, ведь так она полностью теряла свободу действий! Или товарищка сошла с ума? Капитан Прильвиц не понимал и лихорадочно размышлял. Он пришёл к выводу, что товарищка из-за неопытности неверно оценила ситуацию. Только так это могло быть. Ему придётся ей помочь, но проблема была в том, что он не мог подвергать себя опасности. Ему нужно было незаметно следовать за караваном рабов и позже посмотреть, можно ли что-то сделать, чтобы товарищка его не увидела. Итак, капитан Прильвиц последовал за караваном рабов и отказался от желания узнать, что делают специальные исследователи.

Товарищку из ЗПКК после тщательного осмотра снабдили рабским ошейником и привязали к верёвке, как всех остальных рабов. Владелица каравана, как настоящий знаток, обнаружила у новой женщины особый аромат, указывающий на очень ценное молоко. Хотя из её довольно маленькой груди удалось выдавить лишь несколько капель молока, для таких проблем у работорговки было отличное персонал. Новая рабыня ещё застонет от переполненной, распирающей груди и молока, которое вскоре будет литься из неё рекой. Для ухода за новенькой специально выделили надсмотрщика. Такие, казалось бы, мелочи отличали опытную работорговку.

Капитан Прильвиц видел, как товарищку из ЗПКК включили в караван рабов. Он заметил, что она дрожала, как осиновый лист. Это он мог понять. Но не мог понять странную улыбку на её лице, которая совсем не соответствовала её дрожи. Возможно, она не осознавала своего положения. Неважно. Теперь следовать за ней было детской игрой, ведь из каравана рабов она вряд ли могла сбежать, тем более что рядом с ней шёл надсмотрщик.

Итак, капитан Прильвиц следовал за караваном рабов и видел, как разбивали ночной лагерь и как товарищку из ЗПКК изнасиловали. Ему было больно это видеть, потому что он воспринимал это как собственный провал. Но только ночью у него будет возможность освободить товарищку. Вероятно, придётся оглушить её ударом по шее во сне. Иначе нельзя, ведь она не ожидает спасителя и закричит. Главное, чтобы она не увидела своего спасителя. Перенести её будет легко — как женщина и такая худая, она наверняка весит немного; с правильной техникой он сможет нести её на плечах километрами. А потом? Сложно. Вероятно, лучше всего оставить её недалеко от перехода и самому исчезнуть.

Но внезапно произошло то, чего капитан Прильвиц не ожидал. После трёх изнасилований её необъяснимые крики, даже без того, чтобы её касались, затем зелёная вспышка и хлопок, после чего товарищка растворилась в воздухе. Капитан Прильвиц прекрасно знал, что произошло. Товарищка была в безопасности и оказалась прямо у перехода. Его раздражало, что он сам не додумался до такого простого решения. Как бы то ни было, он был освобождён от ответственности. Глупо, однако, если товарищка теперь сразу вернётся в

обычный мир. В этом случае ему понадобится *очень* хорошее оправдание. Возможно, что его задержало одно из странных явлений зоны, когда он что-то проверял. Это никто не мог проверить. Одна товарищка никогда бы не пошла обратно через зону. Если бы она это сделала, то, скорее всего, вскоре была бы мертва. Оставалось ещё две возможности: если товарищка вернётся сюда, всё остальное действительно станет её проблемой и его больше не касается. Если же она отправится куда-то ещё в Перидэисе, ему тоже ничего не нужно делать. Капитан Прильвиц решил рискнуть и попытаться снова найти специальных исследователей. Он *действительно* хотел знать, что они делают и не угрожает ли это его секретному проекту.

Но сначала ему нужно было поесть и попить, ведь он уже испытывал сильный голод и жажду. Поэтому он направился к ручью, чтобы выпить чистой воды, которая в этом мире всегда была превосходного вкуса.

Вот что произошло с капитаном Прильвицем за это время. Но теперь он стоял, ошеломлённый, в кустах у ручья и смотрел на лейтенанта, которого звали обычным именем Томас, но чаще называли Тим. В MfS обращались друг к другу по имени и на «ты», если разница в званиях не была слишком большой. Поскольку этот лейтенант раньше имел более высокое звание, это было не совсем просто. Но, во всяком случае, этого недисциплинированного парня, похоже, снова обуяла похоть, и он совершил тяжёлое нарушение действующих приказов. Капитан Прильвиц всегда был против того, чтобы таких людей поручали столь ответственные задачи. Вот, видишь, что из этого вышло.

И эта женщина!

И что за женщина. Никогда капитан Прильвиц не видел *такой* эротичной женщины. Красивые женщины: да. Очень красивые женщины: тоже. Но эта обнажённая женщина в ручье заставила капитана Прильвица вдруг понять те книги и фильмы, где мужчина из-за женщины совершенно терял голову. Это была именно такая женщина! Что она с ним делала?! Как замороженный, капитан Прильвиц смотрел на неё, пока она купалась, следил за контурами её тела, её полных округлых ягодиц, её пары таких же полных грудей с вызывающе торчащими сосками, окружёнными почти гипнотическими приподнятыми ореолами. А её женственные бёдра... это было... было... было... захватывающе. Как этот лейтенант, этот деградированный парень, умудрился заполучить это чудо женской притягательности?

В капитане Прильвице зародилось безумное желание. Возможно, это Перидэис был виноват, возможно, это потому, что капитан Прильвиц довёл себя до состояния крайнего сексуального напряжения. А как известно, сексуальное напряжение вполне может свести с ума. Капитан Прильвиц больше не владел собой. Совсем. Эту женщину он должен был заполучить. Любую другую женщину... неважно. Но эту. И был способ... у него появилась идея, как он мог бы овладеть этой женщиной. Хотя бы раз. Один-единственный раз. Иначе нельзя. Это владело им. Эта женщина... эта невероятно чувственная женщина.

Капитан Прильвиц внимательно наблюдал за парой. Да. Взгляды между ними были недвусмысленными, это явно не просто дружеские отношения, эта женщина желала лейтенанта. Она явно была в него влюблена. И это было условием для дьявольского плана, который задумал капитан Прильвиц, как бы парадоксально это ни звучало.

Капитан Прильвиц осторожно приблизился к берегу. Его тело напряглось, как пружина. Глаза сузились до щёлочек. Теперь лейтенант вышел из воды. К капитану Прильвицу, что упрощало дело. Но, к сожалению, молодая женщина смотрела в его сторону. Капитану Прильвицу пришлось немного подождать.

Лейтенант одевался. Капитан Прильвиц с удивлением посмотрел на него. Этот лейтенант, этот деградированный парень по кличке Тим, надевал форму. Но это была форма, знакомая ему из дома. Как так? Лейтенант повернулся, и капитан Прильвиц увидел, что форма не закрывает пенис. Теперь он понял. Лейтенант здесь, в этой стране, был прислужником! Предателем!

Но стоп, доложить о лейтенанте означало бы выдать самого себя. Придётся разобраться с этим самому. И он даже сможет извлечь из этого выгоду. Это вписывалось в его план.

Теперь молодая женщина посмотрела в другую сторону. Отлично! Бесшумно капитан Прильвиц приблизился к лейтенанту сзади, тщательно избегая касаться веток и не наступая на сучки на земле. Лейтенант был опытным бойцом, тут нужно было быть крайне осторожным. Прыжок! Удар сзади! Лейтенант без сознания рухнул на землю, и капитан Прильвиц ловко подхватил его руками. Ни звука не выдало того, что только что произошло. Капитан Прильвиц быстро оттащил бесчувственного лейтенанта в подлесок. Увидела ли их эта красивая женщина? Нет! Капитан Прильвиц связал лейтенанта верёвкой, которую носил с собой вместе с хлыстом, как это было принято для всех мужчин в этой стране. Верёвку лейтенанта он использовал, чтобы дополнительно связать ноги. В качестве кляпа капитан Прильвиц использовал свой галстук, ничего лучше у него не было. Он оттащил лейтенанта далеко в подлесок и привязал связанного к дереву так, чтобы тот не мог освободиться или двигаться. Капитан Прильвиц был настоящим профессионалом в таких делах, как и лейтенант. Но он победил благодаря неожиданности, матери большинства побед, как любил говорить капитан Прильвиц.

Затем капитан Прильвиц осторожно, но быстро вернулся к ручью, к этой восхитительно красивой женщине.

Восхитительно красивая женщина уже оделась. В своём платье с открытой грудью она выглядела сногшибательно. Платье идеально обрамляло её грудь, а юбка подчёркивала женственные бёдра и ягодицы так, что это было почти невозможно превзойти. Красивая женщина уже заметила исчезновение Тима. Но она, похоже, не паниковала. Значит, она не видела похищения. Но капитану Прильвицу и не нужно было её перехитрить.

Капитан Прильвиц вышел из леса.

Алиша вскрикнула от неожиданности.

Этот человек у меня в руках, сказал капитан Прильвиц так спокойно, как только мог. Но он не был спокоен. Он не мог смотреть Алише в глаза. Она лишала его рассудка. Как хорошо, что план уже был готов. Капитан Прильвиц сглотнул. Этот человек у меня в руках, повторил он хриплым голосом. Ты можешь его вернуть, но это имеет цену.

Прошёл миг.

Какую?, спросила Алиша, внимательно разглядывая незнакомца. Он не выглядел глупым, мускулистый, излучал силу, но также упрямство и фанатизм. Этот человек был определённо серьёзен. И он, без сомнения, победил Тима. Бедняга. Это уже второй раз, когда его одолели. Это точно подорвёт его уверенность в себе.

Алиша лихорадочно думала. По-настоящему им ничего не могло случиться. Таковы были правила здесь. На это можно было рассчитывать, она была в Перидэисе. Но этот человек напоминал ей о совсем другой опасности, и эта опасность была дома. Этот человек выглядел во всём, в каждой своей черте, как человек из Штази. Алиша выросла в Берлине, и обычных людей из Штази, которых в некоторых районах города можно было встретить на каждом шагу, она узнавала даже ночью. По крайней мере, официальных. Тайных, вероятно, нет. Но официальные имели такой высокомерный взгляд, такую отвратительную короткую стрижку и такую ужасную гражданскую одежду, что их просто *невозможно* было не узнать. Что-то отпечатывалось у них в лице. И в манерах. И в одежде, даже если они не носили форму. И в речи. Алиша не могла бы осознанно сказать, что именно, но что-то она узнавала подсознательно. Так же, как в больнице она могла со стопроцентной уверенностью отличить врачей от медсестёр. Она долго гадала, в чём разница, и размышляла о выражении лица и причёсках. Но одна медсестра рассмеялась и объяснила ей, что кители врачей застёгиваются спереди, а у медсестёр — сзади. Всё так просто. И какие сложные теории она строила до этого... Но сколько бы особенностей ни было у людей из Штази, этот человек определённо объединял в себе *все* эти признаки. Алиша на миг подумала, не может ли он быть одним из специальных исследователей. Она не видела его с ними, но... всё же отбросила эту мысль. Одежда слегка отличалась, но в важных деталях, и лицо выглядело иначе. Этот человек выглядел... более штазистским..., подумала Алиша. Совершенно точно. Но почему у меня нет того сердцебиения, которое я должна была бы испытывать в такой ситуации? Того чувства, будто мне угрожает ядовитая змея, как я знаю из дома? Что теперь по-другому?

Капитан Прильвиц мог бы ей это объяснить. Он не владел собой. По сути, эта женщина могла бы делать с ним всё, что угодно. Она просто этого не знала.

Какую цену?, спросила Алиша, искренне обеспокоенная.

Один раз.

Что? — Алиша была в замешательстве.

Ты должна один раз принадлежать мне, поспешно сказал капитан Прильвиц и добавил: Видишь, это совсем немного. Потом ты получишь своего друга обратно.

Алиша была потрясена и одновременно испытала облегчение. Это было нечто, что быстро закончится, ничего принципиального, ничего вечного. И, по крайней мере, этот человек не был мерзким, от которого потом долго чувствуешь себя грязной. Сволочь, конечно, но, по крайней мере, настоящий мужик. Не сволочь без задницы. Алиша действительно так подумала.

Ты делаешь этого парня привлекательным для себя, внезапно подумала Алиша. Капитан Прильвиц наблюдал за мимикой Алиши и с облегчением выдохнул, поняв, что у него есть шансы хотя бы раз ею овладеть. Он продолжил: Но я хочу, чтобы ты действительно отдалась. И старалась. Всё остальное не считается.

Алиша лихорадочно размышляла. Этот человек держал её в своих руках. Умный, тренированный в ближнем бою громила, у которого к тому же был Тим. Он всё равно мог бы её взять. Чего же он хотел? Похоже, чувства, что его принимают. По сути, её задачей было лишь действительно дать ему это чувство, всё остальное в её текущей ситуации не было предметом торга. Но предположим, она сейчас сыграет хорошую проститутку, где гарантия, что он сдержит своё обещание?

Алиша задала вопрос вслух. Откуда мне знать, что ты сдержишь своё обещание? — Алиша сознательно заставила себя говорить ему «ты», что ей далось с трудом.

Капитан Прильвиц был готов, ведь он тщательно обдумал этот вопрос. Включая то, что ему самому нужно сохранить секрет и выполнить задачу. Очень просто, сказал капитан Прильвиц. Твой друг не только незаконно здесь, но и совершил предательство. Я прекрасно знаю, что означает эта униформа (форма прислужника, к сожалению, лежала на виду). Но я сам, по сути, тоже не должен здесь быть. Это далеко не так серьёзно, как его предательство, но всё же. Твой друг хочет тебя снова увидеть. Для этого он должен иметь возможность вернуться сюда. Но я тоже хочу возвращаться в эту страну. Если один выдаст другого, оба окажутся в проигрыше. Ведь никто не может видеть другого здесь, не будучи сам здесь незаконно. Если это вскроется, путь сюда будет закрыт для нас обоих. Навсегда. Так что у нас обоих есть интерес не выдавать друг друга. Но ты должна разовым служением мне компенсировать то, что я вкладываю в сделку гораздо больше. Ведь если я не сообщу о его предательстве, я сам стану виновным в предательстве.

Капитан Прильвиц замолчал. Он вдруг почувствовал себя опустошённым.

Алиша лихорадочно размышляла. Играет ли этот человек, несмотря на шантаж, более-менее честно? Погоди, подумала Алиша. Он умалчивает, что есть другие возможности. Тиму *не обязательно* возвращаться в ГДР и к Штази. Хорошо, он не сможет, как беглец через стену, вернуться на родину. Это правда. Но возможность всё же есть. Если она отдастся, будут ли решены все проблемы?

Нет. Не будут. Этот человек всё равно будет держать Тима в своих руках. Проступок против предательства; он сам лишь незаконно вошёл в Перидэис, а Тим у них считается настоящим перебежчиком, предателем. Кто знает, не будет ли это стоить Тиму головы, тогда как другой выставит себя героем. Но что делать?, в отчаянии подумала Алиша. Этот человек держит Тима, это факт. Но, с другой стороны, возможно, он действительно так же боится быть выданным. Даже подозрения может хватить, чтобы Штази перевели его куда-то ещё. Не накажут, но переведут. В место, откуда он больше не сможет попасть в Перидэис. Поэтому он действительно должен быть заинтересован в том, чтобы ничего, абсолютно ничего о его пребывании здесь не узнали.

И он сам себя сейчас ставит в неправую позицию.

Алиша ухватила за эти мысли. Она подавила волнение, опустила взгляд в землю и сказала: Я согласна. Я отдамся. Ты овладеешь мной один раз, и я очень постараюсь тебя удовлетворить. А ты вернёшь мне Тима?

Капитан Прильвиц кивнул, задышавшись. Говорить он не мог. Возбуждение мешало.

И ты твёрдо обещаешь никогда не выдавать Тима?

Капитан Прильвиц снова кивнул.

Алиша обеими руками потянулась назад и развязала бант, державший её платье. Она механически ослабляла шнуры на спине указательными пальцами. Затем она свела плечи, и платье соскользнуло по её рукам на землю. Поскольку под платьем у Алиши ничего не было, она стояла перед капитаном Прильвицем голая.

Капитан Прильвиц застыл перед ней.

Как ей быстрее всего это пережить? Парадоксально, но, вероятно, тем, что она максимально возбудит этого человека. Если она сделает то, что у мужчины быстро вызовет оргазм. Она читала в одном романе, как проститутка развивала величайшее мастерство только для того, чтобы как можно быстрее добраться до следующего клиента и, естественно, до его кошелька. В той книге проститутка, среди прочего, писала, что хорошая проститутка не смотрит вызывающе, как дешёвая шлюха, а скорее немного стыдливо, с намёком на покорность.

Это Алиша и сделала. Она опустила голову и посмотрела на мужчину слегка стыдливо. Но при этом она слегка покачала бёдрами и чуть-чуть раздвинула пальцами половые губы. Не заискивающе, а так, будто её заставили себя предлагать. Она посмотрела на мужчину снизу вверх с максимально покорным взглядом и слегка приоткрыла рот.

Капитан Прильвиц мгновенно отреагировал, как и хотела Алиша. Он поспешно избавился от своей одежды. Нет, он не хотел брать Алишу одетым, с опущенным клапаном брюк. Это показалось бы ему осквернением. Вот она стояла, эта пьянящая красота молодой женщины, стояла и готовилась к нему. Она держала своё лоно открытым для него и слегка двигала тазом навстречу. Теперь она опустилась на землю. С широко раздвинутыми бёдрами. И предлагала ему своё сокровенное. Она отдавалась ему. И её покорный взгляд

лишил капитана Прильвица остатков разума.

Алиша с некоторым удивлением осознала, что её изнасилование оказалось менее драматичным, чем она ожидала. Возможно, Перидэис сыграл в этом главную роль, ведь здесь всё воспринималось как во сне: ничего действительно серьёзного не могло случиться; по-настоящему экстремальные вещи не происходили, собственные желания не полностью игнорировались, забеременеть было невозможно, болезней не существовало. И этот человек, по крайней мере, не был отвратительным. Если бы он не был таким подлецом, из него могло бы что-то получиться. Но главное, в Алише работало осознание того, что она делает это ради Тима, жертвуя собой ради него, спасая его...

Мужчина, который теперь вонзился в неё и яростно её брал, изогнулся и приник ртом к одной из её грудей, чтобы пососать. Хотел ли он излиться? Конечно, хотел. Тут Алиша заметила, что из её грудей, похоже, всё это время текло молоко. Её живот был мокрым от него, у мужчины на одежде был заметный большой влажный след, и молоко стекало по бокам Алиши. Почему так? Неужели она возбуждена? Похоже, да. Почему, собственно? Возможно, потому что она думала о Тиме. Это был хороший путь! Её любимый. Она отдавалась ради него, чтобы спасти его. Всё и даже больше она сделает, если это поможет ему. Алиша чувствовала, что её вульва совершенно мокрая. Но должен ли этот проклятый организм так сильно преувеличивать? Нет, она же думала о Тиме, всё было в порядке. Хорошо для неё, ведь она не будет натерта, и хорошо для мужчины, ведь так он быстрее кончит. Алиша решила отпустить себя, ведь притворяться по-настоящему ей было тяжело. Она крепко думала о Тиме, о том, как он возьмёт её, когда сможет. Да, это работало. Алиша невольно застонала. Хорошо. Она отбросила сдержанность. Пусть этот человек использует её для своего удовольствия, мысли свободны, и она сама мечтала, что её берёт Тим. Мужчину, который её сейчас брал, Алиша использовала как мальчика для утех, чтобы приправить свои фантазии реальными ощущениями. Это работало. Пути рая часто удивительны, но они удивительны, подумала Алиша. Ей нужно только дождаться, пока её тело не объявит оргазм, как чайник свистом объявляет, что огонь достаточно нагрел воду. Она лишь делала вид, что поддаётся, но ничего не делала. Он делал, как плита с чайником. И скоро у неё будет оргазм, который, вероятно, не будет одним из худших в её жизни. Так и произошло. Хорошо постарался, мальчик для утех, но этот совсем неплохой оргазм я всё равно посвящаю моему любимому. Его зовут Тим. И только он будет по-настоящему мной обладать. И поскольку оргазм, даже совсем неплохой, не происходит без того, чтобы один орган определённым образом не обхватил другой, капитану Прильвицу тоже стало невмоготу, и он в высшем наслаждении, толчок за толчком, изливал своё семя бесконечно глубоко в лоно этой прекрасной женщины.

Алиша лежала на спине в траве и приходила в себя. Ей было немного стыдно, что она позволила себе расслабиться. Но она не осмелилась сомкнуть ноги,

чтобы не выглядеть отталкивающе. Не сейчас, когда цель была так близко. Но вместо этого она сжала вульву, отчего навязанное семя потекло по её бёдрам на землю. Не всё, наверное, но большая часть. Что бы здесь выросло, если бы семя могло производить растения? Глупая мысль.

Капитан Прильвиц лежал на боку, чувствуя невероятное облегчение, почти лёгкость, как у птицы, и ни о чём не жалел. Эта шлюха этого хотела, это было ясно слышно и заметно. Нет. Не шлюха. Она ею не была. Она действительно не была. Эта прекрасная женщина.

Капитан Прильвиц в итоге пришёл в себя. Наконец он встал и оделся. Я сдержу своё обещание, сказал он твёрдо. Пойдём.

Алиша вскочила и последовала за мужчиной. Голая.

Капитан Прильвиц действительно привёл её к Тиму, который уже очнулся и смотрел на капитана Прильвица широко раскрытыми глазами. Капитан Прильвиц вынул кляп из его рта и даже развязал верёвки. Не полностью, но так, чтобы Тим мог сам справиться с остальным.

Слушай, сказал капитан Прильвиц. Ты совершил предательство, я — нет. Но всё же я нарушил приказ. Теперь у нас есть договор. С компенсацией, которую твоя подруга уже за тебя заплатила. Если ты играешь по правилам, можешь продолжать как раньше, и я не буду пересекать твои пути. А я, со своей стороны, продолжаю как раньше, и ты не пересекаешь мои пути. Никто официально не знает о другом, каждый из нас молчит. У каждого свои выгоды. Если не играешь по правилам, рискуешь своей шеей, ты это знаешь. Пусть твоя подруга объяснит тебе остальное. Только одно: мой вклад действует при условии, что ты не попытаешься мне навредить. Если попытаешься или будешь шпионить за мной, я волен сдать тебя. Это понятно?

Тим бледно кивнул. Он был безумно рад выбраться из этой ужасной ситуации.

Капитан Прильвиц исчез среди деревьев. Ни Алиша, ни Тим не испытывали ни малейшего желания следовать за ним.

Долгое время царила тишина.

Сдержит ли он своё обещание?, спросила Алиша.

Думаю, да, ответил Тим после долгой паузы. Каждый, кто хоть раз видел Перидэис, многое теряет. Он тебя изнасиловал?

Таков был уговор, ответила Алиша.

Это было тяжело?

Нет.

Хочешь поговорить об этом?

Да, немного. Он не приблизился ко мне по-настоящему. Мне, честно говоря, гораздо важнее, чтобы он сдержал свою часть сделки. В остальном я скорее зла на него. Но не столько из-за самого изнасилования, сколько из-за того, что он встал между нами. Потому что он посмел посягнуть на моё счастье.

Твое счастье?, хрипло спросил Тим. Я так важен?

Да. У Алиши были слёзы на глазах. Затем она добавила: Но правда не из-за изнасилования; в других случаях я бы отряхнулась и думала о более важном. Нет, я имею в виду экзистенциальную угрозу в его действиях. Это я ему действительно вменяю.

Тим глубоко вздохнул. Через несколько мгновений он вдруг улыбнулся и лукаво сказал: Я вижу кое-что, чего ты не видишь.

Настроение Алиши мгновенно улучшилось. Как это выглядит?

Это прозрачное, и его можно услышать.

Его можно услышать? — Алиша огляделась. А! — воскликнула она, — вон там настоящий фонтан!

Это был симпатичный источник. Струя воды была примерно на полтора метра вверх из отверстия в скале, а затем стекала тонким ручейком к ручью.

Пойдём, позвал Тим, освободился от остатков верёвок и потянул всё ещё голую Алишу к источнику.

Что ты хочешь сделать?, спросила Алиша в замешательстве.

Ты когда-нибудь слышала о так называемом «женском душе»?

Нет, но я догадываюсь.

Тим рассмеялся. Это старинное средство контрацепции. После секса пытаются водой вымыть сперму из влагалища. Не совсем надёжный метод, но если был незащищённый секс, это, похоже, всё ещё лучше, чем ничего. Есть удобные с резиновым баллоном для накачивания и насадкой для введения во влагалище. А в большом варианте — с ведром и шлангом. Здесь у нас природный женский душ. Давай, залезай, ты почувствуешь себя чище внутри.

Это была действительно хорошая идея. А затем Алиша ещё искупается в ручье.

Она осторожно встала над источником, сначала придерживая струю воды рукой. Но её сила оказалась в самый раз. Алиша раздвинула половые губы и направила струю прямо внутрь влагалища. Она чувствовала, как вода достигает самых дальних уголков и тщательно очищает. Алиша закрыла глаза, замерла в этой позе и лишь слегка покачивала бёдрами, чтобы направить струю повсюду. Вода текла, текла и текла.

Хватит уже, раздался издалека голос Тима.

Алиша открыла глаза. Теперь я чувствую себя хорошо, сказала она. Давай ещё немного искупаемся в ручье, хорошо?

Они вернулись к своему старому месту для купания и долго плескались.

Теперь я чиста, сказала Алиша наконец. Вдруг она рассмеялась. Я не буду так усложнять каждое следующее изнасилование. Только это было не совсем по моему вкусу.

Другие были?

Если они такие, как в моих влажных снах, то да. С этим тебе придётся жить.

Тим рассмеялся. Не думай, что мне это безразлично, сказал он, но я надеюсь, что твоя жертва действительно заставит его молчать, тем более что он, вероятно, будет чувствовать себя виноватым.

Думаешь?, спросила Алиша.

Он обычно цепляется за буквы, параграфы, правила и инструкции. А теперь его накрыло, и он дал себе волю. Изнасилование! Подумай. Он же полностью потерял контроль над собой. Думаю, это будет его сильно занимать. Это дополнительный козырь для нас.

Алиша нашла это не лишённым логики. Но всё равно беспокоилась.

Мне ещё кое-что пришло в голову, сказала Алиша. Я бы хотела ещё раз потренировать вспышку.

Сложно, сказал Тим. В начале для практики обязательно нужен очень впечатляющий ориентир.

Давай возьмём место, где меня изнасиловали, серьёзно сказала Алиша.

Серьёзно?

Да.

Не слишком ли это?

Нет!, твёрдо сказала Алиша. Избегание — худший способ преодолеть страх. Так я не останусь игрушкой событий, а сама займу воспоминание об этом месте другим смыслом. Пойдём! Я не ханжа и не сверхчувствительная мимоза, и я влепила пощёчину одной девчонке из класса, после того как она донесла на меня за поцелуи.

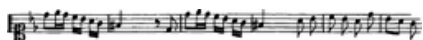
Они начали практиковаться. Через десять минут у них был первый успех. С зелёным огнём, облаком дыма и запахом серы. Следующий успех пришёл быстрее, и затем всё становилось лучше и лучше.

Может, нам действительно стоит попробовать менее приятные места в качестве цели, сказал Тим наконец.

Позже, ответила Алиша. Сегодня я уже довольна.

Но мы всё равно на всякий случай ещё раз добудем кристаллы. Мало ли.

Так они и сделали. Остаток вечера прошёл довольно спокойно. Алиша наслаждалась, как Тим пил её жизненный эликсир из её груди, но отказалась от привычной небольшой расслабляющей процедуры с пальцем. Тесно обнявшись, они заснули.



Перекрёсток

Когда утром Алиша и Тим проснулись, Алиша пробормотала: «Больше товарищей нам сейчас не нужно, правда? Или это заколдованное место, на котором лежит злой рок?»

Тим рассмеялся. «Честно говоря, я не знаю, — ответил он. — Здесь где-то рядом должен быть переход, через который я впервые попал сюда, но я ещё не видел ничего знакомого. Если появятся ещё такие, мы узнаем».

«Не накликай», — сказала Алиша и заткнула ему рот своей грудью.

«Как можно вообще от такого отказываться?» — спросила Алиша, когда Тим наконец насытился. — «Я имею в виду, это так приятно, эта близость просто непревзойдённая, это не утомительно, делает грудь больше, помогает удобно сжигать лишние калории, мужчины и так хотят этого, так почему люди стесняются? Из-за морали и приличий?»

«А мораль и приличия — это *всегда* хорошо?» — спросил Тим в ответ.

«Похоже, что нет», — проворчала Алиша.

Они устроили неприлично обильный завтрак. Курица заглянула к ним и специально для них снесла четыре свежесваренных яйца. На булочном дереве Алиша чуть не обожгла пальцы, настолько свежими были булки, фруктов и овощей было в избытке, нашлись и вполне приличные кофейные плоды, сливки для кофе у Алиши были свои, только масла им немного не хватало. Алише нужно было когда-нибудь научиться делать масло, или им стоило взять его с собой. Женское масло работорговки её, во всяком случае, впечатлило. Возможно, всё-таки стоило брать с собой хотя бы несколько мелочей в качестве дорожного багажа, вместо того чтобы полагаться на то, что Перидаэс всегда всё предоставит сам по себе.

Затем они снова отправились в путь. По дороге из лазурного кирпича.

Недолго спустя они вышли к перекрёстку. Направо вела лазурно-голубая мощёная дорога, налево — дорога с серым мощением, а прямо — дорога, выложенная жёлтыми камнями. И как четыре дороги, здесь сходились четыре долины, все окружённые крутыми скалами, и все были такими красивыми, что невозможно было выбрать, какую предпочесть. Но для Алиши и Тима путь был ясен: они последуют по дороге из лазурного кирпича.

«Я знаю этот перекрёсток!» — взволнованно воскликнул Тим. — «Налево ведёт к переходу, через который я всегда проходил».

«А по нашей дороге ты никогда не ходил?» — спросила Алиша.

«Нет, — ответил Тим. — Но долин здесь бесчисленное множество, так что это не такой уж большой случай. Но отсюда я знаю дорогу и без описания».

«К городу Красных Роз?»

«Точно. Это наша главная цель. Там у тебя будет аудиенция у Пери».

«Она красивая?»

«Да, очень».

«И могущественная?»

«Тоже».

«И умеет колдовать?»

«Да. — Тут мой сухой материализм, честно говоря, не помогает. Она умеет такое, что мне совершенно непонятно. Только мои общие размышления о Перидаэсе тут выручают».

«Пощади меня с этим», — рассмеялась Алиша. — «Запомним, что *здесь* она, во всяком случае, умеет колдовать?»

«Да».

«И летать?»

«Это и ты умеешь, как ты прекрасно знаешь».

«Да-да, и прыжок ведьмы. Кстати, нам стоит раздобыть новое кошачье золото...»

«Хорошая идея!»

«...и волшебное молоко у меня есть».

«И ты можешь научиться большому», — закончил Тим.

«Но разве я, как ведьма, не стану чем-то вроде Пери?»

«Никогда не смей задавать Пери такой вопрос. Ты ничто по сравнению с ней. Даже если мы по сути ничем не отличаемся от Пери, у них всё равно старшинство, и они знают некоторые секреты и имеют доступ к вещам, которые нам недоступны. Никогда не теряй уважения к Пери, даже если они не всемогущи!»

«Я уже молчу», — сказала Алиша. — «Я просто любопытная».

«Ой, кто это?!» — добавила Алиша, указывая вперёд.

Это была товарищка из ЗПКК, которую увидела Алиша. Она действительно снова оказалась у перехода, естественно, голая, как всегда в таких случаях, но не вернулась в обычный мир. У неё были причины, по которым она пришла в Перидэис, и здесь произошли вещи, которые заставили её задуматься. Всё казалось правильным, и она чувствовала себя в безопасности, поэтому осталась. Многое ощущалось правильным, но была и последняя капля, переполнившая чашу причин: она пережила всё с глубоким чувством счастья, и уродливый гном появился только тогда, когда она подумала о своей жизни снаружи, но что-то унесло её прочь, спасло от старого «я»! Вернувшись ко входу в это царство, царство подарило ей ещё один подарок, словно извиняясь — её грудь, упругая и девичья, внезапно драматически увеличилась, мучительная и в то же время невероятно приятная боль безжалостно и сильно накачивала грудь, делая видимыми голубые вены по бокам, её соски, раньше лишь как бутоны, стали твёрдыми и большими, а ореолы выпукло выступали наружу. И пока товарищка из ЗПКК, Гизела, задыхаясь от боли и удовольствия, замороженно глядя на собственную грудь, опустилась на колени, произошло нечто великое, что ощущалось исконно женским: из её сосков сначала выступили отдельные капли молока, затем они превратились в ручеёк, стекающий по груди на бедра, пока наконец из двух ручейков не забил фонтан. Гизела пережила состояние экстатического счастья, когда обе груди выбрасывали молоко множеством струй в пейзаж. И там, где молоко касалось земли, из травы мгновенно вырастали нежные цветочки. Никогда Гизела не испытывала боль так счастливо и сладостно, никогда она вообще не была так счастлива.

Тогда Гизела, бывшая товарищка из ЗПКК, приняла окончательное решение.

Она же не была глупой. У неё было примерное представление о том, что здесь происходит, и, главное, чего здесь не происходит. Были определённые вещи, касающиеся её самой. Она чувствовала, что здесь сможет разобраться с этими вещами к своему удовлетворению. Но на этот раз своими путями, не следуя за кем-то по пятам и не ступая в чьи-то следы.

Гизела, и это, вероятно, было связано с некими снами в самых сокровенных уголках её души, очень быстро попала в руки охотника за рабами. Это был очень грубый, мускулистый охотник за рабами с внушительным пенисом, у которого, кроме Гизелы, была ещё одна рабыня на привязи — его сунамитка⁵⁴, дорожный провиант.

Алиша и Тим, на всякий случай спрятавшиеся в кусты, наблюдали, как охотник за рабами проходил мимо со своими двумя рабынями.

«Она не выглядит несчастной», — сказал Тим. — «Похоже, она не выдаст секреты Перидэиса».

«Почему ваши агенты вообще выдают Перидэис, если, как вы говорите, Перидэис „развращает“?»

«Всё просто: Штази решает, могут ли они вернуться. Поэтому они пытаются вести двойную игру. Но Штази сопоставляет всё с отчётами из других источников, умело и дружелюбно тычет им этим в нос и создаёт впечатление, что они и так всё знают. Или, по крайней мере, всё выяснят. И к тому же они делают вид, что считают Перидэис потрясающим и просто хотят его изучить, проверить, нет ли неизвестных источников опасности. И ещё всякое в таком духе. Поскольку они выставляют себя друзьями Перидэиса и посвящёнными, внедрённым агентам не всегда очевидно, что они доносят».

«Какая мерзость», — вздохнула Алиша. — «Скоро ли мы оставим это царство демонов позади?»

«Думаю, мы больше не встретим таких товарищей», — успокоил её Тим. — «Во-первых, мы удаляемся от этого перехода, а во-вторых, такое количество людей из обычного мира — это действительно большое исключение. Поверь, я точно знаю. К тому же я тот, кому нужно быть осторожным. И у меня больше нет опасений».

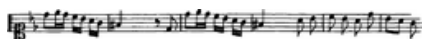
«Точно?»

«Точно».

«Тогда это хорошее место, чтобы ещё раз добыть кошачье золото; мне не по себе при мысли, что пришлось бы снова проходить последний отрезок пути, даже если это был ценный опыт».

54 Сунаммитка: имя по библейской фигуре Авишаг из Сунема, но засвидетельствовано во многих небиблейских культурах. По древним верованиям, юная женщина, которая одним своим присутствием должна приносить мужчине здоровье или долгую жизнь. Это, в зависимости от традиции, происходит через её аромат или, например, её молоко. В Перидэис, конечно, имеется в виду молоко.

И они добыли новое кошачье золото из одной из близлежащих скал, чтобы на всякий случай иметь новое место для бегства.



Песчаная дорога

Алиша и Тим шли по дороге из лазурного кирпича. То, что здесь часто проходили люди, было заметно по тому, что их однажды оскорбил попугай с красно-жёлтыми перьями, который знал *действительно* неприличные слова. Это ещё можно было пережить. Животные в Перидэисе ведь могли говорить, пусть и немного. Но этот попугай явно перегибал палку, целенаправленно их раздражая, а не просто так. В итоге Алиша и Тим начали кидаться в попугая фруктами, камнями и прочим. Лишь однажды Тим попал точно в цель, так что птицу отбросило метров на три. Но этот подлый попугай сделал вид, будто это совершенно безразлично. В конце концов Алише пришла в голову идея целенаправленно оскорбить попугая в ответ. Идея была не такой уж далёкой, ведь берлинский уличный жаргон предоставляет богатый арсенал для таких случаев, который даже самая приличная женщина невольно усваивает хотя бы пассивно, просто слыша его. После нескольких попыток выяснилось, что попугай особенно чувствителен к цвету своих красно-жёлтых перьев. И вот оно! Тогда Алиша выкрикнула: *Красный и жёлты — вид неумелый!* — и злорадно захихикала.

Это подействовало как заклинание! Попугай отстал. Всё тише Алиша и Тим слышали его повторяющееся *Красный и жёлты — вид неумелый!*, но голос больше не приближался.

«Наконец-то мы от него избавились», — сказала Алиша.

«Похоже, мы ещё и научили его новому оскорблению».

«Если это помогает?»

Тим рассмеялся. «Создавая любое оружие, всегда нужно помнить, что оно может быть использовано и против тебя. Разве нет?»

«Никогда, никогда, *никогда* я не надену зелёное с синим вместе». Алиша передёрнулась.

Песчаная дорога ответвлялась вправо в другую долину.

«Я всегда хотел пройти по этой песчаной дороге», — сказал Тим. — «Говорят, через несколько дней она снова выходит на дорогу из лазурного кирпича, но она чуть длиннее. И, как мне рассказывали, у неё нет боковых ответвлений, так что заблудиться невозможно. На ближайшие дни дорога из лазурного кирпича не предлагает ничего особенного, кроме того, что она, как всегда, красива. Может, сделаем небольшой крюк по песчаной дороге?»

«Ты знаешь, что нас там ждёт?»

«Понятия не имею, я же сказал, я никогда по ней не ходил, и мне никто о ней не

рассказывал».

«А дорога из лазурного кирпича правда ничего особенного не предлагает в ближайшие дни?»

«Скучно, как красивое ню-фото».

«Как красивое ню-фото?! Что за глупое сравнение?»

«Оно просто красивое», — сказал Тим, — «но не более того. В конечном счёте, смысл ню-фото в том, чтобы не быть по-настоящему интересным. Как только оно становится интересным, это уже не ню-фото».

Алиша громко рассмеялась. «Пойдём по песчаной дороге. Ты меня убедил».

«У меня есть ещё идея», — сказал Тим. — «Не хочешь ли ты пойти вперёд, а я догоню тебя через час-два?»

«Зачем?»

«Мы никогда этого не делали, кроме самого начала. Ты бы увидела вещи из *твоего* собственного мира. Без необходимости идти на компромисс с вещами из моего собственного мира».

«Одна? Хм».

«Я же буду за тобой. Если с какого-то момента ты захочешь, чтобы я снова был рядом, просто остановись и жди меня. Неважно, сколько раз и по какому поводу. У нас куча времени, чтобы заняться чем-то интересным».

«Договорились», — сказала Алиша. — «Этой капли безопасности мне достаточно. Я оставляю тебя здесь, мой защитник, а ты, как обещал, последуешь через час».

«Через час или два».

«Через час».

«Час или два».

«Ладно».

После прощального глотка (Алиша настояла) она весело отправилась в путь одна. По песчаной дороге. У неё вообще не было никаких опасений. Но мало ли, правда? Окончательно её убедила мысль, что слишком маленький промежуток лишит приключение настоящей остроты.

Песчаная дорога сначала вилась через узкую долину, которая порой становилась почти тёмной, настолько она была узкой. Иногда Алише приходилось прыгать через небольшой ручей, который протекал через эту долину. Песчаная дорога каждый раз вела прямо через ручей. Мостов здесь не было. Даже камней, которые кто-то мог бы положить в ручей. Да и зачем, если ходишь босиком.

В одном месте высокие крутые скальные склоны на сотни метров были сплошь покрыты тёмно-фиолетовым морем цветов, источающим одуряющий аромат. Там было невероятное количество разноцветных бабочек, которые собирали нектар с цветов. Алише пришлось буквально пробираться через эту толпу бабочек, чтобы продолжить путь.

Когда цветочные скалы закончились, долина расширилась в небольшую

равнину, и ручей разделился. Одна его часть текла прямо вдоль скалы слева, огибая равнину, а другая — вдоль скалы справа. Сама равнина была одной большой лужайкой с сочной высокой травой и множеством цветов. А посреди почти круглой долины возвышалась каменная башня. Алиша невольно направилась к этой башне, ведь песчаная дорога вела именно туда.

Что могло быть в этой башне?

Алиша пошла дальше. На пути к башне она испугнула зайца, который бросился наутёк, и крошечную лошадку, которая дала себя погладить. Она была едва полметра высотой, но выглядела, по мнению Алиши, необыкновенно красивой.

Когда Алиша приблизилась к башне примерно на двести метров, она вдруг услышала, как поёт женщина. Сначала она подумала, что ей показалось, но, остановившись, поняла, что это точно: женщина пела. Алиша разглядывала башню. Странная башня — внизу не было видно двери, а единственное окно находилось наверху. Может, дверь была с другой стороны? Что это за башня такая? Алиша подумала о губительных сиренах. Или о ведьме. Нет. Она не будет подходить ближе без тщательной разведки.

Осторожно Алиша обошла башню широким кругом, стараясь наблюдать за ней так, как, возможно, сделал бы Тим. Высокая трава делала это проще.

Пение больше не было слышно. С другой стороны башни тоже не было двери. И сверху не было других окон.

Алиша завершила круг и вернулась туда, где начала.

Стоит ли подходить к башне ближе?

«Не пугайся!» — раздался голос за её спиной.

Алиша чуть не обмочилась от страха и обернулась.

Это был Тим.

«Я чуть не обмочилась от страха!»

«Извини, я не хотел. Но это ведь не так страшно».

«Почему?» — возмутилась Алиша.

«Потому что на тебе нет трусов».

Теперь Алиша рассмеялась. Она была рада, что Тим здесь. И как ещё он мог дать о себе знать?

«Кто может быть в этой башне?» — спросила она Тима. — «Я не решаюсь подойти ближе».

«Давай посмотрим».

«А если там что-то опасное? Башня странная! Внизу вообще нет двери, а наверху только одно окно. И я слышала, как пела женщина».

«Тогда ты уже многое выяснила. Больше мы узнаем, только если подойдём».

«Иди ты первым».

«Пойдём вместе!»

«Нет, иди ты первым».

«Да что там может быть?»

«Женщина».

«И что?»

«Кто знает, кто это!»

Тим вздохнул. «Ладно, я иду», — сказал он. И пошёл. Прямо, без малейшей осторожности.

«Типичный мужик», — подумала Алиша. — «Вечно им надо лезть напролом». С другой стороны, было удобно, что есть мужчины, которые могут взять это на себя. Она последовала за Тимом, держась на осторожном расстоянии и хорошо укрываясь в высокой траве.

Теперь Тим добрался до башни. Алиша осталась спрятанной в траве.

Вдруг снова послышалось пение женщины.

Тим отошёл от башни на несколько метров, прикрыл глаза ладонью от солнца, стоявшего прямо над ними, и посмотрел вверх. Вдруг он рассмеялся.

Почему он смеётся?

Тим вернулся к Алише. «Там наверху Рапунцель», — сказал он.

Алиша была ошеломлена. «Рапунцель? Серьёзно? С чего ты взял?»

«Посмотри наверх!»

Алиша подбежала к месту, где стоял Тим, прикрыла глаза ладонью от солнца, стоявшего прямо над ними, и посмотрела вверх. Тут она тоже рассмеялась.

И правда! Там наверху стояла блондинка-красавица, пела, расчёсывала свои невероятно длинные волосы и заплетала их в невероятно длинную косу. Всё совпадало. Уединённая местность, башня без двери, красивая блондинка с невероятно длинными волосами...

Тим спросил: «Может, мне крикнуть? Ты же знаешь: „Рапунцель, Рапунцель, спусти свои волосы!“»

«Не смей!» — ответила Алиша.

«Но почему? Тогда мы точно узнаем».

«Мы и так точно знаем», — мрачно сказала Алиша. — «Но если она спустит волосы, ты полезешь наверх и будешь ублажать её вместо меня, а в итоге придёт ведьма и сбросит тебя с башни. Вариант без проблем с ведьмой — это если ты возьмёшь меня здесь, в траве, а Рапунцель будет смотреть. И к тому же: почему эта глупая девица не прибьёт косу гвоздём к оконной раме изнутри и не спустится сама?»

Тим рассмеялся: «Но тогда ей пришлось бы отрезать косу внизу».

«Признаю, она этого не сделает», — сказала Алиша. — «У баб красота важнее практичности».

«Ты правда хочешь оставить её сидеть там в башне?!»

«Цена слишком высока. К тому же кто-то другой вытащит этот горячий уголь из огня, ведь история должна исполниться. Вместо тебя придёт другой спаситель, будет возиться с Рапунцель, его поймут, выколют глаза и так далее».

«Ты уверена?»

«Абсолютно. Но это точно будешь не ты, даже если мне придётся вырвать Рапунцель волосы по одному».

«Ну, послушай, она же не виновата».

«Это не имеет значения».

«Я сдаюсь. Пойдём дальше?»

«Да».

Сверху всё ещё доносилось пение.

«Она нас вообще не заметила», — сказала Алиша, когда они уже отошли от башни. — «Так что тебе не нужно чувствовать себя виноватым. Ничего не изменилось».

«Послушай», — спросил Тим, — «ты серьёзно, что у женщин красота важнее практичности?»

«Отчасти да. Ты сам этого не замечаешь?»

«Заметно, по крайней мере, в сравнении с мужчинами».

«А с кем ещё сравнивать, кроме мужчин?» — вставила Алиша.

«Не совсем так», — ответил Тим. — «Есть же геи, лесбиянки и, наверное, всякие промежуточные варианты».

«Признаю, да. Но не в массе, а ведь именно масса имеет значение, когда речь о норме, о главном образце».

«Я всегда задавался вопросом, не является ли украшательство и наряды у женщин результатом внешних обстоятельств», — сказал Тим, — «воспитания, общества, моды и так далее».

«Ни в коем случае», — сказала Алиша. — «Хорошо, отчасти всегда, конечно. Но в основном я считаю, что это внутренний порыв, который у женщин и девочек есть просто от природы. С самого начала. Независимо от воспитания. Исключения подтверждают правило. Мне самой это доставляло огромное удовольствие, и я постоянно видела у своих подруг, что они хотели наряжаться, тогда как парням в общем-то всё равно, что на них надеть. Или что мы, девочки, сами по себе играли в ролевые игры с куклами или друг с другом, а мальчишки скорее носились и искали приключения. И позже тоже. Ты замечал, что у мужчин почти никогда не бывает глубоких вырезов?»

Тим рассмеялся. «Да, но это же нормально. У женщин ведь есть грудь».

«Вот именно», — сказала Алиша. — «Но женщины не просто хотят её иметь, они хотят её показывать, вот в чём суть. У мужчин есть упругие задницы, но выбирают ли мужчины одежду так, чтобы их упругая задница хорошо смотрелась?»

«Нет».

«Вот именно. Мужчины выбирают одежду скорее по практичности или чтобы показать какой-то статус или принадлежность. Но не по красоте. Скорее наоборот — она даже может быть уродливой».

«А мускулы?»

«Это под статус попадает».

«Хм. А показ груди не под статус?»

«Ловля мужчин — это ловля мужчин. Но, хорошо, по отношению к другим

женщинам — это точно статус. Перещеголять других, выглядеть лучше или, наоборот, держать других внизу. Или быть серой мышкой и, боже упаси, не выделяться, пока другие женщины смотрят. Тщательно соблюдать норму с лифчиком, чтобы, не дай бог, соски не просвечивали. На это другие женщины реагируют прямо аллергически, и тебя начинают цеплять. Особенно непривлекательные женщины или не совсем свежие бдят, чтобы ты не показывала слишком много физических прелестей. Неудивительно: женщины с сексапилом одним хлопаньем ресниц или покачиванием груди получают от мужчин то, что женщины без сексапила так просто не получают. Запомни: ничего так не ненавидят женщины без сексапила, как женщин с сексапилом. Отсюда требования к скромной одежде и скромному поведению, к нормализации, к устранению слишком соблазнительных вещей».

«Теперь ты меня впечатлила», — пробормотал Тим. — «Ты когда-нибудь говорила об этом другому мужчине?»

«Никогда».

«Почему я этого не замечал?»

«Это проходит мимо вас, мужчин. А на людях всё равно сохраняется видимость доброжелательности. Удар наносят сзади и часто под предлогом, что желают только добра. Если попадёшь в женские интриги, всегда проси помощи у женщин; как мужчина ты там не разберёшься».

«Я читал, что мужчина, который думает, что совершил завоевание, нередко сам барахтается на крючке, который эта женщина давно закинула».

«Всегда», — рассмеялась Алиша, — «всегда!»

В конце равнины, когда скалы снова сузились в узкую долину, а два ручья вновь слились в один, Алиша оглянулась назад. Далеко позади возвышалась башня.

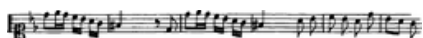
«Знаешь», — замялась Алиша, — «я бы сейчас хотела доказательства любви — и раз уж ты не можешь взять меня, не могли бы ты... здесь... где ещё видна башня...»

Тим бросился на землю: «Алиша, Алиша, спусти свои груди вниз!»

Хихикая, Алиша рухнула рядом с Тимом на землю, глядя в сторону башни, и поднесла свою грудь к его рту.

Спустя пару-тройку мгновений её рука скользнула к её лону. Сначала слегка играя, чуть позже изредка погружаясь во влажность, но затем раздвигая щель и вибрируя средним пальцем. Пока не пришла волна наслаждения.

И всё время с взглядом в сторону, где была поющая красивая женщина с длинными волосами. У Алиши был этот замечательный мужчина у её груди. Она. Она укусит, чтобы так и осталось. С надеждой однажды заполучить его полностью. Навсегда и с его семенем глубоко в её лоне.



Дальше по песчаной дороге

Они продолжили идти по песчаной дороге, которая вела их через боковую долину. Здесь, в долине, снова было полно еды, и, случайно или нет, даже рапунцель. Не то чтобы Алиша или Тим знали, как выглядит рапунцель, но, стоя перед ним, они оба вдруг это поняли. Алише рапунцель даже показался не таким уж плохим.

А Тим нашёл ещё кое-что. Это было дерево с круглыми плодами, примерно размером с палец в длину и толщину, одна половина бананово-жёлтая, а другая — насыщенно-оранжевая. Тим сорвал один из плодов и показал его Алише.

«Что это за плод?» — спросила Алиша. Затем её осенило воспоминание. — «Погоди... это не тот ли плод, который ты мне в самом начале пред-, нет, вставил? Который так подло разбух, когда был внутри меня?»

«Да, точно», — ответил Тим. — «Но этот — особая разновидность для повседневного использования. Если его нагреть, он становится примерно таким длинным и толстым, как банан. Не больше! И он гораздо менее скользкий, чем тот сорт. Зато он очень сильно жужжит».

«И этот плод тоже для...»

«Да, женщины используют его, чтобы без лишних хлопот удобно расслабиться в перерывах. Просто прикладываешь его к интересному месту и ждёшь, пока не придёт. Это растение можно найти почти в каждом втором саду, потому что оно такое полезное».

Тишина. Примерно пять секунд.

«Пора, кажется, тебе снова получить немного молока», — сказала Алиша.

«Мне кажется, не так уж давно я его получал», — ответил Тим.

«Думаю, здесь тебе стоит выпить побольше, на всякий случай. Вид других женщин, ты же понимаешь...»

«Я не нашёл её такой уж красивой. К тому же она была *очень* далеко, там, на своей башне».

«Пожалуйста, пожалуйста».

«Может, лучше ещё немного пройтись?»

«Я таю! Это ты начал эту тему!»

«Ах ты, негодница», — выругался Тим, смеясь, бросил плод и уложил Алишу на спину на землю. Затем он снова взял плод и лёг рядом с Алишей: «Лежи на спине и задери юбку!»

Алиша задрала юбку.

«Разведи ноги».

Алиша широко раздвинула бёдра.

«Ты и правда вся мокрая». — Тим взял плод и осторожно ввёл его глубоко во влажное влагалище Алиши.

«Он точно не станет больше?»

«Этот — нет. Но он реагирует, только когда почувствует тепло тела. Потом его можно вытащить». — Однако теперь Тим крепко сжал половые губы Алиши, удерживая её влагалище закрытым. Это было не так просто, но при возбуждении это не считается плохим знаком.

Алиша вдруг захихикала. — «Он начинает щекотать!»

Щекотка становилась сильнее и перешла в вибрацию, очень приятную, полную вибрацию. Алиша почувствовала, как плод начал расширяться и удлиняться.

«Он точно не станет больше?»

«Только так, как я сказал».

Тим чувствовал, как плод давит наружу, и отпустил половые губы Алиши. Но он удерживал плод в её лоне мягким давлением. Плод выходил из лона Алиши, становясь толще, а его жужжание становилось всё сильнее. Наконец Тим вытащил плод из влагалища Алиши. Теперь он был, пожалуй, сантиметров тридцать в длину, то есть явно длиннее банана, и толще. И помимо того, что плод теперь сильно вибрировал, он выглядел очень красиво.

Тим подвёл правую руку Алиши к плоду. — «Дальше ты сделаешь лучше меня», — прошептал он ей на ухо. — «К тому же я хочу свою награду. Но не торопись. Если ты кончишь слишком быстро, я буду беспощадно пить дальше, пока не высосу тебя полностью».

Алиша коротко улыбнулась; она была слишком возбуждена для большего. Она взяла плод в руку и наружу и осторожно приложила его к той точке в своём лоне, которая при возбуждении выдавалась наружу, чтобы принять желаемое.

Тем временем Тим перевернулся на живот, положив голову над торсом Алиши, иначе не получалось, ведь она лежала на спине. Затем он крепко обхватил одну из грудей Алиши обеими руками и потянул её к своему рту. Алиша блаженно застонала. Ей нравился этот момент, когда его рот тепло обхватывал её сосок.

Когда Алиша почувствовала, как течёт её молоко, она отдалась ощущению, которое вызывал вибрирующий чудо-плод в её лоне. То она позволяла плоду глубоко скользить в её пещерку, совсем глубоко, то прижимала его к передней стенке влагалища, где она когда-то давно нашла интересное место, то ритмично вытаскивала и вводила плод, наслаждаясь растяжением влагалища. Но в конце концов она полностью вытащила плод, чтобы прижать его к своей бусинке снаружи. Сбоку, то слева, то справа, то сверху, то снизу. Плод интересно варьировал своё жужжание, то пульсируя, то жужжа равномерно.

Дыхание Алиши становилось тяжелее. Сосание Тима её груди усиливало ощущение. Рука Тима, лежавшая на её свободной груди, теперь схватила её сосок и начала его сначала поглаживать, потом покручивать. Чуть позже его пальцы зашли за сосок в ореолу и начали медленно выдавливать молоко из груди. Просто так. Молоко брызгало широкими струями из груди, бесполезно, только ради ощущения выдавливания. И ради вида. Алиша громко застонала. Каждое выжимающее движение руки на её соске приближало её к кульминации. Каждое отпускание позволяло ей чуть-чуть вернуться назад. Следующий брызг молока из груди тянул её ещё дальше вперёд, чтобы затем позволить сделать

маленький шаг назад... Только ничего не меняй, надеялась Алиша, да, ничего не меняй. Продолжай так, продолжай так, продолжай так... Тим доил настойчиво и равномерно, совершенно одинаково. Наконец всё перелилось через край, начиная с бусины в лоне и распространяясь, как тёплая жидкость, по всему телу. — Хххааааа, — извиваясь, простонала Алиша. Она достигла оргазма с той типичной глубокой полнотой, которую она почти всегда испытывала в этой прекрасной стране, этой глубокой волной, захватывающей всё её тело.

Посреди этого она услышала вздох Тима, и через мгновение Алиша почувствовала, как что-то тёплое и влажное стекает по её бедру.

«Ты излился?» — спросила Алиша в смеси испуга и радости.

«Да», — ответил Тим, чьё дыхание выдавало его возбуждение.

Алиша быстро схватила рукой семя, стекающее по её бедру, собрала его, насколько смогла, и ввела его в своё влагалище.

«Ты не виноват», — прошептала Алиша Тиму.

Плод всё ещё жужжал в траве.

Тим тяжело дышал.

Алиша тяжело дышала.

Прошло некоторое время.

«По крайней мере, я ещё не разобрался, как подавить выброс семени», — сказал Тим наконец. — «Или где-то в глубине души я не хотел. Но к тому же я и не старался противостоять усилению моего возбуждения. Или был небрежен в этом».

Алиша утешила его: «Монахи не зря держатся подальше от женщин. Ты наверняка чувствуешь запах моего возбуждения, я уже удивляюсь, как ты вообще это выдерживаешь. Другие мужчины в Перидэисе, наверное, давно бы меня изнасиловали, а я, если честно, ещё и постоянно тебя подогреваю. Я думаю, Пери это точно учтут, иначе они были бы жестоко несправедливы».

«Во сне это уже несколько раз случалось», — задумчиво сказал Тим.

«С выбросом семени?»

«Да. И с засохшей спермой без воспоминаний о соответствующем сне. Будем надеяться на чувство справедливости Пери», — вздохнул Тим. — «По крайней мере, я чувствую себя сильно облегчённым».

«Прекрасно!» — сказала Алиша, искренне обрадовалась и поцеловала Тима в лоб.

Тим поднял всё ещё вибрирующий плод. — «Он нам больше не нужен, да?»

«Я удовлетворена, учитывая обстоятельства».

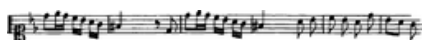
«???»

«Потому что я могла бы снова, но здесь это нормальное состояние».

Тим рассмеялся и зашвырнул плод высоко в кусты. — «Интересно, почему здесь растёт такое дерево», — сказал он. — «Ведь это всё-таки выведенный сорт. Насколько я знаю».

«Хм. Рапунцель точно не может тайком спуститься с башни и забраться обратно, так что остаётся только ведьма».

«Но зачем ей это?»
«Хотим подождать, чтобы узнать?»
«Нет».
«Тогда пойдём дальше».
И они продолжили путь по песчаной дороге.



Ещё дальше по песчаной дороге

Ночь Алиша и Тим провели в пещере, расположенной чуть выше изгиба долины. Из пещеры открывался прекрасный вид поверх деревьев в обе стороны долины. Удобно, что на уровне пещеры мимо протекал небольшой ручей в каменной борозде, который, вероятно, ниже впадал в ручей в долине. Алиша воспользовалась возможностью принять долгую вечернюю ванну. Если она ложилась плашмя, то могла полностью погрузиться в воду. Тим наблюдал за её купанием. А поскольку Алише было лень вылезать из ручья, она ужинала, лёжа животом в воде, в то время как Тим сидел перед ней на скале.

Ночью Алиша заметила, что глубже в пещере мерцает такой же зелёный фосфоресцирующий свет, как в подземных ходах, которые они посещали, чтобы добыть кошачье золото. Но они не искали новое кошачье золото — зачем?

Когда Алиша проснулась на следующее утро, Тим уже сидел за завтраком. «Доброе утро!» — сказал он. — «Я обнаружил небольшую достопримечательность».

«Разве здесь не всё достопримечательность?» — ответила Алиша, потягиваясь и зевая.

«Ты избалованная девчонка. Я буду молчать».

«Оооо, — сказала Алиша, — самый главный инстинкт женщины — любопытство!»

«После болтливости?»

«Нет, сначала идут туфли. Расскажешь теперь? Предупреждаю, у меня молоко застынет, скиснет и свернётся».

«Пойдём! Ты будешь в восторге!»

Тим спустился в ручей, который в каменной борозде протекал над выходом из их пещеры. Он пошёл по течению вперёд и поманил Алишу следовать за ним. Каменная борозда вела, как горная дорога, прямо вдоль скалы. С одной стороны был крутой подъём, с другой — крутой обрыв. Поскольку борозда была достаточно широкой, к пропасти слишком близко подходить не приходилось. Может, до дна было всего двадцать метров, но попробуйте встать перед двадцатиметровым обрывом и посмотреть вниз. Это немало. Но, как сказано, водяная борозда была достаточно широкой, так что Алише и Тиму не пришлось бросать неприятные взгляды вниз. По ручью было удобно идти, и большим

плюсом был прекрасный вид на долину. Но прогулка по ручью была недолгой. Уже через сотню метров ручей сделал правый поворот в каменную расщелину. Когда Алиша за Тимом свернула в расщелину, она замерла с открытым ртом.

Сначала ручей в расщелине тёк на небольшое каменное плато с большим водоёмом. Расщелина, а с ней и плато внутри, была, возможно, метров десять или пятнадцать в диаметре. Во многих местах росли растения. Здесь ручей заканчивался. Точнее: он тёк вверх по скале. Вверх! И не только это. Ручей тёк не прямо, а извилисто, то вправо, то влево, как и полагается настоящему ручью. Только вверх. Куда он тёк, разглядеть было невозможно.

«Ты видишь то же, что и я?» — спросила Алиша.

«Ручей течёт вверх по скале», — сказал Тим.

Алиша рассмеялась. «А кроме этого?»

«Он течёт вверх».

«Но почему?»

«Без понятия», — ответил Тим. — «Я никогда о таком не слышал, но это ничего не значит. Я никогда не задавался вопросом, куда текут все эти ручьи в Перидэсе, которые постоянно нас сопровождают. Город, к которому мы идём, стоит у большого озера, и в это озеро впадают многие ручьи. Но это не объяснение, ведь вода из этого озера тоже должна куда-то течь. Ты заметила, что в Перидэсе почти никогда не идёт дождь?»

«Я вообще не видела дождя. Ты только однажды сказал, что, если он и идёт, то только перед рассветом».

«Точно», — сказал Тим. — «Лучше тогда раздеться догола, чтобы одежда не промокла. В большинстве мест дождь так редок, что никто особо не готовится к нему. И всё же всё цветёт и процветает, и почти в каждой долине есть свой ручей. Что из этого следует?»

«?!?!»

«Каким-то образом вода должна подниматься вверх, чтобы потом течь вниз. Значит, должны быть места, где это происходит».

«И это одно из таких мест...»

С изумлением Алиша подошла к ручью, текущему вверх по скале. У её ног ощущалось лёгкое равномерное течение, не более того. Алиша опустила руку в воду, текущую вверх. На ощупь она не отличалась от воды в обычном ручье. Здесь вода была глубиной около полуметра.

«Что будет, если лечь в воду у скалы, так, чтобы только голова торчала, как при плавании?» — громко спросила Алиша.

«Я тоже об этом подумал. Это был бы отличный способ наконец-то увидеть, что там наверху на высоких скалах. Я всегда хотел это узнать. Но давай сначала позавтракаем, согласна?»

«Согласна».

Алиша и Тим вернулись в пещеру и плотно позавтракали.

Затем Тим сказал: «Нам стоит оставить одежду в пещере, раз уж мы собираемся

купаться в ручье».

Сказано — сделано, и вот они оба снова были в водоёме, из которого ручей тёк вверх по скале.

«Как мы спустимся обратно?» — задумалась Алиша, вытянув шею, чтобы проследить путь ручья вверх по скале.

Тим отломил ветку от стоящих рядом растений и опустил её в поток воды, текущий вверх.

«Течение не сильное», — сказал он, — «против него можно легко справиться. Похоже, будто гравитация просто действует сбоку, и ручей течёт, как и раньше. Посмотри, он даже не течёт быстрее».

Это было так. Ручей тёк спокойно.

«Знаешь что», — сказал Тим, — «я попробую».

Тим спустился глубже в водоём, который был всё-таки полметра глубиной. Он подошёл к месту, где вода начинала течь вверх, и, как мог, закрепил ноги по бокам в скале. Он искал руками опору в скале и наконец прижался телом плашмя к текущему вверх ручью.

«Очень странное чувство», — сказал Тим. — «Мне почти не нужно держаться, и ручей тянет меня лишь слегка. По сути, это не отличается от того, как если бы я лёг в ручей вниз. И мне вдруг кажется, будто ты стоишь горизонтально, а долина перевернута. Очень странный опыт. Так, наверное, чувствуют себя космонавты. Давай, попробуй!»

Тим держал Алишу за руку, что невероятно её успокаивало, и она осторожно втиснулась в вертикально текущий ручей.

«Ой!» — Мир перевернулся. Её ручей больше не тёк неправильно, а как полагается. Но дно долины стояло перпендикулярно, а над головой был потолок из скал. Мало того: солнце светило спереди. Алиша безудержно захихикала.

«Это как на ярмарке!» — воскликнула Алиша. — «Так и останется, если мы дадим ручью нести нас?»

«Погоди», — сказал Тим. — «Я сначала хочу попробовать».

Тим сел прямо в текущий вверх ручей и медленно, осторожно встал.

«Ох, чёрт», — сказал он. — «Так мир снова переворачивается, и меня тянет наружу».

Тим снова полностью сел в воду. Затем он, сидя, продвинулся примерно на два метра по течению. Теперь он был, вероятно, в трёх-четырёх метрах от точки, где вода меняла направление (что сейчас было верхом, а что низом, сказать было сложно). Он снова очень медленно и осторожно поднялся из воды.

«Здесь мир переворачивается чуть дальше от скалы», — сказал он, всё ещё стоя согнувшись в ручье, с головой примерно на полметра над поверхностью воды. — «Значит, нам нужно оставаться в воде, если мы хотим отправиться в это путешествие». Тим показал это, бросив горсть воды вверх. Вода на определённой высоте делала прямоугольный изгиб. То, что было выше, падало естественным путём обратно в водоём, а то, что ниже, падало в вертикально текущий ручей.

«Опасно ли плыть вверх по ручью?» — спросила Алиша.

«Нет», — ответил Тим. — «Там достаточно безопасное расстояние. Но даже при настоящем падении это неважно. Ты видела в мультфильмах, как кто-то падает с высокого дерева, кричит „Ай!“, получает шишку, отряхивается и бежит дальше?»

«Да», — рассмеялась Алиша.

«Здесь так же», — сказал Тим. — «При падении ты начинаешь лететь и после определённой скорости больше не ускоряешься. Удар такой, будто ты прыгнул со стола, не больше».

«То есть метр?»

«Примерно. Может быть. Просто как пример».

«Хм. Неважно, на какой высоте?»

«Неважно».

«Даже на ста метрах?»

«Даже на ста метрах. Только следи, чтобы не врезаться во что-то по пути, иначе будет лишнее „ай“. При большой глупости — даже несколько лишних „ай“. Но не больше».

«Тогда давай попробуем. Даже если просто попробуем и вернёмся».

Алиша поплыла вниз по ручью. Или вверх, как угодно. Это было довольно быстро, потому что ручей здесь был достаточно глубокий, хотя ноги касались дна. Но течение помогало, и Алише нужно было лишь изредка отталкиваться от дна. Тим следовал за ней. «Не забудь, не вставать!» — крикнул он. «Я же не глупая», — крикнула она в ответ.

Они неспешно плыли вперёд, и через пару минут воспользовались спокойной заводью для паузы на ориентирование. Тим и Алиша сидели теперь как в ванне друг напротив друга, и из воды торчали только их головы. Над ними был противоположный скалистый потолок, слева — дно долины со всеми её деревьями и кустами и тропой, справа — голубое небо и солнце.

«Никакого страха высоты», — констатировала Алиша.

«А ведь мы уже довольно высоко!» — ответил Тим.

«Есть идеи, как высоки эти скалы?»

«Без понятия. Они разные. Есть рассказы, что наверху есть другие миры, но я не знаю, правда ли это. Говорят, там есть высокие равнины, куда почти никто не забирается».

И они продолжили. То текущий вверх ручеек слегка отклонялся влево, то вправо, но всегда неуклонно вверх. Но затем произошло нечто.

Алиша вскрикнула и вдруг провалилась в яму, что сложно объяснить. Если смотреть снизу, можно было бы сказать, что вертикальная расщелина кончилась, и ручей вливался в горизонтальный подземный ход. Но с точки зрения Алиши в русле ручья была яма, вода падала в неё, и Алиша угодила туда же.

Тим, предупреждённый криком Алиши, был осторожен и крепко держался, чтобы его не затянуло в яму. Здесь течение было сильным, неудивительно, что

Алишу утянуло.

Теперь у ног Тима отвалился один камень, затем ещё один. Тим держался изо всех сил, что было непросто, ведь его тело не должно было слишком высовываться из русла ручья. Тут раздался громкий треск, и большой кусок скалы отвалился и рухнул в яму.

«Алиша, осторожно!» — крикнул Тим.

Грохотало, гремело.

Но скала не упала в яму, так как была слишком велика, а застряла прямо у входа. Для воды это не было проблемой, но для Тима — да, и он изрядно выругался. Оставшееся отверстие было слишком маленьким и для него, и для Алиши. Что теперь?

«Ты меня слышишь?» — крикнул Тим в оставшуюся щель.

«Да!» — донеслось в ответ, довольно разборчиво, несмотря на шум и журчание воды.

«Как дела?»

«Всё в порядке! Я только раз ударилась о бок. Несколько камней упали за мной, но ничего страшного не сделали. Я упала в небольшую пещеру, в водоём, и оттуда сразу дальше, как по водопаду, наверх. Я на открытом воздухе, совсем наверху. Здесь луг. Выше уже некуда».

«Алиша», — крикнул Тим, — «подожди, я тебя понимаю, но это довольно утомительно. У меня идея: посмотри осторожно, не заканчивается ли луг недалеко от колодца и не спускается ли вниз в долину. Оттуда я, наверное, лучше тебя услышу. Но смотри, чтобы не упасть».

«Сделаю!» — донеслось из хода.

Тим ждал. Через несколько мгновений голос Алиши зазвучал ясно и разборчиво сверху. Уже не из водяной ямы и совсем недалеко. Значит, она действительно была наверху на скале, и там была равнина.

«Хаааалло! Слышишь меня?»

«Да!»

Так было гораздо удобнее разговаривать.

«Теперь я тебя гораздо лучше слышу», — сказал Тим, — «и тебе даже не нужно кричать».

«Здесь большой луг», — сообщила Алиша сверху. — «На лугу стоит колодец, и из него я выпала. Вода течёт через край колодца, как из источника. Оттуда это обычный маленький ручей, который течёт дальше по лугу. Как дела у тебя?»

«Проход, по которому течёт вода, теперь, к сожалению, завален камнем», — ответил Тим. — «Поэтому я не могу подняться, а ты — спуститься. Надо найти другой способ спустить тебя в долину. Есть идеи? Видишь что-то, что может помочь?»

«Я могу осмотреться», — ответила Алиша. — «Здесь стоит настоящий каменный колодец, и край этой возвышенности огорожен простым деревянным забором, значит, тут кто-то есть. Может, он знает путь. Или найдётся верёвка или что-то такое. К тому же мне теперь любопытно. Осмотрюсь сначала и

потом доложу?»

«Давай! Если ничего не найдёшь, я могу взять кошачье золото. В крайнем случае, отправлю тебе платье вместе с кошачьим золотом по течению».

«О, давай прибежим к этому только в крайнем случае, будет обидно, если платье застрянет», — донеслось от Алиши сверху. — «Будешь ждать здесь?»

«Нет, я не хочу так долго торчать в воде. Наша пещера недалеко. Я вернусь к нашим вещам на сухое и буду ждать там. Слушай, ты же умеешь громко свистеть двумя пальцами?»

«Умею», — сказала Алиша.

«Я не так хорошо, но достаточно. Если ты свистнешь один раз, я приду без вещей, два раза — с вещами. Этого хватит?»

«Да. А ты ответишь столько же раз? Я же должна знать, услышал ли ты!»

«Так и сделаю».

«Хорошо. Я сейчас пойду, ладно?»

«Удачи!»

Тим поплыл против течения обратно к их пещере. Это не было слишком сложно, потому что он везде находил в русле ручья места, где можно было оттолкнуться ногами, а течение было умеренным. Через удивительно короткое время он вернулся в пещеру, где они ночевали.

«Лентяйничать иногда тоже приятно», — подумал Тим, лёг на спину у входа в пещеру и задремал.

Тем временем Алиша вернулась к колодцу и осмотрелась. Это была совсем другая страна здесь наверху! Было довольно тепло, но не чрезмерно. Как велика эта равнина, Алиша оценить не могла. Слева от неё грубый деревянный забор отделял равнину от обрыва, а во всех других направлениях простирались только луга с отдельно стоящими деревьями. Куда идти? — Лучше всего вдоль ручья. Так она могла бы легче всего вернуться, если что, всегда имела бы воду для питья, и к тому же всё съедобное скорее всего можно найти у ручья. И другие люди тоже скорее всего будут поблизости от воды и еды.

Кто мог жить здесь наверху?

Алиша отправилась в путь.

Она ещё недолго шла, как за пологим холмом увидела печь. Она стояла посреди луга, немного в стороне от ручья.

Из любопытства Алиша подошла к печи. Внутри были булочки. Алиша взяла одну и попробовала. Вкус был отвратительный. Соли вообще не было. По крайней мере. С отвращением Алиша выплюнула булочку.

Вдруг из печи раздались многочисленные писклявые голоса:

«Ой, пожалуйста, вытащи и нас, вытащи и нас, иначе мы сгорим! Мы уже давно испеклись».

Алиша чуть не проглотила кусок булочки от неожиданности.

«Фу!» — воскликнула Алиша. — «Хорошо, что вы сгорите в уголь, так не

придётся тратить дрова, чтобы испечь булочки получше!»

И пошла дальше.

Мимо ещё одного пологого холма Алиша прошла, и тут она увидела дерево, на котором висели апельсины. Алиша хотела попробовать один, но не могла снять кожуру. Когда она уже сломала два ногтя (маленькая подсказка: они быстро отрастали), она откусила кусок кожуры зубами. Вкус был отвратительный, а волокна апельсина застряли у неё между зубами, но апельсин всё ещё не освобождался от кожуры. Тогда Алиша зубами разорвала оставшуюся кожуру, но добила только того, что апельсин разделился на две половины кожуры с мякотью. Чтобы избавиться от вкуса кожуры, Алиша отчаянно вгрызлась в мякоть. При этом она безнадежно запуталась зубами в жёсткой сухой оболочке, окружающей сегменты. А когда у неё наконец оказалась мякоть во рту, удовольствие сильно портили многочисленные косточки, которые она поочередно выплевывала. По крайней мере, сок был не так уж плох.

Как хорошо, что она была голая, иначе бы она совсем испачкала своё красивое платье.

Алиша прыгнула в ручей, чтобы отмыться, так как мытьё рук было бы слишком хлопотно, и с трудом вытащила жёсткие волокна из зубов, не забыв прополоскать рот.

Тут она услышала из дерева тоненькие голоски:

«Ой, пожалуйста, потряси дерево, потряси дерево! Мы, апельсины, все созрели».

«Нет!» — сказала Алиша. — «Не буду! Теперь я знаю, откуда берутся эти проклятые апельсины из „Консума“. Пусть вы засохнете, чтобы пришлось добывать апельсины получше!»

И пошла дальше.

Мимо ещё одного холма прошла Алиша, и тут она увидела поле, полное белокочанной капусты.

«Я даже знать не хочу!» — в ужасе закричала Алиша и побежала прочь, не пробуя ничего. Но это не помогло. Она чувствовала запах белокочанного супа из столовых и школьных обедов, ощущала его вкус (с жёстким мясом, которое нужно было убрать, и тмином), или слоёную капусту, или тушёную капусту, или голубцы, или белокочанную капусту с кровяной колбасой. Перед её внутренним взором возникали гарниры из белокочанной капусты в ресторанах, которые никто не трогал и которые поэтому стояли на отдельных столах вместе с гарнирами из краснокочанной капусты и моркови для любования. Лишь изредка гости подходили, чтобы что-то взять. Но то, что в раю была белокочанная капуста, это уж слишком.

«Алиша!» — одёрнула она себя. — «Ты не единственная в раю. Может, другим людям это нравится, может, это можно лучше приготовить, может, дома этого было просто слишком много».

«И всё же!» — подумала Алиша. — «Всё яд, дело только в дозе».

Капуста молчала. Молчание показалось Алише слегка обиженным, но всё же.

Алиша заставила себя не оглядываться. «Пожалуйста, пожалуйста», — думала она, — «только не прозрачный пластиковый пакет с вонючим, вымоченным, заранее очищенным картофелем! Или пиво из Цвиккау, прозванное „эвтаназией“, мутное, без пены и безвкусное».

Но, похоже, она прошла все испытания.

Наконец Алиша дошла до небольшого дома, куда тек ручей. За домом ручей, вероятно, падал вниз со скалы, но это было не видно. Видно было только, что дом стоит прямо на краю возвышенности, и одна его сторона должна смотреть в долину. Из дома выглядывала женщина средних лет. Но она выглядела так аккуратно и безупречно, что дрезденский учитель танцев упал бы в обморок, и Алишу пробрал озноб.

«Чего ты боишься, моя милая?» — спросила женщина. — «Останься со мной, если будешь хорошо содержать дом, тебе будет хорошо. Только следи, чтобы хорошо убирать и усердно вытряхивать мусор из окна, тогда в мире пойдёт дождь. Я — фрау Холле».

«Но мне нужен мужчина, чтобы он высасывал молоко из моих грудей», — попробовала Алиша.

«Ты будешь доить свои груди из окна», — ответила фрау Холле, — «только выдавливай побольше из своих грудей, тогда в мире пойдёт снег».

Поскольку, насколько знала Алиша, в Перидэисе никогда не шёл снег, ей стало любопытно, она согласилась и поступила к ней на службу.

Но когда Алиша вошла в дом, она испытала настоящий шок и решила не оставаться ни на час дольше, чем нужно. С большой натяжкой дом фрау Холле можно было назвать стерильным, и в нём не было ничего, что не имело бы цели. Только чистящие средства были явной слабостью фрау Холле, и в них царил настоящий хаос. «Что здесь мерило „порядка“?» — подумала Алиша. И: «Даже если меня осыплют золотом, я получу только синяки, а в Перидэисе с золотом вообще ничего не сделаешь».

Осторожно Алиша возразила: «Но я не умею готовить, только макароны с томатным соусом, супы из пакетиков и тосты с сыром».

«Ничего страшного, моя милая», — сказала фрау Холле, — «тогда кухня останется чистой».

Тогда Алиша сказала: «Я всегда относилась к маме, потому что у неё есть стиральная машина».

«Ничего страшного, моя милая, будешь стирать побольше, научишься быстрее».

«Я только пылесосом убирала самое необходимое», — отчаянно возразила Алиша.

«Ничего, научишься мыть полы на коленях», — дружелюбно сказала фрау Холле. — «Голая, как ты есть, ты даже не испачкаешь своё платье».

Вздохнув, Алиша приступила к службе у фрау Холле.

«Плохо дело», — подумала Алиша, начиная убирать. — «Здесь даже пыли нет, чтобы замести под ковёр. Поэтому тут, наверное, так редко идёт дождь. Надо сделать так, чтобы фрау Холле сама меня как можно скорее выгнала. Если

сказка правдива, так я смогу выбраться из этого мира».

Алиша схватила скатерть вместе со всем, что на ней стояло, и вытряхнула её из окна.

«Ай!» — услышала Алиша снизу. Ошеломлённо она выглянула из окна.

«Кто там сверху кидает вещи?» — раздался знакомый голос.

Это был Тим.

Алиша крикнула извинения и спросила, не пошёл ли дождь.

«Хлам — да, вода — нет», — донёсся голос Тима.

«И что теперь?» — Алише пришла идея. Она изо всех сил выдаивала свои груди через открытое окно. То ли из-за долгой вынужденной паузы, то ли из-за особых обстоятельств, из грудей Алиши брызнули невероятные потоки молока, которые уже не объяснялись ни размером её грудей, ни её тела вообще.

«Идёт снег! — Идёт снег!! — Идёт снег!!! — Здесь падает невероятное количество снега!» — было слышно Тима снизу.

Алиша не хотела быть ответственной за климатические изменения в Перидэисе, крикнула Тиму, где она находится, и попросила совета.

«Есть ли там наверху ворота, которые, может быть, ведут вниз?» — крикнул Тим ей.

«Посмотрю!» — крикнула Алиша в ответ.

К счастью, фрау Холле как раз вышла из дома (может, собирать капусту), так что Алиша могла спокойно осмотреться. И вот! — Там действительно были большие ворота, закрытые большой деревянной дверью. За ней слышался шум, похожий на журчание воды. Деревянную дверь можно было открыть. Алиша осторожно сделала шаг внутрь и огляделась. Перед ней была деревянная заслонка; она, вероятно, подходила, чтобы сбрасывать золото или смолу. Но сейчас заслонка была закрыта. Алиша сделала ещё один шаг.

Это был сортир. Настоящий. За ним ручей падал в каменное отверстие.

Алиша подбежала к окну и рассказала Тиму, что видела.

Тим крикнул, что ручей действительно бьёт из скалы у его ног.

Стоит ли рискнуть?

«Нет!» — крикнул Тим. — «Брось эту глупость, у меня идея получше — прыгай из окна, тут метры снега!»

Алиша вполне верила Тиму, что в Перидэисе это безопасно, особенно если снег лежит метрами. Но верить и знать — разные вещи, и она крикнула в ответ: «Но мы же не знаем, есть ли препятствия на пути!»

«Кидай ещё вещи из окна!» — крикнул Тим.

Алиша бросила вниз ведро, стул и глиняный горшок, один за другим.

«Всё цело!» — крикнул Тим снизу.

Хм. Это был аргумент.

Алиша обернулась. Тут она услышала, что фрау Холле вернулась.

«Умереть лучше, чем быть убирающей ледяной королевой в Перидэисе», — подумала Алиша (конечно, не веря в смерть) и прыгнула из окна.

Она летела... опускалась... и опускалась... прямо в руки Тима, который, однако,

вместе с ней глубоко увяз в сугробе.

«Ну вот», — сказал Тим, когда Алиша всё ему рассказала. — «Может, раю нужны такие места для контраста? Чтобы снова осознать, как хорошо тебе живётся? Подумай о принцессе на горошине или о сказке о рыбаке и его жене. Или о шутке про миллиардера, который разорился, остался с одним миллионом и поэтому застрелился. Или спроси, наоборот, у какого-нибудь голодающего бедняка в засушливой местности южнее Красного моря, что он думает о капустном супе».

«Ай», — сказала Алиша и задумалась. — «Будет ли человек когда-нибудь доволен?»

«Иногда я в этом сомневаюсь», — ответил Тим.

Алиша огляделась. «Знаешь», — сказала она, — «при этой сказочной природе я, несмотря на снег, сейчас думаю о полёте над Алжиром. Как хорошо нам с нашими привычными лугами и лесами дома».

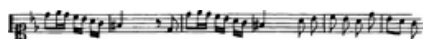
«Без скорпионов», — подмигнул Тим.

«Без скорпионов», — рассмеялась Алиша. — «Пойдём дальше, подальше отсюда. У нас ещё много дня впереди».

«Пожалуйста», — сказал Тим, — «вот твоё платье».

«Почему мне совсем не холодно?» — спросила Алиша, но надела платье. И хотя её груди дерзко торчали из платья, она находила себя в платье гораздо элегантнее, чем без него. «Красивое должно быть», — немного еретически подумала Алиша и вполне понимала, почему бедные крестьяне в других странах помогали строить самые великолепные церкви. Таков уж человек.

Они пробирались несколько сотен метров через глубокий снег, пока их снова не встретила весна, а затем и лето. Затем они продолжили путь по песчаной дороге, которая вела через долину. Перерывы можно было делать, когда немного продвинешься.



Город Красных Роз

«Ох!» — вырвалось у Тима, когда песчаная дорога снова вышла на дорогу из лазурного кирпича. Их боковая долина перед этим сузилась в узкое ущелье и так незаметно соединилась с долиной дороги из лазурного кирпича, что отсюда её, вероятно, без подсказки никогда бы не нашли. Но это осталось позади.

«Почему ох?» — спросила Алиша.

«Ох, потому что мы совсем близко к цели», — ответил Тим.

«К Городу Красных Роз?»

«К Городу Красных Роз!»

«Теперь у меня мандраж. Что мне там делать? Ведь я буду стоять перед настоящей Пери».

«Зато ты настоящая ведьма, не забывай. Разница между Пери и ведьмой — лишь вопрос определения, если моя теория верна».

«Ты со своей теорией. А если она неверна?»

«Это тоже не беда. Будь собой, и всё будет хорошо. Она хочет официально тебя приветствовать, и, возможно, у неё уже есть для тебя задание».

«Задание?»

«Пери нуждаются в нас. Свежие идеи и мечты — это новая пища для Перидэиса. К тому же Пери не могут или не хотят сами выполнять некоторые дела. Договор такой: мы иногда что-то для них делаем, а взамен нам открыт весь огромный рай. Или почти весь. Это хороший обмен. То, что твои мечты обретают форму, — это выгода для обеих сторон».

«Я немного успокоилась. Но сердце всё равно колотится до горла. Слушай...»

«Да?»

«Не считай меня... ну... извращёнкой, но мне бы очень помогло, если бы мы ещё раз... ну, сейчас... ты бы попил, крепко меня держал, а я бы...»

«Конечно!»

Тим отвёл её чуть в сторону к красивому песчаному месту у ручья, и Алиша действительно нашла успокоение в физической близости Тима, который сосал её грудь, пока она, откинувшись назад, расслаблялась пальцем. Это чувственное ощущение успокаивало Алишу сильнее, чем любые убедительные слова. Но когда она потом предложила устроить пикник, Тим отмахнулся. «Нет», — сказал он, — «наешься в городе до отвала, иначе пожалеешь. И с этого момента береги своё молоко для оплаты».

Теперь Алиша была в восторге и с нетерпением ждала города.

Они прошли по дороге из лазурного кирпича всего минут десять-пятнадцать, и Город Красных Роз действительно оказался вдали. Долина сильно расширилась, ручей разделился, и Город Красных Роз стоял посреди долины, окружённый городской стеной высотой два-три метра и обтекаемый ручьём. На другой стороне города виднелось огромное озеро, на берегу которого был

построен город. Слово «город» здесь, возможно, было слегка преувеличением, но дома стояли не по отдельности, как в деревне, а вплотную друг к другу, как и полагается городу. Дорога из лазурного кирпича вела прямо через деревянный мост в ворота Города Красных Роз. Городская стена была особенной, ведь она блестела, словно из золота, и, за исключением некоего замка на берегу озера в центре города, почти все здания были сплошь увиты розами. И везде цвели красные розы.

«Вот почему Город Красных Роз», — восхищённо воскликнула Алиша. — «Это совсем не выглядит безвкусно. Стена города из золота?»

«Нет», — ответил Тим. — «Из кошачьего золота. Никто не лазает через неё, потому что жители суеверно боятся магии кошачьего золота».

«Но разве жители не заподозрят неладное, видя кошачье золото?»

«О, нет. Всегда действует правило: „Пери права“. Но всё равно они не трогают кошачье золото».

Алиша и Тим прошли по мосту в город. Весь город был одним сплошным рынком, похожим на тот, что они уже видели в небольшом городке по пути. Пробираясь вперёд было сложно, потому что продавщиц (в основном это были женщины) было больше, чем потенциальных покупателей. Тим, смеясь, отмахивался от продавщиц, прокладывал Алише дорогу и крикнул ей на ухо: «Давай найдём таверну, где можно будет немного спокойно посидеть!»

Алиша была более чем согласна, потому что проголодалась.

На следующем углу нашлась таверна, производившая уютное впечатление, тем более что она стояла на небольшом холме, и из окон открывался вид на город. Окна с деревянными решётками защищали от множества продавщиц, а решительная хозяйка с хлыстом вносила свою лепту, чтобы Алишу и Тима здесь не беспокоили.

«Боже мой!» — рассмеялась Алиша. — «Здесь хлыст так и гуляет».

«Хочешь, чтобы и тебе досталось сзади?»

«Нет! Я голодна!»

Когда они нашли хорошее место, Тим сказал хозяйке: «Сначала попробуй её молоко, прежде чем делать нам предложение!»

Хозяйка левой рукой взяла грудь Алиши и брызнула несколько капель молока на ноготь большого пальца правой руки. Она вдохнула аромат молока, издала одобрителный свист и слизала капельки с ногтя.

«Моя лучшая комната с полным пансионом на неделю за то, что я один раз полностью её выдожу!»

«Не перегибай», — рассмеялся Тим, — «ты слишком жадная».

«У меня здесь лучшее заведение!» — запротестовала хозяйка. И таинственно добавила: «Сегодня у меня жареные улитки. Деликатес! И в другие дни еда не хуже!»

«Одна грудь!» — воскликнула Алиша, включившись в игру.

Тим посмотрел на Алишу смеющимися глазами, но громко сказал хозяйке: «Уй-уй-уй, я бы на твоём месте подумал быстрее, у неё сегодня ещё большие

покупки впереди».

«Договорились», — сказала хозяйка. — «Сделка заключена. Но только при условии, что ты не будешь продавать своё молоко в непосредственной близости от моей таверны. Идёт?»

«Идёт», — ответила Алиша.

«Почему?» — спросила Алиша, когда хозяйка ушла за едой.

«Ну как почему. Она продаст твоё молоко в таверне в десятки раз дороже».

Тут хозяйка вернулась: «Ваша еда будет готова через пару минут!» — И, обращаясь к Тиму полушёпотом, спросила: «Слушай, прислужник, ты что, недели напролёт пил молоко этой девушки прямо из груди?»

«Да», — улыбнулся Тим.

«Я сойду с ума!» — воскликнула хозяйка и всплеснула руками. — «Ты, должно быть, уже светишься в темноте. Дай знать, когда тебе снова разрешат трахаться. Если я первой получу твой сок в чресла, будешь год бесплатно обедать у меня!» Хозяйка, не дожидаясь ответа, взволнованно выбежала наружу, вероятно, чтобы рассказать об этом всем.

«Она тоже догадалась, что я ведьма?» — спросила Алиша.

«В *этом* городе это не проблема», — сказал Тим. — «Из-за Пери сюда часто приходят гости. Хотя, конечно, люди всё равно испытывают к нам огромный трепет».

«Это заметно», — прокомментировала Алиша, указывая пальцем наружу. — «Посмотри, как люди шепчутся. Но как я вообще смогу продавать своё молоко, если все сразу это замечают?»

«Предположим», — сказал Тим, — «ты продавщица, свидетелей поблизости нет, подозрительный парень платит за десять булочек тремя толстыми золотыми монетами и не хочет сдачи. А ты знаешь, что только что был ограблен банк или что-то в этом роде. Ты бы взяла золото?»

«Хм. Сложно. Он ограбил банк прямо у меня на глазах?»

«Нет, ты только знаешь, что он *мог* быть грабителем банка, и деньги *могли* быть сомнительного происхождения».

«На это два ответа: официальный и секретный».

«Назови мне только секретный», — ухмыльнулся Тим.

«Думаю, я бы поддалась. Если никто не знает...»

«Вот так и с твоим молоком: покупатель получает от тебя самое ценное молоко за почти ничего. Никто не знает. Это важно. И ты же не совершала магию, по которой он мог бы понять, что ты ведьма. Если что-то пойдёт не так, ну, вспомни тот городок недавно. Убегаешь. Простым способом или, в худшем случае, тебя выдергивает. Кроме твоих возможностей бегства, все жители будут бояться, что ты их заколдуешь или что-то в этом роде. Так что пыл у них будет в разумных пределах. Обычно. Не переживай об этом. Всё при условии, что ты не хочешь сознательно быть всеобщей известной ведьмой, почитаемой и внушающей страх, но, поверь, это надоедает».

Перед решётчатым окном, отделявшим их от улицы, вдруг стало шумно. Оба с любопытством выглянули наружу. Там назревал спор:

Женщина накинулась на мужчину в зелёной шляпе: «Тебе не стыдно, что твоя жена таскает покупки? Её корзина, должно быть, почти так же тяжела, как ведро воды. Бедняжка!»

Другая женщина вмешалась: «Разве нельзя что-то с этим сделать?»

Мужчина в зелёной шляпе защищался пословицей: *«Если женщина слишком горда, чтобы жить по-женски, пусть ей будет позволено зарабатывать на жизнь по-мужски»*.

«А что с ней не так?» — возразил другой мужчина. Мужчина в зелёной шляпе ответил: «Она капризничает. С тех пор как у соседки появилось ожерелье с голубым камнем, она мне уши прожужжала, чтобы я достал ей такое же. Но мне пришлось бы идти за ним далеко. Неделями! А теперь у неё молоко застоялось, так она в это ввязалась. Теперь у меня не хватает сил работать. Вот ей и приходится помогать, что поделать».

На это другой мужчина ответил ещё одной пословицей: *«Женщину, которую доишь, надо и кормить»*. Почему бы тебе просто не достать ей ожерелье с голубым камнем? Уже твёрдое обещание, что она получит желаемое, снова наполнит её груди, тем более что ей ещё нужно обеспечить тебе запас на дорогу. Если она действительно этого хочет, почему бы не попробовать так?»

«Доят женщину, а не мужчину», — проворчал мужчина в зелёной шляпе в ответ, — «но я подумаю».

И ушёл со своей женой, так и не забрав у неё покупки.

Алиша рассмеялась. «Вот как тут всё устроено! Бьюсь об заклад, она добьётся своего камня».

Тим проворчал: «А в обычном мире иначе?»

«Оооо», — утешила его Алиша, — «пока мужчины не убегают, всё не так уж плохо, и выгода, должно быть, перевешивает».

«По сути, да», — признал Тим, — «но было бы интересно узнать, в чём конкретно эта выгода».

«Секс, который женщина ему предлагает?»

«А если она его этим держит в подвешенном состоянии?»

«Тогда перспектива возможного секса?»

«Теперь звучит правдоподобнее».

«Я читала», — сказала Алиша, — «что все виды животных с длительными партнёрствами имеют и постоянную сексуальность. Не только периодическую. Считается, что секс — это главный клей отношений между партнёрами, что сексуальность служит не только размножению, как раньше думали. Идут ещё дальше. Якобы оргазм у женщины теоретически вообще не нужен и имеет смысл только для того, чтобы мотивировать её к большему количеству секса, чем необходимо. Чтобы мужчина после оплодотворения не сбежал, а защищал и

обеспечивал её. Чтобы привязать его к себе».

«Но», — возразил Тим, — «это не устаревшая точка зрения?»

Алиша пожала плечами: «Что значит точка зрения? Эволюция вряд ли рассчитывает на государственную социальную помощь. Влечение существует давно и повсюду, а социальные системы — только несколько лет и не везде. Мужчина, который сильно желает свою жену, в сумме, вероятно, более надёжная социальная система. Посмотри на мир, как ужасно живётся во многих странах».

«Это какая-то дикая теория из подворотни или научный факт?»

«Научный факт. У меня была школьная презентация по этой теме. Мой отец — врач и достал мне отличные материалы. Оценка — пятёрка, так что считай меня компетентной в этом вопросе».

Тим не сдавался. — «Но всё же», — сказал он, — «даже если есть тенденции и специализации, разные у мужчин и женщин, непонятно, зачем нужна эта привязка».

«Потому что женщины рожают детей, кроме как в Перидэисе, соня. А мужчины — нет. С большим животом плохо бегать, и с ребёнком на груди тоже. Ни от льва, ни за потенциальной дичью. И так далее».

«Я балда», — воскликнул Тим и хлопнул себя по лбу. — «Но предположим, у обоих было бы молоко. Это же возможно».

«Остаётся всё равно беременность».

«Предположим, женщина откладывала бы яйца, тогда оба могли бы по очереди высиживать».

«И в этом случае партнёра нужно привязать. Птице, которая высиживает, нужна еда, а потом птенцов надо защищать».

«Верно».

«Но разве нет других способов привязать партнёра?»

«Зачем?»

«Что?»

«Зачем? Зачем другие способы, если есть один, который хорошо работает? Не обижайся, но не так уж плох обмен — просто раздвинуть ноги, особенно если это самой приносит удовольствие. Нужна лишь малость: чтобы женщина была не раз в полгода в охоте, а в принципе постоянно. Так ей приятно, что он доступен, а ему приятно, что она доступна. Но это работает, только если он не сбежит после оплодотворения».

«Уф».

«Да, уф, а мы тут просто развлекаемся, не беременя. Где тут мотивация?»

«У мужчины всё просто: ему нужно молоко женщины для выживания, ей нужно избавиться от молока, что менее жизненно важно, но всё же приятно. Прямо противоположные условия».

«И всё же такая же симбиоза между женщиной и мужчиной», — сказала Алиша. — «Это то, что меня в Перидэисе невероятно завораживает. Для меня чрезвычайно возбуждающе иметь в груди эликсир, который тебе нужен для

выживания. Что-то заботящееся, защищающее, хотя мужчина отвечает за обеспечение и защиту. Противоречие и всё же не противоречие. Это очень трогает меня как женщину, вероятно, потому что удовлетворяется сильный инстинкт, не нарушая другой сильный инстинкт».

«Я читал у какого-то первобытного народа поговорку, что мужчина не должен лить слёзы, кроме как у своей жены. Это для меня примерно противоположность», — сказал Тим. — «Я не хочу это так категорично, но это такой образ, самоощущение, которое просто есть, неважно откуда, неважно, правда это или нет, оно просто есть».

В этот момент хозяйка принесла еду. Напоминание: жареные улитки. Алишу немного смутило, что жареные улитки всё время пытались добраться до салата, но на вкус они были восхитительны. А пиво, которое принесла хозяйка, было просто уникальным. Алиша так наелась, что охотно позволила хозяйке приступить к оплате.

«Выбирай любую грудь», — лениво сказала Алиша. «Нет», — сказала хозяйка, — «для этого есть персонал».

Персонал был мужчиной, который, должно быть, был хорошо оплачиваемым мастером своего дела. Его мастерство в выдавливании последней капли молока из самых дальних уголков груди Алиши было так велико, что она всерьёз беспокоилась, что груди вырастут криво из-за одностороннего использования. Она честно была готова предложить и вторую грудь. Но Тим, похоже, это предвидел и вовремя предотвратил.

«Пойдём», — сказал Тим, — «давай прогуляемся вечером. В этом городе это того стоит».

И это того стоило! Люди выносили стулья и столы из домов, вешали факелы на стены (такие, как Алиша уже знала) и сидели на улице, болтая. У большинства рядом была какая-то выкладка в надежде что-то продать или хотя бы подарить. Какой выбор! Поскольку каждый думал о своём, ничто не было похоже на другое. Одежды было в изобилии, музыкальные инструменты были всех мыслимых видов (лишь некоторые из них Тим мог объяснить), и еда была повсюду. Страницы понадобились бы, чтобы перечислить всё художественное, ремесленное или кулинарное, что там было. Люди предлагали себя в качестве рабов на самые разные сроки: на полчаса, на день, на недели, на месяцы.

В этом городе была даже одна особенность — (довольно подозрительный) магазин, где можно было арендовать метлы для полётов. Тим показал Алише, как это делается, и они сделали два-три круга при лунном свете над рыночной площадью. Это было ужасно утомительно, но очень весело, тем более что Алиша постоянно падала с метлы и её каждый раз приходилось спасать. Нужно было свесить одну ногу вниз, а тыльной стороной другой ноги надавить на подколенную ямку висящей ноги, при этом оба локтя должны были оставаться под метлой. Лучший результат Алиши — полный круг, но потом она сдалась.

Ей было совершенно непонятно, как ведьма могла долететь на метле до Броккена. У летающих на метле ведьм, должно быть, кожа между ног, мышцы в половых губах или они врут, как напечатанные. Люди на рыночной площади всё равно стояли с открытыми ртами (потому что груди Алиши так красиво поднимались при быстром снижении).



В Городе Красных Роз было ещё бесчисленное множество развлечений. Еда уже упоминалась, настоящий Аполлон среди мужчин (временно) удовлетворил Алишу сзади, были представления жонглёров, невероятно хорошая музыка, под которую Алиша с Тимом самозабвенно танцевали, можно было заказать массаж, был бассейн с гейзером, где женщины в свете факелов плескались и болтали, позволяя водяным струям массировать разные части тела, включая те, что лишали концентрации, и: Алиша нашла восхитительное платье. После долгих переговоров она стала обладательницей изысканно вышитого платья с медными каймами. Особенно Алише нравилось, как платье благодаря особым округлостям кроя подчёркивало её грудь. Ни грудь, ни платье не выглядели навязчиво, они просто составляли единое целое, как картина в хорошей раме. То, что осталось молока в груди Алиши после всех других купленных мелочей, едва убедило торговку, но после этого не осталось ни капли. Можно было подождать до завтра, но Алиша боялась, что платье к следующему дню уже продадут.

«Не жалуйся», — прокомментировал Тим, — «другим женщинам, возможно, пришлось бы недели напролёт сдаивать молоко каждый день. И я, кстати, не против, что твои груди пусты. Пора идти в ночлег».

Тим нёс платье Алиши (он настоял из-за людей), так как Алиша не хотела, вспотев, надевать новое платье, в котором завтра предстояло явиться перед Пери.

По пути они стали свидетелями соревнования. Насколько они могли разобрать, пары состязались друг с другом. Короче говоря, это было, ну, соревнование по

доению. Мужчины должны были сдоить молоко из груди своей женщины в ложку и бегом отнести молоко в кубок, стоявший подальше и подвешенный на своего рода весах. Если весы перевешивались, пара побеждала. Кубок был не особенно большим, но разрешалось мешать соперникам, из-за чего много молока под гогот зрителей проливалось на землю.

«Потрясающая грязь», — прокомментировала Алиша. — «Дома в роддоме поднялся бы нехилый крик, если бы такое устроили в коридоре».

Тим рассмеялся. «Я заметил другое: пары должны быть хорошо слажены — грубым дёрганьем груди ничего не добьёшься, ведь говорят же *давать молоко*, а не *брать молоко*».

«Может ли женщина полностью заблокировать поток молока?» — спросила Алиша.

Тим задумался. «Не уверен. Долгосрочная, возможно. Шок может полностью заблокировать молоко. Или чопорность. Или опасность».

Они продолжили прогулку. Через пару поворотов они увидели представление, которое очень заинтересовало Алишу. Это был большой деревянный крест в форме Х, к которому был привязан стоя голый мужчина. Перед привязанным мужчиной танцевала столь же голая очень красивая женщина, исполняя чрезвычайно похотливый танец. Рядом с крестом стоял мужчина, державший в поднятой руке работающие песочные часы. В другой руке у него были остановленные песочные часы. Группа из четырёх музыкантов играла ритмичную музыку. Многочисленные люди окружали сцену и смотрели.

«Что здесь происходит?» — спросила Алиша у одной из зрительниц.

Зрительница ответила: «Красивая танцовщица — приз для привязанного мужчины, если ему удастся не получить эрекцию в течение полного времени песочных часов. Как только его пенис станет прямым, как палка, плавающая на воде, танцовщица побеждает, а он проигрывает. Она старается всеми способами возбудить привязанного мужчину; только трогать его нельзя. Но он должен всё время на неё смотреть. Если он закроет глаза или отвернётся, текущие песочные часы не засчитываются, и время начинается заново. Поэтому вторые часы».

«А если привязанный мужчина проигрывает?» — спросила Алиша.

«Ничего страшного», — сказала женщина. — «Зрелищно, правда? Посмотри, какая она мастерица. У неё можно многому научиться. Хотя бы эти движения ногами... ах, как бы я хотела так уметь!»

Алиша и Тим смотрели. Красивая женщина победила. Оба захлопали в ладоши, и Алиша втайне хотела бы увидеть Тима на этом кресте, но он, смеясь, потащил её дальше.

Они увидели ещё множество представлений, для которых лучшее описание — «похоть как произведение искусства». Красивые танцы, в том числе с факелами, сцены раздевания, даже порка как танцевальная игра, искусные связывания, нежное, жёсткое, красивое, но и то, что им не очень нравилось, жонглёры... один, например, нёс женщину, засунув кулак полностью в её отверстие, женщина позволяла связать себя верёвками, пока её осторожно поднимали

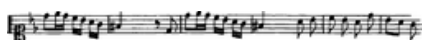
только за груди, можно было сделать татуировку (татуировки держались лишь некоторое время, рассказал Тим), проколоть и вставить кольца (тоже только на время, рассказал Тим), были искусно расписанные голые женщины, произведения искусства из молока, ещё одно соревнование по доению, где мужчина должен был доить женщину соперника. Алиша нашла эту идею интересной, потому что мужчина в атаке и женщина в обороне составляли более интригующую команду.

Алиша нашла ещё одну замечательную таверну, расположенную чуть выше, с отличной едой и пивом. Мест уже не было, но Алиша предложила оставшееся молоко за два места, и так они наконец смогли отдохнуть уставшим ногам и наслаждаться пёстрой сценой сверху за едой и напитками. Ах, сколько там ещё было всего посмотреть... Улицы, переулки и площади бурлили людьми, и никто не хотел оставаться в своих четырёх стенах. Это был утомительный, но прекрасный вечер.

Поздно ночью, добравшись до таверны, Тим и Алиша еле поднялись по лестнице в свою комнату, разделись, ещё раз опорожнили мочевого пузыря и рухнули в кровать.

Ничего страшного, что груди Алиши были пусты, как никогда, — Тим мгновенно уснул.

День, пожалуй, был немного слишком насыщенным.



Великая Пери

Алиша и Тим стояли перед замком Пери, который издали казался крепостью в центре Города Красных Роз. Замок перед их глазами был чрезвычайно красив, хотя и смехотворно мал. Его зубчатые стены были сложены из жёлтых и красных каменных блоков, и через каждые несколько метров возвышалась башня, каждая построена по-разному и разной высоты, и на вершине каждой стоял прислужник на страже. Хотя *стоять на страже* — это слишком великодушное выражение, потому что все лентяйничали на разные лады. Одни болтали, другие ковыряли в носу, некоторые читали книгу для развлечения (!), ещё некоторые свешивались верхней частью тела вниз к городу, явно заигрывая с женщинами города. Один даже уединился с девушкой в башне и развлекался с ней, вероятно, вопреки правилам. И притом сзади. Поскольку девушка при этом свешивалась через стену в сторону города (это, похоже, было очень удобно), Тим воспользовался моментом и крикнул:

«Эй, девушка! Скажи, когда откроют ворота?»

«Я — не — знаю — точно — ааааа». Толчки сзади, похоже, мешали не только её голосу, но и разуму. Её огромные груди так раскачивались туда-сюда, что невозможно было отвести взгляд.

«Не смотри», — сказала Алиша. — «К тому же от неё ты не получишь внятного ответа».

Тим всё же на всякий случай ещё раз посмотрел — вдруг всё-таки будет внятный ответ. Ничего. Они вернулись к воротам.

Ворота были закрыты.

«Звонка тут нет, стучать в ворота бесполезно, надо кричать», — сказал Тим.

«Хааааалло!»

Ждали. Ничего. Но слышалось отрывистое женское стонанье. И здесь тоже!

«Я предчувствую неладное», — сказал Тим. Затем громко крикнул:

«Хаааааааалло!»

Даже совместный крик ничего не дал.

Тим стал искать камни, чтобы закинуть их через стену. Но ни одного не нашёл.

Даже других вещей, которые можно было бы бросить. Вероятно, многие до них уже додумались до этой идеи.

Пока Тим размышлял, что делать, Алиша подошла к воротам.

«Послушай», — спросила Алиша через плечо, — «как думаешь, зачем здесь поставили этот ящик с камнями?»

«Ты сейчас врёшь?» — ошеломлённо спросил Тим.

«Нет. — *Честно* нет!»

Тим, удивлённый, подошёл ближе. «Это новенькое», — сказал он, — «раньше этого ящика тут не было».

В ящике лежали камни идеального размера для броска. Тим взял несколько и отошёл назад. Он бросил первый камень через стену, второй, третий, четвёртый... А Алиша приносила ему новые.

Но в какой-то момент сверху на стене раздалось: «Ай!» — и между зубцами показалась голова прислужника. «Чего тебе?» — крикнул он сверху.

«Мы хотим войти!» — крикнул Тим в ответ. — «К Великой Пери!»

«Дай мне пять минут! Дай мне пять минут!» — крикнул прислужник сверху, выглядя искренне отчаянным.

«Ну, столько мы ещё подождём», — крикнул Тим в ответ.

Алиша захихикала.

Снова слышалось отрывистое женское стонанье.

«Слушай», — спросила Алиша, — «они, похоже, не очень-то соблюдают целибат?»

«Это добровольцы», — ответил Тим, — «те, что с женщинами. Я так предполагаю! В любом случае, обязательную службу с целибатом тебе навязывают, только если тебя поймали как нежеланного пришельца. Продолжать ли потом добровольно без целибата — твоё решение. Но есть и прислужники, которые никогда не проходили обязательную службу».

«Наверное, Пери надоело разгульное поведение её прислужников», — рассмеялась Алиша.

Им пришлось ждать не пять, а целых пятнадцать минут, пока ворота наконец не

открылись.

«Спасибо», — сказал привратник, — «ты действительно очень тактичный человек».

Хихикающая голая девушка, неся платье под мышкой, промчалась мимо них и, пробегая, послала привратнику воздушный поцелуй.

«Тссс — пожалуйста, не выдавай», — сказал привратник Алише. — «Вообще-то во время дежурства нам нельзя возиться с девушками. Но эта была такая милашка, как тут откажешься? Видела её маленькие упрюгие...»

«Ну всё, хватит», — рассмеялся Тим, — «пускай нас наконец внутрь».

Привратник пропустил их. Алиша и Тим оказались в большом сводчатом коридоре, стены которого, как и внешние, были сложены из жёлтых и красных каменных блоков. Пол коридора был полностью выложен лазурными кирпичами. Потолок казался сделанным из цельного куска жёлтого стекла. В конце широкого коридора вела вверх столь же широкая лестница.

Вот они и здесь.

У Алиши колотилось сердце от волнения.

«Ещё раз, зачем вы пришли?» — спросил привратник.

«К НЕЙ», — сказал Тим.

«Никогда не ходи к князю, если тебя не звали!» — наставительно сказал привратник.

«Нас же позвали!»

«Это, конечно, другое дело», — сказал привратник. — «Хорошо, я доложу о вас обоих, а вы пока приводите себя в порядок для аудиенции. Ты знаешь: *тщательно* помыться, *тщательно* причесать волосы, *тщательно* привести одежду в порядок!» — Привратник посмотрел теперь немного строго.

«Да, знаю», — проворчал Тим.

Алиша подняла брови, но ничего не сказала.

Привратник исчез.

«Я чувствую себя как девочка в детском саду», — прошептала Алиша.

«Это правильное отношение», — прошептал Тим в ответ. — «Примерно так оно и есть сейчас. Пойдём! *Тщательно* мыться».

Тим потянул Алишу к двери, через маленький коридор в небольшую комнату. Очень милую маленькую комнату. Там стояли семь красивых совершенно голых женщин, все выглядевшие совершенно одинаково, и приняли их.

«Что мне теперь делать?» — спросила Алиша.

«Позволь себя *тщательно* вымыть», — сказал Тим.

Алиша подчинилась. Семь красивых совершенно одинаковых голых женщин сделали семь одинаковых реверансов, а затем закружились вокруг Алиши и Тима. Они сняли с них одежду, пока оба не стояли голыми в комнате, после чего семь красивых совершенно одинаковых голых женщин притащили вёдрами тёплую воду, *тщательно* вымыли им волосы, *тщательно* вымыли всё тело, не пропустив ни единого уголка, включая потаённые, и Алиша с некоторой скептичностью отметила, что у Тима поднялся его жезл

удовольствия. И притом *тщательно*. Ещё скептичнее она стала, когда одна из семи красивых совершенно одинаковых голых женщин осторожно оттянула Тиму крайнюю плоть, чтобы осторожно вымыть и там. Ненужно *тщательно*, подумала Алиша, но, по крайней мере, одна из семи красивых совершенно одинаковых голых женщин в итоге отпустила жезл Тима.

Но и Алишу *тщательно* вымыли везде, и она вынуждена была признать, что это, выполненное именно так, ощущалось весьма приятно.

В конце их вытерли насухо, *тщательно* причесали и вернули одежду. Очищенную от пыли и *тщательно* выглаженную, как было видно хотя бы по униформе Тима. Наконец семь красивых голых женщин сделали семь глубоких реверансов и упорхнули. Алиша чувствовала себя комфортно в своей коже. Она громко спросила: «Здесь всегда так?»

«Всегда», — подтвердил Тим. — «Никого не пускают грязным».

«И на что мне теперь обратить внимание?» — спросила Алиша, когда они снова стояли в коридоре.

«Тебе вообще не надо ни на что обращать внимание», — сказал Тим. — «Этикета почти нет. Теперь будет аудиенция у Великой Пери. Она главная из всех Пери, но другие Пери ей равны. У каждой своя земля, но у этой, кроме того, есть задача заниматься делами, связанными с внешним миром, с обычным миром. Это она дала мне шанс проявить себя как прислужнику, чтобы получить вечное право на пребывание. И это она выбрала тебя для Перидэиса».

«ЧТО?! — Но откуда Пери меня знает?» — изумилась Алиша.

«Не знаю», — сказал Тим, — «просто спроси её. Это можно. Когда ты предстанешь перед Пери, просто сделай обычный реверанс, как делают здесь все женщины, и жди, пока к тебе обратятся. Потом можешь спрашивать. Не надо опускать голову или что-то ещё. Будь просто собой. Готова?»

«Мне надо ещё раз в туалет».

«Назад туда, где мы были, и там направо. Очень тщательно очищайся, больше, чем обычно. Я жду здесь».

Когда Алиша вернулась из туалета (снова с естественной водяной промывкой, как они это делают; чистка была проще простого), привратник уже ждал с юношей и повёл их обоих к лестнице в конце коридора. «Готовы?» — тихо спросил он.

«Да», — хором прошептали Алиша и Тим.

Тогда привратник громко крикнул: «Великая Пери ожидает ведьму Алишу и прислужника, которому было поручено её сопровождать!»

Тим взял Алишу за руку, и они вместе поднялись по широкой лестнице в конце коридора.

Наверху не было ни двери, ни ворот. Прямо за широкой лестницей открывался зал, залитый светом, в конце которого стоял трон. На троне в длинном белом платье сидела Великая Пери.



Коридор к Великой Пери был по обе стороны обрамлён рядом красивых, совершенно одинаковых женщин, которые все (одинаково) приподнимали руками свои груди и так их демонстрировали, как Алиша знала по множеству рисунков. Длинные (все одинаковые) платья этих женщин (все одинаково) подчёркивали обнажённую промежность. И все эти женщины стояли (одинаково) неподвижно и (одинаково) не моргая, бросали томные взгляды. Это, безусловно, имело стиль. Каково было Тиму? Обращали ли его эти красивые (совершенно одинаково соблазнительные) женщины? Их осанка, жесты и взгляды были пожирающими мужчин! Алише пришлось заставить себя не смотреть вниз на пенис Тима.

Красивые (совершенно одинаково соблазнительные) женщины выглядели как шпалеры тронной стражи. Султанам стоило бы взять с них пример, подумала Алиша. Двух мужчин с саблями за тронном хватило бы для настоящей охраны, больше — уже декорация. Для этого полуобнажённые красивые женщины были бы лучшим выбором — к тому же они могли бы выдирать ключья волос у нападающего, тогда как двадцать вооружённых саблями стражников в толкучке только порубили бы друг друга на куски.

Кстати о кусках. Осмелится ли она бросить взгляд на лучший кусок Тима?

«Держи свои мысли в узде», — подумала Алиша, — «ты сейчас у Великой Пери». У Алиши ком в горле стоял. Как хорошо, что Тим крепко держал её за руку и тянул за собой. Без него у неё подкосились бы колени.

Зал был не особенно большим, поэтому у Алиши не было много времени, чтобы разглядеть Великую Пери. Какие ровные светлые волосы у неё были! Какие упругие, выдающиеся полные груди! И как величественно торчали её соски, как волнующе изрезаны и чётко выделялись её ореолы! Какая красота! Как холодно она при этом выглядела! Как властно!

Через несколько мгновений они стояли прямо перед Пери. У неё были голубые глаза, в которых можно было утонуть.



Алиша сделала реверанс, слегка приподняв платье, как полагается. Как хорошо, что этикет требовал обычного реверанса; Пери сидела, широко расставив ноги, с задранной юбкой, демонстрируя свою (совершенную!) слегка приоткрытую вульву. Глубокий придворный поклон выглядел бы так, будто Алиша хочет поцеловать Пери промежность. Это, пожалуй, было бы слишком, даже в Перидэисе, хотя трон выглядел подозрительно многофункциональным.

Тим склонил голову перед Пери.

Большая Пери встала, подняла свой волшебный жезл и... и...

«Чёрт», — сказала Пери, — «почему эта дурацкая штука никогда не работает, когда нужна?»

«Ты забыла включить волшебный жезл?» — спросил Тим.

Алиша чуть не упала в обморок. Слово «культурный шок» лишь очень неполно описывает, что с ней происходило.

Вдруг раздался гром. Весь тронный зал внезапно озарился прекрасным лазурным светом. Лазурь и золото. Это было сказочное зрелище. И Пери в белом посреди этого. У Алиши снова отвисла челюсть.

«Ну неужели этот технический хлам не может *хоть раз* сработать как надо?» — отчаянно спросила Пери.

«А он сработал», — заметил Тим.

«Не сработал», — ругнулась Пери, — «этот дурацкий выключатель полностью испортил эффект! Идите сюда, вы двое», — продолжила Пери, — «как всё прошло? Рассказывай первой, Алиша!»

Пери знала её имя! Она казалась Алише немного холодной и неприступной (и такой неописуемо красивой!), но с другой стороны, как способная и справедливая начальница, которой не нужно унижать подчинённых. Её авторитет просто ощущался. И это несмотря на то, что она ещё шире раздвинула ноги — Алиша могла, как говорится, заглянуть глубоко в её рай. Аура власти Пери в сочетании с её невероятной эротикой, должно быть, была сокрушительной для мужчины с склонностью к сексуальной покорности.

Алиша рассказала о своих впечатлениях, поделилась восторгом и особенно подчеркнула, что любит Перидэис больше всего на свете. И спросила, как именно ей выпало огромное счастье быть избранной для Перидэиса. И поскольку Алиша при этом сияла, всё, должно быть, выглядело очень искренне и неподдельно. Пери даже слегка улыбнулась.

«Что ж», — ответила Пери на вопрос Алиши, — «в твоей семье была женщина, которая решила прожить свою жизнь рядом с мужем в обычном мире. Ты заняла её место. Это не обязательно причина, но так на тебя обратили внимание. И поскольку в тебе есть кое-что подходящее — собственные идеи, фантазии, мечты, — тебя в итоге выбрали. Не думай, что это случается часто. Твой интересный прислужник намекнул, в чём будет твоя задача?»

Алише хотелось узнать больше, но она не осмелилась спросить. Что касается задачи, она неуверенно посмотрела на Тима. Тот ободряюще улыбнулся.

«Даа-а», — немного заикаясь, сказала она. — «Он сказал, что мне придётся

иногда выполнять задания для тебя, и за это я смогу жить в Перидэисе».

«Ты приносишь в Перидэис ещё одну пользу — себя и свои мечты», — сказала Пери. — «Но что касается заданий: да, твой прислужник сказал правильно. Задания в Перидэисе и, по крайней мере, вначале, снаружи. Сама я не хочу выходить наружу, потому что это отнимает у меня время жизни, а здесь я тоже не могу заниматься всем сама. Готова ли ты выполнять такие задания?» Алиша взволнованно кивнула. «Да!» — сказала она, — «готова».

«Рада слышать», — ответила Пери, — «ещё никто не отвечал иначе».

Пери повернулась к Тиму. «Теперь рассказывай ты!»

Тим кратко описал приключения, которые так нравились Алише, но очень подробно рассказал о капитане Прильвице и товарищке из ЗПКК.

Пери нахмурилась. «О товарищке из ЗПКК я уже знаю», — сказала она. — «Похоже, она нашла своё счастье и, насколько мне известно, пока не желает ничего сверх того, что уже обрела. Но то, что делает этот капитан Прильвиц, мне не нравится. Приходите завтра снова, чтобы получить ваше задание».

Они были отпущены. Алиша сделала реверанс, Тим склонил голову, и они прошли обратно через длинный тронный зал, между красивыми одинаковыми обнажёнными женщинами, которые все одинаково не моргали и одинаково демонстрировали свои груди руками, до лестницы, спустились вниз и наконец оказались внизу.

Алиша набрала воздуха, но Тим закрыл ей рот рукой. «Не здесь», — прошептал он.

Так они вернулись к воротам замка.

«Как мы завтра снова войдём?» — громко спросил Тим у стража.

«Приведёшь мне девушку?» — спросил страж.

«А кто будет работать за девушку?» — спросил Тим в ответ. — «Ей ведь тоже надо жить».

«Хочешь войти или нет?» — хитро спросил страж.

«Мы приведём тебе девушку!» — ответила Алиша вместо Тима.

Тот проворчал, но не возразил.

Снаружи Тим сказал Алише: «За это мне, возможно, придётся часами таскать вещи туда-сюда, ты об этом подумала? Если вместо этого я закидаю кучу камней через стену, мы могли бы быть быстрее».

«Я великодушно пожертвую собой», — ответила Алиша, — «я так ему дам, что это займёт всего пять минут, и выглядит он неплохо. Не говори „нет“, я ужасно недолюблена и твёрдо обещаю думать о тебе».

«Хорошо, сделаем так», — сказал Тим. — «Он не плохой парень, добрый и умеет своё дело. Но к другому — ты хотела что-то спросить?»

«Да! — Почему у Пери нет стражи? Эти женщины — просто декорация?»

«Нет, это *и есть* её стража. Женщину они всё равно одолеют, хотя бы своей массой, а мужчин, в крайнем случае, заезжают до смерти, пока те не засвистят на последнем издыхании. Женское оружие! Не забывай, где ты».

Алиша, громко смеясь, опустилась на колени. — «И это работает?»

«Ещё как!» — мрачно сказал Тим. — «Но у меня есть ещё идеи».

«Какие?»

«У озера в городе есть симпатичный маленький пляж, и можно поплавать».

Оба, держась за руки, побежали, и через несколько минут были в воде.

«Восхитительно!» — воскликнула Алиша.

Тим отмахнулся: «За городом есть и настоящие большие пляжи. С пальмами, банановыми рощами позади и всем прочим. Но городской пляж ближе».

Алиша заметила, как маленькая лодка отчалила от берега, и спросила: «Здесь можно кататься на лодке?»

«Нет», — ответил Тим. — «В середине этого озера находится запретный остров. Никому нельзя к нему приближаться. Этот остров только для Пери. Нам туда тоже нельзя».

«Что на острове? И для чего эта лодка?»

«Ходят слухи, что на острове есть нечто вроде святилища. Но никто не знает. Или Пери просто хотят там покоя, своего рода личного пространства, или что-то ещё. Так думаем мы, посетители. Простые жители Перидэиса боятся острова и рассказывают о нём самые странные страшные истории. В любом случае, никто туда не плавает. Лодка раз в неделю привозит молоко Пери на этот остров. Но что там делают с молоком Пери, никто не знает».

«Неужели никому не любопытно?»

«Знаешь», — сказал Тим, — «жители действительно не любопытны, боятся Пери и ещё больше острова. А посетители, то есть ведьмы, и без острова имеют более чем достаточно дел. В остальном это... принимается как своего рода личной территория Пери. Хотя есть слухи, что все одиннадцать Пери иногда собираются там. Помнишь ту маленькую историю, которую тебе прислали дома?»

«Конечно!»

«Так вот, мужчина, упомянутый там, создатель Перидэиса, якобы находится там. Говорят, он покоится в той большой горе, о которой говорится в истории. Если это правда, неважно, какие у тебя предположения о природе Перидэиса, если ты туда пойдёшь, рискуешь правом пребывания в Перидэисе. А если твоё время в обычном мире почти истекло, это означает скорую смерть. Если ты религиозен, там Бог или, в зависимости от религии, по крайней мере *один* бог. Если веришь в магию, там всемогущий волшебник. Если веришь в технику, там техника, которую мы даже отдалённо не понимаем. Но в любом случае там нечто, по сравнению с которым мы — крошечный огонёк, которому лучше держаться подальше от бури. — Не смотри так испуганно, это не угрожающе, а как горячая печь, о которой ребёнка предупреждают, чтобы он не обжёгся, но которая его греет. Ничего больше. — Ты всё ещё смотришь испуганно! Ладно, тогда это ящик с любовными письмами из маминой юности. И если ты туда полезешь, будет *настоящий* скандал с мамой!»

Теперь Алиша рассмеялась.

«А теперь устроим небольшую прогулку», — сказал Тим.

«Куда?»

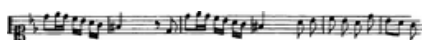
«Подожди, увидишь».

Алиша и Тим прошли через несколько переулков, пока не оказались у городской стены. Но на этот раз с внутренней стороны. Прямо к золотисто сияющей городской стене был пристроен дом. Похоже, таверна.

«Сюда заходим», — сказал Тим.

«Это и есть небольшая прогулка?» — удивилась Алиша.

«Подожди, увидишь». — Тим рассмеялся.



Таверна Фрица

У таверны была бронзовая дверь, на которой Алиша снова заметила украшения с изображением стилизованной женщины, протягивающей свои груди руками. Тим открыл бронзовую дверь и втолкнул Алишу внутрь таверны.

Алиша увидела обычную таверну с баром и столами. Но бар был пуст, и за столами никто не сидел. Весь пол был выложен золотисто блестящими камнями. Алише не пришлось гадать — это было кошачье золото. В глубине зала лестница из кошачьего золота вела в подвал. Оттуда доносился шум множества людей. Значит, главные помещения находились под землёй. Алиша и Тим направились к лестнице из кошачьего золота и спустились по ступеням.

Внизу открывался большой сводчатый зал неправильной формы из жёлто-охристого камня с пятнами, в котором во множестве мест сверкали красивые кристаллы кошачьего золота. Свод был в разы больше, чем можно было предположить по маленькому зданию таверны наверху. В скале было множество ниш, то побольше, то поменьше, некоторые из которых были обставлены каменными скамьями и столами. В одной особенно большой, но неглубокой нише Алиша увидела фреску, высеченную в стене, снова изображавшую ту же стилизованную женщину, протягивающую зрителю свои груди, с нижней частью тела в форме буквы О. На стенах залов висели многочисленные картины, похоже, написанные маслом, изображавшие Перидэис. Там были знакомые ей фантастические пейзажи, изображения неизвестных маленьких городов с причудливыми домами, люди в ещё более странной одежде (женщины, естественно, везде с обнажённой грудью) и среди них всё снова изображения самых разных сексуальных актов, многие из которых Алиша уже видела. Как невероятно разнообразна человеческая сексуальность! И всё же за некоторые из этих вещей в определённых странах обычного мира можно было бы угодить за решётку. И, наконец, повсюду были столы и скамьи из дерева, некоторые с бронзовыми накладками, некоторые без,

и все богато украшенные резьбой.

И, конечно, в сводчатых залах таверны были гости. Кто-то же должен был производить весь этот шум.

В тот момент, когда они спустились по лестнице, все разговоры затихли, стало совсем тихо, и все присутствующие поднялись с мест.

Алиша моментально покраснела, потому что все смотрели на неё.

Тим рассмеялся, увидев красное лицо Алиши, поднял её руку и громко крикнул в зал: «Не смотрите так! Это Алиша. По желанию и поручению Великой Пери она теперь с нами».

Толпа разразилась аплодисментами, свистом и радостными возгласами. Сколько их было, Алиша не могла сказать, потому что зал был довольно запутанным, и к нему примыкали другие помещения. Полнобородый мужчина с полудлинными белыми волосами подошёл к Алише, крепко схватил её за оба плеча и сказал громовым голосом:

«Сердечно добро пожаловать в Перидэис! Конечно, люди здесь не пилились тебе невежливо в лицо, а только смотрели, хорошая ли у тебя грудь».

Мужчина громко рассмеялся, Алиша покраснела ещё сильнее, но каким-то образом он действительно разрядил обстановку. Толпа снова загудела и зааплодировала, и все подняли бокалы. Разноцветные бокалы всех возможных цветов, не кубки.

«Не каждый день случается», — сказал мужчина, — «чтобы Пери официально пригласили кого-то из нашего уголка мира в Перидэис. Остальные пробрались сюда и были реабилитированы». Он подмигнул. «Знаешь, три года выдержки».

Теперь настала очередь Тима. Алиша хихикнула. Намёк был ясен.

Мужчина продолжил: «Если у тебя есть вопросы о Перидэисе, нужна помощь или просто хочешь поболтать и расслабиться, приходи сюда в эту таверну, здесь мы среди своих. Ни местных жителей, ни Пери. Считай таверну своим маленьким домом. Таверна называется „У старого Фрица“, короче: таверна Фрица. Из этого, думаю, понятно, кого ты здесь встретишь: раньше были люди со всей Германии, теперь, по строительным причинам, скорее из ГДР. Но есть и западные берлинцы, которые неформально продлевают свой дневной пропуск⁵⁵, и к тому же у нас есть молодые душой древние берлинцы, которые по праву давно должны были бы быть мертвы».

«Они...»

«Ты!»

«Ты... имеешь в виду, здесь есть люди, которым сто лет или больше?»

«Что, ты этого не знала?»

«Знала, но никогда не встречала таких осознанно».

Молодая женщина, примерно одного возраста с Алишей, протиснулась через толпу: «Я, если позволишь. Родилась в 1896 году. И слиняла из обычного мира,

55 Западные берлинцы могли до падения стены относительно безбюрократично посещать Восточный Берлин с дневной визой, действительной только до полуночи текущего дня.

когда они развязали мировую войну».

«Правда?! Так дооо... долго ты уже живёшь? Ты выглядишь совсем молодой!»

«Спасибо, но здесь есть старушки куда старше меня».

«И ты с тех пор ни разу не возвращалась в обычный мир?»

«Только в начале, совсем чуть-чуть, совсем ненадолго. Здесь было лучше, и к тому же они хотели притянуть меня за разврат».

«Что? Что ты сделала?»

«Стоп», — проворчал полнобородый мужчина, — «это я не хочу слышать в тысячный раз. Ищите себе стол и не стойте тут так неуютно».

«Грубиян!» — крикнула девушка мужчине и поманила Алишу следовать за ней.

«Стой», — рассмеялся Тим. — «Я тоже не хочу это слушать в тысячный раз и хотел бы сейчас взять тайм-аут на пару пива. Можно?»

«Разрешаю!» — ответила Алиша.

«Тогда ты одна», — сказала девушка, — «спрашивается, зачем мужикам вообще уши. Уж точно не для того, чтобы слушать женщин». И она увела Алишу.

Алише понравилась таверна, и она чувствовала себя уютно. Пока они шли через таверну, Алиша осматривалась. Без исключения все женщины носили платья, полностью обнажающие грудь, и здесь в самых разных вариантах. Как выглядели эти женщины дома? Девушка впереди неё не имела ничего, что напоминало бы о её происхождении. Тут Алиша вспомнила: точно! Сюда приходишь таким, каким ты должен быть, без причёсок, макияжа и прочего. Это, наверное, вызвало бы шок, если бы некоторых людей увидеть дома как соседок, коллег или ещё кого-то. Мысль, что их можно встретить дома на улице, немного смущала Алишу. Уверенность, что в Перидэисе никто не знаком, очень облегчала ей раскрепощённость, возможность расслабиться, отдаться и наслаждаться тем, что можно показывать своё тело, особенно вечно обнажённые груди, такие, которые выглядели полными молока, а не как греческие статуи. Как вели себя другие женщины? — Очевидно, раскрепощённо, непринуждённо. Алиша снова почувствовала себя увереннее. Особенно то, что все женщины тоже открыто носили свои более или менее полные молока груди, было как сигнал. Но, конечно, и наряды. Никакого намёка на дух ГДР, который обходит только самодельные вещи. То, что видела Алиша, было сплошь высококреативно. Одна женщина была одета в чёрную кожу, ремни охватывали её обнажённые груди, другая носила искусную вариацию вырезанного платья в стиле рококо, ещё одна — рубашку с хитроумными отверстиями, через которые выглядывали груди, а её ноги до самого основания ягодиц оставались полностью открытыми. И ещё одна была одета как деревенский плотник, и из плотницкого жилета выглядывали груди, почти такие же плоские, как у мужчины, только большие изрезанные ореолы и лёгкая округлость явно выдавали женщину. Эта женщина весело рассмеялась Алише и подмигнула: «Если захочешь попробовать женщину?» Алиша рассмеялась в ответ. Здесь это не казалось неправильным, это было частью здешнего уклада. Непринуждённое поведение, как и непринуждённая одежда. В

любом случае одежда в Перидэисе была очень разнообразной. По пути в каждой местности был свой общий стиль, но здесь всё было пёстро. Особенно Алише запомнились несколько женщин, которые на интересный манер открыто обнажали промежность, что Алиша должна была запомнить. В Перидэисе вообще были интересные идеи, как держать половые органы призывно доступными.

Как и в первой таверне, Алиша заметила в глубине зала стулья, подозрительно напоминающие гинекологические кресла, не оставляющие сомнений насчёт одежды. Казалось, сюда собрали всё, что страна предлагала в плане изобретений и творческого искусства, словно в туристическом центре, рекламирующем страну, где выставляют самые интересные вещи. — Конечно, не для создания реалистичной картины страны, ведь цель туристического центра не в этом, а в том, чтобы создать как можно более идеальный, яркий и сочный образ, вызывающий желание большего. Примерно так Алиша описала бы убранство таверны. Но вернёмся к очень специфичной мебели: там было всё, что могло служить для того, чтобы как-то расположить, усадить, подвесить, удержать женщину или мужчину так, чтобы с ней или с ним можно было... играть на разные лады. Слово «играть» было бы самым подходящим. Вместе или давая и принимая. И все эти стулья, лежанки, каркасы, сетки, столы и прочее были настоящим пиршеством для глаз по изобретательности исполнения и украшений, из дерева, кожи и бронзы, всё очень пышно оформлено. Это было место необузданной похоти, стремящейся освободиться от гнёта подавления. Это, конечно, относилось ко всему Перидэйсу, но здесь в очень концентрированной форме.

И так же люди. Но, несмотря на очень разную одежду, они мало отличались от людей в стране. В городах Алиша нередко видела, как женщины играли пальцами в своём лоне, болтая с соседями по столу, или мужчины держали руки на груди женщин, чтобы стимулировать выработку молока, если не делали сразу полную работу, для которой нужен кубок. Или женщины втирали крем в кожу, где главное — свежесть крема. Но это, конечно, лишь примеры.

Большинство мужчин в таверне были одеты гораздо менее откровенно, чем женщины, что Алиша заметила и в стране. Пожалуй, лишь каждый пятый мужчина полностью обнажал свои половые органы или ягодицы, но одежда всё равно была необычной, фантастической и как-то сексуальной. Были и полностью голые мужчины, одетые лишь в своего рода сбрую из кожаных ремней.

Женщина, которая увела Алишу, обернулась: «Что думаешь об этом месте там сзади?» — В глубине ещё были свободные столы, с которых открывался хороший вид на таверну. Место понравилось Алише.

«Нравится? Меня зовут Клара», — сказала женщина. — «Хочешь пить, хочешь есть?»

«Я бы выпила. А поесть... что здесь есть?»

«Что-нибудь приличное из дома?»

«Обязательно».

После долгих обсуждений перед Алишей оказался простой свиной жареный кусок с картофелем, соусом и капустным салатом. Так надо. Нельзя же всё время есть что-то особенное. Ей нужно было что-то совершенно обычное. В школе соус всегда был одинаковым на вкус, и ученики шутили, что это великий триумф над капитализмом, поскольку он поставляется по соусному нефтепроводу «Дружба» во все социалистические страны.

Помимо еды, Клара принесла с бара минеральную воду. «Лучше всего утоляет жажду», — прокомментировала она. Остальные семнадцать тысяч напитков (по словам Клары) Алише лучше пробовать позже.

Алиша отхлебнула из бокала во время еды и нашла минеральную воду превосходной.

Когда Алиша поела, Клара, с трудом сдерживавшая себя, наконец спросила:

«Ну, как тебе Перидэис? В прямом смысле сносит, да?»

«Да! Я никогда не надеялась узнать что-то настолько прекрасное».

«Не жеманничай, когда девица падает, обычно на спину. Ты же не зажимаешь бёдра только потому, что твой шикарный прислужник не может, правда?»

Алиша покраснела: «Нет, я вполне...»

«Вот и славно! Без этого и нездорово. Как моя старая хозяйка, она...»

«Стоп, стоп, стоп», — рассмеялась Алиша. — «Не хочешь рассказать по порядку? Начни с того, откуда ты, и что там с разворотом?»

«Ты права», — сказала Клара. — «Итак. Я, как и ты, была выбрана Пери, настоящий перидэисский аристократ, не пробиралась сюда тайком. Мои родители умерли, не успев меня выдать замуж. Без соболезнований, это было давно. Незамужняя, молодая и одинокая — тогда это считалось чем-то неприличным, по крайней мере, в приличных кругах. Хотя в Берлине, уже тогда, было, по сути, всё. Сначала было скучно, одной в большой квартире, но мне через надёжного разносчика поставляли некую французскую постельную литературу, которая так подробно описывала волнующие вещи, что нельзя было не прерываться на практические упражнения, чтобы спокойно продолжить чтение. Я буквально пожирала этот хлам, хотя среди него были и хорошие книги. Упоминая это, чтобы ты поняла, в каком настроении я была в те несколько месяцев между смертью родителей и моей первой поездкой в Перидэис. Однажды я прочитала в газете о скандале вокруг книги под названием „Счастливый брак“. Фишка была в том, что муж должен прикладываться к груди своей жены; и если он регулярно сосёт, молоко начнёт выделяться, даже если она не была беременна. Но главное — месячные прекращаются. Это хотел использовать автор, некий господин Буттенштедт, чтобы предотвратить нежелательные беременности. В то время! Ты не представляешь, что началось. Одни плевались ядом и серой, кричали о Содоме и Гоморре, но другие спокойно подтверждали, что это действительно работает.

Господина Буттенштедта тут же потащили в суд за разврат, но в итоге оправдали. Избегание нежелательных беременностей не было моей проблемой, пока нет, но то, что груди могут постоянно давать молоко, с беременностью или без, это меня просто заворожило. Это было моё, понимаешь? Это было что-то, что имело глубокие корни во мне. Даже сейчас у меня тянет грудь, когда я вспоминаю те времена. Может, я даже стала бы кормилицей, если бы не была богатой дочкой буржуа. Главное, в идее господина Буттенштедта была разница — давать молоко без материнских обязанностей, это значило не подавлять чувства. С мужчиной или без. В общем, мне нужна была эта книга, чего бы это ни стоило, а стоила она немало. Мой разносчик⁵⁶, к сожалению, не мог её достать. Пришлось заказывать официально по письму, да ещё подписать обязательство хранить её содержание в тайне. Это ещё ладно. Проблема была в том, что книгу выдавали только замужним. Так что я нагло заказала как „госпожа“, а не „фрейлейн“, что позже, конечно, всплыло, но это сейчас неважно. В общем, я получила книгу и проглотила её, как только она оказалась у меня в руках. Я даже выписывала важные места. Суть дела довольно проста, я знаю текст наизусть. Хочешь послушать?»

«Да».

«Он гласит:

Сосут ежедневно 3–4 раза, по 5–10 минут у каждой груди жены, тогда при нормальных условиях через 3–30 дней появится молоко. Если мужчина продолжает ежедневно пить молоко, пока груди полны, женщина теряет месячные, и с этого момента можно совершать половой акт без риска зачатия, и если продолжать ежедневно пить молоко, можно беззаботно продолжать половую жизнь как прежде.

При сосании оба супруга, особенно женщина, испытывают сильное половое удовольствие, и это также задумано природой.»

Man saugt täglich 3 bis 4 Mal, je 5–10 Minuten an jeder Brust seiner Frau, dann wird bei normalen Verhältnissen in 3–30 Tagen Milch erzielt werden. Trinkt der Mann nun die Milch weiter täglich so oft ab, als die Brüste voll sind, dann verliert die Frau ihre Periode und von diesem Zeitpunkte kann man den Geschlechtsaft vollziehen ohne daß Empfängnis eintritt und trinkt man nun täglich weiter die Milch ab, so kann man geschlechtlich auch unbeforgt weiter leben wie bisher. —

Bei dem Saugen haben beide Gatten, besonders aber die Frau, ein hohes geschlechtliches Wohlgefühl, und das ist auch von der Natur beabsichtigt.

56 Кольпортёр: разносчик книг. Часто романы с продолжением распространялись в виде дешёвых выпусков, но также новости и назидательные писания для души (открыто) или тела (тайно).

Сильное половое удовольствие, какое удовольствие это читать! (Клара рассмеялась.) И когда мужчина лезет тебе под юбки, то сначала удовольствие, а потом никакой работы. Остальная часть книги меня не волновала. Некоторые писали, что у них получилось, ну, с молоком, что, конечно, читалось интересно. А у других не было успеха в плане экономии труда, что я восприняла как серьёзное предупреждение. Но главное, у господина Буттенштедта была навязчивая идея, что в итоге супруги станут бессмертными. Поэтому позже у меня зародилось подозрение, что господин Буттенштедт что-то разузнал о Перидэисе и на этом построил свою теорию. Но точно не знаю, Перидэис в книге не упоминался, а бессмертие должно было достигаться через обмен неким флюидом между мужчиной и женщиной. Молоко туда, семя сюда. Позже я слышала, что у китайцев эта идея была ещё тысячу лет назад. — Неважно. У меня самой была практическая проблема — не было мужчины, который мог бы сосать мою грудь. Сама я ртом до неё не дотягивалась, уж слишком маленькие были мои груди. Тогда я достала для знакомой маленькую стеклянную молокоотсос с резиновым баллоном. Это было интересно, но не сработало, и у меня только рука сводила судорогами. Тогда я достала насос с трубкой для отсасывания. Это ощущалось очень интересно, но молока это тоже не дало. Наконец я прочитала о другой книге с высокопарным названием «Новое откровение природы» некоего господина Функе. Я бы о ней никогда не узнала, если бы господин Буттенштедт не проклял её как плагиат, но в итоге это было не так. В новой книге, помимо интересной части, было ещё больше глупостей, но способ добиться потока молока был для меня лучше: это был особый массаж груди. С его помощью я, к своей бесконечной радости, извлекла из своей груди первые капельки молока. Автор писал к этому: *Ты должна позволить своей жизненной силе в виде молока течь из твоих грудей на благо и удовольствие других людей.* Можно над этим смеяться, но для меня это было откровением. Кстати, идея массажа груди господина Функе тоже была давно известна в Китае. Это я узнала позже. Но это работало, и я могла увеличить количество молока, регулярно делая массаж.

«Как ты совмещала это с работой?» — спросила Алиша.

«Работа? — Я? Фрейлейн моего положения не работала. Это делал мужчина, а женщина оставалась дома и изводила служанок. У меня было достаточно денег, я читала, ходила в оперу, на концерты и в театр, вела утончённые беседы с подругами и осторожно принималась к тому, кого подруги рекомендовали мне как подходящего мужа. Он должен был мне подходить, быть богатым, образованным, хорошо выглядеть и ещё куча всего, что в сумме всё равно не достать».

Алиша рассмеялась.

«Короче, я хотела всего, и проблема в том, что хорошие мужчины рано или поздно расхватываются. Третья книга, кстати, рекомендовала вызывать молоко с помощью гипноза, но к счастью я уже справилась. Теперь моя проблема была в том, что полиция взяла меня на прицел. Против меня у них ничего не было, но

это было очень неприятно. Кому охота являться в участок и отвечать на неловкие вопросы. Я подозревала, что доносила моя хозяйка, злобная тварь, которой муж давно уже ничего не давал. Она не раз отпускала язвительные замечания насчёт того, что пора замуж, и, главное, у неё был ключ от моей квартиры. И что ты думаешь, она точно туда заходила, пока меня не было, это факт. Хорошо, что я всегда надёжно прятала постельную литературу».

«И что дальше?»

«Однажды, к моему счастью, мне загадочным образом пришёл толстый конверт, в котором лежала маленькая книжечка в кожаном переплёте».

«Как у меня!» — взволнованно воскликнула Алиша.

Клара улыбнулась: «Только мне не пришлось путешествовать так далеко, как тебе. Немного по железной дороге, немного на конной повозке, немного пешком. А позже даже прямо в Берлине. — Но знаешь что, сейчас подходящий момент позвать твоего прислужника. Вот увидишь. Он наверняка хочет тебе что-то показать».

Алишу потащили к бару, и Клара позаботилась, чтобы Тим вернулся. Когда он появился, Клара шепнула Алише: «Мы ещё обязательно увидимся. Ведь ты мою историю слышала только *один* раз. И держи своего прислужника крепко, это же картина мужчины! Женщине нужен парень, а не разогретый труп». Она подмигнула Алише и исчезла.

«Ну», — сказал Тим, — «было интересно?»

«Очень!» — воскликнула Алиша.

«И у меня тоже. В первый раз. И во второй, и в третий».

Алиша рассмеялась и шлёпнула Тима по задку.

«Нападение на государственную власть!» — крикнул он. И: «Кстати о государственной власти, теперь обещанный сюрприз. Пойдём!»

Алиша с любопытством последовала за Тимом.

Они прошли через залы таверны к тяжёлой широкой деревянной двери. За дверью вела лестница ещё глубже вниз. Слева и справа на стенах висели факелы. Алиша и Тим спустились по лестнице.

В конце лестницы начинался подземный коридор. Примерно через пятьдесят метров они снова оказались перед большой деревянной дверью. Тим открыл дверь и пропустил Алишу внутрь. Они оказались в простой пещере с чем-то вроде алтаря посередине, сложенного из кирпича.

«Переход!» — воскликнула Алиша.

«Да, точно», — сказал Тим. — «На этот раз я иду первым, а ты за мной. Смотри. Мы сейчас сделаем только короткий выезд. Я хочу показать тебе этот переход, но мы вернёмся в Перидэис. Твоё возвращение мы организуем через другой переход. Но этот ты должна хотя бы раз увидеть».

«Что это за переход?»

«Пусть будет сюрприз!»

«Хорошо. А что делать с платьем?»

«Раздевайся».

«А куда его девать?»

«Просто оставь лежать».

«Ты спятил? Я же не оставлю платье валяться на полу».

Тим вздохнул. «Хорошо, хорошо, хорошо», — сказал он, — «аккуратно сложи его».

«А потом?»

«Положи на пол».

«Это же не лучше».

«Ну и что? Даже если кто-то придёт, что с того?»

«Но...»

«Пожалуйста, пожалуйста. Иначе пришлось бы возвращаться и раздеваться в таверне. Я просто не подумал».

Алиша уступила.

После того как Алиша через алтарь вернулась в обычный мир, на этот раз в переходе она увидела нечто вроде большого сводчатого подвала, полностью выложенного жёлтым кирпичом, с верхним сводом из жёлтых клинкеров. Просто, очень аккуратно выложено и весьма красиво. И здесь снова была та самая стилизованная женщина, чьи ноги образовывали большую букву «О», а она протягивала зрителю свои груди. Например, на полу она была слегка рельефно выжжена в жёлтый клинкер так, что множество клинкеров вместе составляли символ женщины.

Алтарный стол на этот раз находился в нише свода, а обязательное место для купания выглядело как большой бассейн, но постоянно прерываемый жёлтыми клинкерными колоннами. Можно было проплывать между клинкерными колоннами. Вода была кристально чистой, и через неё был виден идеально чистый клинкерный пол. В воде ощущалось лёгкое движение, а чуть дальше слышался сильный шум воды. Но воздух был совершенно сухой. Только когда Алиша прошла чуть дальше, по влажному воздуху стало понятно, что поблизости водопад или что-то подобное.

Тим встретил Алишу в переходном помещении и взял на себя руководство. По желанию Алиши они сначала пошли посмотреть, откуда шум воды. — Это действительно был своего рода водопад. Вода падала с высоты всего одного метра, но зато на ширине не менее тридцати или сорока метров равномерно в бассейн. Наверху вода была глубиной всего несколько сантиметров, но ширина создавала объём. Коридор, по которому сюда текла вода, был высотой около двух метров, полностью выложен жёлтыми клинкерными кирпичами и, судя по всему, даже далеко сзади сохранял свою ширину, прерываемую только опорами. Всё было идеально чисто, без повреждений, и клинкеры везде уложены на аккуратном равном расстоянии.

Когда они достаточно насмотрелись, они вернулись, обойдя бассейн. Прямо за бассейном была ниша, ведущая в обычный мир. Здесь воздух вдруг снова стал

совершенно сухим. Прямо перед ними теперь был дверной проём из ряда жёлтых клинкерных кирпичей. Внутри проёма была знакомая стилизованная женщина, на этот раз в глубоко вырезанном рельефе из жёлтых клинкеров.

«Теперь мне точно нужно идти первым», — сказал Тим. — «Я должен проверить, чист ли путь. Жди здесь. Если всё в порядке, я вернусь и скажу».

«А если нет?»

«Маловероятно. Если вопреки ожиданиям я не вернусь через полчаса, возвращайся в таверну и проводи там время. Но скорее всего я буду здесь через три-четыре минуты».

Тим исчез через рельеф в стене.

И вот: не прошло и двух минут, как Тим вернулся. «Путь чист!» — сказал он. — «Я иду первым, а ты медленно считай до двадцати и потом следуй за мной. Хорошо?»

«Хорошо!»

Тим снова исчез. Алиша громко считала, пока не дошла до двадцати, и последовала за ним.

Колышущаяся красная жидкость, странные глухие звуки, Алиша гребла вперёд, и наконец она прошла.

«Ой!»

Это был заваленный хламом подвал, ничего больше. Прохладный подвал.

Тим стоял перед Алишей с фонариком в руке и смеялся. «Вот!» — сказал он, — «надень хотя бы шлёпки».

«Где мы? И почему так холодно?»

«Подожди, увидишь!» — Тим потащил Алишу через подвал с замурованными световыми шахтами в подземный коридор. Сначала спускались по старой кирпичной лестнице довольно глубоко, но затем начинался сводчатый коридор. Штукатурка на стенах коридора была обшарпанной, но пол был довольно чистым. Слева и справа были установлены железные перила.

«Просто иди за мной», — сказал Тим, — «и на всякий случай не говори громко».

Открытая стальная дверь старой конструкции прерывала коридор, но он продолжался. Поворот, замурованные входы, ещё поворот, и ещё одна открытая стальная дверь старой конструкции прерывала коридор. Но он всё ещё продолжался. После третьей стальной двери они снова наткнулись на лестницу, на этот раз ведущую вверх. Наконец последняя стальная дверь, внезапно стало душно и тепло, и они оказались в завешанном паутиной подвале с пустыми пивными ящиками, старыми стульями и столами и прочим подобным хламом. Тим потянул Алишу к подвальному окну с решёткой, наполовину находившемуся над землёй, состоявшему из множества квадратных стёкол, из которых как минимум половина была разбита. Алиша выглянула наружу. Она увидела серые многоквартирные дома. Улицу. Фонари. Машины. Трабант! Вартбург! Москвич! Польский Фиат! Лада! Шкода!

«Вот это да!» — выдохнула Алиша. — «Мы в ГДР?»

«Да. Посмотрим, догадаешься ли, где».

«Берлин?»

«Да».

«Хм. Меньше похоже на центр, скорее Фридрихсхайн, Пренцлауэр Берг или что-то такое».

«Прямое попадание! Пренцлауэр Берг!» Тим назвал Алише адрес⁵⁷.

«То есть я могу выйти и через полчаса быть дома?»

«Нет».

«Почему?»

«Голая, как ты есть, первый же народный полицейский спросит у тебя удостоверение личности».

Алиша хихикнула.

«Нет», — сказал Тим, — «ты должна вернуться ожидаемым путём, и до этого никто не должен тебя здесь увидеть. Но я покажу тебе ещё кое-что. Над нами паршивая забегаловка. Я проверил, сейчас время закрытия, так что мы ничем не рискуем. Хозяин забегаловки один из нас, перед ним тебе нечего стесняться. Но с гостями, конечно, никогда не знаешь».

Тим открыл дверь и пошёл впереди. Алиша последовала, и Тим снова закрыл дверь. Снаружи было написано «Склад».

«Эту дверь откроешь, только если слегка приподнимешь за ручку», — сказал Тим. — «Попробуй».

Алиша нажала на ручку и потянула дверь на пробу. Она казалась крепко запертой. Теперь Алиша взялась за ручку обеими руками и приподняла дверь. Дверь неожиданно легко поднялась на два сантиметра и в этом положении без труда открылась.

«Маленькая хитрость против заблудившихся», — сказал Тим. — «В остальном здесь внизу складские помещения и, главное, туалеты забегаловки, так что ты можешь незаметно спуститься».

«Ааа!» Алиша увидела двери. И лестницу, ведущую наверх.

Тим поднялся по лестнице, и Алиша последовала за ним. Наверху был небольшой лестничный пролёт, узкая дверь, вероятно, вела в чулан, большая дверь выглядела так, будто вела в подъезд, и ещё одна открытая дверь вела в зал забегаловки. В зале никого не было, и свет был выключен. Иначе было бы плохо, ведь и Тим, и Алиша были совершенно голые.

Зал забегаловки был невероятно уродлив и вонял пивом и холодным сигаретным дымом. Стойка, унылые столы и стулья, белые стены, на потолке неоновые лампы, одно из наружных окон было занавешено шторами, которые наверняка были жёлтыми и липкими. Алиша передёрнулась.

«Мерзкая забегаловка», — сказала Алиша.

«Идеально», — сказал Тим. — «Постоянные посетители всегда пьяны и ничего

57 Просим читателя отнестись с пониманием к тому, что адрес указать нельзя.

не замечают, а наблюдатель сразу бросается в глаза. Боковая дверь у лестницы во время работы не заперта, а вне часов работы ты хотя бы можешь выйти. Защёлка. Если ничего не пьёшь, оставь хозяину хотя бы марку, чтобы он покрыл свои расходы. Хороший парень, не разбогатеет на этом заведении. Выход через коридор ведёт, во-первых, прямо на улицу, а во-вторых, через задние дворы к другим домам. Пользуйся этим, чтобы остаться максимально незаметной».

«Гениально придумано», — прокомментировала Алиша. — «Кто только додумывается до таких идей?»

«Кто больше всего разбирается в таких вещах?»

«Нет! Ты что ли?»

«Не совсем, но направление верное», — ухмыльнулся Тим.

Затем Алиша и Тим спустились по лестнице и прошли обратно через многочисленные коридоры и подвалы, пока не оказались снова перед переходом, через который пришли. Тим показал Алише джутовую занавеску, которая обычно закрывала переход. На стене слабо виднелась в старых красках стилизованная женщина, протягивающая зрителю свои груди.

«Занавеску я повешу обратно, когда последую за тобой», — объяснил Тим. — «Вылазка на этом закончена, больше не рискуем. Иди первой!»

После того как Алиша прошла через стену, Тим повесил джутовую занавеску на старые крюки в стене и последовал за Алишей.

В переходном помещении его встретила громко смеющаяся Алиша, которая толкнула его в бассейн.

«Удивительная вылазка удалась», — прокомментировала Алиша, когда оба оказались в воде. — «Хотя я в принципе это подозревала. Позже я смогу через эту забегаловку в любое время попасть в Перидэс?»

«Только следы, чтобы это не бросалось в глаза. А так: да. Столько, сколько захочешь».

«Безумие! Пешком я доберусь туда, может, за полчаса, не больше!»

«Многие просто уходят на пару часов», — ответил Тим. — «Как на прогулку. Не зря таверна так богато оформлена».

«Они приходят в Перидэс только ради утех? Разве нельзя делать то же самое дома?»

«Есть свой шарм в том, чтобы смотреть на других или быть увиденным. А ещё все эти игровые приспособления. К тому же не каждое интимное развлечение терпят чопорные домашние моралисты. И ты можешь быть сколь угодно громкой».

«Верно! — Уже одно это».

«И это как короткая поездка на южные моря».

«Джекпот!» — воскликнула Алиша. — «Рядом с городом есть пальмовые пляжи с банановой рощей и всеми делами — полчаса от берлинского заднего двора до южного пляжа! Но и другие твои доводы меня убедили».

Они покинули бассейн и вернулись в Перидэис.

Алиша хотела ещё поговорить о пережитом, и они остались ненадолго в таверне. Другие гости надавали Алише кучу полезных советов, как вести себя в восточноберлинской забегаловке, как незаметно подходить и уходить, и всякое такое. И ей не стоит беспокоиться о том, чтобы оставить одежду в переходе, ни воры, ни влажность ничего не сделают. Воры — потому что о таком не слышали, влажность — потому что... никто не знал, почему воздух в переходе совершенно сухой, если отойти от воды. В любом случае там ничего не плесневеет. Никогда. Хотя, конечно, есть люди, которые на всякий случай приносят резиновые спортивные сумки для одежды. Алиша рассмеялась, потому что, вероятно, позже она будет одной из них.

Алишу ещё раз увела Клара, чем Тим бесстыдно воспользовался, чтобы выпить ещё пива и поболтать со старыми знакомыми.

«Ты когда-нибудь задумывалась, почему у женщин есть грудь?» — спросила Клара.

«Ну, для кормления же», — ответила Алиша.

«А почему она не исчезает, когда не кормишь?»

«Зачем ей исчезать?»

«Потому что у всех других млекопитающих так! Только у человека нет. Здесь одна докторша проводила интересный образовательный вечер на эту тему...»

«Здесь бывают лекции?!»

«Да, довольно часто. О Перидэйсе, советы, подсказки, идеи. Глупой здесь оставаться не обязательно! ... На чём я остановилась, а, да, докторша проводила образовательный вечер. И она рассказала, что так и есть. Учёные согласны, что грудь остаётся вне периода кормления исключительно для того, чтобы служить приманкой. Только вот почему — об этом спорят. *Грудь у женщины — как хвост у павлина*. Для любования или чтобы перещеголять других женщин. Только я спрашиваю, почему мужчины и снаружи постоянно лезут к груди? Они же всё время туда смотрят. А если ты близко с мужчинами, они сразу тянутся пальцами. Или ртом. Не то чтобы меня это беспокоило! Я просто говорю, что так оно и есть. Или ты другого мнения?»

«Нет!» — сказала Алиша, гадая, к чему клонит Клара. Конечно, она знала, что мужчины всегда хотят добраться до груди и смотрят туда. Но кто этого не знает?

«Вот», — сказала Клара и таинственно добавила: «Но почему никто не делает следующий очевидный шаг и не говорит, что грудь предназначена для мужчин и детей?»

«Но это же говорят. Кто-то это отрицает?»

«Нет. Я не это имею в виду. Но почему только сама грудь? Почему не её содержимое? Почему молоко не может быть предназначено для того, чтобы доставлять мужчине удовольствие, чтобы он не сбежал, а всегда делал для тебя всякие вещи? Как здесь, только с идеей, что постоянно присутствующая грудь

вообще для этого и возникла?»

Мужчина, подслушавший разговор, вмешался: «Потому что это, как и многие другие теории, нельзя доказать. Хорошая теория должна предлагать возможность её опровержения. Иначе это просто спекуляция».

«Но есть же куча других теорий, которые никто не может доказать», — возмутилась Клара.

Мужчина рассмеялся. «Верно!» — сказал он. — «Но некоторые вещи люди из всех сил *хотят* верить, а другие из всех сил *не хотят* верить. И тут лучше держать язык за зубами, иначе обожжёшься».

Сказал мужчина и ушёл.

«Вот видишь», — пожаловалась Клара. — «Моя теория ничуть не хуже всех других плохих теорий».

Тим тем временем вернулся и сказал: «Утешься, есть ведь народы, где мужчины и в обычном мире любят лакомиться молоком своих жён⁵⁸. Хотя надо задаться вопросом, почему это не более распространено в обычном мире. Я знаю это в так называемых высоких культурах только с обоснованием каких-то эффектов, которые якобы имеет для мужчины питьё женского молока».

«Ясно», — возмутилась Клара. — «В моё время мужчины тоже только и делали, что трахали своих жён ради зачатия ребёнка. Так они говорили. *Если* вообще говорили. Скорее удивлялись, откуда вообще берутся дети, потому что об этом *совсем* не говорили».

«У тебя есть мужчина?» — спросила Алиша, чтобы увести Клару от темы.

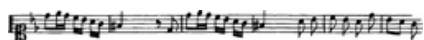
«Есть», — просияла Клара. — «К сожалению, они никогда не задерживаются надолго», — грустно продолжила она. — «По крайней мере, посетители», — добавила она. — «Мужчина должен уметь колдовать и не бояться колдовства, иначе это только полдела. Только посетители всегда такие упрямые, это настоящая проблема».

Тим хихикнул, и Алиша узнала кое-что новое.

Они покинули таверну «Фрица», и Клара пожелала Алише всего хорошего.

«Всё же милая девушка», — сказала Алиша, когда они вышли.

«Только упрямая», — ответил Тим.



Снова в городе

Вернувшись в город, Тим показал Алише ещё множество достопримечательностей, причудливых построек, таких же скользких, как и идеи. Он показал ей рынок рабов, где можно было предлагать себя на минуты, часы или дольше, если не находилось лучшего решения для каких-то проблем.

58 Какие именно? Известно только о аборигенах Северной Австралии, Папуа и некоторых южноамериканских индейских племенах.

Они также посетили молочный рынок, где Алиша, просто ради забавы, позволила полностью выдоить себя. Пока совсем ничего не осталось, и в груди Алиши появилось сильное тянущее чувство. «Хорошо смотрел?» — поддразнила она Тима. — «Вот как надо делать!»

Но что значит, что Алиша позволила себя выдоить *просто ради забавы*. Забава у неё была. Но мастер доения за своё искусство тоже должен был получить плату. Когда он попробовал молоко Алиши и с громким восторгом прокомментировал, к забаве добавилась ещё одна. — Владелица соседнего транспортного предприятия спонтанно предложила Алише за выдоенное молоко один из своих пони-возков. Вместе с пони, в аренду на целую неделю. Причём «пони» означал мужчину, который тащил возок. Конечно, Алиша сама должна была заботиться о его питании, молочной подпитке и удовлетворении. Алиша просто не могла отказаться. Она думала о выездах в окрестности, но Тим заверил, что найти обратный транспорт для возка туда, куда они направляются, не составит труда.

«Куда мы направимся?» — спросила Алиша.

«Когда завтра мы снова побываем у Пери, пора будет завершить твоё первое путешествие, чтобы ты могла всё переварить», — сказал Тим. — «Так запланировано. Потом мы пойдём к переходу в Алжир, который немного уютнее, чем тот, через который мы пришли. Позволь себя удивить».

На это нечего было сказать. Алиша сожалела, что придётся временно покинуть Перидэис, но также радовалась продолжению и промежуточной остановке дома в своей квартире. Но пока до этого было далеко.

«Слушай», — замялась Алиша, — «арендодательница пони сказала, что во время аренды я полностью отвечаю за его содержание...»

«Ты хочешь использовать его для своего расслабления?»

Алиша немного помялась. «Даа-а», — заикаясь, сказала она. — «Знаешь, моё лоно ужасно чешется всё время здесь, и я бы действительно хотела...»

«Но это нормально! Тебе правда не нужно спрашивать разрешения».

«Но я бы предпочла тебя... нет, я не хочу тебя уговаривать... но... мне бы хотелось, чтобы ты хотя бы смотрел. Если пони меня удовлетворит, но я... тебе... с тобой... ах, как это сложно».

«Я понимаю, что ты имеешь в виду. Может, это и мне принесёт немного расслабления, ну, совершенно случайно, конечно».

«Ты сделаешь это для меня?!» — Алиша ликовала и бросилась Тиму на шею. Он почувствовал, как его ухо и шея подозрительно намокли.

Алиша осмотрела доступных пони и выбрала одного с очень большим пенисом. «Хочу просто попробовать», — сказала Алиша, глядя на Тима. Тот наигранно закатил глаза.

Первая вылазка в окрестности Города Красных Роз была весёлой. После того как пони впервые попробовал молоко Алиши прямо из груди, он загорелся энтузиазмом и пробежал приличные расстояния рысью, только чтобы порадовать Алишу. Тим, сам тренированный парень, едва поспевал. «Потише!»

— смеясь и задыхаясь, крикнул он, — «ты ещё заездишь своего пони до смерти».

«Лжец», — рассмеялась Алиша.

Сегодня, в первый вечер, пони получил от Алиши только ручное удовлетворение. Этого достаточно, решила она. И она приказала пони излиться, потому что ей хотелось посмотреть, и потому что её молоко, конечно, было более чем оправданием для такого требования. Пони послушно выполнил, а Алиша в полной невинности нашла весьма интересным довести немаленький пенис пони до набухания и затем удовлетворить. Что только не сделаешь, если надо...

Но ночь и близость принадлежали Тиму.

На следующее утро предстояла вторая аудиенция у Великой Пери. Неутихающее возбуждение от предыдущего вечера Алиша смогла использовать с пользой, когда ей пришлось выполнять обещанную низменную услугу (в наклонной позе) для стража замковых ворот. Тот после этого открыто пожелал ей Тима в мужья и расхвалил его сверх меры.

После предписанной для аудиенций *тщательной* очистки красивыми, совершенно одинаковыми голыми женщинами Алиша и Тим снова предстали перед Великой Пери.

Великая Пери обратилась к Тиму: «Я хорошо знаю, что ты честно старался соблюдать обещанное целомудрие, но не совсем справился».

Тим покраснел до корней волос.

«Но, но...» — попыталась Алиша защитить Тима.

«Подожди», — сказала Великая Пери. — «Тебе, как женщине, и так не в чем упрекнуть, а что касается прислужника как мужчины, ну, тут мы проявим снисхождение, ведь он старался. Ты действительно понимаешь, почему *ты* здесь? По моему прямому приказу?»

«Нееет», — заикаясь, сказала Алиша. — «Не совсем...»

«Посетители для Перидэиса — как свежий ветер», — сказала Великая Пери Алише, — «и поэтому в определённой мере допускаются. Перидэису нужны идеи и фантазии, приходящие извне. Посетители приносят новое, новые миры, новые события, новые цвета, новые звуки, новые формы, новые обычаи. В том числе и влажные. Ты поймёшь, что стоит тщательно отбирать посетителей. Местные жители живут только в своём заданном мире. Они не изобретают ничего нового. Посетители извне — это как художники, которые помогают создавать Перидэис. За это мы даём им творческую свободу и свободу шута. Даже если посетители перегибают палку. У нас, Пери, как и у вас, посетителей, есть фантазии и мечты, но если остаться в одиночестве, нам было бы, как людям, запертым в золотой клетке — Перидэис со временем захирел бы, потому что наши мысли и фантазии со временем захирели бы. И вы нужны нам не только для развлечения (Алиша сглотнула), но и как зеркало и пробный камень. Кроме того, вы нужны нам по практической причине: вы выполняете для нас

разные дела. Короче: ваша фантазия, ваш опыт и ваша работа в обмен на радости Перидэиса — вот наше предложение вам. Это немного, что мы требуем. Но ты, Алиша, уже оправдала своё пребывание здесь».

«Как это?» — ошеломлённо спросила Алиша.

«Ну», — сказала Великая Пери, — «ты принесла жертву, отдавшись этому капитану Прильвицу. Это натолкнуло меня на идею. Ты должна одним заданием в обычном мире полностью отработать оставшийся долг твоего интересного прислужника. Я заметила, что ваши сердца бьются друг за друга. Мне это нравится. Если ты выполнишь моё задание, я откажусь от тех претензий, которые у меня есть на его вставший жезл удовольствия».

Алиша, должно быть, выглядела слегка напуганной, потому что Тим рядом сказал: «Так и есть, Алиша. Великая Пери была очень великодушна».

«Конечно!» — подумала Алиша. — «Конечно! Господи, как я могла так распуститься. Я стою перед могущественной волшебницей. Просто не подумала. Какое счастье, что она отказалась».

Алиша была искренне благодарна. И чтобы это показать, сделала глубокий реверанс. Случайно она при этом склонила голову.

«Эту мужскую привычку тебе лучше как можно скорее отучить», — строго сказала Великая Пери и приподняла подбородок Алиши. Затем Пери продолжила: «Но к моей идее. Если ты выполнишь это задание, то есть если оно действительно будет выполнено, прислужнику будет прощено его целомудрие, и ты сможешь им наслаждаться. И поскольку в этом случае он получит право официально жить в Перидэисе, он останется с тобой. Задание не сложное, но тягостное. Хочешь его услышать?»

Алиша и Тим затаили дыхание. Но об этом позже.

Наконец Великая Пери спросила: «Согласны ли вы с этим предложением? Ты, Алиша?»

«Да!» — твёрдо сказала Алиша.

«Ты, прислужник?»

«Да», — сглотнув, сказал Тим.

Они были отпущены, и аудиенция закончилась.

«О задании я хочу услышать только тогда, когда придёт время его выполнять», — сказала Алиша, когда они вышли. — «Но не здесь, в Перидэисе. Согласен?»

«Мне это очень по душе», — ответил Тим. — «Великая Пери сильно тебя впечатлила?»

«Да».

«Она немного преувеличивает, и в свою пользу. Перидэис не так быстро увянет. Но она сама ненасытна».

«К моему счастью», — ответила Алиша, — «иначе меня бы здесь не было, верно? И всё же она была так великодушна, что освободила тебя».

«Верно».

Они некоторое время шли молча рядом.

«И что теперь?» — спросила Алиша.

Тим глубоко вздохнул. — «Назад в обычный мир», — сказал он. — «Но с полным комфортом и через безопасный переход. Тебе ещё нужно провести отпуск в Алжире, чтобы тебя там видели и было что рассказать. Оттуда ты вернёшься домой. У тебя ещё добрых десять дней отпуска в обычном мире».

«Почему десять дней?»

«Твой забронированный отпуск! Поездка туда, пребывание, возвращение. Время здесь в Перидэисе идёт в двенадцать раз медленнее. Забыла?»

«Услышать и понять — разные вещи», — сказала Алиша.

«Утешься», — ответил Тим, — «это со всеми так».

«Ты будешь со мной?» — спросила Алиша, уже предчувствуя ответ.

«Нет, к сожалению. Ты отправилась в путешествие одна и должна прибыть одна. Меня в твоей поездке не существует, и ты меня в ней никогда не видела. Но мы увидимся совсем скоро. Если...»

«Мы не хотели сейчас об этом говорить».

Алише обычный мир казался бесконечно далёким. Но задание нужно было выполнить. Тем не менее. Сейчас было сейчас, здесь было здесь. А потом ещё предстоял официальный отпуск. Так что настроение портить не стоило.

Они покинули город. Алиша на возке с пони, счастливым пони, которое, вероятно, везло лучшую поклажу в своей жизни (самое лучшее молоко), а Тим пешком. На этот раз по зелёной мощёной дороге.

«Интересно», — сказал Тим, — «откуда Пери знает, что были нарушения целомудрия? Неужели Пери действительно осведомлены обо всём в Перидэисе, или хотя бы почти обо всём?»

Алиша рассмеялась: «Этот твой вопрос! Это же старый ярмарочный фокус. Подумай. Сколько процентов мужчин мастурбируют?»

«Не знаю. Большинство, наверное».

«Скорее почти все, я думаю, около 97 процентов. Теперь возьми огромную сексуальность Перидэиса и кучу сексуальных действий других людей, которые ты прямо или косвенно замечаешь, что *должно* тебя возбуждать. Плюс постоянно возбуждённая женщина рядом, так что ты всё время попадаешь в моё постоянно возбуждённое облако аромата. Это даже у самого стойкого мужчины вызовет *как минимум* ночные сексуальные сны и спонтанные излияния. Это как если надвигается летняя гроза, и ты, как метеоролог, предсказываешь дождь. Я думаю, так монастыри и религиозные секты держат своих членов в узде — заранее понятно, что никто этого не выдержит. Рано или поздно у каждого появляются горячие мысли или он помогает себе рукой, чтобы снять давление. Потом появляется чувство вины, и поскольку никто не может полностью отключить свою сексуальность, возникает постоянное чувство вины, что и есть идеальная основа, чтобы держать своих овец под контролем. Все думают,

никто не грешит, только я, ведь обычно все делают вид, что такие святые и безгрешные. Значит, я должен ещё усерднее работать над собой. Знаешь парадокс Эпименида?»

«Нет».

«Он сам был критянином и сказал: „Все критяне лгут“. Неразрешимый вопрос: лжёт ли он или прав?»

Тим рассмеялся.

Алиша продолжила: «И точно так же, как парадокс „Все критяне лгут“, нужно определить парадокс воздержания: все воздерживающиеся не воздерживаются. Сделай из этого идеологию, и ты получишь контроль».

Тим молчал.

Так они довольно долго шли молча по зелёной мощёной дороге.

Наконец Тим откашлялся. «Ты не будешь на меня в обиде, если я всё же постараюсь теперь соблюдать целомудрие, потому что не хочу ничем рисковать? Потому что я уже так много вложил?»

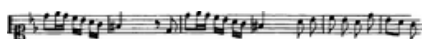
Алиша вздохнула. «Нет, конечно, я не в обиде. Я просто всё время боюсь, что в твоём состоянии другая женщина легко тебя заберёт. Посмотри на себя. Малейший повод, и твой пенис стоит! И ещё я боюсь, что этот постоянный сильный принуждение может тебя изменить. По крайней мере, в своих снах *не* сопротивляйся своему влечению. Если тебе это удастся, пусть я буду целью твоего возбуждения, неважно, что ты там со мной делаешь. Попробуешь?»

«Да».

«Спасибо».

«Бррр!» — крикнула Алиша пони, и тот остановился.

«Пойдём в кусты», — сказала Алиша Тиму, — «мои груди давят». — Она спрыгнула с возка и потянула Тима за руку за собой, пока пони не мог ничего видеть.



Пони мухлюет

Пока они шли по зелёной мощёной дороге к переходу в обычный мир, Алиша ни разу не воспользовалась (очень охочим) пони. Некоторые вещи в фантазиях совсем другие, чем в реальности, есть подходящие моменты и неподходящие, и есть настроения, которые меняются. Алиша предпочитала получать свою долю близости и удовлетворения от Тима, которому Пери не могла запретить ложиться с Алишей. К тому же в последнее время у Алиши было чувство, что она, возможно, сможет достичь вершины, если Тим будет сосать молоко из её груди. Причина, вероятно, в том, что молоко теперь хорошо текло, и в её груди нарастало интересное давление, которое освобождалось порывами и делало течение в сосках ощутимым. Тим тоже развил чутьё к более глубоким тайнам грудей Алиши — когда какую точку нужно сосать или тянуть, нажимать или

массировать, касаться нежно или сильно. Он играл с этим, то беря соски Алиши в рот, то вынимая их, чтобы вместо этого выдоить молоко пальцами себе в рот — или просто разбрызгивать драгоценное ведьмино молоко, натираться им или что угодно ещё. Это мог делать только он, таким особенным образом, вникая в душу Алиши и физические глубины её груди. Хотя, возможно, это Алиша снова и снова хотела именно того, что он делал. Такое трудно разделить, но какая разница, ведь в итоге удовлетворение то же самое.

Бедный пони остался ни с чем. Поскольку он очень старался, Алиша из жалости, настоящей жалости, позволяла ему хотя бы раз в день приближаться к ней, но только к её груди, и опорожняла его пенис рукой. Она настаивала на *опорожнении*, а не просто на оргазме без излияния. Страж в замке раскрыл Алише, что мужской трюк с сухим оргазмом также делает мужчин гораздо быстрее готовыми к женщинам снова. Этого Алиша как раз *не хотела* от пони. При её драгоценном молоке она вполне могла требовать излияния семени, и она пригрозила пони откачанным молоком, если он будет сдерживать семя. По пути они, к счастью, встретили двух девушек, которым захотелось позабавиться с пони. Алиша теперь поняла, что имела в виду работаровка, говоря, что пони тоже нужно своё. Капризная женщина, пожалуй, лучше бы выбрала путь пешком.

Так они двигались вперёд по зелёной мощёной дороге, и Алиша чувствовала лёгкую тоску. Конечно, безосновательно, ведь она могла вернуться в любое время. Но когда видишь, как мимо проплывает этот прекрасный пейзаж, ощущаешь приятное базовое возбуждение в лоне, думаешь о полном отсутствии чопорности и при этом уютно сидишь в возке с пони, болтаешь с Тимом, наслаждаешься жизнью (что во время поездки получалось превосходно), ах... этого не хочется отпускать.

Один раз она поддалась. Пока она давала Тиму свой волшебный напиток, её тело слишком сильно пришло в волнение, особенно лоно. И тогда она, почти потеряв рассудок, приказала пони использовать язык, чтобы хотя бы временно смягчить её чрезмерные желания. Пони удивительно деликатно выполнил её приказ и, похоже, чувствовал, как лучше всего получить шанс проникнуть в ту цель, которую языку было дозволено успокоить. В любом случае, пони уже снова смиренно стоял, глядя вперёд, когда Алиша вышла из своего полусна.

Они продолжали двигаться по зелёной мощёной дороге. Несколько долин ответвлялись, несколько путей вливались, и однажды они ехали при лунном свете.

Через несколько дней долина открылась в своего рода степной пейзаж, который то и дело прерывался отдельно стоящими небольшими скалами, высотой от одного до, возможно, пяти метров. Такой сухой травяной ландшафт Алиша ещё не видела в Перидэисе, ведь здесь земля обычно была хорошо увлажнена, а растения — тёмно-зелёными, если не пёстрыми.

Но не здесь.

И посреди долины, в центре сухого степного пейзажа, стояло деревянное здание.

«На что мне это здание напоминает?» — гадала Алиша.

Тим нахмурил лоб: «Я эту дорогу ещё не ездил, но никто никогда не рассказывал об этой долине и этом доме», — сказал он. — «Мы не туда свернули? Цвет дороги теперь какой-то другой зелёный».

«Чичеринский зелёный», — сказала Алиша.

«Чичеринский зелёный?!»

Алиша рассмеялась. «У трабанта моих родителей такой цвет. Мой отец называет все неопределённые зелёные оттенки чичеринским зелёным. Например, масляные плитуса в общественных туалетах».

«Что значит это слово?»

«Без понятия. Скажи мне, если узнаешь».

«Хм», — сказал Тим. — «Давай просто посмотрим, что в этом доме. Всё равно сегодня уже поздно, и, может, там есть что-то интересное».

Так они продолжили по чичерински-зелёной мощёной дороге, но вдруг пони неожиданно свернул с пути перед пятиметровой скалой, и возок поехал по траве.

«Что это сейчас?» — громко спросила Алиша.

Пони испуганно оглянулся, но упорно продолжал тянуть по траве, явно намереваясь подойти к деревянному дому большим крюком.

Тим, бросивший быстрый взгляд на скалу, догнал бегом и крикнул Алише:

«Только кошачье золото!»

«Точно!» Жители этого не любили. Но из-за этого такой большой крюк?

Неважно, они приближались к деревянному дому. Только с другой стороны.

Вдруг Алиша рассмеялась. «Знаешь, на что мне напоминает этот дом?»

«???»

«На вестерны!»

Алиша была права, ведь на фасаде дома сверху было написано «Салун», и всё остальное было довольно однозначно, включая дверь.

«Надеюсь, ты не права до последней степени», — сказал Тим, — «у меня сейчас нет настроения на перестрелки и нападения индейцев, даже если они кидаются ватными шариками».

Но когда они добрались до салуна, Тим сказал: «Ну, тогда сыграем». — И привязал пони перед салуном, как полагается.

«День добрый», — раздалось навстречу Алише и Тиму. — «Новые лица. Как так?»

Бармен стоял за стойкой и протирал стаканы, несколько гостей в костюмах ковбоев сидели за столами в глубине зала, пили виски и играли в покер. Но их было немного.

«Мы, похоже, заблудились», — сказал Тим. — «Вообще-то мы ищем другую

таверну».

«Вот как», — сказал бармен. — «Как же так вышло?»

«Пони, вроде, должен был знать дорогу», — ответил Тим. — «Но, похоже, это не так».

«А что ты сказал пони?» — спросил бармен.

«Что я хочу в таверну. В Там-таверну, так она называется».

«Знаю. А ты сказал пони, как туда идти, или только цель?»

Тим замялся, но уже понял, в чём ошибка.

Бармен грязно рассмеялся. «Ты же явно не новичок, как ты мог так проколоться? Ты что, никогда не ездил на такси? Если не следить, таксист трижды объедёт тебя вокруг города, чтобы содрать побольше. У тебя тут чертовски аппетитная девица, и чем дольше поездка, тем больше удовольствия пони получает от этого лакомства».

Тим выгасил хлыст из кобуры и вышел наружу.

Алиша услышала, как Тим громко спросил перед салуном:

«Сколько ты заслужил?»

«Сто ударов, господин! Я заслужил! Я подло вас обманул! Накажи меня, о господин».

«Ты мазохист?»

«Да, о господин».

«Тогда в наказание ты не получишь наказания».

Тим вернулся, а бармен тем временем смеялся до слёз.

«Два пива. У тебя есть пиво?» — спросил Тим, мрачно глядя.

«У тебя есть деньги?»

«Деньги? Зачем?»

«Зачем? — Это честный американский салун, и здесь три вещи *нельзя* делать: во-первых, быть голым. Надо хотя бы притвориться, что ты одет. Так ты даёшь всем шанс не заметить, что ты голый. То же самое с траханьем на публике, это одно и то же. Во-вторых, делать *что угодно* бесплатно. Это коммунизм. Так что тебе дарят доллары, что все здешние гости, как милосердные люди, и сделают. Долларами ты платишь. Это не коммунизм».

«А в-третьих?»

«Третье — нельзя *никому* показывать, что ты пьёшь алкоголь».

«Но здесь же все пьют алкоголь».

«Фундаментальная разница в том, что ты этого не видишь. Потому что кубки непрозрачные».

«Есть ещё такие штуки здесь?»

«Много».

«И откуда мне всё это знать?»

«Ты заметишь, когда шериф тебя посадит. Вон там (он показал в угол таверны) тюрьма».

«И что тогда?!» — в ужасе воскликнула Алиша, всё это время стоявшая рядом.

«Тебя отпустят», — бармен пожал плечами. — «Ты сделала, что хотела, шериф

показал, что здесь порядок, я не нарушаю закон, короче: все повеселились. А вот вам два пива, чтобы вы увидели, что у нас здесь честное пиво».

Алиша, растерянная, взяла своё пиво (в непрозрачных кубках) и отошла к столу у окна.

Она вернулась к стойке: «Если я сейчас устрою стриптиз и мне за это заплатят, то, во-первых, я получу доллары, во-вторых, попаду в тюрьму, в-третьих, сразу выйду, и, в-четвёртых, смогу заплатить за то, что закажу. Верно?»

«Верно».

«Эй, зачем тебе стриптиз?» — спросил Тим. — «Ты же слышал: попроси у других, и они тебе подарят».

«Нет», — рассмеялась Алиша. — «Стриптизом я честным трудом заработаю *честные* деньги. И к тому же, во-первых, я всегда хотела настоящие доллары, а во-вторых, всегда хотела сделать настоящий стриптиз».

Молниеносно Алиша ускользнула от Тима и взобралась на свободный стол посреди салуна.

«Леди и джентльмены! Как давно вы видели честную женщину голой? Подходите и наслаждайтесь, вот вам честная женщина. Кто хочет, кто хочет, кто ещё не видел? Подходите и смотрите, каждый сантиметр обнажённой плоти моего тела стоит своих денег!»

Тим, ухмыляясь, плюхнулся на стул, закинул ноги на стол и с интересом смотрел.

Мужчины вскочили со своих столов и с гиканьем подошли ближе.

У Алиши было только платье, чтобы снять, но даже с ним можно было подло медленно играть, и Алиша не торопилась, обнажая участок кожи за участком для взглядов. Конечно, каждый сантиметр за дополнительные доллары. Уже обнажённые груди она повысила в цене, покачивая их, то наклоняясь вперёд (за дополнительные доллары), то откидываясь назад и проделывая всякие жонглёрские фокусы. Но только то, что предназначено для глаз.

Тим, однако, повернулся, чтобы посмотреть через дверь наружу. Его подозрения были не напрасны: этот пони осмелился любопытно заглянуть внутрь. «Ну, погоди!» — крикнул Тим, выскочил наружу и крепко привязал пони в таком укромном месте, где тот не мог даже слышать, что происходит внутри.

Когда Тим вскоре вернулся в салун, платье было на грани падения. Но и это оттягивалось достаточно долго. Они могли хорошо поесть за это!

К сожалению, в какой-то момент оттягивать было нечего, и Алиша стояла на столе совсем голая. Но даже после этого она не переступила границу бурлеска, которая здесь, конечно, была шире, чем в обычном мире, но всё же существовала. То есть она не выставляла свою вульву, а держала ноги целомудренно вместе, что не мешало ей подчёркивать эту область. Нет, её руки игриво скользили вокруг лобкового бугорка и бёдер, она обильно показывала свой округлый женский зад, и множество долларов теперь лежало на столе Алиши, под ним и вокруг.

«Спасибо», — рассмеялась Алиша, — «вы избавили бедную заблудшую путешественницу от необходимости просить еду».

Смех и гиканье.

Одно она всё же подарила мужчинам. Когда Алиша наклонилась, те, кто смотрел, всё же увидели ту точку, где сзади бёдра сходятся к ягодицам, но делают О-образный обход, оставляя место для тайных врат, что лежали между ними. Но хотя Алише пришлось много наклоняться во все стороны, чтобы собрать свои доллары: тайные врата остались закрыты. По крайней мере, для гикающих мужчин.

Голая Алиша с размахом прыгнула на колени к Тиму. Тот громко охнул, и стул под ними развалился.

Мужчины зааплодировали и вернулись к своим столам.

«Эй, почему меня не арестовали?» — спросила Алиша.

«Шериф отлучился пописать».

Мужчина подошёл к стойке, явно не ходивший писать.

«Эй! Ты же не ходил писать», — смеясь, сказала Алиша.

«Но моя звезда шерифа ходила писать», — сказал он, вытащил звезду из кармана и прикрепил её. — «Твоё платье, кстати, кажется мне немного рискованным», — сказал он совершенно голой Алише. — «Поправь его немного. Мы тут не хотим неприятностей».

И вернулся к своему столу, чтобы продолжить начатую партию в покер.

Алиша привела себя в городской вид и спросила бармена: «У вас есть что поесть?»

И выложила кучу долларов на стойку. Это были сплошь толстые золотые монеты, украшенные спереди и сзади символом Перидэиса. Чисел они не показывали. Один золотой — один доллар, так просто.

«Самые шикарные вещи у нас есть на еду», — сказал бармен.

Еда была действительно шикарной, и Алиша не была так подлой, чтобы забыть о пони снаружи. Мухлёж мухлёжом, но пони всё же было жалко, и наказание не должно было переходить определённые границы. Вечером даже выступил певец, но они не очень внимательно слушали, потому что это была не их музыка. Говорили, это была его собственная песня, и пел он, в общем-то, неплохо. Что-то про «Love me Tender», песню, которую Алиша точно где-то слышала. Кто-то из угла позади них крикнул «*Тише!*», потому что они слишком громко болтали. Хотя это же громкая музыка заставляла их так говорить.

Но каждый вечер должен когда-то закончиться, и они удалились.

Комната была вполне приличной и оснащена старомодной ванной, которой Алиша воспользовалась, потому что во время стриптиза сильно вспотела.

Ночь они провели в замечательной перинной постели. Не то чтобы до этого они спали плохо. Не то чтобы они скучали по перинной постели. Но иметь её было всё же приятно. Особенно потому, что Алиша представляла, как засыпает с Тимом в общей квартире в общей супружеской постели. Без щели посередине и с *одним* большим общим одеялом, а не двумя. В этом она была ужасно

консервативна. Хорошая тема для вечернего расслабляющего упражнения перед засыпанием.

На следующее утро пони само сказала, что больше не будет позволять себе выходок, и выглядело очень сконфуженно. Но через десять минут оно снова шарахнулось, когда они приблизились к скале, где на пути туда оно уже делало большой крюк. Тим остановил его и пошёл ближе рассмотреть скалу.

Алиша услышала одобрителный свист вскоре после того, как Тим исчез в расщелине. Когда он вернулся, он разрешил пони сделать крюк и сказал Алише: «Переход! Неудивительно, что пони боится. Жители никогда к ним не приближаются. Но это не наш переход, я подозреваю, этот ведёт куда-то в Северную Америку».

«Логично», — сказала Алиша, всё же удивлённая. — «Слушай», — добавила она, — «могут ли переход в Америку и в Австралию быть прямо рядом? Так, чтобы за пару минут попасть из Америки в Австралию?»

«Да», — сказал Тим.

«Или из Восточного Берлина в Западный?»

«Остроумно придумано. Не совсем. В Западном Берлине я не знаю переходов; поэтому западные берлинцы и приходят в Восточный. Но в Швейцарию — да. Я знаю, что там есть переход. Но будь безумно осторожна, чтобы не выдать себя в Восточном Берлине из-за этой возможности».

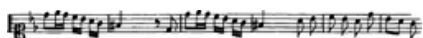
«Из-за западных вещей, которые я принесу?»

«Нет, это же невозможно. Но ты увидишь вещи, которые интересуют всех на Востоке. А это очень интересуется Штази. Именно поэтому».

«Я хорошо это запомню, спасибо за подсказку».

«Если твой порыв поболтать станет непреодолимым, лучше придумай умершую знакомую твоей тётки, которая была в Швейцарии. И припиши ей всё рассказанное. Что-то в этом роде. Но будь осторожна. Если кто-то слишком назойливо расспрашивает, не выдумывай новых деталей, а говори „не знаю, она мне этого не рассказывала“. Иначе рано или поздно запутаешься. Ложь — невероятно утомительное дело. Так что для рассказов выбирай только тех, кто и так знает Перидэис. Для этого таверна — отличное место».

В какой-то момент они с неправильной (чичерински-зелёной) дороги вернулись на правильную зелёную мощёную дорогу. И продолжили путь. И поскольку Алиша утешила пони и простила ему мухлёж, оно тянуло с прежним энтузиазмом.



Там-Таверна

Алиша и Тим были в пути ещё четыре дня, когда зелёная мощёная дорога за перекрёстком начала медленно подниматься к горам, пока долина сначала немного расширилась, но затем упёрлась в крутую скальную стену. Густой лес доходил до травянистого склона, который завершал крутой склон у подножия скалы. Зелёная мощёная дорога косо поднималась по склону и заканчивалась у подножия лестницы, начало которой пока было видно.

«Мы у цели», — сказал Тим. — «Там наверху Там-Таверна, куда мы направлялись».

Пони пыхтело, когда уклон дороги стал круче, и сияло, когда справилось с путём, и они стояли у подножия лестницы, ведущей к Там-Таверне.

У подножия лестницы находился маленький источник. Алиша прыгнула с возка, зачерпнула обеими руками воды из источника и плеснула её в лицо пони. «Ты отлично справился, пони!» — воскликнула Алиша. — «Я очень тобой довольна. Есть ли у тебя особое желание?»

«Не слишком дерзкое», — добавил Тим.

Пони смиренно опустило взгляд. «Я был бы счастлив, если бы ты оставила мне небольшой запас твоего волшебного молока на обратный путь».

«Ты знаешь, что я ведьма?»

«Да, о госпожа. Твоё свежее молоко опьянило меня и буквально придало мне крылья. Твоё молоко гораздо сильнее, чем шепчутся о ведьмином молоке».

«Ты не боишься меня?»

«Боюсь. Очень боюсь».

«И всё же ты вёз меня?»

«Награда была неопишуемой. Страх превратился в страсть».

«Думаешь, другим людям тоже так кажется?»

«Может быть. Откуда иначе все эти слухи о ведьмах?»

Алиша рассмеялась. «Ты умён, пони! Спасибо...»

«Нет!» — воскликнул пони. — «Пожалуйста, не надо, ты не должна мне благодарить!»

«Хорошо», — сказала Алиша. Она вопросительно посмотрела на Тима.

Тим толкнул Алишу в бок и указал на её грудь. Алиша покраснела, потому что чуть не забыла, что обещала несколько мгновений назад.

«У тебя есть кувшин для молока?» — спросил Тим у пони.

«Нет, господин. У меня только маленький горшочек с женским маслом в запасе».

«Мне надо было всё-таки научиться делать женское масло», — вспомнила Алиша.

«Молочный порошок быстрее», — сказал Тим.

«Господин?» — подало голос пони.

«Да?»

«Я был бы доволен, если бы милостивая ведьма ещё раз подарила мне совсем свежее молоко. Потом продай меня за новые колёса, и всё будет хорошо. Новый арендатор пусть позже заботится о моём благополучии».

«Договорились», — сказала Алиша.

«Дай пони его награду, а я пока посмотрю, не удастся ли его продать», — сказал Тим. — «Я скоро вернусь».

Тим поднялся по ступеням к таверне. Словно по сигналу, пони вдруг жадно, почти дико присосалось к груди Алиши, и у неё было ощущение, что ещё чуть-чуть, и её глазные яблоки втянутся внутрь.

«Это слишком сильно», — испуганно закричала Алиша. — «Ай! Это больно!»

Пони проигнорировало возглас Алиши. Мало того. Казалось, оно хотело использовать конец поездки, чтобы высосать из Алиши всё, что возможно. Или молоко Алиши действительно так сильно действовало, если не следить за мерой. Как бы то ни было, пони впало в настоящее неистовство.

Алиша отбивалась руками и ногами, но пони было намного сильнее и сосало её грудь, словно хотело вырвать сосок.

«Я тебе это припомню, неблагодарная тварь», — гневно закричала Алиша и глубоко вонзила ногти в руки пони.

Пони взвилось от боли, но не отпустило. Тогда Алиша провела ногтями так глубоко по его коже, словно пахарь, вспахивающий поле. Глухой сдавленный крик боли вырвался из носа пони, но оно ни капли не ослабило хватку, а сосало и тянуло с полной силой.

Тут Алише пришла мысль. Она же ведьма! Получится ли у неё ведьмин прыжок? Пока пони изо всех сил сосало её грудь, Алиша посмотрела вверх на вход в таверну и пожелала изо всех сил оказаться там. Ничего не произошло. Ещё одна попытка сильной концентрации. Но рывки пони за её грудь не давали сосредоточиться.

«Какая я глупая корова!» — вдруг обругала себя Алиша. — Тим ведь был ещё на лестнице. Далеко вверху, но всё ещё в пределах досягаемости. Почему я сразу не позвала его? Алиша издала пронзительный визг.

Тим мгновенно обернулся и, перепрыгивая через несколько ступеней, помчался вниз по лестнице.

Алиша вдруг почувствовала прилив силы, ощутила себя намного превосходящей пони и с полной силой укусила его в предплечье.

«Ааааааа!»

Это было другое дело! Пони пришлось отпустить, но Алиша не отпускала, даже когда пони повалило её на землю. Только когда Тим подбежал, она выпустила пони из зубов. Вмиг Тим вытащил хлыст из пояса, и пони получило крепкую взбучку по заду.

«Ай-ай-ай-ай», — кричало пони, а Алиша сделала прыжок за Тима и на всякий случай прикрыла соски ладонями.

«Вот тебе!» — крикнула Алиша. Она села на склон горы и наблюдала. «Сильнее! Эта тварь выдержит ещё!» — подбадривала она Тима.

«Ай-ай-ай-ай», — снова закричало пони, ведь бежать с привязанным возком было почти невозможно.

Сверху, где, вероятно, была дверь таверны, раздался громкий смех. Мужчина крикнул сверху: «Оставь его зад целым, у меня идея получше!»

«Какая?» — крикнул Тим наверх, не забывая крепко держать пони за ухо.

«Я куплю его у тебя», — крикнул мужчина сверху. — «Обещаю, что пони вернёт меня в город быстрее скаковой лошади».

«Пожалуйста, не надо!» — жалобно взмолилось пони.

«Нет, это справедливо», — злобно решила Алиша.

И так было решено. Покупатель, судя по одежде, араб, не стал скреплять сделку рукопожатием, но сделал это с учтивым поклоном в сторону Алиши.

«Такие, как он», — шепнул Тим Алише на ухо (по-прежнему крепко держа пони за ухо), — «из соображений приличия никогда нежимают руку чужим женщинам. Но с промежностью, похоже, это нормально».

Мужчина носил длинное до щиколоток белое одеяние, которое, как и платье Алиши, спереди от живота вниз было широко вырезано и в данный момент демонстрировало весьма выдающуюся эрекцию.

Алиша старалась сохранить серьёзность. Особенно потому, что покупатель из настоящей учтивости не смотрел ей в лицо, а опускал взгляд туда, где сладко и сочно покоились груди Алиши.

Пони они избавились. Алиша с мрачной радостью думала о том, что ждёт пони. Хорошо бы покупателю не так быстро попались женщины — судя по только что увиденной великолепной эрекции, пони, возможно, вместо этого получит сзади.

Затем Алиша сказала Тиму: «Следующим я хочу как следует научиться ведьминому прыжку». — Она рассказала Тиму, что только что безуспешно пыталась сделать ведьмин прыжок.

«Ты бы всё равно не смогла от волнения», — ответил Тим. — «Но ты хорошо среагировала. Позвать на помощь, самой бороться».

«Надо было ударить ему между ног», — сказала Алиша.

«Лучше никогда так не делай, потому что если ты *тогда* не попадёшь точно, а это очень вероятно, тебе будет худо. Такой удар невероятно болезненный, но боль нарастает через секунды, и у мужчины есть время тебя прикончить. И что ещё важнее: у мужчин обычно есть барьер по отношению к женщинам. Удар в яички — абсолютное табу для мужчин. Если ты нарушишь это табу, у него тоже не будет табу по отношению к тебе. Мужчина в безудержном неистовстве — это совсем нехорошо для тебя».

«Я не серьёзно», — ответила Алиша. — «Мне нужно немного выпустить пар, и бранные слова с фантазиями о насилии очень помогают. А так я бы не хотела оказаться на месте этого пони, араб выглядел так, будто настроен серьёзно».

Тут мимо них прошёл молодой человек с двумя колёсами для возка, тоже в арабской одежде, но подозрительно короткой, заканчивающейся чуть ниже ягодиц, и при каждом шаге были видны его половые органы.

Алиша с любопытством оглянулась к подножию лестницы. Ааа. Старший и младший арабы целовались. Такие важные вещи интересовали Алишу, ведь всегда нужно оценивать, какие мужчины потенциально доступны, а какие нет. Но почему старший так смотрел ей на грудь? Или не смотрел? Хм. Жалко, в общем-то. Но у пони точно была неудача, это уж точно.

Алиша помахала арабам у подножия лестницы, и те помахали в ответ.

Алиша хихикнула: «Бедный, бедный пони».

Внизу уже меняли колёса. И запас молочного порошка или женского масла наверняка тоже был под рукой. Алиша видела, что мужчины несли с собой маленькие ёмкости.

Затем они добрались до двери Там-Таверны. Вход в скалу на этот раз был закрыт тяжёлой двустворчатой деревянной дверью, богато украшенной металлическими накладками. Накладки изображали замысловатые, повторяющиеся узоры, на которые Алиша не могла наглядеться. Все эти узоры окружали на обеих створках двери отдельно изображение женщины, протягивающей зрителю свои груди, с нижней частью тела в виде большой буквы «О». На правой створке был большой бронзовый кольцевой дверной молоток, которым им, однако, не пришлось стучать, потому что дверь была широко открыта, и их встретили всё ещё смеющиеся и шутящие мужчины.

Салам алейкум, — сказал один из мужчин.

Или Алише показалось, и она услышала «*Добрый день*»?

Входной проём был определённо восточным. Когда они вошли в таверну, Алиша увидела, что и убранство таверны было арабским.

«Пиво?» — спросил один из мужчин, стоявший за стойкой, но одетый совсем не по-арабски.

«Пиво?!» — отозвалась Алиша. — «Я думала, вы не пьёте алкоголь. Или вы не все арабы?»

«Арабы, — ответил мужчина. — Ты имела в виду мусульман. Здесь ещё много чернокожих».

«Э, да».

«Всё просто. Правило действует для нас, не для вас. К тому же и у нас есть пьяницы. У нас правило: за стакан пива — один удар плетью». — Мужчина показал плеть, подходящую разве что для мышей, и продолжил: «Этим наказание искуплено, и нечего бояться за будущее. В конце концов, мы в раю».

«И никто больше не решается пить?»

«Почему нет? Наказание же искуплено. Но ты можешь пить воду или сок. У нас есть кофе или чай».

«Чай хорош», — сказал Тим, — «а кофе, скорее всего, не в твоём вкусе».

Чай действительно был превосходным.

Множество мужчин сидело вокруг, болтало, смеялось и коротало время за настольной игрой. По крайней мере половина из них были чернокожими африканцами, остальные — североафриканцы или арабы. У Алиши не хватало

знаний, чтобы различать их. И почти все были мужчины.

Тим спросил: «Почему здесь почти только мужчины?»

«Ох, хватит», — проворчал мужчина за стойкой. — «Большинство парней здесь приходят без жён. Обычно это не проблема. Но сейчас по какой-то причине явилась куча мужчин сразу, и у нас закончились девственницы. Все мужчины ждут прохода в город».

«Ты прекрасно знаешь, почему мы не берём своих жён и нам нужна сунамитка⁵⁹», — вмешался мужчина, сидевший за столом недалеко от стойки.

«Опять началось», — вздохнул мужчина за стойкой.

Затем последовало объяснение: «Дело в том», — сказал он. — «Мы не можем брать сюда своих жён, потому что закон говорит: если я пью молоко женщины, она считается молочной родственницей, и я больше не могу с ней иметь половые сношения. Как, например, с моей сестрой. Если я пью молоко своей жены, мой брак с ней сразу становится недействительным. Значит, мне нужна сунамитка, которая даст мне молоко, но с которой я не буду спать. По сути, мне нужны две женщины, потому что у меня тоже есть потребности в чреслах. Но если сунамитка *как женщина* может дать мне то, что не должна моя жена, по опыту это вызывает проблемы. А зачем мне лишние проблемы, тем более что дома кто-то должен присматривать за детьми?»

«Бооо», — тихо сказала Алиша. Очень тихо.

«Брат», — вмешался другой мужчина, — «ты не прав. Правильное толкование в том, что существующий брак никогда не может стать недействительным из-за этого. С чужими женщинами — да, но с женой — никогда. Брак ведь возник до молочного родства».

«Вы оба не правы, братья», — вмешался ещё один мужчина. — «Молочное родство возникает только после пятикратного насыщения от женщины, и это действует только для возраста до двух лет».

«А если я ещё не насытился?» — спросил мужчина из глубины зала.

«Молоко можно пить из чашки», — вставил другой мужчина.

«Но сунамитка всё равно больше не халяль⁶⁰», — сказал мужчина рядом с ним.

«Какая разница!»

«Нет, не всё равно — ты не можешь её больше трахать. Она должна быть халяльной».

«Десять раз», — вмешался другой мужчина.

«Что?»

«Десять раз насыщения до двух лет требуется».

«Какая разница, здесь никто не младше двух лет».

59 Сунамитка: имя по библейской фигуре Авишаг из Сунема, но засвидетельствовано во многих небиблейских культурах. По древним верованиям, женщина, которая одним своим присутствием должна приносить мужчине здоровье или долгую жизнь. Это, в зависимости от традиции, происходит через её аромат или, например, её молоко. В Перидэис, конечно, имеется в виду молоко.

60 Араб.: халяль = разрешено, харам = запрещено.

«Не всё равно. А если два года — это неверное толкование? Пьёшь от женщины меньше десяти раз, ты в безопасности и можешь использовать её для удовлетворения».

«Брат, подумай головой. Возьми двух рабынь: одна даёт молоко как сунамитка, а другую берёшь для удовлетворения».

«А если я ещё не насытился?» — снова спросил мужчина из глубины зала.

«Она должна быть халяльной», — крикнул мужчина с самого конца.

«Пять раз», — раздался ещё один комментарий.

«Ха!» — проигнорировал предыдущие выкрики мужчина. — «У меня дома две жены! Они вечно грызутся. А если они договорятся, то вместе накидываются на меня. А что, если ночью их перепутаешь? Неудовлетворённая будет тихо лежать и не пикнет, пока не получит твой семя в себя и её лоно не задрожит! А ты окажешься в дураках. Нет уж. Я беру одну за другой. Так все довольны».

«Всё неверно», — сказал ещё один мужчина, — «молочное родство действительно возникает, но важно это только для чужой женщины, потому что после того, как она тебя накормила, ей больше не нужно перед тобой закрываться, и ты можешь оставаться с ней наедине».

«Как?» — спросила Алиша. — «Сначала грудь наружу, а потом лицо? В таком порядке?»

«Ты согласишься нелогично, сестра», — сказал мужчина, — «а как иначе?» Мужчина за стойкой закатил глаза.

Алиша и Тим быстро взяли свой чай и нашли стол подальше у окна.

Когда они сели, Тим тихо сказал Алише: «Путешественник по Египту в 19 веке не раз видел, как женщины при его появлении закрывали лицо тем, что было под рукой, а именно подбородком — и при этом грудь полностью обнажалась⁶¹».

Алиша хихикнула: «Это правда так было тогда?»

«Не знаю, где ли», — сказал Тим, — «это касалось Египта. Но, возможно, Восток действительно был когда-то свободнее, чем сегодня. О Персии я читал, что примерно в то же время кочевые женщины на рынке продавали своё молоко прямо из груди⁶². Совсем как в Перидэисе. Так что... с достаточным расстоянием в пространстве и времени обычаи могут сильно меняться. Легко высмеять кого-то, хотя сам можешь оказаться глупцом».

«Но эта история с молочным родством — не слишком ли странная?»

«Решай сама», — ухмыльнулся Тим.

«Здесь, в Перидэисе, точно».

К их столу подошла женщина. Ей было около 40 лет, она производила умное

61 Возможно, имеется в виду этот отчёт: Гюстав Флобер: Из Египта и Иерусалима (ок. 1850). «[Египет] На селе, например, они [женщины], увидев идущего, берут своё платье, закрывают им лицо, и, чтобы скрыть лицо, обнажают то, что называют грудью, а именно часть между подбородком и пупком. Ах, я видел здесь груди! Грудь я видел! Грудь!»

62 См. Якоб Эдуард Полак: Персия, том 1 (1865). - Jakob Eduard Polak: Persien, Band 1.

впечатление, с чёрными строго зачёсанными назад волосами, выглядела решительно, но не недружелюбно. На ней было длинное чёрное одеяние, подола которого были богато украшены золотыми орнаментами. Прорезь платья спереди была украшена и подчёркивала то, что за ней, не делая это прямо видимым. Золотой пояс закрывал прорезь сверху и хорошо подчёркивал фигуру женщины, не будучи слишком обтягивающим. Женщина, как все в Перидэисе, носила грудь открытой, и платье обрамляло её золотыми орнаментами. Но поверх груди лежала вуаль, так что были видны только контуры груди и её тёмные соски.

«Можно к вам присесть?» — спросила женщина.

Тим быстро закрыл Алише рот рукой и ответил: «Конечно, можно». И шепнул Алише: «Как женщина, ты здесь должна склоняться перед мужчиной, потому что Перидэис в этой таверне подчиняется желаниям мужчин, а те подчиняют учение Мухаммеда, а он пророк».

Женщина рассмеялась. «Не дай никому это услышать». И затем сказала: «Привет, Алиша. Добро пожаловать в Перидэис, я Надира».

«Ты меня знаешь?»

«Ты тоже меня знаешь. Я тебя ждала».

«Я тебя знаю?!»

Алиша лихорадочно соображала. Да! Лицо Надиры было ей точно знакомо, и волосы, и манера. Но откуда?

Надира помогла: «Это было до того, как ты вошла в Перидэис».

«Ты была докторшей в аэропорту!» — удивлённо воскликнула Алиша.

«Попала!»

«Прости, что заставила тебя ждать», — сказала Алиша.

Надира рассмеялась. «Я себя заняла, не волнуйся. И мужчины здесь едят у меня с руки».

«Как так?»

«Потому что они мусульмане? Ты не слышала об арабских домашних драконах? Я серьёзно!»

Алиша рассмеялась. «Как это понимать?»

«Моя бабушка говорила: „Мужчины властвуют над женщинами. Но женщины властвуют над мужчинами.“ Это Европа. В Аравии женщины говорят: „Мужчина властвует снаружи, дома — женщина.“ У меня здесь статус матриарха, это значит, они передо мной пресмыкаются. К тому же я немка и ещё докторша. И хуже того: у меня склонность желать, чтобы в спальне мужчины целовали мне ноги. Одни мужчины падают на колени в экстазе, другие вежливо держат дистанцию, не испытывая ни малейшего желания запираться меня в своей спальне. Догадываешься, какие слухи обо мне здесь ходят?»

Алиша снова рассмеялась. — «Но это не может вызывать проблем?»

«Здесь? Нет. Каких? Это как у тебя дома с бравыми партийцами и обычными людьми. Обычным мужчинам здесь стоит больше думать головой, а не жить по

заученным правилам. Это в этих краях действительно проблема. По крайней мере *снаружи*, откуда приходят большинство мужчин, посещающих эту таверну. В Перидэисе это быстро проходит. Из-за Перидэиса и отсутствия контроля».

«Можно вас прервать?» — спросил Тим.

Алиша вопросительно посмотрела на него.

«Дело в том...» — сказал он, — «Алиша, ты сейчас покинешь Перидэис и проведёшь несколько прекрасных дней в Алжире. Настоящий отпуск в Алжире. Ты знаешь, некоторые люди заподозрят неладное, если ты там не появишься и не расскажешь ничего об Алжире. Но тебе также понадобится время для себя. Я сам не могу рисковать, чтобы меня там увидели. Мне нужно быстро вернуться другим путём. Поэтому ты пойдёшь одна. Но Надира будет сопровождать тебя и останется с тобой на следующие три-четыре дня, чтобы помочь».

Алиша побледнела, и слёзы брызнули у неё из глаз.

«Не плачь», — попросил Тим. — «Я скоро буду стоять у твоей двери дома. Обещаю. Точного времени я не знаю, но это будет недолго. И тогда всё продолжится. Честно! Твёрдо обещаю!»

Алиша, плача, бросилась в объятия Тима, сидевшего рядом. А поскольку он сидел, она опустилась на колени. Она ругала себя за то, что плачет, ругала за то, что тесно соприкоснулась с его половыми органами, даже поцеловала их, и прижимала Тима к себе, закрыла глаза и хотела так остаться.

Но Тим крепко схватил её и поднял. Он взял её лицо в руки, крепко держал, посмотрел ей глубоко в глаза и сказал: «*Я не потеряюсь для тебя!*»

Разум Алиши этого не воспринял. Голова говорила, что это правда и что она ведёт себя как глупая индейка. Но... более старая часть её головы говорила: держи крепко. Что у тебя есть, то твоё.

Её лоно прижимало его тело к себе.

И его твёрдый пенис был слишком близко к её вульве, что не было бы проблемой, если бы та не была в тот момент блаженно скользкой и широко открытой. И поэтому пенис Тима просто скользнул в её влагище.

Алиша застонала.

Тим схватил Алишу и поднял её, отчего их телесная связь, к сожалению, прервалась, вызвав у Алиши разочарованное, идущее из глубины сердца всхлипывание. Тим тихо, но настойчиво сказал: «Нет, Алиша, ты знаешь, что это нельзя. Надо подождать».

Но Тим крепко прижал тело Алиши к себе и прошептал: «Это не так много времени, пока мы снова не увидимся. Думай о всём прекрасном, что мы здесь видели. И думай о ещё более прекрасном, что у нас впереди вдвоём. — А теперь лучше, если я не буду затягивать прощание».

«Тебе не нужно ещё молока из моей груди?» — спросила Алиша, немного пришедшая в себя.

«Не обязательно нужно», — сказал Тим, — «но я бы очень хотел ещё раз выпить твоего молока, если это не слишком усложнит тебе дело».

«Могу я при этом удовлетворять себя?»

«Да, с удовольствием. Не только потому, что твоё молоко тогда особенно хорошо течёт».

Алиша вернулась на свой стул, и теперь Тим опустил на колени перед ней, чтобы добраться до её груди.

Алише было всё равно, что Надира и мужчины в таверне смотрят. Нет. Не всё равно. Она наслаждалась, с закрытыми глазами чувствуя, как люди смотрят. В этом не было ничего пошлого, потому что это были открытые, доброжелательные взгляды. Они показывали удовольствие от созерцания, но позволяли им уединение вдвоём. Алиша хотела показать, что Тим её желает. Все должны были видеть, что он принадлежит ей. Это была граница как пары, представление как пары. Если бы только она могла иметь Тима глубоко внутри себя. Рука Алиши отодвинула юбку, чтобы добраться до своей бусинки удовольствия. Тим заметил это и приподнял своё тело, чтобы оставить достаточно места для руки и её движений.

Наградой для Алиши была волна, которая была прекрасной, но не слишком сильной. Просто прекрасной. Её хватило, чтобы дать Алише силы для прощания, которое не было неблагодарным и эгоистичным. Она взяла голову Тима и поцеловала его в лоб: «Иди быстро», — сказала она. — «Сейчас я справлюсь».

Тим тоже поцеловал Алишу в лоб. Затем он покинул таверну. Его набухший, сильно торчащий пенис выглядел не неловко, а совсем наоборот, он ясно показывал, что в зале он единственный, кого ждало влажное лоно.

«Следующая партия девственников скоро прибудет», — громко сказал мужчина за стойкой, потому что видел, куда все смотрели. Тихо проворчал: «Не бывает достаточно свежего молока».

Однако его раздражение было корыстным, ведь у него был большой выбор молочного порошка и женского масла. Нужно только попросить и потом поблагодарить. Больше он ничего не требовал. Молочный порошок и женское масло у него имели чистое происхождение, ведь мужчины здесь всегда хотели точно знать, от кого молоко. Только не хватало, чтобы они спрашивали, не пили ли сами донорши молоко других женщин, если да, то чьё, сколько, откуда эти женщины и так далее.

Алиша стояла у входа в таверну и смотрела вслед Тиму. Вот! Тим обернулся и помахал ей. Алиша помахала в ответ. Но в какой-то момент Тим исчез из виду. Теперь ещё одна слеза скатилась по лицу Алиши.

Тут она услышала за спиной мужской голос: «Арабская пословица гласит: „Любовь рождается из отсутствия“».

«Откуда ты знаешь, что я влюблена?» — тихо спросила Алиша, не оборачиваясь.

Мужчина ответил: «Другая арабская пословица гласит: „Любовь, беременность

и езду на верблюде не скроешь“».

Алиша чуть улынулась. Но сказала: «Но всё же больно переживать его отсутствие».

«Ну», — сказал мужчина, — «у меня есть третья арабская пословица, но я не совсем уверен, подходит ли она».

«Говори всё равно».

«Она гласит: „Удары от любимого сладки, как изюм“. По-арабски звучит благозвучнее: Дареб аль-хабиб забеб».

Теперь Алиша улынулась. «Подходит... но для других моментов, не сейчас».

«Ааа, значит, я угадал», — сказал мужчина. — «Здесь, в Перидэисе, вещи проявляются яснее, чем снаружи, в обычном мире, но всё же пословица имеет преимущество выражать двойной смысл с большой деликатностью. Спрашиваешь, не спрашивая, и отвечаешь, не отвечая».

Алиша обернулась. За ней стоял очень симпатичный пожилой мужчина неопределённого возраста. К её удивлению, у него была тёмно-чёрная кожа, слегка седые волосы, он носил синее одеяние и такой же синий платок на голове. «Не бойся», — сказал мужчина, — «я не коснусь тебя и ничего от тебя не попрошу. Я просто хотел тебя утешить».

«Спасибо», — сказала Алиша. И поскольку утешение её порадовало, она спросила: «Хочешь молока от меня, чтобы отправиться в путешествие?»

«Поскольку ты ведьма по меркам этого царства, я не буду таким глупцом, чтобы ждать местную сунамитку», — ответил мужчина. — «Я с радостью принимаю твоё предложение. Но, как я сказал, не волнуйся, я верблюд, как гласит арабская пословица: „Влюблённый смотрит на цветок иными глазами, чем верблюд“».

Алиша рассмеялась. «Тогда пей сладкий нектар из моих двух цветков!»

И мужчина в синей одежде с удовольствием насытился грудями Алиши, пока они действительно не стали совсем пустыми и мягкими. Но это было не из-за его жадности, ведь у груди Алиши было мало времени, чтобы снова наполниться.

Затем мужчина в синей одежде с поклоном отошёл от Алиши, направился без окованностей к двери таверны и исчез.

Алиша вернулась вглубь таверны, где сидела Надира. «Извини», — сказала Алиша, — «что так долго».

«Это твоё первое путешествие», — сказала Надира. — «Время, которое тебе нужно, — это и есть правильное время. А теперь пойдём».

Алиша последовала за Надирой. Они покинули Там-Таверну через задний выход, который вёл в широкую расщелину с очень красивым садом, в центре которого бил фонтан. Расщелина была недлинной, и в другом её конце были ворота, а ворота вели в коридор, уходящий в гору. В самом конце коридора находился украшенный мозаикой зал, в центре которого стоял алтарный стол.

«Раздевайся», — сказала Надира.

Алиша разделась догола. Ей было немного тоскливо. «Я получу своё платье обратно?» — спросила Алиша.

«Ты получишь другое, такое же красивое», — ответила Надира. Теперь Надира тоже разделась догола. У неё были большие груди, склоняющиеся вниз, и, судя по их полноте, наверняка множество поклонников.

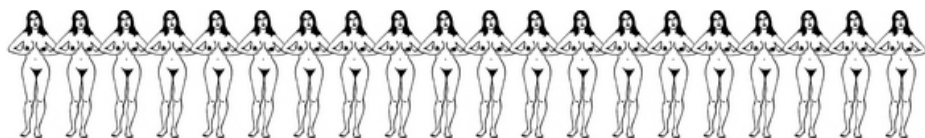
«Алиша», — сказала Надира, — «я лягу на алтарь первой. А когда я исчезну, ты следуешь, хорошо?»

Алиша угрюмо кивнула.

Надира легла на алтарь, воздух замерцал, и она исчезла.

Алиша, словно в трансе, тоже взобралась на алтарь и легла на спину.

Мир перевернулся, стало темно, и Алиша закружилась в пустоте.





Возвращение



Алиша открыла глаза. Она была в своего рода пустынном замке. То есть она *знала*, что это пустынный замок. Откуда она это *знала*? Сквозь стены она ничего не видела. Жёлтые стены окружали её. Отшлифованные стены. Пол был выложен потёртой мозаикой. На стенах лишь изредка виднелась потёртая мозаика. Перед ней был небольшой водоём, выложенный поблёкшими мозаичными камнями. Чудо, что здесь вообще была вода. К тому же кристально чистая. В другое время это место, возможно, очаровало бы Алишу, ведь его мрачная внешность таила трудноописуемую красоту. Но сейчас оно излучало лишь одиночество.

Докторша Надира ждала Алишу. Совершенно голая, с её полными, свисающими грудями и теперь ещё с распущенными чёрными волосами, она выглядела совсем иначе. «Пойдём, девочка», — сказала она своим решительным, но всё же дружелюбным тоном, взяла нерешительную Алишу за руку и повела её вокруг маленького водоёма к нише в стене, которая была единственным настоящим цветным пятном. Алиша, почти ничего не воспринимающая в тот момент, увидела, что в нише мозаикой изображена знакомая женщина, протягивающая зрительно свои груди.

Перед нишей стояли две пластиковые сумки, которые здесь выглядели чужеродно. Надира указала на сумки и сказала: «Там одежда. И твой паспорт». Надира взяла сумки и вытащила женские трусики. «Давай», — требовательно сказала она, — «ногу вверх и держись за меня». Алиша механически подняла одну ногу, затем другую, и ей натянули трусики. Следом был бюстгальтер. Странно. Бюстгальтер. Он непривычно раздражал. Трусики тоже. Надира продела руки Алиши через лямки бюстгальтера, приподняла её груди и застегнула его. Это был бюстгальтер, который застёгивался спереди между грудями.

«На юге Алжира женщинам лучше не слишком выставляться напоказ», — сказала Надира. — «Как туристка, у тебя есть особые права, но всё же даже воспитанные мужчины реагируют как мужчины. Мужчины здесь не привыкли видеть слишком много женского тела. Поэтому торчащие соски и слишком явные контуры тела здесь действуют совсем иначе, чем дома. Учитывай это в ближайшие дни. В остальном особо следить не надо, люди здесь добрые».

Алиша восприняла это как через туман. Её охватила грусть.

Надира достала из сумки просторную жёлто-охровую рубашку, застёгивающуюся спереди, и надела её на Алишу. Следом был длинный, цвета хаки, украшенный цветами юбка. Непрозрачная. Когда Надира натянула юбку на Алишу, та хотя бы заметила, что юбка была вышита вручную.

«Красивая юбка», — односложно сказала Алиша, но искренне. Добавились

носки и туфли. Напоследок Надира достала из сумки нагрудный кошелёк. «Тут твой паспорт и немного денег», — сказала она. — «Носи его всегда на шее и не снимай, кроме как в отеле. Люди здесь в основном очень честные, но бедность есть, со всеми её последствиями. Так что будь внимательна. Остальные твои вещи ждут в отеле».

Теперь Надира тоже оделась. Обычная одежда цвета хаки, какую могли носить многие европейские туристки в Аравии в жару. Когда она закончила одеваться, она снова строго зачесала назад свои чёрные волосы, что вернуло ей немного решительный строгий вид, знакомый Алише.

«Я иду вперёд», — сказала Надира, когда оделась. — «Считай до двадцати и потом следуй за мной, хорошо? Не задерживайся! Считай до двадцати и просто иди».

Алиша кивнула.

Докторша Надира исчезла в стене.

Алиша механически сосчитала до двадцати. Затем сама вошла в стену.

Тёмно-красная колышущаяся жидкость.

Алиша гребла руками вперёд.

Через несколько мгновений она прошла.

Яркое солнце и жаркий день встретили её.

«Добро пожаловать в обычный мир», — улыбнулась Надира.

Они находились в скальной впадине. Их окружал песчаный камень, пол покрывал песок. Было жарко. Алиша моментально промокла от пота. Хотя её защищала от солнца нависающая скала.

Алиша обернулась.

Очень слабо в нише скалы была вырезана знакомая женщина, протягивающая зрителю свои груди, с ногами, образующими букву «О».

«Здесь есть очень красивые древние наскальные рисунки», — сказала Надира за спиной Алиши, — «но их на всякий случай замазали глиной, чтобы не привлекать внимания к этому месту, понимаешь?»

Алиша механически кивнула.

Надира внимательно посмотрела в небо. Не заметив там ничего, она сказала Алише: «Пойдём!» — и потянула её за руку. Едва заметная тропа вела из впадины. Когда они поднялись, Алиша почувствовала лёгкий ветерок, который был очень приятен, особенно под палящим солнцем. Шляпа бы пригодилась.

«Пойдём», — сказала Надира, — «недалеко отсюда нас ждёт машина».

Так они шли, держась за руки. Они были на большом камне, почти маленькой горе. Наверху был камень. И впадина. Внизу был песок. На земле лежал щебень. Ни одного растения не было видно. Ни одного животного. Воздух дрожал от жары. Тропа незаметно вилась по внешней стороне скалы вниз. По ней было удобно идти, и лишь немного щебня мешало ногам. Окружающая местность предлагала самые причудливые формы скал, какие только можно вообразить. Алиша это заметила, нашла их весьма примечательными и

необычными, но это не трогало её внутренне.

Наконец они спустились между двумя скалами. Ещё немного по неприятному мелкому песку, за один угол, ещё один угол, и маленькое ущелье открылось.

Там, в тени далеко нависающей скалы, стоял внедорожник. Во внедорожнике сидел, или, скорее, лежал, белобородый мужчина с седыми волосами, который спал. Мужчина не был арабом.

«Этот человек знает Перидэис», — сказала Надира. — «Так что ты пока можешь говорить открыто».

Алиша кивнула.

«Да, ещё кое-что», — сказала Надира. — «У меня прямое поручение от твоего прислужника — Тима».

Надира порылась в сумке и достала великолепный кубической формы золотисто блестящий кристалл.

«Кошачье золото!» — воскликнула Алиша.

«Он знал, что ты обрадуешься», — сказала Надира и передала Алише кристалл. — «Возьми его на память. Он из окрестностей перехода, но ничего не выдаёт». Надира крикнула в сторону внедорожника: «Эй, просыпайся!»

Мужчина прищурился в ослепительный свет пустыни, зевнул, потянулся и наконец вышел, чтобы пожать Алише руку в знак приветствия.

«Ну, девица, залезай в машину», — сказал он. — «Еда и питьё у нас в машине, говорить тоже можем в машине. Более-менее. В любом случае, нам не стоит тут бессмысленно торчать, впереди несколько часов езды».

Он сказал это по-немецки, заметила Алиша.

«Несколько часов» было сказано мягко, потому что, когда они, проехав через пустыню и по ухабам, наконец прибыли в город и в отель, была уже ночь, и Алиша чувствовала себя так, будто ни одна кость не осталась на своём месте. По пути они останавливались только для облегчения; больших пауз не было. Надира во время поездки немного наставляла её на ближайшие дни, несколько раз массировала ей груди (поэтому рубашка с пуговицами спереди и бюстгальтер, застёгивающийся спереди) и вызывала каждый имеющийся капелюк молока, давала ей еду и питьё, объясняла вещи.

Алиша всё пассивно принимала.

В отеле Надира вымыла Алишу под душем и уложила в постель. Одна Алиша, наверное, врезалась бы в шкаф, так она была уставшей и вялой. Она погрузилась в глубокий сон без сновидений.

На призыв муэдзина она раз проснулась, но быстро снова заснула.

Алиша спала, когда давно рассвело. Её настиг кошмар. Кто-то кричал на неё. Кто-то из дома.

Но тут Алишу потрясли, и она проснулась.

Надира сидела у кровати. «Доброе утро», — сказала она. — «Кошмар оставим, да?»

«Откуда ты знаешь...???»

«Это видно», — сказала Надира. — «И это ожидаемо. Знаешь, когда ты впервые

в Перидэисе, да ещё надолго, и знаешь, что не сможешь сразу вернуться, это может вызвать паршивое похмельное настроение. Потому что в Перидэисе так хорошо, а здесь так обычно. У тебя сейчас нет сексуального желания, верно?» «Пыльно-сухо», — сказала Алиша.

«Это продлится два-три дня», — сказала Надира. — «Потом всё снова будет в порядке. При следующем визите в Перидэис это уже будет меньше, потом ещё меньше, и в итоге ты полностью привыкнешь к смене. Когда ты снова будешь в форме, я отвезу тебя к твоей родной туристической группе. Но пока до этого далеко. До тех пор я обеспечу тебе отвлечение и буду рядом. И ещё кое-что я сделаю, даже если тебе сейчас совсем не хочется: я буду регулярно тебя осматривать и следить, чтобы твой молочный поток сохранялся. Для этого каждые два часа я буду массировать тебе грудь с тщательным опорожнением. Это тебе скоро снова понравится. А теперь иди сначала под душ. Потом будет нормальный завтрак с кофе».

Надира вышла из комнаты.

Алиша встала и посмотрела в окно. Она увидела бассейн (посреди пустыни!), множество пальм, внизу много зелени и несколько небольших восточных зданий, разбросанных по территории в пределах жёлтой стены. Небольшой курорт. Всё казалось довольно новым и в отличном состоянии. Алиша увидела двух женщин в бикини, лежащих у бассейна, и ещё несколько человек, одетых свободно, гуляли по территории. Строгих правил одежды здесь явно не было.

Алиша долго принимала душ. Она чувствовала себя одиноко. Ей не хватало Тима. Ей не хватало приятного постоянного возбуждения. Её лоно было совершенно онемевшим. Нет, даже не так, его как будто вообще не было, оно было нейтральным, как... как... как бедро. Когда Алиша посмотрела в зеркало в ванной, она разрыдалась. В Перидэисе она выглядела так красиво. Живот был просто каким-то плоским, женственная округлость бёдер больше не была уникально совершенной, попа в Перидэисе была мечтой, груди... о боже, они выглядели просто безразлично. Слишком маленькие, почти без молока, и совсем не полные, скучные, до тошноты скучные, соски и ореолы просто... нейтральные, совсем нейтральные. Противоположность красоты — не уродство, а нейтральность. Плача, Алиша опустилась на пол. Её волосы тоже были просто чем-то. Ужасно! Никогда больше она не подпустит к своим волосам парикмахера — в Перидэисе они прекрасно спадали без всякого парикмахера, а здесь выглядели кошмарно, и остатки неловкой родной парикмахерской работы были неоспоримы. Но главное — груди... Неужели она действительно так ужасно уродлива?

«Ну-ну-ну», — услышала Алиша Надиру сзади. Надира подняла Алишу с пола, и Алиша, мокрая, бросилась ей в объятия. «Я правда так ужасно выгляжу?» — всхлипывала она. — «Я красива только в Перидэисе? А в реальности я нейтральная? Мои груди как у пластиковой куклы!»

Надира дала ей время выплакаться. Но наконец сказала: «Я тебе кое-что покажу. У меня с собой фотоаппарат. Встань к стене, я сделаю снимок».

«Зачем?» — спросила Алиша.

«Когда ты прилетела на самолёте, мы сделали твой снимок, после того как ты разделась. Это моя идея, предназначенная именно для этого момента. Я сейчас сделаю новый снимок, и потом мы сравним оба. Ты удивишься, обещаю».

Алиша встала голой к стене. Надира смотрела через объектив и давала указания, как встать. Это заняло несколько мгновений, пока Надира не осталась довольна. Она нажала на спуск. Через несколько мгновений снимок вышел из аппарата. Надира помахала им в воздухе, и постепенно изображение проявилось. Надира сфотографировала только груди Алиши. Точнее: от шеи до пупка. Когда снимок полностью проявился, Надира достала из сумки другой аппарат, похожий на камеру. Туда она вставила только что сделанный снимок. Надира некоторое время смотрела в объектив второго аппарата, двигала рычаг туда-сюда и наконец улыбнулась. «Посмотри!» — сказала она и протянула Алише коробку. Алиша не знала, чего ожидать. Но она была не в лучшем состоянии. Она поднесла коробку к глазам.

Алише понадобилось мгновение, чтобы понять.

Надира сказала за её спиной: «Ты смотришь через слайд на снимок, который я только что сделала. Слайд я сделала в аэропорту, а тот, что под ним, только что. Это ты и ты. С разницей в десять дней. Сравни груди!»

Алиша удивилась. «Это мои груди?... Но они же намного больше... сейчас».

«Они не *так* великолепны, как в Перидэисе», — сказала Надира, — «всё-таки здесь прошло только десять дней. Но ты видишь, что даже за такое короткое время произошли видимые изменения. Грудь, которые у тебя были в Перидэисе, ты можешь почти достичь и здесь. Не совсем, но почти. Достаточно, чтобы ты была довольна. С молоком внутри. Если ты так вернёшься в Перидэис, через очень короткое время у тебя снова будет много молока».

«А если я сразу вернусь?»

«Грудь всё равно пропадут. Ты начинаешь снова с твоего текущего состояния».

«Но почему так не было в других переходах, которые я видела по пути?»

«Как далеко и как долго вы были снаружи?»

«Недалеко. Один раз, может, метров пятьдесят, другой раз... сто или двести метров. Оба раза, наверное, полчаса, точно не знаю. Может, и меньше».

«Это как разница между „паузой“ и „стопом“ на магнитофоне, понимаешь? Но нельзя переусердствовать, потому что не всегда ясно, как долго Перидэис ещё удерживает тебя в пространстве и времени».

«Да», — сказала Алиша. Два наложенных друг на друга снимка немного её примирили.

«Пойдём, будет завтрак», — сказала Надира. — «С кофе. Давай завтракать голыми. В честь Перидэиса». — Она разделась догола и даже распустила свои строго зачёсанные волосы. Алиша обрадовалась этому.

Докторша Надира всеми возможными способами помогала Алише преодолеть похмельное настроение первых дней и продолжать развивать её грудь. Алиша

получила своё тело таким, каким оно было при входе в Перидэис. — Но хитрость Надиры была в том, что между первым снимком в аэропорту и текущим реальным состоянием лежали те массажи груди, которые Тим делал во время поездки через Сахару. Снимки показывали, как груди Алиши уже изменились в обычном мире. Это дало Алише силы, ведь у неё было доказательство её собственных способностей без Перидэиса, плюс физический опыт и внутреннее чувство, что её груди в реальности совсем другие. У Алиши в принципе были хорошие отношения со своими грудями, которые она давно открыла как источник тайного удовольствия. Поэтому Надире не составило труда работать с грудями Алиши, и Алиша с энтузиазмом выполняла упражнения, которые Надира ей показала, чтобы наиболее эффективно извлекать молоко из грудей, так, чтобы они после этого жаждали производить, возможно, ещё больше молока, чем прежде. Надира также напомнила Алише, что здесь, в обычном мире, месячные снова начнутся (исключения подтверждают правило), и Алиша должна помнить, что здесь она снова может забеременеть. Надира дала Алише таблетку, которая не влияет на выработку молока. *Одну упаковку, больше она получит в Берлине.* Принимать с первого дня следующей менструации.

На третий день Алиша, кроме нескольких мелких осечек, снова была собой, и Надира объявила ей оставшуюся часть отпуска — того, который она действительно забронировала. «Но не бойся», — сказала Надира, — «я не отпущу тебя просто так, сначала будет небольшой прощальный ужин с гостями».

«Какими гостями?» — любопытно спросила Алиша.

«Увидишь», — сказала Надира. — «Среди них есть люди, которых ты знаешь».

Теперь Алиша была ещё любопытнее.

Надира принесла в номер отеля подборку одежды. Всё новые *западные вещи*, которые дома были бы вожделенными и хорошо сидели. Алиша оделась и крутилась перед зеркалом. И всё же... вещи были хороши, но обычные. В Перидэисе она носила великолепное платье. И открыто носила свои груди. Ей нравилось, что мужчины смотрели на её груди. Как великолепный бабочка, на которую смотрят, с рисунком глаз на крыльях, производящим завораживающий эффект. Алиша однажды читала, что женщины осаждённого средневекового города перед лицом врагов внезапно обнажали свои груди, не объясняя потом почему. Они просто это делали, и подобные спонтанные действия наблюдались по всей истории человечества и по всему миру. Никто не имел действительно хорошего объяснения, почему женщины иногда так поступали в таких ситуациях. Возможно, потому что они делали это по разным причинам: насмехаясь, успокаивая, умоляя, ошеломляя, обезоруживая, убеждая или просто тонко влияя... так что единого объяснения быть не могло. Очевидно, груди делали с мужчинами что-то архаичное. Как своего рода гипноз? — Теперь же груди Алиши были покрыты двумя плотными слоями ткани. Скрытая женственность для женщин — как связанные руки для мужчин, подумала

Алиша. Она чувствовала себя как бабочка с закрытыми крыльями. Завораживающие глаза были завязаны. Это не ослепляло, но важное оружие отсутствовало. Люди говорят, договариваются, спорят, успокаивают не только ртом, но и телом. Человек ведь не лакированная стерильная вычислительная машина, которая тик-тик-тик обрабатывает перфоленту, хотя некоторые люди чертовски близки к этому. Но не Алиша. С другой стороны... стали бы мужчины скорее прыгать на горную козу или на лакированную вычислительную машину? Эта мысль немного примирила Алишу.

Надира и Алиша вышли из здания, где находился номер отеля, но остались в пределах курорта. На краю сада, за красивым фонтаном, выложенным мозаичными камнями, стояло отдельное здание с большими окнами. Нечто вроде ресторана или кафе. Оно было небольшим и, по сути, состояло из одного зала. Перед ним стояли два великолепно одетых араба с большими золотыми саблями.

«Эти два почётных стража не просто для красоты», — сказала Надира. — «На самом деле это прислужники, и они следят, чтобы нас не подслушали. Так мы можем следующие два-три часа говорить открыто, не остерегаясь».

Они прошли мимо двух стражей. Стражи поприветствовали их своими большими золотыми саблями. Алиша обрадовалась. Затем она вошла в небольшое здание за фонтаном и двумя арабскими почётными стражами, которые на деле были прислужниками.

Внутри за круглым столом сидели люди. И она сразу их узнала, хотя они были в уличной одежде и выглядели как туристы со всего мира. Это были люди, которые встретили её после перелёта через Алжир на том пустынном аэропорту. *Комиссия*. Три мужчины и одна женщина, трое из них тогда, нет... недавно... были в халатах врачей. Два стула ещё были свободны, один для второй женщины, это была Надира, и один для Алиши.

«Боже мой», — Алише казалось, что прошла вечность с тех пор, как она приземлилась на том странном аэропорту.

Особенно хорошо она запомнила мужчину с впечатляющей бородой, который не был врачом. Когда Алишу успешно усадили, он спросил: «Ты о чём-то жалеешь? Или жалеешь, что чего-то не сделала?»

«Нет», — рассмеялась Алиша, которая, похоже, уже оставила своё уныние позади, — «это было прекрасно, и я ни о чём не жалею. Спасибо».

«Трудно поверить», — сказал бородатый мужчина, — «это же скучно. Должно же быть что-то?»

Алиша задумалась. Да, кое-что было: Алиша рассказала о Рапунцель, Ведьме и Фрау Холле и спросила: «Почему я их пережила так нелепо? Я люблю сказки», — сказала она, — «я таю от сказок, так почему я не пережила сказки так, как их знаю? Или так, как бы я хотела их по-настоящему развернуть?»

Теперь ответила женщина, которая не была докторшей и сидела за столом президиума: «Ты была в Перидэисе впервые. Было бы даже тревожно, если бы

твое собственное „я“, твоя психика, просто так тебя отпустила. То, что ты пережила, — это смесь старого и нового, любопытства и сдержанности, возможно, немного страха, и в итоге ты это пережила. Так сказать, слегка цензурированная версия, которая оставляла достаточно мысленных лазеек и дистанции. К этому, наверное, относится это высмеивание».

«Хм», — сказала Алиша. — «Иногда, когда мы пели песни в молодёжной общине, и было очень красиво, некоторые начинали дурачиться, и это разрушало всю атмосферу. По сути, я этого не хотела, мне нравилось петь, но я всё же дурачилась. Я не знала, как с этим справиться. Но на самом деле это было жалко».

«Да», — сказала женщина, не докторша, — «именно это я имела в виду. Но в следующий раз всё может быть совсем иначе, тем более что здесь нет контроля и давления со стороны других. У тебя достаточно времени для себя, и не вредно всё ещё раз обдумать и подходить к вещам осторожно. Ориентироваться можно в том, что знаешь. В совершенно незнакомой обстановке можно оказаться совсем беспомощным. Это вызывает страх или, по крайней мере, дискомфорт. Поэтому ты пережила компромисс, и, честно говоря, я нашла твои приключения очень интересными. Никто не меняет своё мировоззрение радикально за один день, это всегда занимает много времени. Кто утверждает обратное, тому я бы не доверяла, кто делает иначе, часто меняет только фасад, но не внутренне. Изменённая краска и упаковка — это не изменённое содержание. Так что: всё отлично».

У Алиши было множество вопросов, она получила множество ответов и не раз напоминали, что люди говорят на разных языках, ведь ей сообщили, что специально для неё пришлось искать людей, говорящих по-немецки. Но, что странно, не на каждый вопрос был ответ, многое оставалось, ну... как называют это учёные... сверхслучайным и не объяснялось галлюцинациями или чем-то подобным. По крайней мере, не так просто. Но иногда связи так ужасно запутаны, что мы уже из-за собственной ограниченности оперируем словом «чудо».

В конце вечера Надира подарила Алише красивое платье в перидэисском стиле, восточного кроя, с открытыми грудями, как и должно быть. Алиша была невероятно рада платью. Надира язвительно заметила, что вручает его только сейчас, чтобы Алиша не надела его сразу, ведь они в центре арабского города. И рассмеялась.

«Кстати, как я дома объясню открытые груди?» — спросила Алиша.

«Предположим», — ответила Надира, — «под платье надевается блузка, и предположим, это гаремное платье. По местным правовым представлениям это абсолютно не предосудительно, так что мы вполне можем так его определить. Тебе не придётся лгать. Платье, конечно, сшито здесь, и примерно такое объяснение было дано портному».

«Разве люди здесь не отказываются шить такое?» — спросила Алиша.

«Нет», — сказала Надира. — «Вне семьи нужно закрываться, а для глаз собственного мужа соблазнительное бельё абсолютно дозволено, даже если оно *очень* соблазнительно. В других местах это платье называют „минойское платье“ по бронзовой культуре на современном Крите. Там нашли женские статуи в таких платьях. Ещё его называют „платье О“ или „О-платье“».

«Из-за того изображения женщины повсюду в Перидэисе? Женщины, которая руками протягивает свои груди, а её ноги образуют букву „О“?»

«Нет», — сказала Надира. — «Во-первых, портные тоже поддаются, когда видят деньги. Но кроме того: разве что... есть французская книга, в которой современная женщина из любви к мужчине добровольно позволяет себя поработить. И хлестать, и насиловать. Женщины в этой книге тоже носят такие платья, и главную женщину всегда называют только „О“, без объяснения почему».

«Знал ли автор Перидэис?» — спросила Алиша.

«Кто знает?» — сказала Надира. — «К сожалению, автор точно не известен. Похоже, это женщина. И есть догадки, кто это. Если встретишь её в Перидэисе, спроси и скажи мне. Меня это интересует».

В конце все вместе обсудили, какую историю Алиша должна рассказывать в будущем: по ошибке села не в тот самолёт, десять всё же не скучных дней где-то ещё, и теперь с туристической группой. Готово. Этого должно хватить.

Поскольку время поджимало, Надира в тот же день должна была отвезти Алишу в аэропорт, чтобы она присоединилась к своей «настоящей» туристической группе и имела «настоящее» путешествие с «настоящими» впечатлениями, которые выдержат любую проверку и избегут лишних вопросов.

Когда Алиша покидала отель, мимо неё вдруг проскользнул маленький пёстренький человечек с шутовской шапкой и бубенцами.

«Наконец-то! Она в бюстгальтере!» — пропищал человечек.

«Я тебе сейчас этот бюстгальтер в твой наглый рот засуну!» — гневно крикнула Алиша и попыталась схватить человечка.

Визжа, человечек убежал.

«Ты что-то сказала?» — спросила Надира, которая была отвлечена.

«Нет, ничего», — сказала Алиша. — «Я просто ругалась на бюстгальтер».

«Утешься», — сказала Надира, — «мне здесь тоже приходится носить эту грудодавку. Кстати... иногда в начале могут быть небольшие галлюцинации. У тебя была?»

«Да».

«Это пройдёт».

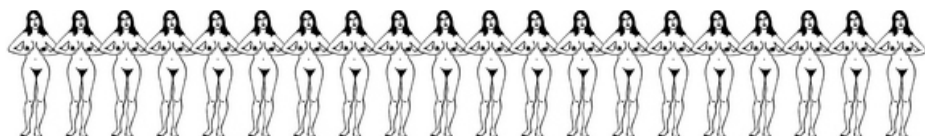
В аэропорту Надира, как говорится, растворилась в пыли.

Туристическая группа Алиши из рабоче-крестьянского государства ГДР была, как и ожидалось, довольно средней по составу: несколько настоящих рабочих для статистики, несколько псевдорабочих вроде Алиши (строителей с

аттестатом), несколько служащих (офисных тёток) и несколько партийных работников, то есть функционеров, которые пробрались в поездку по своим связям. Но они не испортили путешествие, и Алиша провела ещё десять весёлых и интересных дней в Алжире. Все искренне жалели Алишу за «ошибку» с неправильным рейсом, но гораздо больше были заинтересованы рассказать ей, что они сами пережили за это время.

В конце поездки Алишу ждал настоящий сюрприз: ни один член группы не сбежал, то есть не остался на Западе. Алиша этого не ожидала. Дело не могло быть в составе группы, это были, кроме нескольких функционеров, скорее обычные молодые люди, как Алиша. Возможно, большинству хватало капельки свободы и капельки сливок и блеска, чтобы чаша весов склонилась в пользу привычной обстановки. Обычные люди — не революционеры, об этом часто забывают.

А потом раздался *Бум!*, когда Алиша вернулась домой в Берлин. Не совсем *Бум!*, но серая тоска оглушила Алишу, когда она ехала на электричке из аэропорта на юге Берлина на север, в Пренцлауэр Берг. В том числе через Шёневайде, что по-немецки „Schöne Weide“ — „Красивая луговина“, но отец Алиши звал его „Schweineöde“ — „Свинская глушь“.





Снова дома



Лето ещё далеко не закончилось, и берлинский Пренцлауэр Берг пылал от жары. Прямо под крышей, при хорошем освещении большого окна, это чувствовалось вдвойне. Вообще-то надо было бы поехать на какое-нибудь озеро для купания, но это Алиша делала только в будни. Сейчас было выходные — а в выходные на озере толпились люди, что совсем не по душе Алише. Она накинула лёгкую мужскую ночную рубашку, которую время от времени слегка смачивала водой. Такие старые мужские ночные рубашки были ценным добром, потому что с парой стежков, текстильной краской и небольшим украшением их можно было перешить в действительно шикарные летние платья. За такими рубашками велась настоящая охота, и наверняка в домашних шкафах не осталось ни одной, которую бы не вырвали, не украли, не выманили или не отобрали у первоначального владельца и не переделали. Но эта рубашка была, к сожалению, слишком потрёпанной для этого, так что служила Алише жарким платьем. Идея пришла ей в Алжире. Там многие мужчины носили похожие рубашки, и они знали толк в подходящей одежде для сильной жары. То, что женщина в палящем летнем зное не получала моли в толстом *чёрном* балахоне, могло объясняться только тем, что моль в таких условиях умирала. Лёгкая, просторная рубашка была великолепна, и Алиша под ней (в отличие, конечно, от алжирских мужчин) ничего не носила. В Алжире один мужчина спросил её, почему она, как женщина, одевается так легко, ведь это неприлично и к тому же опасно для женщины. Она ответила, что северяне страдают от сильной жары гораздо больше, чем южане. Мужчина нашёл это убедительным. У него действительно не осталось возражений. Алиша не сказала, что предпочла бы носить ещё меньше, чем мало. Ну, признаться, одежда защищала от прямых солнечных лучей. Но в остальном одежда в адскую жару имела лишь одно преимущество — её можно было намочить.

Теперь Алиша сидела за письменным столом у окна, подпирая лицо обеими руками, и смотрела на сочную зелень каштана, чья крона на высоте окна казалась большим зелёным кустом. Перидэс всё ещё казался ярким сном. Когда Алиша впервые проснулась в своей квартире, она действительно боялась, что это мог быть только сон. То есть... не совсем. Но предположим, кто-то подмешал ей в еду неизвестный сильный наркотик, тогда такой сон, возможно, мог бы случиться.

Но вот он, сантиметровый красивый кубик из кошачьего золота, лежавший теперь перед Алишей на столе.

И вот оно, прекрасное платье Перидэса, висевшее на вешалке на виду. Как украшение стены. Она оставит платье висеть именно так, чтобы каждый гость

видел, что оно оставляет грудь открытой. Гаремное платье звучало как хорошее объяснение и вызывало именно то чувство, которое испытывала Алиша.

И вот он, паспорт, тоже лежавший перед ней на столе. Штампы в нём ясно доказывали, что она была в Алжире.

Тим обязательно придёт к ней в гости. Алиша знала это. Сомнений не было. Или были?

На всякий случай Алиша нарисовала улицу, которую видела из подвала. С большой тщательностью и всеми подробностями, которые ей вспоминались. Деревья, окна, фонари, машины, сломанная дверь подъезда и тому подобное. Картина теперь висела на стене. Но Алиша не собиралась искать ту забегаловку. Только если подвернётся случай, она бродила по незнакомым улицам. При этом можно держать глаза открытыми. Это не поиск.

И всё же. Не был ли Тим миражом? Таких мужчин ведь просто так не подают на блюдец. В обычной жизни. Ей? Алише? Именно ей?

Тут Алише пришла мысль. Она сняла мужскую ночную рубашку и рассмотрела её. Что, если Тим придёт именно сейчас? А она сидит в таком потрёпанном тряпье? Цвет можно оставить. Белый хорош. Шнурок на талии потребует мало работы и хорошо подчеркнёт попу и бёдра. Нет, не шнурок. Не в такую жару. Но сверху над грудью можно слегка собрать ткань — так грудь будет лучше выделяться и казаться полнее, не теряя воздушности платья. Добавить немного кружев, их у неё в швейной коробке полно. И раз уж она за это взялась, можно сделать грудь чуть доступнее. Полностью обнажать, как в платьях Перидэиса, нельзя. Единственный смысл жаркого платья — неизбежное прикрытие тела.

Но как сделать грудь легко доступной? Эта мысль заинтриговала Алишу, тем более что она хотела сохранить свой молочный поток, причём с хорошим результатом. К тому же уделять внимание грудям было просто приятно. Хм. Простая горизонтальная прорезь на уровне груди была бы слишком заметной. Но большая открытая часть груди с накрывающим слоем ткани, как у юбки, подойдёт. Спереди непрозрачно, снизу открыто. Алиша нарисовала эскиз и с жаром принялась за работу. Это наконец было стоящее занятие.

Через два-три часа у неё был результат, который можно было показать. Ой, тут ещё дырка, которую надо зашить. Но после этого... работа того стоила. Это была не ночная рубашка, а домашнее платье. Она надела его, долго разглядывала себя в зеркале и осталась довольна.

И что теперь?

Алиша снова сидела за письменным столом у окна, подпирая лицо обеими руками, и смотрела на сочную зелень каштана, чья крона на высоте окна казалась большим зелёным кустом. Перидэис всё ещё казался ярким сном.

Ррррринг.

Зазвонил дверной звонок.

Сердце Алиши заколотилось до горла. Она помчалась к двери.

Тим сиял, стоя у двери. Алиша заплакала, бросилась ему на шею и обхватила его руками и ногами, чтобы он точно не исчез.

«Дай мне жить», — рассмеялся Тим. — «И я принёс подарки». Поскольку Алиша не отпускала, он, с Алишей на руках, подхватил свою сумку, стоявшую на полу, вошёл в квартиру и ногой закрыл дверь.

Так они оба оказались в жилой кухне Алиши. И Алиша всё ещё прижималась к Тиму. Так сильно, как могла. Ноги всё ещё крепко обхватив его. И Тим её обнимал.

«У тебя есть кофе?» — наконец спросил Тим.

«Есть!» — воскликнула Алиша, отцепилась и закружилась к плите, чтобы поставить воду.

«Стой!» — сказал Тим. — «Подарок номер один. Мой официальный тайный булочник имеет магазины с элитным ассортиментом. И от молока я пришёл к сливкам, от сливок к кофейным сливкам, а от них к идее, что тебе, возможно, пригодится кофемашина. Как небольшой компенсация за литры напитков, что перетекли от тебя ко мне».

Тим покопался в сумке и осторожно вытащил коробку, что там была.

«Машину я лично проверил, тщательно вымыл и подготовил к работе», — сказал он. — «Запас кофейных фильтров я тоже принёс».

Алиша обрадовалась: «Я даже не знала, что у нас есть приличные кофемашины», — сказала она. — «Такие я видела только у людей с западными связями».

Тим помог ей приготовить кофе и поставил на стол пачку кофе, которую на всякий случай принёс. Но кофе можно было отложить в запас, у Алиши был свой.

«Пирог я тоже принёс», — сказал Тим.

Алиша достала тарелки и приборы.

«И цветочек», — сказал Тим.

Ну... цветочек выглядел, к сожалению, немного грустно — из-за термической и механической перегрузки и недостатка воды, но Алиша утешила Тима: «Я просто засуну цветочек под пресс и положу под стекло».

Кофе был готов.

«Молоко? Стой! У меня своё!» — сказала Алиша. Это был *тот самый* случай показать Тиму её платье. Она вытащила грудь и наконец почувствовала себя в том состоянии, как в Перидэисе. Быстро замаскировала слишком очевидное возбуждение Тима, с жаром наклонившись над его чашкой и выдоив молоко из своих груди в его чашку. К сожалению, получилось лишь так себе. Брызги молока выглядели красиво, но, честно говоря, меньше, чем надеялась Алиша.

Тим элегантно разрядил напряжение ситуации: «Ты слишком взволнована, чтобы молоко сейчас хорошо текло. Твоё платье, кстати, замечательная идея и выглядит здорово. Но оставь мне своё сладкое молоко на потом. Кофе с коровьим молоком достаточно хорош, если у тебя есть».

У Алиши запылали щёки, ведь в замечании Тима было не только похвала платью, но и важное послание: всё продолжится, он принадлежит ей, и позже она сможет иметь его физически. Не в своём лоне, которое снова взяло над ней власть, но у своей груди. И это могло быть так восхитительно интимно, как многие, наверное, не переживают даже секс. Она получала больше, чем иная жена от мужа...

У Алиши было коровье молоко, и она налила его Тиму в кофе. Как хорошо, что он так ловко выручил её.

Они сидели напротив друг друга. На стульях под углом у письменного стола, потому что кресел у Алиши не было, да и другого стола тоже.

«Рад снова тебя видеть», — сказал Тим.

«Рада снова тебя иметь», — сказала Алиша.

«Ты хорошо выглядишь», — сказал Тим.

«Спасибо», — сказала Алиша. — «Несмотря на мои девичьи груди? И шрам? И глупую причёску? И всё такое?»

«Вытащишь грудь снова, как только что? Это уже не девичьи груди, они женственнее, в них гораздо больше для глаз, чем в юных девичьих грудях».

Но приподнятая ткань над грудями Алиши постоянно сползала вниз. Только завязанная нитка решила проблему.

Алиша разглядывала Тима. Его одежда и стрижка, честно говоря, выглядели неважно. Она ему это сказала.

«Штази-стандарт-нуль-восемь-пятнадцать», — ответил Тим. — «Я не могу являться как попало, иначе получу нагоняй. Короткая стрижка и обывательская одежда в моде. Многие даже приходят в таких уродливых костюмах и рубашке с галстуком. То, что на мне, на грани».

«Извини», — сказала Алиша. — «Я просто подумала... раз ты не в форме. А в свободное время? Может, я возьму тебя под своё крыло», — сказала Алиша. — «Я умею шить. Прямо сейчас. Хочешь?»

«Но разве с этим бараклом есть шанс?» — усомнился Тим.

«Иногда с небольшим перешиванием можно многого добиться», — сказала Алиша. — «Тебе правда нравится моё платье?»

«Да, очень. Но сейчас... честно говоря, я бы предпочёл видеть тебя совсем голой».

Это замечание пробрало Алишу до кончиков пальцев. Она набралась смелости, а главное, снова почувствовала настроение, похожее на Перидэис. Алиша встала, стянула платье через голову и дала ему упасть на пол. Затем подвинула стул так, чтобы сидеть прямо напротив Тима. Так она могла положить согнутые ноги на его бёдра. Он принадлежал ей. Она имела право.

Они ели принесённый пирог, пили кофе, и Тим, не скрывая взгляда, смотрел на груди Алиши и её открыто выставленную вульву, которая теперь была очень (!) набухшей и очень (!) влажной. И слегка раскрывалась, как сидела Алиша. Нечего было скрывать, и Алиша знала, что она сейчас предлагает Тиму. Есть разные степени возбуждения вульвы. Это была высшая, когда отверстие

полностью пропитано обильной скользкостью. Для этого нужно красивое слово, подумала Алиша про себя, для того, что не просто стекает и немного как джем или божественный нектар. Почему нет хорошего слова??? Так Алиша показывала Тиму свою вульву. И он не отводил взгляд.

«Ты не отводишь взгляд», — тихо сказала Алиша. — «Тебе что, можно...?»

«Нет, нельзя», — сказал Тим. — «Но я хочу хотя бы получить удовольствие от созерцания. Другой прислужник сказал мне, что потом невозможно установить, если я кончу без собственного участия, понимаешь? И я как-то надеюсь, что это со мной случится. У меня такое чувство... ну... в общем, я достаточно возбуждён, чтобы... с тобой... в зависимости от...»

«Я помогу тебе», — шёпотом перебила его Алиша и медленно поднялась. — «Я хочу быть твоей шлюхой, которая тебя заводит и соблазняет. Погоди!»

«Только одно», — быстро сказал Тим, — «ты сейчас очень плодovита. Если со мной это случится... не прижимай свою вагину к моему пенису. Обещаешь?»

«Обещаю», — сказала Алиша. — «Оставайся одетым. Я с радостью постираю твои трусы, если... это случится». Алиша метнулась к своему кассетному магнитофону. Старая коробка, немного заедающая, но сейчас это неважно. Она порылась в ящике с кассетами. У неё была музыка, которая красиво нарастала, и ритм с небольшой долей фантазии звучал как секс. Алиша вставила кассету в магнитофон и нажала на старт. Началось. Она часто танцевала под неё. Она вытащила шёлковый платок из глубин шкафа. Ритм зазвучал. Алиша двигалась в такт музыке, покачивая бёдрами и медленно кружа ими вперёд-назад, поглаживая бёдра, откидывая волосы вперёд-назад. Её язык скользил по губам, взгляд становился отрешённым, похотливым, требующим страсти. Она танцевала на Тима, поворачивалась, показывала попу, покачивала ею, глубоко наклонялась, игриво раскрывала свою промежность, снова выпрямлялась. Она кружилась в танце, выставляла груди, заставляла их дрожать, брызнула Тиму в лицо капелькой молока и несколько раз дала понюхать свои подмышки и вульву. Она протянула шёлковый платок под груди, прикрыла себя им, кружилась с ним, накинула его как вуаль на лицо. Она играла с платком тысячей способов, прижимала его к своему лону, подносила к носу Тима. Затем Алиша чуть убавила громкость магнитофона и начала, медленно танцуя, говорить Тиму то, что происходит во время секса. И о своём теле. Грязные вещи. Тайные вещи.

Тим сидел неподвижно на стуле и смотрел на Алишу. Его дыхание было прерывистым. Его взгляд был как в пустоту, и всё же он смотрел на Алишу. На её тело.

Алиша видела, что именно привлекало отрешённый взгляд Тима, и предлагала ему эту часть своего тела. Когда его взгляд менял направление, она предлагала другую часть. Это происходило невольно, она втягивалась в него, хотела завладеть им, понять, чего он желает, дать ему то, что ему нужно. Она замечала, какие её слова особенно действовали на Тима, и повторяла их. Снова. Ещё раз. Это не было логикой. Не было разумом. Не было языком. Это было

воздействие. Только воздействие. Поэтому это были полуфразы, выкрикиваемые слова. Она называла части тела, называла их соблазнительно, делала полуфразы, описывающие отдельные действия, повторяла их. Она касалась его лица своими сосками, подходила совсем близко и, задыхаясь, делала резкие движения бёдрами вперёд-назад — и ничего так не желала, как освобождения Тима.

Пот стекал по лицу Тима, он дышал как в неистовстве.

...но он не кончил. Просто не смог. Не переступил решающий порог, магический перевал, за которым тебя несёт само собой.

Алиша не выдержала и, голая, бросилась Тиму в объятия. «Ничего», — прошептала она, — «ничего, ничего. Может, нужна регулярность, повторение. Знаешь? Когда тебе снова можно будет, всё будет иначе. Возьми это в свои сны. И когда будешь видеть меня во сне, ты изольёшься, да?»

Алиша осыпала совершенно измождённого Тима поцелуями. Затем резко вскочила и сказала: «Пойдём! Пойдём со мной! Пей моё сладкое молоко для подкрепления».

Алиша потянула Тима к своей кровати. Широкая супружеская кровать, снизу собранная из краденых деревянных пивных ящиков, сверху с большим матрасом, но выглядела хорошо и спать на ней было удобно. Алиша уложила Тима на кровать и забралась над его лицом, так что он ещё раз получил прекрасный вид на её набухшую влажную вульву.

Теперь Алиша лежала рядом с Тимом на кровати, одну руку закинув далеко за голову, а другой рукой взяла грудь и защекотала его губы соском. Тим автоматически открыл рот, и Алиша вложила в него свою грудь. Тим начал пить, медленно нащупывая, где грудь хочет быть раздражённой, чтобы отдать молоко. Прошёл целый момент, пока молочные железы в груди Алиши поняли и отреагировали. Наконец грудь Алиши стала мягкой. Тим, чьи движения рта были ищущими, возбуждающими, но не совсем сосущими, теперь нашёл правильное положение и начал ритмично сосать. Алиша почувствовала знакомое тянущее чувство в глубине груди, давление, и вздохнула. Помогла рукой, направляя брызнувшее молоко в рот Тима. И Тим перешёл к длинным глубоким сосущим движениям. Алиша ощутила тихое течение. Вздохнув, она отпустила напряжение тела и опустилась в матрас. Расслабление охватило её. Волна любви к Тиму затопила её. Её губы лежали на его лбу. Она позволяла сосанию груди происходить, видела ещё его нос, покоившийся в её подмышке, подумала ещё, что надо отказаться от дезодоранта, и наконец отдалась интимности кормления. Хм, кормления? Подходит ли это? — слабо мелькнуло у неё в голове. Это не ощущалось как младенец. Никогда. Успокоение? Удовлетворение? Говорят же «утолить голод» и «удовлетворить потребности». Ой. Это уже партийная политика, сейчас только не думать о таком. Но поскольку ощущения в груди накатывали слишком сильно, политика не получила шанса и исчезла из головы. Алиша подала Тиму другой рукой другую грудь, потому что та тоже требовала своего права. Кормление ведь не так плохо,

экстазом. Облаком. Она парила. Бестелесно. Чистая страсть. Тим полусидел рядом и, вероятно, использовал момент, чтобы позволить своим рукам делать, что они хотят. Сейчас они хотели сжимать грудь Алиши. Его руки умелым движением выдаивали из её груди брызги молока. Это происходило медленно. Теперь уже меньше сексуально, чем приятно. Да, приятно. Рука Тима медленно скользила вокруг её груди и массировала её. Совсем вглубь под мышками. И совсем сверху к плечу. Сдержанно сжимала. Слегка встряхивала. Всё очень медленно. Теперь он снова выдаивал из груди брызгу молока, размазывая её по коже, как крем.

Всё очень приятно.

В какой-то момент Алиша вышла из своего полусна. «Кофе!» — проворчала она. — «Я сейчас точно хочу ещё кофе. Сваришь?»

«Нет».

«Что? Почему?»

«Если ты будешь варить, я смогу смотреть, как ты двигаешься».

«Тебе всё ещё мало?» — улыбнулась ему Алиша.

«К сожалению, нет. И вообще, я не могу наглядеться на тебя».

«Придётся ещё подождать».

Прошло немного времени.

Прошло ещё немного времени.

«Теперь я варю кофе», — сказала Алиша и вскочила.

Жилая кухня имеет свои преимущества. Например, мужчина может с кровати смотреть, как голая женщина готовит кофе. Её попу, пока она стоит, покачивающиеся груди, когда она поворачивается в сторону, раскачивающиеся груди, когда наклоняется. Это невероятно возбуждало Тима.

Но в какой-то момент кофе был готов, и Алиша вернулась с двумя чашками к большой кровати. Прислониться к стене было нельзя, там стоял большой книжный стеллаж. Точнее, краденые деревянные пивные ящики, поставленные вертикально друг на друга как стеллаж. Но можно было опираться боком, сидя напротив друг друга, ведь к стене к широкой кровати был прикручен или прибит каркас из других краденых пивных ящиков, на которых лежали подушки. Это может звучать неудобно, но таковым не было, потому что у Алиши было мало денег, но много идей и вкуса. И никакого чувства вины, ведь ящики украли два парня и затащили их наверх, а взамен они теперь носили крутые брюки, которые раньше были сомнительно скроенными восточными штанами из магазина «Консумент». Так и надо: работа, которая не приносит удовольствия, в обмен на работу, которая нравится. Парни с энтузиазмом мастерили кровать, после того как Алиша объяснила свои идеи. И поклялись сделать себе такую же. Но им надо было поторопиться, ведь народная торговля напитками постепенно заменяла деревянные ящики на современные

пластиковые.

Когда они выпили половину кофе, Алиша озорно спросила: «Ты говорил о подарках, во множественном числе?»

«Говорил!» — сказал Тим. — «Погоди!» — Он вскочил за сумкой.

«Ты?» — спросила Алиша.

«Да?»

«Разденешься теперь?»

«Более чем охотно». — Тим снял одежду, которая совсем прилипла к телу, так сильно он потел.

«Знаешь что», — сказала Алиша, — «давай я быстро постираю твои вещи? В такой палящий зной они мигом высохнут. Или тебе надо...?»

«Нет», — сказал Тим. — «Я могу остаться до вечера».

«И дольше?»

«К сожалению, нет. Пока нет. Это не моё решение. Сейчас ничто не должно указывать на связь между нами».

Алиша посмотрела немного разочарованно, но взяла себя в руки. «Давай сюда шмотки!» — крикнула она. Тим бросил их ей. Один раз мыльная вода в большом цинковом тазу, один раз чистая вода, трусы тщательнее всего, из-за их важности, выжать и готово. «Я быстро развешу бельё», — крикнула Алиша через плечо и, уже в коридоре, надела шлёпанцы. — «А ты пока умойся!» — добавила она.

«Умоюсь», — ответил Тим. — «Скажи, ты что, голая выйдешь из квартиры?»

«Здесь наверху, кроме меня, никто не живёт», — крикнула Алиша в ответ, — «а на крыше у меня бельевая верёвка натянута между антеннами. Плоская крыша, мы там даже вечеринки закатывали».

«Ты голая лезешь на крышу?» — рассмеялся Тим. — «Ох, как тебе хорошо».

С прыжком Алиша исчезла, а Тим умылся у раковины.

Через несколько минут Алиша вернулась. «На крыше так жарко, что твои вещи высохнут вмиг», — сказала она. Тут она увидела, что Тим использовал её тряпку для мытья. Она лежала, аккуратно сложенная, на краю раковины. Алиша взяла её в руку и глубоко вдохнула через неё, прежде чем повесить обратно на крючок, где она обычно висела. Жалко, только её дезодорант, но немного мужского запаха всё же пробивалось.

Теперь они снова сидели на кровати, оба голые, и он с сумкой. Холодного кофе ещё осталось, и фильтрованный кофе, в отличие от заваренного, можно было выпить до конца, не кашляя.

«Сначала меньшее», — сказал Тим и передал Алише несколько упаковок *таблеток*. — «С приветом от Надиры, докторши», — сказал он. — «Они с Запада, так что не оставляй их без нужды на виду, чтобы не было глупых вопросов. Если вопросы будут, говори, что потеряла свои таблетки в Алжире и там тебе дали другие».

«Столько? И почему я не могла взять их из Алжира?»

«Первое: они были щедры. Великодушны. Или что-то такое. Второе: незачем было привлекать внимание таможи на границе».

Алиша это поняла.

«Надира велела обязательно напомнить, чтобы ты принимала таблетки регулярно, потому что женщины после долгого пребывания в Перидэисе по неясным причинам сначала очень плодовиты. При ошибках в приёме целую неделю не приближайся к мужчинам».

«Хм! Ясно!» — сказала Алиша. — «Опасность опыления ветром».

«Точно!» — подыграл Тим. — «И не пускай пчёл между ног».

Алиша взяла коробки с таблетками, встала и положила их в ящик письменного стола. Затем снова села к Тиму на диван.

«Второй подарок больше», — сказал Тим.

«Третий!»

«Да, третий». Тим вытащил ещё одну коробку. Алиша была полна любопытства и понятия не имела, что это может быть.

Тим достал из коробки прибор. «Электрический молокоотсос», — сказал он. — «Исследовательская модель, которую по собственной большой компетенции велела сделать одна советская профессорша».

Алиша рассмеялась. «Русские тоже в Перидэисе?»

«Конечно. И этот молокоотсос — лучший из тех, что можно достать. Но они не могут запустить его в серийное производство. Есть только малая серия. Чтобы избежать глупых вопросов, вот история: у тебя с пубертата всегда было молоко в груди. Это правдоподобно, потому что такое не так уж редко. Проверили, для здоровья не опасно, но поскольку иногда давит и вытекающее молоко неприятно, бла-бла-бла, одна добрая советская докторша, которую ты случайно где-то встретила, бла-бла-бла, и которой ты это рассказала, бла-бла-бла, подарила тебе этот насос, который просто пылился. Кто эта докторша, ты не знаешь, откуда она, не знаешь, почему была в ГДР, не знаешь, откуда насос, не знаешь».

«Бла-бла-бла».

«Точно», — рассмеялся Тим. — «Не выдумывай слишком много истории, иначе запутаешься. Запомни: *Неизвестная советская докторша подарила мне молокоотсос*. Готово. На всё остальное отвечай...»

«Не знаю».

«Точно. И молоко у тебя всегда было, и врачи говорят, что это не вредно для тебя. Что беспокоит, откачивай утром и вечером, а в зависимости от цикла иногда больше. Так у тебя и всё, баста, а больше...»

«Не знаю».

«Точно». Тим рассмеялся. Затем собрал Алише насос и объяснил, как он работает, как его чистить и так далее. Алиша с любопытством смотрела.

«Как часто надо откачивать?» — спросила она.

«Вычеркни слово *надо*», — сказал Тим. — «Надира сказала, что это может быть очень приятно, и с этой точки зрения ты должна к этому относиться. Как если

бы ты позволяла себе массаж, приятный массаж. Минимум два раза в день по 10–15 минут — хорошо, больше 30 минут не даст больше. Лучше чаще в день, но не меньше и дольше, и, конечно, настоящее питьё заменяет откачивание. Так же, как выдоить руками, если это занимает примерно столько же времени и грудь при этом более-менее полностью опорожняется».

«И так я сохраню молоко?»

«Точно. Надира дала ещё дополнительный совет. Если ты планируешь в Перидэис, за 3–5 дней до этого можешь провести дополнительную активацию груди, если хочешь и у тебя есть время. Так делают многие женщины. Немного как наряжаться перед выходом в свет». Тим вытащил из коробки листок, копию на оргмиге⁶³ паршивого качества, как это часто бывало в ГДР. На листке было написано:

КТИВАЦИЯ ГРУДИ

Утром: всего 60 мин. по схеме:

20 мин. откачивание

10 мин. пауза

10 мин. откачивание

10 мин. пауза

10 мин. откачивание

Далее: каждые 3 часа по 15 мин. откачивание

Ночью: по возможности 1 раз 15 мин. откачивание

Результат:

- Реакция обычно через 2–3 дня
- Наибольший рост до 5-го дня
- Дальнейший лёгкий рост до примерно 21-го дня

«Это должно хорошо работать», — прокомментировал Тим, — «много молока и набухающие груди. Если времени мало или грудь плохо реагирует, тут ещё есть переключатель».



Нормальный режим

Автоматический ночной режим

«Советская высокая технология», — ухмыльнулся Тим, — «полностью механическое решение, но специалист от удивления разинет рот. Я как-то раскрутил эту штуку, там внутри что-то вроде часового механизма и керамический валик с серебряными контактами. Безумие, говорю тебе, чистейшая ручная работа, любой музей декоративно-прикладного искусства за

⁶³ Оргмиг: гектография на основе бумажных матриц, специальной синей бумаги и спирта.

неё уцепится, эта штука, должно быть, стоила кучу денег при изготовлении». Алишу интересовало другое. Как и Тим, она учила русский в школе и прочитала: «Нормальный режим – Normalnuij Regime», ага, *нормальный режим*. Но «Автоматический ночной режим – Awtomatitscheskij notschnoi Regime», автоматический ночной режим, что это точно значит?

«Берёшь старый бюстгальтер, надеваешь его и отмечаешь место, где находятся соски. Туда вырезаешь круглые дырки, ровно такие, чтобы насадки молокоотсоса чуть проходили. Бюстгальтер так держит насадки, и у тебя свободны руки».

«Для шалостей?» — язвительно спросила Алиша.

«Почему бы нет?» — ответил Тим. — «Или чтобы читать книгу, или пить кофе, или ещё что-то, или расслабленно слушать музыку. Днём это удобно, ночью для автоматики без бюстгалтера вообще не обойтись. Автоматика задумана так: ты надеваешь насадки с бюстгалтером на грудь, включаешь молокоотсос на автоматический режим и ложишься спать. С подключённым насосом. И он каждые 3 часа по 15 минут качает, пока ты спишь. Как будто кто-то ночью к тебе пристаёт и высасывает тебя досуха. И надо что-то подстелить, потому что это быстро превращается в кашу».

«Но делают ли так женщины? Можно ли вообще так спать?»

«Каждый подкупен, только цена разная, говорит английская разведка. Я бы сказал, если результат стоит того, почему нет? Но тебе же не обязательно».

«Нет», — быстро отмахнулась Алиша, — «всё в порядке. Я скорее сама себя вслух спросила. Я хотя бы попробую, может, это даже интересно. Такое делают в клиниках?»

«История с этим насосом довольно трагичная», — ответил Тим. — «Подумай о матерях, которые не могут кормить ребёнка грудью. Профессорша, которая участвовала в разработке этой штуки, думала в первую очередь о матерях недоношенных детей. Они сосут слишком слабо, и грудь не реагирует правильно. Большинство матерей, которые получили этот насос, похоже, с жаром взялись за дело, и он полностью сработал. Но массовое производство наладить не могут. Плановое хозяйство, нехватка производственных мощностей, функционеры не хотят изменений, заменитель молока и так есть, и так далее. Из энтузиазма насосы делали малыми партиями, пока какой-то глупый партийный функционер не посмотрел только на формальности и не остановил производство и распространение. Теперь есть склад, полный таких насосов, которые стоят мёртвым грузом. Так бывает. Так что... даже если насос выглядит странно и устроен необычно — на Востоке лучше не найдёшь».

Алиша спрашивала о множестве мелочей. Ей действительно хотелось знать, как работает насос. В целом техника её не интересовала, но этот насос — да. Помимо приятной чувственной стороны, для неё это был вопрос статуса, что у неё есть молоко. Это как-то отличало её от других женщин, без их ведома. А иметь более красивые груди... некоторые женщины убили бы за это, шутили

девчонки между собой. С похабными добавками.

Алиша опробовала насос. «Ой, громкая штука», — сказала она. — «Хорошо, что у меня своя квартира».

Тим поставил насос на кровать. Там он был заметно тише, чем на пустом пивном ящике, где стоял раньше.

Алиша откинулась назад и на пробу закрыла глаза. Ощущение от насоса было не лишено интереса. Там был регулятор, которым можно было настроить силу всасывания. У Алиши был ещё большой запас по мощности, но средний уровень тяги показался ей интереснее.

«Насчёт силы Надира сказала: не заставлять, а завлекать», — прокомментировал Тим, пока насос с чмоканьем втягивал и отпускал соски Алиши, втягивал и отпускал.

Понадобилось время, чтобы Алиша привыкла к насосу и вместо всей техники думала больше о чувстве, которое он вызывал.

«Хм», — сказала она. — «Определённо хорошо, что я могу просто откинуться назад. Но держать эти насадки — раздражает».

«Есть старый бюстгальтер, с которым можешь расстаться?»

Алиша отправила Тима на антресоли в коридоре. Там в коробке лежали, как она выразилась, «подарки с обязательной явкой», в том числе бюстгальтеры. «Ух, тут же страшные монстры», — прокомментировал Тим. После долгих обсуждений выбрали бюстгальтер без пластиковых чашек. Алиша надела его, он был чуть великоват («погоди, со временем и ты наберёшь»), но годился. Алиша повозилась, пока соски не оказались в нужном месте. Тим нарисовал на каждой чашке круг, чуть меньше горловины насадки насоса. Вырезание дырок взяла на себя Алиша, вставку насадок — Тим, а надевание и поправку бюстгальтера — снова Алиша.

Тим включил насос, и Алиша удобно откинулась назад. «Ого! Это работает!» — прокомментировала Алиша и потянулась. «Так», — сказала она, — «развлекай меня».

Тим рассмеялся.

Насос качал. Вуп-пауза-вуп-пауза-вуп-пауза...

Тем было много. Тим выдал кучу государственных тайн, касавшихся его службы и преданного перехода в ней. И, конечно, где находится та странная забегаловка, что очень взволновало Алишу. До неё можно доехать на велосипеде! Но они пойдут туда вместе, и Алиша ни в коем случае не должна искать её одна. А главное, подождать ещё немного до следующего визита, чтобы её психика поспела.

Вуп-пауза-вуп-пауза-вуп-пауза-вуп. Тишина.

«Что с насосом?» — спросила Алиша.

«30 минут», — сказал Тим. — «Автоматическое отключение. Дольше не нужно, только растянет грудь».

«Жалко», — сказала Алиша. — «Приятно ощущается».

«Посмотри на бутылки».

«Совсем не плохо», — прокомментировала Алиша. — «Хочешь выпить молоко?»

«Я бы хотел *латте макиато*. Много молока и мало, но крепкого кофе. Помнишь, как в Перидэсе...»

«Будет подано», — крикнула Алиша, освободилась от бюстгальтера и насоса, сняла наполненные молочные бутылки и прыгнула к кофемашине.

«Не против, если я тоже попробую?»

«Нет».

Алиша взялась за дело, пока Тим чистил насос.

Алиша подала. Две чашки. И какие! Это были старинные крошечные кофейные чашечки, даже коллекционные, великолепно расписанные и с обилием золота. «Наконец-то чашки обрели смысл», — просияла Алиша.

Тим попробовал первым. «Ммммм!» — воскликнул он, — «чистое безумие. Это гораздо лучше, чем просто с кофе».

Алиша осторожно отхлебнула. Она прокомментировала: «Прямо из груди у меня как-то меньше стеснения, чем так. Странно. Это же моё собственное. — Она отхлебнула ещё. — Но я не позволю тебе забрать мою долю». И когда она допила чашку, сказала: «Я точно знаю, что ты имеешь в виду. И мой разум знает, что это вкусно. Удивительно вкусно. Но привыкнуть всё равно надо. Это как-то странно. И всё же это меня волнует... но только если ты смотришь. У меня есть подруга, которая строго вегетарианка и постоянно проповедует против молока. Что бы она сказала, если бы я рассказала об этом».

«Интересный вопрос», — сказал Тим. — «Она не переносит молоко или делает это из-за защиты животных?»

«Из-за защиты животных. Говорит, это эксплуатация».

«Ты бы вогнала её в серьёзные моральные терзания. Ты ведь делаешь это добровольно и даже получаешь удовольствие. Хотел бы я знать, что она ответит».

«Хм, действительно сложно», — сказала Алиша. — «Тут не проходит даже аргумент, что это от другого вида, ведь грудное молоко специально для человека и на него настроено. Остаётся только аргумент с младенцем».

«Не при твоём оправдании, что молоко у тебя всегда было. Но даже если ты вызываешь лактацию ради удовольствия, этот аргумент отпадает. Заставила бы она тебя сдавать молоко в больницу, это была бы эксплуатация твоей личности».

«А я бы?... Вопрос меня бы волновал. Она в остальном правда милая, и когда-нибудь она, возможно, и так заметит мои молочные груди. Она уже спрашивала, есть ли в Алжире такие, цитирую, огромные сиськи на продажу. Есть другие идеи, что я могу ей сказать?»

Тим задумался. «Может, что из-за жары в Сахаре ты ходила без бюстгальтера, и трение сосков о платье, вероятно, усилило твою и так уже существующую „молочную проблему“. Что тебе раньше было стыдно об этом говорить, но ты больше не хочешь скрывать. Тогда тебе не придётся сильно врать. И если

скажешь, что это тебя волнует, будет, возможно, меньше шума, чем если представишь это как страдание. Знаешь ведь — *Репутация в хлам, зато живёшь свободно*».

«Пожалуй...» — задумалась Алиша. — «И у меня был бы кто-то, с кем можно об этом говорить. Кстати!» — продолжила Алиша и вскочила. — «У меня тоже есть кое-что для тебя. Ничего грандиозного, но от сердца. От близости сердца», — рассмеялась она. — «Я экспериментировала и успешно сделала из своего молока женское масло и молочный порошок для тебя. Подумала, может, ты обрадуешься. Только, к сожалению, не так идеально, как в Перидэисе. Хочешь?»

«Да!» — сказал Тим. — «Очень даже. И... гарантию закупки будущих партий я с радостью даю».

«Обычно мужчины за это платят?» — сказала Алиша, приподняв бровь.

«Не своему мужчине», — мрачно сказал Тим. — «Как удобно, что ты голая».

Тим схватил визжащую от смеха Алишу, перекинул через колено — и тут же шлёпнул её по попе.

Алиша осталась лежать, где была. Тихо сказала: «Я не против, если ты будешь делать это чаще. И здесь, в обычном мире. Ты когда-нибудь связывал женщину?»

«Нет, пока нет», — сказал Тим. — «Но я бы хотел с тобой».

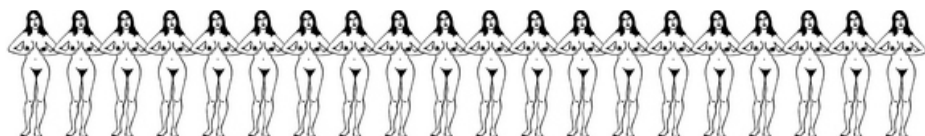
«Эта фантазия постоянно меня преследует», — призналась Алиша.

«Разрешено ли мне просто взять тебя — даже по-настоящему... овладеть?»

«Разрешено», — сказала Алиша, сглотнув. — «Тебе всегда».

«Но давай отложим это на потом», — сказал Тим. — «У нас есть задание. Потом можно».

«Потом можно», — мечтательно повторила Алиша.



Задание

Готова?

Некоторое время спустя...

«Я избавилась от месячных», — сказала Алиша.

«Как?» — растерянно спросил Тим. — «Ты беременна? Но это же невозможно. Или ты с кем-то...»

«Нет», — перебила его Алиша. — «Совсем нет. Но месячные пропали. Просто так. И никакой беременности на горизонте».

«Ты думаешь, что...»

«Да. Докторша Надира говорила, что так может случиться, если повезёт. Помнишь Клару в немецкой таверне?»

Тим закатил глаза, и Алиша рассмеялась.

«Она же рассказывала про этот счастливый брак. Сто лет назад. Они использовали кормление мужа как метод контрацепции. Идея в том, что если кормишь часто и достаточно регулярно, месячные пропадают, а если месячных нет, есть защита от зачатия».

«Но это же не надёжный метод?»

«Нет. Сначала каждая женщина должна выяснить, реагирует ли она на это, а если да, нужна регулярность, иначе всё пойдёт наперекосяк».

«И что нам это даёт?»

«Ничего. Я только сказала, что у меня нет месячных. И это причина».

«...»

«Ты должен меня похвалить!»

«Э-э, да. Конечно. За что?»

«Ох, ну и тип! — Я тут стараюсь, а этот парень... Ладно: у меня это работает. И я совсем не злюсь, что избавилась от месячных. Это уже того стоит. Никаких болей, никакого...»

«А-а-а, вот оно что».

«Не „вот оно что“. Если так и останется, без месячных, я серьёзно настроена отказаться от таблеток».

«Но это же ненадёжно...»

«Это всё же снижает вероятность зачатия. Тогда взвешивание плюсов и минусов таблеток другое. Смотри, если нам будет можно... в Перидэисе можно многое. А дома... есть же не только туда-сюда-вверх-вниз, как ты прекрасно знаешь. Разве это не здорово?»

«Э-э. Да».

«И если всё же случится... я имею в виду... ты вообще не хочешь детей?»

«Хочу. Только не сейчас».

«Спасибо». — Алиша поцеловала Тима. — «Кстати, Надира говорила, что отсутствие месячных для женщины имеет и долгосрочные преимущества».

«Как так? Но ведь женщина для этого создана?» — удивился Тим.

«Да, конечно. Но Надира говорила, что раньше женщины либо были беременны, либо кормили грудью, либо и то, и другое. В любом случае у них не было столько циклов, как сегодня. Так что нынешнее нормальное состояние неестественно, и уменьшение числа циклов — это польза для здоровья».

«И не будет каждый 28 дней перерыва».

«И не будет перерыва», — рассмеялась Алиша. — «Погоди, пока не станешь старше, ты ещё пожалеешь о перерывах».

«Да ну, тогда мы будем жить в Перидэисе. Но ты — помни, что пока ты *не должна* отказываться от таблеток».

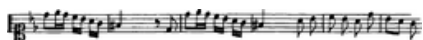
«Не бойся», — сказала Алиша. — «Сейчас я ещё не откажусь от таблеток».

«Готова?» — спросил Тим.

«Я готова», — сказала Алиша.

«Правда?»

«Я горю желанием».



Объект П

Одним прекрасным воскресным утром на объекте П. Гауптман Прильвиц был на дежурстве в выходной, кроме него на объекте никого не было, никто не был объявлен, и, как всегда, ничего не происходило. Гауптман Прильвиц добросовестно проверил состояние замков и пломб на всех воротах и дверях, записал это в журнал дежурств и теперь совершал обход. Как всегда, он делал это пешком, как все знали, ведь надо же оставаться в форме, да и объект был не таким уж большим. Наконец он вошёл в зону... строго говоря, без разрешения, конечно, но если бы кто спросил, то он проверял что-то. Быстренько. Из неправильно понятого чувства долга. Естественно. Это была хорошая отговорка. Естественно, гауптмана Прильвица тянуло в другое место. Его большая страсть. Единственное, что его по-настоящему трогало... Гауптман Прильвиц серьёзно беспокоился, долго ли это ещё продлится, ведь на объекте собирались построить маленький бассейн, четыре на четыре метра и два метра глубиной. За выдающиеся заслуги, прямо от министра, в качестве компенсации за особые трудности и опасности работы. Это было неплохо. Вопрос только, не начнут ли из-за этого по выходным неожиданно являться люди на объект. В таком случае с его тайными прогулками в зону будет покончено. Надо было посмотреть, нельзя ли как-то предотвратить этот бассейн. Гауптман Прильвиц отпер ворота в зону.

Он ещё раз проверил, всё ли в порядке на объекте за его спиной. Всё было в порядке. Ничего не видно, ничего не слышно. Всё тихо. Как всегда.

Гауптман Прильвиц повернулся, напрягся и пошёл вперёд по маленькой, почти незаметной тропинке, что вела через зону к руинам подвала, где находился переход. Его охватило предвкушение. Так было всегда, когда он входил в зону. Великое чувство счастья, настоящая полнота жизни. Гауптман Прильвиц пригнулся и отодвинул ветки. Показалась маленькая поляна, ещё вне настоящей зоны, ещё в безопасной области.

Там стояла голая женщина.

Гауптман Прильвиц заморгал и резко остановился.

Женщина улыбнулась ему.

За ней на траве было широко расстелено одеяло. На прекрасной женщине были только туфли. Только туфли, и ничего больше. Лёгкие туфли.

Но голая женщина в лёгких туфлях была не просто женщиной. Это была та восхитительная женщина, которую он видел в Перидэисе. Та, которой он однажды обладал. Один-единственный раз, но всё же.

И вот этот идеал прекрасной женщины стоял теперь голый перед ним.

Так далеко простиралось влияние Перидэиса? Сюда?

Прекрасная женщина, улыбаясь, помахала ему и сказала: «Иди сюда!»

Больше она ничего не сказала. Только это манящее: «Иди сюда!»

У гауптмана Прильвица отказал разум. Щёлк, и его не стало. Он был совершенно беспомощен.

И он спросил, совсем по-идиотски: «Как это понимать?»

Но восхитительная женщина снова сказала только: «Иди сюда!»

И призывно протянула к нему обе руки.

Как она была прекрасна...

Неужели это всё лишь мираж?

Гауптман Прильвиц неуверенно шагнул вперёд.

Ещё раз прекрасная женщина поманила: «Иди сюда!»

Теперь гауптман Прильвиц неуверенно пошёл к ней.

Когда он оказался прямо перед восхитительной женщиной, он понял, что она настоящая. Из плоти и крови. Он чувствовал её опьяняющий женский аромат, ощущал её волосы.

...и он чувствовал её руки, которые с нежными прикосновениями снимали с него полевую форму. И она наклонилась, чтобы стянуть с него брюки.

Восхитительная женщина легла на спину на одеяло, лежавшее за ней на земле. Широко раздвинула бёдра. Очень широко. Гауптман Прильвиц увидел, как показалась её вульва. У него возникло видение, что от вульвы исходил опьяняющий аромат, который безошибочно манил его. Он вдохнул как можно больше этого чарующего запаха. Его ноги сами пошли. Сами по себе. К прекрасной женщине, которая так аппетитно и податливо предлагала себя. Гауптман Прильвиц возился с одеждой, которая так ужасно мешала. Он сбросил брюки и трусы. Теперь он коснулся прекрасной женщины. Ничто его больше не

держало. Он наклонился над этой сказочно прекрасной женщиной — и его пенис вошёл в неё. Задыхаясь, гауптман Прильвиц отдался автоматически начавшимся движениям бёдер, и только одна настоящая мысль существовала за пределами неистовства: ни в коем случае не повредить эту восхитительную женщину, этот идеал женственности... только обладать ею он должен был. Но никогда не повредить. Так он раз за разом входил в неё, а восхитительная женщина улыбалась ему. Она ничего не говорила, ничего не делала, просто лежала, податливая, и улыбалась.

И наконец он кончил. Гауптман Прильвиц выгнулся, пережил ошеломляюще мощный оргазм и чувство глубочайшего удовлетворения.

Когда он немного пришёл в себя, гауптман Прильвиц поднялся. Он неуверенно посмотрел на восхитительное видение.

Она тоже поднялась.

«Теперь у меня твоё семя», — сказала она. Затем накинула на себя одеяло и исчезла среди кустов.

Гауптман Прильвиц ошеломлённо стоял. Что это значило?

В этот момент спереди раздался гудок.

Что это было? — Гауптман Прильвиц запаниковал. Что делать? Это был сигнал тревоги!

Что делать?! — Быстро назад. Тревога была важнее, а не быть пойманным — ещё важнее, иначе всё кончено. Гауптман Прильвиц оделся так быстро, как мог, и побежал назад к входным воротам зоны.

На объекте спереди... ничего. Совсем ничего. Никого нет, телефон не звонил, никаких следов, ничего. Только сработала сигнализация, и горела сигнальная лампа. Возможно, ложная тревога. Такое бывало. Особенно в грозу. Неважно. Его, по крайней мере, не поймали.

Но что теперь? Страх глубоко засел в затылке гауптмана Прильвица.

Час он сидел так и смотрел в окно. Он отключил сигнализацию на входных воротах и вернулся в зону. Ему нужно было знать, что это было с той прекрасной женщиной. Не приснилось ли ему? Галлюцинация?

Гауптман Прильвиц открыл ворота в зону. Гудка не было. Неудивительно, *теперь* он специально следил за тем, чтобы её отключить. Гауптман Прильвиц снова пошёл по маленькой тропинке. У кустов он замешкался. Но наконец отодвинул ветки.

Ничего.

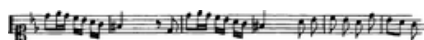
Луг, кусты.

Несколько травинок были примяты. Но это могло быть от него самого. Были ли ещё следы? Нет. По крайней мере, не точно. Здесь земля была довольно влажной, и примятая трава быстро бы поднялась. Даже в месте, где лежало одеяло, если оно там лежало, гауптман Прильвиц не был уверен, были ли в траве следы или нет.

Так что гауптман Прильвиц растерянно вернулся. Что он мог сделать?

Рисковать походом в Перидэис он не стал.

Гауптман Прильвиц тщательно запер и опломбировал ворота и продолжил службу по уставу.



Снаружи

Алиша, ведь это была именно Алиша, и всё действительно произошло, Алиша как можно быстрее проскользнула к щели в заборе, не бегом. Она держала руку между ног. По пути она услышала гудок тревоги, как было договорено. Гауптман Прильвиц, как и ожидалось, за ней не последовал. Алиша проскользнула через щель в заборе. В нескольких метрах за ней, спрятанная в кустах, лежала сумка. В ней были рваная одежда с лесной землёй из этой местности и что-то вроде скобы. Эту скобу Алиша сама сделала и опробовала. Теперь она легла на землю. Она надела странную скобу на половые губы. Цель была проста: её влагилице теперь было закрыто, и, надеюсь, ничего не могло вытечь. Только после этого Алиша надела рваную одежду, взяла из мешочка немного лесной земли и втерла её в волосы, на руки и ноги.

Тут появился Тим. На нём была обычная уличная одежда, но военные сапоги. «Всё в порядке?» — тихо спросил он.

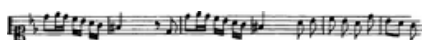
«Всё по плану!» — ответила Алиша.

Тим убрал следы на земле и с помощью плоскогубцев аккуратно закрыл щель в заборе. Снаружи он тоже проверил, не остались ли следы.

Затем они пошли. — Но прошли всего несколько сотен метров, пока не наткнулись на припаркованный «Вартбург», служебную машину объекта, которая по праву должна была стоять на парковке у вокзала в соседнем городке. Они сели в машину, Тим сменил военные сапоги на обычные уличные туфли, и они поехали с приглушённым мотором. Следы этого «Вартбурга» в этой местности не вызывали подозрений, именно поэтому эта машина была идеальной.

Уже на бетонной дороге, ведущей к объекту П, Алишу снова высадили. Короткий поцелуй, короткое «Удачи», несколько последних указаний, и Тим уже исчез по извилистым тропам, а Алиша осталась одна на бетонной дороге. Она пошла, направляясь к следующему месту, и пыталась, как актриса, вызвать слёзы. Лимон она брать не хотела.

Издали слышалось тату-тата полицейской машины. Алиша только успела подумать о том, чтобы снять скобу.



Не облажайтесь

Гауптман Прильвиц сидел в Берлине в отделе дисциплинарных дел. Его тошнило от страха.

«Как думаете, почему мы вас сюда вызвали?»

Гауптман Прильвиц притворился, что не понимает.

«Что вы делали в тот-то и тот-то день?»

Гауптман Прильвиц точно знал, о каком дне речь. Но если спрашивают именно про *этот* день, был шанс, что не всё раскрылось. Не то, что он делал в Перидэисе. Но что, если его *только* переведут с наказанием? Это уже было бы плохо.

Гауптман Прильвиц снова притворился, что не понимает. «Кажется, дежурство в выходной», — ответил он.

Так они некоторое время ходили вокруг да около, но наконец следователь перешёл к делу: «Вы без разрешения покинули служебный объект в сторону ближайшей деревни и там изнасиловали женщину».

«В сторону ближайшей деревни!» — Гауптман Прильвиц чуть ли не испытал облегчение. Зона была в прямо противоположной стороне, значит, они *ничего* не знали. Внутри он ликовал. Что уж там этот странный обвинение в изнасиловании.

«Я никого не насиловал», — ответил он.

Следователь перешёл на угрожающий тон и начал говорить с чёткой расстановкой: «У нас есть заявление от криминальной полиции, переданное через прокуратуру следственному органу. В воскресенье утром была изнасилована женщина. Никого, кроме *вас*, в указанной местности не было. Спонтанное описание личности совпадает с *вами* до мельчайших деталей. Среди позже предоставленных фотографий выбрали *ваши* фото. Сперма, взятая при гинекологическом мазке у женщины, имеет точно *вашу* группу крови. Слушаю *ваш* ответ?»

Гауптман Прильвиц сжал губы. Ловушка. Он сразу это понял. Его мозг лихорадочно работал. Но если это ловушка, то в ней замешан этот лейтенант. Чего они хотят? Если он раскроется, они окажутся так же втянуты! Нет. Они знали, что он не может расколоться. Он сам от этого не отвертится. Наоборот. А если молчать, в худшем случае после пяти лет тюрьмы у него будет реальный шанс снова попасть в Перидэис. Но в чём смысл этой акции? Женщина отдалась ему. Это был высокий риск.

Гауптман Прильвиц молчал.

Он молчал и в камере. Он ждал. Что-то должно было произойти. Говорить сужало возможности, молчание оставляло все двери открытыми.

Он оказался прав. Три дня спустя следователь привёл его в комнату для посещений. «Ваш шанс», — сказал он, — «не облажайтесь».

В комнате для посещений сидела эта восхитительная женщина. Скромно одетая. Это было непривычно. Тем не менее у гауптмана Прильвица мгновенно отключился разум.

К его великому удивлению, следователь оставил его наедине с восхитительной женщиной.

Восхитительная женщина начала говорить.

Одновременно она полуприкрыто протянула ему записку для чтения, которая до того была свёрнута между её пальцами. Гауптман Прильвиц прочитал:

Предложение Пери:
3 года службы прислужником в П.
После: Свобода! Официально! Все права!
МОЛЧАТЬ!
Кивнуть, если согласны.

Сердце гауптмана Прильвица чуть не выпрыгнуло. Кровь ударила в голову. Он почувствовал себя свободным, как птица. Вот *это* теперь должно последовать. Боже мой, это не наказание, это освобождение! Гауптман Прильвиц взял себя в руки, напрягся, не показал эмоций. Но он очень явно кивнул.

Поднять взгляд он не осмелился.

Вслух Алиша сказала: «Ваш начальник сообщил мне, что соответствующее ведомство очень сожалеет о случившемся и что это ни в коем случае не допустимо и будет сурово наказано. Меня попросили молчать о происшествии, потому что иначе... важные государственные интересы окажутся под угрозой. Меня спросили, согласна ли я, чтобы этот случай по этой причине был урегулирован без огласки. Мне пообещали своего рода компенсацию... за этот случай. Я согласилась при условии, что... этот случай будет забыт. Совсем забыт. Как будто его никогда не было. Чтобы меня больше никогда этим не беспокоили. Никогда, нигде, никем. Понимаете, если у меня есть шанс забыть, я хочу этот шанс иметь и не быть постоянно напоминаемой об этом органами. Мне сказали, что от вашего наказания нельзя отказаться, и я в качестве компромисса предложила вас уволить и на этом остановиться. Вопрос к вам: согласны ли вы, чтобы этот случай был таким образом признан несостоявшимся?»

Гауптман Прильвиц, затаив дыхание, кивнул. Это не могло быть правдой. Никто, *никто*, кто начинал работать в Министерстве государственной безопасности, не мог просто так уйти без последствий. Такого не бывало. Этот путь не был предусмотрен. Если ты связывался с *Фирмой*, в основном было только два варианта: принять на службу или посадить. Добровольно или принудительно, штатно или неофициально. Это немного утрировано, но в этом был правдивый стержень. Выбраться означало наконец обрести покой. Больше

не бояться сделать что-то не так. В *Фирме* он оставался тем же шутком, что и снаружи. Это не было решением. Но Перидэис был решением. Это было *тем самым* решением. За это он отдал бы правую руку.

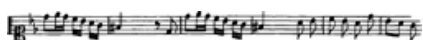
Алиша без приветствия покинула комнату для посещений.

Через несколько мгновений в комнату вошёл следователь: «Ну, вам чертовски повезло!» Он говорил уже почти в развязном тоне.

«Так и знал», — подумал гауптман Прильвиц, — «вы, сволочи, подслушивали».

Он только кивнул.

«Надеюсь, вы это осознали», — сказал следователь. — «Без этой девки вы бы сейчас загремели. Горячая штучка, надо признать. Но насиловать — это нет. Это *совсем* не идёт. И ещё в служебное время, это вообще последнее дело. Итак: вас разжалуют в солдаты, освободят от службы в MfS и уволят. Наказание должно быть. Это было слишком. Вас сейчас заберут, дадут обходной лист и займётся формальностями. Обязательства по секретности остаются в силе. Абсолютно! Для вашей профессиональной переориентации у вас будет отдельный разговор с кадрами. Такое везение ещё надо иметь. Ах, ещё кое-что: ваша жена подала на развод. Но она *ничего* не знает об этом деле. Только что что-то было. Но без деталей. Так что держите язык за зубами. Похоже, она просто ждала повода. Знали, что она вам изменяла? Нет? Видите, мы такое знаем. Никудышная баба, радуйтесь, что так дёшево отделались. Мы расцениваем это как дополнительный штрафной балл. Запомните нас с хорошей стороны за это. И всегда помните: сначала спросить, потом трахать, а не наоборот. И не на службе. А теперь в камеру, и потом вас заберут, чтобы вы разобрались со своим барахлом».



Свобода! — Господин Прильвиц

Господин Прильвиц работал тренером по боевым искусствам в спортивном клубе. Его способности уважали, конец рабочего дня означал конец работы, работа была лёгкой и приятной, он избавился от Штази. Он наконец-то был свободен от этого. От этой ошибки. И чтобы оставаться свободным, он избегал политических разговоров, как чёрт святой воды. Не то чтобы он стал противником. Нет. Он просто больше не хотел ничего об этом знать. Просто хотел покоя. Никакой политики, никаких приказов, никаких дежурств, никаких заданий.

Сегодня была пятница, и рабочий день закончился. Впереди были выходные, в которые ему нечего было делать. Никаких обязательств, никаких ограничений на передвижение, никакой готовности. Ничего. Совсем ничего.

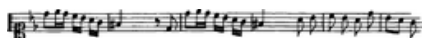
Тут постучали в дверь его кабинета.

«Заходите!» — крикнул он.

И в дверном проёме стояла эта невероятная красавица.

Господин Прильвиц побледнел, и его разум отключился. Вдруг хлынул поток слов, который он не мог контролировать. В нём было «спасибо», что он в её долгу, и потом вырвалось его самое сокровенное: как в детстве его, маленького толстяка, били, как он хотел стать сильным мужчиной, чтобы всем показать. Как он внушил себе, что его не любят только потому, что он единственный, кто защищал чистое истинное учение.

Алиша дала ему выговориться. С отвращением, но задумчиво. Когда господин Прильвиц закончил говорить и замолчал, измотанный, она сказала только: «На этот раз просто сделай всё правильно. Выполняй эту работу. Делай её, не перегибая палку, и будь счастлив. А теперь пойдём. Я отведу тебя в Перидэис».



Свободен! - Тим

Господин Прильвиц не знал, что Алиша привела его к Пери как замену для Тима. Это была часть сделки с Пери. Задание, которое она всё равно должна была выполнить, заключалось в том, чтобы вместе с Тимом разобраться с предательским переходом. Пери сказала, что, помимо специальных исследователей, есть ещё бродячие офицеры Штази. Дополнительной частью сделки была замена для Тима, после чего он станет свободным. Больше не слуга. Со всеми правами гостя.



Алиша стояла на рыночной площади города Красных Роз перед Тимом: Сними свою униформу!

— Зачем?

— Сделай это просто ради меня, хорошо?

Тим разделся. Теперь он стоял перед ней совершенно голый.

Алиша с огромным удовольствием разглядывала его с ног до головы. Её взгляд задержался внизу.

Пенис Тима под её взглядом гордо поднялся. Он выглядел великолепно. Невероятно твёрдым и мощным.

Алиша с трудом оторвала взгляд от пениса Тима и посмотрела ему прямо в глаза: Пери сказала, если я найду тебе замену, ты будешь свободен. Я только что доставила ей эту замену.

— Тогда не будем терять времени.

Они побежали. В поисках ближайшего места на рыночной площади, которое останется свободным хотя бы на время, пока Тим не изольёт своё семя в Алишу. Это было долгожданным моментом, и для Алиши это было словно очищение. Они добежали до первой общественной лежанки, которая оказалась неподалёку.

Алиша сорвала с себя платье. Она хотела быть полностью обнажённой, как и Тим. Она хотела отдаться ему совершенно голой. У Алиши было сильное желание быть ещё более обнажённой, показать Тиму своё возбуждение, выставить напоказ своё набухшее, мокрое, широко раскрытое лоно. Алиша опустилась на лежанку, откинулась назад и раздвинула ноги так широко, как только могла. Полностью открытая, она предлагала себя ему. *Komm endlich, flehte sie, komm, bitte komm.* Тим приблизился к ней. Крошечный момент, который ему понадобился, показался ей почти невыносимо долгим. Она ощутила его тело над собой, вдохнула его возбуждающий мужской запах. Ей почти стало страшно, что в последний момент что-то может встать между ними. Она схватила его твёрдый пенис рукой. Он был тёплым и упругим. Очень возбуждающим. Она полностью оттянула крайнюю плоть, чтобы его пенис был для неё совершенно обнажённым, и подвела его головку к входу в своё жаждущее лоно. Это было необязательно — её лоно было таким влажным и скользким, что пенис Тима, вероятно, сам скользнул бы в неё без всякого направления. Но так было лучше, и она хотела почувствовать его пенис рукой, сама ввести его в себя.

Когда она приставила пенис Тима к своему входу, по телу Тима прошёл животный импульс, и он глубоко вошёл в неё своим набухшим пенисом. Крики наслаждения Алиши смешались с его стонами. Она схватила его ягодицы и с силой прижимала его к себе в такт его ритмичным толчкам, чтобы его пенис проникал в неё так глубоко, как только возможно.

Это длилось недолго. Несколько секунд? Ожидание было слишком велико. Алиша почувствовала, как всё внутри неё сжалось, и её влагалище начало так плотно обхватывать его пенис, словно пыталось выжать его. Для Тима это стало кульминацией всего его наслаждения — и так получилось, что они оба одновременно выгнулись в экстазе. Он излил своё семя в неё мощными толчками, а она ощущала эти пульсации глубоко в своём лоне и испытывала страстное желание своими оргазмическими волнами выжать его пенис, присвоить его тёплое мужское семя как свою законную собственность и вобрать его глубоко в своё тело.

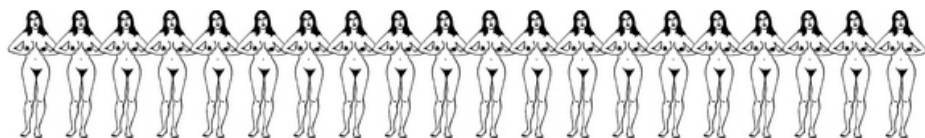
Наконец-то.

Алиша так сильно этого ждала.

«И долгожданное семя смоем нежелательное», — мелькнула у неё мысль, когда она немного пришла в себя. Хотя это было нелепо, ведь сразу после полицейского осмотра Алиша тщательно промыла своё влагалище. Но кто знает. Отныне Тиму придётся регулярно её удовлетворять. У него накопился немалый «молочный долг», который нужно отработать. И когда-нибудь Алиша уговорит Тима зачать с ней ребёнка на природе. Когда-нибудь.

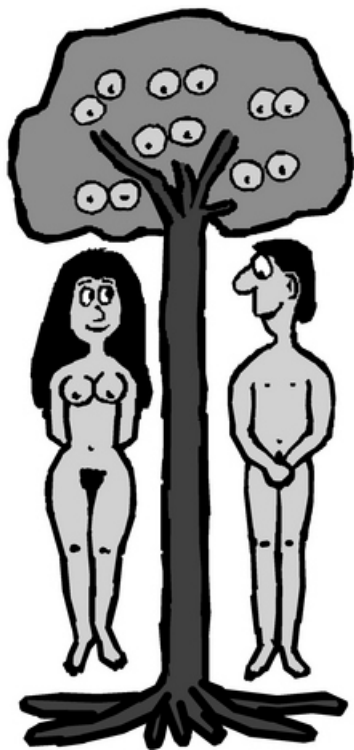
Когда глаза Алиши снова прояснились, она заметила, что за ними наблюдала толпа людей — мужчины и женщины. Было очевидно, что все эти люди прекрасно поняли, что это было не обыденное счастье, свидетелями которого они только что стали. И они радовались вместе с ними.

Когда Тим и Алиша наконец поднялись, порванное платье Алиши и униформа Тима остались лежать на рыночной площади. Взявшись за руки, они, обнажённые, пошли гулять по городу. Где-нибудь они смогут купить самые красивые вещи Перидэис за драгоценное молоко Алиши. иши.



Стихотворение⁶⁴

Записка, приколотая кнопкой к дверной раме кухни Алиши:



Яблоня
в Раю,
она была совсем другой,
как я знаю.

Два яблока я видел,
круглых и прекрасных,
и Ева сказала:
Откуси!

И ах, они были
сладкими и сочными,
Ева вздохнула
тоже слышно громко.

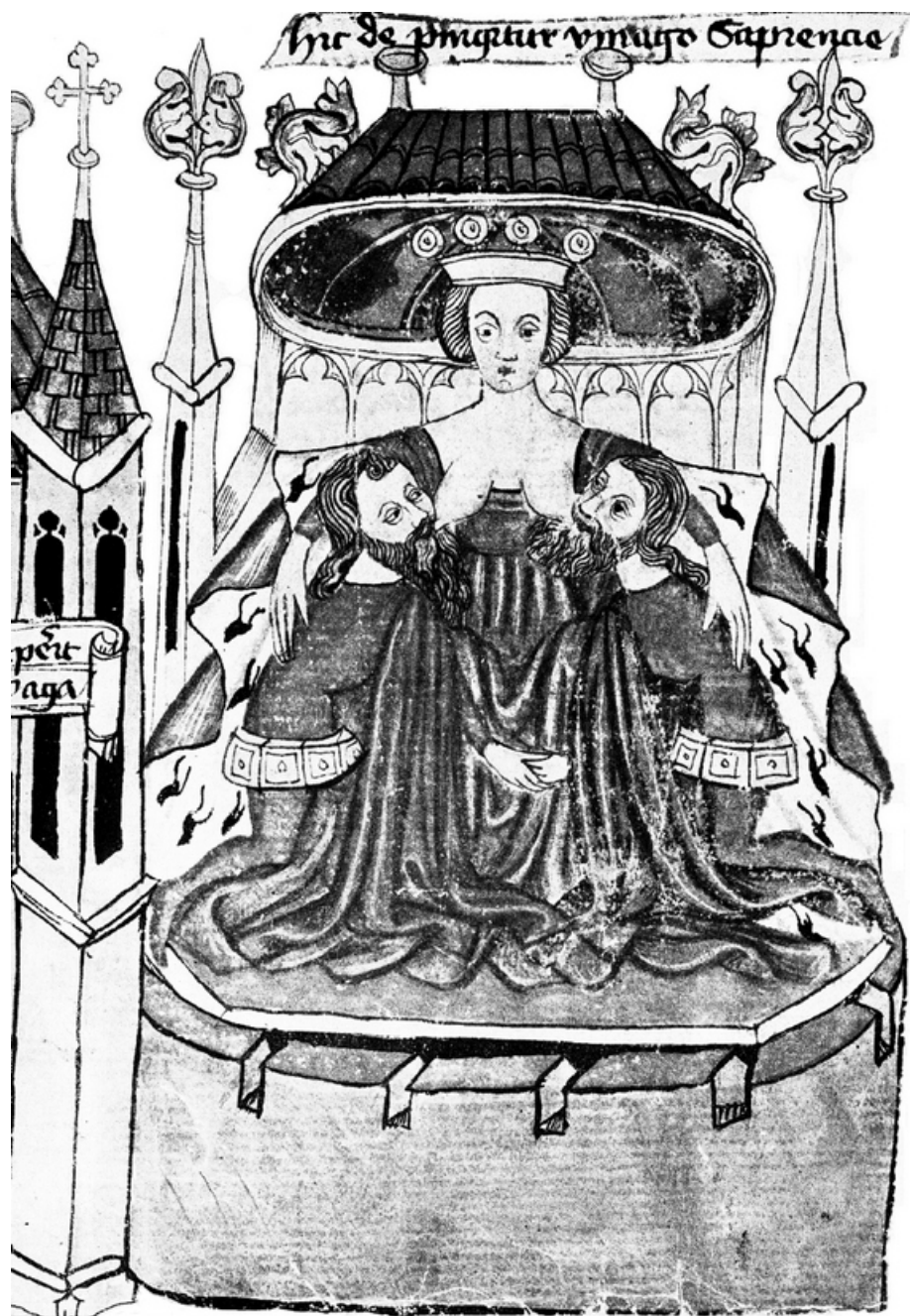
И она шепчет:
Бери ещё,
ведь это дерево
никогда не опустеет.

Если Адам захочет,
Адам насытится
плодами,
что есть у Евы.

Мораль такова,
(именно этой истории)
моралист
должен жить без плодов!

КОНЕЦ

64 Немецкий оригинал написан в рифму: Der Apfelbaum/im Paradeis,/der war ganz anders/wie ich weiß.//Zwei Äpfel sah ich,/rund und fein,/und Eva sagte:/Beiß hinein!//Und ach, sie waren/süß und saftig,/Eva seufzt/auch hörbar kraftig.//Und sie flüstert:/Nimm Dir mehr,/denn dieser Baum/wird nimmer leer.//Wenn Adam will,/wird Adam satt,/von Früchten,/welche Eva hat.//[Рукописное дополнение от Алиши:]/[Die Moral ist,/(der Geschüchte eben)/der Moralist/muss ohne Früchte leben!]



Небольшая реклама издательства



В том же издательстве опубликовано:

АПримерно каждый четвёртый молодой отец неоднократно пил молоко из груди своей жены, показало британское исследование.

В этой книге речь идёт о большем: о парах, которые сделали ежедневное кормление грудью постоянной частью их интимной близости, причём совершенно без инфантильного подтекста: оба сохраняют свои роли взрослых партнёров.

Исследование автора удивляет результатом, что мечта о кормлении грудью, очевидно, присуща необыкновенно большому числу взрослых. Также история культуры предлагает неожиданные открытия — от Древнего Египта через Библию и Деву Марию до тайного учения о

«счастливом браке» около 1904 года.

И книга также отвечает на вполне практические вопросы: кто знает, что каждая женщина в любое время, даже без родов, может получить молоко, и как именно это происходит.

От современности до античности, от биологии до теологии — были найдены удивительные, неизвестные и забытые факты.

Заказ напрямую через

Denkholz Buchmanufaktur
www.denkholz.de

или в обычных книжных магазинах.

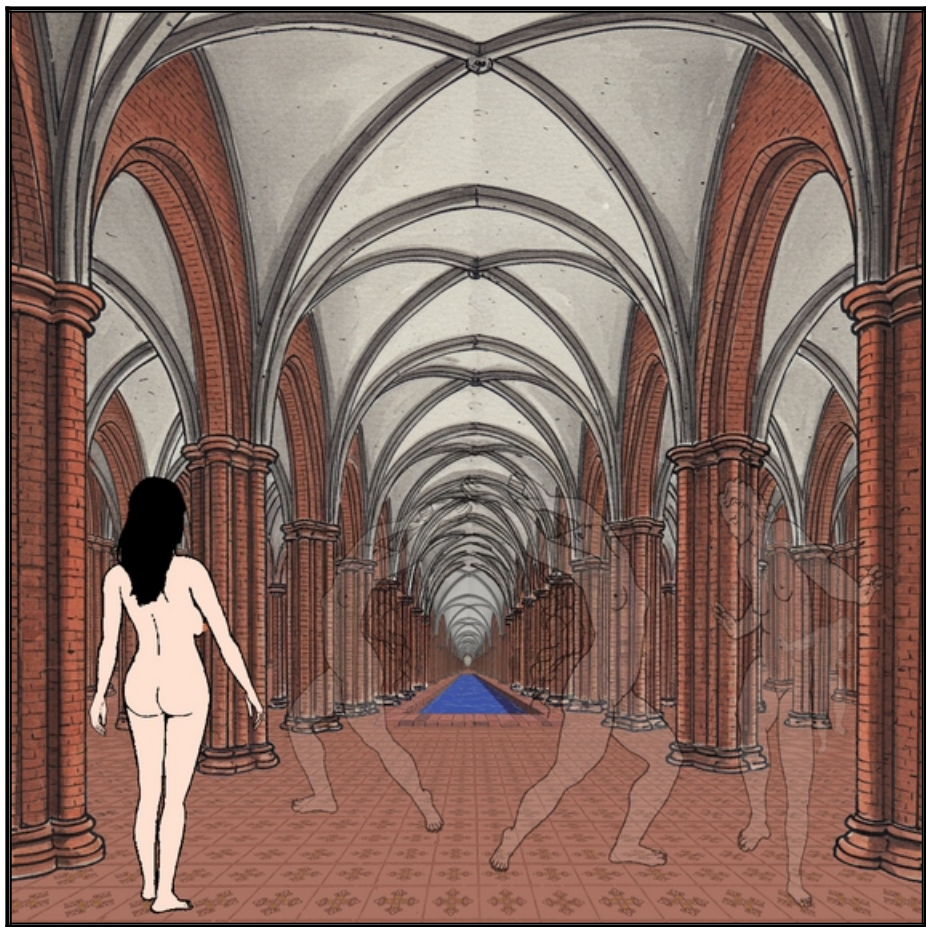
Научное приложение

(Приложение с изображениями)

ВВ процессе ликвидации бывшего Министерства государственной безопасности, как общеизвестно, многие документы были утрачены. Следующие рисунки сохранились, поскольку, по-видимому, один из бывших офицеров Штази присвоил их для личного пользования вместо того, чтобы уничтожить. Этот офицер, несмотря на обширные поиски, к сожалению, до сих пор остается найденным, что особенно прискорбно для исследований, поскольку он был бы единственным доступным источником интерпретации, так как географическое местоположение так называемого *Объекта П* и весь персонал, задействованный в то время, если можно так выразиться, буквально исчезли с лица земли. По указанным причинам можно лишь косвенно заключить из более широкого контекста, что следующие рисунки были созданы так называемыми художниками-ИМ после их возвращения из Перидэис, поскольку фотографические записи, по известным причинам, были невозможны. Это также подтверждается слухами, согласно которым в так называемом *Объекте П* якобы находились одна или несколько художественных мастерских с исключительно хорошим оборудованием. Для интерпретации отдельных рисунков доступны только краткие подписи к изображениям, поэтому требуется крайняя осторожность при их научно-исторической оценке. И наконец, следует учитывать, что, во-первых, коллекция изображений не имеет связи с целостным текстом известной книги *Перидэис*, а во-вторых, нельзя даже быть уверенным, что изображения действительно составляют единую коллекцию. Порядок изображений также следует считать в основном произвольным. Однако можно предположить, что история Тима и Алиши относится к *известным легендам* среди посетителей Перидэис, которая в основном описывает идеальную пару. Это вносит неопределенности в интерпретацию, поскольку здесь нельзя предполагать единого рассказчика, а скорее взаимовлияющие источники и, возможно, слияние нескольких изначально независимых историй. Нельзя исключать, что Министерство государственной безопасности хотело расследовать возможное предательство, но equally возможно, что идеальная пара Тима и Алиши считалась одним из сложных феноменов Перидэис, поскольку, если туда отправляли собственный персонал, следовало ожидать, что их знания и личность вливались в общий мир Перидэис. И не в последнюю очередь, следует учитывать личные мотивы задействованного персонала бывшего Министерства государственной безопасности, поскольку, объективно говоря, весьма примечательно, насколько мало рабочих

результатов в конечном итоге произвел так называемый *Объект П*. Определенно стоит задать вопрос, не была ли разведка Перидэис намеренно саботирована, поскольку тайный вход в *Оперативную зону П*, похоже, был скорее правилом, чем исключением среди персонала, и контроля в этом отношении просто не проводилось — несмотря на то, что вход в *Оперативную зону П* был строго запрещен, и предполагалось, что это развращает персонал, именно поэтому использовались специально контролируемые ИМ. Это одна из неразгаданных загадок. Следовательно, однако, необходимо также задать вопрос, что в отношении Перидэис *не является* загадкой. Последнее слово: я осмелюсь совершить святотатство, назвав так называемого невидимого слона в комнате: *Все эти сотрудники Штази были развращены!* — я не утверждаю, что поддерживаю этот вывод. Я лишь говорю, что этот вопрос присутствует.

Проф. д-р и. к. Р.С., ординарный кандидат д.П. in aet.



омната перехода Алиши



Заброшенная таверна



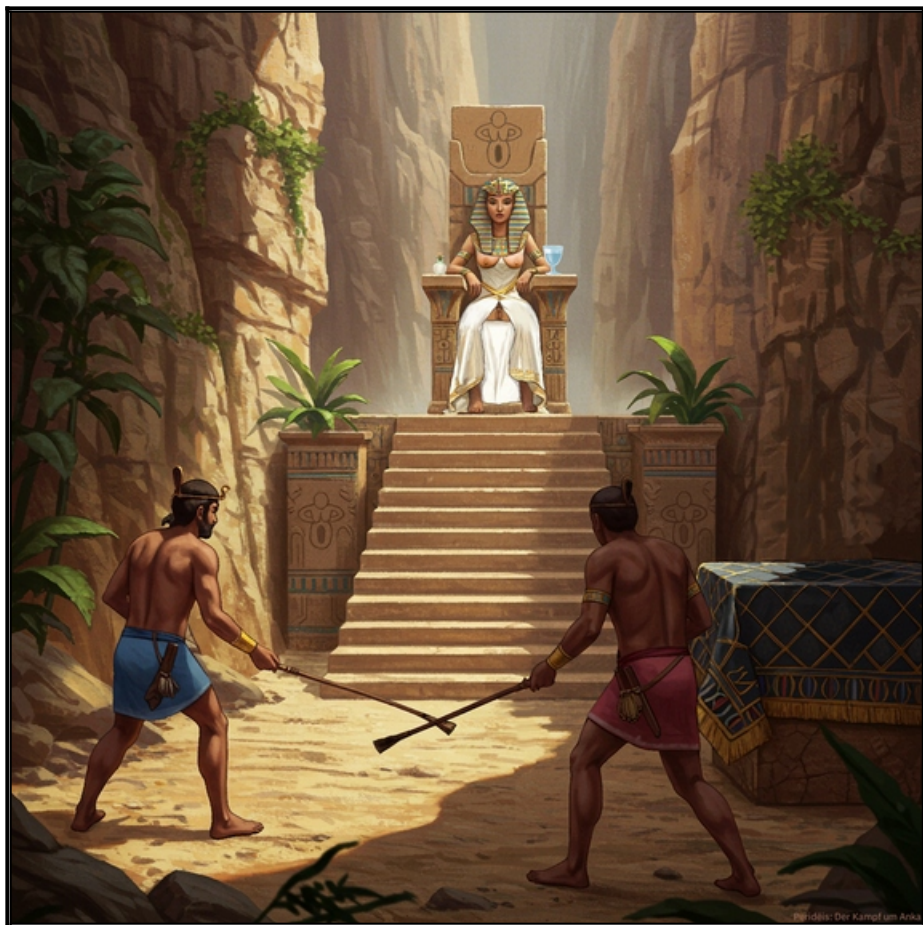
Дорога из лазурного кирпича



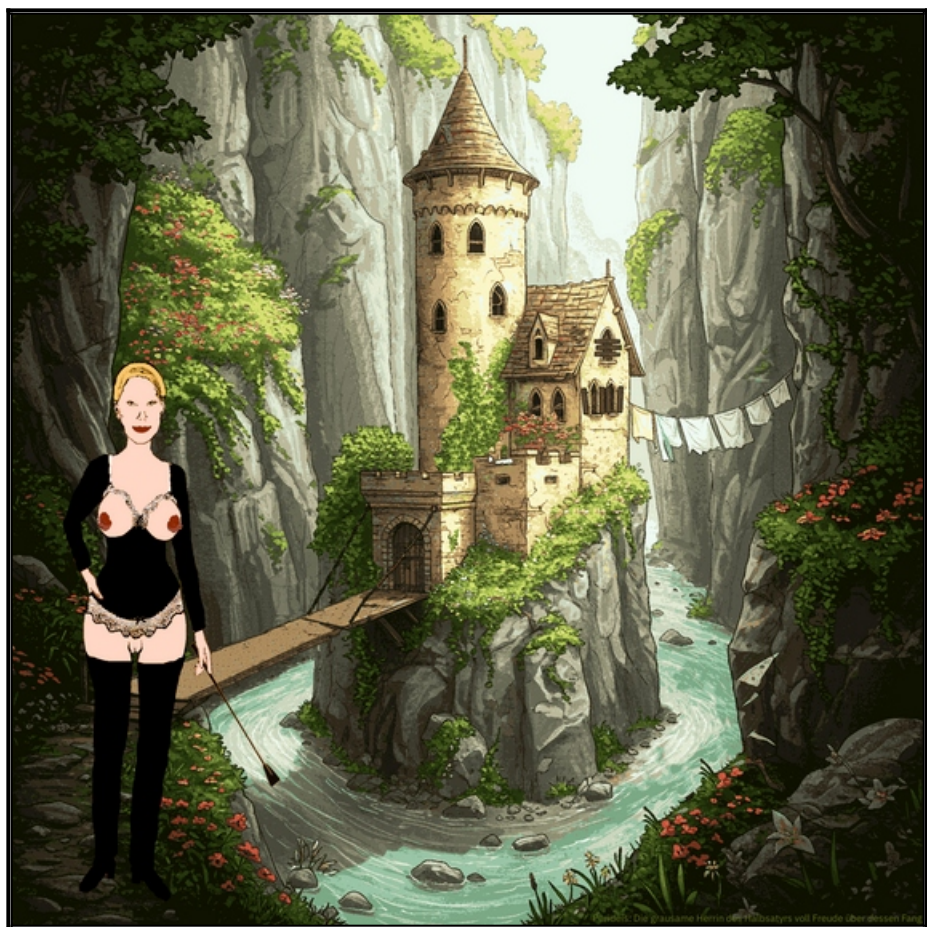
Синие рыбы



Сунамитка



Битва за Анку



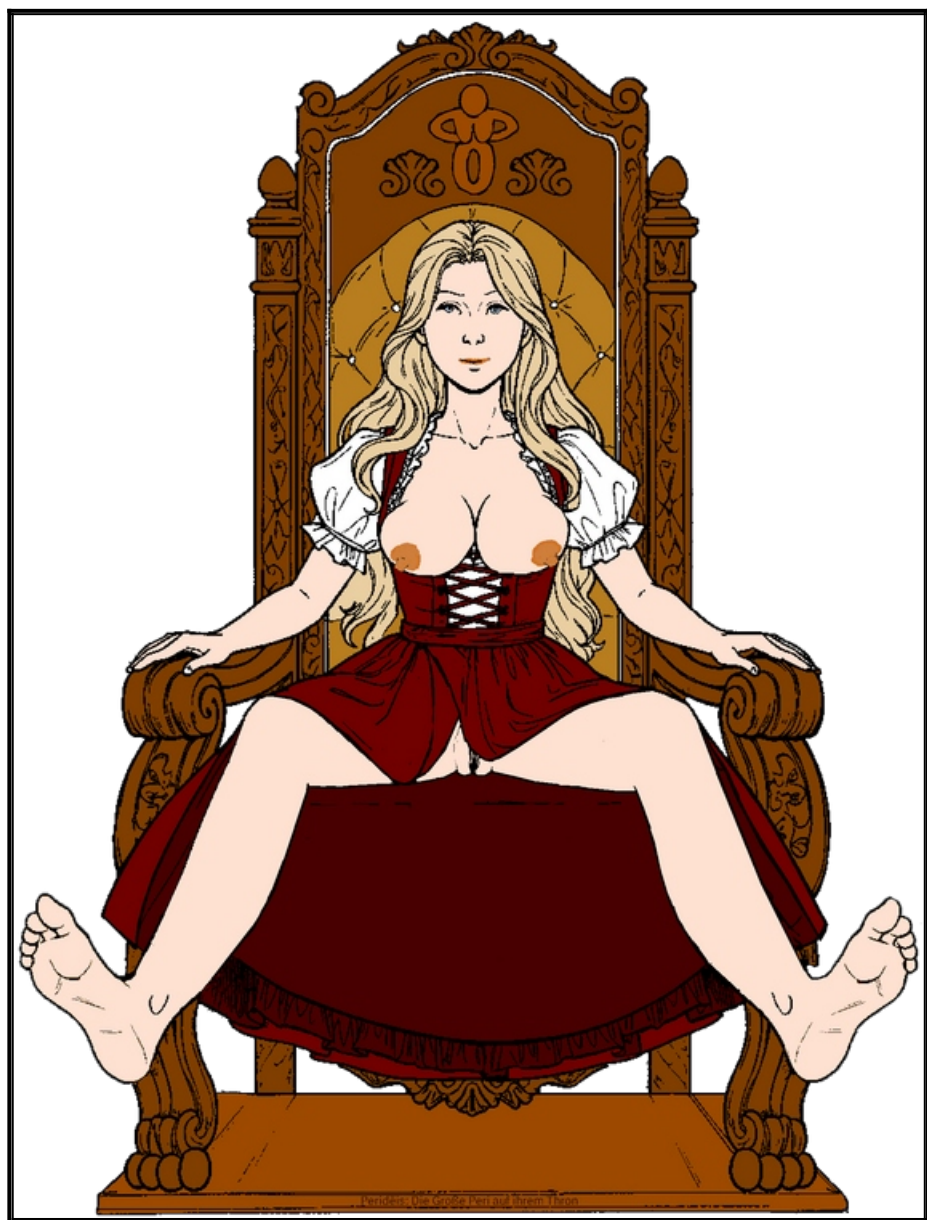
Жестокая госпожа полусатира,
полная радости от его добычи



Тим и Алиша купаются



В городке - Тим пьёт из груди Алиши



Великая Пери на своём троне



Оплата за купленное платье



Die K yserin Livia lie  etliche tausend s ugende Frauen auffangen / und die aus den Br sten ihren Kindern geraubte Mutter-milch in silberne Wa en spritzen / darin sie sich / in Meinung: diese Milch w rde weisser / als Esels-Milch machen / hernach gebadet hat.

„Императрица Ливия повелела собрать несколько тысяч кормящих женщин, и материнское молоко, отобранное у их детей из грудей, было собрано в серебряные ванны, в коих она, полагая, что сие молоко сделает её белее ослиного молока, впоследствии омывалась.“



Заключительная сцена



Кормящая дева



Лео Тальберг: Кормящая дева. Масло на холсте.
По рисунку выше, не современное.

Содержание

Алиша.....	5
Объект П.....	10
Перидэис.....	11
Алиша.....	11
Алиша.....	32
Главное управление государственной безопасности.....	35
Алиша: История начинается.....	41
Институт специальной физики (Объект П).....	47
Алиша: Путешествие в рай.....	52
Полёт и прибытие.....	52
Обследование.....	54
Путешествие в Землю Обетованную.....	64
Зона.....	76
Перидэис.....	89
Прибытие.....	89
Тим рассказывает.....	93
О красивой жизни.....	95
О безопасности.....	96
О сексе.....	97
О молоке.....	100
О теле.....	103
О вечной жизни.....	105
О растяжении времени.....	107
О завершении.....	108
Чудеса Рая.....	111
Заброшенная таверна.....	117
Интершоп.....	127
Дорога из лазурного кирпича.....	141
Институт специальной физики (Объект П).....	144
Разведчики на службе.....	144
Зона.....	149
Перидэис.....	160
Специальные услуги.....	166
Оперативный отчёт.....	179
Капитан Прильвиц докладывает начальнику подразделения.....	182
Начальник подразделения докладывает министру.....	183
Перидэис.....	187
Мерцание.....	187
Городок.....	196

Тим рассказывает свою историю.....	225
Замок Спящей Красавицы.....	233
Ведьмин дом.....	236
Ведьмин прыжок.....	251
Озеро.....	254
Храм Анки.....	256
Битва за Анку.....	276
Разговоры об Анке.....	299
Институт специальной физики (Объект П).....	303
Товарищ Гизела – сотрудница ЦПКК.....	305
Перидеис.....	306
Боевые груди.....	306
Полусатир.....	307
Повозка с пони.....	319
Специальные исследователи.....	327
Товарищка.....	346
Пойман!.....	354
Перекрёсток.....	368
Песчаная дорога.....	372
Дальше по песчаной дороге.....	378
Ещё дальше по песчаной дороге.....	381
Город Красных Роз.....	391
Великая Пери.....	399
Таверна Фрица.....	407
Снова в городе.....	420
Пони мухлюет.....	425
Там-Таверна.....	432
Возвращение.....	443
Снова дома.....	453
Задание.....	468
Готова?.....	468
Объект П.....	469
Снаружи.....	472
Не облажайтесь.....	473
Свобода! — Господин Прильвиц.....	475
Свободен! - Тим.....	476
Стихотворение.....	479
Небольшая реклама издательства.....	481
Научное приложение.....	482